

САМАРСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Основан в 2012 г.

16+

№ 3 (16)

2016

Научный журнал.
Выходит ежеквартально

Учредитель – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Самарский государственный социально-педагогический университет»

Главный редактор

Мочалов Олег Дмитриевич, доктор исторических наук, профессор

Заместитель главного редактора

Аниськин Владимир Николаевич, кандидат педагогических наук, доцент

Редакционная коллегия:

Бездухов Владимир Петрович, член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук, профессор

Богословский Владимир Игоревич, доктор педагогических наук, профессор

Будья Михаил, профессор

Бузыгина Алла Львовна, доктор педагогических наук, профессор

Вершинин Михаил Александрович, доктор педагогических наук, профессор

Выборнов Александр Алексеевич, доктор исторических наук, профессор

Галимова Лилия Надиповна, доктор исторических наук, доцент

Голубев Александр Петрович, доктор биологических наук, доцент

Голубков Владислав Сергеевич, профессор

Гюрова Мария, доктор, профессор

Джордан Питер, профессор

Добудько Татьяна Валерьяновна, доктор педагогических наук, профессор

Зайншев Роберт Махмутович, доктор педагогических наук, профессор

Зайцев Владимир Владимирович, доктор биологических наук, профессор

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор исторических наук, профессор

Молодин Вячеслав Иванович, академик РАН, доктор исторических наук, профессор

Мосин Вадим Сергеевич, доктор исторических наук, профессор

Наперала Марек, доктор наук, профессор Института физической культуры

Напольских Владимир Владимирович, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор

Новикова Любовь Александровна, доктор биологических наук, доцент

Пищонка Хени, доктор, профессор

Пирс Марк, профессор

Позднякова Оксана Константиновна, член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук, профессор

Попов Юрий Михайлович, доктор биологических наук, доцент

Прохорова Наталья Владимировна, доктор биологических наук, профессор

Репинецкий Александр Иванович, доктор исторических наук, профессор

Розенберг Геннадий Самуилович, член-корреспондент РАН, доктор биологических наук, профессор

Рыблова Алла Николаевна, доктор педагогических наук, профессор

Саксонов Сергей Владимирович, доктор биологических наук, профессор

Соловьева Вера Валентиновна, доктор биологических наук, доцент

Ставицкий Владимир Вячеславович, доктор исторических наук, доцент

Черных Евгений Николаевич, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор

Ответственный секретарь

Яицкий Андрей Степанович

Выпускающий редактор

Стройков Сергей Александрович

Входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук.

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 - 54806 от 26.07.2013 г.)

Подготовка оригинал-макета:
Яицкий А.С.

Адрес издателя:
443099, Россия, г. Самара,
ул. Максима Горького, 61/63

**Адрес учредителя,
редколлегии и редакции:**
443099, Россия, г. Самара,
ул. Максима Горького, 65/67
Тел.: (846) 269-64-44
E-mail: snv-sekretar@yandex.ru
Сайт: <http://www.sgspu.ru>

Подписано в печать 26.08.2016.
Выход в свет 01.09.2016.
Формат 60×84 1/8.
Печать оперативная.
Усл. п. л. 27,0.
Тираж 500 экз. Заказ 1-35-16

Типография СГСПУ
443099, Россия, г. Самара,
ул. Максима Горького, 65/67

Свободная цена

СВЕДЕНИЯ О ЧЛЕНАХ РЕДКОЛЛЕГИИ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Мочалов Олег Дмитриевич, доктор исторических наук, профессор, ректор
(Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Российская Федерация).

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Аниськин Владимир Николаевич, кандидат педагогических наук, доцент,
декан факультета математики, физики и информатики
(Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Российская Федерация).

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Бездухов Владимир Петрович, член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук, профессор,
профессор кафедры педагогики и психологии
(Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Российская Федерация).

Богословский Владимир Игоревич, доктор педагогических наук, профессор,
начальник управления подготовки и аттестации кадров высшей квалификации,
профессор кафедры методики информационного и технологического образования
(Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Российская Федерация).

Будья Михаил, профессор, профессор отделения археологии
(Люблянский университет, Любляна, Республика Словения).

Бусыгина Алла Львовна, доктор педагогических наук, профессор, начальник аспирантуры и докторантуры,
заведующий кафедрой педагогики и психологии
(Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Российская Федерация).

Вершинин Михаил Александрович, доктор педагогических наук, профессор,
профессор кафедры теории и методики физического воспитания
(Волгоградская государственная академия физической культуры, Волгоград, Российская Федерация).

Выборнов Александр Алексеевич, доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой отечественной истории и археологии
(Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Российская Федерация).

Галимова Лилия Надиповна, доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры гуманитарных и социальных дисциплин
(Ульяновское высшее авиационное училище гражданской авиации, Ульяновск, Российская Федерация).

Голубев Александр Петрович, доктор биологических наук, доцент,
профессор кафедры биологии человека и экологии
(Международный государственный экологический университет имени А.Д. Сахарова,
Минск, Республика Беларусь).

Голубков Владислав Сергеевич, профессор
(Медицинский научно-исследовательский институт Сэнфорда-Бернема,
Орландо, Флорида, Соединённые Штаты Америки).

Гюрова Мария, доктор, профессор истории отдела доисторической эпохи
(Национальный институт археологии Болгарской академии наук, София, Республика Болгария).

Джордан Питер, профессор, руководитель центра по изучению Арктики
(Университет Гронингена, Гронинген, Нидерланды).

Добудько Татьяна Валерьяновна, доктор педагогических наук, профессор,
заведующий кафедрой информатики, прикладной математики и методики их преподавания
(Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Российская Федерация).

Зайниев Роберт Махмутович, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры математики
(Набережночелнинский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета,
Набережные Челны, Российская Федерация).

Зайцев Владимир Владимирович, доктор биологических наук, профессор,
декан факультета биотехнологии и ветеринарной медицины
(Самарская государственная сельскохозяйственная академия, Самара, Российская Федерация).

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории России
(Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Российская Федерация).

Молодин Вячеслав Иванович, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по научной работе (Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Новосибирск, Российская Федерация).

Мосин Вадим Сергеевич, доктор исторических наук, профессор, директор (Уральский филиал Института истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Российская Федерация).

Наперала Марек, доктор наук, профессор Института физической культуры (Университет Казимира Великого, Быдгощ, Республика Польша).

Напольских Владимир Владимирович, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры культурологии (Удмуртский государственный университет, Ижевск, Российская Федерация).

Новикова Любовь Александровна, доктор биологических наук, доцент, профессор кафедры общей биологии и биохимии (Пензенский государственный университет, Пенза, Российская Федерация).

Пицонка Хени, доктор, профессор, научный сотрудник факультета Евразии (Германский археологический институт, Берлин, Федеративная Республика Германия).

Пирс Марк, профессор, профессор истории Средиземноморья факультета археологии (Ноттингемский университет, Ноттингем, Великобритания).

Позднякова Оксана Константиновна, член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии (Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Российская Федерация).

Попов Юрий Михайлович, доктор биологических наук, доцент, профессор кафедры биологии, экологии и методики обучения (Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Российская Федерация).

Прохорова Наталья Владимировна, доктор биологических наук, профессор, профессор кафедры экологии, ботаники и охраны природы (Самарский государственный аэрокосмический университет имени академика С.П. Королёва, Самара, Российская Федерация).

Репинецкий Александр Иванович, доктор исторических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской работе (Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Российская Федерация).

Розенберг Геннадий Самуилович, член-корреспондент РАН, доктор биологических наук, профессор, директор (Институт экологии Волжского бассейна РАН, Тольятти, Российская Федерация).

Рыблова Алла Николаевна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации (Российский новый университет, Москва, Российская Федерация).

Саксонов Сергей Владимирович, доктор биологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, заведующий лабораторией проблем фиторазнообразия (Институт экологии Волжского бассейна РАН, Тольятти, Российская Федерация).

Соловьева Вера Валентиновна, доктор биологических наук, доцент, профессор кафедры биологии, экологии и методики обучения (Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Российская Федерация).

Ставицкий Владимир Вячеславович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории, историографии и археологии (Пензенский государственный университет, Пенза, Российская Федерация).

Черных Евгений Николаевич, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, заведующий лабораторией естественнонаучных методов (Институт археологии РАН, Москва, Российская Федерация).

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Яицкий Андрей Степанович
(Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Российская Федерация).

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

Стройков Сергей Александрович
(Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Российская Федерация).

СОДЕРЖАНИЕ

03.02.00 – ОБЩАЯ БИОЛОГИЯ

Богданова Я.А. Мохообразные Самарской области	8
Виноградова Е.Н. Морфометрический анализ годичного побега растений <i>Acer negundo</i> L., произрастающих в условиях техногенного загрязнения среды в Донбассе	13
Горлов С.Е. История изучения степной растительности в Средне-Волжском комплексном биосферном резервате	17
Ильина Н.А., Фуфаева Т.В., Казакова Н.А., Касаткина Н.М., Вилкова Е.А. Воздействие химических веществ (формальдегид и толуол) на почвенные микроорганизмы чернозёма выщелоченного	21
Камалова Е.С., Мартынова В.В., Фокина М.Е. Некоторые сведения о распространении енотовидной собаки на территории Самарской области	25
Котельникова М.Г. К оценке биоэкологических особенностей растений тюльпана Биберштейна (<i>Tulipa biebersteiniana</i> Schult. et Schult. fil.) в модельных биотопах Красносамарского лесничества	30
Куришбаев А.К., Звягин Г.А., Ярославцева Н.В., Когут Б.М. Агрогенная трансформация органического вещества чернозёмов Казахстана	35
Никитин Н.А. Структурные особенности локальных флор нарушенных экотопов (на примере флоры железных дорог)	40
Остапко В.М., Шевчук О.М., Приходько С.А. Синтаксономическое разнообразие растительности пастбищных экосистем юго-востока Украины	43
Сидякина Л.В., Васюков В.М., Саксонов С.В. Петрофитно-степные сообщества горы Могутова (Жигулёвская возвышенность)	48
Хамитова С.М., Авдеев Ю.М., Снегилова В.С. Исследование микрофлоры почв в лесных питомниках Вологодской области	53
Шакуров А.И. Флористический компонент речной экосистемы Каралык	56

07.00.00 – ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Юдин А.И., Выборнов А.А., Васильева И.Н., Косинцев П.А., Кулькова М.А., Гослар Т., Филиппсен Б., Барацков А.В. Неолитическая стоянка Алгай в Нижнем Поволжье	61
Ломан В.Г. Результаты технико-технологического анализа керамики стоянки Гренада (Центральный Казахстан)	69
Дуйсенгали М.Н. Вклад Б.Ф. Железничкова в изучение ранних кочевников Южного Приуралья	73
Бейсенов А.З. Дромосные курганы сакской эпохи на реке Жарлы (Центральный Казахстан)	77
Брюхова Н.Г., Батуева Н.С., Лычагина Е.Л. Анализ погребальной керамики Плотниковского могильника (по итогам раскопок 2007–2015 гг.)	87
Беленов Н.В. Булгарские ойконимы у Наджиба Хамадани и Ахмеда ат-Туси и их локализация на территории бывшей Волжской Булгарии	91
Мифтеева Д.М. Эпидемиологическое состояние Российской империи: история изучения в отечественной науке и практике	96
Трояновский К.В. Павловский Сенат и вопрос о податном статусе мелкой шляхты западных губерний на рубеже XVIII–XIX веков	99

Корнеева Ю.В. Исторические трансформации своеобразия городов Самарской губернии во второй половине XIX века.....	107
Любичанковский С.В., Годовова Е.В. Организация станичного самоуправления как основа повседневной казачьей жизни.....	112
Любичанковский С.В. Реализация тюремной реформы 1890-х гг. в Оренбургской губернии	118
Мещеряков А.В. Особенности модернизационного развития Оренбургского казачьего войска в конце XIX – начале XX веков	122
Оспанова А.А. Некоторые аспекты повседневности чиновников в Российской империи в начале XX века (по материалам «Вестника чиновника»).....	128
Храмкова Е.Л., Мокина Н.Н. Местные учреждения связи в 1941–1945 гг.: отечественная историография проблемы.....	131
Захарченко А.В. «Анархия» планирования или саморегулирование советской экономики: МВД и Госплан в межведомственных конфликтах (1940–1950-е гг.)	137
13.00.00 – ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Аниськин В.Н., Рябинова Е.Н. Решение учебно-воспитательных проблем при изучении математики в вузе.....	141
Буковцова Н.И. Трудности формирования орфографических умений и навыков у учащихся средних классов общеобразовательной школы	148
Верещагина Н.И. Проблема воспитания патриотизма в отечественной педагогической мысли.....	154
Горшкова Т.А., Громова Е.М., Беркутова Д.И. Направленность личности и мотивы выбора профессии: точки пересечения.....	159
Ежова О.Н., Улендеева Н.И. Проблема оценки качества подготовки выпускников специализированных вузов	163
Носков С.А. Реализация синергетического подхода в образовании на основе метапроектного метода	167
Плеханова Т.М. Учебно-методическое пособие как средство формирования междисциплинарных связей в процессе подготовки бакалавров	170
Позднякова О.К. Педагогические аспекты духовно-практического освоения действительности в морали.....	174
Попов Д.В. Модель системы формирования у студентов профессиональной экспериментально-исследовательской компетенции.....	179
Рыблова А.Н. Формирование норм профессионального поведения будущих переводчиков на занятии-профисследовании в системе высшего образования.....	183
Салов А.И. Морально-этические принципы как предмет педагогической рефлексии.....	189
Стаценко Е.Р. Развитие творческой активности студентов вуза как педагогическая проблема	194
Султанова Т.А. Прогнозирование рисков и шансов инновационного развития школы: содержательные и методические аспекты	198
Ткач И.В., Минеева О.А. Метод квест как инновационная форма обучения английскому языку детей дошкольного возраста	203
НАШИ АВТОРЫ	207

C O N T E N T

03.02.00 – GENERAL BIOLOGY

Bogdanova Ya.A. Moss flora of Samara Region.....	8
Vinogradova E.N. Morphometric analysis of the annual shoot of the <i>Acer negundo</i> L. plants, growing in conditions of exposure to technogenic pollution of Donbass	13
Gorlov S.E. History study of steppe vegetation in the Middle-Volga Complex Biosphere Reserve	17
Ilyina N.A., Fufaeva T.V., Kazakova N.A., Kasatkina N.M., Vilkovala E.A. The chemicals (formaldehyde and toluene) influence on soil microorganisms of leached chernozem	21
Kamalova E.S., Martynova V.V., Fokina M.E. Some data on raccoon dog's distribution in the Samara Region.....	25
Kotelnikova M.G. The assessment of bio-ecological features of plants <i>Tulipa biebersteiniana</i> Schult. et Schult. fil. in the model forest habitats of the Krasnosamarsky forest.....	30
Kurishbayev A.K., Zvyagin G.A., Yaroslavtseva N.V., Kogut B.M. Kazakhstan black soil organic substance agrogenic transformation	35
Nikitin N.A. Structural features of local floor disturbed ecotops (on the example of the flora of railways)	40
Ostapko V.M., Shevchuk O.M., Prikhodko S.A. Syntaxonomic diversity of pasture ecosystems vegetation in south-east Ukraine	43
Sidyakina L.V., Vasjukov V.M., Saksonov S.V. Petrophytic-steppe communities of the Mogutova Mountain (Zhiguli Hills)	48
Khamitova S.M., Avdeyev Yu.M., Snetilova V.S. Research of microflora of soils in forest nurseries of the Vologda region.....	53
Shakurov A.I. Floristic component of ecosystem of the Karalyk River	56

07.00.00 – HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

Yudin A.I., Vybornov A.A., Vasilieva I.N., Kosintsev P.A., Kulkova M.A., Goslar T., Philippsen B., Baratskov A.V. Neolithic site Algay in Low Povolzhye	61
Loman V.G. The results of the technical-technological analysis of Grenada camp ceramics (Central Kazakhstan).....	69
Duisengali M.N. The contribution of B.F. Zhelezchikov to the study of early nomads of the Southern Urals.....	73
Beisenov A.Z. Dromos kurgans of the saka time on the Zharly River (Central Kazakhstan).....	77
Bryukhova N.G., Batueva N.S., Lychagina E.L. Analysis funerary ceramics of the Plotnikovo burial ground (on the basis of the excavation 2007–2015)	87
Belenov N.V. Najib Hamadani and Ahmed at-Tusi's Bulgarian oikonyms and their location in the former Volga Bulgaria.....	91
Mifteeva D.M. The epidemiological status of the Russian Empire: history of research in domestic science and practice	96
Troianowski C.V. The Senate under Paul I and the issue of fiscal status of petty szlachta in the Russian western provinces at the turn of the 19th century	99

Korneeva Yu.V.	
Historical transformation of cities originality of Samara province in the second half of the XIX century	107
Lyubichankovskiy S.V., Godovova E.V.	
Organization of the Village of Cossack self-government as the basis of everyday life	112
Lyubichankovskiy S.V.	
1890th prison reform implementation in the Orenburg Governorate	118
Meshcheryakov A.V.	
Features of the modernization of the Orenburg Cossack Army in the late XIX – early XX centuries	122
Ospanova A.A.	
Some aspects of the everyday life of officials in the Russian Empire in the beginning of XX century (based on the «Vestnik chinovnika»)	128
Khramkova E.L., Mokina N.N.	
Local communication companies in 1941–1945: domestic historiography	131
Zaharchenko A.V.	
«Anarchy» planning or self-regulation of the soviet economy: Ministry of Internal Affairs and the State Planning Commission in inter-departmental conflicts (1940–1950)	137
13.00.00 – PEDAGOGICAL SCIENCES	
Aniskin V.N., Ryabinova E.N.	
Training and educational problems solving in the study of mathematics at university	141
Bukovtsova N.I.	
Difficulties of developing secondary school students' spelling skills	148
Vereshchagina N.I.	
The problem of patriotic education in Russian pedagogical thought	154
Gorshkova T.A., Gromova E.M., Berkutova D.I.	
Personality orientation and motives of profession choice: points of intersection	159
Yezhova O.N., Ulendeeva N.I.	
The problem of assessing the quality of specialized university graduate training	163
Noskov S.A.	
Implementation of synergetic approach in education based on the meta-project method	167
Plekhanova T.M.	
Training handbook as means of organization of interdisciplinary connections in the process of bachelors training	170
Pozdnyakova O.K.	
Pedagogical aspects of spiritual and practical assimilation of reality to morality	174
Popov D.V.	
System formation model of students' experimental and research competence	179
Ryblova A.N.	
Formation of norms for the future translators professional behavior at the professional research lesson in the higher education system	183
Salov A.I.	
Moral and ethical principles as an object of pedagogical reflection	189
Statsenko E.R.	
University students' creative activity development as a pedagogical problem	194
Sultanova T.A.	
Risks and chances prediction of school innovative development: substantive and methodological aspects	198
Tkach I.V., Mineeva O.A.	
Quest as an innovative method of teaching English to preschoolers	203
OUR AUTHORS	207

03.02.00 – ОБЩАЯ БИОЛОГИЯ

УДК 582.32

МОХООБРАЗНЫЕ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2016

Я.А. Богданова, аспирант кафедры экологии, ботаники и охраны природы

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва, Самара (Россия)

Аннотация. Мохообразные – это одна из немногочисленных, но очень древних и своеобразных групп высших растений. Ввиду малых размеров мохообразных их изучение долгое время отставало от изучения сосудистых растений. Согласно доступной нам литературе первые сведения о мхах Самарской области были получены лишь в начале XX века. По имеющимся литературным данным было посчитано общее количество мохообразных Самарской области и выявлено, что в области произрастает не менее 192 видов мохообразных из 98 родов, 47 семейств и 17 порядков, относящихся к 5 классам (Haplomitriopsida, Jungermanniopsida, Sphagnopsida, Polytrichopsida, Bryopsida). На основе полученных данных доминирующим классом по числу порядков, семейств, родов и видов является Bryopsida (10 порядков, 37 семейств, 84 рода и 149 видов). Среди порядков наиболее широко представлен Hurniales (17 семейств, 49 родов, 75 видов). Из 47 семейств по числу видов лидирует Sphagnaceae (19 видов, но 1 род *Sphagnum*), по числу родов – Amblystegiaceae (10 родов, 13 видов). Наиболее крупные рода: *Sphagnum* – 19 видов, *Brachythecium* (7 видов), *Bryum* и *Plagiomnium* (по 6 видов).

Ключевые слова: мохообразные; Среднее Поволжье; лесостепь; степь; печёночники; листостебельные мхи; Marchantiophyta; Bryophyta; Haplomitriopsida; Jungermanniopsida; Sphagnopsida; Polytrichopsida; Bryopsida.

Первые сведения о мхах Самарской области содержатся в работе А.П. Пономарёва 1913 г. [1]. Затем мохообразные изучали Н.С. Щербиновский [2], А.М. Семёнова-Тян-Шанская [3], А.Н. Мордвинов [1], С.Ю. Попов [4], М.С. Игнатов, Е.А. Игнатова [5–7], Д.С. Константинова [8], Н.В. Конев, В.И. Матвеев, С.А. Сенатор, [9; 10], С.В. Саксонов, В.В. Соловьёва [9; 10; 11], Н.И. Симонова, А.Е. Митрошенкова [11], Д.С. Киселёва и А.В. Иванова [12], Е.А. Боровичев [13] и Е.С. Корчиков [13–16]. Также данные о мохообразных Самарской области содержатся в работах Т.И. Плаксиной [17], Н.В. Прохоровой [16; 18], Т.А. Корчиковой [15; 16].

Выше названные исследователи изучали территорию Жигулёвского государственного заповедника им. И.И. Спрыгина, Самарскую Луку, окрестности г. Самары, территорию памятников природы (Новоусмановская сероводородная вода, Красноармейский сосняк, Муранский бор, Рачейский бор, Грызлы – опустыненная степь), а также Таловское водохранилище и старицы поймы р. Большой Кинель. С 2010 года мы планомерно изучаем бриофлору Красносамарского лесного массива [19].

Уникальность Самарской области заключается в её расположении в двух природных зонах (лесостепи и степи), где представлено большое разнообразие растительных сообществ с характерными видами мохообразных. С другой стороны, здесь имеются выходы пермских и каменноугольных известняков, где возможно обитание реликтовых видов.

До настоящего момента данные о мохообразных Самарской области были разрознены. Мы поставили своей задачей обобщить сведения из литературы о бриофлоре области и представить список. Ниже приводится обобщённый список известных в настоящее время видов мохообразных Самарской области. Номенклатура таксонов используется согласно сводке

Check-list of mosses of East Europe and North Asia [20], а также «Печёночники и антоцеротовые России» [21].

MARCHANTIOPHYTA Stotler et Crand.-Stotler

HAPLOMITRIOPSIDA Stotler et Crand.-Stotler

MARCHANTIIDAE Engl.

MARCHANTIALES Limpr.

Marchantiineae Engl.

Marchantiaceae Lindl.

Marchantia L.

1. *Marchantia polymorpha* L. [1; 2; 3; 8; 17; 18].

Pressia Corda

2. *Pressia quadrata* (Scop.) Nees. [18].

Aytoniaceae Cavers

Mannia Opiz

3. *Mannia fragrans* (Bald.) Frye et Clark [1; 8].

Conocephalaceae Müll. Frib. ex Grolle

Conocephalum Hill

4. *Conocephalum conicum* (L.) Underw. [1; 8].

5. *Conocephalum salebrosum* Szweyck., Buczk. et Odryzky [13].

Ricciaceae Rchb.

Riccia L.

6. *Riccia crinita* Taylor [13].

7. *Riccia fluitans* L. [1; 8; 9; 10].

8. *Riccia frostii* Aust. [10; 14].

9. *Riccia huebeneriana* Lindb. [13].

10. *Riccia sorocarpa* Bisch. [13].

Ricciocarpos Corda

11. *Ricciocarpos natans* (L.) Corda [10].

JUNGERMANNIOPSIDA Stotler et Crand.-Stotler

PELLIDAE He-Nygrén, Justén, Ahonen, Glenny

et Piippo

PELLIALES He-Nygrén, Justén, Ahonen, Glenny

et Piippo

Pelliaceae H. Klinggr.

Pellia Raddi

12. *Pellia endiviifolia* (Dicks.) Dumort [1; 8].

- JUNGERMANNIDAE Engl.
PTILIDIALES Shljakov
Ptilidiaceae Klinggr.
Ptilidium Nees
13. *Ptilidium pulcherrimum* (Web.) Hampe. [1; 8; 19].
- JUNGERMANNIALES H. Klinggr.
LOPHOCOLIENEAE Schliakov
Lophocoliенеae Vunden Bergen
Chiloscyphus Corda
14. *Chiloscyphus minor* (Nees) J.J. Engel et R.M. Schust. [1; 8].
15. *Chiloscyphus profundus* (Nees) J.J. Engel et R.M. Schust. [1; 8].
16. *Chiloscyphus pallescens* (Hoffm.) Dumort [1; 8].
- JUNGERMANNINEAE R. M. Schust.
Jungermanniaceae Rchb.
Mesoptychia (Lindb.) A. Evans
17. *Mesoptychia badensis* (Gottsche ex Rabenh.) L. Söderstr. et Váňa [13].
- PORELLALES Shljakov
RADULINEAE R. M. Schust.
Radulaceae R. M. Schust.
Radula Dumort
18. *Radula complanata* (L.) Dumort [1; 8].
- BRYOPHYTA** Schimp.
POLYTRICHOPSISIDA Ochyra, Żarnowiec & Bednarek-Ochyra
POLYTRICHIALES M.Fleisch.
Polytrichaceae Schwägr.
Atrichum P.Beauv.
19. *Atrichum undulatum* (Hedw.) P.Beauv. [1; 5; 7; 12].
Polytrichastrum G.L.Sm.
20. *Polytrichastrum longisetum* (Sw. ex. Brid.) G. L. Smith [5].
Polytrichum Hedw.
21. *Polytrichum commune* Hedw. [5; 12; 17].
22. *Polytrichum juniperinum* Hedw. [1; 3; 7; 12; 19].
23. *Polytrichum piliferum* Hedw. [1; 5; 7; 12].
24. *Polytrichum strictum* Brid. [1; 5; 7; 12].
- SPHAGNOPSISIDA** Schimp.
SPHAGNALES C. Martius
Sphagnaceae Martynov
Sphagnum L.
25. *Sphagnum obtusum* Warnst. [5].
26. *Sphagnum angustifolium* (Russ.) C. Jens. [4].
27. *Sphagnum capillifolium* (Ehrh.) Hedw. [1; 7].
28. *Sphagnum centrale* C.Jens. [1; 4; 5; 7].
29. *Sphagnum compactum* DC. [10; 11].
30. *Sphagnum contortum* K. F. Schultz [5].
31. *Sphagnum cuspidatum* Ehrh. et Hoffm. [1; 4; 5].
32. *Sphagnum fallax* (Klinggr.) Klinggr. [1; 4; 5].
33. *Sphagnum fimbriatum* Wils. [1; 4].
34. *Sphagnum fuscum* (Schimp.) Klinggr. [5].
35. *Sphagnum girgensohnii* Russ. [4; 5; 10; 11].
36. *Sphagnum magellanicum* Brid. [4].
37. *Sphagnum palustre* L. [4; 7].
38. *Sphagnum papillosum* Lindb. [4].
39. *Sphagnum platyphyllum* (Lindb. ex Braithw.) Warnst. [5].
40. *Sphagnum riparium* Aongstr. [1; 4; 5; 9; 10; 11].
41. *Sphagnum squarrosum* Crome [1; 4; 5; 10; 11].
42. *Sphagnum subsecundum* Nees [4; 7].
43. *Sphagnum teres* (Schimp.) Aongstr. [4; 7].
- BRYOPSISIDA** Horan.
TIMMIALES (M.Fleisch.) Ochyra
Timmiaceae Schimp.
Timmia Hedw.
44. *Timmia bavarica* Hessel. [1; 3; 7].
- FUNARIALES M.Fleisch.
Funariaceae Schwägr.
Funaria Hedw.
45. *Funaria hygrometrica* Hedw. [1; 5; 7; 18].
46. *Funaria muehlenbergii* Turn. [1; 7].
Physcomitrella Bruch et al.
47. *Physcomitrella patens* (Hedw.) B. S. G. [5].
- ENCALYPTALES Dixon
Encalyptaceae Schimp.
Encalypta Hedw.
48. *Encalypta spathulata* Muel.Hal. [1; 7; 18].
49. *Encalypta streptocarpa* Hedw. [1; 3; 7].
50. *Encalypta vulgaris* Hedw. [1; 7].
- GRIMMIALES M.Fleisch.
Grimmiaceae Arn.
Grimmia Hedw.
51. *Grimmia anodon* B.S.G. [1; 7].
Schistidium Bruch et al.
52. *Schistidium apocarpum* (Hedw.) B.S.G. [1; 3; 5; 7].
- Seligeriaceae** Schimp.
Seligeria Bruch et al.
53. *Seligeria campylopoda* Kindb. [1; 7].
- DICRANALES H.Philib. ex M.Fleisch.
Leucobryaceae Schimp.
Dicranodontium Bruch et al.
54. *Dicranodontium pellucidum* (Hedw.) Schimp. [1; 7].
- Dicranaceae** Schimp.
Dicranella (Müll.Hal.) Schimp.
55. *Dicranella crispa* (Hedw.) Schimp. [1; 7].
56. *Dicranella heteromalla* (Hedw.) Schimp. [1; 7].
57. *Dicranella varia* (Hedw.) Schimp. [1; 7].
Dicranum Hedw.
58. *Dicranum montanum* Hedw. [1; 7].
59. *Dicranum polysetum* Sw. [1; 3; 5; 7; 19].
60. *Dicranum scoparium* Hedw. [1; 5; 7; 12].
61. *Dicranum viride* (Sull. et Lesq.) Lindb. [5].
Paraleucobryum (Limpr.) Loeske
62. *Paraleucobryum longifolium* (Ehrh. ex Hedw.) Loeske [11, 16].
- Ditrichaceae** Limpr.
Ceratodon Brid.
63. *Ceratodon purpureus* (Hedw.) Brid. [1; 3; 5; 7].
Distichium Bruch et al.
64. *Distichium capillaceum* (Hedw.) B.S.G. [1; 7].
Ditrichum Timm ex Hampe
65. *Ditrichum cylindricum* (Hedw.) Grout [5].
66. *Ditrichum flexicaule* (Schwaegr.) Hampe [1; 7].
- Pottiaceae** Schimp.
Barbula Hedw.
67. *Barbula unguiculata* Hedw. [1; 5; 7].
Bryoerythrophyllum P.C.Chen
68. *Bryoerythrophyllum recurvirostrum* (Hedw.) P.C. Chen [1; 3; 7].
Didymodon Hedw.
69. *Didymodon acutus* (Brid.) Saito [1; 7].
70. *Didymodon fallax* (Hedw.) R.H.Zander [1; 7].
71. *Didymodon ferrugineus* (Schimp. ex Besch.) [1; 7].
72. *Didymodon rigidulus* Hedw. [1; 7].

- Pterygoneurum* Jur.
73. *Pterygoneurum ovatum* (Hedw.) Dix. [1; 7].
Syntrichia Brid.
74. *Syntrichia caninervis* Mitt. [1; 7].
75. *Syntrichia ruralis* (Hedw.) F. Weber et D. Mohr [1; 2; 3; 5; 7; 19].
Tortella (Müll. Hal.) Limpr.
76. *Tortella acaulon* (Hedw.) R.H. Zander [1; 7].
77. *Tortella fragilis* (Hook. et Wils.) Limpr. [1; 3; 7].
78. *Tortella tortuosa* (Hedw.) Limpr. [1; 7].
Tortula Hedw.
79. *Tortula mucronifolia* Schwaegr. [1; 7].
80. *Tortula muralis* Hedw. [1; 5; 7].
81. *Tortula obtusifolia* (Schwaegr.) Mathieu [1; 7].
82. *Tortula truncata* (Hedw.) R.H. Zander [1; 5; 7].
Trichostomum Bruch
83. *Trichostomum crispulum* Bruch [19].
Fissidentaceae Schimp.
Fissidens Hedw.
84. *Fissidens bryoides* Hedw. [1; 5; 7].
85. *Fissidens taxifolius* Hedw. [1; 7].
Schistostegaceae Schimp.
Schistostega D. Mohr
86. *Schistostega pennata* (Hedw.) Web. et Mochr. [5].
SPLACHNALES (M. Fleisch.) Ochyra
Meesiaceae Schimp.
Leptobryum (Bruch et al.) Wilson
87. *Leptobryum pyriforme* (Hedw.) Wils. [1; 7].
ORTHOTRICHALES Dixon
Orthotrichaceae Arn.
Orthotrichum Hedw.
88. *Orthotrichum anomalum* Hedw. [1; 7].
89. *Orthotrichum obtusifolium* Brid. [1; 5; 7; 19].
90. *Orthotrichum pumilum* Sw. [1; 7].
91. *Orthotrichum speciosum* Nees [1; 3; 5; 7].
HEDWIGIALES Ochyra
Hedwigiaceae Schimp.
Hedwigia P. Beauv.
92. *Hedwigia ciliata* (Hedw.) P. Beauv. [10; 11].
BRYALES Limpr.
Bryaceae Schwägr.
Bryum Hedw.
93. *Bryum argenteum* Hedw. [1; 7].
94. *Bryum caespiticium* Hedw. [1; 3; 7; 12; 18].
95. *Bryum capillare* Hedw. [1; 7; 18].
96. *Bryum creberrimum* Tayl. [1; 7].
97. *Bryum elegans* Nees ex Brid [5].
98. *Bryum pallescens* Schleich. et Schwaegr. [1; 7].
Rhodobryum (Schimp.) Limpr.
99. *Rhodobryum roseum* (Hedw.) Limpr. [1; 3; 7].
Mielichhoferiaceae Schimp.
Pohlia Hedw.
100. *Pohlia annotina* (Hedw.) Lindb. [5].
101. *Pohlia cruda* (Hedw.) Lindb. [1; 7].
102. *Pohlia lescuriana* (Sull.) Grout [5].
103. *Pohlia nutans* (Hedw.) Lindb. [1; 7].
104. *Pohlia wahlenbergii* (Web. et Mochr) Andrews in Grout [5].
Mniaceae Schwägr.
Mnium Hedw.
105. *Mnium marginatum* (Dicks.) P. Beauv. [1; 7].
106. *Mnium stellare* Hedw. [1; 7].
Plagiomnium T.J. Kop.
107. *Plagiomnium affine* (Bland.) T. Kop. [5].
108. *Plagiomnium cuspidatum* (Hedw.) T.J. Kop. [1; 2; 5; 7; 12; 19].
109. *Plagiomnium ellipticum* (Brid.) T.J. Kop. [1; 7; 12; 18].
110. *Plagiomnium medium* (B.S.G.) T.J. Kop. [1; 7].
111. *Plagiomnium rostratum* (Schrad.) T.J. Kop. [1; 7].
112. *Plagiomnium undulatum* (Hedw.) T. Kop. [5].
Pseudobryum (Kindb.) T.J. Kop.
113. *Pseudobryum cinclidoides* (Hueb.) T. Kop. [5; 12].
Rhizomnium (Broth.) T.J. Kop.
114. *Rhizomnium punctatum* (Hedw.) T.J. Kop. [1; 7; 12].
Bartramiaceae Schwägr.
Bartramia Hedw.
115. *Bartramia halleriana* Hedw. [18].
116. *Bartramia pomiformis* Hedw. [18].
Aulacomniaceae Schimp.
Aulacomnium Schwägr.
117. *Aulacomnium palustre* (Hedw.) Schwaegr. [1; 5; 7].
HYPNALES Dumort.
Fontinalaceae Schimp.
Fontinalis Hedw.
118. *Fontinalis antipyretica* Hedw. [6; 10; 11].
Plagiotheciaceae (Broth.) M. Fleisch.
Herzogiella Broth.
119. *Herzogiella seligeri* (Brid.) Iwats., J. Hattori [6].
Plagiothecium Bruch et al.
120. *Plagiothecium cavifolium* (Brid.) Iwats., J. Hattori [6].
121. *Plagiothecium curvifolium* Schlieph. ex Limpr., Laubm. [6].
122. *Plagiothecium denticulatum* (Hedw.) B.S.G. [1; 6; 7].
123. *Plagiothecium laetum* B.S.G. [1; 6; 7].
124. *Plagiothecium succulentum* (Wilson) Lindb. [1; 7].
Leucodontaceae Schimp.
Leucodon Schwägr.
125. *Leucodon sciuroides* (Hedw.) Schwaegr. [1; 3; 6; 7; 9; 10; 11].
Hypnaceae Martynov
Hypnum Hedw.
126. *Hypnum cupressiforme* Hedw. [1; 3; 6; 7; 15; 16].
127. *Hypnum vaucheri* Lesq. [1; 7].
Pylaisiadelphaceae Goffinet & W.R. Buck
Platygyrium Bruch et al.
128. *Platygyrium repens* (Brid.) B.S.G. [1; 3; 6; 7; 15; 16; 19].
Anomodontaceae Kindb.
Anomodon Hook. & Taylor
129. *Anomodon attenuates* (Hedw.) Huebener [1; 7; 9; 10; 11].
130. *Anomodon longifolius* (Brid.) Hartm. [1; 6; 7; 9; 10; 11].
131. *Anomodon viticulosus* (Hedw.) Hook. et Tayl. [1; 2; 3; 7].
Neckeraceae Schimp.
Homalia Brid.
132. *Homalia trichomanoides* (Hedw.) B.S.G. [1; 6; 7].
Neckera Hedw.
133. *Neckera pennata* Hedw. [1; 3; 6; 7; 9; 10; 11].
Climaciaceae Kindb.
Climacium F. Weber & D. Mohr
134. *Climacium dendroides* (Hedw.) F. Weber et D. Mohr [1; 3; 6; 7; 12].

- Hylocomiaceae** (Broth.) M.Fleisch.
Hylocomiastrum Broth.
135. *Hylocomiastrum pyrenaicum* (Spruce) M.Fleisch. [1; 3; 7].
136. *Hylocomiastrum umbratum* (Hedw.) Fleisch. in Broth. [6].
Hylocomium Bruch et al.
137. *Hylocomium splendens* (Hedw.) B.S.G. [1; 3; 6; 7; 10; 11].
Pleurozium Mitt.
138. *Pleurozium schreberi* (Brid.) Mitt. [1; 3; 6; 19].
Rhytidiadelphus (Limpr.) Warnst.
139. *Rhytidiadelphus squarrosus* (Hedw.) Warnst. [6].
140. *Rhytidiadelphus subpinnatus* (Lindb.) T.J. Kop. [6].
141. *Rhytidiadelphus triquetrus* (Hedw.) Warnst. [1; 3; 6; 7; 10; 11; 12].
- Brachytheciaceae** Schimp.
Brachytheciastrum Ignatov & Huttunen
142. *Brachytheciastrum velutinum* (Hedw.) Ignatov et Huttunen [1; 6; 7].
Brachythecium Bruch et al.
143. *Brachythecium albicans* (Hedw.) B.S.G. [1; 6; 7].
144. *Brachythecium campestre* (Muell.Hal.) B.S.G. [1; 7; 18].
145. *Brachythecium glareosum* (Spruce) B.S.G. [1; 7].
146. *Brachythecium mildeanum* (Schimp.) Schimp. [1; 7].
147. *Brachythecium rivulare* B.S.G. [1; 6; 7; 12].
148. *Brachythecium rutabulum* (Hedw.) B. S. G. [6].
149. *Brachythecium salebrosum* (F. Weber et D. Mohr) B.S.G. [1; 6; 7; 19].
Cirriphyllum Grout
150. *Cirriphyllum piliferum* (Hedw.) Grout, Bull. Torrey [6].
Eurhynchiastrum Ignatov & Huttunen
151. *Eurhynchiastrum pulchellum* (Hedw.) Ignatov et Huttunen [1; 6; 7].
Eurhynchium Bruch et al.
152. *Eurhynchium angustirete* (Broth.) T. Kop. [6].
Homalothecium Bruch et al.
153. *Homalothecium sericeum* (Hedw.) B.S.G [1; 2; 7].
Oxyrrhynchium (Schimp.) Warnst.
154. *Oxyrrhynchium hians* (Hedw.) Loeske [6; 7].
Rhynchostegium Bruch et al.
155. *Rhynchostegium riparioides* (Hedw.) Cardot [12].
Sciuro-hypnum (Hampe) Hampe
156. *Sciuro-hypnum oedipodium* (Mitt.) Ignatov et Huttunen [1; 6; 7].
157. *Sciuro-hypnum populeum* (Hedw.) Ignatov et Huttunen [1; 6; 7].
158. *Sciuro-hypnum reflexum* (Starke) Ignatov et Huttunen [1; 3; 6; 7].
159. *Sciuro-hypnum starkei* (Brid.) Ignatov et Huttunen [1; 6; 7].
- Calliergonaceae** (Kanda) Vanderp., Hedenäs, C.J.Cox & A.J.Shaw
Calliergon (Sull.) Kindb.
160. *Calliergon cordifolium* (Hedw.) Kindb. [6; 7].
Warnstorfia Loeske
161. *Warnstorfia fluitans* (Hedw.) Loeske [6].
- Scorpidiaceae** Ignatov & Ignatova
Hamatocaulis Hedenäs
162. *Hamatocaulis vernicosus* (Mitt.) Hedenäs [6; 19].
- Sanionia* Loeske
163. *Sanionia uncinata* (Hedw.) Loeske [1; 6; 7; 18].
- Pylaisiaceae** Schimp.
Callicladium H.A.Crum
164. *Callicladium haldanianum* (Grev.) H.A.Crum [1; 3; 6; 7].
Calliergonella Loeske
165. *Calliergonella cuspidata* (Hedw.) Loeske [1; 6; 7].
166. *Calliergonella lindbergii* (Mitt.) Hedenäs [1; 7].
Homomallium (Schimp.) Loeske
167. *Homomallium incurvatum* (Brid.) Loeske [1; 7].
Ptilium De Not.
168. *Ptilium crista-castrensis* (Hedw.) De Not. [1; 6; 7; 10; 11].
Pylaisia Bruch et al.
169. *Pylaisia polyantha* (Hedw.) Schimp. [1; 3; 6; 7; 19].
Stereodon (Brid.) Mitt.
170. *Stereodon pallescens* (Hedw.) Mitt. [1; 3; 6; 7].
- Pseudoleskeaceae** Ignatov & Ignatova
Pseudoleskeella Kindb.
171. *Pseudoleskeella catenulate* (Brid. et Schrad.) Kindb. [1; 3; 7].
172. *Pseudoleskeella nervosa* (Brid.) Nyh. [1; 6; 7; 15; 16; 19].
173. *Pseudoleskeella tectorum* (Funck ex Brid.) Kindb. [1; 7].
- Leskeaceae** Schimp.
Leskea Hedw.
174. *Leskea polycarpa* Hedw. [1; 3; 6].
- Thuidiaceae** Schimp.
Abietinella Müll.Hal.
175. *Abietinella abietina* (Hedw.) M. Fleisch. [1; 2; 3; 6; 7; 15].
Haplocladium (Müll.Hal.) Müll.Hal.
176. *Haplocladium angustifolium* (Hampe et Muell.Hal.) Broth. [7].
Helodium Warnst.
177. *Helodium blandowii* (F.Weber et D.Mohr.) Warnst. [1; 6; 7].
Thuidium Bruch et al.
178. *Thuidium philibertii* Limpr. [6].
179. *Thuidium recognitum* (Hedw.) Lindb. [1; 6; 7].
- Amblystegiaceae** G.Roth
Amblystegium Bruch et al.
180. *Amblystegium serpens* (Hedw.) B.S.G. [1; 3; 6; 7; 19].
181. *Amblystegium varium* (Hedw.) Lindb. [1; 3; 6; 7].
Campyliadelphus (Kindb.) R.S.Chopra
182. *Campyliadelphus chrysophyllus* (Brid.) R.S.Chopra [1; 6; 7].
Campylidium (Kindb.) Ochyra
183. *Campylidium sommerfeltii* (Myr.) Ochyra [1; 7].
Campylium (Sull.) Mitt.
184. *Campylium stellatum* (Hedw.) C.Jens. [1; 6; 7].
Cratoneuron (Sull.) Spruce
185. *Cratoneuron filicinum* (Hedw.) Spruce [1; 3; 6; 7; 12].
Drepanocladus (Müll.Hal.) G.Roth
186. *Drepanocladus aduncus* (Hedw.) Warnst. [1; 3; 6; 7].
187. *Drepanocladus polygamus* (B.S.G.) Hedenäs [1; 7; 19].
Hygrohypnum Lindb.
188. *Hydrohypnum luridum* (Hedw.) Jenn. [1; 7].

- Leptodictyum* (Schimp.) Warnst.
189. *Leptodictyum humile* (P.Beauv.) Ochyra [6; 7].
190. *Leptodictyum riparium* (Hedw.) Warnst. [6; 7].
Palustriella Ochyra
191. *Palustriella commutate* (Hedw.) Ochyra [7].
Serpoleskea (Limpr.) Loeske
192. *Serpoleskea subtilis* (Hedw.) Loeske [1; 3; 6; 7].

Таким образом, по имеющимся в литературе данным в настоящее время в Самарской области достоверно известно произрастание 192 вида мохообразных из 98 родов, 47 семейств и 17 порядков, относящихся к 5 классам (Haplomitriopsida, Jungermannopsida, Polytrichopsida, Sphagnopsida и Bryopsida).

Среди пяти классов по числу порядков, семейств, родов и видов преобладает класс Bryopsida (10 порядков, 37 семейств, 84 рода и 149 видов). Из 17 порядков бриофлоры Самарской области преобладают Hurnales (17 семейств, 49 родов, 75 видов), Dicranales (6 семейств, 17 родов, 32 вида), Bryales (5 семейств, 7 родов, 25 видов). Доминирующими семействами по числу видов являются Sphagnaceae – 19 видов, Brachytheciaceae – 18, Pottiaceae – 17 и Amblystegiaceae – 13 видов. Однако, следует отметить, что по числу родов лидирует семейство Amblystegiaceae (10 родов). Семейство Brachytheciaceae по числу родов на втором месте – 9 родов, на третьем – Pottiaceae (8 родов). Наиболее крупными родами в бриофлоре территории Самарской области являются Sphagnum – 19 видов, Brachythecium (7 видов), Bryum и Plagiomnium (по 6 видов).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Мордвинов А.Н. Бриофлора Жигулёвского заповедника // Ботанический журнал. 1994. Т. 79, № 4. С. 65–70.
2. Головлёв А.А. Щербиновский Н.С. как исследователь самарской природы. Ульяновск: Издатель Квачалин Александр Васильевич, 2010. 112 с.
3. Список мхов, собранных на территории Жигулёвского заповедника в 1945 г. / А.М. Семенова-Тян-Шанская, Е.А. Малыгина, Э.П. Губонина [и др.] // Самарская Лука. 1994. № 5/94. С. 218–224.
4. Попов С.Ю. Флора сфагновых мхов Жигулёвского заповедника // Биологическое разнообразие заповедных территорий: оценка, охрана, мониторинг: Сб. науч. тр. Жигулёв. гос. зап. им. И.И. Спрыгина. М.; Самара, 2000. С. 194–196.
5. Игнатов М.С., Игнатова Е.А. Флора мхов средней части европейской России. Т. 1. *Sphagnaceae-Hedwigiaceae*. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2003. С. 1–608.
6. Игнатов М.С., Игнатова Е.А. Флора мхов средней части европейской России. *Fontinalaceae-Amblystegiaceae*. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2004. Т. 2. С. 609–944.
7. Игнатов М.С., Игнатова Е.А., Пронькина Г.А. Мхи заповедников России // Современное состояние биологического разнообразия на заповедных территориях России. Лишайники и мохообразные / МСОП, МПР РФ, Комиссия РАН по сохранению биологического разнообразия. М., 2004. Вып. 3. С. 274–366.
8. Константинова Н.А. Антоцеротовые и печёночники // Современное состояние биологического разнообразия на заповедных территориях России. Лишайники и мохообразные / МСОП, МПР РФ, Комиссия РАН по сохранению биологического разнообразия. М., 2004. Вып. 3. С. 244–273.
9. Красная книга Самарской области. Т. 1. Редкие виды растений, лишайников и грибов / под ред. Г.С. Розенберга и С.В. Саксонова. Тольятти: ИЭВБ РАН, 2007. 372 с.
10. Саксонов С.В., Сенатор С.А. Редкие и исчезающие виды сосудистых растений, нуждающиеся в охране // Раритеты флоры Волжского бассейна: сб. докл. Тольятти: Кассандра, 2012. С. 210–211.
11. Симонова Н.И., Соловьёва В.В., Саксонов С.В., Митрошенкова А.Е. Редкие мохообразные Самарской области // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2008. Т. 10, № 5/1. С. 85–94.
12. Киселёва Д.С., Иванова А.В. Общий обзор мхов в Самарской области // Вестник Мордовского университета. 2013. № 3/4. С. 47–49.
13. New bryophyte records. 3 / E.V. Sofronova, O.M. Afonina, E.N. Andrejeva [et al.] // Arctoa. 2014. Vol. 23. P. 219–238.
14. Корчиков Е.С. Флористическое разнообразие особо ценного Красносамарского лесного массива Самарской области: II. Лишайники // Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии. 2010. Т. 19. № 2. С. 122–150.
15. Корчиков Е.С., Корчикова Т.А. Растительный покров окрестностей памятника природы «Новоусмановская сероводородная вода» в связи с прямым и косвенным влиянием нефтепромысла // Инновационный потенциал молодёжи – на развитие ОАО «Газпром»: Сб. докл. IX научно-технической конф. молодых специалистов и работников ООО «Газпром Трансгаз Самара». Самара: ОАО Газпром Трансгаз Самара, 2011. С. 178–184.
16. Корчиков Е.С., Корчикова Т.А., Прохорова Н.В. Современное состояние растительного покрова в окрестностях регионального памятника природы «Новоусмановская сероводородная вода» // Экология и география растений и сообществ Среднего Поволжья: Сб. ст. Тольятти: Кассандра, 2011. С. 219–228.
17. Природа Куйбышевской области / сост. М.С. Горелов, В.И. Матвеев, А.А. Устинова [и др.]. Куйбышев: Кн. изд-во, 1990. 464 с.
18. Прохорова Н.В., Матвеев Н.М., Павловский В.А. Аккумуляция тяжёлых металлов дикорастущими и культурными растениями в лесостепном и степном Поволжье. Самара: Самарский университет, 1998. 98 с.
19. Богданова Я.А., Корчиков Е.С. Таксономический и экологический анализы бриофлоры Красносамарского лесного массива // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 1. С. 7–15.
20. Ignatov M.S., Afonina O.M., Ignatova E.A. Checklist of mosses of East Europe and North Asia // Arctoa. 2006. Т. 15. P. 1–130.
21. Потёмкин А.Д., Софронова Е.В. Печёночники и антоцеротовые России. Т. 1. СПб.–Якутск: Бостон-Спектр, 2009. 368 с.

MOSS FLORA OF SAMARA REGION

© 2016

Ya.A. Bogdanova, postgraduate student of the Chair of Ecology, Botany and Nature Protection
Samara National Research University, Samara (Russia)

Abstract. Bryophytes are not numerous but a very ancient and original group of higher plants. Due to their small size the study of bryophytes has long lagged behind the study of vascular plants. According to the literature available to us the first information about mosses of the Samara Region was obtained only at the beginning of the XX century. According to available literature data the total number of bryophytes of the Samara Region are at least 192 species of mosses from 98 genera, 47 families and 17 orders belonging to 5 classes (Haplomitriopsida, Jungermannopsida, Sphagnopsida, Polytrichopsida, Bryopsida). On the basis of the data obtained Bryopsida class (10 orders, 37 families, 84 genera and 149 species) dominates in the number of orders, families, genera. The order Hypnales is most widely represented by 17 families, 49 genera, 75 species. Sphagnaceae (19 species, but the genus *Sphagnum* 1) leads in the number of species among the 47 families, Amblystegiaceae (10 genera, 13 species) leads in the number of genera. *Sphagnum* – 19 species, *Brachythecium* (7 types), *Bryum* and *Plagiomnium* (6) of the largest genera.

Keywords: bryophytes; Middle Volga region; forest-steppe; steppe; liverworts; mosses; leafy; Marchantiophyta; Bryophyta; Haplomitriopsida; Jungermannopsida; Sphagnopsida; Polytrichopsida; Bryopsida.

УДК 581.44:632.15 (477.62)

МОРФОМЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ГОДИЧНОГО ПОБЕГА
РАСТЕНИЙ *ACER NEGUNDO* L., ПРОИЗРАСТАЮЩИХ В УСЛОВИЯХ
ТЕХНОГЕННОГО ЗАГРЯЗНЕНИЯ СРЕДЫ В ДОНБАССЕ

© 2016

Е.Н. Виноградова, кандидат биологических наук, научный сотрудник лаборатории дендрологии
Донецкий ботанический сад, Донецк (Донецкая Народная Республика)

Аннотация. Для объективной оценки качества окружающей среды в промышленных регионах, наряду с инструментальными методами анализа, достаточно актуальны методы биоиндикации, прежде всего фитоиндикации. Воздействие аэрополлютантов на протяжении всего онтогенеза приводит к нарушению нормальной жизнедеятельности древесных растений, интегральным показателем жизненного состояния которых является интенсивность вегетативного роста. Параметры, характеризующие рост растений, могут быть достаточно доступными и информативными для биоиндикации уровня техногенного загрязнения окружающей среды. В данной статье представлены результаты анализа влияния эмиссий коксохимического производства и автотранспорта на морфометрические показатели однолетних вегетативных побегов *Acer negundo* L. Показано, что воздействие аэрополлютантов приводит к угнетению развития годичного побега. Уменьшение длины однолетнего побега (на 22–26%) и количества его структурных элементов сопровождается снижением массы (на 33–49%) и площади (на 27–45%) листьев, что свидетельствует о ксерофитизации побегов под воздействием эмиссий. Наибольшие изменения выявлены у *A. negundo* магистральных насаждений, испытывающих, наряду с воздействием выхлопных газов, крайне неблагоприятные условия корневого питания. Высокая чувствительность к действию техногенных эмиссий таких морфометрических показателей *A. negundo*, как длина годичных побегов, суммарная масса и площадь листьев побега, позволяет использовать их в мониторинговых исследованиях состояния растительности и техногенного загрязнения среды в промышленных регионах.

Ключевые слова: *Acer negundo* L.; годичный побег; структурные элементы; морфометрические показатели; техногенное загрязнение среды; промышленный регион; коксохимическое производство; автотранспорт; биоиндикация.

Расположенный в степной зоне Донбасс является промышленным регионом с высокой антропогенной нагрузкой на урбоэкосистемы, что приводит к значительной трансформации окружающей среды. Несмотря на определенный спад промышленного производства в настоящее время, экологическая ситуация в Донецком регионе продолжает оставаться напряженной. Большая часть предприятий региона приходится на такие экологически опасные, как добывающая, металлургическая, химическая отрасли и электроэнергетика. Воздействие промышленных эмиссий усугубляется высокой интенсивностью автотранспортных потоков. Однако скрининг состояния окружающей среды инструментальными методами недостаточен, носит фрагментарный характер и не всегда отражает

объективную ситуацию вследствие непостоянства компонентного состава и уровня загрязнений, трансформаций и взаимодействий отдельных ингредиентов эмиссий [1]. Эффективность мониторинга техногенного загрязнения возрастает, если, наряду с методами инструментального контроля, используются в качестве индикаторов живые организмы, чувствительные к поллютантам, прежде всего древесные растения. Влияние техногенных эмиссий приводит к нарушению нормальной жизнедеятельности растений, что выражается в изменении их биохимического состава, физиологических функций и, как следствие, морфологических признаков, которые могут быть использованы для биологического мониторинга загрязнения окружающей среды [1–5].

Для биоиндикации загрязнения среды важное значение имеет выбор вида-биоиндикатора и его параметров, чувствительных к воздействию эмиссий. В настоящее время описаны реакции многих древесных растений на воздействие эмиссий разного уровня и компонентного состава [1–9]. Однако анализ научных публикаций свидетельствует, что иногда техногенная устойчивость одних и тех же видов у различных авторов получает совершенно противоположную оценку [1; 6; 8]. Реакция данных видов, вероятно, в значительной степени зависит от специфики состава выбросов и/или природно-климатических факторов. В частности, уровень толерантности растений к поллютантам могут менять частые засухи и высокие температуры в течение вегетации, характерные для степной зоны [8]. В этой связи рекомендации относительно видов растений, их физиолого-биохимических реакций и морфологических параметров, пригодных для целей биоиндикации, могут быть даны только с учетом природно-климатических и экологических условий конкретного региона.

Цель настоящего исследования: изучить влияние разнокачественного техногенного загрязнения (эмиссий коксохимического производства и выхлопных газов автотранспорта) на морфометрические показатели годичных побегов клена ясенелистного (*Acer negundo* L.) и выявить наиболее чувствительные из них для использования в мониторинге состояния окружающей среды в индустриальных городах Донбасса.

Объект исследования – годичные побеги *A. negundo*. В озеленении промышленных предприятий и автомобильных трасс Донбасса *A. negundo* L. используется достаточно часто вследствие быстрого роста в молодом возрасте, устойчивости к неблагоприятным климатическим условиям степной зоны, а также достаточно высокой способности к поглощению токсичных газов [6; 10]. *A. negundo* недолговечен, однако способен к активному воспроизводству благодаря высокой семенной продуктивности и способности к вегетативному возобновлению. В условиях высокого уровня техногенной нагрузки возможно появление хаотичных хлорозных пятен на листьях, наблюдается изреженность кроны, в засушливые годы листопад начинается в середине вегетации [6; 11].

Годичными побегами растений называют побеги, вырастающие из почек за один вегетационный период, фактически это годичный прирост. У деревьев они хорошо различаются благодаря образованию почечных колец. Помимо вегетативных (ростовых) побегов в кроне древесных растений присутствуют укороченные побеги, на которых развиваются генеративные органы. В процессе онтогенеза соотношение ростовых и укороченных побегов меняется, у молодых растений обычно преобладают ростовые побеги, а в процессе онтогенеза возрастает количество укороченных. В определенной степени развитие побегов определяется условиями корневого питания, в частности, усиление азотного питания способствует увеличению количества ростовых побегов [7].

Сбор побегов производили в 2015 г. в начале сентября, после окончания ростовых процессов, с нескольких деревьев среднего генеративного возраста на трех модельных участках: в санитарно-защитной зоне коксохимического завода «Донецккокс» (КХЗ) (на расстоянии 300–400 м от основных источников

эмиссий), в первом ряду аллеи посадки вдоль городской автомагистрали с интенсивной транспортной нагрузкой (на расстоянии 2–3 м от дорожного полотна) и в условно-чистой зоне (на территории ботанического сада) в качестве контроля. На каждом участке отобрано со среднего яруса юго-восточной стороны кроны по 11 верхушечных вегетативных (ростовых) побегов, которые были проанализированы по следующим показателям: длина и количество метамеров, количество, сырая масса и площадь листьев на побеге, развитие поверхности листовой пластинки (РПЛ). Для определения площади листа были отсканированы на сканере Epson Perfection V33, далее измерения проводили в программе ImageJ 2x. Показатель развития поверхности листа рассчитывали как соотношение площади листа к массе его сырой ткани [12]. Оценка достоверности сравниваемых параметров проведена с использованием t-критерия Стьюдента. Экспериментальные данные обработаны статистически по Г.Ф. Лакину [13] в среде пакета программ Microsoft Office Excel.

Коксохимическим предприятиям, вызывающим особую озабоченность жителей региона, принадлежит основная часть выбросов наиболее канцерогенного ингредиента техногенных эмиссий – бензапирена, а также таких токсичных компонентов, как аммиак, цианистый водород, сероводород, фенол и бензол, значительная часть которых вообще не характерна для нормальной атмосферы [14]. Следует отметить, что относительно недавно, вследствие прекращения работы Кировского и Куйбышевского участков Донецкого коксохимического завода, оставшийся единственным поставщиком кокса, расположенный в непосредственной близости от металлургического завода «Донецккокс» значительно нарастил свою мощность. В результате объем эмиссий коксохимического производства, в частности, по одному из самых токсичных ингредиентов – фенолу, в целом по Донецку существенно сократился, но в центральных районах, вблизи завода, – увеличился. С эмиссиями автотранспорта в атмосферу поступает в основном оксид углерода, а также оксиды азота, серы, соединения тяжелых металлов (среди которых наиболее токсичен провоцирующий хромосомные абберации свинец) и полициклические ароматические углеводороды, прежде всего бензапирен, содержание которого в воздухе вблизи крупных автомагистралей может в 10 раз превышать ПДК [7; 15].

Анализ полученных результатов свидетельствует, что аэрополлютанты существенно влияют практически на все анализируемые показатели побега *A. negundo* (табл. 1). Происходит сокращение годичного прироста, поскольку наблюдается уменьшение на 22,3% длины годичного побега растений, испытывающих воздействие эмиссий КХЗ, и на 26,3% – выхлопных газов. Сокращение прироста *A. negundo* сопровождается уменьшением его структурных элементов. Снижается количество метамеров (на 18% у *A. negundo* насаждений КХЗ и на 21,8% – магистральной посадки). Наблюдается также тенденция к сокращению количества листьев на побеге (на 17,0 и 27,8% соответственно), однако вследствие высокой вариабельности данного показателя различия между значениями контрольного и опытных вариантов не достоверны. Поскольку формирование побега древесных

растений осуществляется в две стадии – эмбриональную (закладка за счет верхушечной меристемы, где формируются все его структурные элементы) и пост-эмбриональную (развертывание и рост уже заложенных элементов), изменение количества структурных элементов побега свидетельствует, что техногенные эмиссии оказывают влияние не только на постэмбриональную, но и на эмбриональную стадию побегообразования [7]. В научной литературе есть информация о влиянии техногенной среды на эмбриональную стадию развития годичного побега как некоторых лиственных, так и хвойных растений [7; 16].

Таблица 1 – Влияние техногенных эмиссий на морфометрические показатели годичного побега *Acer negundo* L.

Показатель	Ботанический сад	Коксохимический завод	Автомобильная магистраль
Длина побега, см	23,50 ± 0,82	18,27 ± 0,83**	17,32 ± 1,40**
Количество метамеров	4,91 ± 0,30	4,09 ± 0,16*	3,91 ± 0,09**
Количество листьев на побеге	31,09 ± 2,50	25,82 ± 2,21	22,46 ± 2,65
Сырая масса листовой пластинки, г	0,39 ± 0,01	0,31 ± 0,01***	0,27 ± 0,01***
Суммарная сырая масса листьев, г	12,12 ± 1,08	8,11 ± 0,86*	6,15 ± 0,76***
Площадь листовой пластинки, см ²	20,63 ± 0,51	18,14 ± 0,55**	15,76 ± 0,44***
Суммарная площадь листьев, см ²	643,27 ± 38,44	468,22 ± 45,30*	353,93 ± 39,01***
РПЛ	58,25 ± 1,86	58,84 ± 0,54	58,94 ± 0,71

Примечание. Различия со значением показателя в контроле достоверно: * – при $P \leq 0,10$; ** – при $P \leq 0,05$; *** – при $P \leq 0,01$.

У растений *A. negundo* техногенных насаждений выявлено значительное сокращение сырой массы листовой пластинки (на 20,5% под влиянием эмиссий КХЗ и на 30,8% – под воздействием выхлопных газов). Снижение количества структурных элементов и массы листовой пластинки приводит к еще более существенному уменьшению суммарной массы листьев на годичном побеге (соответственно на 33,1 и 49,3%).

В условиях техногенеза сокращается также средняя площадь листовой пластинки растений *A. negundo* (на 12,1% – под влияние выбросов КХЗ и на 23,6% – эмиссий автотранспорта). Соответственно, уменьшаются и значения суммарной площади листьев на годичном побеге (на 27,2% у растений насаждения КХЗ и на 45% – в магистральной посадке).

Выявленное уменьшение длины годичного побега *A. negundo* и его структурных элементов свидетельствует о ксерофитизации побега в условиях загрязнения окружающей среды. По литературным данным, ксерофитизация побегов древесных растений носит адаптивный характер, способствует повышению газоустойчивости и, как правило, наблюдается у видов, устойчивых к экстремальным воздействиям среды [17; 18]. Однако есть информация и о том, что в условиях техногенного загрязнения у некоторых доста-

точно устойчивых видов древесных растений наблюдается, напротив, удлинение годичного побега [7; 19].

Несмотря на то, что значения массы и площади листовой пластинки *A. negundo* в условиях техногенеза уменьшаются в разной степени, показатель развития поверхности листьев, рассчитываемый как отношение площади листа к его сырой массе, остается практически неизменным. Данный показатель характеризует уровень засухоустойчивости растений. Одним из механизмов, направленных на регулирование водного баланса растений, является сокращение транспирирующей поверхности. Поскольку испарение воды пропорционально площади листа, меньшие значения поверхности листовой пластинки способствуют снижению потери воды при засухе. Чем меньше значения РПЛ, тем более плотный или тяжелый лист, что характерно для ксероморфных и суккулентных листьев [12]. Стабильность значения РПЛ у *A. negundo* в условиях техногенеза свидетельствует о видоспецифичности данного показателя. Он может использоваться для диагностики засухоустойчивости вида, однако не пригоден для мониторинга техногенного загрязнения среды.

Наиболее значительные изменения всех анализируемых показателей выявлены у растений аллейной посадки вдоль городской автомагистрали, что, по всей видимости, обусловлено рядом факторов. Растения *A. negundo* санитарно-защитной зоны КХЗ произрастают в зоне рассеивания техногенных эмиссий, а растения магистральной посадки – в непосредственной близости от источника выхлопных газов – движущегося автотранспорта. Растения первого ряда придорожных насаждений, как правило, принимают на себя основную часть выхлопных газов [9]. Наряду с негативным влиянием аэрополлютантов, растения магистральных насаждений обладают крайне плохими условиями корневого питания, поскольку почва сильно уплотнена, значительная часть ее покрыта асфальтом, а также подвержены воздействию вибрации и шума от проезжающего автотранспорта. Известно, что шум и вибрация значительно усиливают фитотоксичность ингредиентов эмиссий [20]. Разумеется, определенную роль в большей фитотоксичности выхлопных газов для растений *A. negundo*, по сравнению с выбросами КХЗ, играет и видоспецифическая устойчивость к превалирующим ингредиентам эмиссий. Так, произрастающие на опытных участках рядом с *A. negundo* растения *Fraxinus lanceolata* Borkh. выглядят значительно более угнетенными именно в санитарно-защитной зоне КХЗ, что связано с видовой спецификой метаболизма, обуславливающей их высокую чувствительность к одному из основных ингредиентов эмиссий КХЗ – фенолу [1].

Таким образом, загрязнение окружающей среды эмиссиями коксохимического производства и автотранспорта приводит к угнетению развития годичного побега *A. negundo* и его структурных элементов. Наиболее чувствительные к воздействию поллютантов морфометрические показатели, такие как снижение годичного прироста, массы и площади листьев побега, могут быть использованы в качестве достаточно объективного и доступного метода биоиндикации состояния растительности и уровня техногенного загрязнения среды в промышленных регионах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Взаимодействие растений с техногенно загрязнённой средой / И.И. Коршиков, В.С. Котов, И.П. Михеенко и др. К.: Наук. думка, 1995. 190 с.
2. Биоиндикация загрязнений наземных экосистем / под ред. Р. Шуберта; пер. с нем. Г.И. Лойдиной и В.А. Турчаниновой. М.: Мир, 1988. 350 с.
3. Evers E.-H. Die Blatt und Nadelanalyse als Instrument der Bioindikation // Allg. Forts. 1986. Vol. 41, № 1–2. S. 6–9.
4. Николаевский В.С. Экологическая оценка загрязнения среды и состояния наземных экосистем методами фитоиндикации. Пушкино: ВНИИЛМ, 2002. 220 с.
5. Мэннинг У.Дж., Федер У.А. Биомониторинг загрязнения атмосферы с помощью растений: пер. с англ. Т.А. Головиной, Л.Ф. Сальникова / под ред. Л.М. Филипповой. Л.: Гидрометеиздат, 1985. 144 с.
6. Поляков А.К. Интродукция древесных растений в условиях техногенной среды / под общей редакцией А.З. Глухова; Донецкий ботанический сад НАН Украины. Донецк: Ноулидж (донецкое отделение), 2009. 268 с.
7. Бухарина И.Л., Поварницына Т.М., Ведерникова К.Е. Эколого-биологические особенности древесных растений в урбанизированной среде: монография. Ижевск: ФГОУ ВПО Ижевская ГСХА, 2007. 216 с.
8. Бессонова В.П., Івченко О.Є., Яковлева-Носарь С.О. Вплив викидів титаномангнієвого комбінату на стан деревних насаджень промислової території та санітарної зони // Відновлення порушених природних екосистем: мат. Третьої міжн. наук. конф. (м. Донецьк, 7–9 жовтня 2008 р.). Донецьк, 2008. С. 61–64.
9. Левон Ф.М. Зелени насаджения в антропогенно трансформованому середовищі / відп. ред. П.А. Мороз. К.: ННЦ ІАЕ, 2008. 364 с.
10. Литвинова Л.И., Левон Ф.М. Зеленые насаждения и охрана окружающей среды. К.: Здоровье, 1986. 65 с.
11. Виноградова Е.Н. Древесные растения в экологической оптимизации техногенной среды Донбасса // Инновационные перспективы Донбасса: мат. Межд. науч.-практ. конф. Т. 4. (г. Донецк, 20–22 мая 2015 г.). Донецк, 2015. С. 173–174.
12. Зайцева И.А. Показатель развития поверхности листьев при оценке устойчивости растений-интродуцентов // Сучасні проблеми фізіології та інтродукції рослин: мат. II Всеукраїнської науково-практичної конф. до 80-річчя професора Л.Г. Долгової. 23 травня 2007 р. Дніпропетровськ, 2007. С. 50–51.
13. Лакин Г.Ф. Биометрия: учеб. пособие для биол. спец. вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1980. 293 с.
14. Мищенко И.М. Основные направления развития и повышения экологической безопасности предприятий черной металлургии Украины // Об'єднання заради життя: збірка доповідей національного екологічного форуму «Екологія промислового регіону» (м. Донецьк, 23–24 травня 2012 р.). Т. 2. Донецьк, 2012. С. 26–28.
15. Чайка Л.В. Аналіз впливу автотранспорту на стан атмосферного повітря міста Донецька // Об'єднання заради життя: збірка доповідей національного екологічного форуму «Екологія промислового регіону» (м. Донецьк, 23–24 травня 2012 р.). Донецьк, 2012. С. 58–59.
16. Вострикова Т.В. Влияние почвенно-климатических факторов и антропогенного загрязнения на цитогенетические показатели деревьев-интродуцентов // Современные проблемы аграрной науки и пути их решения: мат. Всерос. науч.-практ. конференции. Ижевск: ФГОУ ВПО Ижевская ГСХА, 2005. Т. II. С. 326–331.
17. Кулагин Ю.З. Индустриальная дендрозология и прогнозирование М.: Наука, 1985. 117 с.
18. Неверова О.А., Колмогорова Е.Ю. Древесные растения и урбанизированная среда: экологические и биотехнологические аспекты. Новосибирск: Наука, 2003. 222 с.
19. Турмухаметова Н.В. Особенности морфогенеза побегов и феноритмов *Betula pendula* Roth. и *Tilia cordata* Mill. в условиях городской среды: автореф. дис. ... канд. биол. наук. Новосибирск, 2005. 19 с.
20. Гагарин С.А. Организация мониторинга шумового загрязнения в г. Ижевске // Современные аспекты экологии и экологического образования: материалы Всерос. научной конференции. Казань: КГУ, 2005. С. 410–411.

MORPHOMETRIC ANALYSIS OF THE ANNUAL SHOOT OF THE *ACER NEGUNDOL*. PLANTS, GROWING IN CONDITIONS OF EXPOSURE TO TECHNOGENIC POLLUTION OF DONBASS

© 2016

E.N. Vinogradova, candidate of biological sciences, researcher of the Laboratory of Dendrology
Donetsk Botanical Garden, Donetsk (Donetsk People's Republic)

Abstract. For estimation of quality of the environment in industrial regions, along with the methods of instrumental analysis, the methods of bioindication are rather relevant, foremost phytoindication. The influence of air pollutants during ontogenesis results in violation of normal vital functions of arboreal plants, the integral index of the vital state of which is the intensity of vegetative growth. Parameters, characterizing the plant growth, can be quite informative for the bioindication of level of the technogenic contamination of environment. This article presents the results of analysis of coke production emissions influence and transport on the morphometric indexes of annual vegetative shoots of *Acer negundo* L. It is shown that the influence of airpollutants leads to inhibition of the development of annual shoot. The reduction in the length of annual shoot (22–26%) and the number of its structural elements is accompanied by a decrease in mass (33–49%) and area (27–45%) of leaves, indicating xerophytization of shoots under the influence of emissions. The greatest changes are revealed in *A. negundo* trunk from plantations, experiencing, along

with the influence of exhaust gas, the extremely adverse conditions of root nutrition. High sensitivity to technogenic emissions of such morphometric parameters of *A. negundo* as the length of annual shoots, the total weight and area of shoot leaves allows to use them in monitoring researches of vegetation condition and environmental pollution in the industrial regions.

Keywords: *Acer negundo* L.; annual shoot; structural elements; morphometric parameters; industrial pollution; industrial region; coke production; transport; bioindication.

УДК 58.009

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ СТЕПНОЙ РАСТИТЕЛЬНОСТИ В СРЕДНЕ-ВОЛЖСКОМ КОМПЛЕКСНОМ БИОСФЕРНОМ РЕЗЕРВАТЕ

© 2016

С.Е. Горлов, аспирант лаборатории проблем фиторазнообразия
Институт экологии Волжского бассейна РАН, Тольятти (Россия)

Аннотация. Средне-Волжский комплексный биосферный резерват – особо охраняемая природная территория в Самарской области. Резерват был сформирован в 2006 году на базе Жигулевского заповедника им. И.И. Спрыгина и национального парка «Самарская Лука», став первым комплексным биосферным резерватом в России. Основной целью резервата является обеспечение охраны ландшафтов Жигулей и лесостепных комплексов Среднего Поволжья, организация экологического мониторинга и разработка системы бережного природопользования. Особую ценность для научных исследований представляют фрагментарно сохранившиеся на территории резервата степные участки, встречающиеся только на небольших нераспаханных останцовых участках в южной и юго-западной частях Самарской Луки, в Жигулевских и Сенгилеевских горах. Это остатки степной растительности, некогда покрывавшей большую часть плато резервата. И хотя в настоящее время это лишь небольшие участки, они охватывают все типы степей, встречающиеся в Самарской области: луговые (северные) степи, настоящие или ковыльно-типчаковые (южные), а также особые варианты степей – кустарниковые, каменистые и песчаные. Уникальность природы резервата, биологическое разнообразие, наличие большого количества редких, реликтовых и эндемичных видов и сообществ не могло не привлечь внимания ученых-ботаников разного времени. Мы рассмотрим наиболее важные работы с точки зрения изучения степной растительности.

Ключевые слова: история изучения; биологическое разнообразие; степная растительность; каменистые степи; геоботаника; Жигулевские горы; Средне-Волжский биосферный резерват; Самарская Лука; сохранение биоразнообразия; заповедное дело.

Существует несколько обзорных работ, посвященных истории ботанической изученности региона [1; 2], Самарской Луки [3]. Кроме того, опубликованы материалы о геоботанических исследованиях на территории резервата [4]. Мы попробуем обобщить все опубликованные сведения геоботанического характера в нашей статье. Для этого нами проведен анализ первоисточников из фондов Института экологии Волжского бассейна РАН, Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина, Жигулевского государственного природного биосферного заповедника, Самарской областной универсальной научной библиотеки и Ботанического института им В.Л. Комарова РАН.

Первые упоминания о характере растительности резервата мы встречаем в отчетах академических экспедиций П.С. Палласа, И.И. Лепехина и И.Г. Фалька, посетивших Самарскую Луку в 1769 году. В своих дневниках исследователи отмечают, что Жигулевские горы – северная часть Луки – лесисты, на вершинах произрастают сосны, имеется много скалистых выходов [5]. В центральной части Луки отмечено распространение «пашенных участков». В своих очерках ученые делают заметки о встреченных ими растениях в «густых лесах» и на «луговых склонах», кратко характеризуют места их произрастания.

Спустя почти 100 лет, летом 1868 года, Казанское общество испытателей природы отправляет в командировку с исследовательскими целями О.О. Баума и

зоолога М.Н. Богданова. В своем отчете о проделанной работе «Ботанико-географические наблюдения по правому берегу Волги между Казанью и Сарептой» [6], сделанном в Императорском Казанском университете в 1869 году, Баум отмечает следующий факт: территория Самарской Луки расположена в «лесной полосе», и леса покрывают всю северную и северо-восточную части. На обрывах «горного известняка» автор указывает на наличие некоторых степных растений, в том числе *Stipa capillata* L., *Echinops ruthenicus* M. Bieb. В работе М.Н. Богданова [7] характеризуется растительность Самарской Луки как основа существования современной терио- и орнитофауны, что является первым опытом описания растительного покрова этой территории. Автор не только приводит общие закономерности распространения растительного покрова, но и выделяет «характеристичные местности», которые, в современном понимании, соответствуют ландшафтам. Кроме того, Богданов отмечает присутствие влияния человека на растительность. Богданов также указывает, что западная часть Самарской Луки покрыта степью, переходящей в окрестностях Сызрани в настоящую ковыльную степь.

Начало систематическому изучению растительного покрова Самарской Луки положил С.И. Коржинский [8], который в 1884 г., изучая северную границу черноземной области, посетил эту территорию. Исследователь отмечает богатство и разнообразие

растительности Жигулевских гор и указывает на трудности в выделении растительных формаций в «чистом их виде» ввиду быстрой смены топографических условий, связанной с гористым рельефом. Тем не менее С.И. Коржинский выделяет три основных «первобытных и самостоятельных, хотя и играющих неодинаковую роль в составе растительного ковра» элемента растительности: лес, луговую степь и каменистую степь.

Н.П. Жиликов [9] в своей работе, посвященной флоре Жигулевских гор, указывает, что вся гряда высоких холмов с самого низа покрыта густым лесом. По мере подъема на гору, отмечает автор, лес становится реже и образуются поляны, состоящие из кустарников и травянистых растений. На плоских вершинах обширны участки луговых степей, образованных лугово-лесными и степными растениями со *Stipa capillata* L. и *Stipa pennata* L. В статье Николай Павлович приводит список видов растений, произрастающих на крутых каменистых склонах, образующих «формацию каменистой степи», и объясняет преобладание здесь степных ксерофильных видов особенностями климата, физическими и химическими свойствами почвы, а также специфическими геологическими условиями.

А.К. Булич [10], участвуя в географической экскурсии Казанского университета под руководством профессора П.И. Кротова в мае – июне 1891 года, проводил флористические наблюдения в долине р. Волги от Казани до Саратова, что позволило ему выделить несколько групп растений, характерных для того или иного местообитания. Флору Жигулевских гор автор характеризует на основании наблюдений, проведенных преимущественно на Молодецком кургане. Он указывает на преобладание лиственных лесов по пологим склонам и вершинам гор, присутствие степных ксерофильных растений на крутых склонах с обнажениями твердого каменноугольного известняка и развитие мохового и лишайникового покрова на отдельных камнях и утесах.

В начале XX в. Самарская Лука привлекает внимание В.И. Смирнова [11], который летом 1903 года описывает растительный мир Жигулей (в гористой ее части) и Муранского бора и указывает, что растительность, относимая Коржинским к «каменистым степям», развита на «известковых обнажениях» южных, юго-западных и юго-восточных крутых склонов северной части Луки и довольно разнообразна и богата по числу видов.

А.Ф. Флерову [12] принадлежат подробные описания растительности центральной и северной частей Самарской Луки. В своем ботанико-географическом очерке растительности Жигулевских гор он указывает, что «господствующими растительными сообществами являются в южной части лиственные леса, в северной – лиственные и сосновые». Вслед за Богдановым [7] Флеров отмечает в центральной части Луки влияние человека на состав и структуру растительного покрова. На «крутых, лишенных древесной растительности обнажениях» автор описывает различные растения, среди которых немало степных.

Особо следует упомянуть исследования Р.И. Аболина [13], принявшего участие в экскурсии Санкт-Петербургских сельскохозяйственных курсов под ру-

ководством В.Н. Сукачева в 1908 году. В итоге трехдневного пребывания в Жигулях он составил, по сути, полноценный очерк растительности Жигулевских гор. Автор выделил и описал основные растительные формации и закономерности их распределения, указал на реликтовое происхождение степей и сосняков и их генетическое родство.

Позднее В.Н. Сукачев [14] публикует статью, в которой подчеркивается уникальность природы Жигулей, отмечается сочетание самых разнообразных типов почв и зональной растительности. Автор указывает на исключительную важность объекта для изучения процессов становления флоры и растительного покрова на границе степной и лесостепной зон. Особое значение в этом вопросе он отводит небольшому степным «лысинкам» (каменистым степям), разбросанным среди леса.

Д.И. Литвинов [15; 16], посетив Самарскую Луку в окрестностях сел Новинки и Шелехметь и Жигулевские горы (от д. Моркваша до с. Бахилово), пришел к выводу, что растительность горных боров и каменистых склонов там сохранилась с доледникового периода в малоизмененном состоянии. Автор связывает это с относительным постоянством физических и химических свойств каменистой почвы во времени. С влиянием ледника и трансгрессией Каспийского моря, по мнению Литвинова, связано присутствие во флоре Жигулей видов растений, характерных для горного рельефа Урала, Крыма и Кавказа. Всю флору каменистых обнажений по берегам рек степной области полосы Дмитрий Иванович считает восточным вариантом флоры открытых каменистых склонов Средиземноморской области.

По результатам экспедиций по обследованию Жигулевских гор в 1926–1928 годах И.И. Спрыгин [17; 18; 19] опубликовал подробный очерк растительности созданного на Самарской Луке Жигулевского заповедника и характеристику природных условий, в которых формируются интересующие нас карбонатные степи. Геоботанические материалы, собранные во время экспедиций, вошли также в сводку «Растительность Средне-Волжского края» [20; 21]. В сводке Спрыгин уделил большое внимание описанию степной растительности как Самарской Луки, так и прилегающих территорий, ныне входящих в резерват. Автор указывает, что на вершинах плато, верхних площадках скал, западных, восточных и особенно южных склонах, на выходах коренных пород (доломитов, известняков) и около них в условиях, неблагоприятных не только для лиственных лесов, но даже для более стойкой сосны, сохранились элементы карбонатной степи. Спрыгин делит «каменистые степи» Жигулей на два типа – «с более или менее развитым фоном из ковылей (главным образом, *Stipa capillata*) и более открытой разнотравной степью из низких трав из группы калькофитов». Материал, собранный в результате экспедиций, подтверждает, что «участки каменистой степи в Жигулях являются участками первичными, существующими здесь, вероятно, с третичного времени, а не образовались на месте уничтоженной человеком лесной растительности». Для степей, встречаемых Спрыгиным у Усоля и Климовки на супесчаном черноземе, отмечается доминирование «крупно-дерновинного злака *Stipa capillata* вместе с *Stipa Ioannis* и, может быть, других ковылей, а в видовом же составе играли, вероятно, немалую роль

песчаностепные растения» (названия видов процитированы согласно рукописи). В своих выводах к работе он говорит о близости генезиса ассоциаций карбонатной степи и горных боров. По мнению Спрыгина, сосновые насаждения и карбонатно-степные группировки находятся в состоянии неустойчивого равновесия и могут взаимно замещать друг друга при неблагоприятных условиях.

Продолжением исследований разнообразия сообществ каменистой степи, вслед за С.И. Коржинским, Д.И. Литвиновым и И.И. Спрыгиным, стала работа Л.М. Черепнина в 1937 году в рамках подготовки диссертации «Растительность каменистой степи Жигулевских гор» [22], выполненной под руководством А.А. Уранова. Копия рукописи хранится в библиотеке Института экологии Волжского бассейна РАН. Лишь в 1990 году были изданы основные выводы диссертации Черепнина [23], а фактический материал, собранный ученым, был переработан методом эколого-флористической классификации Браун-Бланке [24; 25]. В этой статье мы отметим некоторые результаты работы ученого, значительный вклад которого в изучение и классификацию степной растительности Жигулевских гор отметили И.И. Спрыгин [26], Н.А. Ястребова и Т.И. Плаксина [27]. «Основными формациями», по мнению Черепнина, «являются лиственные леса, сосновые леса и каменистая степь. Их распределение находится в строгой зависимости от рельефа... Выдающиеся, открытые части южных и отчасти западных склонов занимает каменистая степь», которая является наиболее ксерофитной группой фитоценозов. Автор выделяет три группы растений (названия видов процитированы согласно рукописи), играющих главную роль в составе растительного покрова: «Первая – седое розеточное разнотравье, куда входят растения, имеющие седой (серый) цвет, низкий часто стелющийся рост, полукустарничковый характер: *Centaurea marshalliana*, *Thymus zheguliensis*, *Echinops ritro*... Вторая группа – высокотравье с такими видами, как *Artemisia inodora*, *Kochia prostrata*, *Centaurea ruthenica*... Третья – дерновинные злаки, куда входят: *Avensatrum desertorum*, *Stipa pulcherrima*, *S. Lessingiana*, *S. Joannis*, *S. capillata*...».

Черепнин описывает как близкие к каменистым степям растительность скал и обнажений, кустарниковую и разнотравно-злаковую степи. Первые представляют собой сообщества ксерофитных видов седого розеточного разнотравья с лишайниками в сочетании с лугово-степными и даже лесными растениями. Кустарниковую степь «составляют степные кустарники с преобладанием *Caragana frutex* и *Prunus fruticosa*, виды разнотравно-злаковой степи и каменистой степи». Разнотравно-злаковая степь развита на полянах, расположенных на платообразных вершинах гор.

А.М. Семенова-Тян-Шанская посетила Жигули в 1945 г. в составе комплексной экспедиции Института географии АН СССР и Ботанического института им. В.Л. Комарова под руководством Г.В. Обедиентовой. По результатам экспедиции был составлен очерк «Растительный покров Куйбышевского государственного заповедника» [28]. В нем описана схема распространения сообществ каменистой степи в зависимости от условий местообитания на примере Стрельной, Большой и Малой Бахилловых гор. Семенова-Тян-Шанская пишет о тесной связи сосновых лесов и каменистой степи и дает описание степных

сообществ с указанием преобладающих в них видов растений, отмечая факт отмирания (вытеснения) сосны на южных склонах Большой Бахиловой и Стрельной гор, связанный с иссушением этих участков южными ветрами. Лес на таких участках вытесняется «степными группировками с доминированием *Stipa Joannis*. На более обнаженных каменистых участках с выходами известняка травостой становится ещё более разреженным: злаки исчезают почти полностью и господствующими видами являются одиночно стоящие *Echinops ritro*, *Gypsophilla altissima*, *Artemisia salsoloides* и т.д. Сосняки подходят вплотную к таким участкам «каменистых степей», и многие из перечисленных видов заходят под разреженный полог сосны. По мере смыкания крон сосны исчезают степные виды. Появляется подлесок из степных кустарников *Cerasus fruticosa* и *Caragana frutex* (названия видов процитированы согласно рукописи). А.М. Семенова-Тян-Шанской была составлена карта растительности Жигулевского заповедника, в подготовке которой принимала участие ботаник Жигулевского заповедника А.Н. Гончарова.

О каменистых степях в Жигулях писал А.И. Кузьмичев [29]. По результатам геоботанических исследований, проведенных им в 1961–1962 годах, автор подтверждает идею Аболина и Спрыгина о генетической близости каменистых степей и сосновых боров, находящихся в Жигулях в состоянии неустойчивого равновесия. Кузьмичев отмечает, что, несмотря на то что каменистые степи занимают незначительные площади, они играют важную роль в формировании растительности всего района. Он выделяет три формации каменистых степей Жигулей: ковыльную, келериево-пырейную и тимьянниковую. Сообщества ковыльной формации встречаются на вершинах гор и склонах крутизной 15°–20°, общее проективное покрытие в них составляет 60–65%, а доминирующими видами являются ковыли – *Stipa johanis* и *S. capillata* (названия видов процитированы согласно рукописи). Сообщества келериево-пырейной занимают средние части склонов, крутизной 20°–30°, их проективное покрытие достигает 40–45%, а доминантами выступают *Koeleria sclerophila* и *Agropyrum pruniferum*. Группировки тимьянниковой формации с доминированием тимьянов жигулевского и мелового занимают крутые склоны (более 40°), растительный покров разреженный и общее проективное покрытие не превышает 15–20%.

Значительный вклад в изучение растительности резервата внесли сотрудники кафедры ботаники Куйбышевского педагогического института. С целью обоснования создания национального парка «Самарская Лука» сотрудниками кафедры были предприняты геоботанические экспедиции под руководством проф. В.Е. Тимофеева. На основе собранного материала было опубликовано нескольких работ, в том числе «Опыт эколого-географического анализа флоры Самарской Луки» [30], в которой авторы анализируют флору с точки зрения принадлежности видов растений к тем или иным флористическим ценоэлементам, в том числе «степному». Он слабо развит в растительном покрове лесных опушек, но доминирует в сообществах на склонах оврагов и балок. Позднее флора и растительность опушек была более подробно освещена в работах О.А. Задульской [31; 32], а овражно-балочных систем южной части Самарской Луки в

статье Н.С. Ильиной [33]. Развиваемый сотрудниками кафедры геосистемный подход к изучению растительного покрова нашел свое отражение в работе «Территориальные единицы растительного покрова Самарской Луки, пути их использования и охраны» [34].

Об охране отдельных растительных комплексов Самарской Луки и прилегающих территорий написано в монографии «Зеленая книга Самарской области: Редкие и охраняемые растительные сообщества Самарской области» [35]. Общие сведения о современном состоянии растительности Самарской Луки и ее основных типах можно найти в работах К.А. Кудинова [36; 37]. В 2010 г. С.А. Сенатором и С.В. Саксоновым была издана монография «Средне-Волжский биосферный резерват: раритетный флористический комплекс» [38], в которой, помимо данных о редких, исчезающих и нуждающихся в охране видов растений, приведены сведения о степных сообществах, подлежащие охране, в числе которых солончико-ковыльковые, злаково-крупноцветково-копеечниковые, бедренцево-феруловое сообщества и др.

Подводя итог, следует отметить, что перечень литературы по изучению степной растительности резервата не ограничивается описанными выше работами. За более чем 150-летнюю историю исследований на территории резервата, от Богданова до наших дней, накопилось большое количество публикаций об охране растительного покрова, районировании, воздействии человека на состояние степной растительности, о фенологических ритмах в степях, изучении ценопопуляций степных растений и т.п. В этой статье мы попытались отразить ход мысли исследователей, работавших над идеей изучения степной растительности и сохранения её разнообразия в пределах уникального природного комплекса – Средне-Волжского комплексного биосферного резервата.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Спрыгин И.И. О составе, изученности и дальнейшем изучении флоры Куйбышевского края // Советская ботаника, 1934. № 6. С. 93–102.
2. Сидорук И.С. Очерк истории исследования растительности Среднего Поволжья // Ученые записки Куйбышевск. педагогич. ин-та (Биология и химия). Вып. 16. Куйбышев, 1956. С. 3–19.
3. Саксонов С.В. Ботаническая изученность Самарской Луки (от Палласа до Спрыгина) // Бюллетень. Самарская Лука. 1994. № 5. С. 33–37.
4. Саксонов С.В., Сенатор С.А., Раков Н.С. Геоботаническая изученность Средне-Волжского биосферного резервата: история и современность // Отечественная геоботаника: основные вехи и перспективы: Материалы Всероссийской конференции (Санкт-Петербург, 20–24 сентября 2011 г.). Т. 1: Разнообразие типов растительных сообществ и вопросы их охраны. География и картография растительности. История и перспективы геоботанических исследований. Санкт-Петербург, 2011. С. 222–225.
5. Паллас П.С. Путешествия по разным провинциям Российской империи. Ч. 1. СПб.: Импер. Акад. Наук, 1809. 568 с.
6. Баум О. Отчет о ботанических исследованиях на правом берегу Волги, между Казанью и Сарептой // Протокол заседания Общества естествоиспытателей при Казанском университете. Том 1. Казань, 1870.
7. Богданов М.Н. Птицы и звери черноземной полосы Поволжья и долины Средней и Нижней Волги

(биогеографические материалы) // Труды Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете, Т. 1, отд. 1. Казань, 1871. С. 1–226.

8. Коржинский С.И. Северная граница черноземно-степной области восточной полосы Европейской России в ботанико-географическом и почвенном отношении. II. Фитотопографические исследования в губерниях Симбирской, Самарской, Уфимской, Пермской и отчасти Вятской // Труды Общества естествоиспытателей при Казанском университете, XXII, 6. Казань, 1891. С. 1–201.

9. Жилияков Н.П. Несколько слов о флоре Жигулевских гор, вблизи г. Самары, по р. Волге // Ботанические записки, издаваемые при Ботаническом саде Императорского С.-Петербургского Университета. Т. III, вып. 1. С.-Петербург: Типография В. Демакова, Новый пер., д. 7. 1890. С. 89–94.

10. Булич А. Ботанические наблюдения во время экскурсии по Волге в 1891 году // Труды Об-ва естествоиспыт. При Императ. Казан. ун-те. 1892. Т. 24. Вып. 3. С. 1–7.

11. Смирнов В.И. К флоре Симбирской губернии. Казань: Типолиитография императорского университета, 1904. С. 1–24.

12. Флеров А.Ф. Очерк растительности Жигулевских гор // Ботанико-географические очерки. Москва, 1905. 26 с.

13. Аболин Р.И. Некоторые данные о лесных и других растительных формациях Жигулевских гор Симбирской губернии // Лесной журнал. XXXX, Вып. 3. Санкт-Петербург, 1910.

14. Сукачев В.Н. Об охране природы Жигулей // Записки Симбирского Областного естественно-исторического музея. 1914. Выпуск 2. С. 35–41.

15. Литвинов Д.И. О реликтовом характере флоры каменистых склонов в Европейской России // Труды ботанического музея Императорской Академии Наук. Выпуск 1. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1902. С. 76–109.

16. Литвинов Д.И. О некоторых ботанико-географических соотношениях в нашей флоре. Л.: Ленинградская Коммунальная типолиитография, 1927. 15 с.

17. Спрыгин И.И. Жигулевский заповедник // Охрана природы, 1929. Вып. 3. С. 80–84.

18. Спрыгин И.И. Жигулевский заповедник // Охрана природы. 1930. Вып. 1. С. 7–14.

19. Спрыгин И.И. О составе, изученности и дальнейшем изучении флоры Куйбышевского края // Советская ботаника, 1934, № 6. С. 93–102.

20. Спрыгин И.И. Растительный покров Средне-Волжского края. Самара. М.: Средневожский краевой научно-исследовательский институт сельского хозяйства, 1931. 66 с.

21. Спрыгин И.И. Отчет о работе Л.М. Черепнина / сост. Л.А. Новикова // Фиторазнообразие Восточной Европы. 2013б, VII: 2. С. 4–27.

22. Черепнин Л.М. Растительность каменистой степи Жигулевских гор: дис. канд. ... биол. наук. М., 1941.

23. Черепнин Л.М. Растительность каменистой степи Жигулевских гор. Систематический перечень видов флоры / сост. С.В. Саксонов // Восточноевропейский ботанический вестник. 2007. № 2. С. 181–227.

24. Голуб В.Б., Саксонов С.В., Ужамецкая Е.А. Характеристика каменистых степей Жигулевских гор (по материалам исследований Л.М. Черепнина) // Самарская Лука: Бюл. 1995. № 6. С. 73–96.

25. Ужамецкая Е.А., Саксонов С.В. Некоторые итоги классификации растительных сообществ каменистых степей Жигулевских гор // Самарская Лука на пороге третьего тысячелетия: Мат-лы к докладу «Состояние природного и культурного наследия Самарской Луки». Тольятти: ИЭВБ РАН, 1999. С. 103–105.
26. Спрыгин И.И. Отчет о работе Л.М. Черепнина / сост. Л.А. Новикова // Фиторазнообразии Восточной Европы. 2013, VII: 2. С. 4–27.
27. Ястребова Н.А., Плаксина Т.И. Значение работы Л.М. Черепнина в изучении флоры и растительности Жигулей // Социально-экологические проблемы Самарской Луки. Куйбышев, 1990. С. 103–108.
28. Семенова-Тянь-Шанская А.М. Материалы к распределению сосновых лесов Приволжья // Труды Ботанического института им. В.Л. Комарова Академии Наук СССР. Серия III, выпуск 11. Ленинград, 1957. С. 309–338.
29. Кузьмичев А.И. Растительность каменистой степи в Жигулях // Украинский ботанический журнал. 1965. № 6. С. 106–107.
30. Тимофеев В.Е., Евдокимов Л.А., Матвеев В.И., Симакова Н.С. Опыт эколого-географического анализа флоры Самарской Луки // Флора и растительность Среднего Поволжья. Ульяновск: УГПИ, 1979. С. 43–49.
31. Задульская О.А. Опыт флороценотического исследования лесных опушек на территории Самарской Луки // Морфология и динамика растительного покрова: науч. тр. Куйбышевского пед. ин-та. 1977. Т. 207. Вып. 6. С. 93–97.
32. Задульская О.А. Флора и растительность лесных опушек Самарской Луки // Социально-экологические проблемы Самарской Луки. Куйбышев, 1990. С. 92–94.
33. Ильина Н.С. Флора и растительность овражно-балочных систем южной части Самарской Луки // Социально-экологические проблемы Самарской Луки. Куйбышев, 1990. С. 81–85.
34. Бирюкова Е.Г., Ильина Н.С., Устинова А.А. Территориальные единицы растительного покрова Самарской Луки, пути их рационального использования и охраны // Проблемы рационального использования и охраны природного комплекса Самарской Луки. Куйбышев, 1983. С. 55–56.
35. Зеленая книга Самарской области: редкие и охраняемые растительные сообщества / под ред. Г.С. Розенберга и С.В. Саксонова. Самара: Самар. НЦ РАН, 2006. 201 с.
36. Кудинов К.А. Жигулевский государственный заповедник. Куйбышев: Кн. изд-во, 1982. 48 с.
37. Кудинов К.А. Жигулевский заповедник. Тольятти, 2007. 134 с.
38. Сенатор С.А., Саксонов С.В. Средне-Волжский биосферный резерват: раритетный флористический комплекс / под ред. чл.-корр. РАН Г.С. Розенберга. Тольятти: Кассандра, 2010. 251 с.

HISTORY STUDY OF STEPPE VEGETATION IN THE MIDDLE-VOLGA COMPLEX BIOSPHERE RESERVE

© 2016

S.E. Gorlov, postgraduate student of the Laboratory of Problems of Phytodiversity
Institute of Ecology of the Volga River Basin of Russian Academy of Sciences, Togliatti (Russia)

Abstract. Middle-Volga complex biosphere reserve is a specially-protected natural area in Samara region. The reserve was established in 2006 on the basis of Zhiguli reserve named after I. Sprygina and National Park «Samarskaya Luka» and became the first integrated biosphere reserve in Russia. The main purpose of the reserve is to ensure the conservation of Zhiguli landscapes and forest-steppe complexes of Middle Volga region, the organization of environmental monitoring and the development of careful environmental management system. The most valuable for research are fragments preserved in the reserve steppe areas, found only in small outlier unplowed areas in the southern and south-western part of Samarskaya Luka, in the Zhiguli and Sengileevskaya mountains. These are the remains of the steppe vegetation that once covered much of the plateau reserve. Although currently they are only small areas they cover all types of steppes in Samara region: meadow (north) steppe, present or feather-fescue (south), as well as special versions of steppe – shrubs, rocky and sandy. The uniqueness of the reserve nature, biodiversity, a large number of rare, endemic and relict species and communities could not but attract the attention of botanists from various periods. We consider the most important works from the point of view of studying the steppe vegetation.

Keywords: history of research; biodiversity; steppe vegetation; rocky steppes; geobotanic; Zhiguli mountains; Middle-Volga biosphere reserve; Samarskaya Luka; biodiversity conservation; reserve management and studies.

УДК 57.04

ВОЗДЕЙСТВИЕ ХИМИЧЕСКИХ ВЕЩЕСТВ (ФОРМАЛЬДЕГИД И ТОЛУОЛ) НА ПОЧВЕННЫЕ МИКРООРГАНИЗМЫ ЧЕРНОЗЁМА ВЫЩЕЛОЧЕННОГО

© 2016

Н.А. Ильина, доктор биологических наук, профессор кафедры географии и экологии

Т.В. Фуфаева, аспирант кафедры географии и экологии

Н.А. Казакова, кандидат биологических наук, старший преподаватель кафедры географии и экологии

Н.М. Касаткина, кандидат биологических наук, доцент кафедры географии и экологии

Е.А. Вилкова, кандидат биологических наук, доцент кафедры географии и экологии

Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова, Ульяновск (Россия)

Аннотация. В статье проведена оценка состояния почвенного покрова, связанная с загрязнением ее отходами химического производства и потребления. Представлены данные о влиянии формальдегида и толуола на

численность актиномицетов, гетеротрофных бактерий и плесневых грибов, так как эти группы микроорганизмов обеспечивают самоочищающую способность почвы и участвуют в почвообразовательных процессах.

В данной работе были использованы микробиологические и физико-химические методы исследований. Исследование изменений видового состава некоторых групп почвенных микроорганизмов чернозема выщелоченного, под влиянием формальдегида и толуола показало, что этот фактор вызывает изменения в комплексе почвенных микроорганизмов. Данный фактор выражается в снижении видового богатства и разнообразия и увеличении доли толерантных к загрязнению микроорганизмов.

Данные исследования направлены на изучение ряда микроорганизмов, которые обеспечивают самоочищающую способность почвы и участвуют в почвообразовании. Полученные результаты показывают характер влияния различных доз формальдегида и толуола на состав и функционирование комплекса микроорганизмов почвы, а также вскрывают механизм воздействия химических веществ (формальдегида и толуола) на почвенную микробиоту, связанный с ее устойчивостью и проявлением токсикоза почвы.

Ключевые слова: почва; чернозем выщелоченный; почвообразовательный процесс; формальдегид; толуол; гетеротрофные бактерии; актиномицеты; плесневые грибы; почвенные микроорганизмы; ксенобиотики; видовое богатство; самоочищающая способность; почвообразование; почвенная микробиота; токсикоз почвы; биохимическое значение.

Почва – одно из богатств, которыми располагает человек. Поэтому для человека важно изучение почвы как источника нашего пищевого благосостояния. Вместе с тем проявляется тенденция к уменьшению площадей плодородных земель вследствие ветровой и водной эрозии, а также загрязнения почвенного покрова человеком химическими веществами и отходами химических производств [2; 3].

Почвенный покров выполняет важные функции: биологического поглотителя, разрушителя и нейтрализатора загрязнений различного рода. Если данное звено биосферы будет разрушено, то сложившееся функционирование биосферы необратимо нарушится [4]. В связи с этим чрезвычайно важно изучение глобального биохимического значения почвенного покрова, его современного состояния и изменения под влиянием антропогенной деятельности человека, так как важнейшим значением почв является аккумуляция органического вещества, различных химических элементов, энергии. Охрана почв от загрязнений является наиболее важной задачей человека, так как любые вредные соединения и вещества, находящиеся в почве, рано или поздно попадают в организм человека [5; 6].

Проблема оценки состояния почвенного покрова, связанная с загрязнением ее отходами химического производства и потребления, выбросами от стационарных и передвижных источников, применения агрохимикатов, является весьма актуальной [1].

В данной работе были использованы микробиологические и физико-химические методы исследований. Отбор почвы проводили в соответствии с ГОСТ 28168-89 [7].

Формальдегид определяли согласно методике СанПиН 42-128-4433-87 [8].

Определение толуола проводили в соответствии с методическими указаниями (определение массовых долей бензола и толуола в пробах почвы) [9; 10].

Статистическую обработку данных проводили с помощью встроенного статистического пакета Excel (MSOffice 2007). Повторность всех экспериментов трехкратная.

Исследования проб загрязненных почв направлены на изучение влияния химических веществ (формальдегид и толуол) на численность актиномицетов, гетеротрофных бактерий и плесневых грибов, так как эти группы микроорганизмов обеспечивают само-

очищающую способность почвы и участвуют в почвообразовательных процессах.

Численность почвенных микроорганизмов, содержащей различные концентрации загрязнителя, определяли методом последовательных разведений почвенной суспензии на 5 и 30 сутки [11].

Плесневые грибы выявляли поверхностным методом, высевая 0,1 мл почвенной суспензии из разведения 10–2 на агаризованную среду Чапека-Докса. Актиномицеты выделяли так же, как и грибы, поверхностным методом, высевая 0,1 мл из разведения 10–3 на среду Красильникова № 1 [12]. Гетеротрофные бактерии выявляли глубинным методом посева 1 мл суспензии из разведения 10–5 на ГРМ-агар. Культивирование посевов осуществляли в термостате при 25 0С в течение 2 суток при выделении гетеротрофных, 5–7 суток при выделении актиномицетов и плесневых грибов. После инкубации посевов проводили количественный учет выросших колоний и определяли КОЕ в 1 г почвы. Динамику численности микроорганизмов в почве с ксенобиотиком отражали в процентах по отношению к контролю.

После 4 (с формальдегидом) и 8 (с толуолом) пассажей соответственно, в новую питательную среду из культуральной жидкости с накопительной культурой производили высеив на чашки Петри с селективной твердой агаризованной средой М9 + формальдегид (толуол) и отбирали изолированные колонии.

Определение систематического положения отобранных штаммов бактерий проводится в соответствии с определителем бактерий Берги [13; 14; 15] по настоящему времени.

При взаимодействии формальдегида с плесневыми грибами отмечено стимулирующее действие максимальных концентраций загрязнителя. При внесении 100 и 1000 доз ПДК увеличивалось количество плесневых грибов на 10–30%, а в почве, содержащей 10 дозу ПДК, в первые дни численность грибов уменьшилась. На 30 сутки было отмечено снижение содержания грибов во всех пробах почвы с формальдегидом, особенно выделялись грибы из родов *Mucor* и *Penicillium*. Вероятнее всего, образующиеся продукты разложения обладали сильным токсическим действием на плесневые грибы.

Еще большее токсическое действие, особенно в первые дни контакта оказывал толуол на плесневые грибы, так как их содержание в пробах почвы снизи-

лось на 30–80%. Однако при дальнейших наблюдениях численность плесневых грибов не только восстанавливалась, но даже превысила контрольные показатели. При этом восстановление численности происходило в основном у родов *Mucor* и *Penicillium*. В пробе, содержащей 1000 доз ПДК, численность восстанавливалась с меньшей интенсивностью.

Анализ динамики численности актиномицетов, после внесения различных доз формальдегида показал ингибирующее действие на их размножение. На протяжении всех 30 суток отмечено непрерывное снижение количества актиномицетов в пробах с формальдегидом. К 30 дню наблюдалось уменьшение до 97% численности актиномицетов во всех пробах почвы. Таким образом, действие формальдегида выражается в негативном действии на их размножение.

Совершенно иную динамику изменения численности наблюдали у актиномицетов, так как в первые дни контакта с толуолом их количество оставалось на исходном уровне, но к 30 дню произошло нарастание численности в условиях внесения всех трех доз ПДК (10, 100 и 1000 доз ПДК). При этом интенсивное накопление актиномицетов наблюдалось при внесении повышенных доз ПДК.

Установлено, также, что на протяжении 30 суток происходило увеличение содержания гетеротрофных бактерий после внесения в нее доз формальдегида. Так в течение 30 суток наблюдали увеличение содержания гетеротрофных бактерий в почве. Внесение в почву концентрации 10 ПДК не сразу отразилось на размножении бактерий. В почве с максимальными дозами (100 и 1000 мг/кг) уже на пятые сутки количество бактерий на 10–45% превышало контрольные значения, так к 30 дню численность гетеротрофов во всех пробах почвы увеличилась до 147–154%.

Микробиологическими исследованиями проб почвы в различные интервалы времени установлено, что при внесении в почву толуола стимулировало рост, и размножение гетеротрофных бактерий в пробах почвы с ксенобиотиком на 5 сутки увеличивалась в 3–5 раз по сравнению с контролем, при этом выявлена зависимость размножения бактерий от дозы препарата.

Особенно высокое содержание микробов – 480% было зафиксировано в почве, содержащей максимальную концентрацию в 1000 доз ПДК, что соответствовало 300 мг/кг. Количественные показатели бактерий в пробах почвы, содержащей 10 и 100 ПДК толуола, соответствующие 3 и 30 мг/кг, численно совпадали и составляли 345% от контроля. К 30 дню содержание микробов в почве несколько снижалось, но, тем не менее, оставалось довольно высоким, это дает основание полагать, что толуол способствовал активному размножению гетеротрофных бактерий.

После 4 пассажа на новую питательную среду из культуральной жидкости с накопительной культурой производили высев на чашки Петри с селективной твердой агаризованной средой М9 + формальдегид и отбирали изолированные колонии. Вследствие чего, удалось получить 2 изолята, которые устойчивы к формальдегиду в концентрации 50 мг/л. Они были исследованы на способность к деструкции в условиях непрерывного культивирования в аэробных условиях на минеральной среде М9. Выделенные 2 штамма бактерий были обозначены под шифрами Фд 1 и Фд 2

– это тонкие грамтрицательные палочки, которые на агаре Хоттингера с рН 7,6 через 24 часа инкубации при температуре плюс 28оС вырастают матовые, бугристые, с фестончатым краем колонии, дающие цветочный запах.

Так как формалин является раствором формальдегида, то выделенные штаммы деструкторы формальдегида (Фд 1 и Фд 2) использовали для ремедиации земель, загрязненных формалином.

Результаты исследования показывают, что после 48 часов инкубирования штаммы Фд 1 и Фд 2 разрушают 10 мг/л и 15 мг/л формальдегида. Изменение концентрации формальдегида при росте штаммов деструкторов Фд 1 и Фд 2 показано на рисунке 1.

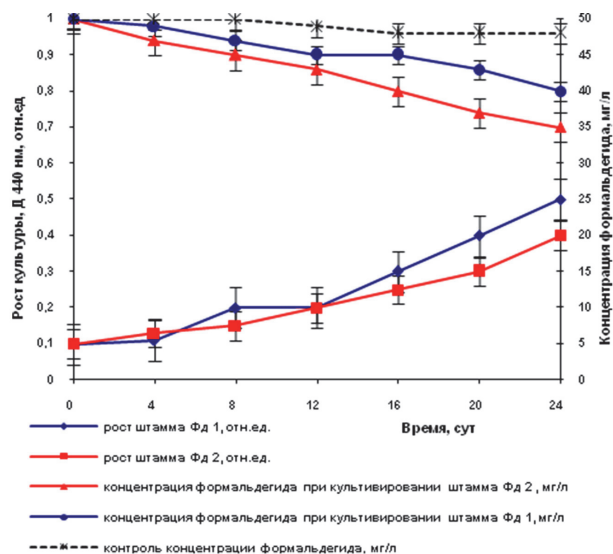

Рисунок 1 – Изменение концентрации формальдегида при росте штаммов деструкторов Фд 1 и Фд 2

После 8 пассажей в новую питательную среду из культуральной жидкости с накопительной культурой производили высев на чашки Петри с селективной твердой агаризованной средой М9 + толуол и отбирали изолированные колонии. Таким образом удалось получить 6 изолятов, устойчивых к толуолу в концентрации 150 мг/л. Они были исследованы на способность к деструкции в условиях непрерывного культивирования в аэробных условиях на минеральной среде М9. Выделенные 6 штаммов бактерий были обозначены под шифрами Тл 1, Тл 2, Тл 3, Тл 4, Тл 5 и Тл 6. При микроскопическом изучении данных видов бактерий установлено, что это мелкие грамтрицательные палочки бактерий, образующие на агаре мелкие, блестящие, гладкие, с однородной структурой, мягкой консистенцией, светлые выпуклые колонии с ровным краем.

Определение систематического положения отобранных штаммов проводится в соответствии с определителем бактерий Берги [13; 14; 15] по настоящее время. Анализ результатов, приведенных на рисунке 2, показывает, что в течение 4 суток произошло снижение концентрации толуола на 50%, затем рост культуры прекращался, в связи с чем для эффективной работы консорциума необходимо проведение оптимизации условий биодеградациии толуола [16; 17; 18].

Исследование изменений видового состава некоторых групп почвенных микроорганизмов чернозема выщелоченного, под влиянием формальдегида и то-

луола показало, что этот фактор вызывает изменения в комплексе почвенных микроорганизмов. Данный фактор выражается в снижении видового богатства и разнообразия и увеличении доли толерантных к загрязнению микроорганизмов.

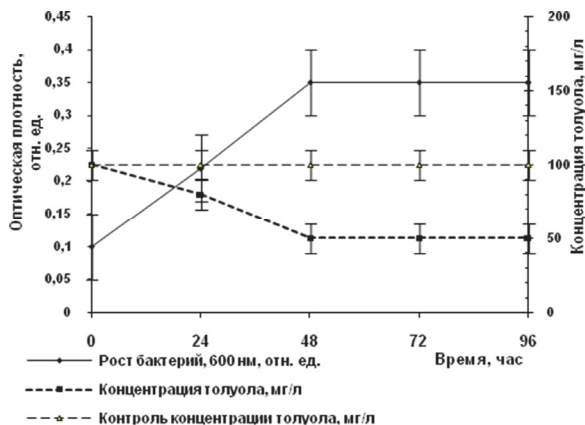

Рисунок 2 – Дegrадация толуол при концентрации 100 мг/л штаммами Тл 1, Тл 2, Тл 3, Тл 4, Тл 5, Тл 6

Таким образом, полученные результаты показывают характер влияния различных доз формальдегида и толуола на состав и функционирование комплекса микроорганизмов почвы, а также вскрывают механизм воздействия химических веществ (формальдегида и толуола) на почвенную микробиоту, связанный с ее устойчивостью и проявлением токсикоза почвы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Стефурак В.П. Влияние техногенного загрязнения на численность и состав микробных сообществ почв. Киев, 1982. 230 с.
2. Вальков В.Ф. Системно-биологический подход при изучении почв // Научная мысль Кавказа. 1995. № 4. С. 6–10.
3. Добровольский Г.В., Никитин Е.Д. Сохранение почв как незаменимого компонента биосферы. М.: Наука, 2000. 184 с.
4. Брылов С.А., Грабчак Л.Г., Комащенко В.И. Охрана окружающей среды / под ред. С.А. Брылова и К. Штротки. М.: Высшая школа, 1985. 288 с.
5. Звягинцев Д.Г., Голимбет В.Е. Динамика микробной численности, биомассы и продуктивности

микробных сообществ в почвах // Успехи микробиологии. 1983. Вып. 18. С. 215–231.

6. Круглов Ю.В. Микрофлора почвы и пестициды. М., 1991. С. 88.

7. Аржанова В.С. Миграция микроэлементов в почвах (по данным лизиметрических исследований) // Почвоведение. 1977. № 4. С. 71–77.

8. ГОСТ 28168-89. Почвы. Отбор проб. – введ. 1990.04.01. М.: Изд-во стандартов, 1989. 8 с.

9. Санитарные нормы допустимых концентраций химических веществ в почве. СанПиН 42-128-4433-87.

10. РД 52.18.608-99 Методические указания. Определение массовых долей бензола и толуола в пробах почвы. Методика выполнения измерений методом газовой хроматографии.

11. Ганжара Н.Ф., Борисов Б.А., Байбейков Р.Ф. Практикум по почвоведению. М.: Агроконсалт, 2002. 280 с.

12. Егоров Н.С. Руководство к практическим занятиям по микробиологии. М.: МГУ, 1983. 215 с.

13. Определитель актиномицетов / Г.Ф. Гаузе, Т.П. Преображенская, М.А. Свешникова и др. М.: Наука, 1983. 246 с.

14. Хоулт Дж. Определитель бактерий Берджи: в 2 т. Т. 1 / Дж. Хоулт, Н. Криг; под редакцией акад. РАН Г.А. Заварзина. 9-е изд. М.: Мир, 1997. 430 с.

15. Гаузе Г.Ф., Преображенская Т.П., Свешникова М.А., Терехов Л.П., Максимова Т.С. Определитель актиномицетов. М.: Наука, 1983. 246 с.

16. Ильина Н.А., Фуфаева Т.В., Казакова Н.А. Влияние толуола на микрофлору почвы // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире: Материалы IX Международной научно-практической конференции (11 марта 2015 г.) Т. 3. Санкт-Петербург: Информационный издательский учебно-научный центр «Стратегия будущего», 2015. С. 26–29.

17. Ильина Н.А., Фуфаева Т.В., Казакова Н.А. Влияние формальдегида на микрофлору почвы // Сборник научных трудов XIX Всероссийской студенческой научно-практической конференции с международным участием. 22–25 апреля 2014 г. Иркутск, 2014. С. 197–198.

18. Гузев В.С., Левин С.В. Перспективы эколого-микробиологической экспертизы состояния почв при антропогенном воздействии // Почвовед. 1991. № 9. С. 50–62.

THE CHEMICALS (FORMALDEHYDE AND TOLUENE) INFLUENCE ON SOIL MICROORGANISMS OF LEACHED CHERNOZEM

© 2016

N.A. Ilyina, doctor of biological sciences, professor of the Chair of Geography and Ecology

T.V. Fufaeva, postgraduate student of the Chair of Geography and Ecology

N.A. Kazakova, candidate of biological sciences, senior lecturer of the Chair of Geography and Ecology

N.M. Kasatkina, candidate of biological sciences, associate professor of the Chair of Geography and Ecology

E.A. Vilkova, candidate of biological sciences, associate professor of the Chair of Geography and Ecology

Ulyanovsk State Pedagogical University, Ulyanovsk (Russia)

Abstract. The paper assesses the status of the soil cover associated with the pollution of its waste chemical production and consumption. The authors present the data of formaldehyde and toluene influence on the abundance of actinomycetes, heterotrophic bacteria and fungi, as these groups of microorganisms provide self-purification capacity of the soil and participate in soil formation processes.

In this paper microbiological and physico-chemical methods of research are used. The study of species composition changes of some soil microorganisms groups of leached chernozem under the influence of formaldehyde and toluene showed that this factor causes changes in the complex of soil microorganisms. This factor is reflected in the decreased species richness and diversity and increase of pollution-tolerant microorganisms.

These studies investigate a number of microorganisms that provide self-purification capacity of the soil and participate in soil formation. The results show the nature of the influence of different doses of formaldehyde and toluene on the structure and functioning of the complex of soil microorganisms, as well as reveal the mechanism of action of chemicals (formaldehyde and toluene) on soil microbiota associated with its resistance and the manifestation of toxicity of the soil.

Keywords: soil; leached chernozem; soil formation process; formaldehyde; toluene; heterotrophic bacteria; actinomycetes; fungi; soil microorganisms; xenobiotics; species richness; self-purification ability; soil formation; soil microbiota; soil toxicity; biochemical value.

УДК 574.34

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ О РАСПРОСТРАНЕНИИ ЕНОТОВИДНОЙ СОБАКИ НА ТЕРРИТОРИИ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2016

Е.С. Камалова, аспирант кафедры экологии, ботаники и охраны природы

В.В. Мартынова, аспирант кафедры экологии, ботаники и охраны природы

М.Е. Фокина, кандидат биологических наук, доцент кафедры зоологии, генетики и общей экологии
Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва, Самара (Россия)

Аннотация. Енотовидная собака на территории Самарской области является видом-интродуцентом, который успешно освоил новую для него среду обитания. В статье приводятся данные о распространении этого вида на территории Самарской области. Исследования проводились на пойменных, степных, лесных и околоводных территориях области, в том числе в национальном парке «Самарская Лука» и Жигулевском заповеднике. Приведены сведения о наличии следов жизнедеятельности изучаемого вида в 12 муниципальных районах области (отмечены следовые дорожки, норы, временные убежища). В статье представлено GPS-картирование обнаруженных за 2002–2015 гг. нор и временных убежищ в южной части ООПТ национального парка «Самарская Лука». На данной территории были зарегистрированы 15 нор и убежищ, следовые дорожки, мочевые точки, фекалии, и дано детальное описание нор. Дальнейшее распространение популяции связано с наличием мест, пригодных для временных убежищ и нор, водоёмов, около которых енотовидные собаки могут найти себе пищу, а также меньшим влиянием фактора беспокойства (влияния человека). Полученные данные могут быть полезны для сотрудников особо охраняемых природных территорий, лесохозяйственных и охотничьих организаций для популяционного мониторинга интродуцированного вида.

Ключевые слова: енотовидная собака; *Nyctereutes procyonoides*; распространение; освоение территории; Самарская Лука; вид-интродуцент; поведенческая активность; адаптация; особо охраняемые природные территории; Самарская область; пойменные территории.

Введение. Енотовидная собака – вид, интродуцированный в Самарской области, поэтому необходимо изучение его влияния на аборигенные экосистемы, особенно на охраняемых природных территориях, таких как национальный парк «Самарская Лука».

В 1934 г. была осуществлена попытка акклиматизации 57 пар енотовидной собаки в Бузулукском бору. Однако по причине вспыхнувшей эпизоотии пироплазмоза, переселенные животные погибли. В 1955 г. в Куйбышевской области было выпущено 112 зверьков [1]. По мнению В.М. Шапошниковой, эта попытка также окончилась неудачей: животные разбрелись, и в 60-х годах в Самарской области о них уже нет информации [2]. После подведения первых итогов акклиматизации изучение данного вида временно прекратилось, целенаправленный учет численности и оценка распространения не проводились. До сих пор не ясно, являются ли особи нынешней популяции потомками завезенных в 50-х годах енотовидных собак, или же это животные, переселившиеся из соседних областей. Лишь в 80-х гг. прошлого столетия енотовидная собака была вновь зарегистрирована в Самарской области, в литературе имеются несистематизированные данные о визуальных наблюдениях зверьков [3; 4].

Некоторые авторы указывают на воздействие данного вида на численность охотничье-промысловых Самарский научный вестник. 2016. № 3 (16)

птиц, гнездящихся на земле. Уничтожая яйца и птенцов, енотовидная собака может сильно повлиять на плотность популяции дичи в местах их воспроизводства на охраняемых территориях и в охотничьих хозяйствах [5; 6]. В связи с этим енотовидную собаку считают вредителем, и в некоторых странах охота на неё разрешена круглый год.

В то же время другие исследователи отмечают, что контроль численности хищника не требуется, поскольку приносимый енотовидной собакой охотничьему хозяйству вред невелик. Енотовидная собака – полифаг, в её рацион входят различные компоненты, в том числе мышевидные грызуны и насекомые. Поэтому считается, что данный хищник приносит пользу сельскому и лесному хозяйствам [7; 8; 9].

Между енотовидной собакой и такими видами, как американская и европейская норка, горноста́й, лесной хорь и лесная куница, лисица и барсук, выявлена трофическая конкуренция, но выражена она слабо. К примеру, рационы лисицы и енотовидной собаки не совпадают: в питании последней, кроме грызунов, большую роль играют растительные корма, беспозвоночные (моллюски и насекомые), рептилии и амфибии. Кроме того, енотовидная собака часто ищет корм вдоль берегов водоёмов и на мелководьях, тогда как лисица кормится чаще на открытых территориях (полях, лугах). В местах поиска пищи енотовидная

собака ведет себя довольно смело в отношении лисицы. В зимний период кормовая база становится более скудной, но пищевая конкуренция не обостряется в связи с залеганием енотовидной собаки и барсука в зимний сон [10]. По этой же причине конкуренция за норы и убежища ни с лисицей, ни с барсуком не наблюдается [7; 10; 11]. На данный момент нет достаточных оснований считать енотовидную собаку видом, приносящим вред хозяйственно ценным диким животным [12].

Кроме влияния на аборигенные виды в пищевом отношении, которое проявляется как конкуренция за еду, енотовидная собака является переносчиком ряда заболеваний. Однако среди представителей семейства псовых именно этот вид наименее подвержен заболеваниям. Чесотка (зудневая и ушная) отмечается у енотовидных собак гораздо реже, чем у лисиц. Перенос паразитов между особями осуществляется при использовании одних и тех же нор, а также при прямом контакте. Енотовидная собака подвержена таким заболеваниям, как туберкулез, пироплазмоз, трихинеллез, дерматикоз, клонорхоз, парагонимоз, паратиф, реже – чума плотоядных [7; 12; 13; 14; 15]. Кроме того, енотовидная собака является переносчиком бешенства, и в европейских странах ведутся работы по контролю за численностью этого хищника. Территория Самарской области является эндемичной по этому заболеванию. Ежегодно регистрируются случаи бешенства среди диких плотоядных, домашних и сельскохозяйственных животных, число их колеблется от 24 случаев (за 2014 г.) до 230 случаев (за 2009 г.). Среди зараженных животных преобладали домашние собаки и лисы (их удельный вес составил 41,7% и 33,3% соответственно), 20,8% пришлось на КРС и 4,2% – на домашних кошек [16].

Следует отметить, что енотовидная собака была интродуцирована в Самарской области с середины прошлого столетия, и за это время она смогла устойчиво закрепиться на новой территории, «вливаясь» в существующую экосистему, являясь теперь ее неотъемлемой частью [17]. Таким образом, важна оценка численности данного хищника на новых для него территориях, а также изучение экологии и распространения вида, что актуально в первую очередь для особо охраняемых природных территорий области.

Объект, территория и методы исследования. Объектом исследования является популяция енотовидной собаки, заселяющая степные, лесостепные и пойменные участки Самарской области.

Для енотовидной собаки наиболее привлекательны для обитания околоводные биотопы, что отмечается и на Дальнем Востоке, и в местах её акклиматизации [18; 19]. Около воды происходит поиск пищи (беспозвоночные, моллюски, амфибии, рыба), часто можно видеть тропы нескольких особей, идущих вдоль берега от проталины к проталине. В условиях интродукции в Самарской области хищник также заселяет преимущественно пойменные участки, отдавая предпочтение влажным лугам с прилегающими к ним заболоченными низинами, изобилующими водоёмами. В зимний период для енотовидной собаки большое значение имеет глубина и время становления снежного покрова. Эти факторы могут ограничивать распространение вида к северу, в местности, где глу-

бина снега составляет более 50 см. При высоте снежного покрова больше 20 см зверьки передвигаются с трудом [19].

Более детальные исследования следов жизнедеятельности и расположения нор енотовидной собаки проводились в южной части национального парка «Самарская Лука». Данная территория обладает теми условиями среды, при которых изучаемый вид смог закрепиться и успешно распространиться: имеются поймы, временно затапливаемые берега, редкие смешанные леса, овраги, протоки, озера, заросли высокотравья. Именно такие места благоприятны для поисков пищи и устройства нор енотовидной собакой.

Полевые исследования проводили в зимнее время с 1995 по 2007 гг. и с 2009 по 2015 гг. Для оценки распространения животных применяли метод детальных зимних троплений, производили картирование нор методом нанесения немасштабных знаков [20] с использованием системы GPS. Оценка численности енотовидной собаки затруднена биологическими особенностями вида. Особи занимают определенную территорию, живут парами или семьями, состоящими из взрослых самца и самки, и выводка. В этих условиях подсчеты численности методами прямых наблюдений на маршрутах, пробных площадках или по следам не применимы. Для оценки плотности популяции возможно использование метода учета численности по норам [21; 22]. Однако при этом удается получить лишь приблизительные сведения о численности вида, поскольку енотовидные собаки могут занимать 1–2 норы и перемещаться между ними.

Результаты исследований. Установлено, что распределение енотовидной собаки на территории Самарской области крайне неравномерно (рис. 1).

В 1993 г. следы жизнедеятельности зверька были обнаружены в Приволжском районе. С 2003 г. енотовидная собака отмечена на противоположном берегу р. Волги в Ставропольском районе Самарской области. Летом распространение животных может ограничиваться водными преградами: большими водоемами, широкими протоками, р. Волгой. После установления льда особи могут свободно перемещаться между островами. Однако зимние месяцы енотовидная собака проводит в состоянии зимнего сна. Таким образом, распространение особей происходит большей частью в конце февраля и в весенние месяцы. Эти передвижения могут быть обусловлены процессом поиска богатых пищей участков. Дальние откочевки характерны для енотовидных собак, населяющих поймы, как правило, в этом случае самки с выводками покидают затопленные территории [23]. Животные обычно перемещаются парами, до распада выводка семейная группа часто совместно ищет пищу [24].

Для этого хищника определяющим фактором при выборе мест заселения является рельеф и тип ландшафта (такое наблюдается в исконном ареале на территории Приамурья) [19; 25]. Чаще всего енотовидную собаку можно наблюдать на пойменных участках, в оврагах, балках, небольших перелесках, даже если рядом находятся населенные пункты. Присутствие особей енотовидной собаки отмечено вблизи с. Малая Рязань, с. Нижнепечерское, с. Мордово, с. Екатериновка и др. [26]. По данным троплений и устным сообщениям егерей муниципальных районов, в Са-

марской области енотовидная собака встречается на территориях Кошкинского, Иса克林ского, Кинельского, Нефтегорского, Красноармейского, Большеглушицкого, Хворостянского, Безенчукского, Приволжского, Сызранского, Ставропольского и Шигонского районов (табл. 1).

Таблица 1 – Сведения о встречах следов жизнедеятельности енотовидной собаки в разных районах Самарской области

№ п/п	Муниципальный район	Найденные следы жизнедеятельности
1	Кошкинский	Следы
2	Иса克林ский	Следы
3	Кинельский	Следы
4	Нефтегорский	Следы
5	Красноармейский	Следы
6	Большеглушицкий	Следы
7	Хворостянский	Следы
8	Безенчукский	Следы, временные убежища
9	Приволжский	Следы, норы
10	Сызранский	Следы
11	Ставропольский	Следы, временные убежища, норы
12	Шигонский	Следы

Исследование локализации нор енотовидной собаки с применением метода картирования было проведено в южной части ООПТ национального парка «Самарская Лука». Ранее было отмечено, что данный вид начал распространяться с территории Васильевских островов в сторону острова Мордово, что, по-видимому, связано с увеличением численности популяции. Площадь Мордовинской поймы относительно небольшая и составляет около 3 тыс. га. Выбор мест обитания вида на исследуемой территории в пойменных биотопах определяется обилием пищи, её сезонностью и доступностью, близостью источников воды и наличием защитных условий для расположения убежищ во время размножения и перезимовки. Мордовинская пойма обладает благоприятными для обитания енотовидной собаки условиями среды.

Следы животных отмечены в непосредственной близости от населённых пунктов, что указывает на приспособленность этих хищников к антропогенному влиянию, наблюдаемому на исследуемых территориях. Например, около с. Мордово следы животных встречаются на окраинах самого населенного пункта. Однако, в большинстве случаев енотовидные собаки предпочитают более укромные места для устройства нор. Кроме попытки избежать встреч с человеком, это поведение можно объяснить агрессивностью домашних собак, которые способны уничтожить небольших диких зверьков при встречах. Такая же картина наблюдалась у с. Малая Рязань: енотовидные собаки преимущественно передвигались по оврагу и побережью р. Волги, вдоль заборов домов у окраин, и не заходили на улицы поселка.

В пойменной части национального парка «Самарская Лука» глубина снежного покрова варьирует на разных участках от 5 см до 1 м в зависимости от интенсивности снегопадов. Отмечено, что глубокий

снег затрудняет передвижения енотовидной собаки, поэтому на следовых дорожках ярко выражены выволоки и поволоки, а иногда и следы от живота и хвоста зверя. В снежные зимы животные предпочитают перемещаться по поверхности замёрзших проток, укатанным лыжням и следам снегохода, или пользоваться чужими тропами (лисицы, косули, кабана, домашней собаки, человека и др.).

Зимой сохраняется значение постоянных источников воды. Из зафиксированных зимних убежищ исследуемых животных три норы к северо-западу от села Мордово располагались недалеко от незамерзающего родника, около которого обнаружены следы. Отмечен единичный случай подхода енотовидной собаки к лазу во льду, принадлежащему бобрам. В окрестностях с. Малая Рязань располагается овраг, где протекает незамерзающий ручей, около которого найдено множество следов исследуемых животных.

На изучаемой территории имеются упавшие деревья, ниши под корнями и кустами, и старые норы барсуков, которые могут использоваться енотовидной собакой как убежища или дневные лёжки. Характерны также обширные массивы надводного крупнотравья (рогоз и тростник), активно посещаемые зверьками.

Характеристика нор, обнаруженных на территории Мордовинской поймы, представлена в таблице 2.

На рис. 2 представлено картирование нор, обнаруженных в пойменной части национального парка «Самарская Лука». Использована программа Google Earth.

Убежища использовались несколькими особями. Рядом находились объекты коммуникативного значения: общие тропы, сигнальные пункты, мочевые точки и фекалии.

Во время тропления выявлено, что происходит распространение популяции по Мордовинской пойме, что связано с увеличением числа особей на островной части изучаемой территории.

В зимы 2002–2003 гг. и 2004–2005 гг. на островной части Мордовинской поймы были обнаружены два убежища, расположенные в старых норах барсука [27].

Во время полевых исследований в 2009 г. зафиксировано семь нор енотовидной собаки. На северо-западе от с. Мордово были найдены следы, общие тропы, мочевые точки и фекалии. Ранее на этой территории присутствие енотовидной собаки и следы её жизнедеятельности не обнаружены. Отмечено постоянное убежище под корнями дерева, а также общая, хорошо утоптанная тропа, возможно, ведущая к другому логову. Зимой 2010 г. найдены одна нора на о. Мордово и два убежища на берегах протоки Кольцовская Воложка, одно из которых использовалось группой животных [26]. В 2011 г. новые убежища не зафиксированы. При повторных проверках в 2010 и 2011 гг. обнаруженные ранее норы были заселены. Вокруг одного из убежищ, которое располагалось на территории, не подверженной затоплению в паводок, обладающей обильной кормовой базой и постоянным источником воды (незамерзающий ручей), были обнаружены следы, общие тропы, мочевые точки и фекалии, а также лёжка. В 2012 г. это постоянное убежище было покинуто енотовидными собаками, что, по-видимому, связано с частым появлением людей на территории рядом с норами. При повторной проверке

этого убежища в 2013 г. рядом были обнаружены следовые дорожки исследуемых животных, но нора не была заселена. В 2015 г. данная нора использовалась несколькими особями. Вероятно, в

дальнейшем возможно повторное использование убежища при снижении антропогенной нагрузки на территории исследования, либо в результате адаптации животных к данным условиям.

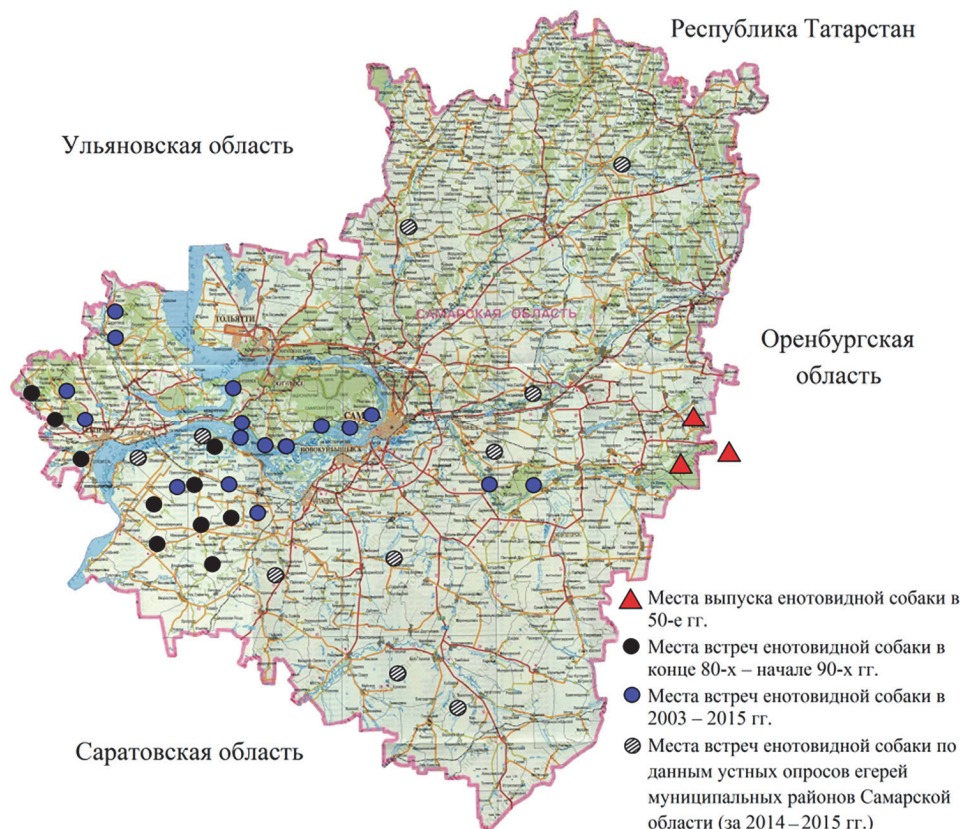

Рисунок 1 – Распространение енотовидной собаки на территории Самарской области

Таблица 2 – Характеристика нор енотовидной собаки в Мордовинской пойме

№ п/п	Год обнаружения норы	Описание	Наличие других следов жизнедеятельности	Удаленность от ближайшего населенного пункта
1	2002	Старая барсучья нора	Следовые дорожки, шерсть	2,5 км
2	2004	Старая барсучья нора	Следовые дорожки	1 км
3	2009	Нора под корнями дерева	Следовые дорожки, мочевые точки, сигнальный пункт в 5 м от норы	0,8 км
4	2009	Нора под упавшим деревом, скрытая тростниковыми зарослями	Следовые дорожки	1 км
5	2009	Временное убежище под кустами, занесенными снегом	Следовые дорожки	0,8 км
6	2009	Нора	Следовые дорожки	1,5 км
7	2009	Нора под корнями дерева вблизи берега	Следовые дорожки, мочевые точки	1 км
8	2009	Нора	Следовые дорожки	1 км
9	2009	Убежище в кустах	Следовые дорожки	0,5 км
10	2010	Нора под упавшим деревом	Следовые дорожки, мочевые точки, фекалии	1 км
11	2010	Нора	Следовые дорожки, мочевые точки, фекалии	1 км
12	2010	Нора под упавшим деревом	Следовые дорожки, мочевые точки, фекалии, следы лежки нескольких особей на дереве, шерсть	0,7 км
13	2015	Нора в склоне берега	Следовые дорожки, фекалии в 5 м от норы	4 км
14	2015	Нора под упавшим деревом	Общая тропа, шерсть	4,5 км
15	2015	Нора	Общая тропа, шерсть, мочевая точка	4,5 км

Убежища, найденные:

- ★ – в 2002–2003 гг.; ◆ – в 2004–2005 гг.; ◆ – в 2009 г.;
● – в 2010 г.; ■ – в 2015 г.

Рисунок 2 – Расположение постоянных нор енотовидной собаки на территории Мордовинской поймы национального парка «Самарская Лука»

В 2015 г. исследована восточная часть о. Мордово, на которой были обнаружены следовые дорожки енотовидных собак и три норы: одна – на склоне крутого берега, а две другие – в лесной части, недалеко от берега. Ранее на данной территории были отмечены единичные следы изучаемых животных. Выявлено также, что енотовидная собака избегает территорий, на которых встречаются следы жизнедеятельности крупных животных, таких как кабаны и косули. В 2015 г. в центральной части острова встречалось много следов, фекалий и покопов этих животных, и мало троп енотовидных собак.

Заключение. Распределение енотовидной собаки требует подробного изучения, поскольку данный вид-интродуцент заселяет особо охраняемые природные территории Самарской области. Следы жизнедеятельности изучаемого вида были отмечены в 12 муниципальных районах области. На территории национального парка «Самарская Лука» (в его южной части) происходит увеличение числа постоянно используемых убежищ. При этом животные передвигаются по общим тропам, на которых замечены сигнальные столбы с мочевыми точками нескольких особей.

Дальнейшее распространение популяции связано с наличием подходящих условий среды обитания. Расселение животных с острова происходит в зимний период года в наиболее узких местах Воложки. Кроме того, дальнейшему продвижению способствует наличие мест, пригодных для временных убежищ, где особи могут переждать холодное время года, и водоёмов, около которых енотовидные собаки могут найти себе пищу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Колосов А.М., Лавров Н.П. Обогащение промысловой фауны СССР. М.: Лесная промышленность, 1968. 256 с.
2. Шапошников В.М. Реконструкция фауны промысловых животных в лесных биогеоценозах в пределах лесной и лесостепной зон Куйбышевской области // Вопросы лесной биогеоценологии, экологии и охраны природы в степной зоне. Вып. 2. Куйбышевский госуниверситет, 1977. С. 86–91.

3. Вехник В.П. Критические замечания к фауно-таксономическому составу млекопитающих Самарской Луки // Биологическое разнообразие заповедных территорий: оценка, охрана, мониторинг: Сб. науч. тр. / Жигулёв. гос. заповед. им. И.И. Спрыгина. Самара, 2000. С. 310–317.

4. Фокина М.Е. Енотовидная собака (*Nyctereutes procyonoides* Gray) Самарской области // Вестник охотоведения, 2007. Т. 4. № 2. С. 124–129.

5. Бурко Л.Д., Гричик В.В. Позвоночные животные Беларуси: учеб. пособие. Мн.: БГУ, 2003. С. 373.

6. Дулицкий А.И. Млекопитающие Крыма. Симферополь: Крымское учебно-педагогическое государственное издательство, 2001. 224 с.

7. Данилов П.И., Русаков О.С., Туманов И.Л. Хищные звери Северо-Запада СССР. Л., 1979. С. 5–25.

8. Литвинов В.П., Иванов М.В. Трофические отношения и питание енотовидной собаки в Волго-Ахтубинской пойме и низовьях дельты Волги // Териофауна России и сопредельных территорий. VII съезд Териол. общ-ва: Материалы Междунар. совещ. 6–7 февраля 2003 г. М., 2003. С. 191–200.

9. Туманов И.Л. Биологические особенности хищных млекопитающих России. СПб.: Наука, 2003. 448 с.

10. Яременко Д.М. Некоторые аспекты биологии лисицы и енотовидной собаки // Ветеринарная патология. М., 2002. С. 111–118.

11. Данилов П.И. Новые виды млекопитающих на Европейском Севере России. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2009. С. 158–171.

12. Касаткин В.И. К экологии хищных млекопитающих дельты Волги // Тр. Астраханского заповед. им. В.И. Ленина. Вып. 13. Астрахань, 1970. С. 355–356.

13. Горегляд Х.С. Болезни диких животных. Минск: Наука и техника, 1971. 251 с.

14. Медицинская териология: Грызуны, хищные, рукокрылые / Отв. ред. В.В. Кучерук. М.: Наука, 1989. 272 с.

15. Млекопитающие севера Нижнего Поволжья: В 3 кн. Кн. I. Состав териофауны / Г.В. Шляхтин, В.Ю. Ильин, М.Л. Опарин и др.; под ред. д-ра биол. наук Е.В. Завьялова. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2009. С. 168–170.

16. Эпидемиологическая и эпизоотологическая ситуация по бешенству в Самарской области [Электронный ресурс] // Управление Роспотребнадзора по Самарской области. – http://63.rosпотребнадзор.ru/rss_all/-/asset_publisher/Kq6J/content/id/583647.

17. Бобров В.В., Варшавский А.А., Хляп Л.А. Чужеродные виды млекопитающих в экосистемах России / ред. Ю.Ю. Дгебуадзе, В.М. Неронов. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2008. 232 с.

18. Лавров Н.П. Итоги интродукции енотовидной собаки (*Nyctereutes procyonoides* Grey) в отдельные области СССР // Уч. зап. МГЗПИ. Вып. 29. М.: Просвещение, 1971. С. 101–160.

19. Насимович А.А., Исаков Ю.А. Песец, лисица, енотовидная собака. М.: Наука, 1985. 159 с.

20. Тупилова Н.В., Комарова Л.В. Принципы и методы зоологического картографирования. М.: Изд-во МГУ, 1979. 192 с.

21. Новиков Г.А. Полевые исследования экологии наземных позвоночных животных. М.: Советская наука, 1949. 601 с.

22. Формозов А.Н. Спутник следопыта / Предисловие, подготовка текста и дополнительные приме-

чания Н.А. Формозова. Изд. 7-е, доп. М.: КомКнига, 2006. 368 с.

23. Гептнер В.Г., Наумов Н.П., Юргенсон П.Б. и др. Млекопитающие Советского Союза. Т. 2. Ч. 1. Морские коровы и хищные. М.: Наука, 1967. 1014 с.

24. Сизонов О.В. Енотовидная собака (*Nyctereutes procyonoides* Gray) плавневой зоны Восточного Приазовья: дис. ... канд. биол. наук. Ставрополь, 2006. 159 с.

25. Юдин В.Г. Енотовидная собака Приморья и Приамурья. М.: Наука, 1977. 161 с.

26. Фокина М.Е., Камалова Е.С., Лапузина В.В. Анализ биотических взаимосвязей енотовидной собаки в условиях интродукции // Наука, природа и общество: Материалы конференции. Миасс-Екатеринбург: УрО РАН, 2010. С. 205–207.

27. Фокина М.Е., Камалова Е.С. Анализ распространения енотовидной собаки в пойменной части национального парка «Самарская Лука» // Материалы международной научной конференции, посвящённой 80-летию со дня рождения профессора Александра Павловича Крапивного. Харьков, 2009. С. 129–132.

SOME DATA ON RACCOON DOG'S DISTRIBUTION IN THE SAMARA REGION

© 2016

E.S. Kamalova, postgraduate student of the Chair of Ecology, Botany and Nature Protection
V.V. Martynova, postgraduate student of the Chair of Ecology, Botany and Nature Protection
M.E. Fokina, candidate of biological sciences,
associate professor of the Chair of Zoology, Genetics and Common Ecology
Samara National Research University, Samara (Russia)

Abstract. Raccoon dog is an invasive species which has successfully expanded on the new territory in the Samara region. The paper presents data on its distribution on the Samara Region areas. The studies were conducted on the floodplain, steppe, forest and riparian areas of the region, including both national park «Samarskaya Luka» and Zhiguli State Nature Biosphere Reserve areas. Collected data proves studied species' presence (such as footprints, burrows, temporary shelters) in 12 municipal districts of the region. The paper contains information on the GPS-mapping of burrows and temporary shelters which have been found in the southern part of the protected area of the national park «Samarskaya Luka» during 2002–2015. Fifteen burrows and temporary shelters, footprints, urinary points, feces have been found in this area, and the detailed burrow's descriptions were provided. Further spread of the population depends on the places suitable for temporary shelters and burrows, presence of water reservoirs areas where raccoon dogs may find food, as well as minimized influence of disturbing factor (anthropogenic press). The data obtained may be useful for employees of nature biosphere reserves, forestry and hunting organizations for invasive species' monitoring.

Keywords: raccoon dog; *Nyctereutes procyonoides*; distribution; territory development; Samarskaya Luka; introduced species; behavioral activity; adaptation; special protected natural areas; Samara region; floodplain areas.

УДК 0058 01/.07 + 00502.75

К ОЦЕНКЕ БИОЭКОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ РАСТЕНИЙ ТЮЛЬПАНА БИБЕРШТЕЙНА (*TULIPA VIEBERSTEINIANA* SCHULT. ET SCHULT. FIL.) В МОДЕЛЬНЫХ БИОТОПАХ КРАСНОСАМАРСКОГО ЛЕСНИЧЕСТВА

© 2016

М.Г. Котельникова, аспирант кафедры экологии, ботаники и охраны природы
Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва, Самара (Россия)

Аннотация. В статье представлены результаты мониторинга растений тюльпана Биберштейна (*Tulipa biebersteiniana* Schult. et Schult. fil.), относящегося к категории редких и исчезающих видов. Путем обобщения доступных источников составлена общая характеристика морфологических и биоэкологических особенностей растения. В 2012–2015 гг. было проведено исследование растений тюльпана в двух популяционных группах квартала 80 Красносамарского лесничества. Полученные данные использовали для установления морфометрических показателей тюльпана Биберштейна, оценки уровня их изменчивости и сопоставления с указанными в литературе для данного растения количественными признаками. Было установлено, что длина побегов у растений тюльпана Биберштейна варьирует в промежутке значений от 23 см до 50 см, максимальная средняя длина в 40 см представлена у растений второй популяционной группы. Распределение длины побега у особей

второй популяционной группы более стабильно, изменения в зависимости от года вегетации слабо выражены. Признак длины побега характеризуется пластичностью, его значения вписываются в диапазон значений, указанный для различных частей ареала в литературе, при значительной доле «высоких» растений в обследованной популяции. Это может свидетельствовать о благоприятности условий произрастания и возможности сохранения в составе растительных сообществ при отсутствии лимитирующих антропогенных факторов.

Ключевые слова: *Tulipa biebersteiniana* Schult. et Schult. fil.; морфологические и биоэкологические особенности; количественные и качественные характеристики; длина побега; Красносамарское лесничество; модельный биотоп; Самарская область.

В современных условиях ускоренной деградации природных экосистем в результате антропогенного воздействия задача сохранения биологического разнообразия становится первоочередной. Наибольшую актуальность приобретают исследования, связанные с оценкой биологического разнообразия, изучением биоэкологических особенностей видов природной флоры, в том числе редких видов высших растений. Успех их сохранения в природе или вне ее (в культуре) в значительной мере зависит от качества семян, образуемых растениями, и прохождения ими всех фаз развития в онтогенезе – от проростка до взрослой генеративной особи. В районах Самарской области на долю агроэкосистем приходится от 50 до 90%, сохранившиеся фрагменты природных экосистем подвергаются сильному антропогенному воздействию [1]. На данный момент во флоре области насчитывается 258 редких и исчезающих видов растений [2], наша статья посвящена рассмотрению биоэкологических особенностей тюльпана Биберштейна *Tulipa biebersteiniana* Schult. et Schult. fil. – исчезающего вида, включенного в Красную книгу Самарской области и значительное число Красных книг других регионов России и Украины.

Род *Tulipa* преимущественно азиатского происхождения – центром сосредоточения наиболее декоративных видов тюльпана является Средняя Азия. Оттуда они, по мнению многих авторов, распространились на территорию южной Европы и африканское побережье Средиземного моря. Не существует единого мнения в литературе о количестве всех известных в природе тюльпанов (указывается от 100 до 160 видов) [3]. Введение в культуру дикорастущих тюльпанов затруднено из-за низкого вегетативного размножения большинства «дикарей», особенно крупноцветковых. Исследования по интродукции тюльпанов проводились многими учёными, в частности, Кудрявцевой В.М. [4] на примере коллекции из 40 видов в Белоруссии. Было отмечено, что плодоношение интродуцированных тюльпанов во многом зависит от численности особей в пределах вида. Хорошей семенной продуктивностью отличаются мелкоцветковые виды, имеющие высокий коэффициент вегетативного размножения. Опыт выращивания дикорастущих тюльпанов в средней и северо-западной зонах СССР показал, что перенос их из мест естественного происхождения в другие условия не остаётся без последствий: некоторые виды не плодоносят или завязывают невсхожие семена, другие же при выращивании на повышенном агрофоне с ежегодной выкопкой луковиц приобретают способность к вегетативному размножению [5–6].

Тюльпан Биберштейна – луковичный травянистый многолетник, столонообразующий олигокарпический или поликарпический весенний эфемероид-геофит.

Описан в 1829 г. И. Шультесом (1773–1831) и Шультесом-младшим (1804–1840) по образцам из Северного Кавказа (между Моздоком и Кизляром.). Название вида дано в честь первого коллектора, видного русского ботаника Ф.К. Биберштейна – Маршалла (1768–1826), изучавшего флору Кавказа [7]. По данным С.К. Черепанова, к данному виду отнесен ряд прежде выделявшихся отдельно синонимов – *Tulipa granitica* (Klok. & Zoz) Klok., *T. hypanica* Klok. & Zoz, *T. ophiophylla* subsp. *bestashica* Klok. & Zoz, *T. ophiophylla* subsp. *dometzica* Klok. & Zoz, *T. ophiophylla* subsp. *granitica* Klok. & Zoz, *T. quercetorum* Klok. & Zoz, *T. scythica* Klok. & Zoz [8].

Общий ареал распространения тюльпана охватывает Среднюю Европу, Балканы и Малую Азию, Украину, Кавказ и Северный Казахстан. В России встречается в чернозёмных районах европейской части (очень редко к северу от нее) и в Западной Сибири. В Средней России на север доходит до Московской области (долина р. Оки) [9–16]. В литературе сроки цветения данного вида указываются в апреле – первой декаде мая, его средняя продолжительность достигает 14 дней (Центральном Черноземье) [17]. Период плодоношения в литературе отмечается в конце мая – июне, продолжительность вегетации – 53–69 дней.

Тюльпан Биберштейна размножается семенами и вегетативно (дочерними луковицами на стеблях). Подземная часть растения находится на достаточно большой глубине [17] и представляет собой 1 или 2 вытянуто-яйцевидные или конусовидные луковицы, размеры которых у генеративных особей, по указанию большинства источников [7; 13; 17–20] составляют 1–1,5 см в диаметре и до 3 см длиной, по некоторым данным длина луковиц может достигать 4 см [18]. Луковицы ядовиты [11], сужаются в выраженную несколько изогнутую шейку; покровные чешуи черно-бурые или почти черные, кожистые, матовые, опушенные изнутри. Как правило, ежегодно луковицы вегетирующих растений формируют две замещающие дочерние луковицы: одну внутри оболочки старой, другую – на конце длинного подземного stolона [19].

Стебель растения тонкий, прямостоячий, голый, гладкий, примерно в средней части с двумя-тремя очередными косо вверх направленными плоскими прямыми широколинейными листьями 1–2 см шириной; обычно нижний лист более широкий (Благовещенский, Курганская, Мордовия). Показатель длины генеративного побега, согласно литературным данным, указывается в пределах 15–40 см [7; 11; 14; 20], в разных частях ареала размеры растений, по всей вероятности, варьируют. Так, в республике Башкортостан данные показатель составляет 20–40 см, в Республике Мордовия – 15–20 см, Курганской области – 15–30 см [18–19, 21].

Цветок одиночный (реже встречаются растения с двумя цветками), на длинной цветоножке, которая равна или немного короче верхнего листа. Околоцветник простой, колокольчатый, снаружи жёлтый, с зеленоватыми или фиолетовыми продольными полосками посередине. Листочков околоцветника 6, они яйцевидные, с постепенно заострённой верхушкой, 2,5–3,5 см длиной и 5–9 мм шириной [11; 19–20], наружные вдвое шире внутренних. В Оренбургской области на р. Сакмара и в долине р. Губерля, в Челябинской области на р. Уй у г. Троицк и д. Осиповка, а также в заповеднике «Аркаим» найдена редкая разновидность *Tulipa biebersteiniana* var. *tricolor* (Klok et Zoz) Knjasev, Kulikov et Philippov – тюльпан Биберштейна трёхцветный с розовыми или беловатыми листочками околоцветника [19]. Тычинок 6, вдвое короче околоцветника; их нити узколинейные, слегка расширенные (до 1,5 мм шириной), с волосистым кольцом, в 2–3 раза длиннее прилистников. Желтые линейные пыльники прикреплены к тычиночным нитям основаниями [13; 21–22]. Столбик на верхушке трёхраздельный, несколько выступает над тычинками. Плод – трёхгнездная продолговато-яйцевидная коробочка с верхушкой, вытягивающейся в длинный носик, вскрывающаяся тремя продольными створками до 2–2,5 см длиной и 1–1,5 см шириной [7; 11; 19–20]. Семена многочисленные, плоские.

Тюльпан Биберштейн – полиморфный вид, представленный двумя экологическими формами: лугово-степной и степной, которые различаются по ширине и толщине листьев, по степени кожистости покровных чешуй луковичы [2; 11; 22]. Тюльпан произрастает в сухих степях, на степных склонах, в долинах рек, выдерживая незначительное затопление, среди кустарниковых зарослей, а также на полянах, опушках и под пологом светлых широколиственных лесов, встречается в осветленных дубяках, по лесным полянам и опушкам, кустарниковым склонам балок (Благовещенский), на сухих травянистых и каменистых склонах, в можжевельниковых редколесьях [17; 23]. В научной литературе прежних лет для данного вида используется название, сейчас сведенное в синонимы – тюльпан дубравный (*Tulipa quercetorum* Klok. et Zoz), для биологии которого А.Ф. Терехов, в частности, отмечает: «... произрастает по степям, на склонах, в редколесье, по поймам рек» [24]. Тюльпан Биберштейна предпочитает рыхлые, песчаные субстраты [25], засоленные, перегнойно-карбонатные почвы, реже – карбонатные глинистые. Растение полутеневое, хорошо реагирует на достаточное обеспечение влагой, особенно в весенний – раннелетний периоды.

В некоторых источниках отмечается плотность и характер популяций вида. В Самарской области [2] численность вида в типичных местах обитания может быть высокой, достигая более 40–70 особей на 100 м², однако в результате антропогенных причин (трансформация лугово-степных сообществ, массовый сбор на букеты) неуклонно снижается. В республике Мордовия [18] популяция насчитывает около трехсот экземпляров, причем зацветают не более 20 процентов особей. На территории Липецкой обл. известно около 20 популяций вида [16]. Специальные исследования, проведенные в 2010–2011 гг. показали, что численность по опушкам дубрав в западной части области

невелика, но, видимо, остается стабильной. Локальные популяции Пензенской области [25], особенно в центре и на севере – небольшие по площади и плотности растений. В южных районах они значительно больше и могут занимать подходящие местообитания в пределах всего фитоценоза. Умеренный выпас скота препятствует задернению почвы и способствует поддержанию численности особей на высоком уровне: 250–4000 растений на 100 м².

Лимитирующие факторы – изменение фитоценотической среды (не выносит сильного задернения и затенения), перевыпас скота, сбор на букеты и пересадка в частные коллекции, климатические флуктуации (страдает в засушливые годы). Для нормальной жизнедеятельности необходимы слабая пастбищная нагрузка, условия хорошего освещения, богатые азотом почвы и постоянное увлажнение в течение вегетационного сезона [2; 14; 17–19, 21, 25–27].

Вид отнесен к категории редких и сокращающих свою численность таксонов, внесен в Красные книги Самарской (категория Па – таксон, сокращающийся в численности в результате разрешения местообитаний), Ульяновской (категория I (E) – вид, находящийся под угрозой исчезновения), Челябинской (категория III – редкий вид), Курганской (категория II – уязвимый вид), Липецкой (категория II – сокращающийся в численности, уязвимый вид), Пензенской (категория II), Воронежской и Тамбовской областей (категория III – редкий вид), Республики Башкортостан (категория III – редкий вид), Республики Мордовия (категория I – исчезающий вид) [2; 16–18, 20, 24–26] и др. Охраняется на территории Жигулёвского заповедника, НП «Самарская Лука» и ПП «Балка Кладовая», «Каменные лога», «Урочище Грызлы», «Мулин дол» (Большечерниговский район), «Гора Зеленая» (Елховский район), «Чубовская степь», «Каменный дол» (Кинельский район), «Байрачный колок в сухой степи», «Марьевская балка», «Балка Лозовая» (Пестравский район), «Мочалеевские реликтовые нагорные дубравы», «Гора Копейка» (Похвистневский район) и др. [16; 28–32].

Целью нашей работы было определение биоэкологических особенностей растений, в частности – определение показателей длины побега, длины и ширины коробочки. Сбор образцов проводился в Красносамарском лесничестве в летний период 2012–2015 гг. на двух соседних площадях в квартале 80 (притеррасье) и в луговом сообществе поймы реки Самара, квартал 69. В данном отчете представлены данные по растениям учетных площадей квартала 80. Ниже указана краткая характеристика учётных площадей, составленная для удобства в форме анкеты.

КСЛ, притеррасье, квартал 80, учётная площадь № 1

- 1) Рельеф местности: выровненный участок, 54 м над уровнем моря.
- 2) Тип растительности на площади: галофитная тростниково-лисохвосто-раннеосоковая (тростниково-вовидная) ассоциация.
- 3) Площадь, занимаемая популяцией: 30×30 м.
- 4) Характер размещения экземпляров: рассеянный.
- 5) Подстилка – степной войлок, суглинистая почва, отмечено содержание СГ (>10мг/100 мл, десятки доли), рН = 6,2.

КСЛ, притеррасье, квартал 80, учётная площадь № 2

1) Рельеф местности: выровненный участок, 54 м над уровнем моря.

2) Тип растительности на площади: узколистно-мятликовое сообщество.

3) Площадь, занимаемая популяцией: 30×30 м.

4) Характер размещения экземпляров: рассеянный.

5) Подстилка – степной войлок, суглинистая почва, рН = 5,9.

Красносамарский лес – крупный (около 30 тыс. га) лесной массив, расположенный в зоне разнотравно-типчачково-ковыльных степей обыкновенного чернозёма. На его территории произрастает 53 вида сосудистых растений, 2 вида лишайника, внесённые в Красные книги федерального и регионального уровней. 21 вид включён в список редких и уязвимых таксонов, нуждающихся в постоянном контроле и наблюдении на территории Самарской области, 14 видов раритетны для Волго-Уральского региона [33–34]. В частности, на данном лесном массиве были найдена и обозначена 1 ценопопуляция тюльпана Биберштейна [35].

Тюльпан Биберштейна представлен исключительно генеративными формами на учётных площадях. Полученные данные по показателю длины побега представлены на рис. 1. Согласно им, длина побега в пределах всей выборки варьирует в промежутке значений от 23 см до 50 см, на учётной площади 1 – от 23 до 47 см (среднее значение – 36 см), учётной площади 2 – от 27 до 50 см (40 см). Сравнивая полученные результаты с литературными источниками, обозначающими максимальную высоту побега тюльпана в пределах 15–40 см, можно отметить, что в квартале 80 значения показателя значительно превышают указанные в литературе (средняя высота достигает 36–40 см), наблюдается значительная доля высоких растений в изучаемых биотопах. Подобная динамика показателя может означать благоприятность условий произрастания растения.

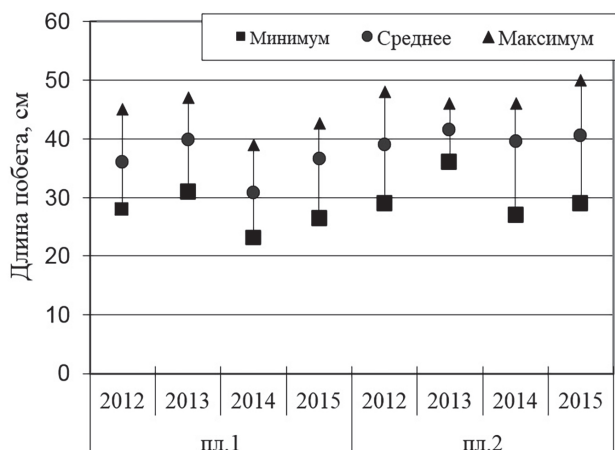

Рисунок 1 – Длина побега растений тюльпана Биберштейна в квартале 80

Обе площади сбора тюльпана являлись открытыми, поэтому различия в длине побега растений разных ценопопуляций, скорее всего, зависят от благоприятности почвенно-грунтовых условий биотопов (засоленности почв, содержания влаги и др.). Макси-

мальная средняя длина побега у растений 2 учётной площади также может быть связана с меньшим числом видов-конкурентов в обследованном биогеоценозе.

Ранжирование рядов данных и построение на их основе графиков распределения представлено на рис. 2 и 3. Так, для растений тюльпана в популяционной группе на первой пробной площади (рис. 2) отмечено одновершинное распределение, говорящее о выраженности группы растений со сходными морфометрическими показателями.

В 2012, 2013 и 2015 гг. отмечается преобладание числа особей с высотой побега около 41 см, в 2014 г. наибольшую долю все растений составили особи с высотой в 34 см. В 2012 и 2013 гг. доля высоких растений составила 50–60% от общего числа особей, в 2015 г. данное количество достигло 80%. Для популяционной группы на пробной площади 2 (рис. 3) доля растений с высотой побега около 41 см была максимальной во все годы, но в 2012, 2014 и 2015 гг. распределение характеризовалось одновершинностью, а в 2013 г. распределение носило плосковершинный характер, что можно расценить как нестабильность показателя. В 2013 г. появился дополнительный максимум – группа более высоких растений (высота побега ок. 48–50 см). Это может означать, что в 2014 г. повышенный тепловой режим и некоторая ограниченность увлажнения способствовали активному росту цветonoсных побегов.

Сравнивая динамику показателя у растений двух популяционных групп тюльпана, мы можем отметить, что на обеих площадях доля высоких растений (от 36 см) составила больше половины выборки. Распределение длины побега у особей второй популяционной группы более стабильно, изменения в зависимости от года вегетации слабо выражены.

Что касается изменчивости признака длины побега, значения коэффициента вариации подтвердили заметную пластичность данного признака, что вполне согласуется с биоэкологической спецификой побега. Коэффициент вариации (рис. 4) находится в пределах 7–13%, не превышая отметку 20%. В 2012 г. значения коэффициента вариации были схожими.

Таким образом, показатель длины побега тюльпана Биберштейна у растений из популяции квартала 80 в 2012–2015 гг. в пределах всей выборки варьирует в промежутке значений от 23 см до 50 см, максимальная средняя длина (40 см) представлена у растений второй популяционной группы. Сравнивая динамику показателя у растений двух популяционных групп тюльпана, мы можем отметить, что на обеих площадях доля высоких растений (от 36 см) составила больше половины выборки. Распределение длины побега у особей второй популяционной группы более стабильно, изменения в зависимости от года вегетации слабо выражены. Признак длины побега характеризуется пластичностью, его значения вписываются в диапазон значений, указанный для различных частей ареала в литературе, при значительной доле «высоких» растений в обследованной популяции. Данный факт может свидетельствовать о благоприятности условий произрастания и возможности сохранения в составе растительных сообществ при отсутствии лимитирующих антропогенных факторов.

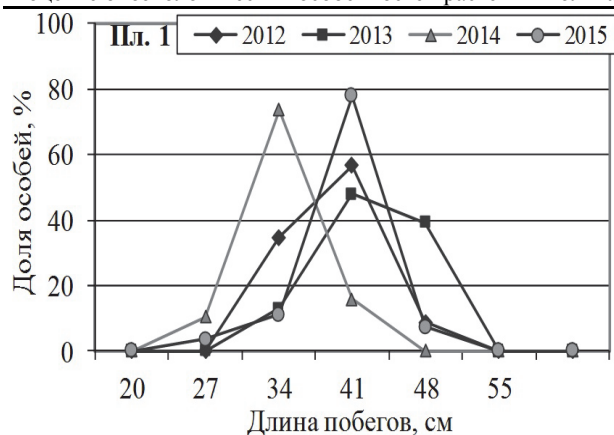

Рисунок 2 – Средняя длина побега растений тюльпана Биберштейна учетной площади №1 квартала 80

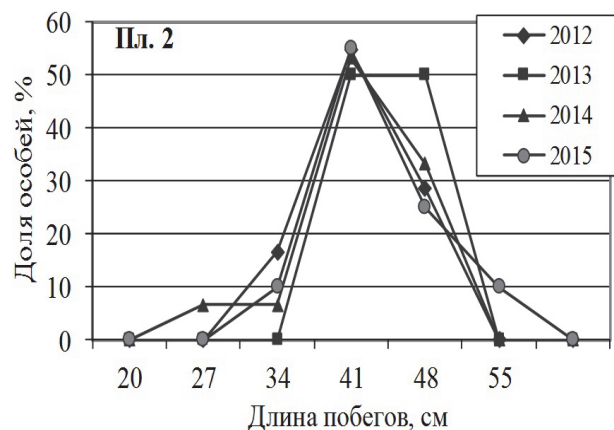

Рисунок 3 – Средняя длина побега растений тюльпана Биберштейна учетной площади №2 квартала 80

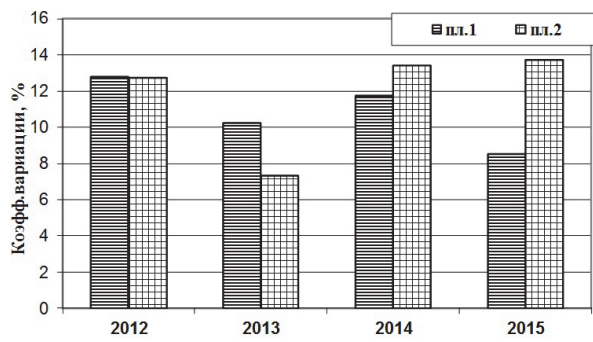

Рисунок 4 – Коэффициент вариации длины побега тюльпана Биберштейна

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- Кавеленова Л.М., Прохорова Н.В., Головлёв А.А., Розно С.А. Сохранение фиторазнообразия как составная часть стратегии устойчивого развития Самарской области // Поволжский экологический журнал. 2014. № 1. С. 12–20.
- Красная книга Самарской области. Т. 1. Редкие виды растений, лишайников и грибов / под ред. чл.-корр. РАН Г.С. Розенберга и С.В. Саксонова. Тольятти: ИЭВБ РАН. 2003. 400 с.
- Grunert C.H. Gartenblumen von A bis Z. Leipzig, 1975. 619 p.
- Кудрявцева В.М. Тюльпаны. Минск: Полымя, 1987. С. 14.
- Данилевская О.Н. Тюльпаны. Л.: Лениздат, 1969. 95 с.
- Декоративные многолетники. М.: АН СССР, 1960. 333 с.

- Энциклопедия декоративных садовых растений [Электронный ресурс] // <http://flower.onego.ru/lukov/tulipa/19.html>.

- Черепанов С.К. Сосудистые растения России и сопредельных государств (в пределах бывшего СССР). Русское издание. СПб.: Мир и семья, 1995. 992 с.

- Бочанцева З.П. Тюльпаны: морфология, цитология и биология. Ташкент: АН УзССР, 1962. 408 с.

- Горелов М.С., Матвеев В.И., Устинова А.А. Природа Куйбышевской области. Куйбышев: Кн. изд-во, 1990. 464 с.

- Иллюстрированный определитель растений Средней России. Т. 1. Папоротники, хвощи, плауны, голосеменные, покрытосеменные (однодольные) / И.А. Губанов, К.В. Киселёва, В.С. Новиков, В.Н. Тихомиров. М.: Т-во научных изданий КМК, Ин-т технологических исследований. 2003. С. 476.

- Кудрявцева В.М. Тюльпаны. Минск: Полымя, 1987. 14 с.

- Определитель высших растений Башкирской АССР / Ю.Е. Алексеев, Е.Б. Алексеев, К.К. Габбасов и др. М.: Наука, 1988. С. 184.

- Определитель растений Среднего Поволжья / под ред. В.В. Благовещенского. Л.: Наука, 1984. С. 296.

- Плаксына Т.И. Конспект флоры Волго-Уральского региона. Самара: Самарский университет. 2001. 388 с.

- Плаксына Т.И. Редкие, исчезающие растения Самарской области: учеб. пособие. Самара: Самарский университет, 1998. 272 с.

- Красная книга Липецкой области. Растения, грибы, лишайники. Изд. 2-е, перераб. / под ред. А.В. Щербакова 2014. 696 с.

- Красная Книга Республики Мордовия. Т. 1. Редкие виды растений, лишайников и грибов. Саранск: Мордовское книжное издательство, 2003. 288 с.

- Красная книга Курганской области. Издание 2-е. Курган: Изд-во Курганского гос.ун-та, 2012. 448 с.

- Травянистые растения СССР / Ю.Е. Алексеев, В.Н. Вехов, Г.П. Гапочка, Ю.К. Дундин. и др. М.: Мысль, 1971. С. 295.

- Красная книга Республики Башкортостан (объединенный том) / под ред. А.А. Фаухудинова. – Уфа: Полипак, 2007. 528 с.

- Маевский П.Ф. Флора средней полосы европейской части России. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2006. 600 с.

- Зернов А.С. Флора Северо-Западного Кавказа. М.: Товарищество научных изданий КМК. 2006. 186 с.

- Терехов А.Ф. Определитель весенних и осенних растений Среднего Поволжья и Заволжья. Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство, 1969. С. 388.

- Красная книга Пензенской области. Т. 1. Грибы, лишайники, мхи, сосудистые растения. Издание второе. Пенза, 2013. 300 с.

- Красная книга Ульяновской области (растения): в 2 т. / Под научной ред. Н.С. Ракова; Правительство Ульяновской области. – Ульяновск: УлГУ, 2005. Т. 2. 220 с.

- Красная книга Челябинской области: животные, растения, грибы / Министерство по радиацион-

ной и экологической безопасности Челябинской области, Ин-т экологии растений и животных УрО РАН; отв. ред. Н.С. Корытин. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. 450 с.

28. Зелёная книга Поволжья: Охраняемые природные территории Самарской области. Самара: Кн. изд-во, 1995. С. 150–200.

29. Саксонов С.В. Самаролукский флористический феномен. М.: Наука, 2006. 120 с.

30. Саксонов С.В. О видах растений, лишайников и грибов Красной книги Российской Федерации // Самарская Лука: Бюллетень. 2006. № 17. С. 253–285.

31. Ужамецкая Е.А. Васильково-качимовая ассоциация // Зелёная книга Самарской области: редкие и охраняемые растительные сообщества. Самара: СамНЦ РАН, 2006. С. 133–134.

32. Флора памятника природы «Гора Зелёная» Ельховского района Самарской области / С.В. Саксонов, А.В. Лобанова, А.И. Иванова, В.Н. Ильина и др. //

Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. Серия «Экология». 2005. Вып. 5. С. 6, 20.

33. Флористическое разнообразие особо ценного Красносамарского лесного массива Самарской области: I. Сосудистые растения // Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии. Тольятти: Кассандра, 2010. Т. 19. № 1. С. 112–113, 127.

34. Матвеев Н.М., Филиппова К.Н., Дёмина О.Е. Систематический и экоморфный анализ флоры Красносамарского лесного массива в зоне настоящих степей // Вопросы экологии и охраны природы в лесостепной и степной зонах: Межвед. сб. науч. тр. Самара: Самарский университет. 1995. С. 41–71.

35. Оценка состояния флористического фиторазнообразия особо ценного Красносамарского лесного массива в целях научного обоснования проведения мероприятий по его охране и рациональному использованию (Отчет о НИР). Самара: 2008, 214 с.

THE ASSESSMENT OF BIO-ECOLOGICAL FEATURES OF PLANTS *TULIPA BIEBERSTEINIANA* SCHULT. ET SCHULT. FIL. IN THE MODEL FOREST HABITATS OF THE KRASNOSAMARSKY FOREST

© 2016

M.G. Kotelnikova, postgraduate student of the Chair of Ecology, Botany and Nature Protection
Samara National Research University, Samara (Russia)

Abstract. The paper presents some preliminary results of the monitoring of *Tulipa biebersteiniana* Schult. et Schult. fil. plants (category of rare and endangered plant species). By summarizing the available sources of science literature we have compiled a general description of morphological and bio-ecological species characteristics. The results of the field study fulfilled in 2012–2015 in two population groups of the Krasnosamarsky forestry (Samara region) were used to determine morphometric parameters of *Tulipa biebersteiniana* plants. The data also helped us to assess the variability level and to make a comparison with plant quantitative traits given in the literature. It was found that the shoot length of *Tulipa biebersteiniana* plants varied in the range of 23 ... 50 cm, the maximum average length of 40 cm are presented in plants of population group number two. The distribution of shoot length among individuals of the second population group is more stable, changes depending on the year of vegetation are poorly expressed. The lengths of shoots inside the range specified for the various parts of the area in the literature with a significant proportion of «high» plants in the population is studied. This may be a sign of good growth conditions for *Fritillaria ruthenica* that gives an opportunity to the plant conservation in natural communities in the absence of limiting anthropogenic factors.

Keywords: *Tulipa biebersteiniana* Schult. et Schult. fil.; morphological and bioecological features; quantitative and qualitative characteristics; shoot length; Krasnosamarsky forest; model biotope; Samara Region.

УДК 631.417.2

АГРОГЕННАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОРГАНИЧЕСКОГО ВЕЩЕСТВА ЧЕРНОЗЁМОВ КАЗАХСТАНА

© 2016

А.К. Куришбаев, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, председатель правления

Г.А. Звягин, докторант кафедры почвоведения и агрохимии

Казахский агротехнический университет им. С. Сейфуллина, Астана (Казахстан)

Н.В. Ярославцева, кандидат сельскохозяйственных наук,

научный сотрудник отдела биологии и биохимии почв

Б.М. Когут, доктор сельскохозяйственных наук, заведующий отделом биологии и биохимии почв

Почвенный институт им. В.В. Докучаева, Москва (Россия)

Аннотация. В настоящее время, несмотря на широкую изученность временной динамики органического вещества пахотных почв в глобальном масштабе, значительный научный интерес представляет установление закономерностей его количественной трансформации на региональном уровне в зависимости от систем сельскохозяйственного использования с целью уточнения общемировых оценок запасов гумуса в связи с проблемой «парникового эффекта». В связи с этим была исследована современная динамика (1990–2015 гг.) органического вещества черноземов обыкновенных и южных в условиях длительных стационарных полевых опытов основного зерносеющего региона Северного Казахстана. На основании разновременных данных по содержа-

нию Сорг и N в верхнем (в основном 0–25 см) слое целинных и старопашотных черноземов Акмолинской и Костанайской областей Казахстана выявлены особенности изменения содержания почвенного органического вещества. Показано, что содержание гумуса в черноземе обыкновенном значительно выше, чем таковое в черноземе южном карбонатном. Дана оценка трансформируемого и инертного пулов органического углерода в целинном и пахотных вариантах чернозема южного. Установлено, что в настоящее время в результате воздействия различных способов обработки черноземов южных замедляются темпы снижения содержания гумуса по сравнению с таковыми предшествующего периода их сельскохозяйственного использования, но практически они, в т.ч. и плоскорезные обработки, не приостанавливают процесс дегумусирования. Содержание гумуса в почвах на вариантах с бессменной яровой пшеницей уже близко таковому на бессменном чистом пару. Имеются достаточные основания предполагать, что причиной дегумусирования черноземов южных могут выступать как биохимические (минерализация), так и физические (дефляция) потери гумуса. Особую опасность представляет ветровая эрозия, в результате которой гумус может снижаться ниже минимального его содержания, т.е. за счет убыли трудновосполнимой инертной части. На пахотных черноземах обыкновенных в последний период их сельскохозяйственного использования предположительно потерь гумуса не наблюдается, что вероятней всего связано с наличием защитных противозерозионных лесополос на изучаемых полевых участках.

Ключевые слова: органическое вещество; чернозем обыкновенный; чернозем южный; агрогенные почвы; слабогумусированные почвы; зернопаровой севооборот; бессменная пшеница; плоскорезная обработка; нулевая технология; дегумусирование; инертный гумус; Северный Казахстан; Акмолинская область; Костанайская область.

Широко известна классификация черноземов В.В. Докучаева по содержанию гумуса в верхнем горизонте и карта изогумусовых полос. Общие закономерности снижения содержания и запасов гумуса при распашке целинных черноземов России были описаны ранее в фундаментальных трудах И.В. Тюрина [1] и М.М. Кононовой [2; 3]. По Казахстану тоже имеется подобная информация. Так, анализ данных литературы и экспериментальных результатов по изменению содержания гумуса в черноземах Северного Казахстана показал, что после распашки целинных почв и при дальнейшем использовании их под посевы зерновых культур без внесения достаточного количества органических и минеральных удобрений утрачено 25–30% от его исходного содержания [4]. Представляет научный интерес оценка современной направленности динамики органического вещества за последние 25 лет трансформации пахотных черноземов Северного Казахстана.

Объектом исследования выбраны тяжелосуглинистые разномощности черноземов южных карбонатных среднемощных и черноземов обыкновенных среднемощных, сформированные на покровных карбонатных легких глинах, в условиях целины и длительных полевых опытов, заложенных на пашне, используемой более 60 лет.

Профиль исследуемых почв представлен горизонтами А (0–20 для целинного участка), $A_{\text{пах}}$ (в среднем 0–25 см для пахотных участков), B_1 (25–45 см), B_2 (45–65 см), BC (72–100 см), C (100–120 см). Отличительной особенностью южных черноземов является наличие карбонатов в верхнем слое (фиксируется вскипанием почвы от 5% раствора соляной кислоты с поверхности), в то время как в обыкновенных черноземах они проявляются на глубине 40–50 см.

Первый длительный полевой опыт Казахского научно-исследовательского института зернового хозяйства им. Бараева (КазНИИЗХ) был заложен в 1990 году на полях с. Дамса Шортандинского района Акмолинской области, а второй Карабалыкской опытной станции – в 2000 году в с. Белоглинское Карабалыкского района Костанайской области. Территория опытных пахотных участков находится в непосредственной близости от целинных в условиях слабоволнистой равнины.

В первом опыте исследования проводились в пятипольном зернопаровом севообороте (пар, пшеница, пшеница, пшеница, пшеница) и на вариантах бессменной пшеницы и бессменного чистого пара, а во втором опыте – в таком же севообороте, как и в первом опыте, в плодосменном севообороте (пар, пшеница, пшеница, горох, пшеница) и на вариантах бессменной пшеницы.

В опытах изучали влияние способов обработки почв (глубокая безотвальная, минимальная безотвальная, нулевая технология) и минеральных удобрений (табл. 1). В период отбора образцов опытные делянки находились под яровой пшеницей. Глубокая безотвальная обработка проводилась на глубину 25–27 см плугом-глубококорыхлителем (ПГ-3,5), минимальная безотвальная обработка на глубину 12–14 см – культиватором плоскорезным широкозахватным (КПШ-9). Во всех вариантах посев выполняли сеялкой зерновой стерневой (СЗС-2,1), а в варианте при нулевой обработке почв – сеялкой СЗС-2,1 с чизельными сошниками. Химическая обработка против сорняков проводилась на вариантах с минимальной обработкой и нулевой технологией за 5–6 дней до посева глифосфатом (36%) в дозе 1,5–2,0 л/га.

Закладка и проведение опытов, отбор почвенных образцов, анализы и наблюдения проводили согласно общепринятым методикам [5; 6].

Анализ данных табл. 1–3 показал, что содержание гумуса в черноземе обыкновенном значительно выше, чем таковое в черноземе южном карбонатном. Причем эти различия проявляются как в целинных, так и в пахотных ($P=0,95$) вариантах почв. Данное положение вполне соответствует общим закономерностям гумусонакопления в зональном ряду почв Евразии [7]. Обогащенность гумуса черноземов обыкновенных азотом (C/N) согласно классификации Л.А. Гришиной, Д.С. Орлова [8] – высокая, в то время как таковая южных черноземов в основном – низкая.

При сельскохозяйственном использовании обоих подтипов черноземов в верхнем горизонте отмечается снижение содержания гумуса по отношению к таковому целинных аналогов. Однако если в черноземе южном потери органического вещества достигают ~ 40 отн. %, то в черноземе обыкновенном – ~ 30 отн. %. Сопоставляя эти данные с результатами исследо-

ваний Н.В. Ярославцевой [4, с. 96–98] можно сделать следующий вывод. В южных черноземах падение содержания гумуса на современном этапе их агрогенной трансформации (за последние 25 лет) продолжа-

ется, а в обыкновенных этот процесс практически приостановлен. Внесение минеральных удобрений (табл. 2, 3) несколько сдерживает процесс дегумусирования чернозёмов южных.

Таблица 1 – Содержание С и N в целинных и пахотных черноземах Казахстана

№ варианта	Варианты опыта	Глубина отбора, см	Гумус	Сорг	N	C/N
			% от массы почвы			
Чернозем южный карбонатный, длительность полевого опыта – 25 лет, Акмолинская область, КазНИИ зернового хозяйства им. Бараева						
1	Целина	0–20	4,64	2,69	0,195	13,8
2	Зернопаровой севооборот, IV КПП***, без удобрений, обработка ПГ-3,5 на глубину 25–27 см	0–26	2,77	1,61	0,150	10,7
3	То же, без удобрений, без обработки	0–26	2,85	1,65	0,155	10,7
4	То же, без удобрений, обработка КПП-9 на глубину 12–14 см	0–26	2,85	1,65	0,145	11,4
5	То же, без удобрений, нулевая технология	0–26	2,83	1,64	0,165	9,9
6	То же, I КПП*, N30P20, плоскорезная обработка на глубину 25–27 см	0–25	3,07	1,78	0,195	9,1
7	То же, II КПП**, N30P20, плоскорезная обработка на глубину 25–27 см	0–25	2,99	1,73	0,155	11,2
8	Бессменная яровая пшеница, без удобрений, без обработки, без гербицидов	0–25	2,71	1,57	0,150	10,5
9	Бессменная яровая пшеница, N30P20, плоскорезная обработка на глубину 25–27 см	0–26	2,72	1,58	0,185	8,5
10	Бессменный чистый пар, без удобрений, без гербицидов	0–25	2,60	1,51	0,125	12,1
Чернозем обыкновенный, длительность полевого опыта – 15 лет, Костанайская область, Карабалыкская опытная станция						
11	Целина	0–20	5,74	3,33	0,420	7,9
12	Бессменная яровая пшеница, N30P20, плоскорезная обработка на глубину 25–27 см	0–25	4,42	2,56	0,335	7,6
13	То же, N30, плоскорезная обработка на глубину 25–27 см	0–27	4,03	2,34	0,305	7,7
14	Плодосменный севооборот, IV КПП***, N30, нулевая технология	0–25	3,99	2,31	0,305	7,6
15	То же, N30P20, нулевая технология	0–25	4,40	2,55	0,345	7,4
16	Зернопаровой севооборот, I КПП*, без удобрений, обработка на глубину 25–27 см	0–27	3,80	2,20	0,265	8,3

Примечание. I КПП* – первая культура после пара, II КПП** – вторая культура после пара, IV КПП*** – четвертая культура после пара.

Как известно, максимальные потери гумуса достигаются при длительном бессменном чистом паровании почв, что также зафиксировано нами и в 25-летнем полевом опыте КазНИИ зернового хозяйства им. Бараева. Согласно М. Кёршенсу [9] в таких условиях устанавливается уровень минимального содержания гумуса. Располагая значением минимального содержания гумуса и величинами межлабораторных допустимых расхождений этого параметра можно построить шкалу гумусированности чернозема южного карбонатного Казахстана: меньше минимального содержания гумуса – <2,0–2,6, слабогумусированные – 2,6–3,5 среднегумусированные – 3,5–4,6, сильногумусированные – >4,6, аналогичную предложенной Б.М. Когутом [10] для пахотных почв России.

Следует отметить, что пахотные южные черноземы в соответствии с данными этой статьи, полученными в 2015 году, попадают в градацию «слабогумусированные», в то время как обобщенные результаты исследований Н.П. Масютенко с соавт. [11] и Б.М. Когута с соавт. [12] свидетельствуют о более высокой гумусированности этих почв на тот период исследований, и относятся к классу «среднегумусированных». Последний вывод вполне согласуется с отме-

ченным выше выводом о продолжающемся снижении содержания гумуса в пахотных черноземах южных в последние 20–25 лет.

В соответствии с М. Кёршенсом [9] валовый органический углерод почвы состоит из инертного, практически не участвующего в процессах превращения, и трансформируемого органического углерода. Инертная фракция в основном зависит от условий местобитания и гранулометрического состава почв, а разлагаемая фракция, которая легко трансформируется в почвах, от условий хозяйствования. Содержание инертного гумуса близко понятию минимального, которое можно определить в условиях длительного (>20 лет) бессменного чистого парования почвы.

На рис. 1 видно, что содержание инертного углерода на черноземе южном карбонатном Северного Казахстана составляет 1,5% от массы почвы. Максимальное содержание трансформируемого органического углерода (1,2% от массы почвы) фиксируется на целинном участке, где в почву поступает наибольшее количество свежего органического вещества. На пахотных вариантах чернозема южного содержание трансформируемого органического углерода зна-

чительно ниже, чем на целине, и колеблется в интервале от 0,06 до 0,27% (от массы почвы), при этом минимальные значения отмечаются на вариантах «бес-
сменной яровой пшеницы».

Таблица 2 – Статистические характеристики по содержанию гумуса, органического углерода и азота в черноземах южных и обыкновенных при различных системах их сельскохозяйственного использования

Вариант опыта	M (% от массы почвы)	S	m	V, %
Чернозем южный карбонатный пахотный:				
гумус	2,85	0,13	0,04	4,4
Сорг	1,65	0,07	0,03	4,4
N	0,16	0,02	0,01	11,2
Зернопаровой севооборот, без удобрений:				
гумус	2,83	0,04	0,02	1,3
Сорг	1,64	0,02	0,01	1,2
N	0,15	0,01	0,00	5,6
Зернопаровой севооборот, с внесением удобрений (N30P20):				
гумус	3,03	0,06	0,04	1,9
Сорг	1,76	0,04	0,03	2,0
N	0,18	0,03	0,02	16,2
Бессменная яровая пшеница:				
гумус	2,72	0,01	0,01	0,3
Сорг	1,58	0,01	0,01	0,4
N	0,17	0,02	0,02	14,8
Чернозем обыкновенный пахотный:				
гумус	4,13	0,27	0,12	6,6
Сорг	2,39	0,16	0,07	6,6
N	0,31	0,03	0,01	10,1

Примечание. M – среднее арифметическое значение, S – стандартное отклонение, m – ошибка стандартного отклонения, V – коэффициент вариации.

Выявлены некоторые особенности современной агрогенной трансформации почвенного органического вещества Северного Казахстана на основании результатов исследований содержания Сорг и N в верхнем слое (в основном 0–25 см) черноземов в условиях длительных полевых опытов за последние 25 лет. Установлено, что в настоящее время в результате воздействия различных способов обработки чернозе-

мов южных замедляются темпы снижения содержания гумуса по сравнению с таковыми предшествующего периода их сельскохозяйственного использования, но практически они, в т.ч. и плоскорезные обработки, не приостанавливают процесс дегумусирования. Содержание гумуса в почвах на вариантах с бессменной яровой пшеницей уже близко таковому на бессменном чистом пару. Имеются достаточные основания предполагать, что причиной дегумусирования черноземов южных могут выступать как биохимические (минерализация), так и физические (дефляция) потери гумуса. Особую опасность представляет ветровая эрозия, в результате которой гумус может снижаться ниже минимального его содержания, т.е. за счет убыли трудновосполнимой инертной части [13].

Таблица 3 – Оценка достоверности различий по содержанию гумуса, Сорг и азота в черноземах различных вариантов полевого опыта

Показатель, t-критерий	Варианты сравнения		
	Чернозем обыкновенный – Чернозем южный карбонатный	Зернопаровой севооборот, N30P20 – Зернопаровой севооборот, без удобрений (чернозем южный карбонатный)	Зернопаровой севооборот, без удобрений – Бессменная яровая пшеница без удобрений (чернозем южный карбонатный)
Гумус, tфакт	4,27**	2,77*	2,67
Сорг, tфакт	4,24**	2,68*	2,68
N, tфакт	4,16**	0,95	0,89

Примечание. Различия значимы при уровнях вероятности P = 0,90 * и P = 0,95 **.

На восстановление запасов инертной части гумуса в верхнем слое черноземов на основании данных радиуглеродного датирования по самым приближенным оценкам потребуется не менее 1,0–1,5 тысячи лет [14; 15].

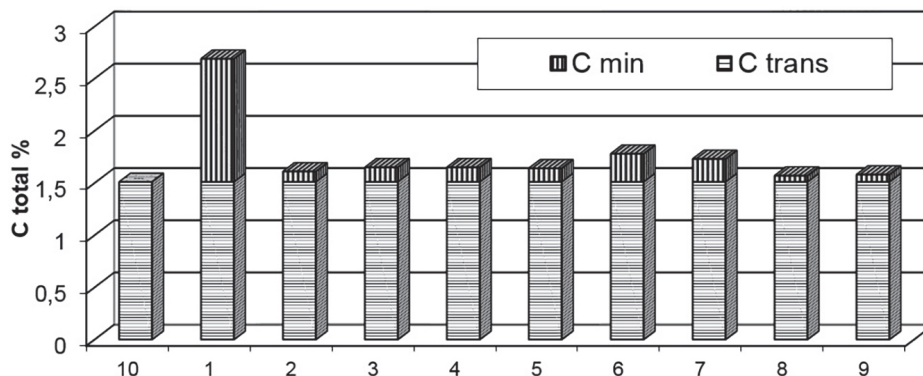

Рисунок 1 – Содержание инертного и трансформируемого органического углерода.

Примечание. Обозначения вариантов опыта те же, что и в табл. 1

На пахотных обыкновенных черноземах в последний период их агрогенного использования предположительно потеря гумуса не наблюдается. Вероятно, это связано с тем, что изучаемые полевые участки

Карабалыкской опытной станции защищены лесополосами, препятствующими ветровой эрозии, в отличие от таковых Казахского НИИ зернового хозяйства им. Бараева.

Требуется проведение дальнейших экспериментальных исследований органического вещества пахотных чернозёмов Северного Казахстана для подтверждения высказанных положений о направленности процессов гумусообразования. Кроме того, необходима закладка делянок бессменного чистого пара в условиях длительных полевых опытов Казахстана.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Тюрин И.В. Органическое вещество почв. Л.: Сельхозгиз, 1937. 288 с.
2. Кононова М.М. Проблема почвенного гумуса и современные задачи его изучения. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 390 с.
3. Чесняк Г.Я., Гаврилюк Ф.Я., Крупеников И.А., Лактионов Н.И., Шилихина И.И. Гумусовое состояние чернозёмов // Русский чернозём. 100 лет после Докучаева, ч. 2, гл. 4. М.: Наука, 1983. С. 186–198.
4. Ярославцева Н.В. Гумусовое состояние чернозёмов южных карбонатных Северного Казахстана: дис. ... канд. биол. наук. Алма-Ата, 1990. 145 с.
5. Аринушкина Е.В. Руководство по химическому анализу почв. М.: МГУ, 1977. 489 с.
6. Доспехов Б.А. Методика полевого опыта. М.: Агропромиздат, 1985. 351 с.
7. Классификация и диагностика почв СССР. Почвенный ин-т им. В.В. Докучаева. М.: Колос, 1977. 224 с.
8. Гришина Л.А., Орлов Д.С. Система показателей гумусного состояния почв // Проблемы почвоведения. М.: Наука, 1978. С. 43–47.

9. Кёршенс М. Значение содержания гумуса для плодородия почв и круговорота азота. Посвящается 100-летию со дня рождения профессора, академика И.В. Тюрин // Почвоведение. 1992. № 10. С. 122–131.

10. Когут Б.М. Оценка содержания гумуса в пахотных почвах России // Почвоведение. 2012. № 9. С. 944–952.

11. Масютенко Н.П., Когут Б.М., Татошин И.Ф. Закономерности влияния обработок почвы на содержание, состав и природу гумусовых веществ чернозёмов // Прогноз развития эрозийных процессов и устойчивость агроландшафтов к воздействию естественных и антропогенных факторов. Курск, 1990. С. 86–103.

12. Когут Б.М., Травникова Л.С., Титова Н.А., Куваева Ю.В., Ярославцева Н.В. Влияние длительного применения удобрений на содержание органического вещества в легких и илистых фракциях чернозёмов // Агрохимия. 1998. № 5. С. 13–20.

13. Когут Б.М. Оценка уровней эродированности чернозёмов по относительной степени их гумусированности // Бюллетень Почвенного ин-та им. В.В. Докучаева. 2015. № 78. С. 59–69.

14. Герасимов И.П., Чичагова О.А. Некоторые вопросы радиоуглеродного датирования почвенного гумуса // Почвоведение. 1971. № 10. С. 3–11.

15. Чичагова О.А., Черкинский А.Е. Проблема радиоуглеродного датирования почв // Почвоведение. 1985. № 11. С. 63–75.

KAZAKHSTAN BLACK SOIL ORGANIC SUBSTANCE AGROGENIC TRANSFORMATION

© 2016

A.K. Kurishbayev, doctor of agricultural sciences, professor, chairman of the board
G.A. Zvyagin, doctoral candidate of the Chair of Soil Science and Agricultural Chemistry
S. Seifullin Kazakh Agro-Technical University, Astana (Kazakhstan)

N.V. Yaroslavtseva, candidate of agricultural sciences,
researcher of the Department of Soil Biology and Biochemistry

B.M. Kogut, doctor of agricultural sciences, head of the Department of Soil Biology and Biochemistry
V.V. Dokuchaev Soil Science Institute, Moscow (Russia)

Abstract. Currently despite the extended study of the temporary dynamic of the cultivated soil organic substance on the global scale scientists pay much attention to the establishing the patterns of its quantitative transformation on the regional level depending on the systems of agricultural exploitation for the purpose of clarifying the worldwide estimate of humus reserve in relation to the issue of the «greenhouse effect». In this regard we have examined the modern dynamic (1990–2015) of the regular and southern black soil organic substance in the conditions of long-term stationary field experiments in the primary grain-sowing region of the Northern Kazakhstan. Based on the data from alternative time periods on the proportion of Coprand N in the upper (mainly 0–25 cm) layer of virgin and agrogenic black soil of Akmolinsk and Kostanay regions of Kazakhstan we have discovered the distinctive characteristics of changes in the content of soil organic substance. It has been demonstrated that the content of humus in the regular black soil is significantly higher than that in the southern carbonated black soil. Evaluation of transforming and inert pool of organic carbon in virgin and agrogenic variants of southern black soil has been made. It has been established that currently in the result of influence from various methods of southern black soil treatment the rate of humus percentage decrease is slowing down in comparison with that of the previous period of its agricultural exploitation, however, in practice, those methods, including the subsurface tilling, do not halt the de-humusization process. Content of humus in soil of the variants with continuous spring wheat is approaching that with continuous complete fallow. There are sufficient grounds to suggest that the reason for de-humusization of the southern black soil could reside in biochemical (mineralization), as well as physical (deflation) loss of humus. Particular danger comes from the wind erosion resulting in percentage of humus dropping even below its minimal value, i.e. due to the decrease of nearly unrecoverable inert part. In agrogenic regular black soil, during the closing period of its agricultural exploitation, there has been no humus loss detected, which is most probably related to the existence of protective anti-erosion forest belts in the studied fields area.

Keywords: organic substance; regular black soil; southern black soil; agrogenic soil; low-humus soil; grain-fallow crop rotation; continuous wheat; subsurface tilling; zero technology; de-humusization; inert humus; Northern Kazakhstan; Akmolinsk region; Kostanay region.

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛОКАЛЬНЫХ ФЛОР НАРУШЕННЫХ ЭКОТОПОВ (НА ПРИМЕРЕ ФЛОРЫ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ)

© 2016

Н.А. Никитин, аспирант кафедры биологии, экологии и методики обучения
Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара (Россия)

Аннотация. В работе рассматриваются структурные особенности локальных флор, нарушенных экотопов, как составных компонентов флоры более высокого ранга. В данном исследовании локальная флора нарушенного экотопа, как совокупность видов, произрастающих на определенной территории, по степени реактивности на антропогенное воздействие структурно делится на элементарные компоненты, выделение которых основывается на эколого-ботанических особенностях растений их слагающих. Так автором были впервые выделены четыре компонента: локальнодепрессивная флора (*localdepressive flora*), локальноконстантная флора (*localconstantis flora*), локальнопластичная флора (*localvariabilis flora*) и локальнокосмополитная флора (*locallatos flora*). Все компоненты связаны между собой и закономерно перестраиваются в ходе изменения условий обитания при движении из одного климатического пояса в другой, а также при изменении характера и степени воздействия. Депрессивная флора испытывает тенденцию к сокращению количества особей или же полному исчезновению под действием антропогенного воздействия, константная флора, как правило состоит из видов, способных в условиях значительного проявления антропогенного фактора, сохранять характерные для них особенности произрастания; пластичная флора представлена наибольшим количеством видов, способных в условиях антропогенной нагрузки расширить свой ареал; космополитная флора представлена видами, активно распространяющимися как в условиях естественного фитоценоза, так и при антропогенных нагрузках. Количественно космополиты могут превышать пластичную флору, но только по количеству особей, но не видов.

Ключевые слова: локальная флора; экологические факторы; антропогенное воздействие; сорные растения; полоса отвода железных дорог; локальнодепрессивная флора; локальноконстантная флора; локальнопластичная флора; локальнокосмополитная флора.

Антропогенное воздействие, оказываемое на флору, не всегда приводит к тотальной деградации и уничтожению растительного покрова. Как правило флора, проявляя пластичность, приспосабливается к происходящим изменениям, формируя не характерные для нее сочетания и пропорции. Некоторые виды способны к резкому увеличению численности вследствие антропогенного воздействия, другие либо резко сокращают свою распространенность, либо остаются в прежних границах численности. Работы, посвященные изучению данной проблематики, проводил ряд исследователей [1, 2, 3]. Изучая флору железных дорог как особый флористический комплекс, проявляющий черты сходства и унифицированности в разных климатических и природных условиях, можно говорить о ней как о локальной флоре, имеющей свои характерные особенности.

В настоящее время в экологии и ботанике отсутствует четкая формулировка железнодорожной флоры. За время изучения флоры железных дорог (200 лет) с целью обозначения совокупности растений, произрастающих в придорожной зоне, в отечественной ботанике используется формулировка «флора железных дорог» [4, 5, 6, 7, 8], в зарубежной, в частности немецкой, используются термины «*eisenbahnwanderer*» и «*eisenbahntypisch*» [9, 10, 11, 12, 13]. Оба термина отражают приверженность ученых к пониманию флоры произрастающей в зоне воздействия железнодорожного транспорта, как к особому флористическому комплексу, проявляющего специфические черты сходства между собой в различных условиях произрастания и отличия от окружающих фитоценозов. Однако отсутствуют непосредственные исследования, касающиеся структурных особенностей флоры, произрастающей в пределах железнодорожного полотна, позволяющие выделять ее компоненты

и прогнозировать их распространение. Таким образом целью данной работы является выделение структурной дифференциации флоры железных дорог, а также структурных компонентов ее составляющих.

Локальная флора железных дорог формируется под воздействием нескольких факторов, среди которых основными являются абиотические – характер эксплуатации дороги, а также биотические – характер окружающих фитоценозов. Важно отметить еще один фактор, который связан и напрямую зависит от аллохтонных процессов флорогенеза, а именно, проникновение адвентивных видов посредством железных дорог. Таким образом, в поле нашего зрения оказывается фактор, который можно назвать миграционным. Ведь если вид является аборигенным и при этом имеет достаточный потенциал к расширению ареала, он способен уже в первые годы после строительства полотна распространиться на освободившиеся территории. Адвентивный же вид напротив, должен потратить некоторые ресурсы на акклиматизацию, а уже затем и к расширению своего ареала. Однако, стоит оговориться и принять во внимание время заноса того или иного адвента, ведь, скажем археофит, просуществовавший на изучаемой территории длительное время, приспособился к условиям существования и также способен к быстрому расселению, как и апофит. В то же время рассматривая флору как перманентный набор видов, произрастающих на той или иной территории указанные факторы закономерно теряют в своей значимости. Такие особенности видов как характер миграции и статус вида как заносного или аборигенного, играют меньшую роль, поскольку флора, рассматриваемая в определенный момент времени представляет целостную систему, функционирующую в совокупном взаимодействии всех ее компонентов. Не смотря на указанное противоречие, пу-

ти миграции и статусность видов в отношении заносности важны при выделении структурных элементов флоры, нарушенных экотопов.

Железнодорожное полотно, состоящее из материалов обломочного происхождения, имеет характерные особенности, не зависящие от климатических и других особенностей окружающей территории. Полотно всегда образует линейные формы рельефа, значительной протяженности, что приводит к формированию ценопопуляций ленточного типа, распространяющиеся не только вдоль полотна, но и вдоль отрицательных форм рельефа (овраги, балки) берущих свое начало в придорожной зоне, а также вдоль других коммуникативных сооружений (грунтовые дороги, трубопроводы и др.). Это связано с тем, что вдоль указанных сооружений распространены нарушенные почвы, ведется постоянная техническая поддержка полотна. Таким образом, флора железных дорог может помимо придорожной зоны, распространяться в другие нарушенные местообитания, такие как осыпающиеся склоны оврагов, обочины грунтовых дорог и другие.

Антропогенное воздействие на флору в пределах железнодорожного полотна и полосы отвода может быть, как прямым, так и косвенным, осуществляемым посредством ремонта полотна, вибрации и воздействия проезжающих поездов. Однако не все компоненты флоры реагируют одинаково на данное воздействие.

Выделение отдельных компонентов локальной флоры железных дорог проводилось на основании работ по отношению к антропогенному воздействию [14, 15, 16]. В этих работах, исследования касаются отдельных видов, проявляющих те или иные тенденции при антропогенных воздействиях. Ученые на этом основании выделяют антропофобные, антропо-толерантные, антропофильные и синантропные виды. При оценке видового разнообразия и характеристики отдельных видов, данная классификация достаточно удобна, однако при изучении флоры, ее динамических особенностей и протарнственно-временного распространения, оказывается неспособной охватить большие группировки видов не только по отношению к антропогенному воздействию, но и в их способности, в ответ на это воздействие, к популяционному флуктуированию либо на грани крайне низкой численности, либо крайне высоких показателей.

В ходе исследований, проводимых автором в период с 2010 года по настоящее время, а также при анализе доступного материала, представленного в научной литературе, были выделены структурные компоненты локальной флоры железных дорог. Флора вдоль железнодорожных насыпей полосы отвода изучалась маршрутным методом и методом линейных трансектов, территория железнодорожного пути при этом делилась на 4 функциональные зоны: 1 зона – собственно железнодорожный путь (зона наивысшего антропогенного воздействия), 2 зона – откосы насыпи (зона опосредованного антропогенного воздействия), 3 зона – прилегающая территория радиусом от 3 до 10 метров (зона периодического антропогенного воздействия) 4 зона – прилегающий фитоценоз. Фиксировались виды и особенности их местообитания (каменистая насыпь, водоем, водоотводящий канал и

др.), также оценивалось обилие видов по шкале Друде. На основании полученных данных определялись наиболее распространенные виды в тех или иных функциональных зонах, кроссзональные виды – т.е. виды, распространенные в нескольких функциональных зонах, а также монозональные, приуроченные только к одной функциональной зоне. При соотношении всех полученных данных выявлялись виды, приуроченные к определенным местообитаниям, виды сокращающие свою численность при переходе к определенным функциональным зонам с разным уровнем антропогенной нагрузки, а также виды, сохраняющие численность либо увеличивающие ее.

Наиболее подвержена антропогенному воздействию локальнодепрессивная флора (*localdepressive flora*), резко сокращающая ареал своего распространения и видовое разнообразие. Поскольку железнодорожная насыпь в значительной степени испытывает тенденцию к иссушению, то существование растений, тяготеющих к гидрофильным условиям, детерминруется наличием значительно переувлажненных почв. Таким образом, в состав константной флоры входят гигрофиты, гидрофиты и другие группы растений, способные переносить и существовать в условиях переувлажнения субстрата. При строительстве и прокладке новых путей, проходящих через водоемы и переувлажненные участки, гидрофитная флора сокращает территорию распространения, а также видовое разнообразие. Так, к примеру, в условиях Среднего Поволжья спектр трех ведущих семейств *Asteraceae*, *Poaceae*, *Fabaceae* остается неизменным для локальноконстантной флоры, однако в их составе на первый план выходят *Bidens frondosa* L., *Helianthus tuberosus* L., *Inula britannica* L., *Inula helenium* L., *Calamagrostis neglecta* (Ehrh.) Gaertn., Mey. et Schreb., *Phragmites australis* (Cav.) Trin. ex Steud., *Puccinellia distans* (Jacq.) Parl., *Populus alba* L., *Salix alba* L. и другие. В спектре семейств, за исключением ведущих, происходит перераспределение в пользу семейств переувлажненных мест обитания, проявляют себя *Alismatacea*, *Salicaceae*. Растения с лесным экологическим оптимумом, а также мегатрофы, в значительной степени зависимые от условий произрастания и обеспечения субстрата питательными веществами снижают свою численность. Исследования, проводившиеся в местах, где железнодорожное полотно проходит через лесные сообщества с *Quercus robur* L., отмечалось произрастание указанного вида в прилегающей к полотну 4 зоне, а также частично в 3, зоны 1 и 2 были полностью свободны от особей указанного вида. То же происходило с представителями рода *Pynus*. К этой группе относятся виды рода *Carex* spp., *Pynus* spp., *Quercus* spp., *Lemna* spp. и другие.

Наименее реактогенен в отношении антропогенного воздействия компонент локальной флоры железных дорог, называемый нами локальноконстантной флорой (*localconstantis flora*). Данный компонент проявляет схожие тенденции и активность как в условиях железнодорожной насыпи и полосы отвода, так и в условиях естественного фитоценоза, что обусловлено экологической стенобионтностью и приуроченностью к определенным экологическим условиям, в частности переувлажненным местам. Поскольку железнодорожная насыпь представляет собой

нарушенный экотоп с признаками значительного иссушения, иногда засоления субстрата, растения с широким биологическим оптимумом (мезофиты), а также растения ксерофитного спектра получают преимущество перед остальными представителями флоры. В ее состав входят, как правило, виды местной флоры, иногда адвенты. В семейственном спектре наблюдается смещение пиков встречаемости отдельных семейств, в составе ведущих семейств флоры отмечается только изменение медианных значений встречаемости видов указанных мест обитаний. *Arctium tomentosum* Mill., *Artemisia abrotanum* L., *Artemisia absinthium* L., *Artemisia sieversiana* Willd., *Artemisia vulgaris* L., *Artemisia austriaca* Jacq., *Artemisia campestris* L., *Astragalus testiculatus* Pall., *Atriplex tatarica* L. *Betula pendula* Roth., *Bromopsis inermis* Holub., *Bunias orientalis* L., *Calamagrostis epigeios* L. Roth. *Cannabis sativa* L., *Carduus acanthoses* L., *Carduus hamulosus* Ehrh., *Centaurea pseudomaculosa* Dobroc., *Chenopodium album* L. s. l., *Cirsium incanum* (S.G. Gmel.) Fisch., *Consolida regalis* S.F. Gray, *Convolvulus arvensis* L., *Crepis tectorum* L., *Cuscuta campestris* Yunck., *Cyborium intibus* L., *Dracocephalum thymiflorum* L., *Echinops sphaerocephalus* L., *Elaeagnus angustifolia* L. *Linaria vulgaris* Mill., *Lythrum virgatum* L., *Medicago sativa* L., *Melampyrum pratense* L., *Melilotus albus* Desr., *Melilotus officinalis* (L.) Desr., *Melilotus dentatus* (Waldst. et Kit.) Pers., *Onopordum acanthium* L., *Pastinaca sativa* L., *Plantago major* L., *Populus nigra* L., *Ribes aureum* Pursh, *Rumex crispus* L., *Salvia stepposa* L., *Salvia uliginosa* Benth., *Scabiosa ochroleuca* Moench., *Silene boristhenica* (Grun.) Walters., *Sisymbrium loeselii* L., *Sonchus arvensis* L., *Stipa pennata* L., *Tragopogon dubius* Scop., *Tragopogon podolicus* (DC.) S.A. Nikitin, *Tripleurospermum perforatum* L., *Ulmus glabra* Huds., *Ulmus pumila* L., *Urtica dioica* L., *Verbascum lychnitis* L., *Vicia cracca* L.

Поскольку железнодорожная насыпь представляет собой нарушенный экотоп с признаками значительного иссушения, иногда засоления субстрата растения с широким биологическим оптимумом (мезофиты), а также растения ксерофитного спектра получают преимущество перед остальными представителями флоры. Распространяясь в данных условиях, эти растения формируют локальнопластичную флору (*localvariabilis flora*), которая благодаря произрастанию в благоприятных условиях, за счет широкого экологического оптимума способна приспосабливаться к различным условиям обитания, занимая большую часть экологических ниш. Ее формирование идет двумя основными путями, отражая тем самым основные динамические тенденции локальной флоры железных дорог в целом – автохтонный путь, миграция и распространение аборигенных видов, а также аллохтонный путь – занос чужеродных видов. Эколого-фитоценотически пластичная флора представлена видами, проявляющими достаточно высокую активность, а именно сорными растениями. По системе жизненных форм К. Раункиера [15], в составе пластичной флоры преобладают терофиты и гемикриптофиты; по системе жизненных форм Серебрякова [16, 17] преобладают травянистые монокрапики, в том числе однолетние, среди многолетних поликарпиков преобладают длиннокорневищные, короткокорневищные и корнеотпрысковые травы. К типич-

ным представителям относятся *Amaranthus albus* L., *Amaranthus retroflexus* L., *Falcaria vulgaris* Bernh., *Heracleum sibiricum* L., *Achillea millefolium* L., *Ambrosia trifida* L., *Arctium tomentosum* Mill., *Arctium lappa* L., *Artemisia absinthium* L., *Artemisia austriaca* Jacq., *Artemisia campestris* L., *Artemisia sieversiana* Willd., *Artemisia vulgaris* L., *Calendula officinalis* L., *Carduus acanthoides* L., *Centaurea pseudomaculosa* Dobroc., *Cichorium intybus* L., *Cirsium setosum* (Willd.) Bess., *Cirsium vulgare* (Savi) Ten., *Conyza canadensis* (L.) Cronq., *Cyclachaena xanthifolia* (Nutt.) Fresen. *Tanacetum vulgare* L. и другие.

Локальнокосмополитная флора (*locallatos flora*) представлена видами, способными к активному расселению как в пределах нарушенных экотопов полосы отвода, так и в условиях естественного фитоценоза. Отличие космополитного компонента от пластичного заключается в его способности расселяться в подавляющем большинстве биотопов, расположенных во всех функциональных зонах. В ее состав входят как сверхагрессивные сорняки (в том числе, адвентивные) а также представители апофитной флоры. Сюда относятся такие виды как *Acer negundo* L., представители родов *Arctium* spp., *Artemisia* spp., *Carduus* spp., *Cirsium* spp., *Lactuca* spp., *Senecio* spp., *Sonchus* spp., *Taraxacum* spp., *Echium* spp., *Atriplex* spp., *Plantago* spp., и другие.

Рассмотренная структура локальных флор нарушенных экотопов железных дорог отражает не только популяционные особенности видов, слагающих отдельные компоненты, но и пространственно-временную дифференциацию, показывая тем самым границы распространения тех или иных флор, а также прогнозировать изменения их видового и родового состава вследствие антропогенного воздействия. Уточнение принадлежности редких и исчезающих видов позволит проследить и уточнить пути их расселения при флуктуирующем уровне антропогенной нагрузки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Березуцкий М.А. Адаптация флоры южной части Приволжской возвышенности к антропогенному воздействию // Поволж. экол. журн. 2010. № 3. С. 230–240.
2. Мельченко В.Е., Саксонов С.В. Ландшафтный подход к региональным флористическим исследованиям // Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии. 1993. № 4. С. 56–71.
3. Саксонов С.В. Уровни организации флористических комплексов // Теоретические проблемы теологии и эволюции Третьи Любичевские чтения. Тольятти, 2000. С. 190–193.
4. Гусев Ю.Д. Новые сведения о распространении адвентивных растений на северо-западе СССР // Бот. журн. 1975. Т. 60, № 3. С. 380–386.
5. Гусев Ю.Д. Проникновение новых адвентивных растений в Кировскую и Пермскую области // Бот. журн. 1976. Т. 61, № 4. С. 567–570.
6. Гусев Ю.Д. Адвентивные растения, новые для Витебской и Могилевской областей // Бот. журн. 1976. Т. 61, № 3. С. 406–408.
7. Гусев Ю.Д. Дополнения к адвентивной флоре северо-западных областей Европейской России // Бот. журн. 1973. Т. 58, № 6. С. 904–909.

8. Папченко В.Г. Новые и редкие виды заносных растений автономных республик Среднего Поволжья // Бот. журн. 1989. Т. 74, № 4. С. 547–552.
9. Brandes D. Vegetation von Eisenbahnlagen // Dokumentation für Umweltschutz und Landespflege N.F. 23, Sonderheft. № 4. P. 27–37.
10. Brandes D. Bahnhöfe als Untersuchungsobjekte der Geobotanik // Mitteilungen der Technischen Universität Carolo-Wilhelmina zu Braunschweig. 1979. № 14 (3/4). P. 49–59.
11. Strobl W. Beitrag zu einigen Neophyten der Salzburger Flora // Berichte aus dem Haus der Natur in Salzburg, 1987. P. 104–113.
12. Kowarik I. Naturschutz in der Innenstadt: Das Gelände de ehemaligen Potsdamer und Anhalter Güterbahnhofs // Berliner Naturschutzblätter. 1980. № 24. P. 631–636.
13. Junghans T. Zur Flora der Hauptbahnhöfe von Mannheim und Heidelberg (Baden-Württemberg) // Braunschweiger Geobotanische Arbeiten. 2008. Т. 9. P. 325–344.
14. Эбель А.Л. Флора северо-западной части Алтае-Саянской провинции: состав, структура, происхождение, антропогенная трансформация: автореф. дис. ... д-ра биол. наук. Томск, 2011. 39 с.
15. Raunkiaer C. The life forms of plants and stasical plant geography. Oxford. Clarendon Press, 1934. 632 p.
16. Серебряков И.Г. Экологическая морфология растений. М.: Наука, 1962. 378 с.
17. Серебряков И.Г. Учение о жизненных формах на современном этапе // Итоги науки и техники. Сер. Ботаника. М., 1972. С. 84–169.

STRUCTURAL FEATURES OF LOCAL FLOOR DISTURBED ECOTOPS (ON THE EXAMPLE OF THE FLORA OF RAILWAYS)

© 2016

N.A. Nikitin, postgraduate student of the Chair of Biology, Ecology and Methods of Teaching
Samara State University of Social Sciences and Education, Samara (Russia)

Abstract. The work deals with the structural features of the local floras disturbed ecotopes as integral components of a higher rank flora. In this study, the local flora is disturbed ecotope, as a collection of species growing in a certain area, the degree of responsiveness to anthropogenic impacts structurally divided into elementary components, the selection of which is based on ecological and botanical features of the plants composing them. Since the three components were identified: locally depressed flora (localdepressive flora) lokalconstant flora (localconstantis flora), localplastic flora (localvariabilis flora) and localnokosmopolit flora (locallatos flora). All components are connected to each other and regularly rebuilt during changing environmental conditions when moving from one climate zone to another, as well as changes in the nature and degree of exposure. Depressive flora experiencing declining trend in the number of individuals or the complete disappearance under the influence of anthropogenic impact, constant flora, usually consists of a species capable of operating with a significant manifestation anthropogenic factor to maintain their characteristic features of growth; Plastic flora is represented by the largest number of species able to expand its range in the conditions of anthropogenic stress; cosmopolitan flora species is represented, actively propagating in the conditions of natural phytocenosis and under anthropogenic loads. Quantitatively cosmopolitans may exceed the plastic flora, but only on the number of individuals, but not the species.

Keywords: local flora; environmental factors; anthropogenic influence; weeds; ROW railways; localdepressive flora; localconstantis flora; localvariabilis flora; locallatos flora.

УДК 58.009(477.60)

СИНТАКСОНОМИЧЕСКОЕ РАЗНООБРАЗИЕ РАСТИТЕЛЬНОСТИ ПАСТБИЩНЫХ ЭКОСИСТЕМ ЮГО-ВОСТОКА УКРАИНЫ

© 2016

В.М. Остапко, доктор биологических наук, профессор,
заведующий отделом природной флоры и заповедного дела, заместитель директора по научной работе
Донецкий ботанический сад, Донецк (Донецкая Народная Республика)

О.М. Шевчук, доктор биологических наук,
заведующий лабораторией ароматических и лекарственных растений
Никитский ботанический сад – Национальный научный центр РАН, Ялта, п.г.т. Никита (Россия)

С.А. Приходько, кандидат биологических наук,
старший научный сотрудник отдела природной флоры и заповедного дела, директор
Донецкий ботанический сад, Донецк (Донецкая Народная Республика)

Аннотация. Приведены результаты исследования растительности пастбищных экосистем юго-востока Украины, проведенного в период с 1998 г. по 2011 г. маршрутным и полустационарным методами. Обследованы почти все ботанико-географические хоронионы низшего уровня в пределах территории региона. Изучена представленность формаций и ассоциаций растительности в следующих пастбищных степных экосистемах: водораздельные на развитых чернозёмах (43 формации, 425 ассоциаций), овражно-балочные на смытых чернозёмах (81, 750), овражно-балочные на смытых чернозёмах на гранитах (48, 293), овражно-балочные на смытых чернозёмах на известняках (39, 355), надпойменно-террасовые на мелах (46, 220), надпойменно-

террасовые на песках (24, 140). Установлено, что синтаксономическое разнообразие растительности природных пастбищных экосистем на доминантной основе представлено 1029 ассоциациями и 178 формациями, что составляет 37% и 33% ассоциаций и формаций естественной растительности региона. Для степных экосистем отмечено 920 ассоциаций и 147 формаций (33% ассоциаций и 27% формаций естественной растительности региона), для луговых – 424 ассоциаций и 80 формаций (15% и 14% соответственно). Самым высоким синтаксономическим разнообразием характеризуется растительность овражно-балочных степей на смытых чернозёмах на лёссах, самым низким среди степных экосистем – растительность надпойменно-террасовых степей на песках, среди луговых – растительность засоленных и болотистых лугов.

Ключевые слова: юго-восток Украины; растительность; синтаксономическое разнообразие; фитоценотическое разнообразие; доминантная классификация растительности; формация; ассоциация; степные экосистемы; пастбищные экосистемы; водораздельные экосистемы; овражно-балочные экосистемы; надпойменно-террасовые экосистемы.

Данные о природной растительности юго-востока Украины (Донецкая и Луганская административные области) отражены в более 100 публикациях. Наиболее полная информация о составе растительности региона по доминантной классификации собрана в «Продромусе естественной растительности юго-востока Украины» [1] и дополнена в ряде работ [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9]. На данный момент существует необходимость в дополнении, расширении и критическом анализе этих данных с целью оценки современного состояния растительного покрова как всего региона, так и отдельных его территорий. Кроме этого, до сегодняшнего момента не было проанализировано синтаксономическое разнообразие растительности одного из наиболее представленного в регионе варианта экосистем – пастбищных экосистем.

Юго-восток Украины (Донецкая и Луганская области) – регион с антропогенно трансформированной средой. Важными деструктивными факторами здесь являются сельское хозяйство, а также бессистемный выпас на остатках природных степных и луговых фитоценозов, что проявляется в высокой степени распаханности территории и большой площадью бросовых земель [10]. Исходя из этого, объектом наших исследований были взяты самые распространенные в регионе пастбищные экосистемы – природно-антропогенные экосистемы, состояние и развитие которых обусловлено наличием и влиянием внешнего фактора (регулируемый и бессистемный выпас животных и другое сельскохозяйственное использование) и существование которых невозможно без него [11]. Для исследуемого региона – это большинство участков природных степей и лугов, находящихся за пределами территорий природно-заповедного фонда и играющих существенную роль в сохранении общего биоразнообразия фитобиоты региона [4; 12]. Согласно классификации Б.В. Виноградова [13] такие экосистемы принадлежат к секции полуприродных или трансформированных экосистем.

Согласно разработанной нами классификации экосистем юго-востока Украины [14] пастбищными являются природные злаково-травяные и полукустарничковые экосистемы, а именно *луговые экосистемы (травяные экосистемы, которые формируются в условиях достаточного увлажнения)*: овражно-балочные остепнённые луга на смытых чернозёмах; пойменные настоящие (злаковые и разнотравно-злаковые) луга на луговых почвах; пойменные болотистые луга на лугово-болотных и илисто-болотных почвах и пойменные засоленные луга; и *степные разнотравно-типчачково-ковыльные экосистемы (травяные и ку-*

старниково-травяные экосистемы ксерофитного типа, которые формируются в условиях недостаточного увлажнения) на водоразделах на развитых чернозёмах, овражно-балочные (на склонах) на смытых чернозёмах на глине, овражно-балочные на смытых чернозёмах на лёссах, овражно-балочные на смытых чернозёмах на гранитах, овражно-балочные на смытых чернозёмах на известняках, овражно-балочные на смытых чернозёмах на мелах; надпойменно-террасовые на голоценовых песках; надпойменно-террасовые на смытых чернозёмах на мелах; надпойменно-террасовые на смытых чернозёмах на лёссах.

Целью наших исследований стало выявление синтаксономического разнообразия растительности пастбищных экосистем юго-востока Украины. Исследования растительности пастбищных экосистем проводили в период с 1998 г. по 2011 г. маршрутным методом с подробным (полустационарным) изучением флор-изолят [15] с учетом всего разнообразия растительного покрова в их пределах. Обследованы почти все ботанико-географические хоронионы низшего уровня в пределах всей территории региона. Геоботанические исследования проводили методами закладки трансект и пробных участков, материалы исследований документированы гербарными сборами, анкетами установленного образца, полевыми дневниками. Полустационарные исследования проводили на территориях, соприкасающихся с территорией Украинского степного природного заповедника (отделения «Хомутовская степь», «Каменные Могилы», «Меловая флора», «Кальмиуское»), Луганского природного заповедника (отделения «Стрельцовская степь», «Станично-Луганское», «Провальская степь»), Национального природного парка «Святые Горы», ботанических заказников «Балка Водяная», «Урочище Плоское», «Сухая балка», «Гектова балка», «Марьяна Гора», «Лес на граните».

На основе составленного перечня формаций и ассоциаций растительности природных пастбищных экосистем на доминантной основе согласно собственных многолетних фитоценологических исследований с учетом опубликованных данных [1; 2; 16; 17] выявлено, что растительность всех пастбищных экосистем юго-востока Украины представлена 1029 ассоциациями в составе 178 формаций, что составляет 37% и 33% разнообразия ассоциаций и формаций растительности региона. Всего для степных пастбищных экосистем отмечено 920 ассоциаций и 147 формаций, что составляет 33% ассоциаций и 27% формаций растительности региона (табл. 1).

Таблица 1 – Представленность формаций и ассоциаций растительности в степных пастбищных экосистемах юго-востока Украины

Формация	Количество ассоциаций в пастбищных степных экосистемах*, шт.					
	ВЧ	ОБЧ	ОБГ	ОБИ	НТМ	НТП
<i>Festuceta valesiaca</i>	55	85	9	64	7	-
<i>Elytrigeta repentis</i>	33	64	-	-	-	-
<i>Stipeta capillatae</i>	30	41	13	26	9	3
<i>Poeta angustifoliae</i>	25	33	-	-	-	-
<i>Caraganeta fruticis</i>	22	30	25	18	3	-
<i>Stipeta grafiana</i>	21	-	3	-	-	-
<i>Stipeta lessingiana</i>	20	36	30	22	2	-
<i>Stipeta ucrainicae</i>	19	24	-	-	-	-
<i>Stipeta tirsae</i>	17	22	19	7	-	-
<i>Bromopsieta inermis</i>	14	15	-	-	-	-
<i>Bromopsieta ripariae</i>	14	22	15	17	2	-
<i>Festuceta rupicolae</i>	14	19	-	-	-	-
<i>Stipeta dazyphyllae</i>	12	16	16	5	-	-
<i>Amygdaleta nanae</i>	11	21	2	2	-	-
<i>Elytrigeta trichophorae</i>	10	19	4	9	-	-
<i>Vicieta tenuifoliae</i>	9	10	-	-	-	-
<i>Elytrigeta intermediae</i>	8	18	-	-	-	-
<i>Stipeta zaleskii</i>	8	-	-	7	-	10
<i>Polygoneta avicularis</i>	6	6	-	-	-	-
<i>Agropyreta pectinati</i>	6	8	1	6	2	-
<i>Artemisieta repentis</i>	6	8	-	-	-	-
<i>Inuleta germanicae</i>	6	9	-	-	-	-
<i>Koelerieta cristatae</i>	6	10	4	6	1	-
<i>Poeta bulbosae</i>	6	6	-	-	-	-
<i>Securigereta varia</i>	6	7	-	-	-	-
<i>Poeta compressae</i>	5	9	-	-	-	-
<i>Thymeta marschalliani</i>	4	7	-	-	-	-
<i>Salvieta verticillatae</i>	3	3	-	-	-	-
<i>Elytrigeta tesquicolae</i>	3	1	-	1	-	-
<i>Galatella dracunculis</i>	3	9	-	-	-	-
<i>Plantagineta lanceolatae</i>	3	3	-	-	-	-
<i>Inuleta britannicae</i>	2	5	-	-	-	-
<i>Crinitarieta villosae</i>	2	12	8	15	5	-
<i>Achilleeta pannonicae</i>	2	2	-	-	-	-
<i>Artemisieta absinthii</i>	2	3	-	-	-	-
<i>Euphorbieta seguieranae</i>	2	3	-	-	-	1
<i>Euphorbieta stepposae</i>	2	2	-	-	-	-
<i>Hypericeta perforati</i>	2	2	-	-	-	-
<i>Lineta nervosi</i>	2	2	-	-	-	-
<i>Astragaleta ciceris</i>	1	-	-	-	-	-
<i>Polycnemeta arvensis</i>	1	1	-	-	-	-
<i>Salvieta tesquicolae</i>	1	2	2	-	-	-
<i>Centaureeta diffusae</i>	1	1	-	1	-	-
<i>Thymeta dimorphi</i>	-	19	18	21	1	-
<i>Salvieta nutantis</i>	-	9	1	-	-	-
<i>Elytrigeta stipifoliae</i>	-	9	4	6	6	-
<i>Filipenduleta vulgaris</i>	-	9	-	-	-	-
<i>Fragarieta viridis</i>	-	9	-	-	-	-
<i>Paenieta tenuifoliae</i>	-	8	-	-	-	-
<i>Lineta czerniaevii</i>	-	8	6	9	-	-
<i>Tanaceteta millefolii</i>	-	6	6	6	-	-
<i>Medicagineta romanicae</i>	-	6	-	-	-	-
<i>Galieta ruthenicae</i>	-	6	4	6	4	-
<i>Botriochloeta ischaemi</i>	-	5	1	5	-	-
<i>Cariceta praecocis</i>	-	5	1	-	-	-
<i>Diantheta pseudoarmeriae</i>	-	5	2	-	-	-
<i>Cephalarieta uralensis</i>	-	4	2	6	3	-
<i>Artemisieta marschalliana</i>	-	4	4	2	-	5
<i>Astragaleta onobrychis</i>	-	3	1	3	-	-
<i>Caraganeta scythicae</i>	-	3	3	8	-	-
<i>Marrubieta praecocis</i>	-	3	-	-	-	-
<i>Genisteta tinctoriae</i>	-	3	-	-	-	-
<i>Teucrieta polii</i>	-	3	6	5	2	-
<i>Kochieta prostratae</i>	-	2	-	-	-	-
<i>Piloselleta officinari</i>	-	2	-	-	-	4
<i>Cirsieteta setosi</i>	-	2	-	-	-	-
<i>Convolvuleta lineati</i>	-	2	-	-	-	-
<i>Euphorbieta semivillosae</i>	-	2	-	-	-	-
<i>Festuceta pseudovinae</i>	-	2	-	-	-	-
<i>Cardueta crispae</i>	-	1	-	-	-	-
<i>Cardueta fortiori</i>	-	1	-	-	-	-
<i>Cariceta supinae</i>	-	1	-	-	1	-
<i>Cirsieteta arvensis</i>	-	1	-	-	-	-
<i>Achilleeta nobilis</i>	-	1	-	1	-	-
<i>Phlomideta tuberosi</i>	-	1	-	-	-	-
<i>Plantagineta urvillei</i>	-	1	-	-	-	-
<i>Serratuleta heterophyllae</i>	-	1	-	-	-	-
<i>Seselieta libanotidis</i>	-	1	-	-	-	-
<i>Thalictrata simplicis</i>	-	1	-	-	-	-
<i>Teucrieta chamaedryos</i>	-	1	-	-	-	-
<i>Hierochloeta odoratae</i>	-	1	-	-	-	-
<i>Hierochloeta repentis</i>	-	1	-	-	-	-
<i>Inuleta asperae</i>	-	1	2	-	-	-
<i>Inuleta hirtae</i>	-	1	-	-	-	2
<i>Thymeta granitici</i>	-	-	13	-	-	-
<i>Pimpinelleta titanophilae</i>	-	-	11	10	11	-
<i>Erodieta beketowii</i>	-	-	8	-	-	-
<i>Calophaceta wolgaricae</i>	-	-	7	-	-	-
<i>Jurineeta brachycephalae</i>	-	-	5	14	10	-
<i>Onosmateta tanaitici</i>	-	-	5	11	9	-
<i>Stipeta graniticolae</i>	-	-	6	-	-	-
<i>Thymeta pseudogranitici</i>	-	-	6	-	-	-
<i>Achilleeta leptophyllae</i>	-	-	2	1	-	-
<i>Anthemideta subtinctoriae</i>	-	-	1	1	-	-
<i>Aurinieta saxatilis</i>	-	-	2	-	-	-
<i>Cleistogeneta maeoticae</i>	-	-	4	4	-	-

<i>Hedysareta grandiflora</i>	–	–	2	2	2	–
<i>Lineta austriaci</i>	–	–	1	1	2	–
<i>Roseta corymbiferae</i>	–	–	1	–	–	–
<i>Roseta subpygmaeae</i>	–	–	2	–	4	–
<i>Scrophularieta donetzicae</i>	–	–	1	–	–	–
<i>Sedeta ruprechtii</i>	–	–	1	–	–	–
<i>Sileneta supinae</i>	–	–	3	–	–	–
<i>Thymeta calcarei</i>	–	–	–	15	–	–
<i>Genisteta scythicae</i>	–	–	–	9	–	–
<i>Euphorbieta cretophilae</i>	–	–	–	2	4	–
<i>Krashennikovieta ceratoidae</i>	–	–	–	1	2	–
<i>Artemisieta hololeuca</i>	–	–	–	–	9	–
<i>Thymeta cretacei</i>	–	–	–	–	31	–
<i>Artemisieta tanaiticae</i>	–	–	–	–	15	–
<i>Hyssopeta cretacei</i>	–	–	–	–	13	–
<i>Hedysareta cretacei</i>	–	–	–	–	6	–
<i>Helianthemeta cretophili</i>	–	–	–	–	6	–
<i>Chamaecytiseta ruthenicae</i>	–	–	–	–	6	1
<i>Scrophularieta cretaceae</i>	–	–	–	–	6	–
<i>Elytrigieteta cretaceae</i>	–	–	–	–	5	–
<i>Cariceta humilis</i>	–	–	–	–	4	–
<i>Thymeta kondratjukii</i>	–	–	–	–	4	–
<i>Stipeta joannis</i>	–	–	–	–	3	2
<i>Cariceta pediformis</i>	–	–	–	–	3	–
<i>Astragaleta albicaulis</i>	–	–	–	–	2	–
<i>Festuceta cretaceae</i>	–	–	–	–	4	–
<i>Diplotaxieta cretaceae</i>	–	–	–	–	2	–
<i>Gypsophileta oligospermae</i>	–	–	–	–	2	–
<i>Bupleureta falcati</i>	–	–	–	–	1	–
<i>Centaureeta ruthenicae</i>	–	–	–	–	1	–
<i>Lineta ucrainici</i>	–	–	–	–	1	–
<i>Matthioleta fragrantis</i>	–	–	–	–	1	–
<i>Scutellarieta creticola</i>	–	–	–	–	1	–
<i>Sileneta cretaceae</i>	–	–	–	–	1	–
<i>Thymeta didukhii</i>	–	–	–	–	1	–
<i>Festuceta beckeri</i>	–	–	–	–	–	27
<i>Helichryseta arenarii</i>	–	–	–	–	–	22
<i>Cariceta colchicae</i>	–	–	–	–	–	12
<i>Stipeta borysthenicae</i>	–	–	–	–	–	13
<i>Koelerieta sabuletori</i>	–	–	–	–	–	10
<i>Agropyreta lavrenkoani</i>	–	–	–	–	–	6
<i>Artemisieta tscherniaeviana</i>	–	–	–	–	–	5
<i>Agrostieta vinealis</i>	–	–	–	–	–	4
<i>Calamagrostieta epigeioris</i>	–	–	–	–	–	3
<i>Cleistogeneta squarrosi</i>	–	–	–	–	–	2
<i>Ephedreta distachyae</i>	–	–	–	–	–	2
<i>Achilleeta micranthi</i>	–	–	–	–	–	2
<i>Artemisieta elatioris</i>	–	–	–	–	–	1
<i>Leymeta sabulosi</i>	–	–	–	–	–	1

<i>Lysimachieteta nummulariae</i>	–	–	–	–	–	1
<i>Thymeta pallasiani</i>	–	–	–	–	–	1
Количество формаций, шт.	43	81	48	39	46	24
Количество ассоциаций, шт.	425	750	293	355	220	140

*Примечание: пастбищные степные экосистемы: ВЧ – водораздельные на развитых чернозёмах, ОБЧ – овражно-балочные на смытых чернозёмах, ОБГ – овражно-балочные на смытых чернозёмах на гранитах, ОБИ – овражно-балочные на смытых чернозёмах на известняках, НТМ – надпойменно-террасовые на мелах, НТП – надпойменно-террасовые на песках.

Растительность луговых пастбищных экосистем представлена 424 ассоциациями и 80 формациями, (14% и 15% соответственно). Это свидетельствует о значительном фитоценоотическом разнообразии степей и лугов в регионе и их существенной роли в сохранении биоразнообразия.

Растительность водораздельных разнотравно-типчакково-ковыльных степей на развитых черноземах представлена 425 ассоциациями и 43 формациями, овражно-балочных степей на смытых черноземах на лессах – 750 и 81 соответственно, овражно-балочных степей на гранитах – 293 и 48, овражно-балочных степей на известняках – 355 и 39, надпойменно-террасовых степей на мелах – 220 и 46, надпойменно-террасовых степей на песках – 140 и 24, остепненных лугов – 98 и 33, пойменных настоящих – 125 и 32, засоленных – 148 и 35 болотистых лугов – 53 и 22. Как видим, растительность степных экосистем существенно разнообразнее растительности луговых, что обусловлено более низкой представленностью луговых фитоценозов в регионе.

Наибольшим количеством ассоциаций в растительности водораздельных разнотравно-типчакково-ковыльных степей на развитых черноземах представлены формации *Festuceta valesiaca* (55 ассоциаций), *Elytrigieteta repens* (33), *Poeta angustifolia* (25), *Stipeta capillata* (30), *Caraganeta fruticis* (22), *Stipeta grafi-anae* (21), *Stipeta lessingiana* (20), *Stipeta ucrainica* (18), *Stipeta tirsae* (17), *Bromopsieta inermis* (14), *Bromopsieta ripariae* (14), *Festuceta rupicola* (14), *Stipeta dazyphyllae* (12), *Amygdaleta nanae* (11), *Elytrigieteta trichophora* (10).

В овражно-балочных степях на смытых черноземах на лессах наибольшее количество ассоциаций характерно для формаций *Festuceta valesiaca* (85 ассоциаций), *Elytrigieteta repens* (64), *Stipeta capillata* (41), *Stipeta lessingiana* (36), *Poeta angustifolia* (33), *Caraganeta fruticis* (30), *Stipeta ucrainica* (24), *Stipeta tirsae* (22), *Bromopsieta ripariae* (22), *Amygdaleta nanae* (21), *Elytrigieteta trichophora* (19), *Festuceta rupicola* (19), *Thymeta dimorpha* (19), *Elytrigieteta intermedia* (18), *Stipeta dazyphyllae* (16), *Bromopsieta inermis* (15), *Crinitarieta villosa* (12), *Koelerieta cristata* (10), *Vicieta tenuifolia* (10).

Фитоценоотическое разнообразие овражно-балочных степей на смытых черноземах на гранитах значительно ниже: здесь отмечено лишь 293 ассоциации и 48 формаций. Наибольшее количество ассоциаций

характерно для для формаций: *Stipeta lessingiana* (30 ассоциаций), *Caraganeta fruticis* (25), *Stipeta tirsae* (19), *Thymeta dimorpha* (18), *Stipeta dazyphyllae* (16), *Bromopsieta ripariae* (15), *Stipeta capillatae* (13), *Thymeta granitici* (13), *Pimpinellata titanophilae* (11), *Festuceta valesiacae* (9), *Crinitarieta villosae* (8).

Растительность овражно-балочных степей на смытых чернозёмах на известняках представлена 355 ассоциациями и 39 формациями, из которых наибольшее количество ассоциаций содержит: *Festuceta valesiacae* (64 ассоциаций), *Stipeta capillatae* (26), *Sipeta lessingiana* (22), *Thymeta dimorpha* (18), *Caraganeta fruticis* (18), *Bromopsieta ripariae* (17), *Thymeta calcarei* (15), *Crinitarieta villosae* (15), *Jurineeta brachycephalae* (14), *Onosmateta tanaiticae* (11), *Pimpinellata titanophilae* (10).

Растительность надпойменно-террасовых степей на смытых чернозёмах на мелу насчитывает 220 ассоциаций и 46 формаций. Наибольшим количеством формаций представлены формации *Thymeta cretaceae* (31 ассоциаций), *Hyssopeta cretaceae* (13), *Artemisieta tanaiticae* (15), *Pimpinellata titanophilae* (11), *Jurineeta brachycephalae* (10), *Artemisieta hololeuca* (9), *Stipeta capillatae* (9), *Onosmateta tanaiticae* (9).

Растительность надпойменно-террасовых песчаных степей характеризуется самым низким разнообразием: здесь отмечено всего 140 ассоциаций и 24 формации. Качественно отличается и спектр ведущих формаций: *Festuceta beckeri* (27), *Helichryseta arenarii* (22), *Stipeta borysthenaica* (13), *Stipeta zaleskii* (10), *Cariceta colchicae* (12), *Koelerieta sabuletorii* (10), *Agropireta lavrenkoani* (6).

На остепненных лугах представлены формации *Bromopsieta inermis* (6 ассоциаций), *Cariceta praecocis* (7), *Elytrigietia intermediae* (5), *Elytrigietia repentis* (10), *Medicaginetia romanicae* (4), *Poeta angustifoliae* (9) [1]. Наиболее ксерофитной является формация *Festuceta rupicolae*, в состав которой входят как виды степного разнотравья: *Medicago romanica* Prodan, *Salvia tesquicola* Klokov & Pobed., *Potentilla obscura* Willd., так и часто встречаются лугово-степные виды: *Artemisia dracunculus* L., *Ranunculus polyanthemos* L., *Eryngium planum* L. Субдоминантами выступают *Carex praecox* Schreb., *Poa angustifolia* L. Также часто встречается ассоциация *Poa angustifolia* с содоминированием *Carex praecox* и значительным участием разнотравья: *Eryngium planum*, *Ranunculus polyanthemos*, *Centaurea trichocephala* M. Vieb., *Senecio jacobea* L. Из более мезофитных видов следует отметить *Elytrigia repens* (L.) Nevski, *Bromopsis inermis* (Leys.) Holub, *Alopecurus pratensis* L.

Характеризуя растительность пойменных настоящих лугов отметим, что формация *Calamagrostieta epigeioris* представлена здесь 12 ассоциациями, *Elytrigietia repentis* – 13, *Festuceta pratensis* – 17, *Koelerieta delavignei* – 5, *Poeta angustifoliae* – 8, *Poeta pratensis* – 16. На засоленных лугах распространены формации *Artemisieta praticolae* (7), *Elytrigietia elongatae* (14), *Festuceta regeliana* (9), *Limonieta meyeri* (7), *Plantagineta cornuti* (8), *Poeta trivialis* (5), *Puccinellietia brachylepis* (1), *Tripolietia vulgaris* (6). Растительность болотистых лугов представлена формациями *Cariceta acutae* (5), *Festuceta pratensis* (6), *Poeta palustris* (6), *Agrostieta stoloniferae* (6). На заболоченных лугах

преобладают формации *Beckmannieta eruciformis*, *Poeta palustris*, *Agrostieta praticolae*, *Phalaroideta arundinaceae*, формации видов рода *Carex* со значительным участием болотного разнотравья.

Таким образом, синтаксономическое разнообразие растительности природных пастбищных экосистем юго-востока Украины представлено 1029 ассоциациями и 178 формациями доминантной классификации, что составляет 37% и 33% ассоциаций и формаций естественной растительности региона. Для степных экосистем отмечено 920 ассоциаций и 147 формаций (33% ассоциаций и 27% формаций естественной растительности региона), для луговых – 424 ассоциаций и 80 формаций (15% и 14% соответственно). Наибольшим синтаксономическим разнообразием характеризуется растительность овражно-балочных степей на смытых чернозёмах на лёссах (750 ассоциаций и 81 формация), наименьшей среди степных экосистем – растительность надпойменно-террасовых степей на песках (140 ассоциаций и 24 формации), среди луговых – растительность засоленных (35 и 148) и болотистых (22 и 53 соответственно) лугов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Остапко В.М. Продромус естественной растительности юго-востока Украины. Донецк, 1995. 142 с.
2. Остапко В.М. Ценотична різноманітність фітобіоти на південному сході України та її охорона // Укр. ботан. журн. 1999. Т. 56, № 5. С. 536–543.
3. Чуприна Т.Т., Остапко В.М. Синтаксономічна різноманітність кам'янистих степів південного сходу України // Український фітоценологічний збірник. Київ, 1999. Сер. А, вип. 1–2 (12–13). С. 78–81.
4. Остапко В.М., Шевчук О.М. Флора та рослинність лучних пасовищ південного сходу України // Вісник Львівського університету. Серія біологічна. 2004. Вип. 36. С. 57–62.
5. Остапко В.М., Купрюшина Л.В. Фитоценологічне різноманіття кустарникових степей на юго-востоку України и его соэологическая оценка // Промислова ботаніка: стан та перспективи розвитку: Матеріали VI міжнар. наук. конф. «Промислова ботаніка: стан та перспективи розвитку» (Донецьк, 4–7 жовтня 2010 р.). Донецьк, 2010. С. 346–349.
6. Глухов А.З., Остапко В.М., Приходько С.А. Фиторазнообразие регионального ландшафтного парка «Меотида» // Ландшафты, растительный покров и животный мир регионального ландшафтного парка «Меотида»: монография / Г.Н. Молодан, С.А. Приходько, С.В. Третьяков и др. Донецк: Изд-во «Ноу-лидж», 2010. С. 15–78.
7. Купрюшина Л.В., Остапко В.М. Фітоценорізноманіття чагарникових степів на південному сході України та його моделювання в штучних фітоценозах // Матеріали Міжнародної наукової конференції «Современная биология растений», посвящённой 65-летию основания ЮНЕСКО, 340-летию становления анатомии растений и 145-летию выхода работы основоположника генетики Г. Менделя «Опыты над растительными гибридами», 100-летию основания гербария Луганского НАУ (Луганск, 20–24 июня 2011 г.) / ред. И.Д. Соколов. Луганск: Элтон-2, 2011. С. 32–34.
8. Остапко В.М., Сова Т.В., Назаренко А.С., Ибатулина Ю.В. Флора и растительность отделения «Трехизбенская степь» Луганского природного заповед-

ника // Промышленная ботаника. 2012. Вып. 12. С. 67–74.

9. Приходько С.А., Остапко В.М., Купрюшина Л.В. Синтаксономічна різноманітність рослинності Південного Сходу України в аспекті синфітосозології // Промышленная ботаника. 2012. Вып. 12. С. 53–60.

10. Глухов О.З., Шевчук О.М., Кохан Т.П. Наукові основи відновлення трав'яних фітоценозів в степовій зоні України. Донецьк: Вебер, 2008. 198 с.

11. Шевчук О.М. Флористична диференціація пасовищних екосистем як основа їх збереження та вітворення: автореф. дис. ... д-ра біол. наук. Київ, 2013. 40 с.

12. Шевчук О.М. Роль пасовищних екосистем в збереженні біорізноманітності // Промышленная ботаника. 2012. Вып. 12. С. 61–66.

13. Виноградов Б.В. Основы ландшафтной экологии. М.: ГЕОС, 1988. 418 с.

14. Остапко В.М., Шевчук О.М., Приходько С.А. К вопросу классификации экосистем юго-востока Украины // Самарский научный вестник. 2016. № 1 (14). С. 41–47.

15. Бурда Р.И. Антропогенная трансформация флоры. Киев: Наук. думка, 1991. 168 с.

16. Остапко В.М. Эйдологические, популяционные и ценотические основы фитосозологии на юго-востоке Украины. Донецк: Лебедь, 2005. 408 с.

17. Флороценологічні та популяційні основи моніторингу, збереження та використання фітобіоти / Звіт про науково-дослідну роботу (проміжний) / Донецький ботанічний сад НАН України; кер. В.М. Остапко. 2009 р. № ДР 0106U004518. Донецьк, 2009. 98 с.

SYNTAXONOMIC DIVERSITY OF PASTURE ECOSYSTEMS VEGETATION IN SOUTH-EAST UKRAINE

© 2016

V.M. Ostapko, doctor of biological sciences, professor,
head of the Department of Natural Flora and Nature Conservation, deputy director for scientific work
Donetsk Botanical Garden, Donetsk (Donetsk People's Republic)

O.M. Shevchuk, doctor of biological sciences, head of the Laboratory of Aromatic and Medicinal Plants
Nikita Botanical Garden – National Research Center of Russian Academy of Sciences, Yalta, u.t.s. Nikita (Russia)

S.A. Prihodko, candidate of biological sciences,
senior researcher of the Department of Natural Flora and Nature Conservation, director
Donetsk Botanical Garden, Donetsk (Donetsk People's Republic)

Abstract. This work presents research data on pasture ecosystems vegetation in south-east Ukraine. This survey was carried out during 1998–2011 by route and semi-permanent methods. All botanical and geographical chorions of lower level within the territory of our region were explored. The representation of vegetation formations and associations were studied in following pasture steppe ecosystems: watershed ecosystems with differentiated black soil (43 formations, 425 associations), ravine-gully ecosystems with eroded black soil (81 formations, 750 associations), ravine-gully ecosystems with eroded to granite black soil (48 formations, 293 associations), ravine-gully ecosystems with eroded to limestone black soil (39 formations, 355 associations), above flood-plain terraced ecosystems with cretaceous soil (46 formations, 220 associations), above flood-plain terraced sandy ecosystems (24 formations, 140 associations). It is shown that syntaxonomic diversity of natural pasture ecosystems vegetation is dominantly represented by 1029 associations and 178 formations (37% and 33% from associations and formations of regional native vegetation). As far as steppe ecosystems are concerned, 920 associations and 147 formations are registered (33% and 27% from associations and formations of regional native vegetation). As for meadow ecosystems, we registered 424 associations and 80 formations (15% and 14% from native associations and formations, respectively). The highest syntaxonomic diversity is characteristic of ravine-gully ecosystems on eroded to loess black soil, the lowest diversity of all the steppe ecosystems is reported for above flood-plain terraced sandy steppes. Among meadows, vegetation of salt and marsh meadows has the lowest diversity.

Keywords: south-east Ukraine; vegetation; syntaxonomic diversity; phytocenotic diversity; dominant vegetation classification; formation; association; steppe ecosystems; pasture ecosystems; watershed ecosystems; ravine-gully ecosystems; above-flood plain terraced ecosystems.

УДК 581.9

ПЕТРОФИТНО-СТЕПНЫЕ СООБЩЕСТВА ГОРЫ МОГУТОВА (ЖИГУЛЁВСКАЯ ВОЗВЫШЕННОСТЬ)

© 2016

Л.В. Сидякина, аспирант лаборатории проблем фиторазнообразия

В.М. Васюков, кандидат биологических наук, научный сотрудник лаборатории проблем фиторазнообразия

С.В. Саксонов, доктор биологических наук, профессор,

заместитель директора по научной работе, заведующий лабораторией проблем фиторазнообразия

Институт экологии Волжского бассейна РАН, Тольятти (Россия)

Аннотация. Гора Могутова – куполообразный эрозионный останец на севере Жигулевской возвышенности, расположена в национальном парке «Самарская Лука». Сообщества петрофитных степей формируются на известняковых обнажениях крутых склонов западной, южной и восточной экспозиций горы Могутова. описа-

ны петрофитно-степные сообщества на склоне восточной экспозиции – петрофитно-разнотравно-ковыльная степь (*Stipa capillata* + *Stipa pennata* + *Herbae stepposae*), на склоне западной экспозиции – петрофитно-солнцезетово-ковыльная степь (*Stipa pennata* + *Helianthemum nummularium*), на склоне южной экспозиции – петрофитно-тимьяново-осоково-ковыльная степь (*Stipa pulcherrima* + *Carex pediformis* + *Thymus zheguliensis*). В исследованных сообществах произрастает 3 узколокальных эндемичных вида Жигулевской возвышенности: *Euphorbia zheguliensis*, *Gypsophila juzepczukii*, *Thymus zheguliensis* и 3 субэндемичных вида: *Festuca wolgensis* s.str., *Tanacetum sclerophyllum* (эндемики Среднего Поволжья), *Koeleria sclerophylla* (эндемик Среднего Поволжья и Южного Урала); реликтовый элемент флоры представлен 3 видами: *Alyssum lenense*, *Clausia aprica*, *Helianthemum nummularium*. В Красную книгу Российской Федерации занесены 5 видов: *Astragalus zingeri*, *Euphorbia zheguliensis*, *Koeleria sclerophylla*, *Stipa pennata*, *Thymus zheguliensis*; 16 видов – в Красную книгу Самарской области: *Adonathe vernalis*, *Alyssum lenense*, *Astragalus zingeri*, *Clausia aprica*, *Cotoneaster laxiflorus*, *Euphorbia zheguliensis*, *Festuca wolgensis*, *Gypsophila juzepczukii*, *Helianthemum nummularium*, *Koeleria sclerophylla*, *Onosma volgensis*, *Pulsatilla patens*, *Scabiosa isetensis*, *Stipa pennata*, *Tanacetum sclerophyllum*, *Thymus zheguliensis*. Наиболее распространенные растения петрофитных степей горы Могутова: *Astragalus zingeri*, *Carex pediformis*, *Echinops ruthenicus*, *Galium hexanarium*, *Gypsophila juzepczukii*, *Helictotrichon desertorum*, *Jurinea ledebourii*, *Onosma volgensis*, *Psephellus carbonatus*, *Stipa pennata*, *Tanacetum sclerophyllum*, *Thesium ramosum*, *Thymus zheguliensis*.

Ключевые слова: петрофитные (каменистые) степи; флоро-ценотические комплексы; редкие виды; эндемичные растения; реликтовые растения; Красная книга; гора Могутова; Жигулевская возвышенность; Самарская область.

Растительный покров Жигулевской возвышенности сложен лесными, степными, луговыми, скальными, прибрежно-водными и рудеральными сообществами. Степная растительность, развивающаяся на каменистых субстратах, представлена петрофитными (каменистыми) степями. Они имеют специфические черты и являются уникальным флоро-ценотическим комплексом. В Жигулевских горах растительные сообщества петрофитных степей формируются на известняковых обнажениях крутых склонов, тип почвы преимущественно карбо-литоземы темногоумусовые типичные. Для них характерно большое разнообразие фитоценозов, высокая видовая насыщенность, присутствие эндемиков, вместе с нагорными сосняками данные степи признаются реликтовыми сообществами [1–4].

Гора Могутова – куполообразный эрозионный останец на севере Жигулевской возвышенности, расположена в национальном парке «Самарская Лука». Сообщества петрофитных степей формируются на известняковых обнажениях крутых склонов западной, южной и восточной экспозиций горы Могутова. Во флоре горы зарегистрировано более 670 видов сосудистых растений [5–9].

Растительные сообщества каменистых степей в Жигулевских горах по эколого-флористическому методу Ж. Браун-Бланке на основе описаний Л.М. Черепнина [10] в современной интерпретации относятся к классу *Festuco-Brometea* Br.-Bl. et Tx. 1943, порядку *Helictotricho-Stipetalia* Toman 1969 em. Saitov in Saitov et Mirkin 1991, союзу *Centaureion sumensis* Golub et Uzham. 1995 in Golub et al. 1995 [11; 12].

В конце мая 2013 г. нами проводились фитоценологические описания петрофитно-степных сообществ Могутовой горы на склонах разных экспозиций на пробных площадках 10×10 м (с минимальной антропогенной нагрузки) по общепринятой методике с применением доминантного подхода (обилие видов по шкале Друде) [13–18]. Для каждого описания установлены географические координаты. Гербарные образцы хранятся в Институте экологии Волжского бассейна РАН (PVB). Номенклатура таксонов в основном стандартизирована по International Plant Names Index (<http://www.ipni.org>).

Ниже приводится характеристика пробных площадок внутри описанных сообществ петрофитных степей горы Могутова (табл. 1):

1) Петрофитно-разнотравно-ковыльная степь (*Stipa capillata* + *Stipa pennata* + *Herbae stepposae*), склон восточной экспозиции (35°), N 53°25'396", E 49°31'283", 138 м н.ур.м. Общее проективное покрытие (ОПП) 75%. Число видов на площадке: 41. В ней преобладают злаки, а из разнотравья выделяются: *Potentilla glaucescens*, *Campanula sibirica*, *Centaurea pseudomaculosa*, *Echinops ruthenicus*, *Helictotrichon desertorum*, *Onosma volgensis*.

2) Петрофитно-солнцезетово-ковыльная степь (*Stipa pennata* + *Helianthemum nummularium*), склон западной экспозиции (15°), N 53°25'193", E 49°29'111", 193 м н.ур.м. Общее проективное покрытие (ОПП) 60%. Число видов на площадке: 50. В сообществе, помимо доминирующих *Stipa pennata* и *Helianthemum nummularium*, большое число видов разнотравья.

3) Петрофитно-тимьяново-осоково-ковыльная степь (*Stipa pulcherrima* + *Carex pediformis* + *Thymus zheguliensis*), склон южной экспозиции (35°), N 53°24'598", E 49°31'080", 120 м н.ур.м. Общее проективное покрытие (ОПП) 60%. Число видов на площадке: 29. Доминируют *Carex pediformis*, *Thymus zheguliensis*, *Stipa pulcherrima*.

В изученных растительных сообществах произрастает 5 видов, занесенных в Красную книгу Российской Федерации [19; 20]: *Astragalus zingeri*, *Euphorbia zheguliensis*, *Koeleria sclerophylla*, *Stipa pennata*, *Thymus zheguliensis* (*Th. cimicinus* auct. non p.p.); 16 видов Красной книги Самарской области [21; 22] с вышеперечисленными: *Adonathe vernalis*, *Alyssum lenense*, *Clausia aprica*, *Cotoneaster laxiflorus*, *Festuca wolgensis*, *Gypsophila juzepczukii*, *Helianthemum nummularium*, *Onosma volgensis*, *Pulsatilla patens*, *Scabiosa isetensis*, *Tanacetum sclerophyllum*. В дополнительный список Красной книги Самарской области включены *Helictotrichon desertorum*, *Polygala cretacea* и *Psephellus carbonatus*.

В исследованных петрофитно-степных сообществах зарегистрировано 3 узколокальных эндемичных вида Жигулевской возвышенности: *Euphorbia zheguliensis*, *Gypsophila juzepczukii*, *Thymus zheguliensis* и 3

субэндемичных вида: *Festuca wolgensis* s.str., *Tanacetum sclerophyllum* (эндемики Среднего Поволжья), *Koeleria sclerophylla* (эндемик Среднего Поволжья и Южного Урала) [23–25]. Реликтовый элемент флоры представлен 3 видами: *Alyssum lenense*, *Clausia aprica*, *Helianthemum nummularium* – плиоценовые горно-степные реликты [26].

Доля синантропных растений в сообществах петрофитных степей незначительна и включает 7 апофитных видов (*Acinos arvensis*, *Alyssum desertorum*, *Arenaria viscida*, *Centaurea pseudomaculosa*, *Draba lutea*, *Poa crispera*, *Verbascum lychnitis*) и один адвентивный вид (*Camelina microcarpa*).

Виды, встречающиеся во всех трех изученных сообществах, являются типичными растениями петро-

фитных степей горы Могутова: *Astragalus zingeri*, *Carex pediformis*, *Echinops ruthenicus*, *Galium hexanarium*, *Gypsophila juzepczukii*, *Helictotrichon desertorum*, *Jurinea ledebourii*, *Onosma wolgensis*, *Psephellus carbonatus*, *Stipa pennata*, *Tanacetum sclerophyllum*, *Thesium ramosum*, *Thymus zheguliensis*.

В описанных сообществах преобладающими жизненными формами из общего числа видов являются стержнекорневые и короткокорневищные травянистые поликарпики (гемикриптофиты), а из видов-доминантов на 1-й и 2-й пробных площадках – плотнoderновинные и стержнекорневые травянистые поликарпики (гемикриптофиты), на 3-й пробной площадке – плотнoderновинные травянистые поликарпики и полкустарнички (гемикриптофиты и хамефиты).

Таблица 1 – Фитоценотическая характеристика пробных площадок петрофитно-степных сообществ горы Могутова

Виды растений	Ассоциации			ЖФ	ЭЦГ	ЭГ
	1	2	3			
<i>Acinos arvensis</i> (Lam.) Dandy	sp			одн.; Т	сорн.-степ.	км
<i>Adonathe vernalis</i> (L.) Spach			sp	корн. мн.; Н	степ.	мк
<i>Alyssum desertorum</i> Stapf			sp	одн.; Т	сорн.-степ.	км
<i>Alyssum lenense</i> Adams	sp	sp		пкч.; С	петр.-степ.	мк
<i>Arenaria viscida</i> Hall. f. ex Lois.	sp			одн.; С	сорн.	км
<i>Artemisia marschalliana</i> Spreng.		sol		пкч.; С	лес.-степ.	мк
<i>Aster alpinus</i> L.		sol		корн. мн.; Н	петр.-степ.	км
<i>Astragalus zingeri</i> Korsh.	sp	un	sol	пкч.; С	петр.-степ.	к
<i>Bassia prostrata</i> (L.) A.J. Scott		un		пкч.; С	степ.	к
<i>Bromopsis riparia</i> (Rehm.) Holub	cop ₁		sp	рых.дерн. мн.; Н	лес.-степ.	км
<i>Camelina microcarpa</i> Andr.	sol	sol		одн.; Т	сорн.	км
<i>Campanula sibirica</i> L.	cop ₁	sp		дв.; Н	степ.	к
<i>Caragana frutex</i> (L.) K. Koch	sol	sp		куст.; Н	степ.	км
<i>Carex pediformis</i> C.A. Mey.	sp	sp	cop ₁	пл.дерн. мн.; Н	петр.-степ.	мк
<i>Centaurea pseudomaculosa</i> Dobrocz.	cop ₁		sol	дв.; Н	сорн.-степ.	мк
<i>Clausia aprica</i> (Steph.) Korn.-Tr.	sp	sol		стержн. мн.; Н	петр.-степ.	мк
<i>Cotoneaster laxiflorus</i> J. Jacq. ex Lindl.		un		куст.; Н	петр.-степ.	к
<i>Draba lutea</i> Gilib. ex DC.	sp	sol		одн.; Т	оп.-луг.	м
<i>Echinops ruthenicus</i> Bieb.	cop ₁	sp	sp	стерж. мн.; Н	степ.	к
<i>Elytrigia lolioides</i> (Kar. et Kir.) Nevski		sol		дл.; Н	степ.	к
<i>Eremogone biebersteinii</i> (Schlecht.) Holub	sp			корн. мн.; Н	псам.-ст.	мк
<i>Erysimum marschallianum</i> Andr.		sol		дв.-мн.; Н	лес.-степ.	км
<i>Euonymus verrucosus</i> Scop.		un		куст.; Н	лесн.	м
<i>Euphorbia seguierana</i> Neck.	sp	sp		корн. мн.; Н	петр.-степ.	мк
<i>Euphorbia zheguliensis</i> (Prokh.) Prokh.		un		корнеот. мн.; Н	петр.-степ.	мк
<i>Festuca valesiaca</i> Gaud.	sp		sol	пл.дерн. мн.; Н	степ.	к
<i>Festuca wolgensis</i> P.A. Smirn.		sol		пл.дерн. мн.; Н	петр.-степ.	к
<i>Gagea podolica</i> Schult. et Schult f.		sol		лук. мн.; G	степ.	км
<i>Galatella villosa</i> (L.) Rechb. f.		sp	sol	кист. мн.; С	степ.	к
<i>Galium hexanarium</i> Knjazev	sp	sp	sol	корн. мн.; Н	петр.-степ.	к
<i>Gypsophila juzepczukii</i> Ikonn.	sol	sp	sp	стержн. мн.; Н	петр.-степ.	к
<i>Helianthemum nummularium</i> (L.) Mill.		cop ₂	sp	пкч.; С	петр.-степ.	мк
<i>Helictotrichon desertorum</i> (Less.) Nevski	cop ₁	sol	sol	пл.дерн. мн.; Н	степ.	к
<i>Hieracium robustum</i> Fr.	sp			корн. мн.; Н	степ.	к
<i>Jurinea ledebourii</i> Bunge	sp	sol	sol	стержн. мн.; Н	степ.	к
<i>Koeleria sclerophylla</i> P.A. Smirn.		sp	sp	пл.дерн. мн.; Н	петр.-степ.	мк
<i>Melampyrum argyrocotum</i> (Fisch. ex Ledeb.) Kos.-Pol.		sp	sol	п-параз. одн.; Т	степ.	км
<i>Melica transsilvanica</i> Schur		sol		рых.кус. мн.; Т	петр.-степ.	мк

<i>Onosma volgensis</i> Dobroc.	cop ₁	sp	sp	пкч.; С	петр.-степ.	к
<i>Pilosella echioides</i> (Lumn.) F.Schult et Sch. Bip.	sol	sol		кист. мн.; Н	лес.-степ.	мк
<i>Poa angustifolia</i> L.	sol			рых.дерн. мн.; Н	лес.-степ.	мк
<i>Poa crispata</i> Thuill.		sp	sol	рых.дерн. мн.; Н	степ.	к
<i>Poa tranbaicalica</i> Roshev.	sp			рых.дерн. мн.; Н	петр.-степ.	мк
<i>Polygala cretacea</i> Kotov			sol	стержн. мн.; Н	петр.-степ.	км
<i>Polygonatum odoratum</i> (Mill.) Druce		sol		корн. мн.; G	лесн.	м
<i>Potentilla glaucescens</i> Willd. ex Schlecht	cop ₂		sp	корн. мн.; Н	петр.-степ.	к
<i>Psephellus carbonatus</i> (Klokov) Greuter	sp	sp	sp	корн. мн.; Н	петр.-степ.	к
<i>Pseudolysimachion incanum</i> (L.) Holub	sp			корн. мн.; Н	степ.	к
<i>Pulsatilla patens</i> (L.) Mill.		sol		корн. мн.; Н	оп.-псам.	км
<i>Salvia stepposa</i> Shost.	sp		sp	стержн. мн.; Н	степ.	мк
<i>Scabiosa isetensis</i> L.		sol	sol	пкч.; С	петр.-степ.	мк
<i>Scabiosa ochroleuca</i> L.	sp	sp		стержн. мн.; Н	степ.	км
<i>Scorzonera austriaca</i> Willd.		sol		стерж. мн.; Н	петр.-степ.	мк
<i>Scorzonera purpurea</i> L.	sol	sol		стержн. мн.; Н	лес.-степ.	мк
<i>Scorzonera stricta</i> Hornem.	sol			стержн. мн.; Н	степ.	мк
<i>Stipa capillata</i> L.	cop ₂	sol		пл.дерн. мн.; Н	степ.	к
<i>Stipa pennata</i> L.	cop ₂	cop ₂	sp	пл.дерн. мн.; Н	степ.	к
<i>Stipa pulcherrima</i> K. Koch		sp	cop ₂	пл.дерн. мн.; Н	степ.	мк
<i>Tanacetum sclerophyllum</i> (Krasch.) Tzvelev	sp	sol	sol	корн. мн.; Н	петр.-степ.	к
<i>Taraxacum erythrospermum</i> Andr. s.l.	sp			стержн. мн.; Н	луг.-степ.	м
<i>Thalictrum flexuosum</i> Bernh. ex Rchb.		sol		корн. мн.; Н	степ.	км
<i>Thesium ramosum</i> Hayne	sp	sp	sol	п-параз. стерж. мн.; G	степ.	мк
<i>Thymus marschallianus</i> Willd.	sol			пкч.; С	луг.-степ.	км
<i>Thymus zheguliensis</i> Klokov et Shost.	sp	sp	cop ₁	пкч.; С	петр.-степ.	к
<i>Tragopogon major</i> Jacq.	sol			дв.; Н	луг.-степ.	мк
<i>Trinia multicaulis</i> (Poir.) Schischk.		sp		дв.; Н	степ.	мк
<i>Verbascum lychnitis</i> L.		un		дв.-мн.; Н	луг.-степ.	мк
<i>Vincetoxicum stepposum</i> (Pobed.) A. et D. Love		sol	sol	корн. мн.; Н	степ.	мк
<i>Viola ambigua</i> Waldst. et Kit.	sol	sol		стержн. мн.; Н	степ.	к

Примечание: ЖФ – жизненная форма по И.Г. Серебрякову [27] и Р. Раункиеру [28]: куст. – кустарник, пк. – полукустарник, пкч. – полукустарничек, мн. – многолетний травянистый поликарпик, дв.-мн. – дву- или многолетний травянистый монокарпик, дв. – двулетний травянистый монокарпик, одн. – однолетник, кист. – кистекарпий, корн. – корневищный, корнеот. – корнеотпрысковый, лук. – луковичный, п-параз. – полупаразитный, пл.дерн. – плотнокустовый, рых.дерн. – рыхлодерновинный, стержн. – стержнекорневой; Н – нанофанерофит, Н – гемикриптофит, С – хамефит, G – геофит, Т – терофит. ЭЦГ – эколого-ценотическая группа: лесн. – лесной, лес.-степ. – лесостепной, луг.-степ. – лугово-степной, оп.-луг. – опушечно-луговой, оп.-псам. – опушечно-псаммофитный, петр.-степ. – петрофитно-степной, сорн. – сорный, сорн.-ст. – сорно-степной, степ. – степной, псам.-степ. – псаммофитно-степной. ЭК – экологическая группа: к – ксерофит, м – мезофит, км – ксеромезофит, мк – мезоксерофит.

Преобладающими эколого-ценотическими группами для видов трех сообществ примерно в равной степени являются степные и петрофитно-степные. У типичных растений петрофитных степей горы Могутова доля петрофитно-степной группы составляет 62%, а степной – 38%.

Среди преобладающих экологических групп по увлажнению в исследованных сообществах доля ксерофитов немного выше, чем мезоксерофитов. Процент ксерофитов в группе типичных растений петрофитных степей составляет 85%, а мезоксерофитов – 15%.

Несмотря на наличие общих закономерностей распределения петрофитно-степных сообществ на склонах горы Могутова, каждое из них обладает своей собственной спецификой.

Необходимы мониторинговые исследования петрофитно-степных сообществ как резервата редких, эндемичных и реликтовых растений Жигулевской возвышенности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Абакумов Е.В., Бакиев А.Г., Васюков В.М. Могутова гора и ее окрестности: Подорожник / под ред. С.В. Саксонова и С.А. Сенатора. Тольятти: Кассандра, 2013. 134 с.
2. Абакумов Е.В., Гагарина Э.И. Почвы Самарской Луки: разнообразие, генезис, охрана. СПб.: СПбГУ, 2008. 155 с.
3. Кудинов К.А. Жигулевский заповедник. Тольятти: Принс-С, 2007. 126 с.
4. Саксонов С.В. Самаролукский флористический феномен. М.: Наука, 2006. 263 с.
5. Ильина В.Н. Современное состояние растительного покрова уникального природного объекта «Могутова гора» (Самарская Лука, Жигули) // Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии. 2010. Т. 19, № 1. С. 137–155.
6. Саксонов С.В., Сенатор С.А. Дополнения к локальной флоре «Могутова гора» (Самарская Лука,

Жигули) // Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии. 2010. Т. 19, № 2. С. 162–169.

7. Саксонов С.В., Сенатор С.А., Раков Н.С., Куликов П.В. Второе дополнение к локальной флоре «Могутовая гора» (Самарская Лука, Жигули) // Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии. 2010. Т. 19, № 4. С. 142–150.

8. Саксонов С.В., Сенатор С.А., Раков Н.С., Васюков В.М. Сосудистые растений Могутовой горы (Жигулевская возвышенность, Самарская область) // Фиторазнообразии Восточной Европы. 2013. Т. 7, № 1. С. 47–68.

9. Сенатор С.А., Саксонов С.В., Раков Н.С., Васюков В.М., Сидякина Л.В. Список сосудистых растений г. Жигулевска и окрестностей (национальный парк «Самарская Лука», Самарская область) // Могутова гора и ее окрестности: Подорожник / под ред. С.В. Саксонова и С.А. Сенатора. Тольятти: Кассандра, 2013. С. 102–127.

10. Черепнин Л.М. Растительность каменистых степей Жигулевских гор: дис. ... канд. биол. наук. Рукопись, 1941. 365 с.

11. Голуб В.Б., Саксонов С.В., Ужамецкая Е.А. Характеристика каменистых степей Жигулевских гор (по материалам исследований Л.М. Черепнина) // Самарская Лука: Бюл. Самара, 1995. № 6/95. С. 73–96.

12. Ужамецкая Е.А., Саксонов С.В. Некоторые итоги классификации растительных сообществ каменистых степей Жигулевских гор // Самарская Лука на пороге третьего тысячелетия: Материалы к докладу «Состояние природного и культурного наследия Самарской Луки». Тольятти: ИЭВБ РАН, 1999. С. 103–105.

13. Юнатов А.А. Типы и содержание геоботанических исследований. Выбор пробных площадей и заложение экологических профилей // Полевая геоботаника. Т. 3 / под общ. ред. Е.М. Лавренко и А.А. Корчагина. М.; Л.: Наука, 1964. С. 9–35.

14. Воронов А.Г. Геоботаника: учеб. пособие для ун-тов и пед. ин-тов. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Высшая школа, 1973. 384 с.

15. Вальтер Г. Общая геоботаника: Пер. с нем. / перевод и пред. А.Г. Еленевского. М.: Мир, 1982. 264 с.

16. Нешатаев Ю.Н. Методы анализа геоботанических материалов: учеб. пособие. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1987. 192 с.

17. Ипатов В.С. Методы описания фитоценоза. СПб.: СПбГУ, 2000. 56 с.

18. Ипатов В.С., Мирин Д.М. Описание фитоценоза: Мет. рекомендации. СПб.: СПбГУ, 2008. 71 с.

19. Красная книга Российской Федерации (растения и грибы). М.: Тов-во науч. изд. КМК, 2008. 855 с.

20. Сидякина Л.В. Особо охраняемые растения горы Могутова (Самарская область) I. Федеральная Красная книга // Известия Самар. науч. центра РАН. 2013. Т. 15, № 3(7). С. 2133–2138.

21. Красная книга Самарской области. Т. 1. Редкие виды растений, лишайников и грибов / под ред. чл.-корр. РАН Г.С. Розенберга и проф. С.В. Саксонова. Тольятти: ИЭВБ РАН, 2007. 372 с.

22. Сидякина Л.В., Васюков В.М. Особо охраняемые растения горы Могутова (Самарская область) II. Красная книга Самарской области // Известия Самар. науч. центра РАН. 2014. Т. 16. № 5. С. 134–142.

23. Васюков В.М. Эндемизм флоры Приволжской возвышенности // Флористические исследования в Средней России: Материалы VI науч. совещ. по флоре Средней России (Тверь, 15–16 апреля 2006 г.). М.: Тов-во науч. изд. КМК, 2006. С. 36–39.

24. Васюков В.М., Саксонов С.В., Сенатор С.А. Эндемичные растения бассейна Волги // Фиторазнообразии Восточной Европы. 2015. Т. 9, № 3. С. 27–44.

25. Сидякина Л.В., Костина М.А., Васюков В.М. Флористическая оценка территории Самарской области по эндемичным видам // Инновационные подходы к обеспечению устойчивого развития социо-эколого-экономических систем: Материалы II междунар. конф. (Самара–Тольятти, 20–21 мая 2015 г.). Самара: Самар. гос. экон. ун-т, 2015. С. 94–98.

26. Сенатор С.А., Саксонов С.В. Средне-Волжский биосферный резерват: раритетный флористический комплекс / под ред. чл.-корр. РАН Г.С. Розенберга; послесл. к.б.н. Ю.К. Роцевский. Тольятти: Кассандра, 2010. 251 с.

27. Серебряков И.Г. Жизненные формы высших растений и их изучение // Полевая геоботаника / под общ. ред. Е.М. Лавренко и А.А. Корчагина. М.; Л.: Наука, 1964. Т. 3. С. 146–205.

28. Raunkier Ch. Plant life forms. Oxford: Clarendon Press, 1937. 104 p.

Исследование поддержано грантами РФФИ № 15-44-02160 р_поволжье_а, № 14-04-97072 р_поволжье_а.

PETROPHYTIC-STEPPE COMMUNITIES OF THE MOGUTOVA MOUNTAIN (ZHIGULI HILLS)

© 2016

L.V. Sidiyakina, postgraduate student of the Laboratory of Problems of Phytodiversity

V.M. Vasjukov, candidate of biological sciences, researcher of the Laboratory of Problems of Phytodiversity

S.V. Saksonov, doctor of biological sciences, professor, deputy director for scientific work,
head of the Laboratory of Problems of Phytodiversity

Institute of Ecology of the Volga River Basin of Russian Academy of Sciences, Togliatti (Russia)

Abstract. The Mogutova Mountain – domal erosive ostanets in the north of the Zhigulyovsk hill, lies in national park «Samara Luka». Communities petrophytic steppes are formed on calcareous exposures of steep slopes of the western, southern and east expositions of the mountain Mogutova. Petrophytic-steppe communities on a slope of east exposition are described – petrophytic-forbs-feather grass steppe (*Stipa capillata* + *Stipa pennata* + *Herbae stepposae*), on a slope of west exposition – petrophytic-sunrose-feather grass steppe (*Stipa pennata* + *Helianthemum nummularium*), on a slope of south exposition – petrophytic-thyme-sedge-feather grass steppe (*Stipa pulcher-*

rima + *Carex pediformis* + *Thymus zheguliensis*). In the studied communities three narrow-local of endemic species of the Zhigulyovsk hill grows: *Euphorbia zheguliensis*, *Gypsophila juzepczukii*, *Thymus zheguliensis* and three of sub-endemic species grows: *Festuca wolgensis* s.str., *Tanacetum sclerophyllum* (endemics of Central Volga area), *Koeleria sclerophylla* (endemic of Central Volga area and South Ural); the relict element of flora is presented by three species: *Alyssum lenense*, *Clausia aprica*, *Helianthemum nummularium*. Five species are included in the Red book of the Russian Federation: *Astragalus zingeri*, *Euphorbia zheguliensis*, *Koeleria sclerophylla*, *Stipa pennata*, *Thymus zheguliensis*; sixteen species are included in the Red book of the Samara region: *Adonanthe vernalis*, *Alyssum lenense*, *Astragalus zingeri*, *Clausia aprica*, *Cotoneaster laxiflorus*, *Euphorbia zheguliensis*, *Festuca wolgensis*, *Gypsophila juzepczukii*, *Helianthemum nummularium*, *Koeleria sclerophylla*, *Onosma volgensis*, *Pulsatilla patens*, *Scabiosa isetensis*, *Stipa pennata*, *Tanacetum sclerophyllum*, *Thymus zheguliensis*. The most widespread plants of petrophytic steppes of the Mogutova Mountain: *Astragalus zingeri*, *Carex pediformis*, *Echinops ruthenicus*, *Galium hexanarium*, *Gypsophila juzepczukii*, *Helictotrichon desertorum*, *Jurinea ledebourii*, *Onosma volgensis*, *Psephellus carbonatus*, *Stipa pennata*, *Tanacetum sclerophyllum*, *Thesium ramosum*, *Thymus zheguliensis*.

Keywords: petrophytic steppes; stone steppes; floro-coenotic complexes; rare species; endemic plants; relict plants; Red book; Mogutova Mountain; Zhigulyovsk hills; Samarskaya Luka; Zhiguli Nature Reserve; Samara Region.

УДК 631.461, 631.467

ИССЛЕДОВАНИЕ МИКРОФЛОРЫ ПОЧВ В ЛЕСНЫХ ПИТОМНИКАХ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2016

С.М. Хамитова, кандидат сельскохозяйственных наук, доцент кафедры геоэкологии и инженерной геологии

Ю.М. Авдеев, кандидат сельскохозяйственных наук, доцент кафедры геоэкологии и инженерной геологии

В.С. Снетилова, магистрант кафедры геоэкологии и инженерной геологии

Вологодский государственный университет, Вологда (Россия)

Аннотация. Почва – это самостоятельный природный объект, подлежащий охране, диктует приоритет обеспечения сохранения почв при осуществлении хозяйственной или иной деятельности. На современном этапе развития общества увеличиваются масштабы урбосистемы. Окружающая среда на городских территориях подвергаются различным изменениям вследствие интенсивной антропогенной нагрузки. Состояние почвенного покрова городских территорий требует пристального внимания, так как воздействие транспортной системы, промышленного производства, строительной сферы оказывает постоянное давление на почвенную среду, изменяя практически все ее компоненты, начиная с агрохимических и физических свойств и заканчивая микробиологическими и биохимическими параметрами, лишая почвенный покров в городах способности выполнять важные экологические функции. Микробиота, биохимические параметры почвы, ее биологическая активность под влиянием антропогенного воздействия изменяются в первую очередь, поэтому считаются многими исследователями наиболее чувствительными к загрязнению показателями состояния почвенного покрова. В городских ландшафтах интересное и важное для города и населения место занимают территории, занятые зелеными насаждениями. Часто эти зоны городов выпадают из поля зрения исследователей, так как традиционно считается, что почвы этих территорий не подвергаются интенсивному антропогенному воздействию и преобразованию, а, следовательно, уровень загрязнения таких экосистем невысок, то есть их состояние не должно вызывать опасений. Между тем небольшие по площади рекреационные территории в пределах города часто испытывают сильное техногенное влияние, в результате ухудшается состояние растительности и почвы этих территорий. В то время как рекреационные территории города играют важную роль в оздоровлении окружающей среды, выполняя важнейшие рекреационные и санитарно-гигиенические функции. Учитывали почвенные грибы, актиномицеты и бактерии методом предельных разведений и глубинного посева почвенной суспензии на плотные питательные среды.

Ключевые слова: Почва; микроорганизмы почвы; микробиота; почвенные грибы; актиномицеты; бактерии; фитопатогены; городские зелёные насаждения; урбанизированная среда; антропогенное воздействие; окружающая среда; рекреационные территории; загрязнение; рекреационные и санитарно-гигиенические функции.

Городской почвенный покров является уникальным местообитанием микроорганизмов, что находит свое отражение в биогеохимических циклах биофильных элементов крупных городов [1; 2]. Микроорганизмы чутко реагируют на изменения различной природы, происходящие в окружающей среде, что определяет большую подвижность и динамичность микробиологических показателей [3; 4]. Микроорганизмы почвы в процессе своего существования испытывают влияние целого комплекса природных абиотических, биотических, а также антропогенных и техногенных факторов [5–15]. На первых этапах разложения

растительных остатков на них начинают развиваться неспорообразующие бактерии и грибы. Затем возрастает численность бацилл и актиномицетов [16–22].

Интерес к ризосфере обусловлен важностью этой зоны как граничной в системе почва-растение [23]. Многие, содержащиеся в почве микроорганизмы, являются фитопатогенами [24; 25]. Растение оказывает непосредственное воздействие на микроорганизмы прикорневой зоны. Многие агрофизические, агрохимические методы повышения продуктивности растений сводятся к воздействию на ризосферную микрофлору [26–28].

Почвенная микрофлора древесных ценозов формируется под воздействием листового опада [29; 30]. К числу опасных для деревьев фитопатогенных грибов относятся грибы рода *Verticillium*, *Fusarium* и *Rhizoctonia*.

К сожалению, значительная часть знаний о ризосфере ограничивается исследованием сельскохозяйственных культур и почв, принципиально отличающихся от лесных, что обуславливает актуальность представленных исследований.

Цель работы – изучить относительную заселенность почвы микроорганизмами почвенного покрова саженцев хвойных пород в Кадниковском питомнике Вологодской области. В качестве объектов исследования взяты хвойные саженцы сосны обыкновенной, сосны кедровой сибирской и ели европейской – распространённых хвойных пород, применяемых для лесовосстановления, увеличения биоразнообразия лесной растительности, а также в качестве декоративного посадочного материала в условиях Вологодской области.

Для проведения микробиологических исследований взяты образцы в летний период 2015 года. Анализ образцов выполнен общепринятым методом микробиологического анализа почвы. Образцы отбирали в приствольном круге деревьев, удалив верхний слой (3 см) с глубины 3–7 см с каждой территории парка. Распространенность (частоту встречаемости) почвенных грибов учитывали методом посева почвенных частиц (1–1,5 мм) в чашки Петри на агар Чапека. Повторность высеваемых частиц – 75 (15 чашек Петри по 5 комочков почвы каждого варианта). Вырастающие грибы идентифицировали методом микроскопирования по морфологическим признакам [31–33].

Наши исследования микрофлоры ризосферы саженцев хвойных пород представлены в табл. 1.

Таблица 1 – Изменчивость в составе почвенного комплекса грибов под разными саженцами хвойными породами

Виды грибных сообществ	Встречаемость видов фитопатогенных грибов и их антагонистов в %*)		
	сосна обыкновенная	сосна кедровая сибирская	ель европейская
<i>Trichoderma viride</i> Pers.	15	28	25
<i>Trichoderma koningii</i> Oudem	30	13	4
<i>Fusarium oxysporum</i> Schldtl	21	27	15
<i>Fusarium sporotrichioides</i> Sherb	9	2	3
<i>Fusarium terrestre</i> Manns	10	22	26
<i>Verticillium albo-atrum</i> Reinke & Berthold	14	28	4
<i>Verticillium albo-atrum</i> Reinke & Berthold	16	17	10

Примечание: %*) – частота встречаемости (%) от числа (50) посевов комочков почвы.

В исследованных нами образцах почв установлено наличие фитопатогенных грибов и их природных антагонистов, среди которых: *Trichoderma viride* Pers., *Trichoderma koningii* Oudem, *Fusarium oxysporum* Schldtl, *Fusarium sporotrichioides* Sherb, *Fusarium terrestre* Manns, *Verticillium albo-atrum* Reinke & Berthold, *Verticillium terrestris* (Pers.) Sacc.

Выявленные микроорганизмы оказывают воздействие на рост и развитие древесных растений, способствуют развитию болезней, угнетению растительных организмов. К примеру, выявленные грибы *Fusarium oxysporum* Schldtl, *Fusarium sporotrichioides* Sherb, *Fusarium terrestre* Manns способствуют развитию фузариоза (сухой гнили), а грибы *Verticillium albo-atrum* Reinke & Berthold и *Verticillium terrestris* (Pers.) Sacc. – вертициллезное увядание.

Отдельная древесная порода имеет индивидуальные химические и биологические особенности опада листьев, что обуславливает различие пути их первичной микробиологической деструкции и воздействует на формирование комплекса видового состава грибов деструкторов попадающей в почву растительной клетчатки.

Грибы рода *Trichoderma* являются обычными участниками первичной деструкции клетчатки. В этом процессе участвуют также *Verticillium*, *Fusarium*, *Rhizoctonia*.

Биохимических особенностей листового опада влияют на видовые особенности в активности грибов и, соответственно, на их накопление в почве.

В почве под сосной скрученной североамериканской выявлен самый низкий инфекционный фон по содержанию вертициллов и фузариев. Различие по частоте встречаемости вертициллов варьирует от 5 до 10 крат. Однако вид древесной растительности не повлиял на распространенность грибов рода *Rhizoctonia*. В почве под всеми деревьями их встречаемость не имела существенных различий.

Грибы рода *Trichoderma* доминировали во всех образцах почв. Однако в почве под сосной обыкновенной частота встречаемости комплекса видов – *T. viride* + *T. koningii* была выше чем под другими породами деревьев.

Порода дерева оказывает влияние на фитосанитарное здоровье почвенного покрова. В почвенной ризосфере саженцев сосны формируется комплекс антагонистов патогенов – известный показатель устойчивого развития биоценозов. Схожая тенденция наблюдается и в прикорневой ризосфере саженцев сосны скрученной.

Результаты исследования можно использовать: при биомониторинге и биодиагностике состояния почвенных условий урбанизированных территорий; при оценке воздействия на окружающую среду; планировании землепользования; в различных природоохранных и производственных мероприятиях; в учебном процессе.

Состав микробных ценозов ризосферы важно учитывать при подборе пород для лесовосстановления, а также создании устойчивых защитных городских насаждений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Герасимова М.И. Антропогенные почвы. Смоленск: Ойкумена, 2003. 268 с.
2. Стома Г.В. Особенности биологического круговорота веществ в экосистемах городских территорий // *Функции почв в биосферно-геосферных системах: Мат-лы между. симп. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. С. 325–326.*
3. Шлегель Г. Общая микробиология. М.: Мир, 1987. 567 с.
4. Яштуин Н.В. Биоземледелие. Научные основы, инновационные технологии и машины: монография. Барнаул: Изд-во АГАУ, 2008. 191 с.
5. Заварзин Г.А. Лекции по природоведческой микробиологии. М.: Наука, 2004. 348 с.
6. Мотузова Г.В. Экологический мониторинг почв. М.: Академический проект, 2007. 237 с.
7. Хамитова С.М., Авдеев Ю.М. Дендропарк имени Николая Клюева – новое место городского пространства // *Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2015. № 9. С. 51–55.*
8. Хамитова С.М., Авдеев Ю.М. Моделирование фитотоксичности почв Дендропарка имени Николая Клюева [Электронный ресурс] // *Современные научные исследования и инновации. 2016. № 2. – <http://web.snauka.ru/issues/2016/02/64309>.*
10. Хамитова С.М., Авдеев Ю.М., Евтушенко Ю.С., Климовская А.Р., Селякова Н.С. Изучение биологического разнообразия растительной флоры Вытегорского района Вологодской области // *Современные научные исследования и инновации. 2015. № 7–1 (51). С. 40–43.*
11. Гаранович И.М., Хамитова С.М., Авдеев Ю.М., Снетилова В.С., Климовская А.Р., Селякова Н.С. Разработка биологических принципов формирования устойчивых биоценологических связей сообществ почвенных микроорганизмов прикорневой зоны и зелёных городских насаждений Вологодской области // *Современные научные исследования и инновации. 2015. № 10 (54). С. 45–49.*
12. Хамитова С.М., Авдеев Ю.М., Марченко М.Н., Зайцев Н.С. Декоративные формы крон деревьев в ландшафтном строительстве // *Повышение эффективности лесного комплекса республики Карелия материалы четвертой республиканской научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов, докторантов. Петрозаводск, 2013. С. 41–43.*
13. Костин А.Е., Авдеев Ю.М. Геоботанические исследования биоразнообразия в урбанизированной среде // *Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2015. № 3. С. 19–23.*
14. Авдеев Ю.М., Хамитова С.М. Внутривидовые вариации свойств древесины в лесных экосистемах // *Современные научные исследования и инновации. 2015. № 7–2 (51). С. 72–74.*
15. Авдеев Ю.М., Хамитова С.М. Дифференциация эколого-древесиноведческих показателей деревьев по фазам роста и развития лесных экосистем // *Современные научные исследования и инновации. 2015. № 7–2(51). С. 75–84.*
16. Авдеев Ю.М., Хамитова С.М., Катаева А.С., Евтушенко Ю.А. Влияние внутривидовой изменчивости на свойства древесины в лесных экосистемах // *Самарский научный вестник. 2016. № 3 (16)*
- куственного происхождения // *Russian Agricultural Science Review. 2014. Т. 3. № 3. С. 13–23.*
17. Хамитова С.М., Авдеев Ю.М., Евтушенко Ю.С., Климовская А.Р., Селякова Н.С. Изучение биологического разнообразия растительной флоры Вытегорского района Вологодской области // *Современные научные исследования и инновации. 2015. № 7–1 (51). С. 40–43.*
18. Авдеев Ю.М., Хамитова С.М. Внутривидовое биоразнообразие как фактор устойчивости, качества и фитосанитарного состояния древесных экосистем // *Актуальные проблемы и перспективы развития лесопромышленного комплекса: сборник научных трудов III Международной научно-технической конференции. Кострома, 2015. С. 54–55.*
19. Авдеев Ю.М., Хамитова С.М., Катаева А.С., Евтушенко Ю.А. Исследование формы древесного ствола в лесных экосистемах искусственного происхождения // *Russian Agricultural Science Review. 2014. Т. 3, № 3. С. 24–36.*
20. Авдеев Ю.М., Хамитова С.М., Гаранович И.М., Климовская А.Р., Селякова Н.С., Евтушенко Ю.С., Снетилова В.С. Опытные культурфитоценозы ели в Вологодской области [Электронный ресурс] // *Современные научные исследования и инновации. 2015. № 12. – <http://web.snauka.ru/issues/2015/12/61946>.*
21. Соколов М.С., Глинушкин А.П., Торопова Е.Ю. Средообразующие функции здоровой почвы – фитосанитарные и социальные аспекты // *Агрохимия. 2015. № 8. С. 81–94.*
22. Белошапкина О.О., Глинушкин А.П., Джалилов Ф.С. Фитопатология: учебник. М.: ИНФРА-М, 2015. 287 с.
23. Глинушкин А.П., Душкин С.А., Хайрулинова А.А. Фитосанитарное состояние растений – индикатор экологического качества // *Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2010. Т. 3. № 27–1. С. 52–54.*
24. Bazin M.J., Markham P., Scott E.M., Linch J.M. Population dynamics and rhizosphere interactions // *John Wiley & Sons, 1990. P. 99–128.*
25. Agrios G.N. Plant pathology. Elsevier Acad. Press, 2004. 922 p.
26. Bloemberg G.V. Molecular basis of plant growth promotion and biocontrol by rhizobacteria // *Curr. Opin. Plant Biol. 2001. V. 4, № 4. P. 343–350.*
27. Lynch J.M. Biological control within microbial communities of the rhizosphere // *Ecology of microbial communities. London, 1987. P. 55–82.*
28. Jagnow G. Inoculation of cereal crops and forage grasses with nitrogen-fixing rhizosphere bacteria: Possible causes of success and failure with regard to yield response a review // *Z. Pflanzenernähr. Bodenk., 150, 1987, P. 361–368.*
29. Bashan Y. Current status of Azospirillum inoculation technology: Azospirillum as a challenge for agriculture // *Can. J. Microbiol., 1990, V. 36, № 9. P. 591–608.*
30. Почвенная микрофлора как индикатор типа лесорастительных условий // *Вестник СамГУ. Естественнонаучная серия. 2003. № 2(28). С. 169–178.*
31. Жуков А.М., Гниненко Ю.И., Жуков П.Д. Опасные малоизученные болезни хвойных пород в лесах

России // Изд. 2-е, испр. и доп. Пушкино: ВНИИЛМ, 2013. 128 с.

32. Зенова Г.М., Степанов А.Л., Лихачева А.А., Манучарова Н.А. Практикум по биологии почв: учеб. пособие. М.: Издательство МГУ, 2002. 120 с.

33. Теппер Е.З., Шильникова В.К., Переверзева Г.И. Практикум по микробиологии. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Колос, 1979. 216 с.

RESEARCH OF MICROFLORA OF SOILS IN FOREST NURSERIES OF THE VOLOGDA REGION

© 2016

S.M. Khamitova, candidate of agricultural sciences,
associate professor of the Chair of Geoecology and Engineering Geology

Yu.M. Avdeyev, candidate of agricultural sciences,
associate professor of the Chair of Geoecology and Engineering Geology

V.S. Snetilova, master student of the Chair of Geoecology and Engineering Geology
Vologda State University, Vologda (Russia)

Abstract. Soil is a separate natural unit, its protection is a top priority issue when it is used by industry or agriculture. Urban environment is subjected to different changes because of the intensive anthropogenic influence. The soil surface of urban areas needs much attention as well as traffic influence consequences. Industrial and building sites have great impact on soil diverting its components (agrochemical and physical ones). It interferes with its important ecological function. Microbiota, biochemical parameters of the soils, its biological activity are the first to change that is why they are considered by many explorers to be the most sensitive to pollution of soil layers. Green areas play an important role for the urban population. The scientists often do not take that areas into consideration because their soils are traditionally believed not to be subjected to intensive anthropogenic influence and do not cause much of pollution and hereby are not dangerous. Meanwhile small recreational zones within cities are often influenced by industrial factors, as a result the vegetation and soils worsen though they play an important role in environmental recovery and fulfil recreational and sanitary functions. We have measured soil fungi and bacteria by a reproduction and insemination method by placing the soil suspension into dense nutrient medium.

Keywords: The soil; soil microorganisms; microbiota; soil mushrooms; actinomycetes; bacteria; phytopathogens; city green plantings; the urbanized environment; anthropogenous influence; environment; recreational territories; pollution; recreational and sanitary and hygienic functions.

УДК 58.032

ФЛОРИСТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ РЕЧНОЙ ЭКОСИСТЕМЫ КАРАЛЫК

© 2016

А.И. Шакуров, аспирант кафедры биологии, экологии и методики обучения
Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара (Россия)

Аннотация. Река Каралык – правый приток реки Большой Иргиз. Русло имеет не постоянный водоток, в летний период оно в отдельных участках пересыхает, поэтому вдоль всего русла встречаются земляные плотины, задерживающие паводковый сток. В задачу данной работы входила комплексная оценка флоры реки, т.е. характеристика систематического, экологического и биоморфологического состава. Кроме того, изучалась ресурсная значимость прибрежно-водных растений. В результате изучения флоры выявлено 53 вида прибрежно-водных растений, из них гидрофиты составляют 11,3%, гигрогеллофиты – 7,5%, геллофиты – 15%, гигрофиты – 30,8%, гигромезофиты и мезофиты – 39,6%. Виды растений, произрастающие в русле реки Каралык и на побережье представляют 28 родов из 24 семейств. Таксоны принадлежат к классам Liliopsida (11 семейств) и Magnoliopsida (13 семейств). Наибольшее число видов отмечено для семейств *Asteraceae*, *Salicaceae*, *Fabaceae*, *Roaceae*, *Cyperaceae*, *Lemnaceae*, *Potamogetonaceae*, *Polygonaceae*, *Typhaceae* и *Lamiaceae*, они содержат от 7 до 2 видов, остальные 14 семейств представлены одним видом. Анализ флоры реки Каралык показал, что водная флора содержит 18 видов или 34% общего видового состава. Низкое видовое разнообразие объясняется высокой степенью эрозионных процессов, активными процессами заиления вследствие несоблюдения режима прибрежной водоохранной зоны. Низкая прозрачность воды сдерживает развитие типично водных растений.

Ключевые слова: река; русло; водоток; прибрежно-водные растения; водная флора; околотоводные растения; виды растений; семейства; классы; определитель; экологические группы; гидрофиты; геллофиты и гигрогеллофиты; гигрофиты; гигромезофиты; мезофиты; экологический состав; систематический состав; биоморфологический состав; хозяйственные группы растений.

Растительный компонент является важным биотическим фактором в процессах самоочищения водных экосистем. Известно, что от фильтрационной активности водных растений зависят процессы выноса ве-

щества на берег и в сопредельные водоемы, перемешивание воды и прозрачность. Поскольку почти вся водная биота участвует в формировании качества воды, в самоочищении водных экосистем, либо в регу-

ляции этих процессов, то необходимо сохранять ее разнообразие. В связи с этим важен флористический мониторинг речных экосистем.

Первые флористические исследования рек на территории Самарской области проводились профессором К. Клаусом в бассейне р. Сок [1]. Большой вклад в изучение речной флоры внесли самарские геоботаники В.Е. Тимофеев, Е.Г. Бирюкова, В.И. Матвеев. Первая работа Владимира Ивановича Матвеева «Материалы к флоре водоемов долины реки Самары» опубликована в 1959 г., и сегодня, спустя более 55 лет, можно оценить ее важное значение для познания и в целях мониторинга прибрежно-водных и водных растений [2; 3]. В настоящее время наиболее детально изучен бассейн р. Сок [4; 5]. Исследовались особенности растительного покрова долины реки Сургут [6], изучено видовое богатство реки Чапаевки [7], однако бассейн реки Большой Иргиз долгое время не был объектом гидробиотанического изучения. Есть работа А.М. Зотова, которая посвящена изучению флоры прудов Михайло-Овсянского водохранилища, созданного в бассейне этой реки [8]. Объектом гидробиотанического изучения был памятник природы «Иргизская пойма», в работах В.В. Соловьевой и Д.Е. Денисова приводятся флористические сведения [9; 10]. Данные по составу прибрежно-водной и водной флоры реки Каралык приводятся впервые.

Река Каралык – правый приток реки Большой Иргиз. Верховье реки находится в пределах возвышенности Общий Сырт. Общая протяженность реки 84 км, ее устье находится в 567 км от устья реки Большой Иргиз. Территория района сложена преимущественно юрскими глауконитовыми песками, глинами, песчаниками [11; 12]. Рельеф увалистый с интенсивным эрозионным расчленением [13; 14; 15]. В почвенном покрове преобладают южные черноземы. Естественная растительность представлена типчаково-ковыльными степями. Исток реки, расположенный близ села Кумраси Больше-Черниговского района, имеет характер древней балки с крутыми склонами и широким днищем. По днищу проходит вторичный размыв. Выходы грунтовых вод отмечены на расстоянии 300 м от вершины балки. Родник расположен в средней части обрывистого правого склона [16]. Его окружают заросли *Phragmites australis* (Cav.) Trin. ex Steud., встречаются пятна *Tussilago farfara* L., *Lythrum salicaria* L., *Artemisia procera* L., *Equisetum arvense* L. В верхней части склон обрывистый, характерны опушки и осыпи. Задернелые поверхности заняты полынно-прутняково-ковыльными сообществами, входящими в состав структурного элемента «Ковыльные и другие степи в сопровождении степных кустарников эрозионно-аккумулятивных склонов древних балок» и «Несформировавшиеся травянистые группировки на эрозионно-аккумулятивных склонах древних балок». Многочисленные промоины, расположенные на склоне, заняты зарослями *Artemisia procera* L. Задернению склона препятствует чрезмерная пастбища скота.

Левый склон долины задерненный, характеризуется наличием структурного элемента «Вейниковые, костровые, пырейные и другие сообщества, образующие задернение на молодых овражных склонах». Здесь представлена разнотравно-вейниковая ассоциация.

Русло имеет незначительную глубину и не постоянный водоток, в летний период оно в отдельных участках пересыхает, поэтому вдоль всего русла встречаются земляные плотины, задерживающие паводковый сток. Вдоль русла произрастают ивняки, достигающие высоты до 15–17 метров. Под пологом ив обильна *Urtica dioica* L. В долине реки значительную площадь занимает пояс байрачных кустарников. В его составе преобладают *Rhamnus cathartica* L. и *Viburnum opulus* L. Характерна небольшая примесь таких древесных растений как *Ulmus laevis* Pall., *Rosa majalis* Herzm., *Salix cinerea* L. Сильная загущенность кустарникового яруса, обилие хмеля (*Humulus lupulus* L.), препятствуют развитию травянистого покрова. Лугово-лесное разнотравье в виде узкого пояса окаймляет кустарниковые заросли с периферии. В его составе произрастают *Saguisorba officinalis* L., *Convallaria majalis* L., *Filipendula ulmaria* (L.) Maxim., *Geum urbanum* L., *Fragaria viridis* L., *Vicia sepium* L. и другие. На пониженных участках долины и у подножия склонов широкое распространение имеют заросли *Artemisia procera* L. Она образует первый ярус, во втором преобладает *Calamagrostis epigeios* (L.) Roth, остальные виды имеют незначительное обилие.

При изучении и анализе прибрежно-водной флоры приняты методические подходы В.Г. Папченкова и В.В. Соловьевой [17], т.е. учитывалась не только водная флора (гидрофиты, гелофиты и гигрогелофиты), а флора водотока в целом, с включением в нее околоводных видов растений (гидрофитов, гигромезофитов и мезофитов). В задачу данной работы входила комплексная оценка флоры реки Каралык, т.е. характеристика систематического, экологического и биоморфологического состава. Кроме того, изучалась ресурсная значимость прибрежно-водных растений.

Определение растений проводилось с использованием «Флоры средней полосы Европейской части СССР» [18] и «Определителя растений Среднего Поволжья» [19]. Видовые научные названия растений даны согласно сводке С.К. Черепанова [20].

В результате изучения флоры выявлено 53 вида прибрежно-водных растений, из них гидрофиты составляют 11,3%, гигрогелофиты – 7,5%, гелофиты – 15%, гидрофиты – 30,8%, гигромезофиты и мезофиты – 39,6% (табл. 1). Содержание понятий перечисленных экологических групп принимается в трактовке В.В. Соловьевой и А.Г. Лапинова [21].

«Гидрофиты – это истинно-водные растения, которые для нормального прохождения своего жизненного цикла требуют постоянного контакта вегетативного тела с водной средой. Различают свободно плавающие на поверхности воды или в ее толще, а также погруженные укореняющиеся растения, с плавающими листьями или без них. Гидрофиты могут образовывать фитоценозы на всех доступных водным макрофитам глубинах, чаще всего они обычны в пределах от 0,5 до 3 м. Некоторые гидрофиты могут в угнетенном состоянии непродолжительное время существовать и на обсохших мелководьях. У этих видов иногда развиваются наземные формы, но для прохождения всего жизненного цикла им необходима водная среда» [21, с. 8] К гидрофитам во флоре изучаемой реки относятся *Ceratophyllum demersum* L.,

Lemna minor L., *Nuphar lutea* L., *Spirodela polyrhiza* (L.) Schleid, *Potamogeton perfoliatus* L., *P. pectinatus* L.

«Гелофиты – это воздушно-водные укореняющиеся растения, вегетативное тело которых расположено как в воде, так и над ее поверхностью. Растения данной экологической группы занимают прибрежные мелководья с глубиной до 1(2) м. По высоте побегов они делятся на высокотравные – средняя высота побегов 180–250 см и низкотравные – 60–100 см. Наиболее глубоко проникают высокотравные гелофиты; низкотравные обычны на глубинах до 0,5 м, однако некоторые из них могут проникать и на большие глубины, образуя погруженные формы с ленто-видными листьями. Обычно базальные части надземных побегов гелофитов частично погружены в воду, однако эти растения способны переносить длительное обсыхание в период вегетации» [21, с. 10]. Из гелофитов во флоре реки Каралык отмечены *Alisma plantago-aquatica* L., *Butomus umbellatus* L., *Phragmites australis* (Cav.) Trin. ex Steud., *Scirpus tabernaemontani* Gmel., *S. lacustris* L., *Sparganium erectum* L., *Typha angustifolia* L., *T. latifolia* L.

«Гигрогелофиты – растения уреза воды, типичными местообитаниями которых являются низкие уровни береговой зоны затопления, зона контакта берега и водного тела (т.е. уреза воды) и прибрежные отмели с глубиной до 20 (40) см, многие из них типичны для окраин озерных сплавин. Нередко, укореняясь на топких берегах, они наплывают на открытую воду» [21, с. 11]. Из гигрогелофитов встречены *Agrostis stolonifera* L., *Bolboschoenus kozhevnikovii* (Liv.) A.E. Kochevnikov, *Eleocharis palustris* (L.) Roem et Schult., *Lythrum salicaria* L.

«Гигрофиты – заходящие в воду травянистые и древесные береговые растения, закономерно встречающиеся на водопокрытом грунте. Обычно они обитают в условиях избыточной влажности грунта и высокой влажности воздуха, занимая средние уровни береговой зоны затопления, но довольно часто заходят в воду у низких топких берегов. В последнем случае они могут входить в состав сообществ гигрогелофитов и гелофитов. К древесным гигрофитам относятся многие виды ив, которые часто обрамляют берега водоемов и водотоков, нередко растут и в воде» [21, с. 11]. К экологической группе гигрофитов во флоре реки Каралык относятся *Bidens cernua* L., *B. frondosa* L., *B. tripartita* L., *Carex pseudocyperus* L., *Echinochloa crusgalli* (L.) Beauv., *Epilobium palustre* L., *E. hyrsutum* L., *Juncus gerardii* Loisel., *Lycopus europaeus* L., *Salix alba* L., *S. acutifolia* Willd., *S. cinerea* L., *S. fragilis* L., *S. pentandra* L., *Populus nigra* L., *Solanum dulcamara* L., *Stachys palustris* L.

«Гигромезо- и мезофиты характерны для высоких уровней береговой зоны затопления и зоны заплеска. Гигромезофиты в водной среде встречаются редко. Они занимают влажнотуговое и сырлотуговое местообитания, а мезофиты встречаются в сухолуговых и свежелуговых условиях. Мезофиты экологически пластичны, при повышенной влажности проявляют гигроморфные черты. Они имеют умеренно развитые корневые системы разного типа, листья с негустой сетью жилок, дифференцированным мезофиллом и хорошо развитой системой межклетников. По физиологическим показателям водного режима мезофиты

характеризуются умеренными величинами осмотического давления, содержания воды в листьях, предельного водного дефицита. Величина транспирации зависит от степени освещенности» [21, с. 12] К гигромезофитам и мезофитам побережий реки Каралык относятся *Artemisia procera* L., *Calystegia sepium* (L.) R. Br., *Chenopodium glaucum* L., *Echinocistis lobata* (Michx.) Torr. et Grey., *Elytrigia repens* (L.) Nevski, *Inula britannica* L., *Leontodon autumnalis* L., *Medicago lupulina* L., *Melilotus officinalis* (L.) Lam., *Persicaria lapathifolia* (L.) S.F. Gray., *Plantago intermedia* D.C., *Poa angustifolia* L., *Potentilla anserina* L., *Ranunculus repens* L., *Rumex confertus* Willd., *R. stenophyllus* Ledeb., *Stachys recta* L., *Trifolium hybridum* L., *T. pratense* L., *T. repens* (L.) C. Presl, *Urtica dioica* L., *Xanthium strumarium* L.

Таблица 1 – Экологический спектр флоры реки Каралык

Экологическая группа	Число видов	
	абсолютное	в %
Гидрофиты	6	11,3
Гелофиты	8	15
Гигрогелофиты	4	7,5
Гигрофиты	16	30,8
Гигромезофиты и мезофиты	21	39,6

Виды растений, произрастающие в русле реки Каралык и на побережье представляют 28 родов из 24 семейств. Таксоны принадлежат к классам Lillioresida (11 семейств) и Magnoliopsida (13 семейств). Наибольшее число видов отмечено для семейств *Asteraceae*, *Salicaceae*, *Fabaceae*, *Poaceae*, *Cyperaceae*, *Lemnaceae*, *Potamogetonaceae*, *Polygonaceae*, *Typhaceae* и *Lamiaceae*, они содержат от 7 до 2 видов, остальные 14 семейств представлены одним видом (табл. 2).

Таблица 2 – Ведущие семейства флоры реки Каралык

Название семейства	Число родов	Число видов
Asteraceae	7	7
Salicaceae	2	6
Fabaceae	3	5
Lamiaceae	4	4
Cyperaceae	4	4
Poaceae	4	4
Potamogetonaceae	1	2
Typhaceae	1	2
Lemnaceae	2	2
Polygonaceae	2	2

Жизненные формы растений изученной флоры представлены 6 видами древесно-кустарниковых растений, 2 – полукустарниками, 7 – видами малолетников и 39 – видами многолетних травянистых растений (табл. 3).

Анализ хозяйственных групп флоры показал, что в ее составе 22 вида растений, имеющих кормовое значение, 19 лекарственных, 11 медоносных видов растений (табл. 4). Кроме того, отмечены декоративные, жирно- и эфирно-масличные виды растений, мелиоративные, технические, плетеночные, пищевые, пыльценозные и сорные растения. Так, например, на

побережье реки широкое распространение и высокое обилие имеют такие лекарственные растения как череда трехраздельная, зюзник европейский, подорожник большой и другие. Ценными медоносами являются виды ив, дербенник иволистный, донник лекарственный, лапчатка гусиная, кульбаба осенняя и другие. Кормовые растения представлены клевером ползучим, луговым, гибридным, мятликом узколистным, полевицей побегообразующей.

Таблица 3 – Жизненные формы растений флоры реки Каралык

Морфологическая группа	Число видов	в %
Древесно-кустарниковые	6	9,4
Полукустарники	2	3,8
Травы	46	86,8
из них:		
– одно-двулетники	7	
– многолетники	39	
– корневищные	18	
– стержнекорневые	6	
– корнеотпрысковые	1	
– кистекоорневые	1	
– листецовые	3	
– клубнекорневищные	2	

Таблица 4 – Хозяйственное значение растений реки Каралык

Хозяйственная группа	Число видов
Кормовое	22
Лекарственное	19
Медоносное	11
Эфирномасличное	9
Жирномасличные	7
Техническое	6
Мелиоративное	6
Плетеночное	5
Декоративное	4
Пыльценозное	4
Пищевое	3
Сорное	2

В целом, анализ флоры реки Каралык показал, что водная флора содержит 18 видов или 34% от общего видового состава. Низкое видовое разнообразие объясняется высокой степенью эрозионных процессов и активными процессами заиления вследствие не соблюдения режима прибрежной водоохранной зоны. Низкая прозрачность воды сдерживает развитие типично водных растений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Клаус К. Флоры местные приволжских стран. СПб., 1852. 312 с.
2. Матвеев В.И. Материалы к флоре водоемов долины р. Самары // Ученые записки Куйбышев. пед. ин-та. Куйбышев: КГПИ. 1959. Вып. 23. С. 55–72.
3. Матвеев В.И. Флора водоемов Средней Волги и ее притоков // Ботаника и сельское хозяйство. Куйбышев, 1969. С. 30–78.

4. Выхристюк Л.А., Зинченко Т.Д., Лаптева Е.В. Комплексная оценка экологического состояния равнинной р. Сок (Бассейн нижней Волги) // Известия Самарского научного центра РАН. 2010. Т. 12. № 1. С. 186–197.

5. Лапов И.В., Соловьева В.В. Сравнительный анализ флоры р. Сок и ее притоков // Сибирский педагогический журнал. 2013. № 4. С. 165–168.

6. Лысенко Т.М., Митрошенкова А.Е. Особенности растительного покрова долины реки Сургут (Самарская область) // Малые реки – современное экологическое состояние, актуальные проблемы: Междунар. научная конф. (Россия, Тольятти, 23–27 апреля 2001 г.). Тольятти: ИЭВБ РАН, 2001. С. 128.

7. Соловьева В.В., Денисов Д.Е., Сенатор С.А. Фиторазнообразие реки Чапаевки // Фиторазнообразие Восточной Европы. 2006. № 1. С. 111–122.

8. Зотов А.М. Флора и растительность прудов Михайло-Овсянского рыбобитомника // Морфология и динамика растительного покрова: Науч. тр. Куйб. гос. пед. ин-та. 1977. Т. 207. Вып. 6. С. 77–83.

9. Денисов Д.Е., Соловьева В.В. Бассейн реки Большой Иргиз: история изучения биоразнообразия и перспективы гидробиотического мониторинга // Степи Северной Евразии: Матер. IV Междунар. симпозиума. Оренбург: ИПК «Газпромпечатъ», 2006. С. 230–233.

10. Соловьева В.В., Денисов Д.Е. Гидробиотическое изучение памятника природы «Иргизская пойма» // Гидробиотика-2005: Материалы VI Всероссийской конференции по водным макрофитам (п. Борок, 11–16 октября 2005 г.). Рыбинск: ОАО «Рыбинский дом печати», 2006. С. 354–356.

11. Физико-географическое районирование Среднего Поволжья / под ред. А.В. Ступишина. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1971.

12. Захаров А.С. Рельеф // Природа Куйбышевской области / сост. М.С. Горелов, В.И. Матвеев, А.А. Устинова. Куйбышев: Кн. изд-во, 1990. С. 45–76.

13. Мильков Ф.Н. Средняя полоса Европейской части СССР. М.: Географгиз, 1961. 216 с.

14. Мильков Ф.Н. Региональные особенности и зонально-морфологические типы речных долин Среднерусской лесостепи // Долино-речные ландшафты Среднерусской лесостепи. Воронеж, 1987. С. 34–42.

15. Равнины Европейской части СССР. М.: Наука, 1974. 235 с.

16. Бирюкова Е.Г. Растительный покров речных истоков // Сложение и динамика растительного покрова: Межвуз. сборник научных трудов. Куйбышев, 1983. С. 41–49.

17. Папченков В.Г., Соловьева В.В. Флора прудов Среднего Поволжья // Самарская лука. Бюллетень. 1993. № 4. С. 172–190.

18. Флора средней полосы Европейской части СССР / под ред. П.Ф. Маевского. Л.: Колос, 1964. 880 с.

19. Определитель растений Среднего Поволжья / под ред. П.П. Благовещенского. Л.: Наука, 1984. 392 с.

20. Черепанов С.К. Сосудистые растения России и сопредельных государств. СПб., 1995. 990 с.

21. Соловьева В.В., Лапиров А.Г. Гидробиотика: учебное пособие. Самара: ПГСГА, 2013. 354 с.

FLORISTIC COMPONENT OF ECOSYSTEM OF THE KARALYK RIVER

© 2016

A.I. Shakurov, postgraduate student of the Chair of Biology, Ecology and Methods of Teaching
Samara State University of Social Sciences and Education, Samara (Russia)

Abstract. Karalyk River – the right tributary of the river Big Irgiz. The channel has no permanent watercourse, in summer it occasionally dries up, so along the entire course meet earthen dams, retarding flood flows. The task of this work included a comprehensive assessment of the flora of the river, the characteristics of systematic, ecological and biomorphological composition. Furthermore, the authors investigated the resource value of the riparian-aquatic plants. A study of the flora revealed 53 species of semi-aquatic plants, hydrophytes amount to 11,3%, hygrogelophytes – 7,5%, galofity (15%), hygrophytes – 30,8%, hygromesophyte and mesophytae of 39,6%. The types of plants growing in the bed of the river Karalic and the coast represented by 28 genera from 24 families. The taxa belong to the classes Liliopsida (11 families) and are represented by a (13 families). The greatest number of species observed for the Asteraceae Salicaceae, Fabaceae, Poaceae, Cyperaceae, Lemnaceae, Potamogetonaceae, Polygonaceae, Lamiaceae, and Typhaceae, they contain from 7 to 2 species, the remaining 14 families represented by one species. Analysis of the flora of the river Karalic showed that the aquatic flora contains 18 species or 34% of the total species composition. Low species diversity is due to the high degree of erosion processes, active processes of sedimentation as a result of failure of coastal protection zones. Low water clarity inhibits the development of the typical aquatic plants.

Keywords: Karalyk river; track; watercourse; coastal aquatic plants; aquatic; wetland plants; plant species; family; classes; determinant; environmental groups; hydrophytes; grass helophytes and gigrogelofity; hygrophytes; gigromezofity; mesophytes; ecological structure; taxonomic composition; biomorphological composition; economic groups of plants.

07.00.00 – ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

УДК 902. 903. 023

НЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА АЛГАЙ В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ

© 2016

А.И. Юдин, доктор исторических наук, заместитель директора по научной работе
Научно-исследовательский центр по сохранению культурного наследия, Саратов (Россия)

А.А. Выборнов, доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой отечественной истории и археологии
Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара (Россия)

И.Н. Васильева, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник археологической лаборатории
Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара (Россия)

П.А. Косинцев, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник лаборатории палеоэкологии
Институт экологии растений и животных УрО РАН, Екатеринбург (Россия)

М.А. Кулькова, кандидат геолого-минералогических наук, доцент кафедры геологии и геоэкологии
Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург (Россия)

Т. Гослар, доктор наук, профессор, заведующий радиоуглеродной лабораторией
Университет имени Адама Мицкевича в Познани, Познань (Польша)

Б. Филиппсен, научный сотрудник центра радиоуглеродного датирования
Орхусский университет, Орхус (Дания)

А.В. Барацков, лаборант научно-исследовательской части
Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара (Россия)

Аннотация. В статье представлены итоги исследования новой неолитической стоянки Алгай в Саратовской области степного Поволжья в 2015 году. Прослежено наличие двух уровней культурного слоя. Получены новые данные по керамике орловской культуры и технологии её изготовления. Посуда изготавливалась из глины с примесью толченой раковины моллюсков или из ила. Каменный инвентарь представлен пластинами, скребками, острьями и геометрическими микролитами. В кремневом инвентаре отмечено совместное залегание трапаций со струганной спинкой и сегментов с гелуанской ретушью. Определение остеологических остатков на памятнике свидетельствует о преобладании тура, тарпана, кулана и сайги. Представлены кости домашней собаки. Они залегали в слое, датированном 5700 лет ВС. Радиоуглеродное датирование различных материалов (кость, нагар, уголь) на стоянке дает возможность сравнить результаты. Нижний уровень датируется от 5800 лет до 5400 лет ВС, а верхний уровень датируется 4800 лет ВС. Полученные даты позволяют констатировать развитие памятника от начала VI до начала V тысячелетия до н.э. в калиброванных значениях. Это позволяет корректировку хронологии неолита Нижнего Поволжья.

Ключевые слова: неолит; орловская культура; степное Поволжье; культурный слой; кремневый инвентарь; геометрические микролиты; технология изготовления керамики; примесь раковин моллюсков; накольчатый орнамент; кости животных; радиоуглеродная дата; абсолютная хронология.

Изучение степного неолита является одной из приоритетных задач в силу его значения для исследования позднекаменного века как Нижнего Поволжья, так и сопредельных территорий [1; 2]. В июле 2015 года совместной экспедицией Автономной некоммерческой организации «Научно-исследовательский центр по сохранению культурного наследия» (А.И. Юдин) и СГСПУ (А.А. Выборнов) продолжены охранные раскопки открытой в 2014 году стоянки Алгай, обнаруженной в процессе работ на поселении Орошаемое [3; 4]. Стоянка расположена на правом берегу р. Большой Узень (Камыш-Самарский бессточный водный бассейн), на краю слабо выраженной террасы, в 150 м к югу от поселения Орошаемое и в 1,5 км к северу от районного центра Александров Гай Саратовской области.

Раскоп 2015 г. был прирезан к предыдущему раскопу с северо-восточной стороны, вдоль берега бывшего пруда. Площадь раскопа составила 24 м², толщина культурного слоя – от 1,4 до 1,7 м (по дну ямы).

Культурный слой стоянки стратиграфически делится прослойкой светло-желтого суглинка на два примерно равных по мощности слоя. Средняя часть светло-желтого суглинка проходит по уровню раскопного слоя 15 (75–80 см). До слоя 15 – верхний культурный слой. От – 75 см и до материка залегает нижний слой. Полученные в этих двух пластах материалы несколько различаются. Это относится как к керамике, так и к каменным орудиям. Данная разница подтвердилась и радиоуглеродными определениями по материалам исследования 2014 года. Слои примерно равны по вертикальной колонке, но сильно разнятся по насыщенности. Большая часть находок обнаружена в нижнем слое.

Керамический комплекс верхнего пласта культурного слоя в раскопе 2 представлен фрагментами от, приблизительно, 15 сосудов орловской неолитической культуры. Керамика фрагментирована, восстанавливаемых форм нет, но по всем технико-типологическим параметрам она полностью соответствую-

ет керамике Варфоломеевской стоянки, расположенной в 35 км западнее, на левом берегу р. Малый Узень, в соседнем Новоузенском районе Саратовской области [2].

Орнамент нанесен в технике отступающего накола, отдельными наколами, прочерком. Судя по венчикам, представлены сосуды двух основных форм орловской культуры – прямостенная банка и слабопрофилированные горшки. Вся керамика плоскодонная, в

двух случаях придонная часть орнаментирована (рис. 2, 13).

В верхнем слое найдено около 120 каменных предметов, представленных, в основном, изделиями из кремня, преимущественно серых оттенков. Изредка использовался серый кварцит (около 11%). Нуклеусы торцевого типа для снятия микропластин (рис. 4, 1–2). Встречен уплощенный нуклеус, вторично использованный как отбойник.

Рисунок 1 – Керамика стоянки Алгай

Пластины представлены различными сечениями, в основном они микролитичны, но из кварцита встречаются и средней ширины – до 2 см. Часть имеет венгерскую подработку и использовалась в качестве вкладышей (рис. 4, 7, 10). Из других микролитов в верхней части культурного слоя найдены две трапеции со струганной спинкой (рис. 5, 2, 4), обломок сегмента с ретушью по дуге со стороны спинки (рис. 5, 14), сегментовидная пластина с ретушью (рис. 5, 15) и сечение пластины треугольной формы с торцевой ретушью по одной грани со спинки, а по другой – с брышка (рис. 5, 16).

Большая часть орудий – это скребки на пластинах, продольных сколах, отщепках (рис. 4, 13–14, 30, 34,

38, 41). Также найдены перфоратор на отщепе (рис. 4, 42) и скобель на пластинчатом отщепе (рис. 5, 18).

Керамический комплекс нижнего пласта культурного слоя в раскопе 2 представлен фрагментами приблизительно, от 45–50 сосудов орловской неолитической культуры. Керамика, как и в верхней половине слоя, фрагментирована, восстанавливается графически развал всего одного сосуда (рис. 3, 6). Это банка со слегка прикрытым устьем и плоско-выпуклым дном. Сосуд орнаментирован в верхней трети крупными, отдельно поставленными треугольными наколами. Внешняя поверхность слегка подлощена, в тесте глины – примесь толченой раковины. Приблизительные размеры сосуда: диаметр устья 29 см; диаметр дна 16 см; высота 19 см.

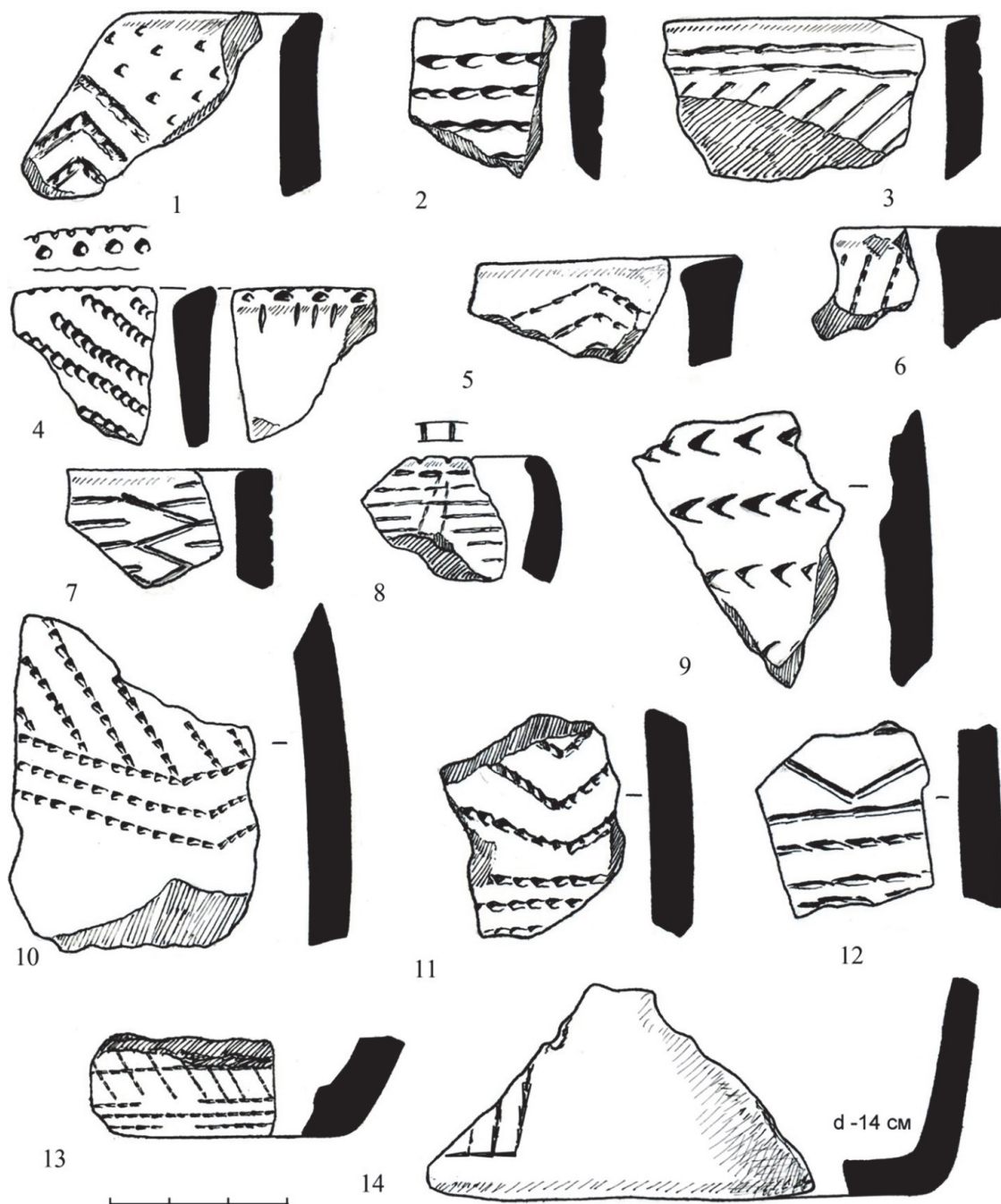

Рисунок 2 – Керамика стоянки Алгай

Вся керамика по всем технико-типологическим параметрам соответствует керамике Варфоломеевской стоянки, за исключением сосудов с ямочно-жемчужным орнаментом.

Орнамент нанесен в технике отступающего накола, отдельными наколами, прочерком, подовальными насечками. Преобладает техника отступающего накола.

Судя по венчикам это банки с прикрытым или открытым устьем и слабопрофилированные горшки, прямостенные сосуды (рис. 1, 1, 3–6; 2, 1–3, 5–8; 3, 1). Срезы венчиков у сосудов прямые, округлые, приостренные, один имеет характерный внутренний наплыв с орнаментом (рис. 1, 1). Один из венчиков имеет слабо выраженный орнаментированный внутренний наплыв (рис. 2, 4). Еще один сосуд украшен округлыми наколами по внутренней стороне венчика (рис. 1, 3), а другой – треугольными наколами (рис. 1,

7). Несколько сосудов имеют насечки по срезу венчика (рис. 1, 1, 5; 2, 4, 6).

Днища сосудов (7 экз.) плоские, с плавным переходом от дна к стенке, без закраины (рис. 2, 14).

Орнаментальные композиции, как и в верхнем слое, находят полные аналоги с наиболее распространенными варфоломеевскими: горизонтальные ряды отступающего накола или прочерка, дополненные зигзагом, наклонными линиями и отдельными наколами (рис. 1, 1, 3–5; 2, 1–6); геометрический орнамент (рис. 2, 7, 10); композиции из редко поставленных наколов и насечек (рис. 2, 9; 3, 6).

Из керамических изделий также найдена заготовка пряслица из неорнаментированной стенки крупного тонкостенного сосуда. Фрагменту придана округлая форма, но чистовая обточка и сверлина по центру ещё не выполнены. Аналогичные изделия встречены в слое 2А Варфоломеевской стоянки [2, с. 60, рис. 40, 1–6].

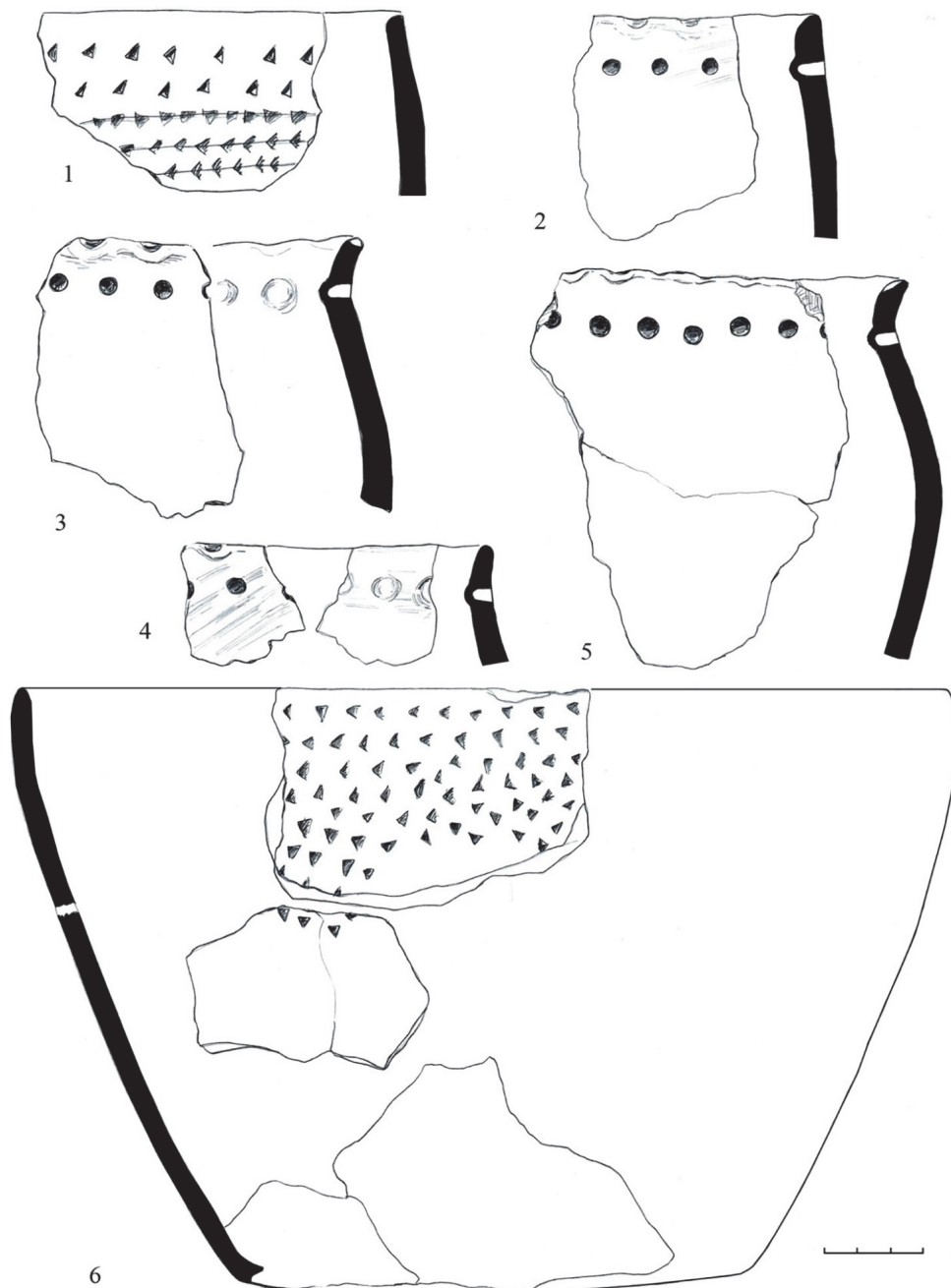

Рисунок 3 – Керамика стоянки Алгай

Коллекция каменных предметов из нижней части культурного слоя в раскопе 2 также отличается микролитичностью. Всего найдено около 240 каменных предметов. В качестве основного сырья использовался кремнь серого, молочно-белого и молочно-серого цветов. Изредка встречаются пластины, отщепы и орудия из серого кварцита (около 6%).

Ядрища представлены нуклеусом для снятия пластин (рис. 5, 19) и продольным сколом с пластинчатого нуклеуса (рис. 5, 20). Еще на одном продольном сколе изготовлен концевой скребок (рис. 5, 21). Ширина ножевидных пластин и сечений варьирует в пределах 6–18 мм (рис. 4, 3–5), чаще встречаются шириной до 10 мм. Часть ножевидных пластин имеет ретушь по длинным сторонам со стороны спинки (рис. 4, 6, 9). На пластинах изготавливалась и большая часть орудий, среди которых преобладают скребки. Концевые скребки на пластинах и укороченных пластинах кроме скребкового лезвия могут

иметь подработку по боковым граням со стороны спинки (рис. 4, 11, 12, 15–27, 31, 32, 36, 37, 39). Скребки на отщепах представлены различными формами – ногтевидными, с ретушью на $\frac{3}{4}$ периметра или с высокой спинкой (рис. 4, 28, 29, 41). Геометрические микролиты представлены сегментами и трапециями. Все три сегмента (один обломан) оформлены по дуге гелуанской ретушью (рис. 5, 11–13). Трапеции разнообразны: низкая трапеция со струганной спинкой (рис. 5, 3); с ретушью по верхнему основанию и подструганной спинкой (рис. 5, 8); средневысокие и высокие трапеции (рис. 5, 4–6, 9); у двух трапеций со струганной спинкой дополнительно подработаны боковые грани (рис. 5, 2, 7). Также найден трапециевидный микролит – сечение пластины с притупляющей ретушью по всему периметру со стороны спинки. На верхнем коротком основании ретушью оформлена полукруглая выемка. Один угол обломан (рис. 5, 10).

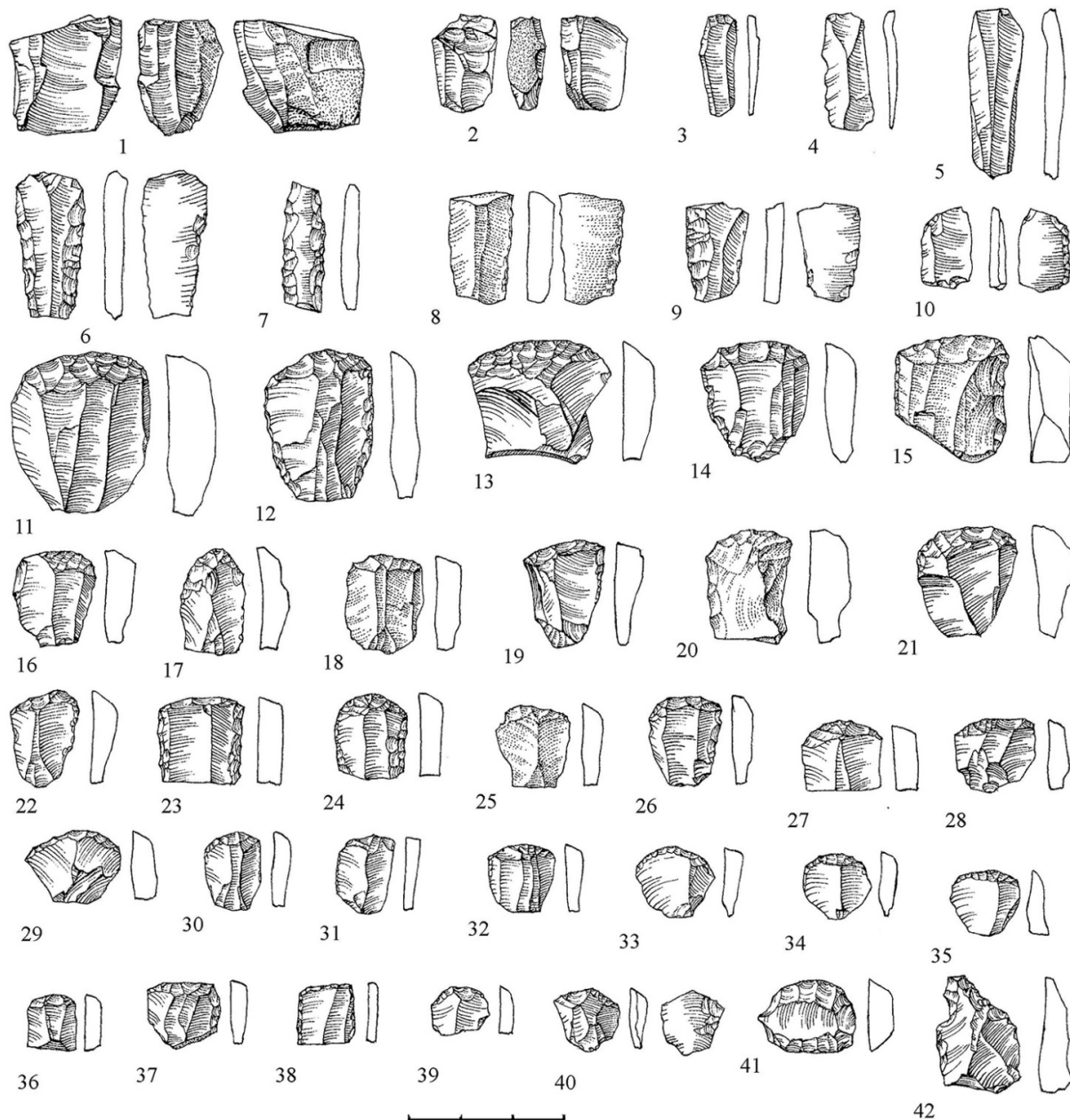

Рисунок 4 – Каменный инвентарь стоянки Алгай

Встречено скошенное острие на пластине (рис. 5, 1) и проколка на кварцевом отщепе (рис. 5, 22).

Аналогичное сочетание трапеций со струганной спинкой и сегментов с двусторонне обработанной дугой характерна для слоя 2Б Варфоломеевской стоянки [2, с. 73, рис. 48, 4–13].

В слое найдено несколько абразивных орудий из плотного песчаника различных коричневых оттенков.

Украшения представлены плоскими бусинами из створки раковины *Unio* и короткой трубчатой пронизкой из ископаемой раковины.

Технико-технологическому анализу был подвергнут 91 фрагмент керамики из коллекции стоянки Алгай. В результате проведенного анализа получены следующие предварительные выводы:

1. На основании морфологических особенностей верхних частей сосудов и стенок с орнаментом было выделено две группы сосудов стоянки Алгай:

1) сосуды с ямочно-жемчужным пояском, и часто с насечками или овальными вдавлениями по срезу венчика (рис. 1, 2; 3, 2–5);

2) сосуды с накольчато-прочерченным орнаментом, выполненным в технике накальвания, отступания, прочерчивания и прочерчивания с редкими останковками (рис. 1, 1, 2–5; 7; 2; 3, 1, 6).

2. Первая группа керамики представлена в общем объеме изученных образцов 9 фрагментами верхних частей. Они имеют прямой или слегка отогнутый наружу край венчика. Все сосуды отличаются значительной толщиной стенок 7–10 мм. Орнамент нанесен в виде округлых ямок диаметром 5 мм, с внешней стороны, перпендикулярно поверхности, с внутренней стороны оставлены «жемчужины». Внешний край венчика часто украшен вдавлениями овальной формы, по-видимому, тем же орудием, что и ямки. Все изученные образцы (100%) изготовлены из «жирного» ила со средним и большим содержанием растительности, обломками раковины как естественным компонентом сырья. В состав формовочных масс вводился органический раствор (ОР), признаки присутствия которого выявляются по многочисленным пустотам с черным маслянистым и блестящим налетом.

том. ОР – предположительно жидкое клеящее вещество животного или растительного происхождения, от которого после сушки и обжига остались данные пустоты. Изготовление сосудов было связано с приемами лоскутного налепа (который, судя по уже известным материалам, является древнейшим технологическим приемом на разных территориях) с формованием их в формах-моделях. Приемы обработки поверхностей: простое заглаживание и уплотнение гладким материалом. Обращает на себя внима-

ние тот факт, что преобладающая часть этих сосудов (7 образцов из 9, примерно 78%) имеют следы заглаживания на внутренней, реже и на внешней поверхностях, специфичным орудием, оставившим параллельные широкие бороздки (типа гребенчатого штампа). Полученные данные свидетельствуют о костровом обжиге керамики с длительным периодом обжига при низких температурах в восстановительной атмосфере и непродолжительной выдержкой при температурах каления (650–700°).

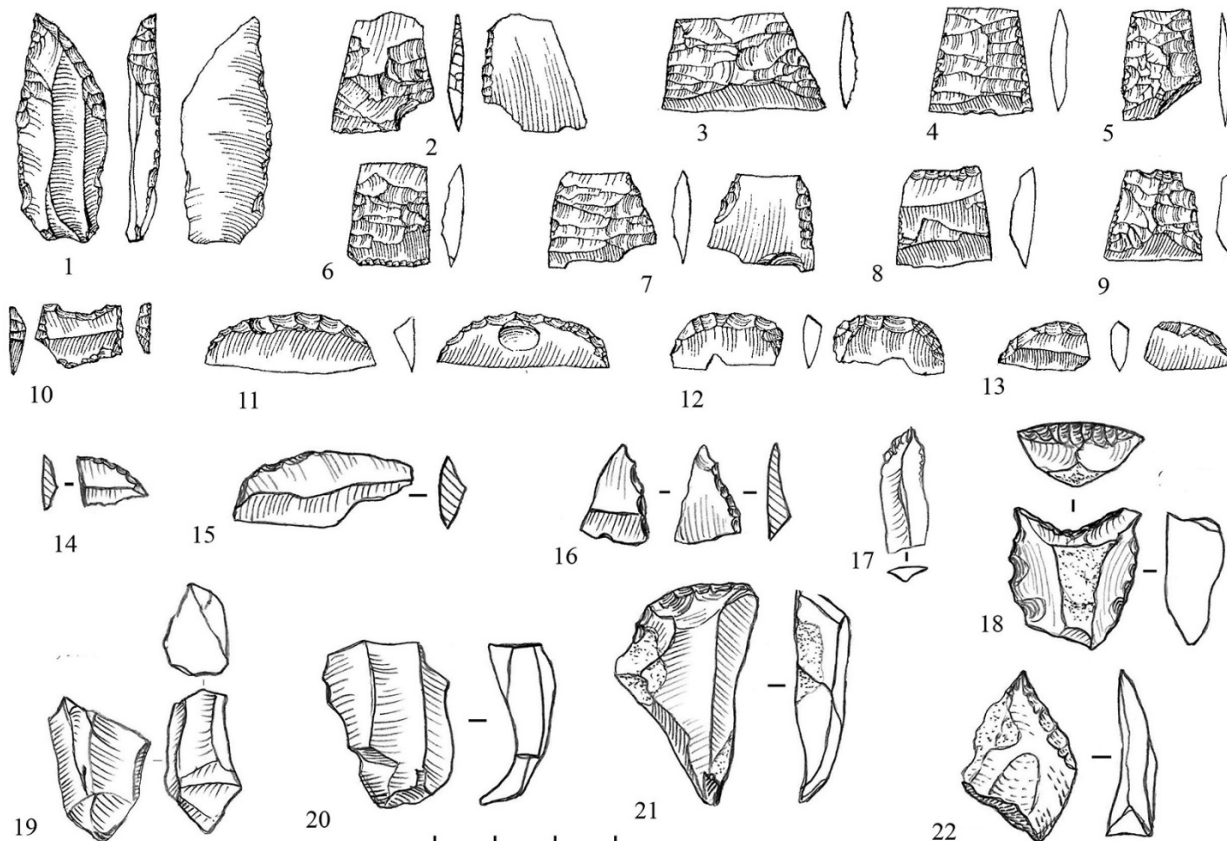

Рисунок 5 – Каменный инвентарь стоянки Алгай

3. Вторая группа керамики более многочисленна. Однако, опираясь только на достоверные признаки принадлежности образцов к данной группе, можно привлечь к характеристике около 30 сосудов. К данной группе отнесены плоскодонные сосуды, орнаментированные с помощью техник накальвания, отступания, прочерчивания и прочерчивания с редкими остановками. Выявлена определенная зависимость толщины стенок сосудов от вида сырья, из которого они были сделаны: если из ила, то толщина стенок колеблется от 8 до 10 мм; если из илстых глин – толщина составляет 5–7 мм. Сосуды второй группы сделаны из трех видов исходного пластического сырья (ИПС): илов, илстых глин и природных глин. При этом использовалось только «жирное» сырье (слабозапесоченное и незапесоченное): из общего количества изученных образцов (91 обр.) только один изготовлен из «тощего» (среднезапесоченного) сырья. Соотношение сосудов из разных видов ИПС в целом по памятнику, учитывая только привлеченную к подсчетам керамику второй группы, составляло: илстые глины – 83%, илы – 10%, глины – 7%. Зафиксирована определенная зависимость рецептуры формовочных масс от вида сырья: илы, как правило, использова-

лись только с добавкой органического раствора, к илстым глинам и глинам добавляли дробленую раковину и органический раствор. В некоторых случаях можно предполагать наличие в илстых глинах раковины естественного происхождения. Способы изготовления сосудов второй группы также можно связать с лоскутным налепом. Формование, по-видимому, производилось в формах-моделях и с помощью приема выбивания. Способы обработки поверхностей: простое заглаживание и уплотнение гладким материалом. Уплотнение осуществлялось очень тщательно, часто ему подвергались обе поверхности (внешняя и внутренняя), иногда поверхность сосудов сохранила блеск. Обращает на себя внимание тот факт, что не обнаружено ни одного случая заглаживания поверхностей сосудов второй группы орудием типа гребенчатого штампа (орнаментированных образцов, которые четко можно отнести к этой группе). В то же время коллекция стоянки содержит некоторое количество неорнаментированных стенок сосудов, изготовленных из илстых глин с примесью дробленой раковины (что характерно для второй группы), со следами заглаживания этим орудием. При этом следует учитывать, что определения

велись по небольшим фрагментам от сосудов, что в принципе допускает использование для разных частей сосудов разных способов заглаживания. На закрепительной стадии можно предполагать применение кострового обжига керамики с длительным периодом обжига при низких температурах в восстановительной атмосфере и непродолжительной выдержкой при температурах каления (650–700°) – только такие условия позволяют сохранять целостность черепка и не выгорать обломкам раковины в черепке.

4. Характеризуя в целом выделенные группы керамики стоянки Алгай, следует отметить следующее. Морфологические особенности сосудов первой группы обнаруживают значительную близость елшанской керамической традиции, однако технология изготовления, в частности, представления о пластичном сырье, указывают на нижеволжское происхождение. В культурных слоях неолитических стоянок Волго-Уралья известны сосуды елшанской формы, но изготовленные из илистого сырья. По нашему мнению, они оставлены коллективами, история сложения которых связана с процессами смешения елшанских групп и мигрантов из степного Нижнего Поволжья.

Таблица 1 – Количество обнаруженных костей животных по слоям

Виды	Слои																																	
	9	9-10	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	28	30	31	32											
Собака	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	
Лошадь	4	1	4	6	4	8	15	7	9	5	9	4	5	11	11	14	10	2	2	3	2	8	11											
Кулан	3	1	7	12	4	3	7	6	7	1	4	1	2	2	5	10	4	1	4	4	6	3	11											
Лошадь/кулан	4	–	9	9	4	3	8	3	8	3	6	3	9	8	10	10	10	1	1	5	10	2	4											
Тур	7	1	20	27	14	15	26	24	14	53	67	26	53	28	59	40	55	9	17	21	8	4	19											
Кабан	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Сайга	8	3	5	8	8	5	7	4	12	17	14	5	17	7	17	12	15	1	1	2	3	8	24											
Млекопитающие неопределимые	23	19	85	102	22	19	75	23	41	78	111	37	55	48	78	62	41	14	7	15	16	22	14											

Таким образом, обнаружено 607 костей тура, 203 кости сайги, 155 костей лошади, 150 костей от лошади/кулана, 108 костей кулана, одна кость от одной особи кабана. Как и в коллекции 2014 года обнаружены кости домашней собаки.

Одним из наиболее сложных вопросов является определение абсолютной хронологии неолита Нижнего Поволжья [6; 7; 8; 9; 10]. Данные, полученные при датировании различных материалов стоянки Алгай (нагар, уголь, кость), дают возможность проследить хронологическое развитие памятника на всем протяжении его развития, а также сравнить датировки, полученные по различным материалам из одного слоя.

По своим характеристикам находки из нижней части культурного слоя наиболее близки комплексу слоя 2Б Варфоломеевской стоянки. Не противоречит этому и дата, полученная по нагару с керамики, с уровня 140 см в лаборатории Познани – 6800±40 BP (Poz-65198), которая совпала с датой по нагару в той же лаборатории для слоя 2Б Варфоломеевки – 6850±40 BP (Poz-52697) [9]. То, что эти даты валидны, свидетельствует радиоуглеродное определение, с этого же уровня, по кости – 6820±80 BP (SPb-1510) и даты по кости с вышележащего уровня 140–130 см – 6654±80 BP (SPb-1509), а также дата по кости с глубины 130–120 см – 6577±80 BP (SPb-1478). С уровня 120–110 см получено две даты по углю. Первая на Самарский научный вестник. 2016. № 3 (16)

Обнаружение такой керамики на стоянке Алгай в Нижнем Поволжье может свидетельствовать о существовании определенных контактов между разными регионами Поволжья. Морфология и технология керамики второй группы стоянки Алгай очень близки керамике орловской культуры, а именно Варфоломеевской стоянки.

Исследователи отмечают определенную эволюцию технико-технологических особенностей керамики неолита южных областей от илов к илистым глинам и глинам [5].

На всем протяжении культурного слоя стоянки Алгай и, особенно, в его нижней, наиболее насыщенной находками половине, содержалось большое количество костей животных: тур, гарпан, кулан, сайга, благородный олень, кабан и домашняя собака (табл. 1). По сравнению с 2014 г. количество костей животных увеличилось более чем в 3–4 раза. Обнаружено более сотни позвонков от крупных рыб, многие из которых залежали в анатомическом порядке, что свидетельствует о непопугивности культурного слоя.

АМС – 6605±32 BP (AAR-21893), выглядит несколько удрежденной, по сравнению с датой вышележащего уровня. Вторая дата сделана по углю – 6360±250 BP (SPb-1411). Ее значение возможно объясняется малым количеством полученного бензола, но при учете поправки она вполне приемлема. Еще одним объяснением «выбившимся» датам по углю, может служить «расслоение» очага в кв. 5, а также значительное понижение его уровня к северо-востоку. Для уровня 110 см получена дата по кости – 6479±70 BP (SPb_1477), которая с учетом незначительной поправки для данного горизонта выглядит валидно. С уровня 100 см получены даты по: углю на АМС – 6490±40 BP (Poz-76004), костям – 6318±33 BP (AAR-21892) и нагару – 6245±32 BP (AAR-21891). Датировки по нагару и кости соотносятся с общей хронологией по слоям, но дата по углю выбивается примерно на 200 лет и больше соответствует уровню 130–120 см. Объяснением данного несоответствия может служить, что уголь для анализа из кв. 5 мог быть собран с горизонта примерно в 7–10 см толщиной, а также понижением уровня очага к северо-востоку. В таком случае дата – 6490±40 BP может соотноситься со значениями по углю с глубины 120–110 см (6605±32, 6360±250 BP) и тогда она будет валидной.

Находки в верхней половине культурного слоя обладают признаками, которые позволяют предпола-

гать его более поздний возраст относительно нижней части и соотносить с 2А и верхним слоями Варфоломеевской стоянки. Это подтверждается радиоуглеродной датой, полученной по костям животных с уровня 50–60 см – 5720±120 ВР (SPb_1475) [3]. Сходная дата получена по нагару на керамике Варфоломеевской стоянки из слоя 2А – 5800±150 ВР (SPb_939) [9].

Таким образом, хронологические рамки развития стоянки орловской культуры Алгай фиксируются от 6800 до 5800 лет ВР. Поскольку материалы нижнего и верхнего уровней культурного слоя стоянки являются однокультурными, то не следует исключать возможное их развития в течение тысячи лет от первой четверти VI тыс. до первой четверти V тыс. до н.э. в калиброванных значениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Выборнов А.А. Неолит степного-лесостепного Поволжья и Прикамья: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ижевск, 2009. 44 с.
2. Юдин А.И. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов, 2004. 200 с.
3. Выборнов А.А., Юдин А.И., Васильева И.Н., Косинцев П.А., Кулькова М.А., Гослар Т., Дога Н.С. Новые данные по неолиту-энеолиту Нижнего Поволжья // Известия Самарского научного центра РАН. 2015. Т. 17. № 3. С. 235–241.
4. Выборнов А.А., Юдин А.И. Раскопки поселения Орошаемое в Александрово-Гайском районе Саратовской области в 2014 году // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2015. С. 3–33.

5. Васильева И.Н., Выборнов А.А., Зайцева Г.И. Новые подходы к изучению неолитических культур степей Поволжья // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Книга 1. СПб., 2012. С. 370–375.

6. Выборнов А.А. Корректировка радиоуглеродной хронологии неолита Нижнего Поволжья // Известия Самарского научного центра РАН. 2008. Т. 10. № 4. С. 1249–1255.

7. Выборнов А.А., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В. К радиоуглеродной хронологии неолита Среднего Поволжья: Восточный регион // Российская археология. 2009. № 3. С. 58–65.

8. Барацков А.В., Выборнов А.А., Кулькова М.А. Проблемы абсолютной хронологии неолита Северного Прикаспия // Известия Самарского научного центра РАН. 2012. Т. 14. № 3. С. 200–204.

9. Выборнов А.А., Андреев К.М., Барацков, А.В., Кулькова М.А., Кольцов П.М., Юдин А.И., Джалл Т., Гослар Т., Ойнонен М., Посснерт Г., Филиппсен Б. Новые данные по радиоуглеродной хронологии неолита лесостепного и степного Поволжья // Известия Самарского научного центра РАН. 2013. Т. 15. № 5. С. 254–260.

10. Юдин А.И. Орловская культура в свет новых данных по хронологии неолита степного Поволжья // Самарский научный вестник. 2014. № 3(8). С. 215–222.

Работа выполнена в рамках проекта № 33.1195.2014/К и гранта РФФИ № 14-06-00041 (Р).

NEOLITHIC SITE ALGAY IN LOW POVOLZHYE

© 2016

A.I. Yudin, doctor of historical sciences, deputy director for scientific work
Research Center for the Preservation of Cultural Heritage, Saratov (Russia)

A.A. Vybornov, doctor of historical sciences, professor, head of the Chair of Domestic History and Archeology
Samara State University of Social Sciences and Education, Samara (Russia)

I.N. Vasilieva, candidate of historical sciences, senior researcher of Laboratory of Archaeology
Samara State University of Social Sciences and Education, Samara (Russia)

P.A. Kosintsev, candidate of biological sciences, senior researcher of the Laboratory of Paleocology
Institute of Plant and Animal Ecology of Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg (Russia)

M.A. Kulkova, candidate of geological and mineralogical sciences,
associate professor of the Chair of Geology and Geoecology
Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg (Russia)

T. Goslar, PhD., professor, head of the Radiocarbon Laboratory
Adam Mickiewicz University in Poznan, Poznan (Poland)

B. Philippsen, researcher of Radiocarbon Dating Center
Aarhus University, Aarhus (Denmark)

A.V. Baratskov, laboratory assistant of Research Department
Samara State University of Social Sciences and Education, Samara (Russia)

Abstract. The paper reports the results of the research at Neolithic site Algay in Saratov region in steppe Povolzhye in 2015. The existence of two levels of cultural layer was traced. New data on the pottery of Orlovskaya culture and the technology of its making were obtained. The vessels were made of clay with clamshell additive or of silt. Stone tools are represented by plaques, scrapers, points and geometric microliths. The co-occurrence of trapezoids with planed back and segments with Geluanskaya retouch was noted. The determination of osteological remains at the site shows tour, tarpan, onager and saiga prevailing. Domestic dog bones were found. They were in the layer dated back to 5700 BC. Radiocarbon dating of different materials (bones, charred organic remains, charcoal) from the site makes it possible to compare the results. The low level dates back to between 5800 and 5400 BC and the upper level to 4800 BC. These dates allow to confirm the site development from VI to the beginning of V millennium BC in calibrated meanings. It allows to correct the chronology of the Neolithic in the Low Povolzhye.

Keywords: Neolithic; Orlovskaya culture; steppe Povolzhye; cultural layer; geometric microlith; clamshell additive; pricked ornament; animal bones; radiocarbon date; flinty tools; pottery making technology; absolute chronology.

РЕЗУЛЬТАТЫ ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА КЕРАМИКИ СТОЯНКИ ГРЕНАДА (ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КАЗАХСТАН)

© 2016

В.Г. Ломан, кандидат исторических наук, директор Сарыаркинского археологического института
Карагандинский государственный университет имени академика Е.А. Букетова, Караганда (Казахстан)

Аннотация. Одной из проблем в археологии Казахстана является неравномерность изучения памятников, относящихся к разным эпохам. Например, в Центральном Казахстане наблюдается явный перекося в сторону исследования древностей средней и поздней бронзы, раннего железного века и средневековья. Изучение эпохи камня прекратилось с 90-х годов XX века, практически не исследована эпоха ранней бронзы. В данной статье публикуются результаты технико-технологического анализа керамики стоянки Гренада (Карагандинская область, Казахстан), датируемой временем от конца энеолита до начала эпохи ранней бронзы. Изучены исходное сырье (три вида), формовочные массы (шесть рецептов), особенности конструирования начинов (две программы) и полого тела. Разнообразии гончарных традиций, отмеченное по всем ступеням керамического производства, говорит о неоднородном составе населения, оставившего памятник. Сосуды относились по меньшей мере к двум группам, неодинаковым по происхождению. Смешанные рецепты с дресвой и шамотом при наличии «чистых» демонстрируют при этом процесс культурного смешения, проходивший в пределах данного поселения. Сделан вывод, что в материалах стоянки Гренада, в том числе и в особенностях гончарных традиций, отражается сложность культурно-исторических процессов, проходивших на территории Центрального Казахстана в конце энеолита – начале ранней бронзы.

Ключевые слова: стоянка; энеолит; ранняя бронза; технико-технологический анализ керамики; исходное сырье; формовочные массы; конструирование; полое тело; начин; обжиг; керамическое производство; гончарные традиции; культурно-исторические процессы; Центральный Казахстан.

Археологические памятники Центрального Казахстана исследованы крайне неравномерно. Наиболее изучены те из них, которые относятся ко времени средней и поздней бронзы, раннему железному веку и средневековью. Что касается неолитических стоянок и местонахождений, то они известны в основном благодаря немногочисленным трудам М.Н. Клапчука [1–3], работавшего в 60-е годы прошлого века, Л.А. Чалой [4], а также А.Ю. Чиндина [5–10], последние статьи которого вышли в конце 80-х – начале 90-х годов того же столетия.

Еще меньше «повезло» памятникам энеолита и ранней бронзы. Может показаться даже, что территория Центрального Казахстана, в отличие, скажем от Северного, была в эти периоды никем не заселена. Это, конечно, не так, о чем свидетельствуют хотя бы курган Карагаш ямно-афанасьевского времени [11], а также такие факты как случайная находка каменного утюжка близ Караганды (не опубликовано).

В настоящей статье хотелось бы добавить к ряду таких свидетельств стоянку Гренада, раскопанную отрядом археологической экспедиции Карагандинского государственного университета в 1989 г. [12].

Памятник находится в центре горного урочища Бектауата, в 65 км к северо-северо-западу от г. Балхаш (Карагандинская обл., Казахстан), на правом берегу ручья. В юго-восточной части стоянки был заложен раскоп площадью 320 кв. м, в котором были найдены кости животных, каменные изделия, фрагменты керамики. В числе каменных находок – отщепы, скребки, пластины, различные обломки – всего около 600 экземпляров. Часть из них была изготовлена из кварца и горного хрусталя, месторождения которых имеются в урочище.

Подробно каменный инвентарь будет описан и систематизирован в следующей публикации. Здесь же остановимся на особенностях изготовления керамики, найденной на стоянке. Технико-технологический

анализ керамики проводился по методике А.А. Бобринского [13; 14].

Коллекция керамики поселения Гренада представлена мелкими обломками от 17 сосудов, 10 из которых удалось графически реконструировать.

От двух сосудов (рис. 2, 3, 7) осталось только по одному незначительному фрагменту, по остальным 15 экземплярам были изучены исходное сырье, формовочные массы и конструирование полого тела, по четырем (рис. 1, 3; рис. 2, 2, 4, 12) – еще и конструирование начинов.

Исходное сырье. Выделено 3 вида:

- 1) среднежелезненная глина – 6 экз.;
- 2) сильножелезненная глина – 8 экз.;
- 3) смесь влажной нежелезненной глины со слабожелезненной сухой глиной – 1 экз.

Все глины относятся к пластичным, кроме образца из смеси двух глин, одна из которых была среднепластичной. По качественному составу естественных примесей в среднежелезненных глинах выделяется один образец с наличием слюды (рис. 2, 2), в сильножелезненных – один образец с мелким оолитовым бурым железняком (рис. 2, 8) и один образец с мелким оолитовым бурым железняком и оолитовым известняком средней размерности (рис. 2, 11).

Формовочные массы. Выделено 6 рецептов:

- 1) глина + шамот + органический раствор – 1 экз. (рис. 2, 1);
- 2) глина + песок + органический раствор – 3 экз. (рис. 1, 1; рис. 2, 8, 10);
- 3) глина + песок + навоз – 3 экз. (рис. 1, 5; рис. 2, 2, 6);
- 4) глина + дресва + органический раствор – 3 экз. (рис. 1, 2, 3; рис. 2, 5);
- 5) глина + дресва + шамот + органический раствор – 2 экз. (рис. 1, 4; рис. 2, 11);
- 6) глина + дресва + шамот + навоз – 2 экз. (рис. 2, 9, 12).

Рисунок 1 – Стоянка Гренада. Керамика

В формовочной массе сосуда, который был изготовлен из смеси нежелезистой глины со слабожелезистой (рис. 2, 4), не отмечено каких-либо искусственных добавок.

Песок добавлялся в концентрации 1:4, в основном средней (4 экз.), а также крупной (2 экз.) размерности. При подсчете размерности и концентрации дресвы и шамота учитывались как «чистые», так и смешанные рецепты. Дресва предпочиталась средней размерности, в концентрации 1:5 (5 экз.). Наряду с этим в одном образце (рис. 2, 11) в той же концентрации отмечена мелкая дресва, в другом (рис. 1, 2) – средняя дресва была добавлена в концентрации 1:3. Концентрация шамота, мелкой, средней и крупной (один образец – рис. 1, 4) размерности – только 1:5.

Ожелезненность шамота аналогична ожелезненности исходного сырья, в которое он добавлялся, за исключением одного случая (среднежелезистый шамот в сильножелезистом исходном сырье – рис. 2, 1).

Полое тело сосудов конструировалось лоскутно-комковатым способом, кроме одного, выдавленного из комка глины (рис. 2, 4).

Конструирование начина определено только по четырем сосудам, у которых сохранились придонные части. Выделено две программы конструирования – донно-емкостная (2 сосуда – рис. 1, 3; рис. 2, 4) и емкостная (2 сосуда – рис. 2, 2, 12). Сосуды с донно-емкостными начинами имели первоначально округлое дно, которое было затем слегка придавлено о твердую поверхность.

Рисунок 2 – Стоянка Гренада. Керамика

Темные (черные, серые и коричневые) цвета поверхностей фрагментов и многослойность окраски их изломов указывают на кратковременный низкотемпературный обжиг в восстановительной атмосфере.

Разнообразие гончарных традиций, отмеченное по всем ступеням керамического производства, говорит о неоднородном составе населения, оставившего памятник. Сосуды относились по меньшей мере к двум

группам, неодинаковым по происхождению, о чем можно судить по наличию двух программ конструирования начинов. Различия в особенностях исходного сырья (ожелезненность, естественные примеси), минеральных и органических добавок (размерность, концентрация) и многочисленность рецептов формовочных масс являются свидетельством того, что сосуды производились несколькими гончарами со сво-

ими определенными навыками. Смешанные рецепты с дресвой и шамотом при наличии «чистых» демонстрируют при этом процесс культурного смешения, проходивший в пределах данного поселения.

Автор раскопок стоянки, А.Ю. Чиндин, в своей кандидатской диссертации указал на сходство ее каменного инвентаря с терсекскими, ботайскими и суртандинскими индустриями [15, с. 17], в то время как керамика близка раннебронзовой [там же], а один из сосудов (рис. 1, 5) имеет сходство с сосудом третьей группы могильника Ростовка [16, рис. 84, 4]. Отметим архаичность облика каменных орудий стоянки [15, с. 18], А.Ю. Чиндин датировал ее всё же эпохой ранней бронзы [15, с. 20]. Однако, не исключено, что этот памятник относится к переходному времени.

Как бы то ни было, несомненно, что в материалах стоянки Гренада, в том числе и в особенностях гончарных традиций, отражается сложность культурно-исторических процессов, проходивших на территории Центрального Казахстана в конце энеолита – начале ранней бронзы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Клапчук М.Н. Археологические находки в Карагандинской области в 1962 году // Советская археология. 1965. № 3. С. 212–217.
2. Клапчук М.Н. Неолитические стоянки Караганда 15 и Зеленая Балка 4 // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. 1969. № 36. С. 108–118.
3. Клапчук М.Н. Стоянка Караганда 15 // Советская археология. 1970. № 4. С. 153–160.
4. Чалая Л.А. Неолит Северо-Восточного и Центрального Казахстана: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1971. 24 с.
5. Чиндин А.Ю. Добронзовый комплекс поселения Акимбек // Молодые ученые – развитию научно-технического прогресса. Караганда: Изд-во КарГУ, 1987. С. 21–22.
6. Чиндин А.Ю. Новая стоянка каменного века на территории Карагандинской области // Проблемы археологии степной Евразии. Ч. 1. Кемерово: Изд-во КемГУ, 1987. С. 145–146.

7. Чиндин А.Ю. Стоянки каменного века Кентского ущелья // Молодые ученые – науке Центрального Казахстана. Караганда: Изд-во КарГУ, 1988. С. 15–16.

8. Чиндин А.Ю. Относительная хронология кремневого инвентаря поселения Акимбек // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. Караганда: Изд-во КарГУ, 1989. С. 12–19.

9. Чиндин А.Ю. Археологические исследования на территории Карагандинской и Джезказганской областей // Маргулановские чтения. Алма-Ата, 1989. С. 234–236.

10. Чиндин А.Ю. Новые данные по мезолиту Центрального Казахстана // Маргулановские чтения. Петропавловск, 1992. С. 32–35.

11. Евдокимов В.В., Ломан В.Г. Раскопки ямного кургана в Карагандинской области // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. Караганда: Изд-во КарГУ, 1989. С. 34–46.

12. Чиндин А.Ю., Новоженев В.А., Мазниченко А.П. Полевые исследования на территории Джезказганской области летом 1989 года (отчет). Т. 2. Караганда, 1989. 31 с.

13. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Изд-во «Наука», 1978. 272 с.

14. Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография). Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. С. 5–109.

15. Чиндин А.Ю. Каменные индустрии племен Центрального Казахстана эпохи мезолита–энеолита (на основе типологии, трасологии, эксперимента): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб: ИИМК РАН, 1992. 21 с.

16. Матющенко В.И., Сеницына Г.В. Могильник у деревни Ростовка близ Омска. Томск: Изд-во ТомГУ, 1988. 136 с.

THE RESULTS OF THE TECHNICAL-TECHNOLOGICAL ANALYSIS OF GRENADA CAMP CERAMICS (CENTRAL KAZAKHSTAN)

© 2016

V.G. Loman, candidate of historical sciences, director of the Saryarka Archaeological Institute
Buketov Karaganda State University, Karaganda (Kazakhstan)

Abstract. One of the problems in archaeology of Kazakhstan is the uneven study of the sites belonging to different epochs. For example, in Central Kazakhstan there is a clear bias towards the study of antiquities of the middle and late Bronze Ages, Early Iron Age and Middle Ages. The study of the Stone Age stopped since the 90-es of XX century, the Early Bronze Age is practically not investigated. This article publishes the results of technical-technological analysis of the ceramics of the Grenada camp (Karaganda, Kazakhstan) dated from the late Chalcolithic to the beginning of the Early Bronze Age. Author studied raw materials (three kinds), the clay paste composition (six recipes), the features of the design of the beginning (two programs) and the hollow body. The diversity of pottery traditions, marked for all levels of ceramic production, speaks of the heterogeneous composition of the camp population. The vessels belonged at least to two groups of different origin. Mixed recipes with gruss and grog in the presence of «pure» demonstrate this process of cultural mixing that took place within the camp. The conclusion is made that the materials of the Grenada camp, including the features of pottery traditions, reflect the complexity of the cultural-historical processes that have taken place in the territory of the Central Kazakhstan in the end of Chalcolithic – in the beginning of Early Bronze Age.

Keywords: a camp; Chalcolithic; Early Bronze Age; technical-technological analysis of pottery; a feedstock; a clay paste; a construction; a hollow body; a beginning; the burning; ceramic production; pottery tradition; cultural and historical processes; Central Kazakhstan.

**ВКЛАД Б.Ф. ЖЕЛЕЗЧИКОВА
В ИЗУЧЕНИЕ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ**

© 2016

М.Н. Дуйсенгали, аспирант кафедры истории России
Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург (Россия)

Аннотация. Данная статья посвящена анализу научного наследия ученого-сарматолога Бориса Федоровича Железчикова. В ней рассматривается его вклад в изучение ранних кочевников Южного Приуралья. В работе поставлена цель обобщить теоретические разработки известного исследователя Волго-Уральского региона. Научные интересы Б.Ф. Железчикова были связаны с вопросами генезиса савроматской и раннесарматской культур, особенностями хозяйственной деятельности и общественно-религиозных воззрений кочевников. Он детально разрабатывал проблемы происхождения, хронологию и процессы формирования культуры кочевников раннего железного века Южного Приуралья. Многие высказанные им положения, идеи и гипотезы не потеряли своей актуальности и по сей день. Хронологические коррективы, вносимые Б.Ф. Железчиковым в реконструкцию историко-культурной ситуации в регионе, получили свое развитие в работах его учеников и последователей. Автором кратко описывается полевая деятельность исследователя в 70-х гг. XX столетия. В этот период, он совместно с археологами Г.А. Кушаевым, М.Г. Мошковой и В.А. Кригером проводил интенсивные археологические раскопки на ранее малоизученных территориях Западного Казахстана. В результате многолетних полевых работ в разы увеличился диапазон исследованных памятников, достоянием науки стали новые уникальные комплексы. Пополнилась источниковедческая база для дальнейших обобщающих работ.

Ключевые слова: Ранний железный век; Южное Приуралье; левобережье Урала; археологические памятники; могильный комплекс Лебедевка; Б.Ф. Железчиков; савроматское время; прохоровская культура; миграционная теория; хронология; статистические методы катакомбные погребения; дромосные могилы.

В 2016 г. исполнилось бы 70 лет со дня рождения замечательного ученого, сарматолога Бориса Федоровича Железчикова. Сейчас мы видим, что в значительном количестве опубликованных им работ подняты многие проблемы сарматской археологии, которые получили дальнейшее развитие в разработках современных исследователей [1; 2; 3;].

Его коллеги и ученики уже писали о многогранном организаторском таланте, администраторских способностях и человеческих качествах Б.Ф. Железчикова [4; 5; 6]. Поэтому в данной статье мы перед собой поставили задачу: провести научный анализ творчества ученого.

Б.Ф. Железчиков родился в городе Чудово Новгородской области 20 октября 1946 г. в семье служащих. Школьные годы прошли на Урале, в Пермской области. После прохождения срочной службы в рядах Советской Армии в 1967 г. поступает в Уральский педагогический институт им. А.С. Пушкина (ныне Западно-Казахстанский государственный университет им. М. Утемисова в г. Уральск) на историческое отделение историко-филологического факультета [7, с. 157].

Период 50–80-х гг. XX столетия отмечается активизацией археологических исследований. Обширные раскопочные работы по территории бывшего СССР были связаны работами экспедиций областных педагогических институтов. Не стал исключением в этом плане и Западно-Казахстанский регион. Первые работы экспедиции Уральского педагогического института под руководством Г.И. Багрикова дали интересные результаты [8], которые в дальнейшем позволили обратить внимание исследователей на один из малоисследованных районов Южного Приуралья.

В 1968 г., с переездом в г. Уральск Г.А. Кушаева на территории Уральской области (ныне Западно-Казахстанская область Республики Казахстан) начинается новый этап археологических исследований с

организации практики студентов-историков, в которой ежегодное участие принимает Б.Ф. Железчиков [9, с. 12]. Кроме накопления полевого опыта, Борис Федорович проявляет свои научные способности, регулярно участвуя в Урало-Поволжских археологических студенческих конференциях [5, с. 4].

В биографии студента Б. Железчикова нужно особо отметить 1969 г., это начало археологических работ экспедиции Уральского педагогического института им. А.С. Пушкина, где принимает участие отряд Института археологии АН СССР под руководством М.Г. Мошковой, который проводил исследования памятников у оз. Челкар и на могильниках Лебедевка I и II. Знакомство с М.Г. Мошковой явилось важным событием в жизни Б.Ф. Железчикова, став началом его становления как ученого-сарматолога, а собственно, Лебедевские курганы упомянутые в двадцатитомнике «Археология СССР» [10, с. 171], на сегодняшний день являются хрестоматийными. Изучению этого интересного памятника, повлиявшего на формирование его взглядов и убеждения, он посвятил пять полевых сезонов подряд, с 1977 по 1981 гг.

Таким образом, с этого времени начинаются планомерные исследования археологических памятников на территории Уральского право- и левобережья. Создание археологической экспедиции Г.А. Кушаевым и Б.Ф. Железчиковым и дальнейшая организация исследований памятников на систематической основе положительно сказались на развитии вузовской археологии региона.

В последующие годы раскопочные работы и разведки памятников по территории Западно-Казахстанской области с конца 60-х по середину 80-х проводила совместная экспедиция Уральского педагогического института, Областного историко-краеведческого музея и Института археологии АН СССР. Благодаря объединению усилий Г.А. Кушаева, М.Г. Мошковой, Б.Ф. Железчикова были достигнуты значительные

успехи, связанные, во-первых, со сплошным обследованием значительных площадей области, и во-вторых, с раскопками таких «эталонных» на сегодняшний день памятников, как погребения из комплекса могильников Лебедевка, курганных групп в окрестностях озера Челкар, бассейнов Большого и Малого Узеней и др. [9].

До 1976 г. работами экспедиции Уральского педагогического института им. А.С. Пушкина исследовано значительное количество разновременных памятников от эпохи бронзы до средневековья, среди них – Барбастау I–V, Алебастрово I–II, Кисык-Камыс, Мокринский I–II, Карасу I, Донгелек I и др [11; 12].

В 1976 г. создается самостоятельный второй отряд, под руководством Б.Ф. Железчикова и В.А. Кригера, который начинает целенаправленные работы по левобережному Уралу. Всего этой экспедицией были исследованы более двух десятков археологических объектов. К ним относятся такие памятники как могильники у с. Лебедевка, Кос-Оба, Свистун-Гора, Вишневая Балка, Кушум, Тау, Алебастрово II, Жарсуат I–II и др. [13; 14; 15]. Материалы этих памятников в сжатом виде, был опубликованы в специальной монографии автора «Археологические памятники Уральской области», вышедшей в 1998 г. в г. Волгоград [16].

В 1977–1981 гг. продолжились целенаправленные исследования одного из крупных памятников Западного Казахстана – могильного комплекса у с. Лебедевка, расположенного на плато Есен-Амантау, недалеко от границы Актюбинской и Западно-Казахстанской областей Республики Казахстан. Всего за этот период на памятнике было изучено около 160 курганов [17; 18; 15]. Все материалы, касающиеся памятников раннего железного века, кроме кургана 25 могильника Лебедевка VI, который проанализирован автором в статье «Погребения IV в. до н.э из Южного Приуралья и вопрос о времени появления дромосных могил» [19], опубликованы в монографии «Древности Лебедевки (VI–II вв. до н.э.)» начатого Б.Ф. Железчиковым и законченного его коллегами В.М. Клепиковым и И.В. Сергацковым [20].

Таким образом, исследования в 70-х гг. XX века на территории Уральского право- и левобережья, особенно Г.А. Кушаева, М.Г. Мошковой, Б.Ф. Железчикова, и В.А. Кригера благоприятно сказались на формировании региональной школы и становлении молодых ученых-археологов. В этом неопределима роль Б.Ф. Железчикова, как одного из организаторов в стенах Уральского педагогического института им. А.С. Пушкина ежегодных археологических экспедиции. Кроме того, совместные работы вышеуказанных ученых поставила местную археологию на новый уровень, разведками были пройдены огромные территории и учтены более тысячи археологических памятников разных периодов. Достоянием науки стали материалы из сотни раскопанных курганов савромато-сарматского времени Южного Приуралья, пополнившие источниковую базу для дальнейших обобщающих работ.

По данным Г.А. Кушаева, за двадцатилетний (1968–1988 гг.) период полевых исследований совместной экспедицией Института археологии АН СССР, Уральского педагогического института и Уральского краеведческого музея были исследованы 470 курганов

из малоисследованных до этого времени территорий бассейна нижнего течения реки Урал [9, с. 12–18].

На основании новых материалов исследованных в 60–70 гг. XX века Б.Ф. Железчиков в 1980 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Ранние кочевники Южного Приуралья» [21], а в 1997 году докторскую по теме «Ранние кочевники Южного Приуралья и Нижнего Поволжья в VI–II вв. до н.э.» [22].

К началу 1980-х гг. Б.Ф. Железчиков в ряде своих статей одним из первых выступил с идеями «экологических импульсов» [23; 24]. По мнению С.Ю. Гуцалова, «отличительной чертой работ Б.Ф. Железчикова является его обращение к проблеме влияния природно-климатических факторов на процессы культурогенеза» [1, с. 15].

В статье «Вероятная численность савромато-сарматов Южного Приуралья и Заволжья в VI в. до н.э. – I в. н.э. по демографическим и экологическим данным», Б.Ф. Железчиков, считая, что данные письменных источников касательно численности кочевых племен во многом преувеличены, попытался определить вероятную численность кочевого населения рассматриваемого региона на основе демографической формулы С.С. Сорокина. Внеся некоторые свои коррективы, он получил в своих расчетах 20 тыс. населения, проживавшего в Южном Приуралье [24, с. 65].

Выводы Б.Ф. Железчикова в свое время подверг критике В.В. Халдеев, разглядев математическую ошибку в пересчете площади в квадратных километрах на гектары [25, с. 230–231].

Позже к проблеме определения численности сарматского населения в Нижнем Поволжье обратился А.С. Скрипкин. Он отметил множество допущений в методике Б.Ф. Железчикова и значительное расхождение в конечных числах вышеуказанных авторов, а также предложил получение реальных сведений из этнографических параллелей [26, с. 20–23].

В одной из первых работ посвященной катакомбным захоронениям могильника Новопавловка (Западно-Казахстанская область), Б.Ф. Железчиков затрагивал вопросы единства и различия сарматских памятников Нижнего Поволжья и Южного Приуралья. Опираясь новыми материалами из Новопавловских катакомб, автор приходит к выводу о большем сходстве, чем различии памятников двух регионов [27, с. 223]. Рассматривая вопросы происхождения катакомбных захоронений в степях между Волгой и Илеком, в качестве одного из регионов-доноров предполагал Среднюю Азию, а первоначальное распространение данных типов могил связывал с Южным Приуральем, откуда чуть позже носители данной культурной традиции передвинулись в Нижнее Поволжье [27, с. 224–225].

Весьма интересно и заслуживает внимания мнение Бориса Федоровича касательно происхождения и времени появления дромосных могил Южного Приуралья. Он отмечал, что «данный обряд возникает в разных частях Южного Приуралья почти одновременно». По его мнению, «...подобные погребальные комплексы с последовательными захоронениями следует связывать с миграцией в степи Южного Приуралья нового культурного этноса, который появляется к концу савроматского этапа и приводит в итоге к сложению прохоровской культуры» [22, с. 92]. Рас-

смотря функциональное назначение и религиозно-обрядовую нагрузку на катакомбные и дромосные могилы, объединение их в одну категорию он ставил под сомнение, считая последних семейными усыпальницами, где в несколько актов хоронили близких родственников. Более ранними носителями подобной традиции, по его мнению, могли выступать саки Приаралья. В последующем развитии данного обряда исследователь видел появление курганов с центрально-круговой планировкой погребений, также связанного с идеей расположения близких людей под одной насыпью [22, с. 92].

В других своих трудах Б.Ф. Железчиков детально разрабатывал формирование и хронологию развития культуры ранних кочевников Южного Приуралья. Ученый применив статистические методы при обработке данных погребального обряда кочевников раннего железного века, изначально, анализируя памятники по трем хронологическим этапам: савроматский VI–V вв. до н.э., раннесарматский IV–II вв. до н.э. и среднесарматский I в. до н.э. – I в. н.э., придерживался устоявшейся на тот момент классической хронологической шкалы. Однако, отмечал изменения в важной составляющей погребального обряда в курганах Илекской группы и Уральского левобережья, где с V в. до н.э. начинает появляться южная ориентировка. Затрудняясь объяснить причины появления данного обряда, выдвинул двойное предположение, о влиянии населения сопредельных регионов, в частности саков Приаралья или же с изменениями религиозных воззрений, произошедших в среде кочевников Южного Приуралья [21, с. 4–5].

Таким образом, выделяя появление некоторых признаков погребального обряда раннесарматского (прохоровского) времени с V в. до н.э., Б.Ф. Железчиков все же формирование всего комплекса отводил к IV в. до н.э., при этом отмечал концентрацию самых ранних погребений в восточных районах региона, откуда прохоровская культура в IV–III вв. до н.э. распространяется по всей территории Южного Приуралья и далее на запад в Нижнее Поволжье [21, с. 6]. Он выявил тенденции уменьшения погребальных комплексов Южного Приуралья и увеличения их на территории Башкирии и Нижнего Поволжья, начиная с III в. до н.э. и связывал это с «оттоком населения из Приуралья к западу, югу и северу от старых традиционных центров», объясняя данный процесс экологической обстановкой в регионе [21, с. 7].

Опираясь на новые материалы, полученные в ходе раскопок в 70-х годах XX века, главным образом на дружинные курганы «савроматского» времени Илекской и Орской групп, Б.Ф. Железчиков, поддерживал концепцию А.И. Тереножкина о приходе скифской материальной культуры Северного Причерноморья в «готовом» виде. Он также считал, что данное положение относится и к кочевникам Южного Приуралья. Отмечая ничтожно малое количество «переходных погребений» Южного Приуралья, высказалась против предложенной К.Ф. Смирновым автохтонной теории происхождения савроматов, считая неубедительными доказательства генетической связи скифов и савроматов с племенами эпохи поздней бронзы. Полагал, что датировка К.Ф. Смирновым данных погребений необоснованно удревлена почти на 100 лет [22, с. 11–12].

Таким образом, по его мнению, «появление «в готовом виде» почти всех степных культур раннего железного века следует относить к концу VII – нач. VI вв. до н.э. и не в коей мере не к рубежу VIII–VII вв. до н.э.», который являлся временем распространения погребений «переходного типа». Б.Ф. Железчиковым было предложено свое видение формирования культуры ранних кочевников «савроматского» времени Южного Приуралья и Нижнего Поволжья в следующей последовательности: в VI в. до н.э. появляются первые памятники в восточных районах Южного Приуралья, после, к концу VI–V вв. до н.э. происходит их распространение по всему региону и далее на запад к левобережью Волги. Регионом-донором, откуда шел импульс, он считал Приаралье и Сарыкамьшскую впадину [28, с. 16].

Другой, не менее важной проблемой, над которой работал Борис Федорович были вопросы происхождения раннесарматской (прохоровской) культуры. Здесь надо заметить, что он был одним из первых, кто обозначил контуры концепции существования одной прохоровской культуры [29, с. 266]. Совместно с А.Х. Пшеничником в тезисах доклада под симптоматичным названием «Племена Южного Приуралья в VI–III вв. до н.э.», прочитанного на международной конференции, посвященной актуальным проблемам истории сарматов, проходившей в 1994 г. в Волгограде, относительно формирования и развития культуры ранних кочевников Южного Приуралья изложил несколько основных гипотез. По мнению Б.Ф. Железчикова и А.Х. Пшеничникова археологическая культура ранних кочевников Южного Приуралья появляется в «готовом сложившемся виде» не ранее второй половины VI в. до н.э., может быть, рубежа VI–V вв. до н.э. На протяжении всего V в. до н.э. шло развитие новой культуры, увеличение количества населения, занятие всего пространства Южного Приуралья. В V в. до н.э. происходит трансформация культуры, в относительно богатых захоронениях появляются признаки раннесарматской (прохоровской) культуры. На рубеже IV–III вв. до н.э. в Южном Приуралье не появляется новая культура, а идет распространение новых приобретенных черт на всей территории. Таким образом, ученые выступили за объединение савроматской и раннесарматской культур в одну, определяя ее хронологические рамки концом VI–III вв. до н.э. [30, с. 5–8; 31, с. 128]. В дальнейшем эта идея одной культуры была поддержана в ряде работ А.Д. Таирова и С.Ю. Гуцалова [2; 3; 1].

К началу 80-х годов прошлого века, не смотря на более полувековую историю изучения культуры кочевников савромато-сарматского круга, вновь была поднята остродискуссионная проблема, связанная с вопросом «...существования в Нижнем Поволжье и Южном Приуралье единой савроматской археологической культуры с двумя локальными вариантами, соответствующими этим географическим зонам или же наличие двух археологических культур» [32, с. 9].

Рассматривая данный вопрос в своей кандидатской диссертации, Б.Ф. Железчиков первоначально допускал наличие близости двух регионов в погребальном обряде и материальной культуре [21]. В дальнейшем он пришел к выводу о двух разных традициях в погребальном обряде у населения Нижнего

Поволжья и Южного Приуралья и поддержал гипотезу М.А. Очир-Горяевой о существовании в VI–IV вв. до н.э. двух самостоятельных археологических культур [33, с. 56].

Б.Ф. Железчиков большинство признаков погребального обряда ранних кочевников считал всеобщими для Южного Приуралья. Однако по некоторым их различиям выделял две группы: восточную – памятники Восточного Оренбуржья, Илекской группы, северо-восточной Башкирии, могильный комплекс Лебедевка и западную – памятники Уральского левобережья, южной и западной Башкирии и бассейнов рек Самары и Чагана. Относительно памятников Уральского правобережья он писал: «по всей вероятности, в VI–V вв до н.э. население данной территории по особенностям материальной культуры стояло ближе к «савроматам» Нижнего Поволжья, чем племенам Южного Приуралья» [21, с. 12]. Ситуация постепенно начинает меняться в IV–III вв. до н.э. В этот период еще сохраняется разделение памятников на две группы, но в отличие от VI–V вв до н.э., памятники Уральского правобережья включаются в южноуральский культурный регион. По мнению исследователя, «...статистический анализ позволил проследить и подтвердить продвижение новой культуры из восточной группы в западную в середине и конце IV в. до н.э.» [21, с. 13].

Накопление огромного количества археологического материала, в последней четверти XX века активизировало использование статистико-комбинаторных методов для обработки погребальных памятников. Б.Ф. Железчиков в составе российско-итальянской исследовательской группы, принимает активное участие в создании электронной базы данных по культуре ранних кочевников Нижнего Поволжья и Южного Приуралья. Результатом данного труда стало выпуск двух изданий, посвященных савроматской эпохе и раннесарматской культуре [34; 35].

Подводя итоги всего сделанного Б.Ф. Железчиковым можно выделить следующие моменты: в первую очередь, он был исследователем-полевиком и ввел в научный оборот большое количество памятников из малоизвестных районов Южного Приуралья. Стоял у истоков региональной археологической школы, в котором выросли такие исследователи, как С.Ю. Гуцалов, С.Н. Заседателева и др. Борис Федорович был создателем концепции «теории экологических импульсов», сторонником географической и экологической детерминанты, развивал миграционную теорию происхождения ранних кочевников Южного Приуралья. Многие высказанные им положения, идеи и гипотезы актуальны по сей день и требуют дальнейшей разработки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Гуцалов С.Ю. Древние кочевники Южного Приуралья VII–I вв. до н.э. Уральск, 2004. 136 с.
2. Таиров А.Д. Генезис раннесарматской культуры // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 1998. С. 87–96.
3. Таиров А.Д. О трансформации культуры кочевников Южного Урала // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2009. Вып.10. С. 137–148.
4. Скрипкин А.С. О Борисе Федоровиче Железникове // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Сб. научных статей. Волгоград: Издательство Волгоградского университета, 2001. Вып. 1. С. 6–9.
5. Смирнова Н.А., Гуцалов С.Ю. Борис Федорович Железчиков (20 октября 1946 г. – 12 мая 2000 г.) // Вопросы археологии Западного Казахстана. Сборник научных трудов. Актобе, 2000. Вып. 2. С. 3–4.
6. Дьяченко А. Борис Федорович Железчиков (1946–2000) // Вестник Волгоградского государственного университета, 2010. Юбилейный выпуск. С. 115–117.
7. Скрипкин А.С. Памяти Бориса Федоровича Железчикова (1946–2000) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Философия. 2005. Вып. 5. С. 157–158.
8. Багриков Г.И., Сенигова Т.Н. Открытие гробниц в Западном Казахстане // Известия АН Каз ССР. Серия общественных наук, 1968. № 2. С. 71–90.
9. Кушаев Г.А. Этюды древней истории Степного Приуралья. Уральск, 1993. 172 с.
10. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М.: Наука, 1989. 464 с.
11. Архив Института археологии им. А. Маргулана НАН РК. Оп. 2. Д. 1340. Кушаев Г.А., Железчиков Б.Ф. Раскопки могильников Барбастау в 1973–1974 гг.
12. Архив ИА им. А. Маргулана НАН РК. Оп. 2. Д. 1389. Кушаев Г.А., Железчиков Б.Ф. Работы в Уральской области в 1974 году.
13. Архив ИА им. А. Маргулана НАН РК. Оп. 2. Д. 1534. Железчиков Б.Ф., Кригер В.А. Отчет об археологических работах в Уральской области в 1976 г.
14. Архив ИА им. А. Маргулана НАН РК. Оп. 2. Д. 1602. Железчиков Б.Ф., Кригер В.А. Археологические работы в Уральской области в 1977 году. Отчет.
15. Архив ИА им. А. Маргулана НАН РК. Оп. 2. Д. 1838. Мошкова М.Г., Железчиков Б.Ф., Кригер В.А. Отчет об археологических работах на территории Уральской области в 1980 г.
16. Железчиков Б.Ф. Археологические памятники Уральской области. Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 1998. 136 с.
17. Архив ИА им. А. Маргулана НАН РК. Оп. 2. Д. 1679. Мошкова М.Г., Железчиков Б.Ф., Кригер В.А. Отчет об археологических работах в Уральской области в 1978 г.
18. Архив ИА им. А. Маргулана НАН РК. Оп. 2. Д. 1759, 1760. Железчиков Б.Ф., Кригер В.А. Отчет об археологических работах в Уральской области в 1979 г.
19. Железчиков Б.Ф. Погребения IV в. до н.э. из Южного Приуралья и вопрос о времени появления дромосных могил // Проблемы хронологии сарматской культуры. Саратов: Издательство Саратовского государственного университета, 1992. С. 85–93.
20. Железчиков Б.Ф., Клепиков В.М., Сергацков И.В. Древности Лебедевки (VI–II вв. до н.э.) / отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: Вост. лит., 2006. 159 с.
21. Железчиков Б.Ф. Ранние кочевники Южного Приуралья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1980. 16 с.
22. Железчиков Б.Ф. Ранние кочевники Южного Приуралья и Нижнего Поволжья в VI–II вв. до н.э. Научный доклад, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1997. 56 с.

23. Железчиков Б.Ф. Экология и некоторые вопросы хозяйственной деятельности сарматов Южного Приуралья и Заволжья в VI в. до н.э. – I в. н.э. // История и культура сарматов. Саратов, 1983. С. 48–60.

24. Железчиков Б.Ф. Вероятная численность савромато-сарматов Южного Приуралья и Заволжья в VI в. до н.э. – I в.н.э. по демографическим и экологическим данным // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 65–68.

25. Халдеев В.В. Сколько было сарматов? // Советская археология. 1987. № 3. С. 230–231.

26. Скрипкин А.С. К проблеме определения численности сарматского населения в Нижнем Поволжье // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. 2012. № 1 (21). С. 20–23.

27. Железчиков Б.Ф., Кригер В.А. Катакомбные захоронения Уральской области // Советская археология. 1978. № 4. С. 218–227.

28. Железчиков Б.Ф. Савроматы исторические и археологические // Античная цивилизация и варварский мир: Тезисы IV археологического семинара. Новочеркасск, 1994. С. 15–17.

29. Мышкин В.Н. Периодизация культуры кочевников Южного Урала в I тыс. до н.э. и прохоровская

культура в отечественной историографии // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12. № 6. С. 265–267.

30. Железчиков Б.Ф., Пшеничнюк А.Х. Племена Южного Приуралья в VI–III вв. до н.э. // Проблемы истории и культуры сарматов. Тезисы докладов международной конференции. Волгоград, 1994. С. 5–8.

31. Пшеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М.: Наука, 1983. 200 с.

32. Мошкова М.Г. Предисловие // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Савроматская эпоха М., 1994. Вып. 1. С. 5–10.

33. Железчиков Б.Ф., Барбарунова З.А. Погребальный обряд савроматской культуры как объект комплексного исследования формализовано-статистическими методами // Античная цивилизация и варварский мир: Тезисы докладов V археологического семинара. Ч. II. Новочеркасск, 1993. С. 51–58.

34. Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Савроматская эпоха (VI–IV вв. до н.э.). М., 1994. Вып. 1. 223 с.

35. Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Раннесарматская культура (IV–I вв. до н.э.). М., 1997. Вып. 2. 278 с.

THE CONTRIBUTION OF B.F. ZHELEZCHIKOV TO THE STUDY OF EARLY NOMADS OF THE SOUTHERN URALS

© 2016

M.N. Duisengali, postgraduate student of the Chair of history of Russia
Orenburg State Pedagogical University, Orenburg (Russia)

Abstract. This article is devoted to the heritage analysis of the Boris Fedorovich Zhelezchikov – the sarmatology scientist. It considers its contribution to the study of early nomads of the Southern Urals. The main target of the article is the generalization of theoretical development of famous researcher of Volga-Ural region. The scientific interests of researcher were linked with genesis questions of Savromatian and early Sarmatian cultures, with household activity and social and religious beliefs of nomads. He was elaborating the problem of the origin, of the chronology and the process of creating a culture of nomads of the Early Iron Age of the Southern Urals. Many of the provisions made by him, ideas and hypotheses are not lost its relevance today. Historical adjustments introduced by B. Zhelezchikov in the reconstruction of historical and cultural situation in the region were developed in the works of his students and followers. Article describes field researchers work in 70-ies of Twentieth century. During this period, Zhelezchikov teamed up with archaeologists G.A. Kushaev, M.G. Moshkova and V.A. Krieger conducted extensive archaeological excavations at the previously little-studied areas of Western Kazakhstan. As a result of many years of field work at times was increased the range of the studied monuments, the new unique complexes became the property of the science. The research base of history was refilled for further summarizing works.

Keywords: Early Iron Age; the Southern Urals; the left bank of the Urals; archaeological sites; Lebedyovka burial complex; B.F. Zhelezchikov; the time of Savromatians; Prokhorovskaya culture; migration theory; the chronology; statistical methods; catacomb burial; dromos grave.

УДК 903/904(574.3) «638»

ДРОМОСНЫЕ КУРГАНЫ САКСКОЙ ЭПОХИ НА РЕКЕ ЖАРЛЫ (ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КАЗАХСТАН)

© 2016

А.З. Бейсенов, кандидат исторических наук, заведующий отделом первобытной археологии
Институт археологии имени А.Х. Маргулана, Алма-Ата (Казахстан)

Аннотация. Рассматриваются особенности дромосных курганов раннесакского времени, исследованных автором на могильниках Нуркен-2, Серекты-1, Косопа и др. в Центральном Казахстане. В отличие от материалов ранних исследований, проведенных М.К. Кадырбаевым в 1950–1970-х гг., новые данные убедительно показывают широкое распространение в регионе традиции дромосных могил. На основе археологических и радиоуглеродных данных дромосные курганы относятся к периоду VIII–VI вв. до н.э. Исследования показали, что они связаны в первую очередь с погребениями элиты. Дромосы ориентированы на восток, юго-восток и в отношении размеров, планировки, сечения имеют разные типы. В настоящее время дромосы известны практи-

Самарский научный вестник. 2016. № 3 (16)

чески во всех ареалах казахстанских культур раннесакского облика, чьи памятники раскопаны в Северном, Центральном, Восточном, Юго-Восточном (Жетысу) Казахстане, а также в Восточном Приаралье. Автор предполагает, что для всех раннесакских культур Казахстана дромосные могилы представляют собой общую традицию, распространенную повсеместно в разных регионах. Согласно имеющимся материалам, в раннесакских культурах Казахстана дромосные могилы появляются не позднее VIII–VII вв. до н.э. Чуть позже, начиная с VI в. до н.э., эта традиция появляется и в памятниках савроматских и сарматских племен Западного Казахстана. Для раннесакских культур Казахстана происхождение дромосной традиции связывается с культурой предшествующего времени – периода поздней бронзы.

Ключевые слова: Центральный Казахстана; могильники; дромосные погребения; раннесакский период; радиоуглеродные даты; раскопки; раннесакские культуры Казахстана; традиция; памятники савромато-сарматских племен; эпоха поздней бронзы.

В ходе новейших изысканий древностей сакской эпохи Центрального Казахстана были получены данные из значительного круга разнородных памятников, в числе которых поселения, курганные захоронения, окологурганские жертвенники, каменные изваяния [1]. Здесь рассматриваются одна группа дромосных погребений раннесакского времени, изученных автором в бассейне реки Жарлы в Центральном Казахстане. Административно описываемая местность находится на территории Каркаралинского района Карагандинской области. В районе села Нуркен пять небольших степных рек – Назар, Копа, Тайшык, Коктал и Ежебай – сливаются и образуют одно общее русло под названием Жарлы (каз. – «обрывистая»). Река Жарлы далее следует в меридианальном направлении и через 25 км протекает возле села Токтар,

неподалеку от которого находится могильник Кособа – самый отдаленный объект нашей группы. Остальные 5 местонахождений – Нуркен-2, Серекты-1, Назар-2, курган с «усами» Назар и Бақыбулак – локализируются южнее, с привязкой к вышеозначенному селу Нуркен. В шести пунктах были исследованы всего 8 курганов с дромосными могилами.

Могильник Нуркен-2 находится в 10 км южнее одноименного села (рис. 1). Ядром могильника выступают два сооружения – большие курганы 1 и 2, исследованные в 2001-2002 гг. После первой публикации [2], посвященной могильнику Нуркен-2, были проведены дополнительные исследования особенностей насыпи обоих курганов. Эти работы выполнялись в 2007 (курган 1) и 2008 (курган 2) гг., перед рекультивацией раскопов на обоих курганах.

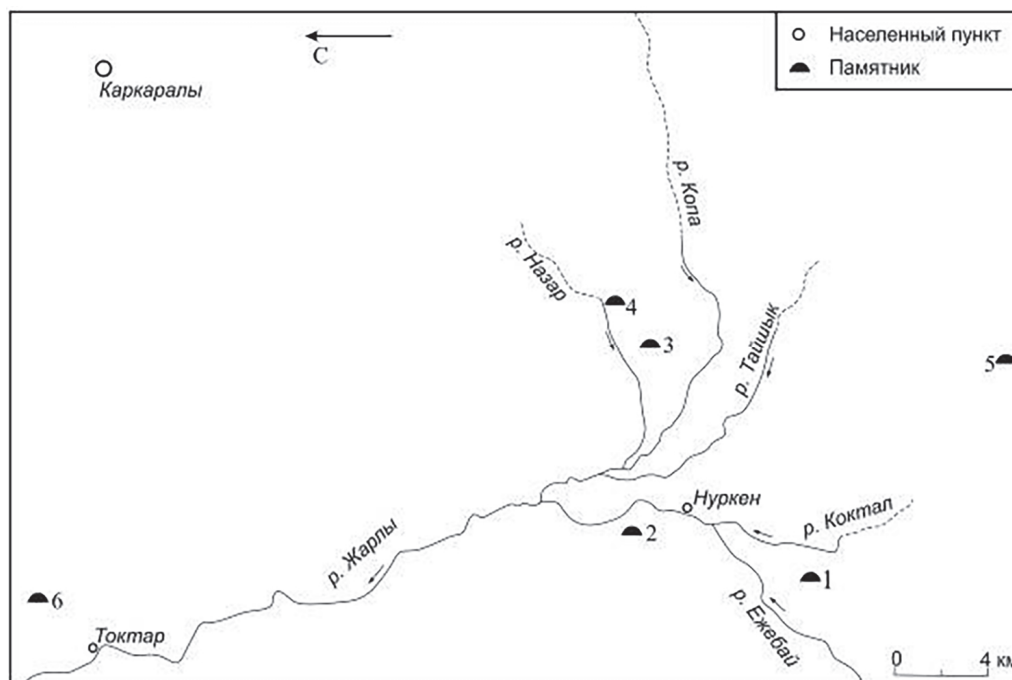

Рисунок 1 – Карта дромосных погребений бассейна реки Жарлы. 1 – могильник Нуркен-2; 2 – могильник Серекты-1; 3 – могильник Назар-2; 4 – курган с «усами» Назар; 5 – могильник Бақыбулак; 6 – могильник Кособа

Два кургана могильника Нуркен-2 являются однокультурными памятниками, имеющими одинаковые черты в устройстве. Расстояние между ними – около 300 м. По всей вероятности, эти памятники возникли в качестве двух одиночных курганов, вокруг которых с течением времени были сооружены новые погребения. Помимо указанных объектов раннесакского периода, в могильнике зафиксированы погребения коргантасского времени, эпохи средневековья, а также два кургана с «усами» и казахские захоронения. Были

раскопаны 16 объектов, один из которых отнесен к казахскому времени, 4 безынвентарных сооружений, не содержащих кости умерших, условно отнесены к типу временных захоронений без точной даты, остальные 11 памятников датируются ранним железным веком и средневековьем. Работы показали, что все древние сооружения значительно разрушены вследствие интенсивной распашки долины под зерновые культуры, предпринятой совхозом «Нуркен» в 1960-1970-х гг.

Насыпи курганов (табл. 1) заключают в себе несколько слоев. Под дерном и слоем из обломков плитняка находится слой из песка, который брали со рва. Ниже идет мощный слой, представленный кладкой из грунтовых блоков [1, рис. 1, 2]. Крепида из крупных и плашмя уложенных камней опоясывает именно эту кладку из глиняных блоков. Внешняя ограда обоих курганов двойная, т.е. представлена двумя рядами вертикальных плит, расстояние между которыми составляет около 1 м. Ниже песка далее в стратиграфии следует каменная часть насыпи. Ее верхний слой представляет из себя бессистемный, почти беспорядочный наброс из средних и крупных обломков плит. Разборка верхних слоев камней показала, что ниже следует основная каменная конструк-

ция. В кургане 1 каменный наброс (каменная насыпь) имел диаметр 13,5 м и высоту 1,6 м, под которым выявлено полусферическое сооружение диаметром 10 и высотой 1,15 м (рис. 2). Расчистка на данном уровне показала наличие узкой кладки длиной около 7 м, в виде шлейфа тянущейся от указанного круглого сооружения в юго-восточном направлении. Округлая каменная конструкция и длинная кладка покрывали погребальную камеру и дромос, ориентированный на юго-восток. Аналогичная картина наблюдалась и в кургане 2. Здесь каменная насыпь диаметром около 30 м заключала в себе конструкцию диаметром 14 м и высотой 2,8 м, от которой на юго-восток шла кладка длиной около 6 м (рис. 3).

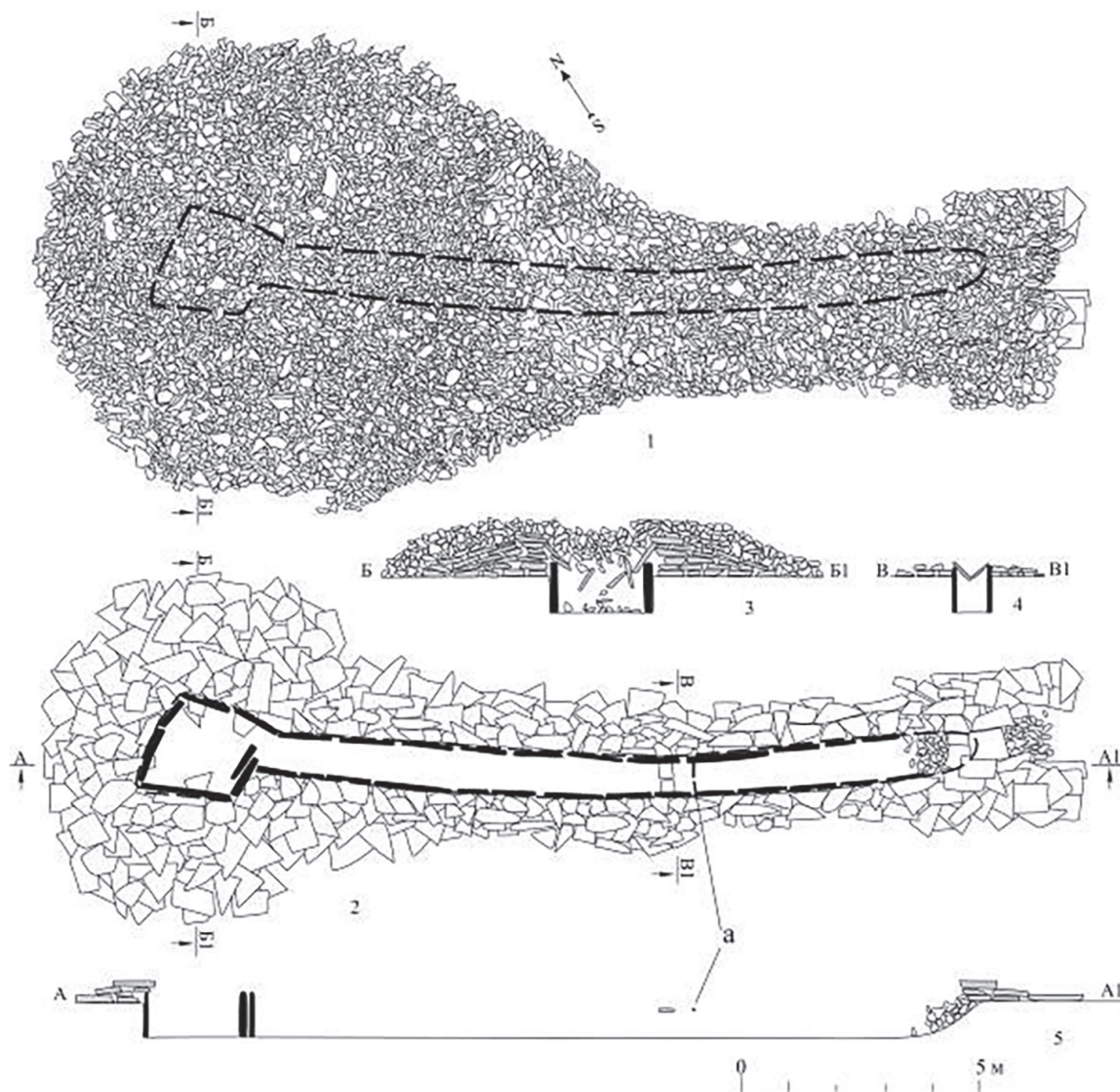

Рисунок 2 – Могильник Нуркен-2, курган 1. Каменная конструкция в основании насыпи. а – дерево

Таблица 1 – Размеры основных конструкций курганов 1 и 2 могильника Нуркен-2, м

№	Насыпь	Крепида	Ограда	Ров	Каменная конструкция в основании насыпи	Могильная яма	Дромос
Курган 1	диаметр 41 высота 4,3	диаметр 38	диаметр 50	диаметр 78 ширина 8 глубина 0,7	диаметр 10 высота 1,15	2×2,2×0,75	15×1×0,7
Курган 2	диаметр 54 высота 6,1	диаметр 52		диаметр 92 ширина 8 глубина 0,6	диаметр 14 высота 2,8	3×2,75×1	11×1×0,7

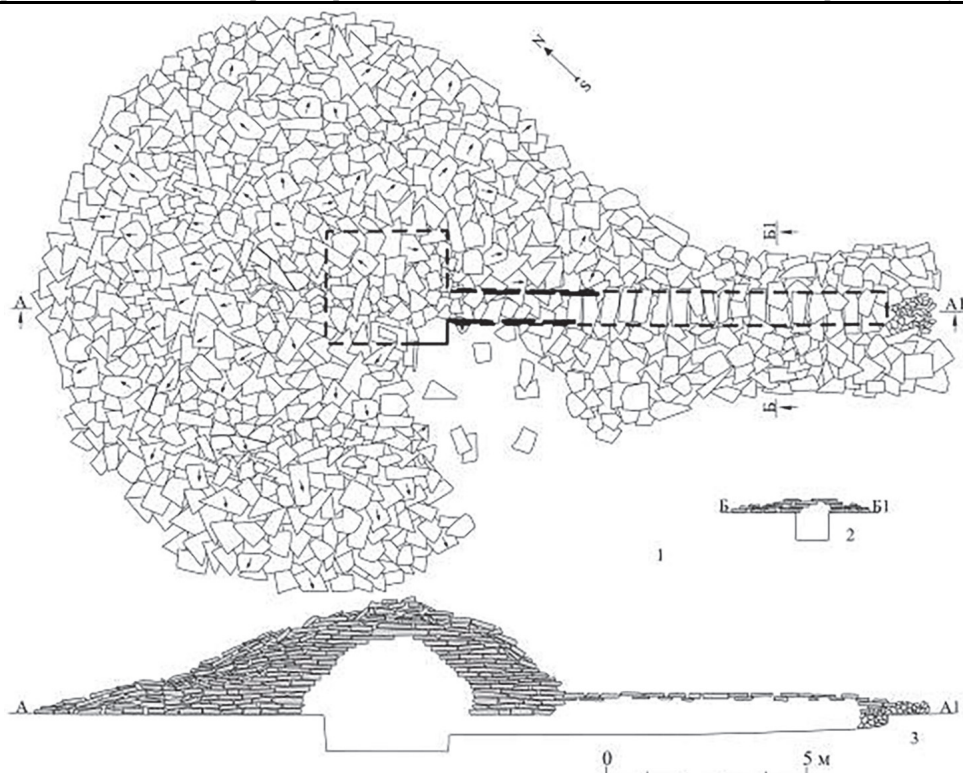

Рисунок 3 – Могильник Нуркен-2, курган 2. Каменная конструкция в основании насыпи

Погребальная камера кургана 1 представлена каменным ящиком подквадратной формы. Несмотря на сильную ограбленность могилы, удалось установить, что она не перекрывалась плитами на уровне верхнего среза ящика. Перекрывалось само каменное сооружение, окружавшее могилу, куполом, поднимающимся методом ложного свода. Также устроена была и каменная конструкция в кургане 2, отличающаяся своими размерами и более тщательным выполнением. Могила в кургане 2, также тщательно ограбленная, представлена грунтовой ямой подквадратной формы. Здесь грабители проникли сбоку, проделав небольшое отверстие в верхней части стены конструкции, с южной ее стороны. Ранее была высказана мысль о наличии еще одного южного помещения [2], через которое проникли грабители в основную конструкцию. Однако, дополнительные исследования 2008 г., в ходе которых была расчищена значительная часть каменной насыпи кургана 2, убедили в том, что такого второго помещения не было. Речь должна идти о грабительском вкопе, осуществленном с южной стороны основной конструкции. Этот момент дает основание полагать о том, что грабители, скорее, знали о конструктивных особенностях кургана. По-видимому, из-за страха разрушить купол полой внутри конструкции и быть погребенными под камнями и землей, грабители проделали достаточно глубокий вертикальный колодец рядом с конструкцией, рассчитав примерное место нахождения южной стены нужного им сооружения. Далее им оставалось пробить стену, возведенную методом ложного свода. В момент раскопок было расчищено округлое отверстие диаметром около 0,7 м в южной стене конструкции, которое находилось выше материка на 1,6 м.

Дромосы вырыты в земле и направлены на юго-восток. В кургане 1 вертикальная плиточная обкладка стен выполнена на всю длину дромоса, в кургане 2

она имеется лишь в начале дромоса – на протяжении 4 м. Дромосы перекрывались на уровне плиточной кладки шириной более 1 м с каждой стороны и высотой 0,6-1 м, осуществленной на протяжении всей их длины. Перекрытие состояло из крупных плит, в местах стыков которых использовались деревянные плахи диаметром 10-12 см. В обоих случаях конец дромоса имеет характерное утолщение каменных стен, которые раздваиваются, принимая вилкообразную форму. В конце дромосы обоих памятников забиты небольшими камнями. На концах дромосов возводилось глиняное сооружение, имеющее вид башенки или купола [2, рис. 5]. В кургане 1 на расстоянии 2 м от края дромоса, у подножия насыпи находился упавший (поваленный) камень (рис. 4, 4) длиной 2,2 м. Неподалеку от камня поднят обломок зернотерки (рис. 4, 1). В кургане 2 в районе завершения дромоса также обнаружен вертикальный камень (рис. 4, 5) длиной 1,03 м, заключенный в слой глиняной кладки. Аналогично кургану 1, неподалеку был найден обломок куранта (рис. 4, 2), который находился на периферии насыпи, выше уровня древнего горизонта на 0,2 м.

В кургане 1 вне погребальной камеры найдены кости от двух человеческих скелетов – нижнего и верхнего. Кости от нижнего скелета найдены в слое грабительского лаза, на расстоянии 0,35–0,5 м южнее погребальной камеры, на уровне на 0,3–0,6 м выше верха каменной конструкции, покрывавшей могилу. Это были неполный череп, кости рук и ног и др. На затылочной кости черепа имеется одно трепанационное отверстие. Кости принадлежали мужчине в возрасте около 35–45 лет [3, с. 62–63, рис. 51]. С этим скелетом могут быть связаны найденные неподалеку фрагменты от двух сосудов (рис. 4, 6, 7). Кости от верхнего скелета найдены вверху насыпи, под дерном и камнями, на глубине 0,3–0,4 м. Анатомический по-

рядок нарушен вследствие смещения грунта, но, вероятно, первоначально костяк был ориентирован головой на восток. Судя, по данному обстоятельству, а также наличию среди костей человека одной барань-

ей лопатки, можно сделать предположение о коргантасской принадлежности данного скелета. Таким образом, это впускное погребение с гипотетической датой IV–II вв. до н.э.

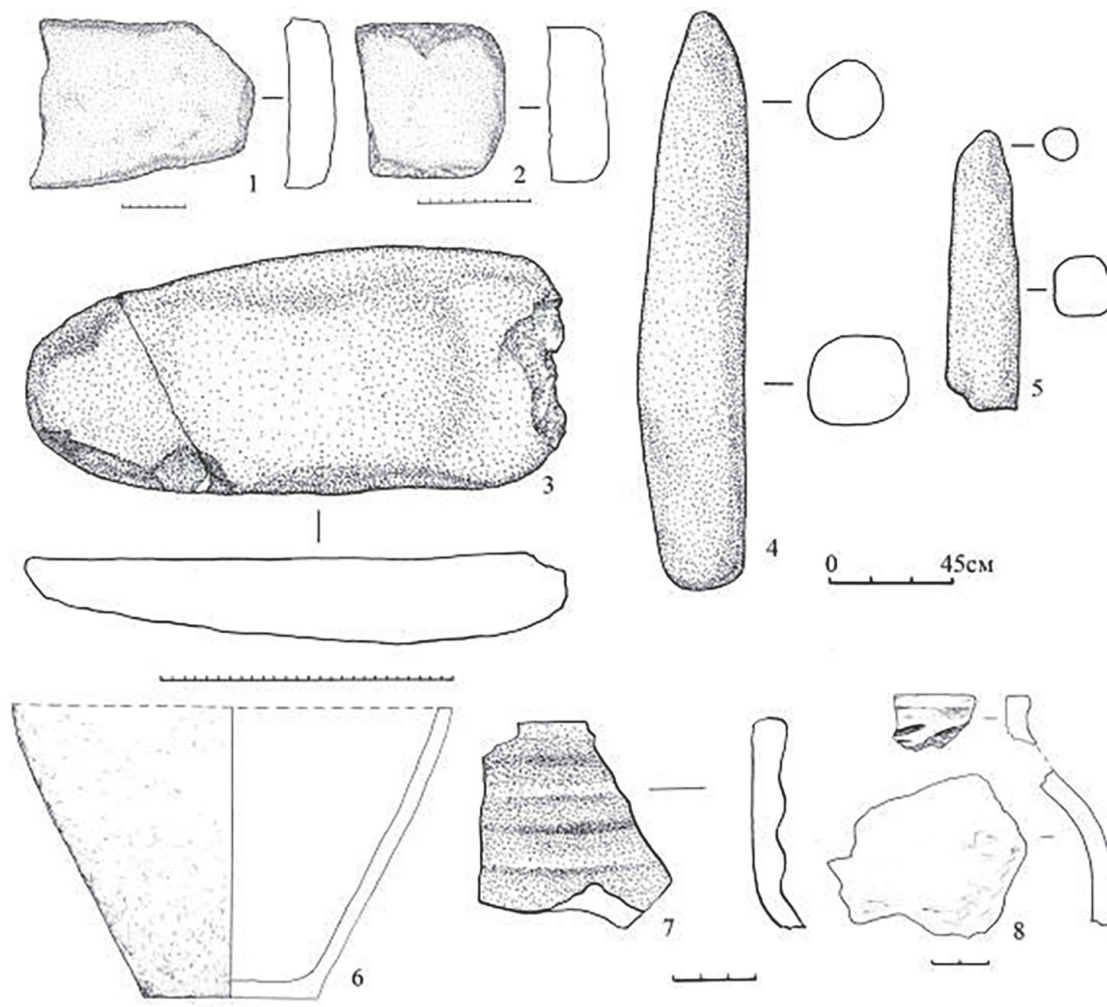

Рисунок 4 – Могильник Нуркен-2. Керамика, каменные зернотерки, стелы из курганов 1 и 2.

- 1 – обломок зернотерки из насыпи кургана 1; 2 – обломок куранта из насыпи кургана 2;
3 – зернотерка из жертвенника кургана 2; 4 – стела из насыпи кургана 1; 5 – стела из насыпи кургана 2;
6, 7 – керамика из насыпи кургана 1; 8 – керамика из насыпи кургана 2

В кургане 2 от человеческого захоронения остались лишь несколько мелких фрагментов костей. Из находок присутствуют, помимо обломка куранта, несколько фрагментов керамики от одного сосуда, найденные в центральной части насыпи, под глиняными блоками, в верхних слоях камней (рис. 4, 8). Один фрагмент керамики из кургана 1, а также фрагменты из кургана 2 были исследованы В.Г. Ломаном (см.: [4, рис. 2, 2, 5, 1]).

С северо-западной и юго-восточной сторон насыпей курганов находились системы каменных жертвенников [1; 5]. С жертвенником, находящимся, с северо-западной стороны насыпи кургана 2, связаны две находки – зернотерка длиной 0,46 м (рис. 4, 3) и бронзовая бляшка с рельефными изображениями всадника и людей (рис. 5), рассмотренная в предыдущей публикации [6].

В лаборатории Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена М.А. Кульковой были получены калиброванные даты (табл. 2) из деревянной плахи, использованной в перекрытии дромоса кургана 2.

Согласно этим данным, курган 2 могильника Нуркен-2 может быть датирован в рамках периода VIII–VI вв. до н.э. В лаборатории Королевского Университета Белфаста (Северная Ирландия, Великобритания) С.В. Святко получила даты (табл. 3) из костного образца из кургана 1 этого же могильника, которые позволяют сузить верхние хронологические границы этого памятника до середины VI в. до н.э.

В целом, курганы 1 и 2 могильника Нуркен-2 можно отнести к кругу памятников раннесакского времени Центрального Казахстана с вероятной датой в пределах VIII – первой половины VI вв. до н.э.

Могильник Серекты-1 находится в 2,5 км северо-западнее села Нуркен. Здесь к настоящему времени изучены всего 7 курганов раннего железного века и ряд околочурганов жертвенников [5]. В том числе два кургана раскопаны под руководством М.К. Кадырбаева в 1979 г. [7]. Из пяти объектов, исследованных под руководством автора, три относятся к сакской эпохе, два кургана являются памятниками коргантасского времени. Дромосная могила большой глубины вскрыта в кургане 10.

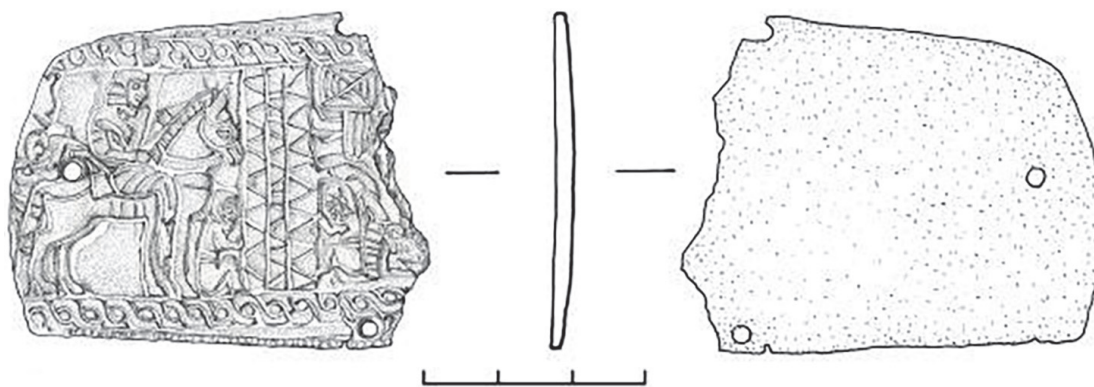

Рисунок 5 – Могильник Нуркен-2. Бронзовая бляха из жертвенника кургана 2

Таблица 2 – Данные радиоуглеродного анализа образца из дерева из кургана 2 могильника Нуркен-2. РГПУ им. А.А. Герцена, М.А. Кулькова

SPb-931 Могильник Нуркен-2, курган 2, слой развала (дерево)
2235±50 BP (2σ 806-509 calBC)

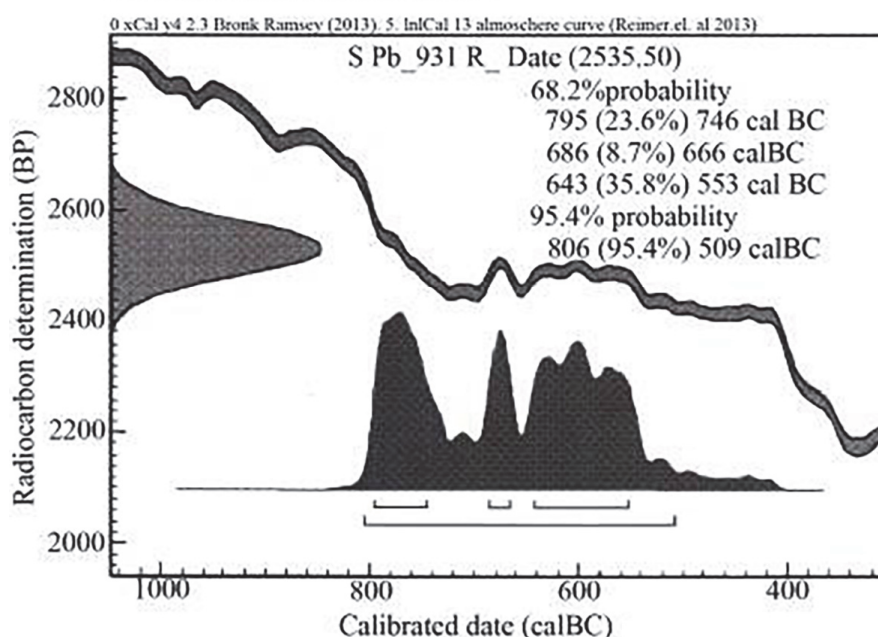

Таблица 3 – AMS ¹⁴C даты проанализированного костного образца из кургана 1 могильника Нуркен-2. Королевский Университет Белфаста, Северная Ирландия, Великобритания. Куратор проекта – С.В. Святко

Лабораторный номер	Памятник	¹⁴ C BP	Калиброванная дата (1 σ, 68,3)	Калиброванная дата (2 σ, 95,4)
UBA-28343	Могильник Нуркен-2, курган 1	2504±27	Cal BC 768–747 (0,167) 685–666 (0,161) 642–555 (0,672)	Cal BC 785–726 (0,230) 721–702 (0,029) 695–540 (0,741)

Курган 10 могильника Серекты-1 был исследован в 2012 г. Расположенный в северном секторе могильника самый крупный курган имел диаметр 34 м, его высота 3,9 м. До раскопок насыпь имела каменно-земляную поверхность. Большая округлая ограда диаметром 45 м проходит на расстоянии около 5 м от края насыпи (рис. 6, 7). Фиксировались участки сильно оплывшего, местами полностью затянувшегося рва диаметром около 60 м и шириной до 2,0 м.

Центральная часть поверхности насыпи имела относительно уплощенный характер с западиной в середине (глубина до 0,3 м) и была сильно насыщена камнями.

Дальнейшие раскопки, проведенные по методике посекторного и послойного снятия грунта с полным

выносом его за пределы памятника, показали, что данная насыщенность камнями макушки насыпи не является заранее задуманной структурной особенностью сооружения. Интенсивная каменная забутовка макушки насыпи фиксировалась до глубины свыше 1 м от верха сооружения. По-видимому, данная забутовка есть результат обратной засыпки грабительского колодца. Автор подобный случай встречал не раз в Центральном Казахстане – помимо особенностей внешнего вида нераскопанных элитных сооружений, берутся во внимание и факты из раскопок. Курган 10 могильника Серекты-1 ограблен вертикальным колодцем (рис. 8), возможно, этот метод грабители применили на основании того, что они знали о значительной глубине могилы, которую предстояло вскрыть.

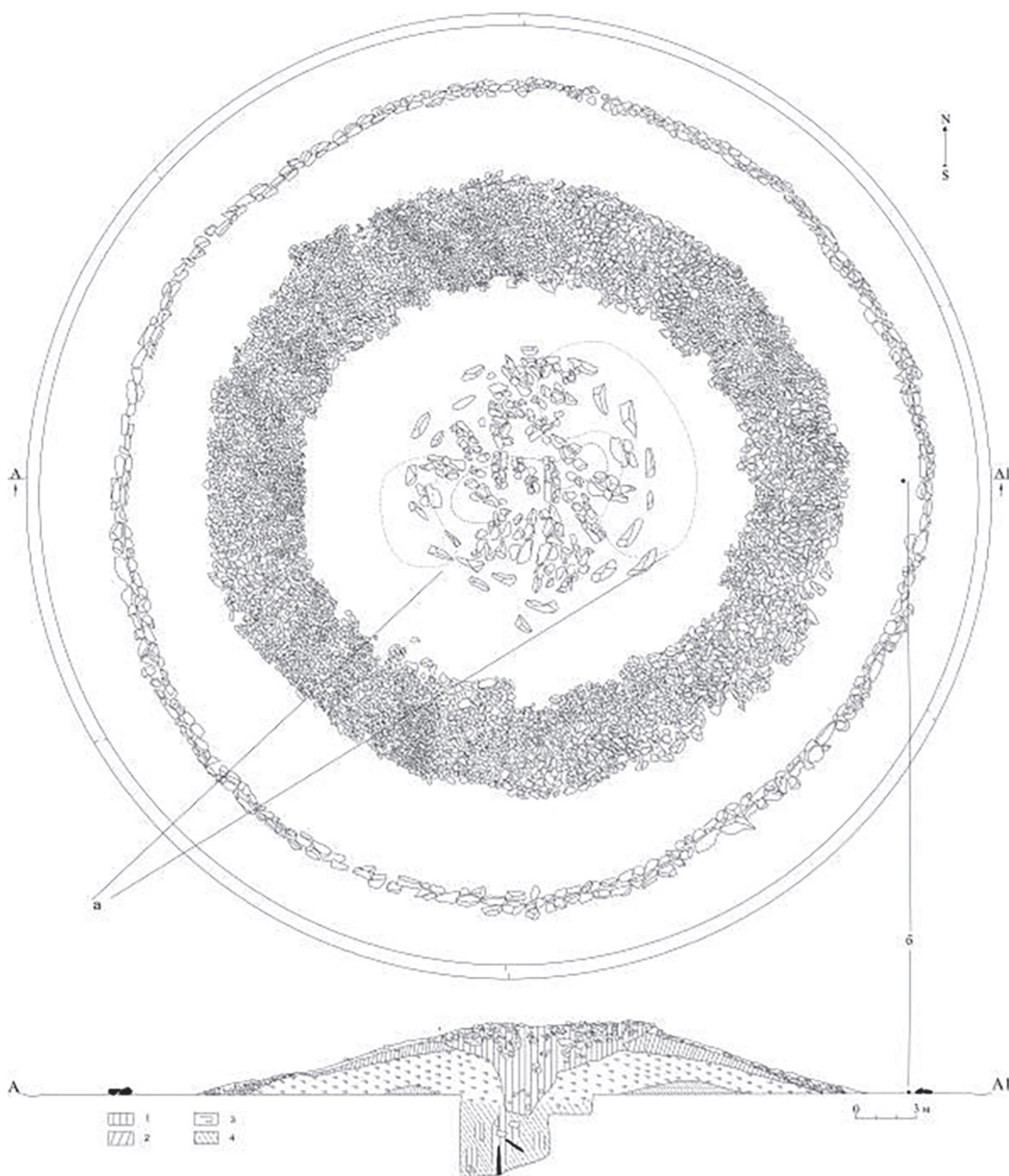

Рисунок 6 – Могильник Серекты-1, курган 10. План, разрез. *a* – границы могильного выкида; *b* – керамика. Обозначения слоев: 1 – темный слой дерна и заполнения грабительского лаза; 2 – рыхлый желтый слой; 3 – грунтовые блоки; 4 – сильно перемешанный слой заполнения могилы

Под дерном расчищена кольцевидная полоса из небольших камней, окаймляющая периферию насыпи. Ширина ее от 2,5 до 5 м. Внизу эта полоса покрывает крепиду из крупных камней, проходящую по основанию насыпи. С восточной стороны насыпи, между крепидой и внешней оградой – ближе к последней – найдены фрагменты от плоского дна лепного сосуда (рис. 1, б), поставленного в свое время в ямку глубиной около 3–4 см. Следует подчеркнуть, - верхняя часть сосуда отсутствует. Как установлено в ходе расчистки, никаких фрагментов помимо фрагментов дна не найдено.

Ниже рыхлого желтого слоя, вынутого, возможно, со рва, залегает мощный слой грунтовых блоков (рис. 8, 9). В центре вскрыта дромосная могила глу-

биной 4,3 м (рис. 10, 1). Могила и дромос ориентированы общей длинной осью по линии ЗЮЗ-ВСВ. Длина ямы 6,4 м, ширина – 1,8 м. Дромос ориентирован на ВСВ и имеет длину 2,75 м.

На дне яма разделена на две части крупными вертикальными плитами. Западная половина ямы имеет длину 3 м, дно ровное. Тогда как дно восточной половины наклонное, с поднятием в восточную сторону. В верхних слоях заполнения ямы, на глубине 0,25 м поднят бронзовый черешковый наконечник стрелы раннесакского типа (рис. 10, 4), в западной половине могильной ямы, в заполнении, выше 0,3 м дна найдены плохо сохранившийся железный предмет (рис. 10, 2) и неполный костяной гребень с кольцевидным ушком для подвешивания (рис. 10, 3).

Рисунок 7 – Фото. Раскопки кургана 10 могильника Серекты-1. Вид после снятия верхнего слоя

Рисунок 8 – Фото. Могильник Серекты-1, курган 10. Грунтовые блоки в насыпи.
В центре – заполненный грабительский лаз

Рисунок 9 – Фото. Могильник Серекты-1, курган 10. Грунтовые блоки

Черешок наконечника стрелы сломан, вероятно, в ходе процесса ограбления могилы. Трехгранно-трехперые наконечники не являются редкостью для раннего этапа тасмолинской культуры, как и для многих других культурных образований востока степной

Евразии. Близкий экземпляр найден в ограбленной могиле кургана 1 могильника Назар-2 [8, рис. 3, 3]. Можно указать и на наконечник из кургана 2 могильника Кособа [9, рис. 5; 5].

В комплексе кургана с «усами» Назар, исследованного также неподалеку от Серекты-1, под насыпью восточного кургана-спутника в небольшой ямке сохранились, – аналогично кургану 10 могильника Серекты-1, – фрагменты от придонной части лепного плоскодонного сосуда [8, с. 86, рис. 3, а]. С восточной стороны раннесакского кургана 7 могиль-

ника Бегазы, также вблизи внешней ограды, на древнем горизонте был найден развал кувшина [4, рис. 5, 2]. По-видимому, мы имеем перед собой следы ранее незафиксированного обычая оставления восточнее насыпи погребального сооружения тасмолинской культуры сосуда, надо полагать, с пищей, которого вкапывали на незначительной глубине.

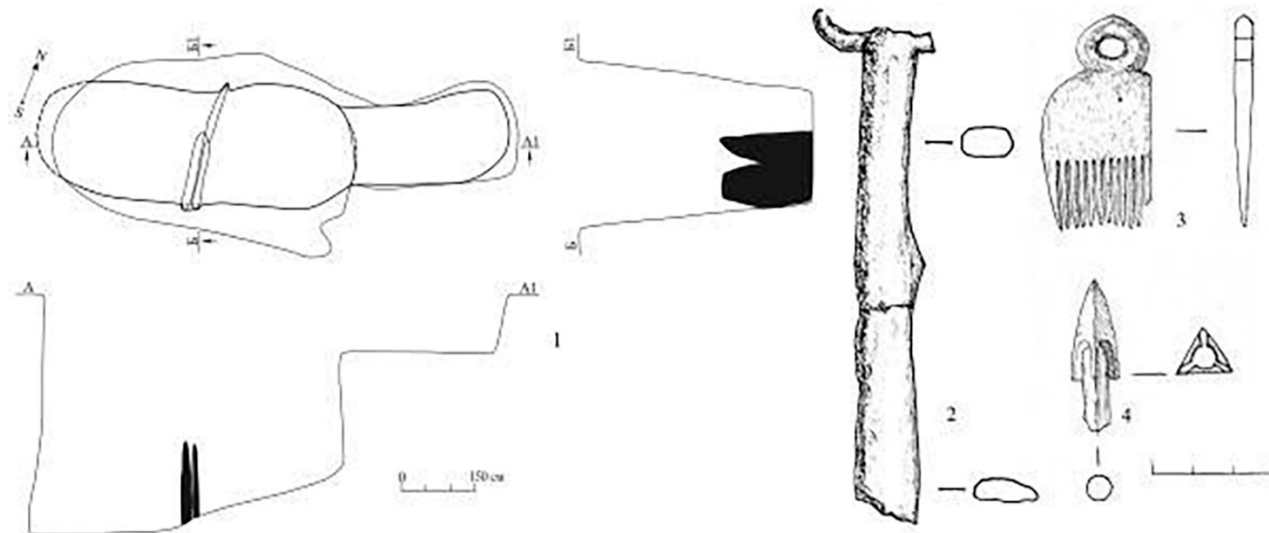

Рисунок 10 – Могильник Серекты-1, курган 10. 1 – могильная яма, план, разрез; 2 – железное изделие; 3 – костяной гребень; 4 – бронзовый наконечник стрелы

Как было отмечено, в бассейне реки Жарлы дромосные курганы были изучены автором еще в четырех пунктах – всего 6 курганов. Материалы этих 6 памятников в той или иной мере были опубликованы и охарактеризованы в предыдущих работах. Это курганы 12 и 15 могильника Бақыбулак [3, с. 14–17, рис. 4; 5, 2, 3, 10–15], курганы 1 и 2 могильника Назар-2 [8], курган 2 могильника Кособа [9], основной курган комплекса с «усами» Назар [8].

Все перечисленные в настоящем сообщении 8 курганов с дромосными могилами, исследованные в бассейне реки Жарлы, могут быть объединены в хронологических рамках раннесакского периода – VIII – первой половины VI вв. до н.э. Помимо приведенных здесь анализов, радиоуглеродные даты также получены по обоим дромосным курганам урочища Назар [8], по дромосному кургану 15 могильника Бақыбулак [3, с. 14, табл. 1], по кургану 2 могильника Кособа [9].

Курган 2 могильника Кособа был датирован автором периодом VI – начала V вв. до н.э. с учетом мнения специалиста Я.В. Френкеля (Санкт-Петербург, ГосЭрмитаж), изучившего в оригинале стеклянные глазчатые бусы из этого погребения. На насыпи этого кургана найден типичный раннесакский бронзовый черешковый наконечник стрелы. К.В. Чугунов допускает возможность датировать курган 2 могильника Кособа раннесакским периодом – в рамках VII–VI вв. до н.э. [10, с. 480], с чем, по-видимому, следует согласиться.

Как уже указывалось [1], к настоящему времени по тасмолинской культуре вскрыты автором 26 курганов, содержащих дромосные могилы. Дромосы Центрального Казахстана вырыты в земле, с перекрытием или без, по особенностям, размерам, плану и сечению имеют разные типы. Работа по типологии

дромосных могил, рассмотрению всех их особенностей еще предстоит.

Погребения с восточнонаправленными дромосами в ранних исследованиях 1950–1960-х гг. не были известны. Необходима полная публикация как этих данных, так и ряда других новейших материалов по тасмолинской культуре. На уровне разработок 1960–1970-х гг. К.А. Акишевым в свое время была высказана мысль о проникновении в Центральный Казахстан в начале I тыс. до н.э. групп восточного происхождения, что привело, по его мнению, к сложению тасмолинской культуры [11]. Сейчас данное направление довольно активно разрабатывается рядом ученых [10; 12]. По мнению автора настоящего сообщения, такая гипотеза, безусловно интересная и актуальная, сейчас не может быть однозначно принята. Как полагает автор, археологическая культура сакского времени Центрального Казахстана, известная под названием тасмолинской, сложилась в степях Казахского мелкосопочника [1, с. 35–36]. В принципе это касается и традиции сооружения дромосных могил, которая в начале раннего железного века на территории Казахстана появляется повсеместно [13, с. 66]. Выявить один отдельный регион (культуру), откуда проникла бы данная традиция, на настоящем этапе исследования является затруднительным. Представляется более продуктивным направление, согласно которому, появление дромосной традиции в курганах в начале раннего железного века, следует связывать с формированием нового мировоззрения у степного населения, перешедшего к новой системе хозяйствования. То есть, рассматриваемое явление следует видеть в контексте всего процесса сложения новой культуры (новых культур) раннего железного века востока степной Евразии. Истоки религиозных

воззрений, приведших к появлению дромосной традиции, по-видимому, лежат в культурном пласте завершающего этапа бронзового века. Дромосы в сакских могилах Центрального Казахстана ориентированы в противоположную от изголовья сторону – на восток, юго-восток с разными отклонениями. Интересные данные по скифским катакомбным погребениям Нижнего Днестра IV–II вв. до н.э. выявлены В.С. Сеникой и Н.П. Тельновым [14]. Сопоставляя катакомбы, имеющие орнаменты на стенах, с типами жилищ, исследователи высказали гипотезу о том, что эти погребения имитировали жилые сооружения, использовавшиеся у скифов [14, с. 31].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бейсенов А.З. Поселения и могильники сакской эпохи Центрального Казахстана // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии. Алматы: НИЦИА Бегазы-Тасмола, 2015. С. 11–38.
2. Бейсенов А.З. Работы на могильнике Нуркен-2 // Историко-культурное наследие Сарыарки. Караганда, 2007. С. 173–198.
3. Бейсенов А.З., Исмагулова А.О., Китов Е.П., Китова А.О. Население Центрального Казахстана в 1 тыс. до н.э.: монография. Алматы: Институт археологии, 2015. 188 с.
4. Бейсенов А.З., Ломан В.Г. Керамика из курганов раннего железного века Центрального Казахстана // Известия НАН РК. Серия общественных наук. 2008. №1 (254). С. 35–41.
5. Бейсенов А.З. Околокурганые жертвенники как разновидность памятников тасмолинской культуры // Вестник ТГУ. История. 2015. № 4 (36). С. 96–104.
6. Бейсенов А.З., Джумабекова Г.С. Бляшка с мифологическим сюжетом из Центрального Казахстана // Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 4. С. 42–45.
7. Кадырбаев М.К. О работах Центрально-Казахстанской археологической экспедиции за 1979 год.

Алматы, 1980. Архив ИА. Фонд № 11. Описание 2. Дело 1727.

8. Бейсенов А.З. Дромосные курганы сакской эпохи урочища Назар (Центральный Казахстан) // Самарский научный вестник. 2016. № 1 (14). С. 84–93.

9. Бейсенов А.З. Исследование кургана сакского времени с каменным изваянием на могильнике Кособа (Центральный Казахстан) // Древние и средневековые изваяния Центральной Азии. Барнаул: АлтГУ, 2014. С. 7–16.

10. Чугунов К.В. Формирование культур ранних кочевников в Казахстане и Саяно-Алтае (к постановке проблемы) // Труды Государственного Эрмитажа. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2015. Т. 77. С. 457–486.

11. Акишев К.А. Саки азиатские и скифы европейские (Общее и особенное в культуре) // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата: Наука, 1973. С. 43–58.

12. Таиров А.Д. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н.э. Челябинск: Южно-Уральский государственный университет, 2007. 274 с.

13. Бейсенов А.З., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А., Баринаева Е., Крешиоли Л. Археологические исследования могильника раннего железного века Каспан-6 в Жетысу // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии. Сб. науч. статей, посвящ. памяти археолога К.А. Акишева. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015. С. 59–70.

14. Сеника В.С., Тельнов Н.П. Скифские жилища IV–II вв. до н.э. в Северном Причерноморье // Археология и древняя история Украины. Киев, 2014. Вып. 2. С. 18–36.

Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, проект 2982/ГФ4 «Сарыарка в системе культур раннего железного века степной Евразии».

DROMOS KURGANS OF THE SAKA TIME ON THE ZHARLY RIVER (CENTRAL KAZAKHSTAN)

© 2016

A.Z. Beisenov, candidate of historical sciences, head of the Prehistoric Department
A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, Alma-Ata (Kazakhstan)

Abstract. The features of dromos kurgans of the early Saka time studied by the author in the cemeteries Nurken-2, Serekty-1, Kosoba in Central Kazakhstan are considered in the article. Unlike the materials received during the earlier studies by M.K. Kadyrbaev in 1950–1970, new data shows that the tradition of dromos graves was widespread in the region. On the basis of archaeological and radiocarbon data, dromos kurgans date back to the VIII–VI cc. BC. Studies have shown that they are primarily connected with the elite burials. Dromos kurgans are oriented to the east, south-east and in terms of size, layout, sections are of different types. Currently they are known in almost all habitats of the Kazakh culture having the early Saka shape, whose monuments were excavated in North, Central, East, South-East (Zhetysay) Kazakhstan, as well as in the East Aral Sea region. The author assumes that among all early Saka cultures of Kazakhstan dromos graves have been the most common throughout the different regions. According to the available materials, dromos graves appeared no later than VIII–VII centuries BC in the early Saka cultures of Kazakhstan. A little later, since VI c. BC, this tradition appeared in the monuments of Savromat and Sarmatian tribes in West Kazakhstan. For the early Saka cultures of Kazakhstan dromos tradition is associated with the culture of the preceding period – the period of the Late Bronze Age.

Keywords: Central Kazakhstan; cemeteries; dromos burials; early Saka period; radiocarbon dates; excavation; early Saka cultures of Kazakhstan; tradition; monuments of Savromat and Sarmatian tribes; Late Bronze Age.

**АНАЛИЗ ПОГРЕБАЛЬНОЙ КЕРАМИКИ ПЛОТНИКОВСКОГО МОГИЛЬНИКА
(ПО ИТОГАМ РАСКОПОК 2007–2015 ГГ.)**

© 2016

Н.Г. Брюхова, научный сотрудник отдела истории, археологии и этнографии
*Пермский научный центр УрО РАН, Пермь (Россия)***Н.С. Батуева**, магистрант кафедры древней и средневековой истории России**Е.Л. Лычагина**, кандидат исторических наук, доцент кафедры древней и средневековой истории России
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь (Россия)

Аннотация. В статье анализируется керамический комплекс Плотниковского могильника, который относится к родановской культуре. Материальная культура родановского времени недостаточно хорошо изучена. Несмотря на то, что большинство погребений Плотниковского некрополя были разграблены, вещевой материал, обнаруженный в ходе раскопок, оказался довольно разнообразным. Он представлен украшениями и принадлежностями костюма, оружием, орудиями труда и предметами быта. Некоторые вещи имеют аналогии в материалах Русского Севера, Волжской Булгарии и Перми Вычегодской.

В ходе исследования был проведен типологический и технологический анализ фрагментов 52 сосудов. В результате было выяснено, что для памятника характерно распространение чашевидных сосудов с уплощенным дном и петлеобразной ручкой, слабая орнаментация посуды при преобладании использования гребенчатого штампа для нанесения узоров, использование глины во влажном состоянии с добавлением толченой раковины в формовочной массе. Сравнение с керамическими комплексами хронологически одновременных памятников вымской и чепецкой культуры выявило как сходства, так и отличия. Отмеченные отличия говорят о наличии собственной традиции производства погребальной керамики в XII–XV вв. у населения, оставившего Плотниковский могильник.

Изучение материалов памятника представляет значительный интерес в плане решения вопросов этногенеза коми-пермяков и уточнения хронологии позднего этапа родановской культуры.

Ключевые слова: родановская культура; средневековье; керамика; историко-культурное направление; типологический анализ; форма сосудов; орнаментация; технологический анализ; исходное пластичное сырьё; формовочная масса; Пермское Предуралье; могильник; вымская культура; чепецкая культура.

Плотниковский могильник относится к родановской археологической культуре. Это один из немногих некрополей данной культуры исследованных раскопками. По сравнению с памятниками более раннего времени, в материалах Плотниковского могильника появляются новые категории изделий (ажурные подвески-лапки, подвески-нашивки, лунницы, медальоны с орнитоморфным орнаментом и т.д.) выполненные из качественно нового для территории Пермского Предуралья металла и металлических сплавов: олова или сплава на основе олова [1]. На сегодняшний день памятник датируется XIII–XV вв. [2].

Плотниковский могильник расположен на левом берегу р. Серва, левого притока р. Иньва, в 7 км к северо-востоку от г. Кудымкар, и в 300 м к северо-востоку от д. Плотниково (рис. 1). Могильник находится на склоне крутого частично залесенного, частично распаханного холма [3, с. 278].

Могильник известен с XIX в., впервые он упомянут И.Я. Кривошековым [4, с. 13]. В 1989, 2007, 2009 гг. могильник исследовался Н.Б. Крыласовой [5]. В 2010–2015 гг. работы были продолжены под руководством Н.Г. Брюховой. В данный момент на Плотниковском могильнике изучено 937 м² площади памятника, на которых изучено 112 погребений [6, с. 2]. Большинство исследованных могил оказались разграбленными. Но, несмотря на это, в погребениях удается зафиксировать костные останки погребенных, непо потревоженные части погребальной конструкции и вещевой материал.

Целью данной статьи является анализ погребальной посуды, найденной при раскопках могильника в 2007, 2009–2015 гг.

Керамику можно назвать самым массовым археологическим материалом, она помогает в определении или выделении археологических культур, начиная с эпохи неолита. Двумя важными характеристиками керамики являются противоположные свойства. С одной стороны, это хрупкая и скоропортящаяся посуда, требующая постоянной замены, и от этого происходит ее массовость, второе же свойство – это необычайная стойкость материала, он не разлагается и не окисляется, поэтому сохраняется веками.

Коллекция керамики Плотниковского могильника насчитывает фрагменты 52 сосудов, большинство из которых реконструированы. Посуда или её фрагменты найдены в каждом женском и почти в каждом детском погребении, в том числе в погребениях новорожденных детей. В трех случаях фрагменты посуды встречены в мужских погребениях, но так как мы имеем дело с разрушенными могилами, нельзя исключить возможность случайного попадания фрагментов в ямы. В нескольких могильных ямах удалось зафиксировать положение сосудов, каким оно было при погребении покойного. Во всех случаях посуда располагалась в ногах погребенного (рис. 2).

Типологический анализ

Типологический анализ показал, что самой распространенной формой был чашевидный сосуд, вид которого порой варьировался: сосуд встречается в форме приземистой чашечки, как с прямой, так и с расширенной нижней частью, в форме высокой чашки, также с расширением в нижней части, один сосуд имел подцилиндрическое тулово. Около половины сосудов Плотниковского могильника имеют одну или две петлевидные ручки с площадкой в верхней части или без нее (табл. 1).

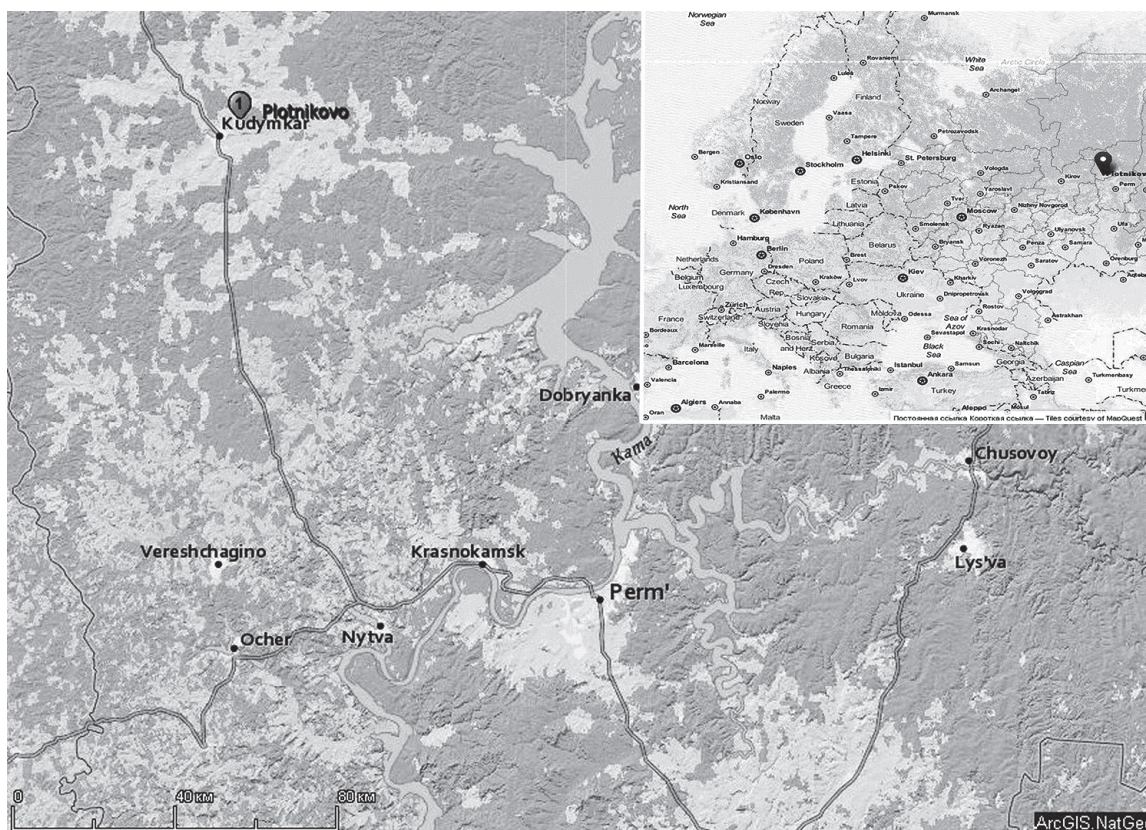

Рисунок 1 – Месторасположение Плотниковского могильника

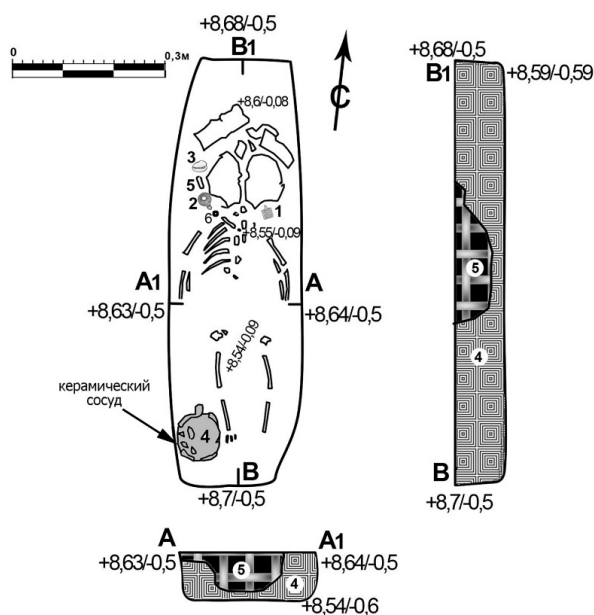

Рисунок 2 – План погребения № 64

По форме дна всю керамику Плотниковского могильника можно разделить на 3 группы:

- 1) уплощенное – 38 сос. (73%),
- 2) округлое – 4 сос. (7,75%),
- 3) плоское – 4 сос. (7,75%).

Еще у 6 (11,5%) сосудов форму дна установить не удалось.

Формы венчиков представлены следующими видами:

- 1) венчик отогнутый с приостренным торцом – 5 (9,5%),
- 2) венчик отогнутый с уплощенным торцом – 8 (15,5%),

- 3) венчик отогнутый с округлым торцом – 23 (44%),
  - 4) округлый венчик – 1 (2%),
  - 5) приостренный венчик – 2 (4%).
- У 13 (25%) сосудов верхние части не сохранились.

Таблица 1 – Основные формы сосудов

Форма	Количество сосудов	%
Чашевидный сосуд	34	65,0
Приземистая чашечка	6	11,5
Приземистая чашечка с расширением в нижней части	2	4,0
Высокая чашечка с расширением в нижней части	1	2,0
Сосуд с подцилиндрическим туловом	1	2,0
Не реконструированы	8	15,5

Толщина стенок колеблется от 0,4–0,5 см до 0,7–0,8 см. По размерам все реконструированные сосуды можно разделить на 2 группы:

- 1) маленькие чашечки, имеющие высоту 5 см и диаметр по венчику до 8 см (5 экз., 20%);
- 2) сосуды средних размеров, высотой 9–10 см и диаметром по венчику до 12 см (20 экз., 80%).

Цвет керамики Плотниковского могильника варьировался от красно-коричневого до светло-коричневого и серо-коричневого. Основная масса сосудов имела сероватый цвет, иногда со следами нагара – 54,3% от всей керамики.

Большая часть сосудов – 33 (63%) – не орнаментированы. Орнамент присутствует на 19 сосудах (37% от всей коллекции).

По способу орнаментации выделяются следующие вариации:

- 1) гребенчатый орнамент – 12 сосудов (63%).
- 2) накольчатый орнамент – 4 сосуда (21%),
- 3) ямочный – 2 сосуда (10,5%).
- 4) с насечками по венчику – 1 сосуд (5,5%).

Чаще всего орнамент наносился на поверхность тулова и шейки, и всего в двух случаях орнамент был нанесен по плечу сосуда. На первом сосуде он был в виде горизонтальной «ёлочки» выполненной гребенчатым штампом, а во втором случае фиксировались бессистемные горизонтальные отпечатки гребенчатого штампа (рис. 3: 1–2). Стоит отметить, что оба сосуда были обнаружены в одном погребении (№ 11). Орнаментация «ёлочкой» была встречена еще в одном случае, на сосуде из погребения № 41, только там он шел по шейке сосуда. Сосуд из этого погребения отличается размерами, он самый крупный из всех. Его диаметр по венчику составляет 12 см, а высота колеблется от 9 до 10 см.

Узор по венчику, в виде насечек на торце, был зафиксирован только на сосуде из детского погребения № 48. Вертикальные, горизонтальные и диагональные ряды гребенчатого штампа встретились по одному разу каждый, нанесенные по тулову и шейке сосудов

(рис. 3: 3, 9). Так же гребенчатый штамп был представлен в трех видах зигзагов – двойных, чередующихся с двумя линиями обычного гребенчатого штампа, вертикальных, состоящих из резных линий, и третий вид из обычных линий зигзагов (рис. 3: 5, 7).

Ямочный орнамент был представлен узором из волнистых и прямых линий ямок, и просто ямок, а накольчатый орнамент, из обычных линий наколов и наколов, выполненных в виде «отступающей палочки» (рис. 3: 6, 10).

Таким образом, типологический анализ показал, что для керамического комплекса Плотниковского могильника характерно преобладание чашевидных сосудов с уплощенным дном, выделенной шейкой и отогнутым венчиком с округлым торцом. Одной из особенностей посуды данного памятника является наличие сосудов с петлевидной ручкой. Цвет керамики колеблется от красно-серого до коричневого и черного, окраска неравномерная. Большинство сосудов не орнаментировано или украшено несложными орнаментальными композициями в верхней части. Узоры представлены в виде вертикальных, горизонтальных, диагональных рядов, «ёлочки» и зигзагов, поставленных гребенчатым штампом, а также ямочными вдавлениями и наколами.

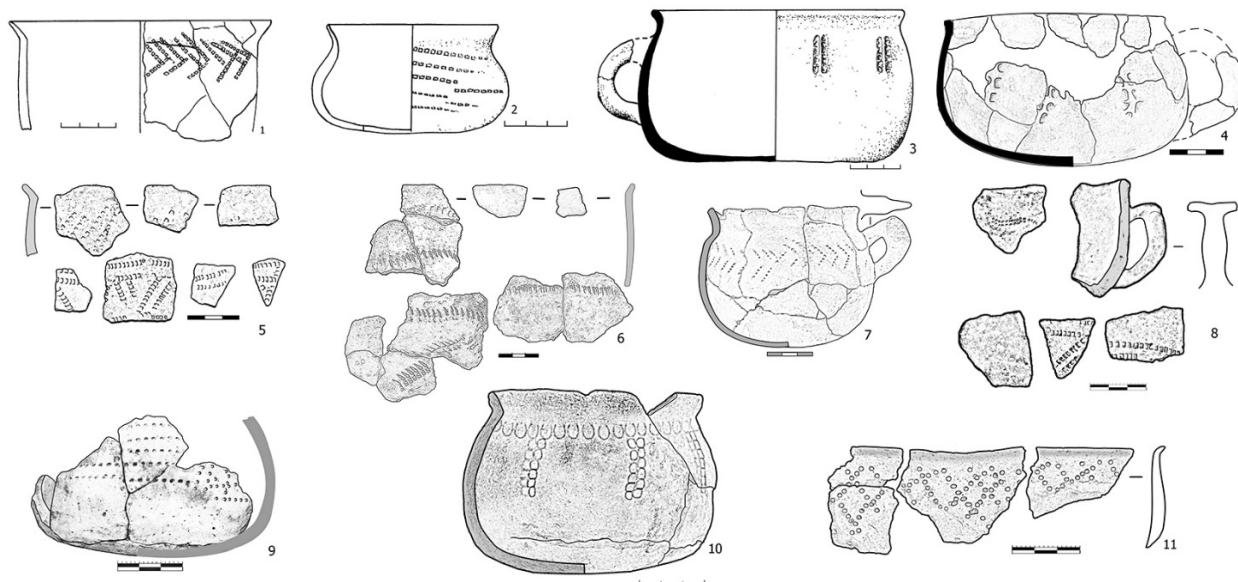

Рисунок 3 – Виды орнаментов на сосудах Плотниковского могильника

Технологический анализ

Технологический анализ исходного сырья и формовочной массы керамического комплекса Плотниковского могильника был проведен в рамках историко-культурного направления, разработанного А.А. Бобринским и основанного на методике бинокулярной микроскопии, трасологии и физическом моделировании [7].

Анализ проводился при помощи микроскопа МБС-9 на базе ЛАЭИ ПГГПУ. В число рассматриваемых и изучаемых параметров входили:

- 1) установление исходного пластичного сырья (ИПС), а также состояния, в котором использовалось ИПС (сухое / влажное);
- 2) определение уровня запесоченности ИПС (т.е. установление уровня пластичности ИПС);
- 3) установление основных примесей в формовочную массу (ФМ);
- 4) выявление способов обработки внутренней и внешней поверхности сосудов;

Проведенный анализ показал, что исходным сырьём во всех случаях являлись глины, взятые во влажном состоянии. Запесоченность исходного сырья была зафиксирована лишь у 2 сосудов (4%), что может рассматриваться как частный случай, исключение из общего правила.

Примесь в керамике Плотниковского могильника является органическая составляющая. В частности, в качестве составов ФМ использовалось сочетание «глина + толченая раковина». Концентрация раковины в формовочной массе в целом одинакова (1:3; 1:4), за исключением 6 сосудов с достаточно большой концентрацией (1:1), и 2 сосудов с меньшей концентрацией (1:7), чем в основной массе посуды [8].

Обработка поверхности также не отличалась разнообразием – лишь в двух случаях использовался твёрдый предмет для заглаживания, в остальных – использовалось заглаживание пальцами. Обжиг полученного изделия осуществлялся на костре, о чем

свидетельствует неравномерная окрашенность некоторых сосудов. На части сосудов обнаруживаются следы нагара на внутренней и внешней поверхности. Поскольку погребальная керамика в основном носила обрядовый характер, можно говорить скорее о нагаре, приобретенном во время обжига, нежели о том, что посуда имела утилитарное назначение.

Проведенный технологический анализ показал наличие устойчивой единообразной традиции в изготовлении погребальной керамики Плотниковского могильника. К ее основным чертам можно отнести использование не запесоченных глин во влажном состоянии, добавление толченной раковины в качестве основной примеси в ФМ, ленточный способ лепки и костровой обжиг.

На основе проведенного анализа можно отметить, что в целом черты керамического комплекса Плотниковского могильника типичны для родановской культуры. Сосуды с ручками и уплощенным дном получили широкое распространение с XII в., плоскодонные сосуды появились не ранее XIV века. [9, с. 24]. М.В. Талицкий связывал появление новых форм с подражанием привозной посуде, наряду с сохранением старых традиций [10]. Описанный нами керамический комплекс может быть датирован в пределах XII–XIV вв., что не противоречит датировке могильника по другим источникам [11].

Технология изготовления ясно указывает нам на сложившуюся традицию, существовавшую, по всей видимости, не долго. Представленная на Плотниковском могильнике коллекция керамики выполнена по единой схеме изготовления, имеет единый внешний вид и состав, также типичный для родановской культуры.

При сравнении керамического комплекса Плотниковского могильника с материалами других памятников родановской культуры, можно отметить, что наибольшую схожесть он имеет с керамикой могильников Аверинский I в верховьях Камы, Антыбарский и Телячий Брод на р. Чусовой. Для посуды перечисленных памятников характерны чашевидные сосуды с ручками, уплощенным или плоским дном, орнаментация верхней части сосуда насечками, гребенкой, ямками [12, с. 44–61].

При сравнении керамического комплекса Плотниковского могильника с материалами хронологически одновременных могильников вымской культуры (Бджыдзельским и Жигановским) были выявлены как сходства, так и определенные отличия [13, с. 602–605; 14, с. 78–79; 15, с. 14].

К сходствам можно отнести то, что сосуды всех памятников изготовлены лепным способом. Основными примесями в формовочной массе была раковина, хотя на Жигановском и Бджыдзельском могильниках распространены и другие виды примесей, такие как песок, кварц и дресва [15, с. 14].

На всех перечисленных могильниках преобладает чашевидная форма сосудов, но на Плотниковском могильнике не встречены горшковидные формы, которые присутствуют на двух других памятниках [14, с. 78–79; 15, с. 14]. В тоже время, для могильников вымской культуры не характерны сосуды с ручками. Толщина дна и стенок сосудов на всех памятниках примерно одинакова.

Также схожа орнаментация керамики Плотниковского могильника с сосудами Бджыдзельского и Жи-

гановского могильника, на которых встречаются орнаменты в виде «ёлочки», зигзагов, рядов гребенчатого штампа, насечек по торцу венчика. Схожи и зоны расположения орнаментов. Но, в отличие от могильников вымской культуры, на рассматриваемом нами памятнике посуда имеет меньшую площадь орнаментации [13, с. 602–605; 14, с. 78–79; 15, с. 14].

Помимо могильников вымской культуры, нами было проведено сравнение керамики изучаемого могильника с посудой памятников с территории Удмуртии, относящихся к чепецкой культуре, которая датируется тем же временем. В частности, с керамикой городища Иднакар, т.к. именно в этой коллекции имеются сосуды с петлевидной ручкой. Правда, в отличие от Плотниковского могильника, на городище Иднакар такие сосуды не являются ведущей группой в коллекции. Схожи обе коллекции наличием в формовочной массе примеси раковины, в форме сосудов – чашевидная с ручкой, что придает кружкообразный вид керамике [16].

Наибольшую схожесть посуда Плотниковского могильника имеет с керамикой Маловенижского могильника. Коллекции памятников схожи по форме сосудов, преобладанию примеси раковины, приотстренной, закругленной и слегка отогнутой форме венчиков, уплощенной, округлой или плоской форме дна. К отличиям можно отнести то, что на Маловенижском могильнике присутствуют сосуды только без ручек и практически вся керамика не имеет орнаментации [17].

Таким образом, несмотря на отмеченные сходства с керамикой вымской и чепецкой культур, мы можем говорить о наличии у населения Среднего Предуралья собственной традиции производства погребальной керамики в XII–XV вв. К ее характерным чертам можно отнести изготовление чашевидных сосудов с уплощенным дном и петлеобразной ручкой, слабую орнаментацию посуды при преобладании использования гребенчатого штампа для нанесения узоров, использование глин во влажном состоянии с добавлением толченной раковины в ФМ.

На наш взгляд, керамический комплекс Плотниковского могильника может рассматриваться как эталонный для погребальной посуды родановской культуры. Для подтверждения этой точки зрения необходимо проведение технико-технологического анализа керамики других могильников родановской культуры, расположенных на территории Среднего Предуралья (Телячий Брод, Аношкар).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Брюхова Н.Г., Подосёнова Ю.А., Крыласова Н.Б. Ювелирные изделия Плотниковского могильника родановской археологической культуры (по материалам раскопок 2011–2013 гг.) // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2015. Вып. 1. С. 114–131.
2. Брюхова Н.Г. История существования Плотниковского могильника (Среднее Предуралье, Пермский край) // Вестник Челябинского Государственного университета. История. 2015. Вып. 63. № 6. С. 35–38.
3. Памятники истории и культуры Пермской области. Археология. Т. 1. Пермь: Арабеск, 1996. 300 с.
4. Кривошеков И.Я. Справка о прошлом Иньвенского края // Материалы для истории села Кудымнора Соликамского уезда Пермской губернии. Пермь: Тип. наследников П.Ф. Каменского, 1894. С. 10–14.

5. Крыласова Н.Б. Отчет о раскопках Плотниковского могильника в Кудымкарском районе Пермского края в августе 2009 г. // Архив МАЭ ПГГПУ.

6. Брюхова Н.Г. Отчет о раскопках Плотниковского могильника в Кудымкарском районе Пермского края в июле-августе 2015 г. // Архив МАЭ ПГГПУ.

7. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М: Наука. 1978. 272 с.

8. Петрова Н.Ю. Оценка концентрации дробленой раковины моллюсков в формовочной массе глиняных сосудов // Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики. Материалы международной научной конференции. СПб: ГЭ, 2016. С. 65–67.

9. Крыласова Н.Б. Отчет о раскопках Плотниковского могильника в Кудымкарском районе Пермского края в августе 2009 г. // Архив МАЭ ПГГПУ.

10. Талицкий М.В. Верхнее Прикамье в X–XIV вв. // Материалы и исследования по археологии. 1951. № 22. М.: Наука. С. 33–96.

11. Брюхова Н.Г. Существование археологического памятника в контексте истории (на примере Плотниковского могильника) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Том V Казань: Отечество, 2015. С. 118–120.

12. Голдина Р.Д., Кананин В.А. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск: УрГУ, 1989. 216 с.

13. Савельева Э.А., Истомина Т.В., Королев К.С. Пермь Вычегодская // Археология Республики Коми. М.: ДиК, 1997. С. 561–650.

14. Савельева Э.С. Жигановский могильник. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2010. 456 с.

15. Савельева Э.С. Ыджыдзельский могильник. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2014. 120 с.

16. Иванова Т.В. Редкие виды лепной посуды городища Иднакар // Материалы исследований городища Иднакар. Ижевск: УДИЯЛИ, 1995. С. 72–83.

17. Иванова М.Г. Маловенежский могильник // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. Ижевск: УДИЯЛИ, 1982. С. 52–76.

Статья публикуется при поддержке гранта РФФИ 14-06-96002 р_урал_а Средневековое Пермское Предуралье: меняющееся население в изменяющейся среде и в соответствии с Задаaniem Минобразования № 33.1091.2014/К.

ANALYSIS FUNERARY CERAMICS OF THE PLOTNIKOV BURIAL GROUND (ON THE BASIS OF THE EXCAVATION 2007–2015)

© 2016

N.G. Bryukhova, researcher of the Department of History, Archaeology and Ethnography
Perm Scientific Center of Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm (Russia)

N.S. Balueva, master student of the Chair of Ancient and Middle History of Russia

E.L. Lychagina, candidate of historical sciences,
associate professor of the Chair of Ancient and Middle History of Russia
Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm (Russia)

Abstract. The article analyzes the pottery Plotnikovo burial ground, which belongs to the Rodanovskaya culture. Material culture this time has not been well studied. Finds discovered during the excavations, it was quite diverse. Jewelry, weapon, tools and household items represent it. Some things are similar to the materials of the Russian North, the Volzhskaya Bulgaria and Perm Vychevodskaya.

The study was conducted typological and technological analysis of the fragments of 52 vessels. For the site is characterized by proliferation of cup-shaped vessel with a flattened bottom and a loop handle, weak ornamentation dishes with the prevalence of the use of a comb stamp for applying the patterns, the use of clay in the wet state with the addition of crushed shells in the molding composition. A comparison with ceramic complexes chronologically simultaneous sites Vymskaya and Chepetskaya culture revealed both similarities and differences. These differences indicate the presence of its own tradition of producing ceramics in funerary XII–XV centuries of the population, left the Plotnikovo burial ground.

The study material of the Plotnikovo burial ground is great interest to address the issues of ethno genesis Permian Komis and clarify the chronology of late stage rodanovskaya culture.

Keywords: Rodanovskaya culture; the Middle Ages; ceramics; historical-cultural approach; typological analysis; the shape of the vessels; ornamentation; technological analysis; the original plastic raw materials; molding composition; Perm Cis-Urals; burial ground; Vymskaya culture; Chepetskaya culture.

УДК 94(09)=(15/9)

БУЛГАРСКИЕ ОЙКОНИМЫ У НАДЖИБА ХАМАДАНИ И АХМЕДА АТ-ТУСИ И ИХ ЛОКАЛИЗАЦИЯ НА ТЕРРИТОРИИ БЫВШЕЙ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ

© 2016

Н.В. Беленов, кандидат педагогических наук,

доцент кафедры информационно-коммуникационных технологий в образовании

Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара (Россия)

Аннотация. В данной статье предпринята попытка локализации крепостей волжских болгар, известных по сведениям средневековых авторов Наджиба Хамадани и Ахмеда ат-Туси; в первую очередь, крепостей Мерджи и Техшу. В ходе решения данной проблемы поднимается вопрос о достоверности сведений указанных ав- Самарский научный вестник. 2016. № 3 (16)

торов, а также об общем источнике заимствования этих сведений. Есть веские основания видеть в этом источнике известную среди арабо-персидских историко-географических средневековых рукописей «Рисалию» Ахмеда ибн Фадлана, секретаря аббасидского посольства к эльтеберу волжских булгар Альмушу, побывавшему на Волге в 922 году. Данное положение объясняет как факт отсутствия в приведённых списках известных по другим источникам булгарских городов, так и вопрос уникальности информации Хамадани и ат-Туси. На основе синтеза источниковедческих, топонимических и фольклорных исследований в статье предлагаются варианты локализации некоторых из указанных крепостей и варианты этимологии булгарских ойконимов, упомянутых в трудах рассматриваемых авторов. Обосновывается значимость данных топонимики на современном этапе булгароведческих исследований, особенно в вопросах исторической географии Волжской Булгарии, а также намечаются дальнейшие пути исследований.

Ключевые слова: Волжская Булгария; источниковедение; топонимика; ойконимия; Наджиб Хамадани; Ахмед ат-Туси; Ахмед ибн Фадлан; историческая география; этимология; локализация; арабо-персидские историко-географические рукописи.

Волжскую Булгарию современники называли «страной городов». Археологическими изысканиями вполне подтверждается такое образное именование: на территории, занимаемой ранее волжскими булгарами, к настоящему времени открыто более тысячи укрепленных и неукрепленных поселений различной величины. Вместе с тем нам известны названия немногим более двадцати различных булгарских городов, различной степени достоверности. Часть этих ойконимов упомянута в источниках единично, а некоторые и вовсе известны лишь из фольклора поволжских народов.

Во многом такая ситуация обусловлена тем, что до нашего времени не дошли собственно булгарские исторические источники, о существовании которых у булгар мы знаем из сведений средневековых путешественников, бывавших в Булгаре.

Более того, большинство названий булгарских городов, известных из русских летописей и арабо-персидских историко-географических сочинений, не могут быть однозначно отождествлены с имеющимися археологическими памятниками. Часть булгарских ойконимов упоминается без какой-либо географической привязки, иные сложно отнести именно к булгарской эпохе, поскольку источники хотя и приурочивают их к территории бывшей Волжской Булгарии, но упоминают о них уже после монгольского завоевания.

В связи с этим непреходящую ценность приобретают любые уникальные сведения средневековых источников о городах волжских булгар, основанных до монгольского завоевания. В данной статье предпринимается попытка локализации булгарских крепостей, названия которых известны из трудов Наджиба Хамадани и Ахмеда ат-Туси, авторов XII века. Информация этих авторов, уникальная и не имеющая четких географических ориентиров, неоднократно интерпретировалась исследователями.

В разное время с различной степенью успеха проблеме достоверности сведений указанных авторов, а также локализации и происхождения названий упоминаемых ими булгарских крепостей пытались решить А.И. Артемьев [1], С.М. Шпилевский [2], К.И. Невоструев [3], Н.И. Ашмарин [4], В.Н. Поливанов [5], Г. Ахмаров [6], Ш. Марджани [7], А.П. Смирнов [7], А.Х. Халиков [8], Р.Г. Фахрутдинов [9; 10], Ф.Ш. Хузин [11] и многие другие учёные, в круг научных интересов которых входило изучение истории волжских булгар.

Большинство из них констатировали факт низкой степени достоверности указанной информации, а также её фрагментарности.

Очевидно, что данный вопрос невозможно решить без привлечения, помимо данных исторических источников и археологии, топонимических и фольклорных данных.

История булгаристики знает немало примеров, когда работы в симбиозе над информацией, извлечённой из исторических источников, фольклора и местной топонимии давали блестящий результат. В качестве одного из таких примеров можно привести локализацию Г. Ахмаровым известного по ряду средневековых источников булгарского города Суvara на реке Утке, у села Кузнечиха.

Думается, имеет смысл продолжить изыскания в этих традициях, синтезируя материал из различных областей булгаристики: анализ разноязычных средневековых источников, содержащих сведения о Волжской Булгарии и булгарах; сбор и анализ топонимических данных с территории бывшей Волжской Булгарии; изучение соответствующих разделов фольклора поволжских народов, прежде всего чувашей и казанских татар. Применительно к информации о булгарских крепостях, содержащейся в трудах Наджиба Хамадани и Ахмеда ат-Туси, необходимо осветить следующий круг вопросов. Во-первых, определить общий источник заимствования для данных авторов, вопрос о котором до сих пор остаётся открытым. Во-вторых, установить соответствие, насколько это возможно на современном этапе исследований, между перечисленными крепостями Волжской Булгарии и известными археологическими памятниками на её территории. В-третьих, с учётом решения первых двух вопросов, сделать вывод о достоверности сведений Хамадани и ат-Туси, что имеет принципиальное значение для дальнейших исследований.

Надо заметить, что достоверность сведений Наджиба Хамадани и Ахмеда ат-Туси зачастую подвергается сомнениям. Тому есть две основные причины: во-первых, названия четырёх булгарских городов, приводимые у этих авторов, не встречаются более ни в одном источнике; во-вторых, ни Хамадани, ни Туси не упоминают главные города булгар на Волге, известные по другим источникам. Мы предпримем попытку объяснить эти противоречия.

Приведём списки булгарских крепостей у Хамадани и ат-Туси в том виде, как они закрепились в отечественной историографии. Итак, список Хамадани: Йасу, Мерджи, Эрнас, Техшу. Список ат-Туси: Басов, Мерха, Ернась, Тахасту [12, с. 233]. Нетрудно заметить, что оба списка включают одни и те же названия, различия могут быть объяснены как осо-

бенностями арабской графики, так и перевода названий на русский язык. Надо отметить, что названия из списка Хамадани, насколько можно судить по косвенным данным, более близки к оригинальным.

Установлено, что оба автора при составлении своих трудов пользовались одним и тем же источником. Ряд исследователей обоснованно, на наш взгляд, полагает, что этим источником была «Рисалия» Ахмеда ибн Фадлана, совершившего путешествие к волжским булгарам в составе багдадского посольства в 921 году [12, с. 395].

В той части труда ибн Фадлана, которая дошла до нас, упоминаний об указанных крепостях не содержится. Однако стоит отметить, что мы располагаем лишь неполным вариантом «Рисалии», даже с учётом обнаружения Мешхедской рукописи. Информация об указанных крепостях вполне могла содержаться в утраченной ныне части источника, сохранившись у Хамадани и ат-Туси в форме компиляций.

Если данное предположение верно и источником сведений о четырёх крепостях в Волжской Булгарии послужила именно «Рисалия», то это может объяснить, почему рассматриваемые ойконимы не упоминаются у большинства других арабо-персидских географов, описывающих земли волжских булгар. По-видимому, дело в том, что эти населённые пункты относились к первым булгарским стационарным поселениям, почему они и попали на страницы столь раннего источника, как «Рисалия», и выполняли роль крепостей. Крупные булгарские города, ставшие известными впоследствии, такие как Булгар, Сувар и Биляр, по всей видимости, ещё не возникли. В этих условиях указанные крепостцы, надо полагать, имели исключительно важное военно-политическое значение для булгар. Спустя несколько десятков лет появились и получили бурное развитие Булгар, Сувар и Биляр, вследствие чего указанные крепости утратили своё значение и перестали упоминаться в источниках.

Археологически существование небольших укрепленных поселений у булгар до X столетия подтверждают раскопки на Самарской Луке и в Ульяновском Поволжье. Возраст таких поселений, по мнению некоторых археологов, может восходить к датировкам памятников новинковского типа [13, с. 42].

Раннее возникновение стационарных поселений у булгар в Среднем Поволжье диктуется и логикой историко-политических процессов того времени. На Среднюю Волгу часть булгар переселилась после того, как их государство в Прикубанье было разгромлено хазарами. Оставшееся там булгарское население было подчинено завоевателями и получило отражённое в русских летописях название «чёрные болгары». Чтобы сохранить независимость, значительная часть булгар расселилась в различных направлениях – на Дунай, Дон и Волгу. Стремительно усилившихся, Хазарский каганат в короткие сроки стал контролировать не только Предкавказье, но и Нижнее Поволжье. Таким образом, при ведении чисто кочевого образа жизни, волжские булгары были бы вынуждены вновь попасть в прямую зависимость от хазар. Необходимость нижеволжских и прикавказских земель поволжским кочевникам для круглогодичного кочевания была доказана позднейшими исследованиями над ногайцами и волжскими калмыками. Как известно, в

исторических источниках волжские булгары появляются как народ, зависимый от хазар, однако установление этой зависимости, вероятно, надо относить к периоду не ранее второй четверти VIII века. Следовательно, как минимум, некоторая часть булгар должна была оставаться на Средней Волге и в осенне-зимний период. На упомянутых памятниках, а также в некоторых новинковских курганах найдены орудия труда, позволяющие говорить о зачатках земледелия у новинковского населения, что также предполагает наличие стационарных поселений [13].

Возвращаясь к сведениям Хамадани и ат-Туси, отметим, что, по нашему мнению, наиболее уверенно локализуются из их списка булгарских крепостей Мерджи и Техшу.

Название первой крепости, исходя из фонетических особенностей чувашского языка – единственного живого языка булгарской группы, можно гипотетически реконструировать в форме «Мерчи», при этом произносился звук «ч» через мягкую шипящую аффрикату «дж».

Таким образом, можно констатировать, что Наджиб Хамадани в данном случае передал звучание булгарского ойконима с большой точностью.

Теперь перейдём к вопросу локализации Мерчи/Мерджи. Среди современных населённых пунктов сёл с таким названием мы не найдём. Однако, согласно информации В.Е. Симакова – известного самарского краеведа-чувашевода, село Аксубаевского района республики Татарстан, известное сегодня как Новое Мокшино, исторически называлось – и продолжает так именоваться местными старожилками – Меречень (упоминаемый иногда вариант Мерезень – то же название, только на место «з» правильное было бы поставить «дж») [14, с. 145]. По некоторым данным, имеется и речка с таким названием. То есть в данном случае имеем классическую для волжско-булгарской топонимии схему: от древнего города остаётся одноименный гидроним (принадлежащий незначительной реке или ручью), который дублируется названием лежащего в его окрестностях населённого пункта. Археологическим памятником, соответствующим булгарскому Мерчи, вероятно, является Новомокшинское городище. Данный памятник представляет собой расположенное на мысу между рекой и, вероятно, ранее обводнённым оврагом укрепление, небольшой, по булгарским меркам, площади – немногим более полутора гектар. Можно отметить солидные фортификационные сооружения на памятнике – двойную линию валов и рвов. Кроме того, обращает на себя внимание значительная толщина культурного слоя на Новомокшинском городище – в среднем 60 сантиметров. Учитывая, что городище является именно крепостью, или, по устоявшейся классификации булгарских древностей, феодальным замком, на что указывает его небольшая площадь и внушительная линия укреплений, – такая толщина культурного слоя свидетельствует о значительной древности её сооружения и длительном функционировании именно как военного объекта. Для сравнения, большинство булгарских крепостей либо имеет культурный слой мощностью до 30 сантиметров, либо не имеет его вовсе. По всей видимости, когда прилегающая к крепости местность стала относительно безопасной для селе-

ний открытого типа, возникли обширные посады, общей площадью более 15 гектар.

Название данной крепости можно этимологизировать из чувашского «Мерчен» со значением «сказочный, легендарный» либо «жемчужный, коралловый» [15, с. 337]. Во втором случае, по-видимому, обозначение можно рассматривать как синоним к эпитету «великолепный». Заметим, что подобные эпитеты для городов Волжской Булгарии засвидетельствованы (сравните, например: «Шам-Суар», «Нур-Сувар» по отношению к городу Сувару, что означает «Блестательный Сувар», «Сияющий Сувар»).

Крепость Техшу/Тахасту локализовать сложнее. Вероятнее всего, речь в данном случае идёт об одном из известных из других источников булгарских городов – Тухчине или Тетюше. О местоположении города Тухчина среди историков нет единого мнения, известно лишь, что он находился в центральных областях Волжской Булгарии. Данный ойконим известен из русских летописей, в рамках повествования о большом походе против волжских булгар русских князей в 1183 году. С.М. Шпилевский считал возможным объяснить название города от имени местного эмира, о котором, впрочем, в источниках нет ни единого упоминания, если не считать полуполюгендарного правителя Волжской Булгарии с именем Тука. Мы же считаем, что этимологически название данного города, вероятно, восходит к этноплеменной тюркской группировке «тухси», известной, прежде всего, в Центральной Азии. Они традиционно связываются с тюркешами и считаются выходцами из их этноплеменного союза. Данные о языке и обычаях тухси приводятся Махмудом Кашгарским, для которого проживание тухси в окрестностях Иссык-Куля и в Чуйской долине было современной реальностью [16]. Исходя из сведений об их языке, тухси могут быть классифицированы как народ, говоривший на одном из огузских тюркских языков. Какие-либо данные о масштабной миграции представителей этого племени на запад отсутствуют. Однако родовые подразделения с таким именем фиксируются источниками и у кыпчаков – например, Токсобичи русских летописей. Также известно об аккумуляции представителей различных этноплеменных групп на территории Волжской Булгарии на протяжении всей её истории, в том числе из Центральной Азии [17]. Кроме того, происхождение ойконима от этнонима – распространённая традиция в волжско-булгарской топонимии: такую этимологию имеют ойконимы Булгар, Сувар, Биляр и, вероятно, Ошель, что также, на наш взгляд, свидетельствует в пользу данной версии.

Однако, если наше предположение верно и название Тухчин действительно восходит к этнониму «тухси», то из вероятных прототипов крепости Техшу этот город следует исключить. Дело в том, что процесс кыпчакизации Волжской Булгарии берёт начало с XI столетия, что было связано с распадом Кимакского каганата и продвижением кимако-кыпчакских групп населения на запад. До этого времени говорить о каком-либо кыпчакском влиянии на территории Волжской Булгарии нет никаких оснований. Следовательно, в источник первой четверти X века кыпчакское название проникнуть не могло.

В этой связи ещё больший интерес приобретает второй кандидат на прототип булгарского Техшу –

Тетюши. В окрестностях современного города археологами выявлены могильники IX–X веков, как языческие, так и раннемусульманские. Тетюшское II городище, расположенное на мысу с местным названием «Вшивая горка», восходит ещё к поселениям именьковской культуры, и, вероятно, оно являлось одним из первых стационарных поселений Волжской Булгарии. Интересную гипотезу о происхождении топонима Тетюши выдвинул Е.П. Казаков. Он возводит ойконим к угро-мадьярскому слову «tetu» со значением «вошь, насекомое», что хорошо согласуется с местным народным названием городища. Стоит отметить, что значительная роль угорского населения в формировании волжских булгар в свете последних исследований получает всё большее подтверждение [18, с. 109]. О присутствии древних венгров в Поволжье свидетельствуют как арабо-персидские, так и собственно венгерские средневековые источники. Более того, присутствие угорского этнического компонента в Среднем Поволжье и в Приуралье прослеживается вплоть до монгольского нашествия [19]. Вопрос об археологическом подтверждении пребывания угорских племён на Волге и участия их в этногенезе населения Волжской Булгарии был подробно рассмотрен Е.А. Халиковой на материалах Больше-Тиганского и Танкеевского могильников [20].

Материалы дальнейших исследований подтвердили предположения о значительной роли угорского этнического компонента в истории Волжской Булгарии и этногенезе булгар. Наиболее значительным это влияние было на ранних этапах истории булгар на Волге, то есть в тот период, к которому мы и относим возникновение у них здесь первых крепостей. Таким образом, угорская этимология части булгарских ойконимов, в частности рассматриваемого нами «Техшу», может быть признана вероятной. В новейшей историографии вопрос об угорском влиянии на историю и культуру Волжской Булгарии наиболее полно освещён в цитированной работе Е.П. Казакова [18]. Учитывая вышесказанное, на данный момент наиболее вероятным вариантом локализации крепости Техшу нам представляется городище «Вшивая горка» в окрестностях города Тетюши. Данный вопрос, разумеется, нуждается в дальнейших исследованиях, которые должны будут включать как анализ окрестной микротопонимии, так и интерпретацию археологических материалов – в частности, с известного Тетюшского могильника.

Вопрос о местоположении двух других крепостей – Йасу и Эрнаса – на основании тех данных, которыми мы располагаем на данный момент, однозначно разрешён быть не может. Вместе с тем считаем возможным высказать некоторые предварительные догадки по данной теме. Прежде всего, необходимо отметить, что, как нам представляется, положительное решение вопроса о существовании и локализации крепостей Мерджи и Техшу повышают доверие к сведениям Хамадани и ат-Туси, а также делают небезосновательными надежды на подобное решение и относительно Йасу и Эрнаса. Хотелось бы, однако, отметить один факт. Исследователями, практически с момента появления в научном обороте сведений о крепости Йасу, делались предположения по поводу отождествления этого ойконима с этнонимом «ису/вису», встречающемуся в источниках для обо-

значения одной из северных народностей, с которыми булгары вели торговлю. По нашему мнению, если такое отождествление верно, то речь здесь скорее может идти об ошибке одного из авторов либо компиляторов, чем о существовании в столь ранний период у булгар форпостов в северных землях. Торговля с северными народами составляла важнейший источник доходов булгар и определённо началась до посещения их земель ибн Фадланом. Вместе с тем сведения о стационарных пунктах волжских булгар на Верхней Каме и её притоках появляются в источниках только в ордынское время. Археологические исследования остатков таких факторий позволяют датировать их основание домонгольским временем, но не столь ранним, как начало X века [21, с. 17]. С некоторой долей вероятности название крепости можно было бы связать с этнонимом северной народности в том случае, если бы она, допустим, была расположена на торговом пути, ведущем на север, или в ней базировались бы склады с вывезенной оттуда пушниной. Однако всё это пока лишь догадки, не подкреплённые фактами. Кроме того, разнообразие форм написания ойконима, среди которых встречаются и такие, как «Яхасну», «Бахасну», также делают такое отождествление сомнительным.

С крепостью Эрнас ситуация ещё сложнее. В данной связи можно привести лишь догадку Н.И. Ашмарина, который указывал деревню с названием Арняш в Мамадышском уезде Казанской губернии. Но сам автор гипотезы был весьма осторожен в предварительных выводах [4]. От себя добавим, что появление в рассматриваемый период булгарских укреплений к северу от Камы, по нашему мнению, маловероятно, хотя данный вопрос, безусловно, нуждается в более детальном исследовании.

Перед тем, как перейти к выводам, хотелось бы отметить, что перспективы дальнейших изысканий в данном направлении, на наш взгляд, лежат в продолжении комплексных исследований на территории бывшей Волжской Булгарии, включающих в себя всесторонний анализ топонимических данных (как бытующих в настоящее время, так и извлечённых из архивных материалов), фольклорных и этнографических материалов, данных археологии. Сказанное в равной мере относится как к предварительно локализованным в данной статье объектам, так и к тем, вопрос о локализации которых пока остаётся открытым.

В связи с вышеизложенным, считаем уместным сформулировать следующие выводы:

1. Подтверждение сведений Наджиба Хамадани и Ахмеда ат-Туси относительно крепостей Мерчи/Мерджи и Техшу/Тахасту повышает доверие к информации, содержащейся в этих источниках, и позволяет надеяться, что в ходе дальнейших исследований будут локализованы и отождествлены с соответствующими археологическими памятниками и другие крепости из их списков – Йасу и Эрнас (в варианте Наджиба Хамадани). На современном этапе исследований можно лишь предполагать, что они, как и две локализованные крепости, по-видимому, должны располагаться на территориях, освоенных булгарами на ранних этапах своего пребывания в Поволжье. В связи с этим этимология ойконима Йасу от известного по источникам этнонима «ису/вису» представляется маловероятной.

2. Оригинальность сведений Наджиба Хамадани и Ахмеда ат-Туси, по-видимому, обусловлена тем, что они опирались на сведения Ахмеда ибн Фадлана, сохранившиеся в не дошедшей до нас части «Рисалии», о ранних крепостях Волжской Булгарии, которые вскоре после этого утратили своё значение и исчезли со страниц историко-географических трудов. Произошло это вследствие возникновения и развития других крупных городских центров Волжской Булгарии, таких как Булгар, Сувар, Биляр и Ошель. Также определённую роль в отсутствии упоминаний этих ойконимов у других арабо-персидских авторов и в русских летописях сыграло и расширение границ булгарского государства на Волге, вследствие чего указанные крепости оказались в центральной, относительно безопасной его части.

3. На современном этапе исследований считаем возможным отождествить крепость Мерджи/Мерчи с Новомокшинским городищем, известным у окрестного населения как «Меречен», а Техшу/Тахасту со II Тетюшским городищем в окрестностях современного города Тетюши на правом берегу Волги.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Артемьев А.И. Исторические сведения о Казанской губернии // Список населённых мест по сведениям 1859 года. XIV. Казанская губерния. СПб., 1866. 344 с.
2. Шпилевский С.М. Древние города и другие булгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877. 489 с.
3. Невоструев К.И. О городищах древнего Волжско-Болгарского и Казанского царств в нынешних губерниях Казанской, Симбирской, Самарской и Вятской. М., 1871. 350 с.
4. Ашмарин Н.И. Болгары и чуваша. Казань, 1902. 202 с.
5. Поливанов В.Н. Археологическая карта Симбирской губернии. Симбирск, 1900. 204 с.
6. Ахмаров Г.Н. Экскурсия на место древнего Суvara // Изв. Общ-ва археологии, истории и этнографии. Казань, 1893. № 7. С. 478–481.
7. Смирнов А.П. Волжские булгары. М.: Наука, 1951. 453 с.
8. Халиков А.Х. Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария. Казань: ФЭН, 1994. 103 с.
9. Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. М.: Наука, 1984. 216 с.
10. Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и её территории. Казань: Таткнигоиздат, 1975. 219 с.
11. Хузин Ф.Ш. Булгарский город в X – начале XIII вв. Казань: Мастер-Лайн, 2001. 477 с.
12. Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература/Избранные сочинения. Том IV. М.: АН СССР, 1957. 965 с.
13. Матвеева Г.И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара: Самарский университет, 1997. 226 с.
14. Симаков В.Е. Энциклопедия чувашских сёл Самарской области. Самара: НТЦ, 2008. 405 с.
15. Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Изд-во ЧГИИГН, 1996. 696 с.

16. Махмуд Кашгарский. Диван лугат ат-тюрк. Алматы, 2010. 589 с.

17. Беленов Н.В. «Чёрные клобуки» в Волжской Булгарии // Народы Евразии. История, культура и проблемы взаимодействия. 2012. № 15. С. 198–203.

18. Казаков Е.П. Волжские болгары, угры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2007. 208 с.

19. Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. 1940. № 3. С. 87–117.

20. Халикова Е.А. Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья // Советская археология. 1976. № 3. С. 141–157.

21. Белавин А.М. Волжская Болгария и Пермское Приуралье: в X–XIII вв. (к вопросу о культурном и экономическом взаимодействии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1991. 24 с.

NAJIB HAMADANI AND AHMED AT-TUSI'S BULGARIAN OIKONYMS AND THEIR LOCATION IN THE FORMER VOLGA BULGARIA

© 2016

N.V. Belenov, candidate of pedagogical sciences, associate professor of the Chair of Information and Communication Technologies in Education Samara State University of Social Sciences and Education, Samara (Russia)

Abstract. This article attempts to localize the fortresses of the Volga Bulgars (first of all, fortresses Marj and Tehshu) known from medieval authors reportedly Najib Hamadani and Ahmed at-Tusi. In the course of solving this problem the question of these authors' data reliability is raised, as well as the common source of this information borrowing. There is a good reason to see this in the source known among the Arab-Persian historical and geographical medieval manuscripts as «Rizal» by Ahmed ibn Fadlan, the Secretary of Abbasid embassy to the Volga Bulgars Elteber Almush, who visited the Volga in 922. This fact explains the absence of Bulgarian cities known from other sources in the given lists as well as the question of uniqueness of Hamadani and at-Tusi's information. On the basis of the sources synthesis, place-and folklore studies, the article proposes some options for localization of some of these forts and etymology options of Bulgarian oikonyms mentioned in the papers by the considered authors. The author proves the importance of place names data at the present stage of Bulgar study research, especially of Volga Bulgaria historical geography as well as further studies are planned.

Keywords: Volga Bulgaria; source study; toponymica; Najib Hamadani; Ahmed at-Tusi; Ahmed ibn Fadlan; historical geography; etymology; localization; Arab-Persian historical and geographical manuscripts.

УДК 93

ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКЕ И ПРАКТИКЕ

© 2016

Д.М. Мифтеева, аспирант кафедры истории России Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург (Россия)

Аннотация. В данной статье рассматривается история изучения эпидемических заболеваний в отечественной науке, проанализированы основные тенденции становления эпидемиологии как науки в России. Показана значимость деятельности ученых-практиков в борьбе с инфекционными заболеваниями в предыдущие столетия, положительный опыт которых является базисом современной науки эпидемиологии. Борьба с инфекционными заболеваниями в предыдущие столетия имела неоднозначный результат. С одной стороны, отечественными и зарубежными эпидемиологами были достигнуты выдающиеся результаты в лечении и профилактике инфекционных заболеваний, что позволило существенно снизить показатели заболеваемости и смертности в XX–XXI вв. Вместе с тем, современный период в истории характеризуется совокупностью социальных и экономических изменений: ростом городов, интенсивностью миграции, трансформация затронула также и возрастную структуру населения стран мира. Все перечисленные факторы привели к изменению одной из основных характеристик большинства инфекционных заболеваний – ограниченности территориальной локализации. В XXI в. тенденции распространения эпидемий на значительные расстояния, могут привести к возникновению масштабных пандемий в пределах одной или нескольких стран. На сегодняшний день учеными наблюдается всплеск новых и неизвестных до этого времени заболеваний таких как: атипичная пневмония (SARS), свиной и птичий грипп (H1N1 и H5N1), вирус Эбола, ближневосточный респираторный синдром (MERS) и т.п. Отмечается возврат уже ликвидированных инфекций: тиф, холера, желтая лихорадка и т. п. Данные процессы показывают, что человечеству предстоит пройти еще значительный путь к полной победе над инфекционными заболеваниями, а изучение опыта достигнутого в предыдущие столетия учеными-эпидемиологами, позволит внести существенный вклад в эту неравную борьбу человека с вирусом.

Ключевые слова: инфекционные заболевания; эпидемиологическая ситуация; экологический фактор; эпизоотии; территориальная локализация; отечественная историография; Российская империя; древнерусские летописи; противоэпидемические мероприятия; государственная политика; отечественная медицина; чума; холера; оспа; малярия; исторический опыт; распространение; микробиология; профилактика.

Эпидемии неразрывно сопровождали человеческое общество вплоть до начала XX века. Опустошая города и целые страны, они становились стихийным бедствием для всего мира. Эпидемии для людей были страшнее войны и голода, внося ужас и беспорядок в размеренную жизнь, они оставляли неизгладимый отпечаток в памяти всех народов мира. Огромными жертвами сопровождалось появление «мора» в различных странах и государствах. Многие поколения ученых, ставшие свидетелями страшных эпидемических страниц мировой истории, кропотливо работали над собиранием и систематизацией своих знаний для того, чтобы эти знания впоследствии помогли людям в борьбе с безликим противником. Над собиранием материалов о вспышках эпидемий трудились: историки, деятели науки, культуры и медицины. Будучи чрезвычайным событием в жизни людей, многие ученые работали над написанием трудов о причинах возникновения той или иной эпидемии, путях ее распространения и ее влиянии на жизнь людей. В своем становлении история изучения эпидемий традиционно делится на три периода: дореволюционный, советский и современный.

Первые сведения об эпидемиях и эпизоотиях появляются еще в древнерусских летописях. Новгородской, Псковской и в более поздних, относящихся к XVI–XVII вв. Воскресенской и Никоновской летописях. В них присутствуют многочисленные указания на вспышки «мора», которые бушевали на территории Руси. Описывая повальные болезни, летописцы в большинстве случаев не углублялись в первопричины эпидемий, не описывали характер поветрий и источники их возникновения. Все инфекционные заболевания в летописях проходили под одним собирательным названием: «мор», иногда употреблялось такое выражение как «моровое поветрие». Данные фактологические неточности впоследствии значительно затрудняют работу ученых и исследователей над определением и описанием эпидемий и эпизоотий, бушевавших в этот период. Таким образом, этиология инфекционных заболеваний оставалась практически не изученной. Стоит сказать и о том, что большинство выводов, которые строятся на основе анализа летописных источников, носят преимущественно гипотетический характер. Также затруднительно говорить и о масштабах эпидемий древнерусского периода. Точного учета умерших на Руси не велось и приведенные цифры в данных источниках являются весьма приблизительными.

Со второй половины XVIII в. по первую половину XIX в. появляется специализированная эпидемиологическая литература. Это было связано с тем, что в этот период эпидемиология как наука выделяется из общей медицины. Основателем отечественной эпидемиологии стал русский военный врач, контагиозист Д.С. Самойлович, который посвятил большую часть своей жизни изучению чумы и чумных эпидемий. В процессе своей исследовательской деятельности он впервые в России высказал теорию о распространении эпидемии посредством болезнетворного агента – вибриона через соприкосновение [1]. Своим открытием ученый доказал заразительность большого инфекционным заболеванием человека. В период эпидемии чумы в г. Москве 1770–1772 гг. Д.С. Самойлович принял активное участие в борьбе с эпидемией и состоял в учрежденной Комиссии для предохране-

ния и врачевания от моровой язвы. Значительный вклад ученый также внес и в разработку системы противоэпидемических и дезинфекционных мероприятий для борьбы с эпидемиями чумы на территории России.

Опыт борьбы врачей в г. Москве был обобщен в фундаментальной работе XVIII в. А.Ф. Шафонского «Описание моровой язвы, бывшей в столичном городе в Москве с 1770–1772 гг., с приложением всех для прекращения оной тогда установленных учреждений» [2]. Данная работа содержит подробное описание эпидемии чумы 1770 года, свидетелем которой стал А.Ф. Шафонский. В своей работе он не только указал первопричины появления болезни, но и описал дальнейшие пути ее распространения. Отдельно А.Ф. Шафонский затронул вопрос и о мерах профилактики чумы, которые были разработаны врачами-практиками в период эпидемии 1770 года. Значительную часть своей работы автор посвятил деятельности организаций по предотвращению эпидемии, которые были организованы в г. Москве в период «второй волны» эпидемии.

В XIX столетии выходят в свет монографии, главным критерием которых становится углубленное изучение отдельных вопросов, касающихся инфекционных заболеваний. Наиболее издаваемыми работами стали монографии В.В. Фавра «Опыт изучения малярии в России в санитарном отношении» [3], Г.И. Архангельского «Холерные эпидемии в Европейской России в 50-летний период 1823–1872 гг.» [4]. Нельзя не отметить и деятельность основоположника отечественной гигиены – Федора Федоровича Эрисмана. Работы этого ученого стали основополагающими в развитии социально-гигиенического направления в медицине [5]. Таким образом, в обозначенный период в развитии медицины происходит углубление научных знаний, исследуются новые аспекты, которые до этого казались незначимыми.

Ценная информация об эпидемиологическом состоянии Российской Империи сохранилась в записях путешественников и в различных географических и медико-топографических описаниях. Значительная часть медико-топографических описаний Российской империи собрана и опубликовано в «Губернских ведомостях» [6]. Это официальное периодическое издание, издаваемое по Высочайшему повелению с 1838 г., в Губернских городах Российской Империи. В них содержались различные приказы и распоряжения властей губернии, помещались труды, посвященные местной истории содержащие данные статистического, географического и этнографического характера [7, с. 152]. Обширные таблицы с регистрацией заболевших, количеством умерших и выздоровевших от болезней дают многочисленные отчеты и записи медицинских учреждений с XIX–XX вв. Большинство данных печаталось в сборниках. В «Военно-медицинском журнале» публиковались отчеты о санитарном состоянии русской армии, например: «Отчеты о состоянии здоровья на флоте (1889–1912 гг.)», «Медицинские отчеты по ведомству Императрицы Марии (1891–1915)», отчеты и статьи публиковались ежегодно до 1915 г. [8].

В отечественной историографии второй половины XIX века возникает направление медицинской истории. Главными представителями этого направления являются Г.Н. Минх и С.Г. Ковнер. Григорий Николаевич Минх – доктор медицины, с 1876–1895 гг. профессор Киевского университета, автор трудов по

изучению чумы и проказы [9]. Савелий Григорьевич Ковнер посвятил значительную часть своей жизни изучению древней медицины и ее истории [10]. Другим известным микробиологом, публиковавшим свои работы, посвященные исследованиям эпидемий чумы, является Д.К. Заболотный. Главный труд этого ученого вышел в свет в двух томах в 1956 г. под названием «Чума. Эпидемиология, патогенез и профилактика» [11]. Даниил Кириллович разработал собственную теорию о существовании очагов в эпидемически благоприятных странах, таких как: Монголия и Индия. Своей кропотливой работой ученый доказал существование взаимосвязи между эпидемическими вспышками и эпизоотиями среди животных. Великие открытия, совершенные Д.К. Заболотным и другими учеными-практиками XIX века, произвели революцию в области эпидемиологии.

В советский период основным критерием изучения медицины стала ее практическая значимость. В эту эпоху становится известным благодаря своей научной деятельности микробиолог, эпидемиолог, академик Академии медицинских наук СССР с 1965 г. Оганес Вагаршакович Бароян. В 1968 г. О.В. Бароян публикует книгу «Итоги полувековой борьбы с инфекциями в СССР и некоторые актуальные вопросы современной эпидемиологии», а в 1986 г. выходит вторая работа по данной тематике «Закономерности и парадоксы: Раздумья об эпидемиях и иммунитете, о судьбах ученых и их труде» [12]. В своих работах О.В. Бароян описал результаты экспериментов в изучении эффективности противовирусных препаратов и влиянии экологических факторов различных территорий на иммуногенез человека.

В этот период выпускаются и биографические работы, посвященные жизни и деятельности великих ученых-эпидемиологов XVIII–XX вв. Деятельности ученого-эпидемиолога Данило Самойловича посвящена монография С.М. Громбаха [13]. Ю.И. Миленушкин описал самоотверженную работу в области эпидемиологии Заболотного Даниила Кирилловича в своей монографии «Выдающийся деятель отечественной медицины Д.К. Заболотный» [13]. Так же Ю.И. Миленушкин публикует в 1947 и 1967 гг. две монографии, посвященные русскому и советскому микробиологу, почетному академику АН СССР 1940 г., академику АМН СССР 1945 г., лауреату Сталинской премии 1943 г. Николаю Федоровичу Гамалея [14]. В данных монографиях автор подробно описывает деятельность ученого в сфере бактериологии, изучении бешенства, холеры, туберкулеза, дает оценку тому вкладу, который внес Н.Ф. Гамалея совместно с И.И. Мечниковым в создание бактериологического института в Одессе. Деятельности Д.К. Заболотного посвящена монография К.Г. Васильева «Даниил Кириллович Заболотный (1866–1929)» [15]. Данная монография принадлежит серии «Выдающиеся деятели отечественной медицины и здравоохранения» 1986 г. К 100-летию со дня рождения академика Д.К. Заболотного В.И. Билай в 1966 г. публикует книгу «Жизнь, отданная людям» [16]. Деятельности и достижениям ученых и врачей посвящена книга С.А. Блинкина. В этой работе автор описывает самоотверженность, а также гуманизм врачей и ученых, проявленный в борьбе с эпидемическими заболеваниями [17].

Негативно сказался распад СССР и последующая перестройка на изучение истории медицины, в том

числе и эпидемиологии. В наступивший период государство оказалось не способным обеспечить должное развитие науки, для которой наступил кризис, повлекший за собой значительное сокращение выпускаемых научных работ. Однако стоит сказать, что отдельные ученые продолжали свою научную деятельность, в претерпевшей кардинальные изменения стране. Одной из немногочисленных работ, которая была опубликована в этот период, можно назвать работу К.Г. Васильева «История эпидемий и борьба с ними в России в XX столетии» [18]. Микробиологи М.В. и Н.С. Супотницкие совместно в 2006 году публикуют работу, посвященную изучению всемирной истории чумы [19].

На современном этапе изучения истории становления эпидемиологии публикуются не только историки-медики, а в большей степени историки-гуманисты. К данной группе ученых можно отнести Ю.Е. Арнаутову, которая в 2004 г. опубликовала свою работу «Колдуны и святые: Антропология болезни в Средние века» [20]. В 2005 г. К.А. Богданов издает книгу «Врачи, пациенты и читатели: Патографические тексты русской культуры XVIII–XIX веков» [21], в которой он освящает холерные года в России XIX в. также героическую деятельность, которую проявили врачи эпидемиологи в борьбе с эпидемиями.

Таким образом, можно заключить, что основной базис науки был заложен учеными еще в XVIII в. На данном этапе медицина в России оформляется как наука, появляются первые врачи-практики. Однако наиболее плодотворным временем в изучении истории эпидемий можно назвать период с XIX по XX вв. В эти столетия не только зарождаются новые отрасли в самой науке – медицине, но и расширяется сфера изучения эпидемиологических заболеваний. Свою деятельность начинают великие и знаменитые ученые-эпидемиологи: Г.Н. Минх, С.Г. Ковнер, Д.К. Заболотный, Н.Ф. Гамалея, которые внесли значительный вклад в развитие эпидемиологии как науки, а своей практической деятельностью спасли миллионы человеческих жизней. Эти ученые создали основной научный пласт в данной области, последующие поколения молодых исследователей-практиков использовали их труды в качестве ориентиров в своей научной работе и практической деятельности.

Стоит сказать, что на современном этапе, научная деятельность продолжает плодотворно развиваться. Открываются новые горизонты в изучении эпидемиологического состояния Российской империи. Объективно поставлена задача фронтального изучения исторического опыта по борьбе со всеми крупными вспышками эпидемий в России, поскольку только решение этой крупной научной проблемы сделает возможным понимание сути государственной политики в этом вопросе и ее эволюции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Самойлович Д.С. Краткое описание микроскопических исследований о существе яда язвенного. СПб., 1792. 68 с.
2. Шафонский А.Ф. Описание моровой язвы, бывшей в столичном городе в Москве с 1770–1772 гг., с приложением всех для прекращения оной тогда установленных учреждений. М., 1775. 665 с.
3. Фавр В.В. Опыт изучения малярии в России в санитарном отношении. Харьков: Печатня С.П. Яковлева, 1903. 106 с.

4. Архангельский Г.И. Холерные эпидемии в Европейской России в 50-летний период 1823–1872 гг. СПб., 1874. 504 с.
5. Эрисман Ф.Ф. Руководство к гигиене. СПб., 1877. 201 с.
6. Губернские ведомости // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1890–1907.
7. Любичанковский С.В. Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффективность. Сводные материалы заочной дискуссии. Российская академия наук, Поволжский филиал Института Российской истории РАН. Екатеринбург–Ижевск, 2010. 498 с.
8. Военно-медицинский журнал // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1889.
9. Минх Г.Н. Проказа на юге России 1884–1887. М.: Типография императорского университета Св. Владимира, 1890. 233 с.
10. Ковнер С.Г. История средневековой медицины. Киев: Типография императорского университета Св. Владимира, 1893. 623 с.
11. Заболотный Д.К. Чума, эпидемиология, патогенез и профилактика // Заболотный Д.К. Избранные труды. Киев: АН УССР, 1956. 205 с.
12. Бароян О.В. Итоги полувековой борьбы с инфекциями в СССР и некоторые актуальные вопросы современной эпидемиологии. М.: Медицина, 1968. 304 с.
13. Громбах С.М. Данило Самойлович. Жизнь и деятельность. М., 1952. 52 с.
14. Миленушкин Ю.И. Выдающийся деятель отечественной медицины Д.К. Заболотный. М.: Знание, 1954. 152 с.
15. Васильев К.Г. Д.К. Заболотный (1866–1929). М.: Медицина, 1986. 102 с.
16. Билай В.И. Жизнь, отданная людям. Киев: Наукова думка, 1966. 84 с.
17. Блинкин С.А. В борьбе с инфекциями. М.: Медицина, 1971. 168 с.
18. Васильев К.Г. История эпидемий и борьба с ними в России в XX столетии. М.: Медгиз, 1960. 397 с.
19. Супотницкий М.В., Супотницкая Н.С. Очерки истории чумы. М., 2006. 964 с.
20. Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в Средние века. СПб.: Алетей, 2004. 400 с.
21. Богданов К.А. Врачи, пациенты, читатели: Паутографические тексты русской культуры XVIII–XIX веков. М.: ОГИ, 2005. 504 с.

THE EPIDEMIOLOGICAL STATUS OF THE RUSSIAN EMPIRE: HISTORY OF RESEARCH IN DOMESTIC SCIENCE AND PRACTICE

© 2016

D.M. Mifteeva, postgraduate student of the Chair of history of Russia
Orenburg State Pedagogical University, Orenburg (Russia)

Abstract. This article discusses the history of the study of epidemic diseases in domestic science, analyses the main tendencies of epidemiology as a science in Russia. The importance of the work of scientists – practitioners is the fight against infectious diseases in previous centuries, the positive experience which is the basis of modern science of epidemiology. This fight against infectious diseases in previous centuries had mixed results. On the one hand, domestic and foreign epidemiologists outstanding results have been achieved in the treatment and prevention of infectious diseases, which allowed significantly reduce of the morbidity and mortality rates in the XX–XXI centuries. At the same time, the history of the modern period is characterized by a set of social and economic changes: the growth of cities, the intensity of migration, transformation also affected the age structure of the population of the world. All these factors have led to a change in one of the main characteristics of the majority of infectious diseases – the limited territorial localization in the XXI century. It is observed the tendency of spread of epidemics to a considerable distance, they become global. New and unknown diseases such as SARS, swine and bird flu (H1N1 and H5N1), Ebola virus, the middle east respiratory syndrome (MERS), etc. arise at this time. It is registered the return of liquidated infections: typhoid, cholera, yellow fever, etc. These processes show that humanity is still a long way to complete victory over infectious diseases, and to study the experience achieved in the previous century scientists – epidemiologists. They would make a significant contribution in the unequal struggle with the human virus.

Keywords: infectious diseases; the epidemiological situation; environmental factor; epizootic; territorial localization; domestic historiography; Russian empire; old Russian chronicles; control measures; public policy; our medicine; plague; cholera; pox; malaria; historical experience; spread; microbiology; prevention.

УДК 94(47)"1800"

ПАВЛОВСКИЙ СЕНАТ И ВОПРОС О ПОДАТНОМ СТАТУСЕ МЕЛКОЙ ШЛЯХТЫ ЗАПАДНЫХ ГУБЕРНИЙ НА РУБЕЖЕ XVIII–XIX ВЕКОВ

© 2016

К.В. Трояновский, аспирант департамента истории
Санкт-Петербургская школа социальных и гуманитарных наук
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург (Россия)

Аннотация. После разделов Речи Посполитой перед новыми властями встала проблема определения статуса мелкой шляхты в сословной иерархии Российской империи. На рубеже XVIII–XIX вв. этот вопрос решался Самарский научный вестник. 2016. № 3 (16)

в Сенате. В апреле 1800 г. по представлению 3-го департамента Сената, Павел I подтвердил фискальный иммунитет мелкой шляхты и другие привилегии, которыми она пользовалась в Речи Посполитой. Однако в том же году после рассмотрения частного вопроса о налогообложении шляхты, оказавшейся в Новороссийской губернии, 1-й департамент Сената принял две резолюции, противоречащие смыслу апрельского постановления.

В статье анализируются обстоятельства принятия департаментами Сената решений, которые отразили разные подходы к проблеме включения малоимущего нобилитета западных губерний в состав высшего сословия Российской империи. Постановление 3-го департамента предполагало кооптацию целой группы посредством законодательного признания ее привилегированного статуса. В основе резолюций 1-го департамента лежала установка на интеграцию в ряды российского дворянства каждого шляхтича в индивидуальном порядке. В итоге предпочтение было отдано второй модели, по которой принадлежность к шляхте должна была регулироваться в соответствии с российскими законами.

Ключевые слова: Российская империя; Павел I; западные губернии; «польские» губернии; имперская сословная политика; Сенат; сенаторы; департаменты Сената; сословия; социальный статус; сословные права и привилегии; дворянство; мелкая шляхта; А.И. Васильев; Л.С. Ворцель; Т. Козловский; О.Г. Кутлубицкий (Котлубицкий); П.Х. Обольянинов.

В результате второго и третьего разделов Речи Посполитой 1793–1795 гг. Российская империя приобрела обширные территории с населением в несколько миллионов человек. Одной из главных особенностей исчезнувшего Польско-Литовского государства была многочисленность его привилегированного сословия – шляхты, которая составляла в середине XVIII столетия, по принятым в современной историографии оценкам, 8–10% всего населения [1, с. 4]. К 1796 г. в пределах империи проживало свыше 250 тысяч шляхтичей [2, с. 158, 163, 164]. Польское дворянство представляло собой конгломерат различных по своему имущественному положению социальных групп. Значительное большинство дворян старой Польши, превратившихся в подданных российских монархов, принадлежали к мелкой шляхте, которая собственным трудом добывала средства к существованию. Наиболее многочисленной категорией была «чиншевая» шляхта, которая по договоренности с помещиками владела и обрабатывала небольшие участки земли, платя в качестве ренты условленную денежную сумму («чинш»).

Изучение истории дворянства Речи Посполитой, в т.ч. и мелкой шляхты, оказавшегося по итогам разделов в пределах Российской империи, занимает важное место в современной историографии Белоруссии, Литвы, Польши, Украины. Однако обстоятельства появления на повестке дня в Петербурге вопроса о месте мелкой шляхты в сословной иерархии Российской империи рассматриваются лишь в немногих работах. Справедливо считая 1800 год важной вехой, когда было положено начало правительственным мерам по «разбору» шляхты (т.е. определению ее сословной принадлежности), историки внимательно анализируют содержание указов, предписывавших шляхте представить доказательства своего дворянства, спорят о датах их издания. Хотя еще в 1990 г. И. Рыхликова опубликовала сведения об изданных в июне и сентябре 1800 г. в отношении шляхты двух указах [3, р. 110-112], историки продолжают приводить разные данные по датировке и количеству этих указов [4, с. 103, 161; 5, с. 27-28; 6, с. 87; 7, с. 127, 130].

При исследовании имперской политики в отношении шляхты на рубеже XVIII и XIX веков большинство исследователей рассматривают Сенат как цельный, консолидированный орган высшего государственного управления, игнорируя то обстоятельство,

что сенатские департаменты действовали как самостоятельные органы и в рамках своей компетенции принимали резолюции и издавали указы от имени всего Правительствующего Сената. Возможно, именно такое понимание функционирования Сената помешало историкам обратить должное внимание на противоречия друг другу резолюции, принятые его 3-м и 1-м департаментами и воплощенные в соответствующих указах 12 апреля и 15 июня 1800 г. Вместе с тем некоторые исследователи отмечают «непоследовательность политики» [4, с. 102] и «противоречия» [6, с. 87] по вопросу об обложении мелкой шляхты подушной податью.

Задачей настоящей статьи является анализ обстоятельств рассмотрения в Сенате вопроса о податном статусе мелкой шляхты в годы царствования Павла I, а также резолюций и указов Сената, принятых по этому поводу в 1800 г.

Воцарение Павла, считавшего разделы Польши несправедливым актом [8, с. 219], создало благоприятные условия для законодательного закрепления за шляхтой ее прежнего статуса. В отличие от Екатерины II, стремившейся к унификации новых территорий с имперским центром, Павел I стал с уважением относиться к традиционным судебным структурам на окраинах [9, с. 387, 388]. 12 декабря 1796 г. монарх объявил о том, что Белорусская, Виленская, Волынская, Гродненская, Киевская, Минская и Подольская губернии (в дореволюционной историографии они обозначались как «польские» или «западные»); в данной работе эти термины используются в качестве конвенции для обозначения административно-территориальных единиц Российской империи, образованных из бывших земель Речи Посполитой), наряду с остзейскими и малороссийскими, а также Выборгской, должны находиться «на особых по правам и привилегиям их основаниях» [10, с. 229]. На этих пограничных территориях были созданы аналоги прежних судебных учреждений, сохранены исторически сложившиеся системы права и процессуальные нормы судопроизводства, существовавшие там до присоединения к России.

Особое положение этих областей институционально было воплощено в 3-м департаменте Сената, который со времени реформы 1763 г. являлся для них высшей апелляционной инстанцией [11, с. 463; 12, с. 388]. На рубеже XVIII и XIX вв. в нем решались и некоторые вопросы администрирования, в частности,

вопросы по разъяснению порядка организации дворянских выборов в «польских» губерниях [13, л. 1]. Территории, приобретенные в ходе разделов Польши, также были отнесены к его ведению. Решение дел, поступающих из судов этих губерний, требовало от сенаторов департамента специального знания местных правовых норм. Именно этим объясняется то обстоятельство, что от трети до половины его членов в разные годы на рубеже XVIII и XIX веков составляли представители региональных элит – выходцы из остзейских и «польских» губерний. В павловское время среди сенаторов этого департамента были помещики Курляндии и Лифляндии – бароны Карл Генрих фон Гейкинг, Бальтазар Иоганн фон Кампенгаузен, Отто Герман фон дер Ховен (Говен), граф Готхард Андреас фон Мантейфель, владельцы обширных имений в западных губерниях – графы Лев (Леонард) Ворцель, Август Илинский, Северин Потоцкий, и др. [14, с. 94, 107, 116, 186, 193, 266]. 3-й департамент Сената стал тем государственным институтом управления, с помощью которого представители западных окраин империи отстаивали интересы своих губерний на основе старых привилегий, подтвержденных Павлом I. Именно это обстоятельство часто становилось причиной разногласий между представителями пограничных и внутренних губерний империи. Бывший в 1796–1798 гг. сенатором 3-го департамента Г.К. фон Гейкинг в своих воспоминаниях «обрисова [л] дух партийной розни, царившей тогда ... между старинными русскими и новоприсоединенными провинциями» [15, с. 9-10, 20-21]. Русский поэт и писатель И.И. Дмитриев, служивший в 1797–1798 гг. обер-прокурором этого департамента, в своих воспоминаниях также отмечал «разномыслие» между «русскими сенаторами», с одной стороны, и Гейкингом, Ховеном и Илинским, с другой [16, с. 139-141].

Однако к январю 1800 г., когда в 3-й департамент по распоряжению Павла I поступило дело, в котором затрагивался вопрос о положении мелкой шляхты, среди его членов уже не было ни П.А. Соймонова, которого К.Г. фон Гейкинг называл «диктатором», пытавшимся при поддержке русских сенаторов игнорировать местное право при решении дел из остзейских губерний [15, с. 9, 20-21], ни самого Гейкинга, который будучи президентом юстиц-коллегии лифляндских, эстляндских и финляндских дел стоял на страже старых привилегий. Видимо, отсутствие среди сенаторов департамента противников особого правового статуса пограничных областей свело на нет противостояние между «русской» и «немецко-польской» группами. В январе–марте 1800 г., когда рассматривался вопрос о шляхте, из сенаторов департамента заседания посещали Л.С. Ворцель, Б.Б. Кампенгаузен, О.П. Козодавлев (обер-прокурор 3-го департамента в 1796–1797 гг.), А.И. Илинский, А.И. Голохвастов, Д.П. Трошинский были командированы царем для ревизии губерний, гр. И.А. Безбородко был в отпуске, О.О. фон дер Ховен и С.Ф. Стрекалов отсутствовали по болезни. Обер-прокурором департамента с декабря 1799 г. являлся А.Н. Оленин (в будущем известный государственный деятель) [17, л. 1-845].

Вопрос о сословном статусе мелкой шляхты в империи возник как следствие инвентаризации челове-

ческих и материальных ресурсов завоеванных территорий, которая была проведена в ходе 5-й ревизии 1795–1796 гг. и люстрации (хозяйственного описания и кадастра имений, принадлежавших в прошлом польской короне) 1798–1800 гг. [18, с. 187–189] в западных губерниях. Ревизия здесь прошла по особым правилам, разработанным генерал-губернатором Т.И. Тутолминым. В качестве отдельных категорий населения, которые пользовались «преимуществами благородных», помимо других привилегированных классов учету подлежали чиншковые, околичные и служебные шляхтичи. Однако они вписывались не в ревизские сказки (предназначенные исключительно для податного населения), а в «особые именные ведомости» по каждому населенному пункту [19, с. 234, 235]. Таким образом, мелкая шляхта с различными наименованиями была документально зафиксирована как особая сословная категория империи.

Люстрация государственных имений в новоприсоединенных областях вызвала появление проектов по увеличению с них доходов. Один из таких проектов содержался в донесении статского советника И. Кутлубицкого, поданого на «высочайшее» имя в конце 1799 г. (Иосиф (Осип Григорьевич) Кутлубицкий (Котлубицкий) был отцом Николая Кутлубицкого, генерал-лейтенанта свиты Павла I и коменданта Михайловского замка. Источники сведений И. Кутлубицкого для составления проекта неизвестны. Судя по формулярному списку, И. Кутлубицкий поступил в 1767 г. в Киев на российскую службу по линии иностранных дел; владея восточными языками, во время русско-турецких войн исполнял различные поручения главнокомандующих армиями. Ему принадлежали 38 крепостных в Черниговской губернии [20, л. 3 об.–4, 5]).

В проекте описывались способы получения для казны до двух млн. рублей дополнительных доходов в Киевской, Подольской и Волынской губерниях. Речь шла главным образом о старостинских имениях (т.е. принадлежавших ранее польской короне), доходы с которых незаконно присваивались их временными владельцами. Говоря об упускаемых казной выгодах, Кутлубицкий упоминал и о 100-тысячной безземельной шляхте, которая вынуждена была «сносить от помещиков непомерные угнетения без всякой казенной пользы, плата им чинш». Если же поселить этих шляхтичей в казенных имениях, то, по мнению автора записки, «до 500 000 рублей они согласятся платить подати и, сверх того, к составлению войска могут с пользою употреблены быть ...» [21, л. 126-126 об.; 22, с. 351]. Очевидно, эти предположения Кутлубицкого отражали обсуждавшиеся в Петербурге планы использования в государственных целях потенциала мелкой шляхты как лично свободного населения.

К концу марта 1800 г. в отношении плана Кутлубицкого, переданного в Сенат, 3-й департамент подготовил доклад, который был представлен Павлу I на утверждение [17, л. 624 об.]. Предложение провести на месте расследование о сообщаемых злоупотреблениях было одобрено департаментом. Однако пункт о переселении шляхты на старостинские земли и обложении ее податями сенаторы отвергли. В отношении

мелкой шляхты доклад содержал положение, имевшее весьма важное значение для определения ее правового статуса. В нем указывалось, что шляхта была «всегда то же, что и дворяне, и из них безземельная шляхта для снискания себе пропитания нанимают от другой своей собратии излишние земли по контрактам и платят им не с особ, а с земли, или за дома ими нанимаемые. А потому за силою конституций 1374, 1457, 1463, 1699 и 1768 годов, увольняющих шляхетство от всех податей, [они] не могут никакой подлежать перемене их преимуществ» [21, л. 127 об.–128 об.; 22, с. 351–352]. Здесь обращают на себя внимание два момента: во-первых, в соответствии с политической традицией Речи Посполитой безземельная шляхта представлялась как совершенно равная в своих правах помещикам и магнатам; и во-вторых, ссылаясь на польские законы, актуальность которых для западных губерний была подтверждена Павлом I, сенаторы пытались закрепить в российском законодательстве особые права шляхты (вне зависимости от ее имущественного положения) как де-факто высшего сословия в западных губерниях.

12 апреля 1800 г. доклад 3-го департамента был утвержден императором [17, л. 752 об.–753 об.; 21, л. 125–129]. Можно высказать предположение, что важную роль в подготовке доклада и включении в него положения о мелкой шляхте сыграл сенатор Л.С. Ворцель – единственный представитель «польских» губерний, который присутствовал на всех заседаниях этого департамента во время рассмотрения плана Кутлубицкого [17, л. 85, 192, 368 об., 624 об., 658 об.]. Инициатива Ворцеля была направлена на разрешение вопроса о статусе мелкой шляхты в благоприятном для нее отношении. Учитывая признание верховной властью империи прежних привилегий польских областей, эта правовая норма могла привести к сохранению в них традиционной сословной структуры.

Следует сказать, что 3-й департамент незадолго до этого уже выносил по другому делу резолюцию, подтверждавшую старые привилегии мелкой шляхты еще в одном отношении. В феврале 1800 г. исполнявший обязанности «маршала» (предводителя) дворянства одного из уездов Подольской губернии Каэтан Пешинский обратился в Сенат с представлением о разрешении участвовать в дворянских выборах мелкопоместным шляхтичам. В качестве обоснования он ссылаясь на практику Речи Посполитой и приводил ряд польских конституций, санкционировавших участие такой шляхты в сеймиках. Апелляция к шляхетским привилегиям Речи Посполитой была с полным пониманием встречена в 3-м департаменте. 19 марта 1800 г. был издан указ, по которому на основании конституции 1768 г. разрешалось допускать к выборам всех «природных дворян», имеющих во временном пользовании помещичьи и казенные имения. Допускались даже их братья и другие родственники, не имеющие таких владений, но принадлежащие к древним родам [23, л. 13–13 об.]. (Этот указ не вошел в Полное собрание законов и в историографии о нем известно только из указа Александра I от 8 июня 1802 г.: [24, с. 159]. См.: [25, s. 153, fn. 27]).

В тот же день – 12 апреля 1800 г., когда Павел I утвердил доклад 3-го департамента, в 1-м департа-

менте Сената, ведавшим административными и фискальными делами в масштабах всей империи, был заслушан вопрос об обложении подушным окладом находившейся в Новороссийской губернии мелкой шляхты. Этот вопрос ждал своего решения с начала 1797 г. Дело в том, что в результате административно-территориальных изменений часть бывших польских земель (входивших в 1793–1794 гг. в Брацлавскую губернию) была передана в состав образованной в начале 1795 г. Вознесенской губернии (наместничества) [26, с. 641–644]. В январе 1797 г. Вознесенская казенная палата донесла Сенату о том, что во время проведения 5-й ревизии возник вопрос о «положении в оклад» чиншевой шляхты. В Чигиринском уезде на требование полиции подать ревизские сказки шляхтичи, не имевшие на руках документов о своем происхождении, через предводителя дворянства попросили правителя наместничества кн. П.Н. Оболенского не записывать их «в оклад» до подачи доказательств в уездные дворянские комиссии. В качестве уважительной причины они ссылались на то обстоятельство, что документы находятся у их родственников за границей – в Австрии и Пруссии. Тем не менее, Оболенский в октябре 1796 г. распорядился вносить таких людей в ревизские сказки для обложения подушной податью, но с пометкой о том, что «они объявили себя шляхетством и имеют представить на дворянское их достоинство доказательства» [27, л. 3–4]. Оболенский следовал указаниям своего начальника – екатеринославского, вознесенского и таврического генерал-губернатора кн. П.А. Зубова. Еще в мае 1795 г. Зубов предписал местной администрации «при устройении вообще губернии Вознесенской» иметь в виду указ Екатерины II от 3 мая 1795 г. на имя Т.И. Тутолмина [27, л. 4–4 об.]. Этим указом позволялось «всем по договорам, на землях помещичьих или казенных живущим, которые могут надлежащим образом доказать благородство свое», просить «общество дворянское о принятии и вписании ... в дворянскую книгу, дабы каждый ... мог воспользоваться правами сему достоинству присвоенными, во вступлении в службу нашу и в приобретении имения» [28, с. 694–695]. Поскольку действие этого указа распространялось на все присоединенные от Польши земли, то, по мнению Зубова, его следовало применить и к уездам, отошедшим от Брацлавской губернии к Вознесенской. Исходя из указа, Зубов запретил вписывать в дворянскую книгу «под названием околичной и чиншевой шляхты» тех просителей, которые не смогут представить доказательства. Такие лица должны были быть причислены к «поселянам ведомства нижних расправ» [27, л. 3–6]. Примечательно, что даже после административно-территориальных изменений, в результате которых образовалась губерния, включавшая в себя территории как бывшей Речи Посполитой, так и Турции, и Крымского ханства, Зубов вводил в ней для местной шляхты особый правовой режим на пространстве, очерченном границами старой Польши.

Поскольку в «польских» губерниях с чиншевой шляхты взыскание податей не производилось, а в указе 3 мая 1795 г. и предписании Зубова ничего не говорилось о ее податном статусе, Вознесенская казенная палата запросила Сенат о разрешении на об-

ложение не представивших доказательств шляхтичей податями «наравне с поселянами казенного ведомства». В присоединенных к Вознесенской губернии семи «польских» уездах насчитывалось 9833 «душ мужеска пола» такой шляхты [27, л. 3-6, 7-16 об.].

После ликвидации Вознесенского наместничества неразрешенное дело о шляхте перешло в Новороссийскую казенную палату, от имени которой вице-губернатор П.И. Неверовский в апреле 1799 г. направил новый запрос в Сенат о том, «в каком звании причисляющихся в сию губернию полскую чиншовую шляхту считать, и следует ли их какую податью обложить?» [27, л. 17-18 об.]. Поводом к этому послужила просьба от живущих в Киевской губернии двух шляхтичей о причислении их в казенные поселяне в Новороссийском уезде. На основе запроса палаты сенатская экспедиция, контролировавшая налоговые поступления, по указанию государственного казначея А.И. Васильева подготовила записку, которая была представлена Сенату [27, л. 1-2 об.]. Заслушав ее в сентябре 1799 г., 1-й департамент Сената не принял в тот момент никакого решения и вернулся к рассмотрению вопроса только 12 апреля 1800 г., то есть в день конфирмации Павлом I доклада 3-го департамента, подтверждавшего привилегии шляхты.

Была ли между этими событиями связь? По всей вероятности, доклад 3-го департамента представлял монарху генерал-прокурор П.Х. Оболянинов, назначенный на эту должность в феврале 1800 г. Последующий ход событий показывает, что только входивший в курс дел Оболянинов не обратил тогда должного внимания на положение о привилегиях мелкой шляхты. (Игравший в павловское время важную роль в работе канцелярии генерал-прокуроров М.М. Сперанский считал, что «всех их менее имел способностей Оболянинов и ему все с рук сходило» [29, с. 64]). В докладе, озаглавленном «О возложении местного исследования о доносимой статским советником Котлубицким потери дохода до 2-х миллионов рублей на комиссии, учрежденные для производства новой люстрации» [17, л. 752 об.; 30, л. 166 об.-167], норма о шляхте выглядела как частность и была явно не на первом плане. Тем не менее упоминание шляхты в докладе могло напомнить чиновникам канцелярий генерал-прокурора или 1-го департамента о запросе из Новороссийской губернии.

Еще одной причиной появления вновь на повестке дня 1-го департамента вопроса о налогах со шляхты в Новороссии послужил проект переселения чиншевой шляхты из Киевской и Подольской губерний в смежную с ними Новороссийскую губернию. Его автор – упомянутый выше вице-губернатор Неверовский, 16 марта 1800 г. направил соответствующее представление генерал-прокурору [31, л. 4-5 об.]. В пользу этого предположения говорит то обстоятельство, что именно 12 апреля 1800 г. генерал-прокурор передал это представление на рассмотрение в Экспедицию государственного хозяйства [31, л. 3].

1-й департамент уже сталкивался с проблемой определения сословного статуса некоторых шляхтичей западных губерний, поскольку в его ведомстве находилась Герольдия, занимавшаяся рассмотрением доказательств дворянства. В своих решениях Сенат воплощал политику Павла I, который с самого начала

своего царствования занял жесткую позицию в вопросах признания в дворянстве [32, с. 461-465]. Указом от 4 декабря 1796 г. монарх запретил дворянским собраниям и другим губернским учреждениям «вводить» кого-либо в дворянство и выдавать соответствующие грамоты [33, с. 216–217]. В развитие этого указа 19 марта 1797 г. было постановлено, что собрания могут только выносить свои заключения о полноте подаваемых просителями доказательств, которые должны были затем отсылаться в Петербург на окончательное решение Герольдии. Таким образом, фактически было отменено одно из главных положений Жалованной грамоты дворянству, согласно которому дворянское собрание каждой губернии имело право признавать просителей дворянами на основе представленных ими доказательств.

Опасения Павла I были вызваны тем, что губернские собрания не слишком придирчиво подходили к рассмотрению доказательств и признавали в дворянстве даже таких просителей, которые были записаны в ревизские сказки. Еще в 1789 г. Сенат распорядился присылать в Герольдию списки состоявших в подушном окладе лиц, которые тем не менее были признаны во дворянстве губернскими собраниями [34, с. 39–40]. Особенно остро эта проблема проявилась в Белорусской губернии, где множество потомков служилых людей, считавших себя шляхтичами, были записаны крупными помещиками в ревизские сказки [3, р. 122-127]. Доказавшие дворянство в губернских собраниях, каковых к 1800 г. насчитывалось 1096 «душ», требовали исключения из подушного оклада. В ответ на просьбы некоторых из них 9 апреля 1800 г. 1-й департамент Сената предписал губернским властям неукоснительно выполнять предыдущие указы и представлять доказательства о дворянстве таких лиц в Герольдию. Сенат отмечал, что эти люди, имея на руках грамоты о дворянстве из губернских собраний, уклоняются от податей и повинностей, считая себя законными дворянами. Поэтому до утверждения их в дворянстве Герольдией и самим императором, они должны были оставаться в подушном окладе [35, с. 128–130]. Таким образом, у 1-го департамента были серьезные сомнения в том, действительно ли шляхтичей-землепашцев можно отнести к «благородному» сословию.

Представляется также, что мнение, высказанное П.А. Зубовым в ходе 5-й ревизии на юге империи о принадлежности мелкой шляхты к нижним классам населения, было принято во внимание сенаторами при рассмотрении вопроса о ее статусе. Очевидно, что Зубов считался экспертом в делах, связанных с Польшей (Зубов ведал и докладывал императрице «дела польские» [36, с. 206, 220]). В 1796 г. Екатерина II одобрила проект своего фаворита о переселении в Вознесенскую губернию нескольких тысяч семей мелкой шляхты для колонизации южного края и создания из них «поселенных полков». Зубов отождествлял беспоместную шляхту «польских» губерний с российскими однодворцами [37, с. 897–900]. Подобное сопоставление изначально формировало у русских сановников, мало или совсем не знакомых с общественным строем Речи Посполитой, определенные стереотипы и соответствующее отношение к мелкой шляхте.

Вновь рассмотрев 23 апреля 1800 г. представления казенных палат южного края, 1-й департамент Сената своим определением установил двухгодичный срок, начиная с 1 января 1800 г., для подачи доказательств о своем дворянском происхождении чиншевыми и околичными шляхтичами, проживающими в Новороссийской губернии. В течение этого срока было предписано взыскивать с них все государственные подати, которые государство обещало вернуть тем из них, кто будет утверждён в дворянстве «высочайшею» властью. Непредставившие до 1 января 1803 г. доказательств должны были быть «положены в оклад наравне с казенными поселянами». Двух же шляхтичей по их просьбе Сенат разрешил причислить в казенные поселяне [27, л. 19-21]. Несомненно, что прошения о приписке к крестьянам также повлияли на решение сенаторов об обложении шляхты подушным налогом. С точки зрения сановников, если шляхта действительно являлась дворянами, было невозможно объяснить желание двух шляхтичей перейти в низшее сословие.

Это решение выглядело как продолжение курса по ограничению доступа в дворянское сословие. Следует иметь также в виду, что в 1-м департаменте не было ни одного представителя окраин – там заседала в основном старомосковская аристократия – кн. Г.П. Гагарин, кн. Н.Б. Юсупов, гр. Н.Н. Головин, бар. А.И. Васильев, П.С. Свистунов, Ф.А. Колокольцев [14, с. 100, 124, 390, 506], которые не спешили признавать мелкую шляхту за российских дворян. Кроме того, среди сенаторов 1-го департамента помимо государственного казначея Васильева были главы экономических ведомств, формировавших доходы государства, – Гагарин с 1798 г. был президентом Коммерц-коллегии, а Юсупов с 1797 г. возглавлял Мануфактур-коллегию [38, с. 166-167, 890-891]. Эти сановники в силу своих должностных обязанностей должны были блюсти «казенный интерес» особенно тогда, когда в условиях острого бюджетного дефицита империя нуждалась в новых источниках дохода. Определение от 23 апреля также вполне отражало политику павловского времени по увеличению податного населения за счет новых категорий, прежде свободных от повинностей [8, с. 429].

Государственный казначей и сенатор А.И. Васильев, будучи по должности главным блюстителем интересов фиска, посчитал правомерным вскоре поставить вопрос о налогообложении уже всей шляхты западных губерний. 20 июля 1800 г. Васильев представил в 1-й департамент Сената новую записку. (По наблюдениям А.Э. Нольде, «едва ли не большая часть» сенатских указов в павловское время, вошедших в ПСЗ, состоялись по представлениям Васильева [12, с. 748]). Упомянув о решении Сената в отношении мелкой шляхты Новороссийской губернии, Васильев сообщал, что по данным финансового ведомства «подобной и разной сверх того шляхты», которая «не положена в оклад» в западных губерниях находится 218 025 душ мужского пола. Представляя ведомость о численности разных групп шляхтичей по губерниям, Васильев просил Сенат вынести резолюцию и о них [27, л. 28-28 об.]. Докладчик и готовившие записку чиновники имели слабое представление о реалиях бывших польских земель. Это хорошо иллюстрирует-

ся тем, что в ведомость помимо разных категорий мелкой шляхты, которая, как раз, и рассматривалась как объект для налогообложения, были включены по некоторым губерниям «дедичные владельцы» (т.е. помещики), «поссесоры» (арендаторы имений), а также другие категории населения, не относящиеся к шляхте [27, л. 29-29 об.].

Рассмотрев 17 августа записку Васильева, департамент принял в отношении указанных в ведомости разных категорий «неположенной в оклад» шляхты точно такую же резолюцию как и о живущих в Новороссийской губернии. Шляхта должна была, начиная с 1 января 1800 г., в течении двух лет подать в дворянские собрания доказательства о своем дворянстве. На протяжении этого времени она облагалась государственными податями «наравне с казенными поселянами» тех губерний. Не представившие доказательств в течении установленного срока, должны были остаться на положении казенных крестьян [27, л. 30-32]. Указ об исполнении первой резолюции был послан новороссийским властям 15 июня 1800 г. Но поскольку он повлек неожиданные для властей последствия, указ по второй резолюции послан так и не был.

Итак, 1-й департамент Сената 23 апреля и 17 августа принял две резолюции о взимании подушной подати с недоказавшей дворянства шляхты, которые по своей сути противоречили утвержденному 12 апреля Павлом I докладу 3-го департамента, в котором подтверждался ее фискальный иммунитет. Для объяснения подобной коллизии, скорее всего, следует предположить, что этот документ остался незамеченным как в канцелярии генерал-прокурора, так и в 1-м департаменте вопреки системе внутренних информационных потоков в Сенате. Подлинники сенатских докладов, адресованных монарху, обычно передавались с его резолюцией в Общее собрание Сената для оглашения. Не должен был быть исключением и апрельский доклад. Кроме того, 3-й департамент после отсылки указов с копией доклада в западные губернии 26 апреля передал копию со своего определения «к генерал-прокурорским делам» [30, л. 166 об.-167, 173]. Тем не менее возможности того, что сенатские чиновники оставались в неведении нормы о шляхте нельзя исключить ввиду перегруженности и общего состояния дел в Сенате в павловское время. (А.Э. Нольде писал о «хаотическ [ом] беспорядк [е]» в Сенате при Павле I [12, с. 728]). О том, что 1-й департамент не располагал информацией об апрельском постановлении свидетельствует тот факт, что в ответе на запрос о чиншевой шляхте, присланном 4 мая 1800 г. из канцелярии 1-го департамента Сената в Экспедицию государственного хозяйства, доклад 3-го департамента не упоминался [31, л. 13]. Для предположения же об умышленном противодействии со стороны сенаторов норме, утвержденной самим царем, не имеется достаточных оснований. Хорошо зная крутой нрав Павла I, сановники не стали бы рисковать своим положением из-за своей убежденности в том, что неимущая шляхта не достойна дворянского звания.

На просчеты в работе всего сенатского аппарата и 1-го департамента, в частности, указывает и следующее обстоятельство. К моменту разрешения дела о

шляхте в 1-м департаменте образованные из бывших польских территорий уезды уже три года как были переданы из упраздненной Вознесенской в Киевскую и Подольскую губернии [39, с. 706–710]. Это само по себе должно было снять вопрос с повестки дня, однако 1-й департамент не учел этого обстоятельства.

Получив сенатский указ от 15 июня, Новороссийская казенная палата переслала его в Киев и Каменец-Подольский [27, л. 23–24]. Киевский губернатор А.Г. Теплов, имея в виду полученный из 3-го департамента Сената указ о сохранении шляхетских привилегий, не решился сделать распоряжения к исполнению нового указа. 9 августа Теплов обратился к генерал-прокурору за разъяснением. Застигнутый, похоже, врасплох, П.Х. Оболянинов 4 сентября поручил обер-прокурору 3-го департамента Оленину собрать справки о шляхте и подготовить выдержки из польско-литовских законов о ее правовом статусе [40, л. 1].

Тем временем по Киевской губернии стали распространяться слухи о предстоящем обложении шляхты подушной податью. Указ Сената был истолкован таким образом, что подати должны будут платить не только те шляхтичи, которые живут в четырех уездах (переданных из Вознесенской), но в пределах всей Киевской губернии. Губернскому предводителю дворянства Тадеушу Козловскому удалось тайно получить копию сенатского указа, присланного из Новороссийской палаты [40, л. 13–13 об., 14–14 об.]. В конце августа и сентябре он обращался к Теплову, убеждая его ходатайствовать об отмене указа. Умело разыграв карту непредсказуемых политических последствий, которые могут произойти от обложения мелкой шляхты «обесчестивающей» (в оригинале письма: «un paument deshonorant») [40, л. 43 об.] подушной податью, Козловскому удалось вызвать тревогу по поводу безопасности в крае у петербургских «верхов». Намек на существование там «якобинцев» [40, л. 44–44 об.] задел тонкие струны страхов Павла I, постоянно опасавшегося внутренних социальных потрясений [41, с. 482].

Как представляется, основными мотивами киевского «маршала» для предпринятия такого демарша были как опасения за судьбу всех представителей бывшего привилегированного сословия Речи Посполитой, ныне ставших подданными непредсказуемого российского монарха, так и желание сохранить для польских помещиков те выгоды, которые они получали от мелкой шляхты, платившей им чинш, служившей в «экономиях» и т.п. Возможно также, что интрига вокруг мелкой шляхты была лишь способом для польской региональной элиты дискредитировать план Кутлубицкого, в котором она видела попытку покушения на свои права владеть бывшими коронными имениями.

Во многом благодаря интриге Т. Козловского вопрос о статусе мелкой шляхты был быстро пересмотрен в Сенате. 25 сентября 1800 г. 1-й департамент направил в губернские правления всех западных губерний новый указ, в котором требование к шляхте представить доказательства своего «благородного» происхождения сопровождалось более мягкими условиями, а угроза обложения подушной податью не фигурировала. В указе цитировалось постановление 3-го департамента от 12 апреля о сохранении за шляхтой

старых привилегий и даже сеймовая конституция 1374 г. Согласно новому указу, для подачи шляхтой доказательств о дворянском происхождении устанавливался двухгодичный срок, начиная с 1 января 1801 г. В течение этого времени шляхтичи сохраняли свой прежний статус и не подвергались налогам и повинностям. По истечении срока местные власти должны были собрать и представить в Сенат сведения обо всех лицах, которые не представили документы. Особо было сказано о том, что указ о шляхте от 15 июня остается в силе для Новороссийской губернии, где шляхта должна быть обложена подушной податью [27, л. 33–39 об.; 40, л. 15–18]. По рапортам Новороссийских губернских властей, после изменения границ в их губернии осталось только 16 шляхтичей [27, л. 23–24, 25–25 об.].

Подводя итог, следует сказать, что разрешение в Сенате вопроса о фискальном статусе мелкой шляхты западных губерний было принципиально значимым для определения ее правового положения, поскольку именно подушная подать маркировала непривилегированные группы населения в империи [42, р. 21]. Департаменты Сената, в которые независимо друг от друга поступили дела, связанные с этим вопросом, приняли в 1800 г. противоречащие одно другому решения. Утверждение императором доклада 3-го департамента Сената, согласно которому вся шляхта *in corpore* признавалась равной дворянам, могло положить начало институализации шляхты в качестве особого сословия империи с привилегированным статусом. Решение же 1-го департамента, которым от шляхты были потребованы письменные доказательства ее «благородного» происхождения, перечисленные в Жалованной грамоте дворянства 1785 г., фактически означало, что имперская власть не признает особого сословного статуса мелкой шляхты и на бывшие польские области должен распространяться институт общеимперского дворянства. По сути решения департаментов Сената предполагали разные модели включения шляхты в социальную структуру империи: кооптацию целой группы путем законодательного признания ее привилегированного статуса или интеграцию в ряды российского дворянства каждого шляхтича в индивидуальном порядке (в случае представления доказательств, соответствующих требованиям имперского законодательства). Предпочтение было отдано второй модели, по которой принадлежность к шляхте должна была регулироваться в соответствии с российскими законами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Кабузан В.М., Троицкий С.М. Изменения в численности, удельном весе и размещении дворянства в России в 1782–1858 гг. // История СССР. М., 1971. № 4. С. 153–169.
2. Rostworowski E. Ilu było w Rzeczypospolitej obywateli szlachty? // Kwartalnik Historyczny, rocznik XCIV, 1988. No. 3. P. 3–39.
3. Rychlikowa I. Tatarzy litewscy 1764–1831 częścią szlacheckiego stanu? // Kwartalnik Historyczny. R. XCVII. Z. 3–4. Warszawa, 1990. P. 77–120.
4. Бовуа Д. Гордиев узел Российской империи: Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914) / Авторизован. пер. с фр. М.А. Крисань. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 1008 с.

5. Лисенко С., Чернецкий С. Правобережна шляхта: кінець XVIII – перша половина XX ст. Біла Церква: Видавець О.В. Пшонківський, 2007. 448 с.
6. Макаравіч В. «Цяжкі разбор» – фармаванне і рэалізацыя палітыкі «разбору» шляхты ў беларуска-літоўскіх і ўкраінскіх губернях Расійскай імперыі ў 1796-1811 гг. // *Białoruskie Zeszyty Historyczne*, 43. Białystok, 2015. С. 83-102.
7. Туміловіч Г. Расійскі царызм і шляхта Беларусі (1795–1863) // *Беларускі гістарычны агляд*. Т. 17. Сшыткі 1–2 (32–33). Снежань, 2010. С. 125-153.
8. Скоробогатов А.В. Политические взгляды Павла I: Становление, эволюция, реализация. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005. 524 с.
9. Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение, история, распад / Пер. с нем. С. Червоная. М.: Традиция, Прогресс-Традиция, 2000. 344 с.
10. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. 1649–1825 гг.: в 45 тт. СПб.: Тип. II отделения Собственной его императорского величества канцелярии, 1830 (далее – ПСЗ-1). № 17634. Т. 24.
11. ПСЗ-1. Т. 16. № 11989.
12. История Правительствующего Сената за двести лет, 1711–1911. СПб., 1911. Т. 2. 806 с.
13. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1347. Оп. 64. Д. 347 (О выборах в Подольской губернии).
14. Мурзанов Н.А. Словарь русских сенаторов 1711–1917. Материалы для биографий / Изд. подгот. Д.Н. Шилов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. 735 с.
15. Гейкинг К.Г. Дни императора Павла: Записки курляндского дворянина / Пер. с нем. СПб.: Ф.И. Булгаков, 1907. 70 с.
16. Дмитриев И.И. Взгляд на мою жизнь: Записки действительного тайного советника Ивана Ивановича Дмитриева: В 3 ч. / Предисловие М. Дмитриева, примечания М.Н. Лонгинова. М.: Изд. М.А. Дмитриев, 1866. 315 с.
17. РГИА. Ф. 1347. Оп. 282. Д. 18 (Журналы 3-го департамента Сената. 9 января–30 апреля 1800 г.).
18. ПСЗ-1. Т. 25. № 18475.
19. Сборник документов, касающихся административного устройства Северо-западного края при императрице Екатерине II (1792–1796) / Предисловие А. Турцевич. Вильна: Виленская комиссия для разбора древних актов, 1903. 352 с.
20. РГИА. Ф. 1343. Оп. 23. Д. 7866 (О дворянстве Котлубицких).
21. РГИА. Ф. 1347. Оп. 282. Д. 23 (Определения 3-го департамента Сената. 2 апреля–31 мая 1800 г.).
22. Имеретинский Н.К. Дворянство Вольнской губернии // *Журнал министерства народного просвещения*. 1893. № 8. С. 343-368.
23. РГИА. Ф. 1347. Оп. 64. Д. 347 (О выборах по Подольской губернии).
24. ПСЗ-1. Т. 27. № 20288.
25. Ganzenmüller J. Russische Staatsgewalt und polnischer Adel. Elitenintegration und Staatsausbau im Westen des Zarenreiches (1772–1850). Köln: Böhlau Verlag Köln Weimar Wien, 2013. 425 p.
26. ПСЗ-1. Т. 23. № 17300. 27.01.1795. С. 641.
27. РГИА. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 346а (О шляхте в губерниях, от Польши присоединенных. Т. 1).
28. ПСЗ-1. Т. 23. № 17327.
29. Корф М.А. Жизнь графа Сперанского. СПб.: Императорская публичная библиотека, 1861. Т. 1. 283 с.
30. РГИА. Ф. 1347. Оп. 281. Д. 159 (Книга исходящим указам за 1800 г.).
31. РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. 1802 г. Д. 108 (По представлению новороссийского вице-губернатора о переселении чиншевой шляхты из Киевской и Подольской губерний на пустопорожние земли, в Новороссийской губернии лежащие).
32. Ключков М.В. Очерки правительственной деятельности времени Павла I. Петроград: Сенат. тип., 1916. 631 с. (Записки Историко-филологического факультета Петроградского университета. Ч. 132).
33. ПСЗ-1. Т. 24. № 17608.
34. ПСЗ-1. Т. 23. № 16776.
35. ПСЗ-1. Т. 26. № 19375.
36. Курукин И.В. Платон Зубов – «министр всех частей правления»: фаворитизм на исходе XVIII столетия // *Quaestio Rossica*. 2015. № 3. С. 200–226.
37. ПСЗ-1. Т. 23. № 17469.
38. Шилов Д.Н., Кузьмин Ю.А. Члены Государственного совета Российской империи. 1801-1906: Библиографический справочник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 992 с.
39. ПСЗ-1. Т. 24. № 18117.
40. РГИА. Ф. 1347. Оп. 64. Д. 299 (О чиншевой шляхте).
41. Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М.: РГГУ, 1999. 575 с.
42. Freeze G.L. The Soslovie (Estate) Paradigm and Russian Social History // *American Historical Review*, 1986. Vol. 91. No. 1. (February 1986). P. 11–36.

**THE SENATE UNDER PAUL I AND THE ISSUE OF FISCAL STATUS
OF PETTY SZLACHTA IN THE RUSSIAN WESTERN PROVINCES
AT THE TURN OF THE 19TH CENTURY**

© 2016

C.V. Troianowski, postgraduate student of the Department of History
Saint Petersburg School of Social Sciences and Humanities
of National Research University «Higher School of Economics», Saint Petersburg (Russia)

Abstract. After the partitions of the Polish-Lithuanian Commonwealth in 1795 the Russian empire faced a problem of determining the social status of petty Polish nobles (szlachta) in imperial hierarchy. At the turn of the 19th century the Senate was the governmental body that had to resolve this issue. In April of 1800 Paul I approved the proposal of the Senate's 3^d department to confirm lesser szlachta's fiscal immunity and other privileges enjoyed by her under

Rzecz Pospolita. Yet, in the same year the Senate's 1st department when deliberating on a separate case of szlachta's tax status in Novorossiysk province, passed two resolutions that contradicted the legal norm adopted in April.

This paper focuses on the analysis of circumstances under which the Senate's departments came to different decisions on the same problem. Their resolutions reflected two approaches to the policy of petty szlachta's inclusion in the imperial nobility. The resolution of the 3^d department, supported by Paul I, envisaged a co-optation of szlachta as a social group through legislative confirmation of its privileged status in the empire. The approach of the 1st department emphasized the necessity of szlachta's integration into imperial nobility on the individual basis (by submitting proofs of noble origin compliant to the Russian laws). As a result the imperial government gave preference to the second model of inclusion.

Keywords: Russian empire; Paul I; lands of partitioned Poland; western borderlands; the Senate; departments of the Senate; senators; imperial politics; social estates (sosloviia); nobility; szlachta; social status; fiscal privileges; J. Kutlubicki (Kodlubicki); P. Obolianinov; T. Kozłowski; A. Vasiliev; L. Worcell.

УДК 908

ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ СВОЕОБРАЗИЯ ГОРОДОВ САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

© 2016

Ю.В. Корнеева, кандидат исторических наук, доцент кафедры туризма и гостиничного дела
Поволжский государственный университет сервиса, Тольятти (Россия)

Аннотация. Проблема исторического становления городов в последнее время весьма актуальна. Вторая половина XIX века – реформаторский этап российской истории, во время которого происходило переосмысления многих ценностей. Данный исторический период стал периодом индустриализации и урбанизации, благодаря которому провинциальные города получили свое новое развитие и процветание. Статья посвящена историческому развитию и преобразованию городов Самарской губернии во второй половине XIX века. Каждый город Самарской губернии за исследуемый период прошел свой уникальный путь развития и внес вклад в становление неповторимости региона. Своеобразие городов характеризуется с двух сторон: экономической и социальной. Экономическая уникальность городов Самарской губернии во второй половине века выражалась в таких показателях, как объемы промышленного производства и развитости торговых связей, которые для губернии выражались в разнообразии мест и форм торговли: ярмарки, железнодорожные станции и водные пристани. Социальная составляющая самобытности уездных городов региона формировалась из характеристик население: численность, сословная иерархия, менталитет. И каждый такой элемент формировал не только уникальность уездных городов, но и создавал общий единый облик индустриальной России.

Ключевые слова: город; Самарская губерния; вторая половина XIX века; городское население; урбанизация; индустриализация; промышленность; ярмарки; водные пристани; экономическое развитие; аграрные отношения; мещане; купцы; сельское население; городской менталитет; Самара.

Город как объект научного исследования в последнее время стал интересен многим учёным из различных областей знаний, историческая наука не стала исключением. Исследователи-историки изучают город как многостороннюю систему взаимосвязанных элементов. Такая система не только открыта к разного рода веяниям, но и развивается за счет различных составляющих элементов. Для существования и развития города государству необходимо обеспечить его в первую очередь людьми, финансами и информацией.

С возникновением городов и развитием городской жизни тесно связаны многие процессы переходного периода от первобытности к классовому обществу. Образование городов, пригородов, сел и прочих общественных поселений происходило по ряду причин. Главная из которых заключалась «в защите против неприятелей» [1, с. 377]. Первоначально даже само понятие «город» означало огороженное место, что было равносильно ограде. На основании этого местности для укрепления представляли больше надежды на безопасность в случае внешних нападений, и эти местности тщательно ограждались [1, с. 378].

Большинство славянских городов представляли собой укрепленные места для обороны от неприятелей. Причем, основные приемы их постройки были

строго определены обычаями, фиксирующими эту необходимость. Леса вокруг городов представляли собой особое укрепленное пространство («засечные полосы»), затруднявшее перемещение даже для пешеходов. Обилие лесов и правильная организация управления дали возможность славянам обеспечить охрану и защиту, что способствовало устойчивому развитию их городов.

Итак, первые города являлись опорными пунктами обороны, местом сосредоточения княжеских властей и свободных соседских общин ремесленников и купцов. Это стимулировало развитие в городах монументальной архитектуры, создание памятников письменности и др.

Основным отличительным носителем городской жизни являлось население городов. «Первые горожане» представляли собой особый тип людей, который возник на базе промежуточных типов поселений, где были «представлены элементы патриархальной культуры, роднящие ее с деревней, и элементы «фабричной» культуры и мещанского фольклора, в которых чисто внешне присутствовали ценности крупных городов и их центров в первую очередь» [2, с. 42].

В России вторая половина XIX в. ознаменовалась рядом преобразований. Городская реформа Алек-

сандра II несколько «оживила» городскую жизнь. Учреждением органов городского самоуправления позволило городу самостоятельность управлять своим хозяйством. Такая урбанистская самостоятельность позволила городам развивать промышленность и торговые связи как внутри регионов так и вне их. Самарская губерния не стала исключением.

Самарская губерния была образована в 1851 году и занимала обширные территории в центральной части Среднего Поволжья. В ее состав вошли 7 уездов: 3 уезда Оренбургской губернии (Бугульминский, Бугурусланский, Бузулукский), 2 уезда Саратовской губернии (Николаевский, Новоузенский), и 2 уезда Симбирской губернии (Ставропольский и Самарский, включивший часть Сызранского уезда). [3, с. 8] Такое административно-территориальное деление губернии позволило систематизировать населенные пункты на три группы: первая группа – гг. Бугульма, Бугуруслан и Бузулук; вторая – гг. Николаевск и Новоузенск и третья – гг. Ставрополь и Самара. Кроме губернского города (г. Самара) и 6 уездных городов в Самарской губернии располагался и заштатный городок Сергиевск. Безусловно, группировка городов по географическому признаку важна, но лишь как одним из элементов общей системы характеристики своеобразия городов Самарской губернии. Так, к примеру, г. Са-

мара, располагаясь на берегу р. Волги являлся во второй половине XIX века крупным речным портом не только в Поволжье и во всей России.

При характеристике городов Самарской губернии во второй половине XIX века одним из составных элементов своеобразия является социальный состав жителей населенного пункта. Социальные разряды жителей городов представлен в таблицах 1 и 2.

Стоит отметить, что в Самаре кроме указанных в таблице разрядов населения проживали 22 колониста-менонита и 39 иностранцев, а также существовала категория почетных граждан, представленная в таких городах, как Самара – 29 граждан, Бугульма – 53 и Бузулук – 6. Данные категории граждан в других городах Самарской губернии не представлены. Особой характеристикой города Самары являлось то, что во время открытия навигации по рекам губернии численность населения губернского города значительно увеличивалось за счет прихода разнорабочих. Согласно таблице 1 социальный состав городов губернии весьма разнообразен. Уездные города Самарской губернии во второй половине XIX века относились к малым городам с численностью до 10 тыс. жителей. Самыми многочисленными сословиями в городах в 1861 году были купцы и мещане, поэтому можно с уверенностью отнести данные социальные классы к городским.

Таблица 1 – Социальный состав городов Самарской губернии в 1861 году [4]

Город	Общая численность	Дворяне	Духовенство	Купцы	Мещане	Крестьяне	Военные	Разночинцы
Самара	27598	848	338	3488	18141	1170	3198	325
Бугульма	5128	76	38	750	3153	487	416	155
Бугуруслан	6291	59	59	980	3112	1486	411	184
Бузулук	7892	226	152	2907	3155	232	1132	83
Николаевск	6811	68	43	2540	3659	151	351	–
Новоузенск	6650	45	30	1793	3854	714	214	–
Ставрополь	4772	39	32	40	3651	337	670	3
Сергиевск	1800	–	40	30	146	1525	59	–

Таблица 2 – Социальный состав населения городов Самарской губернии в 1890 году [5, с. 19–27]

Город	Общая численность	Дворяне	Духовенство	Почетные граждане	Купцы	Мещане	Крестьяне	Военные	Иностранцы	Разночинцы
Самара	95127	3151	492	1348	2090	54505	17964	11758	227	186
Бугульма	12895	65	33	8	90	11672	390	636	–	–
Бугуруслан	10513	141	261	117	244	7155	1365	1176	26	26
Бузулук	13606	349	285	90	417	7231	3507	935	–	692
Николаевск	13795	148	153	10	267	11969	523	725	–	–
Новоузенск	12497	80	44	51	85	11070	332	687	6	105
Ставрополь	5165	77	31	7	45	3000	1620	1996	9	–
Сергиевск	3035	7	15	–	20	453	2078	462	–	–

Кроме указанных разрядов в некоторых городах проживали люди следующих слоев: в Самаре – 2908 цеховых, 142 колониста; в Новоузенске – 37 цеховых.

При сравнении динамики социального состава городов Самарской губернии во второй половине XIX века выявлены следующие изменения (таблицы 1 и 2). Во-первых, общая численность населения увеличилась в каждом городе как минимум в два раза (в Самаре этот показатель повысился в 3,5 раза). Во-вторых, доля купцов в 1890 году значительно уменьшилась по сравнению 1861 годом, а доля мещан наоборот увеличилась. Возможно, это связано с пере-

ходом некоторых купцов в класс мещан из-за высокого ценза в торговых гильдиях. В-третьих, появились такие категории жителей как почетные граждане, цеховые и иностранцы. Подобная тенденция социального состава населения городов Самарской губернии за исследуемый период указывает не только на развитие городской жизни, но и на расширение видов деятельности горожан.

В Самарской губернии, как и по всей территории России, отмена крепостного права создавал новые условия развития экономики, способствовала отмиранию некоторых отраслей хозяйства, развитие кото-

рых было связано с крепостным правом, и возникновение новых, базирующих на использование вольнонаемного труда, а также способствовала резким сдвигам в размещении производства.

В отечественной статистике второй половины XIX в. наблюдалось отсутствие единого критерия описания и оценки промышленных предприятий, что и послужило причиной своеобразного хаоса в сведениях общероссийских и местных изданий. Данные о размерах промышленного производства в разные годы охватывает неодинаковый круг предприятий.

В конце XIX в. в развитии поволжской промышленности определялись два главных направления. Под влиянием промышленного переворота и начинающейся индустриализации на периферии стали создаваться очаги крупного производства современных отраслей – металлургической, строительных материалов и др. Развитие же капитализма вглубь приводило к расширению и перестройке традиционных производств, связанных с ведущей отраслью экономики – сельским хозяйством. В результате этого процесса возникали все новые предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья, по своей социально-экономической природе мелкотоварные, хотя их числа выделялись и крупные капиталистические предприятия.

При размещении новых промышленных предприятий учитывались кроме близости к сырьевому рынку условия транспортировки сырья и готовой продукции. Многие производства, особенно имевшие дело с объемной продукцией длительного хранения, тяготели к Волге, другие расширялись вдоль железнодорожных линий и в ряде случаев соединялись с магистралями специальными ветками или подъездными путями. Промышленные центры создавались в местах подхода железных дорог к Волге. Подобными примером можно считать губернский город Самара.

Отличительной особенностью развития промышленности городов Самарской губернии являлась организация преимущественно мелких и средних предприятий с числом рабочих до 100 человек и годовыми оборотами не превышающими 50 тыс. рублей. В 1867 году в губернии первое место по сумме производства (2,7 млн. рублей) занимала салотопенная промышленность, в основном развитая в г. Самара и г. Бузулук. Второе место по объему выработки (1,2 млн. рублей) приходилось на винокурное производство, развитое в Ставропольском, Бугульминском и Бугурусланском уездах [6, с. 12]. И уже в 1879 году в Самарской губернии насчитывалось 273 предприятия по обработке животных продуктов (бойни, салотопни, мыловарни, свечно-восковые, свечносальные, кожевенные, клеевые, суконные, кошмоваляльные, воскобойные, овчинные, шорные), 171 по обработке растительных продуктов (крупчатые, поташные, крахмальные, масляные, солодовенные, канатные, пивоваренные, винокурные, табачные, водочные, кулевые, ваточные, паровые и конные мукомольные мельницы), 130 по обработке полезных ископаемых (медеплавильные, чугуно-литейные, кирпичные, гончарные), 12 предприятий смешанного характера (экипажные, механические, спичечные) – всего 586 заводов и фабрик. Общая выработка промышленности достигала 6228 тысяч рублей. Сравнительно с предыдущими го-

дами усиление фабричной промышленности обусловлено увеличением числа действующих фабрик и заводов [7, л. 37]. Среди уездных городов наиболее развитыми в промышленном отношении были г. Бугуруслан (24 предприятия с объемом производства в 37498 руб.) и г. Бузулук (18 и 183812 соответственно).

Таким образом, в течение всей второй половины XIX века промышленные города Самарской губернии (Самара, Бугуруслан, Бузулук) не меняли своей промышленной специализации. Промышленные центры губернии за исследуемый период оставляли за собой право называться промышленными центрами по таким производственным отраслям, как салотопенная, кожевенная, кирпичная. Если рассматривать особенности промышленного развития каждого города в отдельности, то стоит отметить следующее. Так город Бузулук по количеству промышленных предприятий превосходил даже губернский город и насчитывал 19 салотопенных, 15 кирпичных и 16 кожевенных заводов [4, с. 18]. Центральным городом по созданию наибольшего числа салотопенных производств был г. Бузулук. Также в г. Бузулук в середине XIX века активно развивалось и кожевенное производство. К концу XIX века предприятия кожевенного производства появлялись практически во всех городах губернии. Лидером по количеству кирпичных заводов в Самарской губернии в середине XIX века был город Бугуруслан (18 заводов), а в конце XIX века – Бугульма (20 заводов). Стоит также отметить, что к концу XIX века появляется смешанное производство (в основном лесопильное и экипажное), которое в основном получило развитие в губернском городе Самаре.

Проведение железных дорог, облегчив и удешевив связи губернии Среднего Поволжья с другими районами страны и с внешним рынком, не только способствовало ускорению капиталистического развития экономики, но и оказала сильнейшее влияние на территориальное размещение хозяйства губерний. Последнее оказалось особенно сильным потому, что железные дороги на значительном протяжении были проложены по местностям, которые до этого находились в стороне от транспортных путей и являлись экономическим «захолустьем» [8]. Во второй половине XIX века началось строительство Самаро-Уфимской железной дороги, проходившей по территории Самарского, Бузулукского и Бугурусланского уездов. Дорога была сдана в эксплуатацию в 1888 году и в том же году построили железнодорожную ветку от станции Самара, по берегам рек Самара и Волги, до пристаней. С вводом в эксплуатацию Оренбургской и Самаро-Уфимской дорог город стал транспортным узлом, связанным с центральными районами страны, Южным Уралом и Средней Азии. Расширились и улучшались экономические связи, увеличилось число кадровых рабочих [9, с. 176].

Во второй половине XIX в. основными транспортными магистралями в губерниях Среднего Поволжья были реки. Волжские города строились или при изломе течения реки, или при впадении небольших рек в Волгу. Такое расположение давало возможность кораблям зимовать в небольших речных затонах и ранней весной выходить на основную водную трассу. Кроме того, притоки Волги позволяли провозить по ним товары с окрестных селений.

В пору железнодорожного строительства значение таких городов еще более возросло, так как именно сюда, в соответствии с правительственной стратегией, стали проводить новые, железные пути.

Водные пристани Самарской губернии во второй половине XIX в. также вывозили хлеб и сало, ввозили лес, мануфактурные и колониальные товары. В 1874 г. отсюда по Волге было отправлено более 20 млн. пудов пшеницы и 900 тыс. пуд сала [10, с. 12]. Во второй половине XIX в. 80% перевозимого по реке груза приходилось на сельскохозяйственные товары, главным из которых был хлеб.

В период железного строительства складывались новые формы взаимосвязи как между пристанями, так и между пристанями и железнодорожными станциями. Пристани, оставшиеся в стороне от железных дорог, либо постепенно сокращали свои обороты, либо все более сужали свою специализацию. Многопрофильные пристани выживали и развивались благодаря тому, что они казались комплексными вводно-железнодорожными пунктами приема и отправки груза.

Губернский город Самара, благодаря проведению железных дорог, превратился в комплексный вводно-железнодорожный пункт, что еще более усиливало его роль как на местном, так и на общероссийском рынке.

Таким образом, строительство железных дорог на территории Самарской губернии положительно сказалось на развитии экономики региона. Благодаря транспортировке сырья по железной дороге увеличился сырьевой и товарный поток.

Кроме водных пристаней и железнодорожных станций ярмарки во второй половине XIX в. оставались удобной, приемлемой хоть и архаичной формой торговли. В период с 1863 по 1901 года происходит увеличение числа ярмарок: от 144 до 273 [11, с. 51; 12, с. 13]. В городах Самарской губернии собирались городские ярмарки, и хотя их было не много, именно на них привозили наибольшее количество товаров и совершалось наибольшее число продаж.

В XIX в. главным предметом сбыта на ярмарках были сельскохозяйственные продукты: хлеб и скот. Рассматривая перечень товаров, продаваемых на ярмарках, необходимо отметить, что более половины товаров, покупаемых на ярмарках, составляла бакалея – чай, сахар, другие продукты питания, т.е. товары первой необходимости. В общий перечень товаров ярмарочного торгового оборота входили самые разнообразные товары, как то: воск, свечи, шерсть, золото и серебряные украшения, телеги, сани, экипажи, мыло, «носильное платье и белье», картузы, «татарские шапки и обувь», валенки, войлок, бумага различных видов, стекло, хрусталь, деготь и т.д. Ярмарки Самарской губернии по-прежнему сохраняли универсальный характер, что свидетельствовало о сохранении ими важного места в обеспечении местного населения. Однако к началу XX в. на ярмарочной торговле губернии первое место стали занимать мануфактурные товары, второе – бакалейные, третье – торговля скотом. Торговля хлебом потеряла свою актуальность на ярмарках. Также с началом железнодорожного строительства значение ярмарок стало падать, так как с увеличением сети железных дорог явилось возможность для крупных торговцев закупать товары непо-

средственно на местах их производства, а для производителей миновала необходимость излишней затраты на накладные расходы, по доставке всего назначенного в продажу количества товаров. Шло оттеснение старых торговых центров и оформление новых, чаще всего при станциях железных дорог, ярмарки здесь становились не нужны.

Таким образом, основным содержанием экономического развития городов Самарского Поволжья второй половины XIX века являлась устойчивый рост промышленности и торговых отношений. Уездные города продолжительный промежуток времени выполняли аграрную функцию. Но вторая половина XIX века ознаменовалась интенсивным промышленно-экономическим развитием городов Самарского Поволжья. Сельское хозяйство еще оставалось главной статьей дохода города, но постепенно уступало место промышленности. Горожане получали доход от садов, огородов, бахчей, улей. Особенно выгодной считалась весенняя рыбалка, покрывавшая расходы в 3 раза. Рыботорговцы снимали на оговоренный срок рыбные места, а затем сами устанавливали сбор с лодок за право ловли. Самара была одним из крупнейших перевалочных пунктов рыбной торговли. Отсюда перекупщики везли уральскую и волжскую рыбу в Казань и Москву [13, л. 54]. Данные экономики городов Самарской губернии положительно сказались на экономическом развитии всей губернии и к концу XIX столетия Самарская губерния являлась не только самым промышленно-развитым регионом Среднего Поволжья, но привлекательным для новой рабочей силы, о чем красноречиво говорят показатели численности населения (см. табл. 2).

Переход страны от аграрных отношений к капиталистическим не могли не повлиять на изменения поведения, менталитета, образа жизни жителей губернии, особенно горожан. В целом менталитет людей складывается на протяжении многих десятилетий под непосредственным влиянием различных факторов.

При аграрном типе развития город и село дополняли друг друга, и гармонично сосуществовали, подпитывая друг друга. До либеральных реформ XIX века город был символом власти и права, а также служил крепость – защитой от врагов. При аграрно-индустриальном типе развития, который начал зарождаться в России со второй половины XIX века, человек вел так называемый село-городской образ жизни. Но уже при индустриальном типе единство «город-село» разрушается, и город начинает доминировать. Во второй половине XIX века город нещадно начинает эксплуатировать деревню и ключевым «деревенским» ресурсом обогащения становится рабочая сила. [14, с. 111] Данные процессы индустриализации наложили весомый отпечаток и на менталитет горожан. Следовательно, до реформаторского периода менталитет горожан уездных городов мало чем отличался от менталитета жителей сел.

В Поволжье на менталитет горожан оказали существенное влияние – своеобразие времени начала освоения, особенности географических и природно-климатических условий, пересечение торговых путей и др. Пришедшие в Среднее Поволжье русские скоро поняли, что выжить здесь сможет лишь тот, кто освоит выработанные местным населением способы взаи-

модействия с природой. Все это способствовало формированию таких качеств, как прагматизм, открытость для восприятия всему, что способствует выживанию, основательность.

Новая экономическая система, водоворот хозяйственных сил выносил на поверхность общественных отношений горожан, которые хотя и отдаленно напоминали по характеристике «рыночного человека». В центре всех городских ценностей стоит хозяйственный интерес – значит, сберечь. Но у них не было самого главного рыночного качества, которым должны обладать предпринимательские натуры – это люди с ярко выраженной интеллектуально-волевыми одаренностью.

Во второй половине XIX века городские низы сравнительно с деревенским крестьянством были: менее традиционными, более грамотными и рациональными. Это в первую очередь влияло на мобильность горожан, их отношение к собственности и светской культуре. Вместе с тем, городское сословие и в пореформенное время (после 1861 г.) сохраняло духовное единство с крестьянством благодаря окрестыванию города. Это было вызвано, в первую очередь, миграцией крестьян в города.

Традиционный стиль жизни, неминуемо, сталкивался, с новым для мигрантов, городским, образом жизни (модернизмом), носителем которого выступало образованное общество. Это столкновение порождало много серьезных проблем и создавало острую социальную напряженность в городах, чреватую социальными взрывами. Поскольку крестьяне приходили в город с традиционными моделями поведения и мышления, то новые горожане несли на себе печать традиционной крестьянской культуры. В этом смысле миграция тормозила формирование индустриальной культуры среди широких масс городского населения.

Сельские черты урбанизации выражались не только в наличии «сельских городов» и «деревень в городах». Ими по сути была пронизана вся урбанистическая структура, особенно, малых городов. Оказавшись в городе вчерашние селяне не сразу приобщались к новому образу жизни, усваивали городские ценности. Вследствие этого возникал, а затем и расширялся слой маргиналов, не совсем горожан и уже не селян.

Также в торговле видна тесная связь между городом и селом. Поволжские города делили торговое назначение с сельской округой. Не все купцы занимались крупной торговлей. Н.В. Шелгунов писал, что среди купцов «торговлей занимаются очень немногие», в купцы 3-й гильдии записываются, чтобы избежать рекрутской повинности. В губернских и крупных городах мещане и купцы занимались торговлей, в остальных городах жители сочетали сельский труд и торговлю. Купцы 1–2-й гильдий торговали крупным оптом. Вторую группу составляли купцы 3-й гильдии и мещане, конкурировавшие на рынке с торгующими крестьянами. Небольшая часть купцов торговала продукцией собственных предприятий. В основном они занимались посредническими операциями [15, с. 35]. В то время, даже среди богатого гильдейского купечества можно было встретить людей, лишь отдаленно напоминавших предпринимателей буржуазного типа. Предпринимательской активности

которых хватало лишь для обогащения. Идеалом разбогатевшего купца становилось не приумножение капитала и развитие производства, а комфортабельная, шикарная, тщеславная жизнь, наподобие той, какую вели богатые дворяне.

Зонами соприкосновения между городским и сельским населением долгое время служили ярмарки, богомолья, монастыри, городские базары, переносчиками новых идей – торговцы, отходники, мигранты, профессиональные нищие, странники, богомольцы. Именно ярмарки, торжки и базары в Самарской губернии в конце XIX века играли важную роль в развитии малых городов. Так в 1897 году уже проходило за год около 17 ярмарок и множество базаров. Самыми крупными по товарно-денежному обороту считались Воздвиженская в Самаре, Всеядная, Петровская, Покровская в г. Бузулук; Мартовская в г. Бугульма, Покровская в г. Новоузенск. В основном на ярмарках были представлены мануфактурные, галантерейные, бакалейные, кожаные товары, пригоняли рогатый скот для продажи [16].

Таким образом, процесс трансформации во второй половине XIX в. в городах Самарской губернии шел достаточно медленными темпами. Так в экономическом плане – это строительство железнодорожных сетей протяженностью около 2000 км по всей губернии, увеличение промышленного производства, особенно салотопенное и мукомольное (около 600 заводов в городах), становление рыночных отношений на основе архаичных форм торговли таких как ярмарочная торговля. Города Самарской губернии во второй половине XIX века обладали и отличительными особенностями. Так, например, город Самара имел не только выгодное географическое положение: крупный торговый порт в Поволжье, но также отличался высокими промышленными показателями и активной ярмарочной торговлей. Среди уездных городов Самарской губернии во второй половине XIX века наиболее развитыми в промышленно-торговом плане были Бузулук и Бугуруслан. В культурном аспекте жизнедеятельности городских сословий переход к капиталистическому мышлению еще предстояло сделать. Поэтому можно говорить лишь о зарождении индустриальных городов во второй половине XIX в Самарской губернии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Забылин М.И. Русский народ: обычаи, обряды, предания, суеверия. М., 1996. 629 с.
2. Глазычев В.Л. От сельской культуры к урбанизации // Культура в советском обществе. М., 1988. С. 36–46.
3. Административно-территориальное деление Самарской губернии. Справочник (1851–1928 гг.). Самара, 2011. 464 с.
4. Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861–62 гг. Ч. II. Типография К. Вульфа. СПб., 1863. 909 с.
5. Список населённых мест Самарской губернии по сведениям 1889 года / сост. П.В. Кругликов. Самара, 1890. 316 с.
6. Центральный государственный архив Самарской области (ГАСО) Ф. 3. Оп. 154. Д. 2.
7. ГАСО. Ф. 3. Оп. 165. Ед. хр. 76.

8. Ландо И.И. Историко-географическая характеристика народного хозяйства Пензенского края // Ученые записки Пензенского педагогического института. Пенза, 1960.

9. Наякшин К.Я. Очерки истории Куйбышевской области. Куйбышев: Кн. издательство, 1962. 352 с.

10. ГАСО. Ф. 3. Оп. 160. Ед. хр. 21.

11. ГАСО. Ф. 3. Оп. 150. Ед. хр. 17.

12. ГАСО. Ф. 3. Оп. 233. Д. 1753.

13. РГИА. Ф. 1287. Оп. 39. Д. 32.

14. Щербаков Е.В. Город и его историческая трансформация как философская проблема // Южно-российский форум. 2013. № 2(7). С. 102–116.

15. Шелгунов Н.В. Экономическое значение наших городов // Русское слово. 1865. № 7.

16. ГАСО Ф. 150. Оп. 3. Д. 467 «Ведомость о существующих в самарском уезде ярмарках, торжках и базарах за 1897 г.».

Статья публикуется при поддержке гранта Президента РФ МК-5966.2016.6.

HISTORICAL TRANSFORMATION OF CITIES ORIGINALITY OF SAMARA PROVINCE IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

© 2016

Yu.V. Korneeva, candidate of historical sciences, associate professor of the Chair of Tourism and Hotel Business
Volga Region State University of Service, Togliatti (Russia)

Abstract. The problem of historical cities formation is very relevant in recent years. The second half of the XIX century is a period of reforms in the Russian history, when many values were rethought. This historical period was a period of industrialization and urbanization, when a provincial city got its new development and prosperity. This paper is devoted to the historical development and transformation of the Samara province city in the second half of the XIX century. Every city of the Samara province passed a unique way of development during the study period and contributed to the development of the originality region. Both sides characterize the originality of the cities: economic and social. Economic uniqueness of the Samara province cities in the second half of the century was reflected in such indicators as: industrial production and development of trade relations (in the province there was a variety of places and forms of trade: fair, railway station and harbor). A social component of the originality of the region county town was made of the population characteristics: the number, class hierarchy, the mentality. Each element formed the uniqueness of the county towns as well as created a common image of industrial Russia.

Keywords: city; Samara province; the second half of the XIX century; the urban population; urbanization; industrialization; industry; fair; river pier; economic development; agrarian relations; tradesmen; merchants; rural population; urban mentality; Samara.

УДК 94 (47)

ОРГАНИЗАЦИЯ СТАНИЧНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ КАК ОСНОВА ПОВСЕДНЕВНОЙ КАЗАЧЬЕЙ ЖИЗНИ

© 2016

С.В. Любичанковский, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России
Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург (Россия)

Е.В. Годовова, кандидат исторических наук,
доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин
Оренбургский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Оренбург (Россия)

Аннотация. В данной статье рассматривается эволюция становления системы местного самоуправления в казачьих войсках в России. Казаки, проживающие в станицах с принадлежащими ей поселками и поселениями (хуторами), составляли станичное общество. Органами местного казачьего самоуправления были: станичный сход (круг), станичный атаман со станичным правлением и станичный суд. Организация станичного самоуправления в казачьих войсках была практически идентична, что объясняется тем, что реформирование казачьих войск шло по образцу Донского и Кубанского войск. К началу XX вв. эта система местного казачьего самоуправления трансформировалась. Растущая имущественная, образовательная и, как следствие, психологическая разобщенность казаков вкупе с административным диктатом делали своё дело: падал уровень ответственности выборных, в казаках все больше проявлялась лень и равнодушие. Современники отмечали, что многие члены станичных правлений рубежа веков были малограмотны, склонны к вымогательству и пьянству. Все большее количество казаков не посещали сходы и не платили станичные сборы. Но, несмотря на это, казачья община продолжала жить, регулировала поземельные отношения, способствовала развитию здравоохранения и образования.

Ключевые слова: российское казачество; станичное самоуправление; общественное управление станиц; повседневность; повседневная жизнь казачества; станичный атаман; станичный сход; станичный суд; станичная община.

Под местным управлением Российской империи в науке понимают систему всех территориальных административных структур в пределах губернии или груп-

пы губерний, как государственных, так и самоуправленческих [1, с. 45]. К последним относятся «сословные» органы местного самоуправления, в том числе казачьи.

Вопросы организации местного самоуправления казачьих территорий поднимались учеными-казакаведами как в дореволюционный период, так и на современном этапе. Это труды Е.П. Савельева [2], С.Г. Сватикова [3], Ф.А. Щербины [4], Е.Д. Фелицына [5], Б.Б. Игнатьева [6], Н.И. Бондаря [7], А.Н. Малукало [8] и других. Анализ этих работ показал, что авторы рассматривали систему местного казачьего самоуправления как своеобразный институт, практически не исследуя особенности повседневной жизни станичной среды, в которой эволюционировало казачество. Источниковой базой данной статьи стали не только нормативно-правовые акты, но и этнографические отчеты, воспоминания, материалы периодической печати.

Целью настоящего исследования является изучение организации станичного самоуправления как основы повседневной казачьей жизни.

Организация станичного самоуправления в казачьих войсках была практически идентична, что объясняется тем, что реформирование казачьих войск шло по образцу Донского и Кубанского войск. Казачья станичная община была элементарной единицей войскового деления, сохраняла специфические черты самоуправления, реализации воинских приоритетов, взаимопомощи, половозрастную структуру [9, с. 21].

Казаки, проживающие в станицах с принадлежащими ей поселками и поселениями (хуторами), составляли станичное общество. Казачья община в отличие от крестьянской учреждение не только гражданское, но и военное, а, следовательно, круг деятельности казачьей общины был шире «на всю сумму тех нужд и потребностей, которые вытекали из условий казачьего военного быта». [10, с. 57].

Согласно Положению об общественном управлении станиц в казачьих войсках, утвержденному 13 мая 1870 г., решением станичных дел занимались: станичный сбор, станичный атаман, правление и суд.

Действие этого документа распространилось на все казачьи войска, кроме Уральского, для которого согласно закону «установлены особые правила по устройству общественного управления казаков» [11].

Органы местного самоуправления составляли: станичный сход (круг), станичный атаман со станичным правлением и станичный суд.

В станичный сход входили все домохозяева, принадлежащие к станичному обществу.

Станичный сход обладал следующими правами: избирать атамана станицы, судей и писарей, назначать различных должностных лиц, например, церковного старосту, смотрителя хлебного магазина и др., и осуществлять контроль за их деятельностью, назначать жалование или иное вознаграждение станичным должностным лицам, распределять паевые наделы, сдавать земли в аренду, определять очередность и порядок несения земских повинностей, использовать средства станичного капитала [11]. Одной из основных обязанностей станичного схода была охрана общественной собственности, чтобы «польза общая была предпочтительнее частной, чтобы все обыватели довольствовались выгодами уравнительно и никто не присвоивал не принадлежавшее ему» [12, с. 112].

Архивные данные свидетельствуют, что станичный сход обеспечивал казакам прямую защиту. Ата-

ман станицы Абхазской защищал своего станичника Т. Онищенко от кредитора [13, л. 31]. Правление станицы Попутной в 1873 г. поддержало казака Буланкина, который был незаконно оштрафован на 8 рублей за порубку леса в юрте станицы Передовой [14, л. 1–3 об.]. Расшеватский станичный сбор вступился за чабана Е. Горлова, который избил земельного поверенного станицы Темижбекской С. Щеглова, когда последний застал его на пастбище своей станицы. Сходу удалось доказать, что Щеглов неоднократно вымогал у расшеватских пастухов деньги и нарушил обычай, согласно которому казаки соседних общин свободно пасли скот на землях друг друга. Щеглов был посрамлен и, опасаясь судебного преследования, поспешил замять дело [15, л. 1–32]. Казаки поддерживали и тех чужаков, которые оказывали общине услуги. Сход станицы Абинской постановил снизить налогообложение для Темрюкского мещанина Борзика на 243 рубля 20 копеек за его неоднократную помощь станице «как деньгами, так и делами» [16, л. 2–2 об.].

На станичном сходе каждый казак пользовался правом голоса наравне с другими; лишали права голоса буянов, пьяниц, порочных или сильно скандаливших лиц [10, с. 60]. Так, приговором от 29 мая 1879 года общество станицы Упорной Кубанского казачьего войска освободило своего казначея Тимофеева от должности и лишило его права участия в сходах за то, что он 15 мая, столкнув станичного атамана Числова с лошади, заявил в правлении, что атаман утерян, а затем начал звонить в колокола, чем нарушил спокойствие станицы, на просьбы станичного писаря урядника Жужнева прекратить бить тревогу он не обратил никакого внимания [10, с. 60].

Следует отметить, что лишение участия в сходах считалось для казаков, дорожащих своим положением, довольно чувствительным наказанием, и, осознавая, что завтра любой из общины мог оказаться на месте этого «несчастливого», казаки терпимо относились друг к другу и строго отличали «своих заблудших, но подающих надежды на исправление членов от лиц, явно вредных и неисправимо порочных» [10, с. 61]. Следить за поведением оступившегося человека – пьющего, буянившего, гулящего – общество поручало соседям, родителям, супругам и детям. Например, общество станицы Кисляковской в 1872 году постановило сделать внушение молодому казаку, сильно выпивавшему и буянившему, и поручило надзор за его поведением двум соседям [10, с. 61].

Следует отметить многочисленность казачьего схода, на который собирались 500–700 и более человек (особенно зимой), но при этом казаки по сравнению с крестьянами отличались дисциплинированностью. Вероятно, особое уважительное отношение казаков к власти, старикам заставляло их сдерживать себя во время обсуждения каких-либо вопросов, давая возможность высказываться всем желающим. Только когда дело касалось какого-то особо острого вопроса, казаки оживлялись и обсуждение становилось бурным.

Конечно, не все казаки принимали участие в сходах, за что получали наказание: за «неисправное посещение» устанавливали штрафы от 50 коп. за неявку в первый раз до 9 руб. за неявку в третий раз. Однако

важнейшие общественные дела решались при значительном участии домохозяев [10, с. 68].

В целом, станичные сходы согласно положению 1870 года обладали широкой юрисдикцией, но не довольствовались только тем, что было предписано законом, а применяли и обычное право, опираясь на общинную власть.

Введение в действие «Положения об общественном управлении в казачьем войске» 1870 г., с одной стороны, позволило самостоятельно решать некоторые вопросы местной жизни, связанные с хозяйственной деятельностью, открытием учебных заведений в станицах и поселках, определением очередности выхода на полевую службу, но, с другой стороны, решения, принимаемые станичными обществами, не всегда были правильными. Многолюдные митинги в плотно населённых станицах, возможность передавать свой голос другим казакам приводили к тому, что отдельные жители, собрав несколько голосов, принимали только выгодные им решения [17, с. 159]. Например, сына вдовы с тремя детьми могли поставить первоочередным, а тех, кто побогаче и зажиточнее (первоначально договорившихся и подкупивших ряд людей) во вторую очередь и ниже [18, с. 34].

В 1880-е годы представители военного министерства обнаружили «банкротство общественного управления: станичные капиталы исчезли, на станичных обществах накопились долги, казаки стали являться на службу в неисправном обмундировании. Благодаря гражданскому строю в населении стали развиваться нежелательные наклонности: нарушение дисциплины, неуважение к родителям, к старшим, леность, праздность, беспечность в заведении обмундирования» [19, с. 48].

С целью устранения недостатков в 1891 году было утверждено новое «Положение об общественном управлении станиц казачьих войск». Как отмечал Военный министр генерал-адъютант П.С. Ванновский, в новое положение включили ряд мер, направленных:

- 1) к более правильному устройству станичных и хуторских Сборов и разрешению в них общественных дел;
- 2) к более правильной и отвечающей потребности населения деятельности станичного суда;
- 3) к замещению общественных должностей достойными лицами;
- 4) к обеспечению исправного отправления ими земских и станичных повинностей и пополнения недоимок.

В административную систему станичного самоуправления также входили: станичный сбор, станичный атаман, станичное правление и станичный суд.

По Положению 1891 года станичный сбор (сход) состоял из станичного атамана, его помощников, судей, казначея и казаков. В тех станицах, где было до 30 казачьих дворов, в сходе принимали участие все казаки, в станицах больше 30 казачьих дворов, но менее 300 на сход посылали около 30 выборных. В станицах, имеющих более 300 дворов, в сходе участвовали выборные казаки, по одному от каждых 10 дворов [20].

Избирать и быть избранным мог каждый казак, достигший 20 лет, не состоящий под следствием или под судом. Так, в повестке Аксайского станичного атамана (*Донское казачье войско – Е.Г.*) войскового

старшины Бородина сказано: «Прошу всех казаков станицы Аксай и иностаничников, достигших 20 летнего возраста и не состоящих под судом, пожаловать в Воскресенье 30 июля сего года в станичное правление для избрания выборных станицы Аксайской путем подачи записок» [21, л. 22]. Порядок был следующим: каждый гражданин и гражданка с 9 часов утра до 6 часов вечера обязаны были явиться в станичное правление и, выбрав из списков 15 человек на отдельную записку, опустить эту записку в ящик своего участка. Избранными считались те, кто получил больше голосов из числа прибывших [21, л. 22].

Станичному сбору предоставлялись большие полномочия по регулированию местных хозяйственных и иных вопросов, четко определенных в его правах и обязанностях. Основными из них являлись: избрание хуторских, станичных атаманов и членов станичного управления, открытие начальных училищ и кредитных учреждений, установление общественных запашек, распределение поземельного довольствия между всеми поселениями станицы, выдача хлебных или денежных ссуд нуждающимся, контроль за исправным снаряжением казаков на службу, исключение из станичного общества его членов и прием новых [22]. В XIX – начале XX в. сход контролировал и передвижение казаков. Так, в 1901 г. казак станицы Переправной К.Д. Саранчин с согласия сбора переехал в станицу Прочноокпскую. Житель станицы Ширванской Г. Рудаков был отпущен сбором на год «в разные места Эриваньской губернии» [23, л. 87, 94].

Положение четко прописывало вертикаль войсковой власти: войсковой наказной атаман – окружной атаман – станичный атаман. В прямом подчинении станичным атаманам по военной и полицейской части находились хуторские атаманы [24, с. 81].

Первое место на станичном сходе занимал станичный атаман. Он управлял повседневным ведением дел, являлся административно-полицейским лицом, которому подчинялись все проживающие в пределах станичного юрта люди, т.е. представители войскового и невойскового сословия. Так, он был обязан следить за соблюдением законности и порядка, принимать решения в условиях чрезвычайных ситуаций, исполнять приговоры станичного суда и прочих судебных учреждений. По делам общественным станичный атаман был обязан управлять деятельностью станичного схода; следить за состоянием дорог, мостов, перевозов; наблюдать за выполнением обязанностей должностными лицами общественного управления [11]. Следил станичный атаман и за отбыванием казаками военной службы.

Для станичного атамана и судей станичного суда, если они не имели военные или гражданские чины, вводился возрастной ценз – 33 года [24, с. 81]. Однако, обычно в атаманы выбирали отставных чиновников или ушедших в отставку казачьих офицеров в возрасте от 42 до 50 лет [25, с. 640].

При выборе атамана народ требовал, чтобы он не только умел писать, но и был честным, общительным, открытым для просьб и иногда мог пригласить на рюмку водки [26, с. 589]. Как отличие звания станичному атаману присваивалась «насека» (Насека – род булавы, знак достоинства низших казачьих начальников и станичных атаманов; длинная деревянная

трость, обвитая резьбой в виде веток и окрашенная под орех, а на ней серебряная головка, небольшое шаровидное навершие), также он отличался от других станичников особой формой одежды. Современник, описывая уманского станичного атамана, отмечал его особую солидность и свойственную военным манеру держаться. Высоко поднятая голова, озабоченный взгляд, важная походка, скрип сапог при каждом шаге вместе с оружием и другими атаманскими доспехами, украшавшими мундир, – все выдавало в нем человека, которого голой рукой не возьмешь [27].

Положение об общественном управлении станиц 1891 г. прописало права и обязанности станичных начальников. Так, станичный атаман должен был следить за порядком в пределах станичного юрта, имел право наказывать дебоширов и хулиганов путем наложения административного взыскания: денежного штрафа в размере не более трех рублей в пользу общественных сумм или ареста на срок не более трех дней либо назначения общественных работ и станичных повинностей на срок до трех дней [20]. Станичный атаман выполнял и полицейские функции. Он осуществлял руководство деятельностью станичного сбора, собирал и распускал его, претворял в жизнь решения выборных. Атаман был ответственным за сохранность и приумножение общественного имущества и объектов государственного значения, находящихся в пределах юрта, имущества частных лиц, находившегося под надзором станичного правления. Он должен был обеспечить своевременный выход казаков на службу, отвечал за наличие у них необходимого обмундирования и снаряжения. Атаман организовывал выполнение казаками и прочих повинностей, а также распоряжений вышестоящих властей [28, с. 174]. Станичный атаман получил право присутствовать при разбирательстве дел в станичном суде и по назначению атамана отдела мог председательствовать на его заседаниях [29, с. 21].

Станичному атаману предоставлялось право разрешать отлучки из станицы казакам служилого состава до одного месяца, а остальным станичникам до одного года. С 1903 г. в Донском, Кубанском, Терском, Астраханском, Оренбургском, Сибирском и Семерчинском казачьих войсках атаман мог разрешать с согласия станичного сбора отлучки до одного года казакам третьей очереди и запасного резерва [30, л. 10 об.]. Неявившихся вовремя наказывали, а отсутствующих больше положенного срока по не известным причинам исключали из казачьего сословия. Так, сына оренбургской казачки Максима Косарева, находящегося в неизвестной отлучке более 10 лет, в январе 1914 года исключили из войскового сословия [31].

Станичный атаман вместе с помощниками и казначеем входили в состав исполнительного органа власти – станичного правления, которое состояло из станичного схода, позже замененное выборными от каждого десятка домохозяев станицы [32, с. 193]. Станичное правление решало дела станичного схода, ежемесячно проверяло станичные суммы и станичные хлебные запасные магазины, ежегодно избирало от четырех до двенадцати очередных судей не моложе 33 лет для станичного суда, который собирался через каждые две недели по воскресеньям (если необходимо, то чаще) [33, л. 6].

Атаманская должность была нелегкой, ответственной и не особо прибыльной. Так, атаман станицы Кардаиловской Оренбургского казачьего войска при жаловании 300 рублей в год занимался хлебопашеством [34, л. 4 об.]. Бывали случаи, когда атаманам, по сути, предлагали взятки. В 1904 году казак Круглоозерновской станицы Уральского казачьего войска А. Осипов предложил через третьих лиц наказному атаману войска К.Н. Ставровскому жертвования на благотворительные учреждения в размере 5 тысяч рублей, поставив условием, чтобы его назначали на службу в Уральскую отдельную сотню. Этот поступок вызвал негодование атамана, поскольку был воспринят им как неуважение, и усомнения в том, что его (наказного атамана) можно отклонить тем или иным способом от долга справедливости и равного, беспристрастного отношения ко всем казакам. Следует отметить, что атаман, принимая во внимание молодость и «умственное неразвитие» казака Осипова, не придал его суду, а ограничился наложением дисциплинарного взыскания, а именно ареста на 20 суток [35].

В Сибирском казачьем войске по свидетельству Г.Е. Катанаева должность атамана была даже унижительной. Он писал во время одной из своих поездок по войску, как в станице Семиярской атаманом был назначен богатый и известный человек, Георгиевский кавалер, вахмистр Трубачев, вынужденный «в течение шести лет играть роль беспрекословного исполнителя приказаний и требований всякого мелкого чинушки, командированного уездным начальником – торчать в передней при приезде начальника наряду со сторожами и т. д., не смея сесть, в то время как волостное управление сидели». «Сколько есть других разумных, почтенных, влиятельных, распорядительных людей, – отмечал Г.Е. Катанаев, – которые не пойдут в атаманы только потому, чтобы не попасть в унижительное для них положение» [36, с. 28]. Служба поселкового атамана воспринималась как наказание, т.к. если они и получали жалование, то оно было очень маленьким – от 3 до 5 рублей в месяц [36, с. 28].

Используя служебное положение, часть атаманов эксплуатировала общественное имущество в корыстных целях. Некоторые атаманы только таким способом могли поддерживать достойный образ жизни, так как их жалование было слишком низким, а прочие доходы – скудными. Последние росли гораздо медленнее цен [37, с. 1]. В 1896 г. родниковский атаман был уличен в растрате общественных сумм [38, с. 3]. В 1905 году кардаиловский атаман Андрей Дарьин получив от поселкового казначея Красноярского поселка 30 рублей общественных денег, оплаченных в счет погашения долга за казака Мухтаренкого, не сдал эти деньги в станичный военный капитал, а потратил сам. За это он был лишен звания урядника и отдан под суд [39]. В 1905 г. атаман станицы Баталпашинской Я. Брянцев во время нарезки земли малолетним казакам присвоил себе около 117 дес. станичной земли. Он продолжал незаконно пользоваться ей и в 1911 г. Так как время для подачи жалобы на незаконный захват земли было упущено, сенат порекомендовал станичному обществу подать на атамана в суд. [40, л. 2–2 об., 29–30]. В Сибирском казачьем войске в 1909 году за растрату общественных сумм и

преступлений по службе были преданы суду 66 должностных лиц станичного самоуправления, в 1910 г. – 48 человек [41]. Общество станицы Березанской в 1917 г. подало иск на бывшего атамана Шрамко, который обвинялся в незаконном пользовании землей, за которое общество хотело взыскать с него 1161 рубль 52 копейки [42, л. 55].

Несмотря на это, казаки, получив возможность не только избирать, но и сменять станичных атаманов, их помощников и судей, довольно часто выбирали на должность станичных атаманов людей беспринципных, нетребовательных или просто тех, с кем можно договориться [17, с. 159].

В целом, экономические отношения рыночного типа, проникающие в станицу, постепенно разлагали институт атаманства, но источники свидетельствуют, что пьяниц, казнокрадов, дебоширов в станичное и поселковое руководство попадало гораздо реже, чем порядочных, справедливых и хозяйственных руководителей, пользующихся всеобщим уважением.

Правовую станичную систему составляли нормы как обычного, так и писанного права (в форме войсковых приказов, приговоров). Причем значение первых сохранялось вплоть до начала XX века. Нормы обычного права к концу XIX века контролировали имущественные, поземельные, семейно-брачные и другие отношения, демонстрируя, с одной стороны, прежнюю жесткость, с другой – приспособляемость к постоянно меняющимся социально-экономическим условиям жизни казачьих общин [43, с. 226].

Станичный суд состоял из суда станичных судей, который существовал в каждой станице, и суда почетных судей (одного на две станицы). Станичный суд рассматривал земельные споры: дела об огородах, базах, потравах и т.п.; семейные тяжбы, уголовные дела: кражи, драки. Поводом к началу разбирательства спора или тяжбы в станичном суде служило заявление одной из сторон – словесное или письменное. Причем обратиться в суд мог сам обиженный или, если же он был несовершеннолетним, его родители; станичный или поселковый атаман; свидетель произошедшего, если пострадавший сам по каким-либо причинам не хотел обращаться в суд [44, с. 29].

Характерные для второй половины XIX века социально-экономические и политические трансформации оказали влияние и на нормы обычного права, которые перестали работать в новых условиях. Судебно-правовая система демонстрировала к концу XIX века явные признаки кризиса. На страницах казачьей периодической печати люди жаловались на неэффективность станичных судов, отмечая, что станичные и поселковые атаманы, возложившие все судопроизводство на станичных судей, совершенно не считают себя обязанными даже вмешиваться в это дело», что «атаман может освободить станичного судью, или его сына, зятя от судебной повинности или бесплатно, или за сравнительно малую плату», что «редкий атаман приводит в свое время решение станичного суда в исполнение» и пр. [45, с. 98–99]. Наказной атаман Оренбургского казачьего войска В.Ф. Ожаровский во время объезда в 1908 году казачьих станиц отмечает, что к нему обратилось много казаков с ничтожными просьбами, которые могли решить как станичный суд, а также поселковые и станичные атаманы. По его мнению, это свидетельствовало о том, что «население

не находит надлежащий управы и надлежащих указаний у местной администрации, или плохо знающей свои обязанности, или же не желающей помочь просителям» [46].

Итак, система общественного управления станиц и поселков в окончательном виде сложилась в начале 1890-х гг. и содержала целый ряд недостатков, прежде всего, в сфере разграничения полномочий на разных уровнях власти. Решение жизненно важных вопросов постепенно перешло в руки казачьей верхушки и стало отражать ее интересы. Приговоры по всем относительно важным делам подлежали утверждению атаманов отделов, они должны были ревизовать все части станичного правления не менее одного раза в год. Жаловаться в столичные структуры, посылать в них выборных ходатаев казаки могли только с разрешения наказного атамана и военного министра. При этом все жалобы и прошения, посылаемые «наверх», должны были пройти через руки атамана отдела.

К концу XIX столетия под влиянием государства общинная организация приобретает окончательные формы. Л. Тмутараканский в своем этнографическом очерке отмечает все большее проявление среди казаков лени, пьянства и равнодушия [47, с. 263]. Падает уровень ответственности выборных. Растущая имущественная, образовательная и, как следствие, психологическая разобщенность казаков вкупе с административным диктатом делали своё дело. Многие выборные реальной общественной активности предпочитали её имитацию. С её помощью они хотели прославиться и добиться влияния [48, с. 38]. Но их уже не слишком заботил уровень собственной нравственности. Современники отмечали, что многие члены станичных правлений рубежа веков были малограмотны, склонны к вымогательству и пьянству [49, с. 109–111]. Все большее количество казаков не посещали сходы и не платили станичные сборы. Но, несмотря на эту трансформацию казачьей общины, она продолжала жить, регулировала поземельные отношения, способствовала развитию местной инфраструктуры: здравоохранения и образования. Кроме того, власти стремились к развитию социальной активности казачьих обществ. О чем свидетельствует появление таких форм организации казачьего самоуправления как кооперативные товарищества, помощь семьям, призванным на войны начала XX века и т.д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Любичанковский С.В. Изучение эффективности местного управления Российской империи как научное направление: основные задачи и перспективы реализации на региональном материале // Вестник Омского университета. 2009. № 9. С. 45–47.
2. Савельев Е.П. Войсковой круг как народоправие на Дону. Новочеркасск, 1913.
3. Сватиков С.Г. Россия и Дон (1549–1917). Исследования государственного и административного права и политических движений на Дону. Белград, 1924.
4. Кубанское казачье войско 1696–1888. Сб. кратких сведений о войске / под ред. Е.Д. Фелицина. Воронеж, 1888.
5. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска: В 2-х т. Екатеринбург, 1910–1913.

6. Игнатъев Б.Б. Развитие системы управления казачьих войск России (вторая половина XIX – начало XX вв.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.
7. Очерки традиционной культуры казачеств России / под ред. Н.И. Бондаря. М.; Краснодар, 2002.
8. Малукало А.Н. Кубанское казачье войско в 1860–1914 гг.: организация, система управления и функционирования, социально-экономический статус. Краснодар, 2003.
9. Власкина Т.Ю. Домашний мир на сломе эпох. Очерки традиционной культуры донских казаков (конец XIX – середина XX вв.); [отв. ред. Н.Л. Пушкарева]. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011.
10. Щербина Ф.А. Земельная община кубанских казаков // Кубанский сборник. Т. 2. Екатеринодар, 1891.
11. ПСЗ II. Т. 45. № 48354.
12. Полное общее управление станицами казачьих войск. Книга II. СПб, 1903.
13. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 38.
14. ГАКК. Ф. 355. Оп. 1. Д. 23.
15. ГАКК. Ф. 358. Оп. 1. Д. 43.
16. ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1.
17. Абрамовский А.П., Кобзов В.С. Оренбургское казачье войско в трех веках. Челябинск, 1999.
18. Мемуары и воспоминания Генерала-от-Кавалерии Стефана Александровича Венеровского. СПб.: типография В.Д. Смирнова. Екатерининский канал, дом № 45, 1908.
19. Цит. по: История казачества Азиатской России. Екатеринбург, 1995. Т. 2.
20. ПСЗ III. № 7782.
21. ОПИ ГИМ Ф. 284. Оп. 1. Д. 4.
22. Трут В. Дорогой славы и утрат. Казачьи войска в период войн и революций [Электронный ресурс] // <http://www.plam.ru>.
23. ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 16.
24. Косенков Е.И. Станичное управление в Донском войске // Вестник Томского государственного университета. № 327. 2009.
25. Кириллов П. Новоминская станица. Статистическое описание // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1888. Т. 1.
26. Арканников Ф.Ф. Николаевская станица. Статистико-этнографическое описание // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1888. Т. 1.
27. Тер В. Атаман Павлоградский [Электронный ресурс] // Станица. 24 ноября 2004 г. – <http://gipanis.ru>.
28. Положение об общественном управлении станиц казачьих войск // Из культурного наследия славянского населения Кубани. Краснодар, 1999.
29. Андреев С.М. Становление и развитие станичного самоуправления в Сибирском казачьем войске // Власть и общество в Сибири в XX веке. Сборник научных статей. Вып. 3 / Науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск: Параллель, 2012.
30. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА) Ф. 1149. Оп. 13. Д. 24 (1905 г.).
31. Приказы по ОКВ. 1914. № 81.
32. История Хоперского полка Кубанского казачьего войска. 1696–1896/ сост. есаул I Кубанского полка В. Толстов. под ред. Потто. В 2-х частях. Тифлис, 1901.
33. Государственный архив Оренбургской области (далее – ГАОО). Ф. 6. Оп. 13. Д. 3574.
34. ГАОО. Ф. 37. Оп. 3. Д. 242.
35. Приказ № 168//Уральские войсковые ведомости. № 32 от 22 августа 1904 г.
36. Цит. по: Андреев С.М. Становление и развитие станичного самоуправления в Сибирском казачьем войске // Власть и общество в Сибири в XX веке. Сборник научных статей. Вып. 3 / Науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск: Параллель, 2012.
37. Володин Е. Из следственной практики // КОВ. 1881. № 25.
38. Станица Родниковская // КОВ. 1896. № 139. С. 3.
39. Приказы по ОКВ. 1908 г. № 611.
40. ГАКК. Ф. 318. Оп. 2. Д. 4183.
41. Приказ по Сибирскому казачьему войску № 164 от 7 ноября 1911 г.
42. ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 79. Л. 55.
43. Цит. по: Рыблова М.А. Властные структуры и представления о власти у донских казаков в XVI – XIX в. // Труды Южного научного центра РАН. Т. V. Социальные и гуманитарные науки / Отв. ред. Е.Ф. Кринко. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009.
44. Крюков Ф. Казачьи станичные суды // Северный вестник. 1892. № 4.
45. Чемякин Е.А. Исторические традиции казачьего самоуправления в России: историко-правовой аспект. Волгоград: ГУ «Издатель», 2002.
46. Приказы по ОКВ. 1908 г. № 367.
47. Тмутараканский Л. Об экономико-социальном значении поземельного владения кубанских казаков // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1911. № 16.
48. Хорунжий Прасолов. Общественные сборы // КОВ. 1896. № 15.
49. Цит. по: Васильев И.Ю. Государство и общество в системе ценностей кубанского казачества (конец XVIII – начало XX в.): дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2008.

ORGANIZATION OF THE VILLAGE OF COSSACK SELF-GOVERNMENT AS THE BASIS OF EVERYDAY LIFE

© 2016

S.V. Lyubichankovskiy, doctor of historical sciences, professor, head of the Chair of History of Russia
Orenburg State Pedagogical University, Orenburg (Russia)

E.V. Godovova, candidate of historical sciences,
associate professor of the Chair of Humanities and Socio-Economic Disciplines
*Orenburg Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Orenburg (Russia)*

Abstract. The paper presents the evolution of the formation of the system of local government in the Cossack armies in Russia. Cossacks living in villages with towns belonging to it were Cossack society. Local Cossacks authority It was Village chieftain, Village descent, Village court, Cossack community. Organization of the Village government

in the Cossack army was virtually identical to that due to the fact that the reform of the Cossack troops went on the model of the Don and Kuban troops. This system has been transformed at the beginning of the twentieth century. Fall elective responsibility, a manifestation of laziness and indifference of the Cossacks it was due to property, education and psychological disunity. Contemporaries noted that many members of the village office turn of the century were literate, prone to drunkenness and extortion. An increasing number of the Cossacks did not attend gatherings and did not pay the dues. But, despite this, the Cossack communities continued to live, to regulate agrarian relations, contributed to the development of health and education.

Keywords: Russian Cossacks; village self-government; public management of villages; everyday life; everyday life of the Cossacks; Village chieftain; Village descent; Village court; Cossack community.

УДК 94(47).08

РЕАЛИЗАЦИЯ ТЮРЕМНОЙ РЕФОРМЫ 1890-Х ГГ. В ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ

© 2016

С.В. Любичанковский, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России
Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург (Россия)

Аннотация. В статье дан анализ процесса реализации в Оренбургской губернии закона 1890 года об учреждении новых региональных структур пенитенциарного управления – губернской тюремной инспекции и тюремного отделения губернского правления. Рассматриваются специфика реализации тюремной реформы в крае, отношение губернаторской власти к появлению новых бюрократических структур, особенности взаимодействия между созданными органами управления, а также определяется место, занятое представителями тюремной администрации в региональном бюрократическом сообществе после реализации реформы. Сделан вывод о том, что реализация закона 1890 года в Оренбургской губернии проходила с существенными региональными особенностями. Создание Оренбургской губернской инспекции было оформлено позже (в 1894 году), чем по империи в целом, в связи с затянувшейся реализацией судебной реформы 1864 года на территории края. Однако эта инспекция стала значительно более влиятельнее, чем подобные учреждения в других регионах империи, поскольку фактически подчинила себе тюремное отделение Оренбургского губернского правления и аккумулировала все основные компетенции в сфере тюремного дела. Статус Оренбургского губернского тюремного инспектора по ряду признаков был равен статусу вице-губернатора.

Ключевые слова: пореформенная Россия; российская государственность; губернская тюремная инспекция; тюремное отделение губернского правления; Оренбургский край; эффективность; модернизация; тюремная реформа; тюремный инспектор; бюрократическое сообщество; губернаторская власть.

За последние десятилетия многие стороны жизни позднеимперской России подверглись углубленному изучению отечественными и зарубежными учеными, одновременно явившись, как образно выразились Д. Симс и Э. Джадж, «оспариваемым ландшафтом» [1, с. 10–11]. На этом фоне требуется изучение роли местной бюрократии в разворачивающихся модернизационных процессах середины XIX – начала XX вв. Исследование данной проблематики целесообразно проводить на губернском уровне. Сошлемся здесь на крупного историка и теоретика исторической науки Л. Хефнера, по мнению которого «особенно перспективным представляется исследование в обозримых региональных рамках ...», поскольку «такая территориально ограниченная аналитическая модель в конечном счете способна дать более материала для построения макромоделей», ведь в «территориальных образованиях существовали феномены, которые ввиду отсутствия межрегиональных форм и сетей коммуникации не были представлены в национальном масштабе или присутствовали только в рудиментарном виде» [2, с. 50–51].

В качестве предмета анализа избран процесс реализации в Оренбургской губернии закона 1890 года об учреждении новых региональных структур пенитенциарного управления. В центре внимания находятся вопросы специфики реализации тюремной реформы в крае, отношения высшей местной власти к появлению новых бюрократических структур, вы-

страивания взаимодействия между новыми элементами системы пенитенциарного управления, а также определение места, занятого представителями тюремной администрации в региональном бюрократическом сообществе после реализации реформы.

Одной из важнейших причин изменений в тюремной политике во второй половине XIX века была неэффективность системы пенитенциарного управления. Широко известен главный шаг, предпринятый реформаторами для исправления сложившейся ситуации «многовластия»: учреждение в 1879 году в составе МВД Главного тюремного управления – единого координационного центра в сфере пенитенциарной деятельности на общеимперском уровне. Собственно, именно после этого нововведения и возникло выражение «тюремная реформа 1879 года» – самая поздняя из «Великих реформ».

Сосредоточение функций управления пенитенциарной системой в столице повлекло за собой необходимость проведения соответствующих изменений и на местном уровне. Следующим шагом в данном направлении и стало издание закона от 21 марта 1890 года [3]. Им были учреждены губернские тюремные инспекции во главе с губернскими тюремными инспекторами. Они были созданы не повсеместно – собственно, ни одна из т.н. «Великих реформ» в сфере управления (судебная, земская, городская) не распространялась на всю империю. В этом случае в период вплоть до 1895 года эти инспекции появились в 24

губерниях, а затем с 1909 г. – еще в 14: до 1895 г. включительно – Виленская, Киевская, Пермская, Саратовская, Харьковская, Екатеринославская, Казанская, Московская, Херсонская, Воронежская, Лифляндская, Оренбургская, Самарская, Уфимская, Ковенская, Костромская, Полтавская, Черниговская, Ярославская, Владимирская, Вятская, Гродненская, Курская губернии; с 1909 г. – Орловская, Пензенская, Санкт-Петербургская, Смоленская, Астраханская, Бессарабская, Витебская, Вологодская, Волынская, Могилевская, Нижегородская, Подольская, Таврическая и Тамбовская губернии. Выбор первоочередных губерний определялся, видимо, насыщенностью местами заключения.

Таким образом, Оренбургская губерния попала в число, выражаясь современным языком, «пилотных» регионов. Вместе с тем, это произошло не в 1890-м, а только в 1894 году. Сам факт появления этих должностных лиц в регионе (в XIX веке новая структура появилась только в 24 губерниях из более чем сотни губерний и областей Российской империи) свидетельствовал о том, что пенитенциарные учреждения Оренбургской губернии рассматривались правительством как один из ключевых элементов пенитенциарной системы всего Российского государства.

Тот факт, что закон 1890 года был реализован на Южном Урале только спустя четыре года, на наш взгляд, был связан с региональными особенностями «внутренней окраины» – отсутствием здесь реформированной системы судебных учреждений. Оренбургский окружной суд был учрежден только во второй половине 1893 года и начал функционировать с 1894 года [4]. С учетом этого становятся понятными причины отсутствия тюремной инспекции до 1894 года – два эти управленческих решения были увязаны друг с другом.

Первого июля 1894 г. в Оренбургской губернии была учреждена тюремная инспекция. За месяц до этого события о принятом решении было сообщено оренбургскому губернатору Владимиру Ивановичу Ершову (1892–1899). Министр внутренних дел И.П. Дурново предложил ему к моменту открытия инспекции в Оренбурге сделать все зависящие распоряжения об образовании в Оренбургском губернском правлении «...особого тюремного отделения в составе губернского тюремного инспектора, его помощника, секретаря при инспекторе и канцелярии, составляемой из делопроизводителей и его помощников, которые до применения нового узаконения занимались делопроизводством по тюремной части» [5, л. 1]. Это означало, что МВД с самого начала привязывало деятельность Оренбургской тюремной инспекции к работе традиционного органа управления губернией – губернского правления, поскольку предусматривало, что весь документооборот инспекции будет обеспечиваться (а вместе с тем и контролироваться) канцелярией губернского правления.

По закону 1890 года тюремное отделение под руководством тюремного инспектора наделялось большими правами на ведение вопросами пенитенциарной системы региона: «В тюремном отделении губернского правления должна сосредоточиваться переписка по всем вообще делам губернии, касающимся тюремно-арестантской части, пересылке арестан-

тов и по использованию судебных приговоров... Вся переписка по предметам этой части должна исходить только из тюремного отделения. Поэтому в тюремном отделении должны производиться все дела, касающиеся:

а) личного состава управления и надзора в местах заключения, как то определение, увольнение, производство жалования, представление к награждению, предание суду и вообще прохождение службы;

б) порядка содержания арестантов в местах заключения;

в) производство арестованными работ;

г) заготовление одежды для ссыльных и пересыльных и для содержащихся в местах заключения;

д) заведывание тюремными замками;

е) переписка по распоряжению всеми ассигнуемыми по смете тюремного ведомства кредитами» [6, л. 8].

Однако пореформенная эпоха для Оренбургского края была буквально пронизана идеей борьбы с «многовластием». Дело в том, что во 2-й половине XIX века Оренбургский край был настоящим, как выразился японский исследователь К. Мацузато, «опытным полигоном» [7, с. 429]. К началу 1860-х гг. XIX века его территория была не только чрезвычайно велика (1730 тыс. кв. миль с населением в 4,2 млн. человек), но также она была разорвана между министерствами; две гражданских губернии под юрисдикцией МВД, земли двух казачьих и Башкиро-Мещеряцкого войска под юрисдикцией военного министерства, территории Внутренней Орды и оренбургских Киргизов под юрисдикцией министерства государственных имуществ и иностранных дел соотносительно. Поэтому одной из важнейших целей всех реформ для Оренбургского края было «преодоление разъединенности властей». Однако если в отношении Уфимской губернии, входившей в состав края, это было сделано (она была трансформирована в обычную гражданскую губернию с новыми судебными и земскими структурами), то Оренбургская губерния такого же статуса не получила. Исторический контекст эпохи «Великих реформ» применительно к Оренбургской губернии заключался в нереализованности на ее территории целого ряда преобразований, с успехом прошедших в других губерниях Урало-Поволжья. Управленческая специфика Оренбургской губернии, вызванная политическим решением правительства о консервации ее социокультурных особенностей, предопределила особое внимание и особую заинтересованность оренбургских властей ко всем столичным инициативам, могущим изменить эту ситуацию.

Это настроение ярко проявилось и при создании тюремного отделения Оренбургского губернского правления. Оно выразилось в том, что Оренбургский гражданский губернатор Владимир Иванович Ершов в целях создания централизованной системы пенитенциарного управления в подведомственной ему губернии с самого начала пошел на увеличение полномочий создаваемого отделения, даже по сравнению с министерским распоряжением. Он изъял из ведения собственной, губернаторской канцелярии, а также из ведения губернского распорядительного комитета и передал в ведение тюремного отделения всю переписку по надзору за находящимися в губернии ме-

стами предварительного заключения, а также по предметам, касающимся устройства этих помещений и наблюдение за состоянием и оборотами наличности назначенных на их устройство и содержание соответствующих зданий.

Расценивать этот факт как попытку В.И. Ершова «сбросить» с себя какую-то ответственность невозможно, поскольку речь шла о передаче полномочий к местному чиновнику, а не к представителю какого-то надгубернского образования типа Оренбургского и Самарского управления государственных имуществ и т.п. В рамках Оренбургской губернии, кто бы из подчиненных не занимался тюремными вопросами, в конечном итоге ответственность перед центром за общую ситуацию нес «начальник губернии» – гражданский губернатор. Если же рассматривать ситуацию с точки зрения контроля над основными рычагами управления губернией, то приходится признать, что губернатор, вопреки всем бюрократическим «играм», сам способствовал появлению в губернии нового влиятельного «центра силы» в лице тюремного инспектора. Так что, по всей видимости, решение В.И. Ершова о сосредоточении в тюремном отделении Оренбургского губернского правления дополнительных функций было обусловлено исключительно заботой о налаживании эффективного управления пенитенциарной системой региона на основе единоначалия: в конечном счете, он как губернатор не мог не быть заинтересован в решении этого вопроса. Оренбургская губерния была единственной из всех губерний империи (насколько мы можем судить из изученного опубликованного и архивного материала), в которой в ведении тюремного отделения сосредоточились все вопросы, курируемые по линии Главного тюремного управления.

Возникает вопрос: а что же представляла из себя губернская тюремная инспекция, если все делопроизводство тюремного инспектора обеспечивалось губернским правлением? Этот вопрос в науке не является решенным. На наш взгляд, его можно решить, если проанализировать подведомственность должностного состава этих двух организаций. Ведь с 1895 г. и Главное тюремное управление, и все губернские тюремные инспекции, в том числе Оренбургская, была переведены в ведомство министерства юстиции. Тюремное же отделение Оренбургского губернского правления продолжало находиться в ведении МВД.

Изучение архивных документов позволяет сделать вывод о том, что конкретный состав Оренбургской губернской тюремной инспекции включал трех человек: губернский тюремный инспектор, помощник губернского тюремного инспектора, секретарь губернского тюремного инспектора. Именно эти чиновники были переведены в ведомство министерства юстиции, тогда как остальные сотрудники тюремного отделения (делопроизводители, их помощники и т.п.) остались в ведении МВД. Три вышеперечисленных должностных лица и составили Оренбургскую губернскую тюремную инспекцию в узком смысле этого слова, то есть без тюремного отделения губернского правления (хотя, повторюсь, его продолжал возглавлять Оренбургский губернский тюремный инспектор).

Архивные документы позволяют выделить и основную функцию Оренбургской губернской тюрем-

ной инспекции – к ней относилась обязанность регулярных ревизий и проверок мест заключения региона. Ведомственный документ определял, что членам инспекции «необходимо... возможно ближе наблюдать за всеми местами заключения губерний и для сего объезжать таковые не менее одного раза в год, не считая, конечно, случаев экстренной надобности в посещении той или иной тюрьмы, а также не считая тюрем губернского города, в которых инспектор или его помощник должны быть, по крайней мере, еженедельно» [8, л. 6]. Отсюда, собственно, и название всего учреждения – Инспекция.

Кстати, обратим внимание на то, что понятие «инспекция» по законам того времени отличалось от понятия «ревизия», было более широким. Разница заключалась в том, что при объездах тюрем члены инспекции были обязаны не только установить наличие в тюрьме того или другого нарушения порядка, но и позаботиться в своем же присутствии об исправлении недостатков, если, конечно, эти изменения не требовали санкции более высокого начальства. То есть результатом инспекции становилось оперативное устранение множества недочетов в работе тюрем [9, с. 105].

Сразу отметим, что, признавая положительный эффект от улучшений организационного характера, мы понимаем, что они не гарантировали ни от коррупции, ни от произвола властей. Архивные документы фиксируют и факты формального отношения обновленного пенитенциарного начальства к своим инспекторским обязанностям. Приведем только один пример. Так, посещая Челябинскую тюрьму, оренбургский губернский тюремный инспектор выслушал жалобу заключенного И. Пензина на надзирателя, который, по его словам, не отдал ему денежную передачу от родственника. В тот же день, после отъезда инспектора, жалоба была отозвана. Спешность и мотивы отзыва жалобы должны были заинтересовать губернское правление, но никакой реакции от его чиновников не последовало.

Таким образом, новые структуры пенитенциарного управления, возникшие в регионе в 1894 году в результате реализации тюремной реформы 1879 года, имели сложноорганизованный характер. Вместе с тем, можно констатировать, что в Оренбургской губернии на практике не существовало организационного разделения между двумя возникшими структурами – тюремной инспекцией и тюремным отделением. Обе они фактически составляли единое целое. Это было обеспечено не только за счет того, что по закону губернский тюремный инспектор являлся руководителем обеих структур, но и за счет принятых на местном уровне губернатором В.И. Ершовым решений о передаче в ведение губернского тюремного инспектора дополнительных полномочий в области тюремного дела.

Общая численность служащих Оренбургской инспекции (включая сотрудников тюремного отделения губернского правления) составляла 17 человек, из них 10 – рядовые канцелярские чиновники. Оставшиеся семь человек представляли руководящий состав: губернский тюремный инспектор, помощник тюремного инспектора, секретарь при тюремном инспекторе, старший делопроизводитель, делопроизводитель, два

помощника делопроизводителя. На их содержание, за исключением тюремного инспектора, выделялось 3283 руб. 98 коп. в год. На содержание тюремного инспектора выделялось 1800 рублей в год, что делало его с точки зрения жалованья фигурой, равной советнику губернского правления (все другие главы отделений губернского правления получали менее 1800 руб. в год: например, губернский инженер – 1400 руб., губернский ветеринарный инспектор – 1500 руб.). В литературе можно встретить мнение, что оклад губернского тюремного инспектора в данный период составлял 2500 руб. в год [10, с. 12]. Однако это неверно: данный оклад был установлен губернским тюремным инспекторам только по закону от 23 марта 1912 года, когда прибавку к жалованью получили все чины губернской администрации, в том числе и советники губернских правлений стали получать не 1800 руб., а 2500 руб. в год.

Источники позволили выявить персональный состав основных должностных лиц Оренбургской тюремной инспекции. На сегодняшний день в исторической науке нет исследований, посвященных персональному составу руководства тюремными отделениями. Однако проведено исследование руководящего состава уральских губернских правлений, в том числе и Оренбургского, которое не коснулось губернских тюремных инспекторов по причине того, что они не были подведомственны МВД [11, с. 158–186]. Источники показали, что более пятнадцати лет бессменным руководителем данного специализированного органа являлся коллежский советник (впоследствии дослужился до действительного статского советника) Александр Карлович Адеркас – Оренбургский губернский тюремный инспектор с момента учреждения тюремной инспекции в Оренбурге в 1894 г. и вплоть до выхода на пенсию в 1910 г. В библиотеке Государственного архива Российской Федерации нами был выявлен его формулярный список, который позволил реконструировать основные вехи его биографии.

Родился Александр Карлович 5 мая 1854 года в немецкой дворянской семье. Был лютеранином. Закончив знаменитое на всю страну Училище Правоведения, поступил в 1877 году на службу по ведомству МВД. Имел опыт работы в тюремных комитетах губерний центральной России, а также в центральном аппарате Департамента полиции исполнительной МВД. Опыта работы в Южно-Уральском регионе не имел (введение «варяга» в состав оренбургской губернской администрации могло иметь целью создать некие гарантии от развития кумовства и коррупции). В 40-летнем возрасте (это считался молодой возраст по понятиям бюрократической элиты того времени, но для руководства губернских правлений Уральского региона исследуемого периода он был типичен: более половины из его числа находилось в возрасте 35–40 лет) получил назначение на пост Оренбургского губернского тюремного инспектора. Имел ряд наград за «беспорочную службу»: орден Св. Владимира 3 и 4 степени, Св. Станислава 2 и 3 степени, Св. Анны 3 степени, а также серебряную медаль в память царствования императора Александра III [12, с. 38]. Таким образом, оренбургская пенитенциарная система находилась под управлением опытного, в то же время достаточно молодого в момент назначения чи-

новника, чье юридическое образование давало возможность профессионально отслеживать соблюдение законности в тюремной сфере. Обращает на себя также внимание «долгожительство» А.К. Адеркаса на посту оренбургского губернского тюремного инспектора. Его коллеги – главы других отделений Оренбургского губернского правления – менялись гораздо чаще: так, за тот же период в Оренбургской губернии сменилось 3 советника, 4 губернских инженера, 3 губернских ветеринара. Это сделало А.К. Адеркаса уже к началу XX века одним из наиболее опытных и влиятельных членов оренбургской губернской администрации.

Главное тюремное управление рассматривало именно губернскую тюремную инспекцию в качестве основного руководящего звена в системе управления местами заключения. По мнению начальника ГТУ в 1896–1900 гг. А.П. Саломона: «...Эти обстоятельства побуждают с особой тщательностью относиться к выбору лиц, назначаемых на должности губернской инспекции. Помимо нравственных качеств от этих лиц следует требовать: знание законоположений, относящихся по тюремной части, достаточного опыта в делопроизводстве, знакомства с внутренними тюремными порядками и с тюремным хозяйством» [13, с. 115]. На наш взгляд, руководящий состав Оренбургской губернской тюремной инспекции отвечал этим высоким требованиям. Кроме того, на протяжении всего исследуемого периода он представлял собой практически неизменяемую величину, что выделяло его по сравнению с руководством других губернских учреждений, в том числе и «высшего в губернии места» – Оренбургского губернского правления.

Таким образом, реализация закона 1890 года в Оренбургской губернии проходила с существенными региональными особенностями. Создание Оренбургской губернской инспекции было оформлено не с 1890 г., как в целом по империи, а только с 1894 г., в связи с затянувшейся реализацией судебной реформы 1864 года на территории края. Однако эта Инспекция благодаря местным инициативам губернатора В.И. Ершова стала влиятельнее, чем подобные учреждения в других регионах империи, поскольку с опорой на созданное тюремное отделение Оренбургского губернского правления аккумулировала все основные компетенции в сфере тюремного дела, став подлинным общегубернским органом управления. Статус Оренбургского губернского тюремного инспектора по определенным признакам был равен статусу вице-губернатора, а его служебная биография делала его человеком с независимым мнением и высокой репутацией. Региональное бюрократическое сообщество в условиях модернизации государственного аппарата позднеимперской России проявило себя не только пассивным объектом, но и активным субъектом реформирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Modernization and Revolutions. Dilemmas of Progress in Late Imperial Russia. Ed. By E.H. Judge, J.Y. Simms, jr. New York: Itacka, 1992. 192 p.
2. Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX – начало XX века. М.: Наука, 2007. 490 с.
3. ПСЗ-3. Т. 10. Отделение 1. 1890. № 6653.

4. Указ от 9 марта 1892 г. «О введении судебной реформы в полном объеме в губерниях Оренбургской и Уфимской», ст. 3 // ПСЗ-3. Т. 12. № 43017.

5. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 11. Оп. 5. Д. 57.

6. ГАОО. Ф. 11. Оп. 5. Д. 63.

7. Мацузато К. Управляя пространством // Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффективность. Сводные материалы заочной дискуссии / под ред. А.Е. Загребина, С.В. Любичанковского. Екатеринбург-Ижевск: Изд-во УрО РАН, 2010. 496 с.

8. ГАОО. Ф. 11. Оп. 5. Д. 58.

9. Сборник узаконений и распоряжений по тюремной части / сост. Т.М. Лопато. Пермь: Губ. типография, 1903. 120 с.

10. Пирогов П.П. Пенитенциарная политика Российской империи XIX – начала XX века и ее влияние на принципы комплектования, штатной расстановки и прохождения службы в тюремном ведомстве // История государства и права. 2003. № 3. С. 9–13.

11. Любичанковский С.В. Губернская администрация и проблема кризиса власти в поздней имперской России (на материалах Урала, 1892–1914) / Поволжский филиал Института российской истории РАН. Самара-Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2007. 750 с.

12. Министерство юстиции. Список чинов тюремного ведомства. СПб.: Право, 1908. 1421 с.

13. Соломон А.П. Тюремное дело в России. СПб.: Право, 1898. 168 с.

1890TH PRISON REFORM IMPLEMENTATION IN THE ORENBURG GOVERNORATE

© 2016

S.V. Lyubichankovskiy, doctor of historical sciences, professor, head of the Chair of History of Russia
Orenburg State Pedagogical University, Orenburg (Russia)

Abstract. This paper is about an implementation process of the 1890 law in the Orenburg province for organization of new regional structures of penitentiary management – provincial prison inspection and prison department of provincial board. Specifics of prison reform implementation in the region, the relation of the governor's power to emergence of new bureaucratic structures, features of interaction between the created governing bodies are considered as well as the place taken by representatives of prison administration in regional bureaucratic community after the reform implementation is determined. The conclusion is drawn that implementation of the 1890 law took place in the Orenburg province with essential regional features. Orenburg provincial inspection has been created later (1894) than in the Russian Empire in general because of prolonged implementation of judicial reform (1864) on the territory of the region. However this inspection became more influential than similar organizations in other regions of the Russian Empire as it has subordinated the prison department of the Orenburg provincial board and accumulated all main competences of the sphere of prison case. The status of the Orenburg provincial prison inspector was almost equal to the status of the vice-governor.

Keywords: post-reform Russia; Russian statehood; provincial prison inspection; prison office of provincial board; Orenburg region; efficiency; modernization; prison reform; prison inspector; bureaucratic community; governor's power.

УДК 9(с)2 (470.56):34С1(470.56) М56

ОСОБЕННОСТИ МОДЕРНИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

© 2016

А.В. Мещеряков, педагог дополнительного образования
Центр детского творчества Промышленного района г. Оренбурга, Оренбург (Россия)

Аннотация. В данной статье рассмотрены особенности модернизационного развития Оренбургского казачьего войска на рубеже XIX–XX вв. В ходе рассмотрения данной проблемы выделены основные проблемы, которые влияли на модернизацию в войске. К ним относилось тяжелое экономическое положение, вследствие чего возникали проблемы с медицинским обеспечением. Другая важная проблема, рассмотренная в статье – это вопрос о введении земства. Рассмотрен важнейший вопрос о передачи земли в вечное пользование казачьим войскам, право, которое подтвердило особое положение казаков в системе государственного управления, но еще раз подтвердило традиционность в модернизационном развитии. Исследование подтвердило, что Оренбургское казачье войско на рубеже веков, было четко включено в структуру государственного управления, причем органы управления казачьих войск считались правительственными учреждениями. Казачество реформировалось согласно общей идее модернизационных процессов, проходивших в Российской империи. Однако применялись они не по шаблону, а имело свою специфику. Вызвано это было несколькими причинами: особой системой управления, ролью казачества внутри империи, традиционным укладом жизни казаков. Поэтому каждая реформа имела свои особенности, а некоторые так и не были реализованы, что перед самым началом Первой мировой войны и отличало казачьи регионы от остальной части империи.

Ключевые слова: модернизационный подход; Оренбургское казачье войско; Оренбургская губерния; общий войсковой капитал; главное управление казачьих войск; система управления; военный совет; военное министерство; Государственный совет; земство; генерал-губернатор; наказной атаман.

Модернизационный подход в настоящее время является одним из актуальных направлений в исторической науке. Исследователи выделяют несколько моделей модернизационного развития. К ним относятся линейная модель (представители У. Ростоу, М. Леви, Д. Лернер), модель многолинейной модернизации (представители А. Турен, В. Цапф, П. Штомпка), акторная модель (Т. Пириайнен) [1, с. 1] и парциальная частичная модернизация. (А.Д. Богатуров, А.В. Виноградов) [2]. Для нашего исследования в наибольшей степени подойдет последняя модель, т.к. она предполагает возможность «застревания» некоторых обществ на стадии «частичной» модернизации. В развитии такого общества предполагалось близкое соединение традиционных и модернизационных элементов. По мнению И.В. Побережникова в Уральском регионе в авангарде традиционности стояло как раз и стояло казачество [3, с. 297]. Поэтому все модернизационные веяния, направленные на превращение Оренбургского края из окраины во внутреннюю периферию, а затем и центра (одинакового с центром уровня жизни, законов и т.д.) сталкивались с интересами и особым положением казачьих войск. Конечно, для казачества были характерны многие черты немодернизированного общества. Такими были: 1) изолированность, замкнутость, отделение жизни; 2) высокий уровень самообеспеченности; 3) акцент в сфере социальных отношений и культурных норм на традицию и религиозные нормы, ориентация на прошлое 4) господство традиции над инновацией; 5) авторитарный характер власти; 6) неразвитость денежного обмена и рынка. Однако с началом Великих реформ модернизация проникает и в казачьи районы, но со своими особенностями. Поэтому изучение модернизационных процессов на территории Оренбургского казачьего войска становятся особенно актуально.

В отечественной историографии модернизационным развитием занимается И.В. Побережников, на фоне общей модернизации в Уральском регионе, он затрагивал и особенности развития казачества, как самого главного элемента традиционности. Однако особое внимание он уделил Уральскому казачьему войску, которое все-таки отличалось от Оренбургского и традициями, и культурой. Е.В. Банниковой модернизационный подход взят за основу при изучении купечества в уральских губерниях [1]. Так же С.В. Любичанковский затрагивал проблему модернизации в государственном аппарате [4]. Однако целенаправленных исследований особенностей модернизации по отношению к казачеству никто не проводил.

Целью статьи является выявление особенностей модернизационного развития Оренбургского казачьего войска на рубеже XIX–XX вв.

Рубеж XIX–XX вв. для Российской империи стал переломным периодом ее истории. С конца XIX в. начинаются модернизационные преобразования, которые носили противоречивый характер. С одной стороны, Российская империя вступила в период бурного экономического развития, что требовало от правительства гибкой политики. С другой стороны, сохранялось государственное устройство во главе с абсолютным монархом и раздутым, неповоротливым административным аппаратом, которое шло на изменения лишь под социальным давлением.

Политика по отношению к казачеству так же имела противоречивый характер. И противоречия эти складывались внутри правительства, а точнее в разном отношении к проблемам казачества различных министерств. В одном они были схожи, казачество должно было стать частью империи, как в законодательном, так и в социальном плане, не отменяя его главную функцию – службу Царю и Отечеству.

Главной проблемой, которая была перед правительством – совершенно неудовлетворительное положение войскового капитала Оренбургского казачьего войска (далее ОКВ). Причем кризис войскового капитала носил затяжной характер. Еще в 1875 г. в отчете Главного управления иррегулярных войск отмечалось значительное уменьшение войсковых капиталов вследствие недостатка сметных доходов на покрытие сметных расходов [5, с. 20]. Как отмечалось выше, в период с 1881 по 1894 гг. войсковой капитал ОКВ уменьшился на 400 тыс. руб. В начале XX в. расходы превысили доходы в 1905 г. на 109298 руб., а в 1909 г. 317209 руб. [6, с. 334] Вследствие чего к 1911 г. Войсковой капитал сократился еще на 183350 руб. [7, с. 28].

Для того что бы поддержать войсковой капитал государство выдавало субсидии из казны. Уже в 1874 г. было передано 182564 руб. [5, с. 17] С 1 января 1896 г. в течение 6 лет из казны выдавалось по 115000 руб. в год [8, л. 1].

С началом XX в. экономическое положение ОКВ не улучшилось. Об этом говорил генерал-майор Рихтер на заседании временной комиссии при Главном управлении казачьих войск (далее ГУКВ), проходившей в 1901 г., где обсуждался вопрос об уменьшении тяжести воинской повинности в действующих и льготных частях казачьих войск. Речь шла о выдаче пособия в размере 100 руб. каждому казаку для покупки лошади при выходе на службу. Общий расход должен был составить 170000 руб. Генерал-майор Рихтер, выступая с докладом, отмечал невозможность для ОКВ таких расходов, так как внутренних ресурсов не было, а пополнить капитал за счет казны не давало министерство финансов, которое отказывало в выплате компенсации за винную монополию. Объяснялось это относительной многоземельностью ОКВ [9, с. 6]. Правда, вопрос был пересмотрен и с 1904 г. из казны все-таки стали выделяться средства на лошадей по 50 руб. для каждого казака, выходящего на службу [10, л. 4].

Второй проблемой, которой опасался генерал-майор Рихтер, было окончание в 1901 г. выплаты пособия от казны в размере 115000 руб. в год на содержание внутренних учреждений, а это означало, что эти расходы будут отнесены на войсковой капитал [9, с. 6].

Опасения оказались не напрасными, и перед войском действительно встала эта проблема. В 1901 г. Военный совет попросил продолжать выдавать данное пособие с 1 января 1902 г. еще сроком на 5 лет. Однако в различных ведомствах существовал различный подход. Так, министр финансов и государственный контролер настаивали на отмене пособия ОКВ, а финансовое положение предлагалось улучшить путем более рационального использования войсковых арендных статей. Военный же министр пытался отстоять пособие для войска [8, л. 1].

Для решения этого вопроса была создана особая комиссия из представителей министерства финансов, государственного контролера, бывшего министра земледелия и государственных имуществ и представителей войска.

Комиссия выехала в г. Оренбург и работала с декабря 1903 г. по март 1905 г., но так к определенному выводу и не пришла. Связано это было с тем, что в комиссии сложилось два лагеря. Первый – состоял из представителей ОКВ. Они отмечали, что расходы войска растут, а доходы не только не увеличатся, но и будут уменьшаться. Второй лагерь состоял из представителей трех ведомств. По их подсчетам доходность войскового капитала можно было повысить на 439000 руб. Учитывая, что дефицит бюджета с 1902 по 1906 г. составлял 70841 руб. ежегодно и общий капитал к 1 января 1902 г. составлял 1500000 руб., то данное войско в пособии не нуждалось [8, л. 28об.].

Однако методы, предложенные министерством финансов и государственным контролером, либо противоречили законодательству, либо казачьему укладу. Поэтому Совет министров постановил Военному министру внести на утверждение в Государственную Думу представление об отпуске общему войсковому капиталу ОКВ пособия из сумм государственного казначейства по 115000 руб. в год [8, л. 44]. После утверждения пособия, оно вновь выплачивалось войску в период с 1909 по 1913 г.

Однако перед началом войны в отличие от многих регионов империи, которые переживали экономический бум, в ОКВ накапливалось все больше проблем. После постигшего ОКВ неурожая в 1911 г. в некоторых станицах 2-го и 3-го отделов в 1912 г. вновь оказалась недород хлебов, вследствие чего в поселке Вернинском Великопетровской станицы из-за недоедания даже распространилась цинга. На ликвидацию последствий неурожая требовалось 71571 руб., которые как экстренная мера, с разрешения Военного совета, были выданы из пожарного капитала. Понимая, что Войсковой капитал находится в крайне неудовлетворительном состоянии, Государственный совет просил Государственную думу выделить эти деньги из казны, для возврата их в пожарный капитал [11, л. 10 об.].

Помимо этого, в смете на 1913 г. сохранялся огромный дефицит в размере 141186 руб. Для его ликвидации Военный совет запросил для ОКВ единовременное безвозвратное пособие. Но вновь против выступили Министр финансов и Государственный контролер. Они настаивали на выдаче войску от государства ссуды на льготных условиях. Объясняя это тем, что полученные пособия от государства повлекут за собой незаинтересованность войскового начальства в развитии войска [12, л. 2]. На этот раз верх одержали доводы Министерства финансов, и в Государственную думу был отправлен законопроект о выдаче ОКВ ссуды, а не безвозвратного пособия.

К 1913 г. опять возникла проблема в помощи ходившим на службу казакам. Пятьдесят руб., которые выплачивались войском, были явно недостаточными. Требовалось повысить это пособие до 100 руб. На что требовалось бы еще 75000 руб. в год. В связи с ужасающим экономическим положением в войске, они были запрошены из казны, на что был получен

ответ об отнесении этих денег на общевоинской капитал [10, л. 4].

Тяжелое экономическое положение войскового капитала не позволяло развивать одну из важнейших социальных отраслей – медицину. В Отчете за 1908 г. войсковое начальство признает, что медицинское обеспечение в ОКВ находится в плачевном состоянии и не может удовлетворить потребности населения.

Следует отметить, что проблема с медицинским обеспечением была на территории всей Российской империи. Россия в Европе стояла на первом месте по показателям инфекционных заболеваний и смертности от нее [13, с. 81]. К тому же на территории самой империи сохранялось различие в медицинском обеспечении. В Европейской России оно было поставлено несколько лучше [14].

Если сравнивать положение казаков и крестьянское население Оренбургской губернии, то оно было схожим. Отличался только г. Оренбург, где было несколько больниц и работало около 20 врачей [15, с. 4]. Не сильно отличалось и положение в соседней Уфимской губернии. Различием стало, то, что там с 1875 г. было введено земство. Это, несомненно, повысило результаты в сфере лечебной медицины. Однако Уфимская губерния – по ряду показателей была в числе отстающих. Причины этого кроются в социально-экономическом развитии региона и в социокультурных особенностях населения губернии [16, с. 34].

В лучшем положении оказалась Казанская губерния. Если в 1866 г. положение было схожим с Оренбургским краем (на 1470345 человек приходилось всего 4 врача и 46 фельдшеров), то с работой земства эти показатели существенно изменились, так в 1881 г. на одного врача приходилось 57513 человек, в 1890 г. – 49144 человек, в 1901 г. – 35168 человек [17, с. 126]. Конечно, это были не идеальные показатели, и врачей явно было недостаточно. Но по сравнению с Оренбургским казачьим войском положение было на порядок лучше. Для сравнения в 1908 г. в ОКВ в 1-м отделе на 1 врача приходилось 58738 человек, во 2-м отделе – 61511 человек, в 3-м 51481 человек [18, с. 69]. Расходы на медицинское обеспечение, так же говорило за земство Казанской губернии. В 1901 г. на земскую медицину было израсходовано – 717 тыс. руб. На душу населения в Казанской губернии на народное здравоохранение расходовалась в 1871 г. – 4 коп., в 1880 г. – 10 коп., в 1890 г. – 20 коп., 1901 г. – 28 коп. [19, с. 3]. В Оренбургском войске в 1908 г. на медицину было израсходовано 60990 руб., что составляло по 67 коп. на каждого лечившегося и по 12 коп. на каждую душу войскового сословия [18, с. 69]. Причем Казанская губерния по затратам на здравоохранение занимала 13-место из 34 губерний, где существовало земство и не было в числе отстающих по этому показателю.

Таким образом, не смотря на множество проблем, развитие медицины говорило в пользу земских учреждений, передовых в этом плане губерний, а не войскового административного управления, которое в ОКВ заменяло земство.

Вследствие этого вновь появляется идея создания земства в Оренбургской губернии. Причем вопрос этот уже рассматривался ранее. В 1860-е гг. Орен-

бургский и Самарский генерал-губернатор Н.А. Крыжановский видел в этом решение хозяйственных проблем в войске. Однако уже в 1879 г. Оренбургский губернатор и Наказной атаман ОКВ генерал-майор В.И. Ершов выступил против объединения гражданской и казачьей территории в одно земское хозяйство [20, с. 62]. Причин для этого было множество, различная ведомственная подчиненность территорий в хозяйственном отношении, опасения казаков потерять свои привилегии, а правительства – растворить казачью общину в общей массе населения. Между тем, функцию земства выполняла казачья община, обеспечивая, например, достаточно высокий уровень грамотности населения на 1916 г. составлял 72,9% среди мужчин и 48,6% среди женщин [20, с. 62]. Данный показатель был первым среди всех казачьих войск. Да и среди населения всей империи он был очень высоким. Ряд ученых оценивают грамотность населения России к 1915 г. в 35–38%, причем только применительно к Европейской части, в Сибири же и в Средней Азии 12,4% и 3,3% соответственно [21, с. 84].

В 1913 г. на территории Оренбургской губернии земство все же было введено. Однако Положение о земских учреждениях исключало земли ОКВ из пределов губернии [6, с. 331]. Такое обособление казачьего войска в отношении земского управления от губернии вызывалось несколькими факторами. Во-первых, размер земель был не в пользу казаков (соотношение 60,1% к 39,6% у казачьего населения), а по численности еще больше уступала гражданскому населению (соотношение 76,7% к 23,3%), что при создании земства на общих основаниях, повлекло бы возможность невойсковому сословию распоряжаться казачьим земским хозяйством. Во-вторых, опасение для правительства вызывало, то, что земские учреждения подчинялись МВД, а, следовательно, и казачество должно было подчиняться гражданским органам управления, а не военным. Это, по мнению правительства, могло повлиять на дух казачества и отразится на его боеспособности [21, л. 2].

Тем не менее правительство не оставляло вопрос о введении земства для ОКВ. Был даже составлен проект по его реализации, в котором предусматривалось применить уже существующее положение, о земских учреждениях, с внесением изменений и дополнений, вызванные особенностями казачьего войска.

Одно из главных изменений относилось к ведомству, в которое входили земские учреждения. Так функции МВД переходили военному министру, функции совета министра внутренних дел – военному совету, губернатора – наказному атаману [21, л. 11].

Изменения касались и выборов в войсковое земское собрание. Согласно проекту, предполагалось выборы проводить по двум куриям. Первая от владельцев земли и недвижимого имущества, вторая от станичных обществ (сельских обществ на территории войска не было). Выборы от станичных обществ предлагалось сделать, не двухстепенными, как это действовало в выборе крестьянских гласных, а одноступенными, т.к. уже существовали станичные сборы и на них должны были выбираться гласные в земские собрания.

Для курии землевладельцев и владельцев недвижимого имущества не предполагалось искусственно-

го увеличения числа гласных, как например, в Оренбургской губернии. Это было вызвано несколькими причинами. Во-первых, большая часть частновладельческой земли принадлежала невойсковому сословию; во-вторых, в станичных обществах, были не только простые земледельцы, но и интеллигенция и чиновники; в-третьих, боязнь того, что станичные общества просто проигнорируют выборы в земства, если им не будет предоставлено преимущество [21, л. 9].

Множество проблем оставалось и в разграничении функций между губернским и войсковым земством. Сохранялись открытыми вопросы о дорожной повинности, об участии в расходах на потребности гражданского управления, источниках земских доходов. Все они должны были решиться по соглашению между губернским и войсковым земством.

Таким образом, разработанный проект введения земства в ОКВ отвечал интересам модернизационных процессов, но не предполагал слияния казачьего населения с гражданским. Введение земства носило явно прогрессивный характер, т.к. расходы на земское хозяйство от административных органов должно было перейти непосредственно к казачьему населению, которое и было заинтересовано в их распределении. Однако земское управление в ОКВ так и не было введено. Этому помешали и те причины, которые мы обозначили выше, и конечно же начавшаяся Первая мировая война, а также якобы само нежелание казаков введения земства в войске [6, с. 331]. Хотя, после Февральской революции в газетах прогрессивная часть казачества писала о том, что введение земства для ОКВ будет единственно правильным решением, для ликвидации проблем в хозяйственной жизни казаков [22].

Для того чтобы сгладить экономические проблемы в ОКВ, правительство пошло на передачу земель, находящихся в их пользовании в полную собственность. Вопрос этот был особенно сложным из-за тяжелейших социальных потрясений, вызванных Первой русской революцией и нерешенным земельным вопросом по отношению к крестьянству. Поэтому перед тем как подписать приказ о передаче Оренбургскому, Уральскому и Астраханскому казачьим войскам земель в полную собственность император отправил письма в различные министерства, для того что бы собрать полное представление по этому вопросу.

Все министерства отмечали неоценимый вклад казачества в защиту государства, но в условиях сложного социального положения министр внутренних дел считал несвоевременным подписание этого указа. Во-первых, из-за того, что не был решен вопрос об устройстве быта малоземельных и безземельных крестьян внутренних губерний. Во-вторых, закрепление за тремя войсками земель может повлечь за собой такое же ходатайство и других казачьих войск, а в них отношения казаков с соседним населением гражданского ведомства еще не было урегулировано. В-третьих, ни каких выгод казаки от этого указа не приобретали, т.к. они и так по существу владели землей без каких-либо ограничений [24, л. 6 об].

Министр финансов подтверждал возможность подписание этого указа, но с формальной стороны, не меняя сложившихся отношений в земельном праве.

Военный министр предлагал передать землю не в полную собственность, а вечное владение. Вызвано это предложение было тем, что у правительства была возможность, в крайнем случае, отчуждать земли казачьих войск без согласования с войсковым начальством. В случае признания за войском права полной собственности этого уже делать было невозможно [24, л. 15 об].

Не смотря на все оговорки Совет министров, подчеркивая значение казачьих войск в войнах и подавлении беспорядков внутри империи, одобряет этот указ и 6 апреля 1906 г. он был подписан императором.

Таким образом, передача земли в собственность казачьим войскам имела политические цели и носила формальный характер, т.к. не вносила ни каких изменений в землепользование и ни каких выгод казакам не несла.

Тем не менее, военное министерство с «чрезвычайной заботливостью» относилось к разрешению всех земельных вопросов в казачьих войсках [25, л. 13]. Обусловлено это было особым положением казачества. Военное министерство признавало, что казаки обладали достаточно большим надел земли (в ОКВ около 30 дес. на казака), но в отличие от крестьянина, они должны были с этой земли, не только составлять свой экономический быт, но и снаряжаться на службу.

Поэтому, когда в Российской империи был введен закон от 20 мая 1902 г. «об устройстве канав и других водопроводных сооружений на чужих землях для осушительных, оросительных и обводнительных полей», который предполагал изъятие земель под эти нужды, он не был введен в Оренбургском и Астраханском казачьем войске. Вызвано это было тем, что по закону земли могли быть изъяты только по решению Совета Главноуправляющего Землеустройства и Земледелия. По мнению Военного министра, это могло вызвать недовольство казаков и повлиять на их экономическое благосостояние. Вследствие этого Военный совет 1 марта 1908 г. внес в закон изменение, по которому земли казачьих войск могли быть изъяты только по совещанию с Военным министром [25, л. 13]. По мнению правительства, это позволяло защитить исключительное право казаков на землю.

В условиях же начавшейся Первой мировой войны в 1914 г. был принят закон, по которому государство получало право изымать для своих нужд имущество и землю. Для их изъятия создавались специальные оценочные комиссии, казачье население в которых представительства была лишена. Исправить данную несправедливость должен был закон о принудительном изъятии казачьих войсковых земель. Проект, его был предложен в 1916 г., по которому в состав комиссии, назначенных для оценки, отчуждаемых из ведения казачьих войск, включались представители от войск, по назначению войскового начальства [26, л. 6 об].

К тому же, нельзя говорить, что правительство не предпринимало ни каких действий по улучшению земельного положения казаков. В 1901 г. ГУКВ представило в Военный совет проект временных правил для скупки частновладельческих земель в запасные земли казачьих войск, а также выдачи ссуд из вой-

сковых капиталов отдельным казакам и обществам на покупку земли, как это было предусмотрено для крестьянского сословия. За основу правил о выдачи ссуд был взят устав Крестьянского поземельного банка, с той только разницей, что покупка земли ставилась под жесткий контроль войскового начальства, но предусматривались определенные выгоды для казаков [27, л. 5].

Перед реализацией данного положения ГУКВ отправило проект закона в разные казачьи войска, для того что бы узнать их мнения. Практически все казачьи войска высказались против, мотивируя это различными причинами. ОКВ, в частности, отмечало сравнительную обеспеченность землей войскового населения и неудовлетворительное состояние войскового капитала, из которого войско уже выделяет по 50000 руб. в год на скупку частновладельческих земель в войсковой запас. Выделять же ссуды на покупку земель для казаков и станичных обществ из войскового капитала войсковое начальство находило невозможным [27, л. 2 об].

Военный совет не соглашался с доводами войскового начальства ОКВ, как и с доводами большинства казачьих войск. Признавая желательным введение ссуд для ликвидации чрезполосности в станицах и улучшения паевых наделов, тем не менее, это положение было введено лишь в Кубанском и Астраханском казачьих войсках, которые высказались положительно по этому вопросу.

Таким образом, не смотря на всю лояльность казачьих войск к правительству, войсковое начальство не всегда поддерживало законодательные инициативы, приходящие сверху.

Еще одним фактом закоренелости казачьего управления является случай, произошедший в 1913 г. Сорок членов Государственной Думы выступили с предложением отменить правила «о праве войскового начальства казачьих войск налагать на не служащих казаков особые взыскания в виде командировок вне очереди на службу и выселении на жительство в отдаленные станицы» (приняты в 1894 и 1896 гг.). Вызвана эта инициатива была тем, что правила не соответствовали юридическому законодательству и даже не входили в СЗРИ. Согласно закону, за проступки должны были наказывать по гражданскому суду, однако эти два правила давали возможность войсковому начальству применять внесудебные меры.

Военное министерство, сделав запрос по казачьим войскам, получило ответ о нежелательности отмены этих «правил», т.к. они позволяют создать «чинопочитание в казачьей среде в мирное время, для того чтобы в строевое казаки были наиболее подготовленными» [28, л. 3]. К тому же эта мера использовалась крайне редко, и о каждом случае доводилось до Военного министра. С этими доводами Военное министерство согласилось, а правила так и не были отменены.

Таким образом, казачество на рубеже веков, как элемент традиционности в империи, по мнению некоторых историков, изживало себя, и уже не вписывалось в социальную структуру российского общества [29, с. 174]. Однако с этим нельзя в полной мере согласиться. Казачество было четко включено в структуру государственного управления, причем органы

управления казачьих войск считались правительственными учреждениями [30, л. 4]. Положение же казаков по сравнению с другими жителями империи нельзя назвать хуже, а в некоторых отношениях было и значительно лучше. Так же нельзя не отметить особую роль в военном деле, которое предусматривало государство для казачества, что опять же не раз подтверждалось в официальной переписке.

Так же тезис о том, что у государства не было четкого плана по реформированию казачества [6, с. 356], не вполне отвечает фактам. Казачество реформировалось согласно общей идее модернизационных процессов, проходивших в Российской империи. Вот только применить их по шаблону не было возможности. Вызвано это было несколькими причинами: особой системой управления, ролью казачества внутри империи, традиционным укладом жизни казаков. Поэтому каждая реформа имела свои особенности, а некоторые так и не были реализованы, что перед самым началом Первой мировой войны и отличало казачьи регионы от остальной части империи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Банникова Е.В. Модернизация и эволюция: подходы к изучению повседневной жизни дореформенного провинциального купечества уральских губерний // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурологи и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 6(12): в 3-х ч. Ч. II. С. 16–20.

2. Побережников И.В. Модернизация: теоретико-методологические подходы // Экономическая история: образование / под ред. Л.И. Бородкина. М., 2002. Вып. 8. С. 146–168.

3. Россия в XVII – начале XX в.: региональные аспекты модернизации. Екатеринбург: УрО РАН, 2006. 342 с.

4. Любичанковский С.В. Региональное бюрократическое сообщество в условиях модернизации государственного аппарата позднеимперской России (на примере тюремных преобразований в Оренбургской губернии в 1890-х гг.) // Клио. Журнал для ученых. 2011. № 9. С. 66–69.

5. Отчет Главного управления иррегулярных войск за 1874 г. СПб. 1875. 68 с.

6. Ганин А.В. Накануне катастрофы. Оренбургское казачье войско в конце XIX–XX вв. (1891–1917 гг.). М.: ЗАО Центрполиграф, 2008. 686 с.

7. Отчет казачьего отдела Главного штаба за 1910 г. СПб. 1911. 144 с.

8. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1276. Оп. 4. Д. 552.

9. Российская национальная библиотека. Журнал временной комиссии, образованной с Высочайшего

соизволения, при Главном управлении казачьих войск, для обсуждения вопросов об уменьшении тяжести воинской повинности в действующих и льготных частях казачьих войск. СПб., 1901. 10 с.

10. РГИА. Ф. 1276. Оп. 9. Д. 514.

11. РГИА. Ф. 1276. Оп. 9. Д. 515.

12. РГИА. Ф. 1276. Оп. 9. Д. 535.

13. Ризванова Т.Р. Социально-экономические причины распространения эпидемий на Южном Урале в конце XIX – начале XX в. // Вестник Челябинского государственного университета. № 28 (166). История. Вып. 34. 2009. С. 81–85.

14. Шляхтина Н.С. Борьба с эпидемиями и профилактика заболеваемости на территории Южного Урала // Альманах современной науки и образования Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (51).

15. Каган И.И. К истории здравоохранения и медицины г. Оренбурга в XIX и XX вв. // Оренбургский медицинский вестник. Т. II № 2(6), 2014. С. 66–68.

16. Никитина А.В. Становление и развитие земской медицины в Уфимской губернии в последней четверти XIX – начале XX вв.: автореф. ... канд. ист. наук. Уфа, 2009. 32 с.

17. Морозова Е.В., Созинов А.С. Основные направления развития земского здравоохранения в Казанской губернии в XIX веке // Казанский медицинский журнал. Вып. № 1. Т. 95. 2014. С. 124–127.

18. Отчет о состоянии Оренбургского казачьего войска за 1908 г. Часть гражданская. Оренбург, 1909. 110 с.

19. Салимова Э.А. Земская медицина в Казанской губернии в пореформенный период // Вестник ТГГПУ. № 1(8). 2007. С. 1–8.

20. Махрова Т.К. Самоуправление в Оренбургском казачьем войске // Вестник ЧелГУ. № 1. 2005. С. 56–69.

21. Миронов Б.Н. История в цифрах. Л.: Наука, 1991. 165 с.

22. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 400. Оп. 25. Д. 14146.

23. Оренбургский казачий вестник. Независимый внепартийный республиканский орган свободного казачества. Оренбург: изд. Оренбургской войсковой управы. № 10 от 21 июля 1917.

24. РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 371.

25. РГИА. Ф. 1276. Оп. 5. Д. 461.

26. РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1215 б.

27. РГИА. Ф. 1276. Оп. 3. Д. 490.

28. РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 655.

29. Кобзов В.С., Шадрин В.М. Не славы ради. Оренбургское казачество в государственно-правовой системе Российской Империи. М., 2003. 243 с.

30. РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1158.

FEATURES OF THE MODERNIZATION OF THE ORENBURG COSSACK ARMY IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES

© 2016

A.V. Meshcheryakov, pedagogue of additional education
Children's Art Centre of Industrial District of Orenburg, Orenburg (Russia)

Abstract. This article describes the features of the modernization of the Orenburg Cossack troops at the turn of XIX–XX centuries. During the consideration of this issue highlights the main problems that affect the modernization in the army. These concerned the difficult economic situation, which arose due to the provision of medical problems.

Another important issue discussed in the article – is the introduction of zemstvo. Considered the most important question of the transfer of land in perpetuity Cossack troops, the right, which confirmed the special position of the Cossacks in the government system, but once again confirmed in the tradition of modernization development. The study confirmed that the Orenburg Cossack army at the turn of the century, was clearly included in the governance structure, and Cossack troops controls were considered government agencies. Cossacks reformed according to the general idea of the modernization process took place in the Russian Empire. However, they are not used for the template, and had its own peculiarities. It is caused by several factors were: a special control system, the role of the Cossacks in the empire, the traditional way of life of the Cossacks. Therefore, each reform had its own characteristics, and some have not been implemented, that before the outbreak of the First World War and distinguished Cossack regions from the rest of the empire.

Keywords: modernization approach; Orenburg Cossack army; Orenburg Province; total capital of the military; General Directorate of Cossack troops; control system; Military Council; Ministry of War; Council of State; district council; governor-general; ataman.

УДК 94(47).083

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ЧИНОВНИКОВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ «ВЕСТНИКА ЧИНОВНИКА»)

© 2016

А.А. Оспанова, аспирант кафедры истории России

Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург (Россия)

Аннотация. В данной статье обосновывается необходимость изучения исторического опыта управленческой организации Российской империи. В статье содержится анализ современной историографической ситуации, особенность которой заключается в том, что необходимо изучать не только степень эффективности механизмов власти, но и факторы, влияющие на нее. Среди таких факторов важное место занимает повседневность служащих чиновников, их быт, материальная обеспеченность, образ жизни. История повседневности – это новая отрасль исторического знания, предметом изучения которой является сфера человеческой обыденности во множественных историко-культурных, политико-событийных и религиозно-конфессиональных контекстах. В центре внимания истории повседневности исследование повторяющегося, «нормального» и привычного, конструирующего стиль и образ жизни у представителей разных социальных слоев, включая эмоциональные реакции на происходящие события и мотивы поведения. Одним из главных источников данного исследования выступает периодическое издание «Вестник чиновника», которое позволяет понять образ жизни чиновников «изнутри». Анализ данного издания позволяет сделать выводы об ограниченности жалования, недостаточности материального обеспечения, что отразилось на количестве должностных преступлений служащих. Полученные результаты могут служить основой для дальнейшего изучения факторов, влияющих на эффективность государственного управления и для исследования повседневности чиновников регионального уровня.

Ключевые слова: чиновничество; история повседневности; материальное обеспечение; жалование; «Вестник чиновника»; механизмы власти; Российская империя; опыт управленческой организации; степень эффективности механизмов власти; государственная служба; бумажная волокита.

В условиях системных преобразований в стране и глубокой потребности в оптимизации управленческой деятельности, интерес к истории государственного управления в России заметно усилился. Сегодняшнее общество заинтересовано в осмыслении накопленного опыта государственного строительства. Важной составной частью аппарата государственного управления в последние десятилетия существования Российской империи являлась система губернаторской власти, в которой каждый элемент структуры имел определенное функциональное назначение. Исторический опыт управленческой организации Российской империи, в арсенале которой были механизмы, обеспечившие ей стабильное двухсотлетнее существование, представляет несомненный интерес в условиях современной федеративной формы государственного устройства страны.

Анализ последних публикаций и исследований по истории государственного управления, а также знакомство с публикациями западных ученых позволяют сделать выводы о том, что историки стали осваивать

новые подходы и концепции, уделяя внимание не только механизмам функционирования того или иного государственного органа, но и профессиональным, социокультурным и личностным характеристикам служащих. В последнее десятилетие вышла серия статей историко-антропологической направленности, посвященных российскому чиновничеству XVIII – первой половины XIX в. Их авторы – Л.Ф. Писарькова [1], О.В. Морякова [2], Е.Н. Мухина [3] – предприняли попытки охарактеризовать жизненный мир государственных служащих дореформенного периода, обратившись к исследованию их быта, нравов, корпоративных отношений. Особенности сознания российских чиновников, специфика восприятия их населением в XVIII–XIX вв. оказались затронуты в публикациях А.А. Твердохлеб, В.В. Шевырина [4], Т. Борисенок [5]. Кроме того, некоторые вопросы, касающиеся госслужащих, затронуты в работах о русской культуре XVIII–XIX вв., написанных В.С. Поликарповым [6], Ю.М. Лотманом [7] и др. Применяя современную методологию, ряд ученых предложили

изучение социального облика чиновничества. Работа Д.Н. Шилова [8] о высших государственных деятелях Российской империи XIX в. содержит глубокий анализ достоверности формулярных списков как исторического источника. Монография В.А. Иванова «Губернское чиновничество России в 50-е – 60-е гг. XIX в.» [9] сочетает в себе и источниковедческий, и исторический аспекты. Ряд современных исследователей «чиновничество» рассматривают как субъект государственного управления. Так, А.Н. Медушевский в своих публикациях анализирует развитие административного аппарата Российской империи XVIII–XIX вв. [10]. Работа Б.Н. Миронова по социальной истории России обладает большой значимостью для изучения дореволюционного чиновничества [11]. Кроме того, огромный научный интерес представляют работы С.В. Любичанковского, в которых анализируется региональный опыт управления в последнее десятилетие существования Российской империи и поднимается целый ряд принципиально важных вопросов [12]. Кроме того, работы С.В. Любичанковского привлекают внимание нестандартной постановкой исследовательской проблемы. Автор пытается по-новому взглянуть на, казалось бы, уже раскрытые вопросы. Ярким примером такой постановки вопроса является статья «Мифы об эффективности местного государственного управления...», где С.В. Любичанковский поднял проблему существования в историографии темы «научных мифов» – заблуждений и стереотипов, закрепившихся в исторической науке. В статье автор рассмотрел два таких мифа – миф о всеисилии губернаторской власти и миф о повышении качества работы бюрократии [13].

Особенность нынешней историографической ситуации заключается в том, что существует необходимость изучения не только механизмов власти и степени их эффективности, но и факторов, влияющих на нее. Одним из важнейших факторов, влияющих на степень эффективности механизма власти является повседневность чиновников, изучение которой является задачей данного исследования. Это широкое понятие включает в себя образ жизни, быт, нравы, поведение на службе, материальное обеспечение и многое другое. Решение данной исследовательской задачи позволит сделать некоторые выводы не только о быте, но и том, насколько уровень материальной обеспеченности служащих способствовал тому или иному варианту служебного поведения.

Необходимо отметить, что в условиях начавшегося историко-антропологического в гуманитарной мысли Запада произошла окончательная смена глобальных и универсальных подходов к пониманию исторического процесса и в этой ситуации одним из основных объектов исследования оказалась повседневность – частная жизнь простых обывателей. История повседневности – это новая отрасль исторического знания, предметом изучения которой является сфера человеческой обыденности во множественных историко-культурных, политико-событийных и религиозно-конфессиональных контекстах. В центре внимания историй повседневности исследование повторяющегося, «нормального» и привычного, конструирующего стиль и образ жизни у представителей разных социальных слоев, включая эмоциональные реакции на происходящие события и мотивы поведения.

Среди большого числа исторических источников по истории повседневности чиновничества, особое место занимает «Вестник чиновника» – периодическое издание Общества взаимопомощи служащих в государственных учреждениях, издававшееся в Санкт-Петербурге в 1912–1913 годах. Главными силами редакции являлась молодежь из среды служащих разных учреждений», то есть большинство сотрудников издания не являлись профессиональными журналистами, но состояли на действительной государственной службе, следовательно целевая аудитория издания и его авторский коллектив принадлежали к одной и той же профессиональной и социальной группе. Поэтому «Вестник чиновника» представляет как бы «взгляд изнутри» на проблемы государственной службы. Авторы статей анализировали насущные проблемы, публиковали наиболее актуальный материал для среды служащих. Анализ вышедших номеров «Вестника чиновника» позволяет сделать выводы о некоторых аспектах повседневности служащих, наиболее важным из которых является недостаточная материальная обеспеченность чиновника. Практически в каждом номере поднимается вопрос о плчевном финансовом положении служащих, о недостаточности жалования для обеспечения жизни. Так, в статье «Униженные и оскорбленные» описывается весьма плачевная картина жизни среднего чиновника, жалование которого составляет 25–40 рублей, при этом самый скромный холостяцкий угол обходится в 20 рублей. А это значит, что чиновник, имеющий семью и детей будет вынужден жить в долг, или спасаться невыгодным кредитом [14]. Жизнь чиновника осложнялась еще и заметной высокой ценой на товары первой необходимости. Так, на протяжении 1912 года было опубликовано несколько статей о дороговизне продуктов. В частности, сообщалось, что цена мяса первого сорта составляет 26 копеек за фунт [15]. В ситуации такой нехватки чиновнику приходилось искать спасение у ростовщиков, что только усугубляло положение служащего. Постоянная нужда порождала и другие социальные болезни в чиновничьей среде, главное место среди которых занимали взятки и игра в карты. Чиновники часто попадали в цепкие руки азарта: «Чиновник-игрок, получает ограниченное жалование, которого едва хватает для существования. И часто половину из этого он урывает для удовлетворения страсти азарта, в порыве которой забывает, что дома имеется много дыр, которые нужно заткнуть деньгами, проигрываемыми на зеленом поле. Жена ходит в осеннем саке, несмотря на то, что на дворе уже зима, у детишек ботиночки просят каши и платье отказывается служить, в молочную лавку второй месяц не плачено, портной грозит представить к взысканию за костюм, сшитый в рассрочку и т. д. без конца... Но все это забыто, чиновник-игрок часто сидит в клубе, проигрывая последний рубль» [16].

Второй, не менее важный, однако тесно связанный с материальным обеспечением, аспект повседневности касается условий службы чиновника. В область данной проблемы включен и вопрос о принятии на службу того или иного лица, отвечающего соответствующим требованиям. На страницах «Вестника» неоднократно поднимался вопрос о протекции в среде чиновников. Так, отмечалось что «в наше время без протекции на службу поступить невозможно,

независимо от того, дельный ли человек или ничего не смыслящий. Чаще всего случается так, что человек вовсе ненужный делу, но имеющий протекцию получает желанное место, в то время как полезный для службы человек остается не у дел» [17]. Что же касается иных условий службы, то одними из самых критикуемых после низкого жалования, являлись две особенности службы чиновника: бумажная волокита и отсутствие ограничения служебного времени. В рассматриваемый период слова императора Николая I о том, что «Россия управляется столоничальниками», не потеряли своей актуальности. Наоборот, благодаря предпринятым усовершенствованиям бумаги и чернил служащие изводили значительно больше, чем раньше. Автор статьи «Прошлое, настоящее и будущее» с иронией отметил: «Даже телефон не уменьшает спроса на бумагу! Нужно чиновнику что-нибудь сообщить – «нет, позвольте, Вы напишите, а то еще откажетесь от сказанного по телефону!» Если бумажная волокита – явление, характерное почти для все ведомств государства в начале XX века, то отсутствие ограничения служебного времени касалось не всех чиновников. Однако на страницах «Вестника» довольно часто встречаются заметки о служебных часах. Весьма показательна типичная ситуация в одном из ведомств, описанная в 1912 году: «Как известно, начальники приходят тогда, когда служащие собираются уходить. И тут дается распоряжение, чтобы никто не уходил, так они и просиживают вместо 4–5, 7–8 часов в ожидании какого-либо распоряжения начальника» [18]. Очевидно, что все вышеперечисленное не могло не влиять на качество несения службы и на количество злоупотреблений на службе.

Таким образом, изучение повседневности чиновников позволяет сделать выводы о качестве несения ими службы, особенностях бытовой жизни и свидетельствует о том, что в рассматриваемый период всякий служащий не всегда соблюдал законы государства и формула «чиновник государственной службы должен думать только «о деле», а начальство позаботиться об остальном» практически не работала [19; 20]. На практике вторая часть формулы не всегда выполнялась, а выполнение первой было крайне затруднительно в условиях растущей дороговизны и ограниченного жалования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Писарькова Л.Ф. Российский чиновник на службе в конце XVIII – начале XIX века // Отечественная история. 2002. № 5. С. 33–49.

2. Морякова О.В. Провинциальное чиновничество в России второй четверти XIX века: социальный портрет, быт и нравы // Вестник Московского Университета. Сер. 8. История. 1993. № 6. С. 14–29.

3. Мухина Е.Н. Человек толпы (портрет губернского жандармского штаб-офицера эпохи Николая I // Вестник Московского Университета. Сер. 8. История. 2000. № 4. С. 34–52.

4. Твердохлеб А.А., Шевырин В.М. Государственные служащие в России 1722–1995 гг.: динамика социального статуса // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5. История. М., 1995.

5. Борисенок Т. Чиновничество в России XIX века: предписания, образы и стереотипы // Социально-культурные и этнические стереотипы. Материалы научной конференции. М., 1998. С. 80–86.

6. Поликарпов В.С. История нравов в России от Алексея Тишайшего до Николая II. Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. 576 с.

7. Лотман Ю.М. Очерки по истории русской культуры XVIII – начала XX века. М.: Языки русской культуры, 1996. 831 с.

8. Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи 1802–1917. СПб: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2001. 830 с.

9. Иванов В.А. Губернское чиновничество России в 50–60-х гг. XIX в. М.: Мысль, 1998. 235 с.

10. Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России. Сравнительно-историческое исследование. М.: Текст, 1993. 320 с.

11. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин». 2003. 368 с.

12. Любичанковский С.В. Губернская администрация и проблема кризиса власти в позднеимперской России (на материалах Урала, 1892–1914 гг.). Самара, Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ. 2007. 750 с.

13. Любичанковский С.В. Мифы об эффективности местного государственного управления позднеимперской России и их критика // Вестник ОГУ. 2006. № 7. С. 99–105.

14. Вестник чиновника. 1912. № 24. С. 7.

15. Вестник чиновника. 1912. № 17. С. 3.

16. Вестник чиновника. 1912 № 10. С. 11.

17. Вестник чиновника. 1912. № 12. С. 4–5.

18. Вестник чиновника. 1912. № 38. С. 4.

19. Вестник чиновника. 1913. № 23. С. 8.

20. Вестник чиновника. 1913. № 40. С. 7.

SOME ASPECTS OF THE EVERYDAY LIFE OF OFFICIALS IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE BEGINNING OF XX CENTURY (BASED ON THE «VESTNIK CHINOVNIKA»)

© 2016

A.A. Ospanova, postgraduate student of the Chair of history of Russia
Orenburg State Pedagogical University, Orenburg (Russia)

Abstract. This article explains the necessity of studying the historical experience of the management organization of the Russian Empire. The article contains an analysis of the situation of contemporary historiography, which feature lies in the fact that it is necessary to study not only the degree of effectiveness of the mechanisms of power, but also the factors influencing it. Among these factors occupies an important place daily serving officials, their way of life, material security, way of life. The history of everyday life – a new branch of historical knowledge, the subject of study which is the sphere of human commonness of multiple historical, cultural, political and event-and religious-confessional contexts. The focus of the study of the history of everyday life repeating, «normal» and usual, design

style and way of life of the members of different social classes, including emotional reactions to events and behavior motives. One of the main sources of this study advocates periodical «Vestnik chinovnika», which allows to understand the lifestyles of officials from the "inside." Analysis of this edition allows to draw conclusions about the limited salaries, lack of financial security, which is reflected in the number of employees malfeasance. The results can serve as a basis for further study of the factors influencing the efficiency of public administration and for the study of everyday regional officials.

Keywords: bureaucracy; history of everyday life; material security; salary; «Vestnik chinovnika»; mechanisms of power; Russian Empire; experience of management company; degree of effectiveness of the mechanisms of power; public service; red tape.

УДК 94(470).084.8

МЕСТНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ СВЯЗИ В 1941–1945 ГГ.: ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

© 2016

Е.Л. Храмова, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и археологии
Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара (Россия)

Н.Н. Мокина, старший инспектор по кадрам отдела по работе с сотрудниками и студентами
Московский педагогический государственный университет, Москва (Россия)

Аннотация. В статье впервые рассматривается историческая литература, опубликованная в 1941–2015 гг., посвященная деятельности местных учреждений связи прифронтовых и тыловых районов РСФСР в условиях Великой Отечественной войны. Историография проблемы анализируется в рамках двух периодов: советского и постсоветского. В каждом из них определены основные тенденции в области методологии, источниковой базы и проблематики темы, сделаны выводы о степени изученности вклада гражданских связистов в обеспечение Победы. Современный период изучения места и роли отрасли связи в военной экономике, информационной инфраструктуре, повседневной жизни военных лет характеризуется применением новых методологических подходов (системный, модернизационный, интеграционный, биографический), которые способствуют междисциплинарному осмыслению, а также расширению проблемного поля исследования истории связи в Великой Отечественной войне. Среди перспективных вопросов, которые ранее недостаточно изучались историками, следует отметить роль местных учреждений связи в эвакуации промышленных предприятий и населения, в развитии военно-промышленного комплекса тыловых районов, структуру органов почтовой военной цензуры, нормативно-правовую базу перлюстрации почтово-телеграфных отправок, организацию фельдшерской связи, материально-бытовое обеспечение служащих региональных учреждений связи и другие.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; историография; общегосударственная система связи; региональные учреждения связи; гражданские связисты; почтовая связь; телеграфная связь; телефонная связь; цензура почтовой корреспонденции; системный; модернизационный; интеграционный методологические подходы.

В период Великой Отечественной войны отрасль связи являлась важной составляющей военной экономики, связующим звеном фронта и тыла, неотъемлемой частью повседневной жизни. В связи с реализацией в Российской Федерации программы по обеспечению качественной и доступной информационной среды, технологической независимости страны, актуализировалось обращение к историческому опыту функционирования учреждений связи в 1941–1945 гг.

Историографические работы по истории учреждений связи тыловых и прифронтовых районов РСФСР военных лет отсутствуют, что связано с недостаточным и неравномерным изучением темы в целом и ее отдельных аспектов.

Цели статьи – определение периодизации изучаемой проблемы, выявление информационного потенциала наиболее значимых научных исследований по истории связи военного времени, основных методологических подходов и тенденций в новейшей историографии темы.

Опираясь на известные критерии периодизации (изменения в области методологии, источниковой базы, в проблематике и др.) мы выделили два основных периода в изучении темы: советский (1940-е – 1980-е гг.) и постсоветский (с начала 1990-х гг. до наших

дней). Первый период подразделяется на два этапа: 1941 г. – середина 1950-х гг.; конец 1950-х гг. – 1980-е годы.

Большинство статей и материалов по истории связи 1941–1945 гг. были опубликованы на страницах ведомственного журнала «Вестник связи», и имели конкретно-практическую (в основном технико-экономическую) направленность. Анализ содержания публикаций свидетельствует, что в условиях войны общегосударственная система связи была ориентирована на эффективное решение поставленных перед отраслью задач, преодоление трудностей начального периода войны [1], распространение передового опыта отдельных предприятий связи [2]. Среди постоянных тем – перестройка работы учреждений связи на военный лад [3], улучшение функционирования отдельных видов и учреждений связи [4; 5], формы и методы социалистического соревнования [6], восстановление предприятий связи в освобожденных районах [7; 8], подготовка и переподготовка кадров связистов [9; 10]. Практически в каждом номере «Вестника связи» публиковались материалы о жалобах населения на недостатки, а иногда и о преступлениях в сфере связи, которые в условиях войны строго карались [11; 12].

Значительный интерес представляют брошюры, статьи, тезисы регионального характера [13; 14]. В них кратко характеризуется состояние почтово-телеграфной, телефонной и радиосвязи в предвоенный период; описываются способы обеспечения средствами связи в экстремальных условиях, когда были нарушены все нормы функционирования аппаратуры; эмоционально рассказывается о каждодневном подвиге связистов. Все сюжеты рассмотрены с учетом местных условий, что позволяет представить не только общие, но и специфические тенденции функционирования учреждений связи – в глубоком тылу, блокированном Ленинграде, в прифронтовых районах, в городах и сельской местности [15; 16; 17].

Отдельную группу составляют статьи, посвященные развитию средств связи за рубежом в период Второй мировой войны [18; 19; 20]. Это были как оригинальные материалы, так и перепечатки, например, из еженедельника «Британский союзник». В них содержится интересный сравнительно-исторический материал. Данные публикации по известным причинам исчезнут в нашей печати после окончания войны.

Характерной чертой литературы 1941–1945 гг. является персонифицированный подход: история связи рассмотрена, прежде всего, на примере деятельности рядовых почтовиков, телеграфистов, телефонистов; упомянуты имена, помещены изображения десятков отличившихся связистов. Несмотря на объективное превалирование технико-экономических сюжетов, авторы не оставляли без внимания повседневную жизнь работников («трудовые будни») [21; 22]. Со временем эти материалы приобрели и источниковедческое значение, тем более что в источниковой базе по теме преобладает нормативно-правовая и делопроизводственная документация.

В первое послевоенное десятилетие интерес к изучению истории общегосударственной связи и опыту местных учреждений связи 1941–1945 гг. снизился, что было связано не только с недоступностью источников, но и с небольшим количеством специалистов по теме, в том числе историков. Это объясняет известные пробелы в обобщающих изданиях, посвященных советской военной экономике [23; 24]. Работа региональных органов связи в условиях войны получила фрагментарное отражение в немногочисленных статьях и публикациях научно-популярного характера [25; 26]. Отметим брошюру инженеров Н.Н. Лужецкого и Б.С. Беликова [27, с. 65–83]. В ней рассмотрена перестройка деятельности Московской городской телефонной станции, ее участие в обороне столицы, вопросы технической реконструкции, упомянуты связисты, обеспечившие высокое качество работы МГТС. В целом на содержании первых послевоенных публикаций сказались специфика восстановительного периода – в основном авторы интересовали вопросы возрождения крупнейших магистралей, узлов связи в республиканских, областных и районных центрах, возрождения промышленности связи, проведения ремонта аппаратуры связи и т.д.

Таким образом, 1941 г. – середину 1950-х гг. можно считать начальным этапом осмысления проблемы, в рамках которого были представлены конкретно-исторические, технико-экономические и статистические материалы, поставлены вопросы, свидетель-

ствующие о необходимости их дальнейшего изучения в более благоприятной историографической среде.

Возрождение интереса к истории отрасли связи в целом, отдельных видов связи, работы предприятий связи в тыловых районах началось во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. Второй этап историографии темы характеризуется вводом в научный оборот довольно значительного корпуса источников, хранящихся в центральных и местных архивах; появлением кратких разделов в обобщающих трудах, в энциклопедиях по истории Великой Отечественной войны; первых исторических исследований, в том числе и регионального характера. Во многом отмеченные новации были вызваны разработкой новой концепции истории минувшей войны.

Пересмотр истории Второй мировой и Великой Отечественной войны, как известно, начался на волне критики сталинизма. Постепенно менялись подходы не только к военной истории, но и истории тыла [28]. Содержание фундаментальных трудов по истории Великой Отечественной и Второй мировой войны свидетельствует о недооценке места и роли отрасли связи в военной экономике страны. Во втором томе «Истории Великой Отечественной войны» кратко рассмотрено развитие средств связи накануне войны и во втором полугодии 1941–1942 гг. Представляют интерес фактические и статистические сведения о пересмотре производственного и финансового плана органов связи, проблемах технического оснащения предприятий связи, сохранения их материальной и кадровой базы, о состоянии связи в тыловых районах, вкладе связистов в осуществление эвакуационных процессов. Упомянуто и Среднее Поволжье: отмечается установление прямой телеграфно-телефонной связи Куйбышева с промышленными центрами восточных регионов в результате эвакуации части центральных правительственных учреждений [29, с. 174–175, 525, 533].

Авторы обобщающих работ по истории военной экономики либо не включали сюжет о состоянии отрасли связи [30], либо кратко рассматривали ее в контексте развития экономической базы страны, прежде всего, транспортной системы [31, с. 159–160, 285; 32, с. 400]. В 1967 г. был опубликован один из первых трудов по теме, основанный на материалах центральных архивов, в котором была предпринята попытка систематизировать данные о развитии средств и хозяйства связи в тылу в период Великой Отечественной войны [33, с. 229–265]. История связи рассматривалась как составная часть истории советского общества и его материальной культуры. Предметом изучения являлась система связи в целом, ее управленческая, организационная и кадровая составляющие, а также отдельные виды и способы связи – почта, телеграф, городской, междугородный и международный телефон и др. Позднее данная схема использовалась авторами региональных работ по теме. В целом в книге содержалась объективная оценка трудностей и недостатков, с которыми столкнулись гражданские связисты (заметное ухудшение движения почты, низкая квалификация связистов, хищения и утраты в почтовых предприятиях, работа предприятий связи в непригодных помещениях и др.). В труде приведены некоторые сводные показатели, характеризую-

ющие развитие сети предприятий связи, подготовку связистов, потери отрасли связи в целом и ее отдельных подотраслей, масштабы восстановительных работ в годы Великой Отечественной войны.

Крупные труды обобщающего характера 1960–1970-х гг. принадлежат выдающемуся государственному деятелю И.Т. Пересыпкину [34; 35]. Особенностью источниковой базы его публикаций являются материалы «устной истории», появившиеся в результате встреч маршала с живыми свидетелями военного времени – ветеранами-связистами, работниками местных предприятий связи, Министерства связи СССР, а также личные впечатления автора, возглавлявшего Наркомат связи страны накануне и во время войны [34, с. 7–8]. Состояние отрасли связи он рассматривал как важнейшую предпосылку безопасности страны, поэтому впервые в отечественной историографии И.Т. Пересыпкин дал подробный экскурс в предвоенную историю системы связи, акцентировал внимание не только на положительных, но и негативных чертах ее развития [35, с. 9–12]. Важнейшим просчетом государственной политики в сфере связи он считал недостаточное выделение средств на развитие отрасли по сравнению с тяжелой, машиностроительной, оборонной индустрией накануне войны. При этом выделенные средства использовались не полностью, план капитального строительства Наркомата связи систематически не выполнялся, что объяснялось, главным образом, недостаточным обеспечением фондами на основное оборудование и дефицитные материалы [34, с. 13].

Одним из первых И.Т. Пересыпкин начал изучать опыт организации связи в тыловых районах страны: основные задачи и направления деятельности местных предприятий связи; взаимоотношения центральных и местных руководящих органов связи; эвакуация средств общегосударственной связи в восточные районы СССР, в том числе и в Поволжье; обеспечение связью органов государственного управления, народного хозяйства и населения; расширение в тылу существующих узлов связи, телеграфов, почтовых учреждений, строительство новых линий, монтаж автоматических телефонных станций, радиостанций; деятельность восстановительных частей в восточных регионах. В его работах неоднократно упоминается город Куйбышев в связи эвакуацией в областной центр специальной группы НКВ СССР, сооружении запасных и резервных узлов в Куйбышевской области (наряду с городами Горький, Казань, Саратов, Эльтон, Сталинград и др.) с целью «разгрузки Московского узла, для организации связи отдельных областных центров европейской части Советского Союза с республиканскими центрами и между собой, минуя столицу»; строительство сверхмощной радиостанции и др. Рассматривалась в начале войны и возможность создания в Куйбышеве мощного резервного узла связи Ставки ВГК [34, с. 198, 218–219].

Отдельные аспекты истории связи в тылу нашли отражение в отраслевой историографии, в основном юбилейного характера [36; 37; 38; 39]. Главное внимание авторы уделяли материальным ресурсам связи, демонтажу и эвакуации оборудования, вопросам обслуживания населения и народного хозяйства, планирования и проведения восстановления телефонной и телеграфной линий связи. В некоторых из них пред-

ставлен филателистический материал военных лет. Характерной чертой большинства публикаций является отсутствие ссылок на использованные источники.

Количество работ, специально посвященных военному периоду, незначительно [40; 41; 42]. О.Я. Потапова, опираясь на документы партийных архивов Западной Сибири, рассмотрела перестройку работы местных учреждений связи в 1941–1942 гг. [43] На основе материалов архивов Татарской АССР и записей воспоминаний А.Ф. Орлова охарактеризовала направления деятельности связистов республики в условиях войны, объективные трудности в их работе и способы их преодоления, проблемы рациональной организации рабочего дня, оказания помощи семьям работников местных предприятий связи и др. [44, с. 90–101].

В целом второй этап первого периода историографии выявил существенные пробелы на всех уровнях осмысления проблематики: в области методологии (отсутствие за небольшим исключением системного подхода к изучению важнейшей отрасли военной экономики, доминирование позитивных оценок в литературе); источниковедения (недостаточное привлечение документов центральных и местных архивов, материалов музеев, периодики, источников личного происхождения); проблематики исторических исследований (недостаточное ее расширение, и как следствие отсутствие комплексных трудов общесоюзного и регионального масштаба). В тоже время нельзя отрицать тот факт, что указанный этап во многом подготовил те количественные и качественные изменения в изучении темы, которые произошли на рубеже XX–XXI вв.

Важнейшей задачей постсоветского периода историографии является выработка методологических подходов к изучению общегосударственной и региональной системы связи 1941–1945 гг., которые можно было бы применить, прежде всего, в исторических трудах по теме, так как именно нехватка исторических работ тормозит объективное исследование проблемы.

На рубеже XX–XXI вв. пополнилась документальная летопись истории отечественной связи: в научный оборот были введены документальные, мемуарные и филателистические материалы военных лет, ранее недоступные историкам [45; 46; 47; 48; 49; 50].

Постсоветский период историографии характеризуется появлением новых методологических подходов к изучению отечественной системы связи, в том числе XX столетия. Основными из них являются системный и модернизационный подходы, предложенные в диссертациях и других работах М.С. Высокова, Г.Н. Шапошникова [51; 52] и В.А. Морева, В.В. Миркина [53; 54]. Они ориентировали исследователей на комплексный анализ связи как неотъемлемого компонента «единой информационной среды социума» [52, с. 3], выявление роли различных средств связи в модернизации России в целом и отдельных регионов. Значительное внимание уделяется историко-техническим аспектам отрасли связи, ее внутренней структуре, взаимодействию с другими отраслями народного хозяйства [54, с. 10]. Г.Н. Шапошников одним из первых выявил недостатки и противоречия в развитии электросвязи на Урале в 1941–1945 гг., которые при-

вели к катастрофическому состоянию местной связи и повлияли на послевоенное развитие экономики края [55; 56].

В новом ракурсе – с позиций интеграционного (системно-функционального) подхода отрасль связи рассмотрена в работах Л.В. Кошман [57; 58, с. 384–427]. Феномен почтово-телеграфного, телефонного рассматривается автором как важнейшее звено культурно-информационной среды русского города, показатель культурного потенциала общества определенного исторического периода. Данный подход пока не нашел широкого применения, но со временем, несомненно, будет использован для изучения средств связи эпохи Великой Отечественной войны.

Развивается биографический подход, примером которого является фундаментальный труд В.С. Хохлова, в котором впервые представлена подробная биография народного комиссара связи СССР и начальника Главного управления Красной армии Ивана Терентьевича Пересыпкина [59]. Рецензенты отметили новизну и многоплановость источниковой базы; выводы автора, в том числе касающиеся истории связи периода Великой Отечественной войны [60; 61].

Традиционно история связи военного времени представлена в разделах общероссийских [62; 63; 64; 65] и региональных трудов [66; 67; 68; 69; 70] отраслевого характера, нередко приуроченных к юбилеям [71; 72]. Достоинством указанных работ является ввод в научный оборот новых документов и материалов, биографических сведений о гражданских связистах; недостатком – фрагментарное (за небольшим исключением) рассмотрение периода войны.

Особенности историографии истории связи военных лет помогают выявить обстоятельность публикации подготовленного к печати еще в конце 1970-х гг. обобщающего труда И.Т. Пересыпкина [73]. Значение книги в новых исторических условиях предстоит еще осмыслить.

Одним из ведущих методов при описании местных учреждений связи Великой Отечественной войны по-прежнему является фактологический [74]. Это связано, прежде всего, с отсутствием развернутых источниковедческих публикаций по теме, с необходимостью кропотливого выявления в федеральных, ведомственных и местных архивах достоверных сведений о функционировании отрасли в экстремальной ситуации войны, их систематизации и вводе в научный оборот. В тоже время некоторые авторы пришли к интересным аналитическим выводам [75; 76].

Одной из перспективных сюжетных линий в современной историографии является система цензурирования почтовой корреспонденции в 1941–1945 гг., находившейся одновременно под контролем органов госбезопасности и партийных органов [77; 78]. Изучались нормативно-правовая база перлюстрации почтово-телеграфных отправок, структура органов цензуры, их целевое предназначение, основные направления и масштабы деятельности военных цензоров, история введения и типология штампов военных цензоров. Необходимо подчеркнуть отсутствие в историографии однозначных оценок роли органов военной цензуры. Так, В.А. Гашенко, опираясь на документы архивов Новосибирской и Томской областей, установил: «авторы многих писем, которые жа-

ловались на тяжелую тыловую жизнь своим воевавшим мужьям и сыновьям, за свои жалобы не подвергались репрессиям, а, наоборот, получали неожиданную защиту: по многим негативным фактам, сообщаемым в письмах, проводились проверки и даже уголовные расследования». Автор пишет и о служебных проступках, которые совершали отдельные сотрудники военной цензуры. Так, «... некоторые денежные вложения похищались сотрудниками цензурных органов, письма случайно или намеренно (в отместку знакомым корреспондентам или адресатам) направлялись по неправильным адресам» [79, с. 54].

Деятельность местных учреждений связи в Среднем Поволжье в 1941–1945 гг. в рассматриваемый период практически не изучалась. Отметим книгу Н.Е. Колодина научно-популярного характера, содержащую биографические сведения о работниках связи Куйбышевской области, книгу Х.М. Курочкиной, в которой кратко рассматривается деятельность связистов Пензенской области в военный период [80; 81].

Анализ отечественной историографии 1940-х – 2000-х гг., посвященной месту и роли гражданской связи в период Великой Отечественной войны, убедительно свидетельствует о недостаточном и неравномерном исследовании проблемы во всех российских регионах, в том числе и в Среднем Поволжье. Ближайшими задачами российских историков являются создание источниковедческих исследований, обобщающих трудов комплексного характера и диссертационных трудов по истории местных учреждений связи периода Великой Отечественной войны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. По-военному организовать доставку писем и газет. (О приказе нар. комиссара связи Союза ССР т. Пересыпкина) // Вестник связи. 1941. № 13. С. 4–5.
2. Гнездилов К.П., Догадин В.Н., Брейво И.Ф. Связисты Московской области. М.: Связьиздат, 1942. 52 с.
3. Васильев С. Работу почты перестроить на военный лад // Вестник связи. 1941. № 14. С. 11.
4. Беликов Б.С. Центральный телефонный узел г. Москвы. М.: Связьиздат, 1942. 32 с.
5. Брейво И.Ф. Московский почтамт. М.: Связьиздат, 1942. 17 с.
6. Всесоюзное социалистическое соревнование работников связи: материалы по соревнованию. М.: Связьиздат, 1942. 20 с.
7. Неелов Н. Из опыта восстановительных работ // Вестник связи. 1944. № 4. С. 5.
8. Крапивин А. Ленинградский почтамт восстановлен // Вестник связи. 1945. № 3. С. 25.
9. Винокурова Е. Новое поколение связистов // Вестник связи. 1943. № 1. С. 15.
10. Подготовка кадров массовых профессий и повышение их квалификации. М.: Связьиздат, 1943. 30 с.
11. Кудрявцев П., Спекторов А. Чутко относиться к жалобам трудящихся // Вестник связи. 1942. № 19. С. 7.
12. За хищение посылок – к расстрелу // Вестник связи. 1943. № 2. С. 16.
13. Вултах С. Областное управление связи в дни войны // Вестник связи. 1941. № 13. С. 11–13.

14. Ишин Д. Связисты Бурят-Монголии // Вестник связи. 1941. № 19. С. 3.
15. Светикова Л. Отделение связи Танкограда // Вестник связи. 1941. № 13. С. 4.
16. Смирягин А.Г., Юдзон И.Ф. Ленинградские связисты. Л.: Госполитиздат, 1944. 80 с.
17. Белецкая Л. Сельское отделение в дни войны // Вестник связи. 1941. № 10. С. 11.
18. Морозов А. Совет оборонных связей в США // Вестник связи. 1942. № 6. С. 15.
19. Почта Англии в дни войны // Вестник связи. 1942. № 17. С. 17.
20. Бахгорский Н. Связисты освобожденной Франции // Вестник связи. 1945. № 2. С. 22.
21. Дилигенская Н. Скромные, простые люди. Будни почтовиков столицы // Вестник связи. 1941. № 3. С. 13.
22. Хаст Д. Люди Новосибирского телеграфа // Вестник связи. 1941. № 13. С. 5.
23. Сухаревский Б.М. Советская экономика в Великой Отечественной войне. М.: Госполитиздат, 1945. 38 с.
24. Гатовский Л.М. Экономическая победа Советского Союза в Великой Отечественной войне. М.: Госполитиздат, 1946. 124 с.
25. Лавров И. Связь восстановлена // На фронтовой магистрали. Из опыта работы ленингр. железнодорожников в дни Отеч. войны. Л., 1945. С. 90–97.
26. Очерки о восстановлении связи / под ред. К. Такоева. М.: Связьиздат, 1949. 88 с.
27. Лужецкий Н.Н., Беликов Б.С. Московская городская телефонная сеть. М.: Связьиздат, 1947. 88 с.
28. Митрофанова А.В. об основных вопросах советской историографии Великой Отечественной войны // Историография советского тыла периода Великой Отечественной войны. М., 1976. С. 9–53.
29. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945: в 6 томах. Т. 2. М.: Воениздат, 1961. 681 с.
30. Советская экономика в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / под ред. И.А. Гладкова. М.: Наука, 1970. 502 с.
31. Кравченко Г.С. Военная экономика СССР. 2–е изд., перераб. и доп. М.: Экономика, 1963. 389 с.
32. Чадаев Я.Е. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). 2–е перераб. и доп. изд. М.: Мысль, 1985. 494 с.
33. Развитие связи в СССР. 1917–1967 / под общ. ред. Н.Д. Псурцева. М.: Связь, 1967. 482 с.
34. Пересыпкин И.Т. Связисты в годы Великой Отечественной войны. М.: Связь, 1972. 248 с.
35. Пересыпкин И.Т. Связь в Великой Отечественной войне. М.: Наука, 1973. 283 с.
36. Связь страны социализма: сб. материалов о развитии средств связи в СССР / под ред. Н.Д. Псурцева. М.: Связьиздат, 1959. 191 с.
37. Беспалов В.И., Табачников С.М. Через годы, через расстоянья...: док. рассказ о труде куйбышевских связистов. Куйбышев: Кн. изд-во, 1975. 304 с.
38. Бурлянд В.А., Володарская В.Е., Яроцкий А.В. Советская радиотехника и электросвязь в датах. М.: Связь, 1975. 191 с.
39. 100 лет Горьковской телефонной сети, 1885–1985. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1985. 111 с.
40. Левушин В. Почта Великой Отечественной // Филателия СССР. 1970. № 5. С. 3–5.
41. Самсонов Л.Ф., Лунев П.А. Связисты в Великой Отечественной... // Вестник связи. 1980. № 5. С. 5–7.
42. Осятинский А. Международная корреспонденция в годы Великой Отечественной войны // Филателия СССР. 1985. № 10. С. 28–29.
43. Потапова О.Я. Перестройка работы предприятий связи в начальный период Великой Отечественной войны // Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири. Новосибирск, 1975. С. 246–251.
44. Орлова А.Ф. Время и связь. Очерки по истории связи в ТАССР. Казань: Таткнигоиздат, 1988. 142 с.
45. ГКО постановляет... // Военно-исторический журнал. 1992. № 2. С. 35.
46. Связь в годы войны: (беседа с наркомом связи СССР и начальником Главного управления связи Красной армии военных лет маршалом войск связи И.Т. Пересыпкиным) / беседу вел Г.А. Куманев // Отечественная история. 2003. № 3. С. 60–71.
47. Связь в Ленинграде в годы Великой Отечественной войны / сост. Н.А. Борисова, Н.И. Лосич, О.В. Фролова и др. СПб.: ЦМС им. А.С. Попова, 2010. 198 с.
48. Связь в Москве в годы Великой Отечественной войны / сост. Н.А. Борисова, Н.И. Лосич, О.В. Фролова и др. СПб.: ЦМС им. А.С. Попова, 2011. 166 с.
49. Связь в Сталинграде в годы Великой Отечественной войны / сост. Н.А. Борисова, Н.И. Лосич, О.В. Фролова и др. СПб.: ЦМС им. А.С. Попова, 2012. 223 с.
50. Когда приходит почта полевая...: VI науч.-практ. семинар по истории почты и филателии / сост. сост. Л.Н. Бакаютова и др. СПб.: ЦМС им. А.С. Попова, 2015. 263 с.
51. Высоков М.С. Российская империя на путях модернизации: зарождение и развитие электросвязи в XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2004. 42 с.
52. Шапошников Г.Н. Развитие электросвязи и формирование информационной среды на Урале во второй половине XIX в. – конце 20-х гг. XX в. автореф. ... дис. д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2007. 34 с.
53. Морев В.А. История средств и способов связи Томской губернии второй половины XIX –первой четверти XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2004. 25 с.
54. Миркин В.В. История системы связи Западной Сибири в 1921–1941 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2005. 23 с.
55. Шапошников Г.Н. Телефон и телеграф Южного Урала в буднях военного времени (1941–1945 гг.) // Вестник Челябинского государственного университета. 2005. Т. 1. № 2. С. 34–43.
56. Шапошников Г.Н. Электросвязь Урала в годы Великой Отечественной войны // Экономическая история. 2011. № 2. С. 69–77.
57. Кошман Л.В. Город в общественно-культурной жизни // Очерки русской культуры XIX века. Т. 1. Общественно-культурная среда. М., 1998. С. 12–73.

58. Кошман Л.В. Город и городская жизнь в России XIX столетия: социальные и культурные аспекты. М.: РОССПЭН, 2008. 446 с.
59. Хохлов В.С. От шахтера до наркома и маршала. М.: ООО РИА ВивидАрт, 2010. 1072 с.
60. Куманев Г.А. Новые страницы истории отечественной связи // Военно-исторический журнал. 2010. № 10. С. 69–71.
61. Герасимов В.Л. Издана книга о маршале И.Т. Пересыпкине // Вестник архивиста. 2011. № 1. С. 309–311.
62. Трифанов М.А. Фельдъегерская связь в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Ист. очерк. М.: Скорина, 1995. 110 с.
63. Россия. История почтовой связи / сост. В.К. Марченков, А.Л. Мясников. СПб.: Изд-во Александр ПРИНТ, 2002. 302 с.
64. Шапошников Г.Н. Телеграфия в СССР в 1941–1945 гг. // Военно-полевой сборник. 1945–2005 гг. Екатеринбург, 2005. С. 58–69.
65. История отечественных средств связи. М.: Столичная энциклопедия, 2013. 574 с.
66. Федорович М.А., Орлова А.Ф., Медвецкий А.Г. История московской почты. Часть вторая. М., 1993. 168 с.
67. Аюпов Р.А., Дусалимов А. Мчится тройка почтовая... Почтовая связь Башкортостана. Уфа: Лето, 2000. 198 с.
68. Шапошников Г.Н. Средства связи Уральского региона в 1941–1945 гг. // Вклад Урала в разгром фашизма: исторический опыт и современные проблемы национальной безопасности: 4 уральские воен.-ист. чтения. Екатеринбург, 2005. С. 138–144.
69. Блинов Г.Е. История фельдъегерской связи Алтайского края. Исторический очерк. Барнаул: Алтайский дом литераторов, 2012. 222 с.
70. Образцов В., Вялов Л. Покоряя пространство и время. Почтовая связь на Южном Урале. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2013. 158 с.
71. 140 лет ярославской электросвязи / сост. Л.В. Касторская и др. Ярославль: Яртелеком, 2000. 128 с.
72. Сто лет на линии. История развития Белгородской телефонной связи / сост. Ю.И. Гончаренко. Белгород: Белгород. обл. тип., 2003. 268 с.
73. Пересыпкин И.Т. Связь СССР в Великой Отечественной войне. СПб.: Галарт, 2014. 390 с.
74. Гатин Р.Р., Гатина Р.Р. История телефонной связи Татарстана в 1941–1945 гг. // Ученые записки Казанской гос. академии ветеринарной медицины им. Н.Э. Баумана. 2010. Т. 202. С. 283–287.
75. Зотова А.В. Развитие средств связи в Ленинграде в годы Великой Отечественной войны // Социум и власть. 2015. № 2 (52). С. 108–112.
76. Езовитко К.И., Зотова А.В. Ленинградские телеграфисты в период Великой Отечественной войны // Актуальные проблемы инфотелекоммуникаций в науке и образовании: сб. науч. ст. в 2 т. СПб., 2015. Т. 2. С. 954–957.
77. Смыкалин А.С. Перлюстрация корреспонденции и почтовая военная цензура в России и СССР. М., 2008. С. 145–184.
78. Винокуров А.А., Ткаченко С.Б. Военная цензура в СССР 1941–1953. 2-е изд., испр. и доп. М.: Улей, 2012. 315 с.
79. Гашенко В.А. Военная цензура в Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны // Интерэкспо Гео-Сибирь. Новосибирск, 2011. Т. 6. С. 50–55.
80. Курочкина Х.М. История развития почтовой связи Пензенского края. Пенза, 1995. 198 с.
81. Колодин Н.Е. Покоренное пространство: в 2 т. Самара: Кн. изд-во, 1997. Т. 1. 317 с.; Т. 2. 516 с.

LOCAL COMMUNICATION COMPANIES IN 1941–1945: DOMESTIC HISTORIOGRAPHY

© 2016

E.L. Khramkova, doctor of historical sciences, professor of the Chair of Domestic History and Archeology
Samara State University of Social Sciences and Education, Samara (Russia)

N.N. Mokina, senior inspector for personnel of the Department on Work with Staff and Students
Moscow Pedagogical State University, Moscow (Russia)

Abstract. The authors for the first time study the historical literature published in 1941–2015 and devoted to activity of local communication establishments of the front and rear districts of RSFSR during the Great Patriotic War. The special attention is paid to the researches executed on materials of Central Volga area. The historiography is analyzed within two large periods: Soviet and Post-Soviet. The main tendencies of methodology development, references and the subject perspective are defined in each of them. The authors have drawn conclusions about the degree of study of civil operators contribution to the Victory in 1941–1945. The modern period of studying of the place and role of communication industry in military economy, information infrastructure, everyday life in the extreme conditions of the war is characterized by application of new methodological approaches (system, modernization, integration, biographic) which promote interdisciplinary judgment as well as expansion of the problem field of the Great Patriotic War communication history research. Among perspective questions which were earlier insufficiently studied by historians the authors note a role of local communication establishments in industrial enterprises and population evacuation, in development of military industrial complex of rear areas, structure of post military censorship bodies, standard and legal base of post and cable departures inspection, courier communication organization, material and household provision for regional communication institutions officers and others.

Keywords: Great Patriotic War; historiography; nation-wide communication system; regional institutions of communication; civil operators; mail service; cable communication; telecommunication; censorship of post correspondence; system; modernization; integration methodological approaches.

«АНАРХИЯ» ПЛАНИРОВАНИЯ ИЛИ САМОРЕГУЛИРОВАНИЕ СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКИ: МВД И ГОСПЛАН В МЕЖВЕДОМСТВЕННЫХ КОНФЛИКТАХ (1940–1950-Е ГГ.)

© 2016

А.В. Захарченко, доктор исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой истории, международного права и зарубежного регионоведения
Самарский филиал Московского городского педагогического университета, Самара (Россия)

Аннотация. Исследование хозяйственной деятельности МВД дает возможность по-новому взглянуть на отношения его с другими ведомствами как агента советской экономики. Изучение ведомственной переписки позволяет говорить о конфликте интересов между Министерством внутренних дел, Госпланом и другими наркоматами-министерствами. Противоречия регулировались на высшем партийном и государственном уровнях. Все субъекты советской плановой экономики имели свои интересы, главный из которых – обеспечение ресурсами правительственных заданий и своевременное выполнение обязательств со стороны других хозяйственных организаций. В процессе этого, заинтересованные ведомства старались добиться для себя максимально благоприятных условий в рамках напряженного плана. Руководители разного уровня (от министерства до отдельного предприятия), направляя в центр свои обращения с теми или иными просьбами, служили каналом информации о проверке тех директив, которые сталинская высшая бюрократия передавала нижестоящим инстанциям. Разногласия и возникающие на их основе конфликты относительно хозяйственных обязательств, которые руководители наркоматов-министерств считали завышенными, выступали в качестве механизма постоянной корректировки уже принятых решений. Это позволяло сталинской системе реагировать и преодолевать постоянно возникающие препятствия субъективного (личностный фактор исполнителей) и объективного (экономический потенциал страны) свойства.

Ключевые слова: Министерство внутренних дел; лагерно-промышленный комплекс межведомственные конфликты; региональные партийные организации; распределение ресурсов; директивы; мобилизационная система; хозяйственные обязательства; ведомственный эгоизм; Государственная плановая комиссия; Министерство финансов.

При изучении такого периода в истории Советского Союза, как эпоха сталинизма, важной проблемой выступает раскрытие внутренних механизмов организации и функционирования хозяйственной системы СССР конца 1940-х – начала 1950-х гг. (в том виде, в котором она сформировалась при Сталине). Здесь мы сталкиваемся с традиционными сюжетами о деятельности профильных учреждений разного уровня – от предприятий до наркоматов-министерств и центральных ведомств. Одно из таких ведомств МВД – наделенный не только карательными, но производственными функциями, и в силу этого выступавший как экономический агент.

Выделим ключевые аспекты проблемы МВД как «агента» в системе советской экономики:

- отношения руководства МВД с региональными партийными органами;
- разногласия между МВД и другими экономическими ведомствами относительно распределения материальных и людских ресурсов;
- «лоббистские усилия» МВД по обеспечению своих хозяйственных интересов;
- противоречие между репрессивной и хозяйственной задачами, которые одновременно приходилось решать МВД.

С открытием российских архивов проблема ведомственных разногласий в советской экономике разрабатывается исследователями как в системном, так и отраслевом срезе [1; 2; 3; 4].

В исследованиях, посвященных вопросам управления и планирования в СССР в 1930-е гг., отмечается наличие серьезных противоречий и конфликтов между экономическими ведомствами [5; 6; 7; 8]. В основе них лежала особая система планирования. Я.

Корнаи понимал под планированием прямое бюрократическое управление, которое сталкивается с препятствиями в виде конфликта интересов между принципалом (имеет полномочия приказывать) и агентами (обязаны исполнять приказы), а также с искажениями информации при ее передаче по вертикали). Изучение документов из советских архивов заставило исследователей высказать сомнения в том, что советская экономика была плановой в буквальном понимании этого слова. Как полагает П.Грегори «вместо точных расчетов и вертикальной субординации осуществлялся торг на каждом уровне советской экономики. В результате лоббирования и административного торга годовые планы в процессе их выполнения часто пересматривали, они не были обеспечены поставками ресурсов в требуемом объеме» [5, с. 330–336, 181–182]. В таком случае мы говорим том, что планированию в СССР были присущи элементы стихийности и импровизации. Однако в основе плана всегда лежал направляющий вектор – директива, которая отражала определенные приоритеты в экономической политике Сталина (приоритет промышленности над сельским хозяйством, приоритет тяжелой промышленности над другими отраслями экономики, абсолютное лидерство военной промышленности над остальными и т.д.).

Историки, изучающие советский ВПК, характеризуют ведомственные взаимодействия/разногласия как особую систему отношений между заказчиками-потребителями продукции советской оборонной индустрии (военное ведомство) и исполнителями (оборонные предприятия) [1; 2; 3; 4].

Как полагает О.В. Хлевнюк тяжелая экономическая обстановка, связанная с острой нехваткой мате-

риальных и людских ресурсов при напряженных плановых заданиях, заставляла хозяйственных исполнителей активнее бороться за дополнительные преференции, проявляя «ведомственный эгоизм» [8].

Изучение хозяйственной деятельности МВД не только подтверждает этот вывод, но и позволяет по-новому взглянуть на отношения его с другими ведомствами как агента советской экономики. Так, изучение материалов ведомственной переписки позволяет говорить о конфликте интересов между НКВД-МВД, Госпланом и другими наркоматами-министерствами. Возникающие противоречия урегулировались на высшем партийном (ЦК ВКПб) и государственном (СНК СССР) уровне. Все субъекты в советской плановой экономике в рамках общей стратегии развития имели свои интересы, главный из которых – обеспечение ресурсами правительственных заданий и своевременное выполнение обязательств со стороны других хозяйственных организаций.

В процессе этого, заинтересованные ведомства старались добиться для себя максимально благоприятных условий в рамках напряженного плана.

Послевоенное развитие СССР в 1945–1953 гг., в эпоху «позднего сталинизма» сопровождалось не только конверсией, но и гонкой вооружений в начавшейся «холодной войне». Следовательно, интересы наркоматов-министерств и их подразделений вращались вокруг проблемы ресурсного обеспечения производственной программы. Здесь в качестве задач выступали следующие:

- предоставления дополнительных ассигнований;
- обеспечение правительственных гарантий под уже выделенные средства;
- выполнение обязательств перед снабженческими структурами, подрядчиками других организаций в рамках того или иного правительственного постановления.

Тяжелая экономическая обстановка послевоенного времени, связанная с острой нехваткой материальных и людских ресурсов заставляла хозяйственных исполнителей активнее бороться за свои позиции.

Деятельность МВД, параметры экономического участия которого после войны только расширились, дает возможность проследить, как ведомства, наделенные хозяйственными функциями, стремились минимизировать бремя плановых обязательств.

Для подчеркивания экономической роли МВД, я использую термин *лагерно-промышленный комплекс*, как совокупности всех хозяйственных структур, основанных на труде заключенных и других категорий людей чья свобода была ограничена (военнопленные, спецпоселенцы). Экспансия ГУЛАГа в 1945–1953 проявлялась в трех направлениях: хозяйственном, бюрократическом и демографическом. Хозяйственное направление отразилось в новом витке роста капиталовложений и увеличении производственной программы. В проекте развития народного хозяйства на пятую пятилетку (1951–1955 гг.) предусматривал для МВД СССР предусматривалось 63 млрд. капиталовложений [9, л. 2, 3, 4, 5] (в том числе 24,8 млрд на гидротехническое строительство), или 12,6 млрд рублей в год – такие объемы лагерно-промышленный комплекс никогда не осваивал. Эти объемы должны были в 2,4 раза превысить реализованные показатели

в 1945–1950 гг., когда МВД выполнило капитальных работ на 26155 млрд рублей [10, л. 1, 15; 11, л. 1, 4; 12, л. 15]. Значительные средства направлялись на введение в эксплуатацию мощностей цветной металлургии, нефтяной, химической промышленности. Несмотря на то, что значительная часть документов в фонде Госплана недоступна для исследователей, те материалы, которыми можно оперировать позволяют сопоставить показатели МВД с другими ведомствами. В 1946–1947 гг. в общей сумме централизованных капиталовложений в строительство СССР по министерствам и ведомствам, предприятия органов внутренних дел занимали второе место после Министерства путей сообщения [13, л. 43, 44].

Второе направление расширение экономического участия МВД – продолжающаяся отраслевая специализация, которая сопровождалась появлением новых хозяйственных главков у управлений. По мере развития производственной деятельности НКВД-МВД в его структуре появлялись все новые и новые производственные подразделения.

Наконец третье – демографическое направление лагерной экспансии – рост численности заключенных, и прежде всего, в лагерях, которые в системе ГУЛАГа несли основную производственную нагрузку. За период с 1945 по 1953 г. численность осужденных в лагерях и колониях увеличилась на 1 млн человек, с 1460677 человек до 2468524 (данные на 1 января) [14, с. 11]. Подневольный труд имел существенное значение на добывающих производствах, лесной промышленности, гидротехническом строительстве и других отраслях экономики.

Интересы НКВД-МВД, обусловленные выполнением хозяйственных обязательств порождали разногласия с другими агентами плановой экономики, которые также стремились минимизировать риски невыполнения директив центра. Причем с центральными правительственными структурами шли согласования, иллюстрировавшие разные взгляды на возможности Гулага реализовать производственную программу.

Анализ переписки наркоматов-министерств, региональных партийных органов с Госпланом и заместителями Сталина по правительству, позволил выделить несколько типов ведомственных разногласий, имевших каждый свою специфику в системе хозяйственных отношений, в которых особую роль играл ГУЛАГ.

Первый тип можно условно назвать «*уход от директивы*». К такому типу относится реализация решения правительства летом 1945 г. по мобилизации автотранспорта у наркоматов для уборки урожая. Силы деревни были истощены войной. Действуя в логике командной системы, в правительстве применили простые мобилизационные методы, отработанные в годы войны – наркоматы просто получили задание выделить половину своего автопарка на уборку урожая. Это вызвало ответную реакцию ведомств, руководство которых стремилось обойти предписания центра. 28 июля 1945 г. заместитель Наркома внутренних дел В.В. Чернышов обращаясь в Государственный Комитет Обороны просил полностью освободить от мобилизации автотранспорт оперативных органов [15, л. 45]. Что касается лагерных управле-

ний, заключенные которых работали на предприятиях металлургии и топливной промышленности [15, л. 46], то для них предлагалось вдвое сократить изъятие автотранспорта по мобилизации – не более 25% ходового парка [15, л. 47]. Какова была реакция Н.А. Вознесенского сказать сложно, однако здесь для нас важна ведомственная позиция НКВД.

Второй тип разногласий возникал как столкновение хозяйственных ведомств с местными властями (областными, республиканскими партийными комитетами). Его характеристика: *«противодействие региональным претензиям на ведомственные ресурсы»*.

Достаточно четко этот тип отражает конфликт МВД с руководителями республик и областей во время неурожая и последующего за ним голода 1946 г., который в сталинском руководстве, опасаясь распространения за рубежом негативной информации, называли «продовольственными затруднениями».

Стремясь выполнить директивы центра по поставкам продовольствия, решая хозяйственные проблемы в своих регионах, партийные власти видели в продукции подсобных хозяйств лагерей и колоний Министерства внутренних дел резерв для получения продовольствия. Их позиция заключалась в стремлении включить структуры ГУЛАГа как поставщика продовольствия в общегосударственный фонд от своего региона. Что привело к протесту со стороны МВД. Конфликт МВД с руководством Казахской ССР по поводу продукции Карлага – крупнейшего сельскохозяйственного лагеря в системе МВД, можно считать типичным случаем. Категорический протест на подобные действия местных элит Министр внутренних дел С.Н. Круглов заявил в письме от 26 ноября в письме Л.П. Берии, на тот момент заместителя Сталина по правительству [16, л. 24].

Третий тип разногласий – *«борьба за смягчение хозяйственных обязательств»*. В первые послевоенные годы хозяйственные ведомства особенно были заинтересованы в более сбалансированном переходе на выпуск продукции гражданского назначения. Здесь ведомственные интересы МВД сталкивались с позицией Госплана, распределявшего по министерствам плановые задания по дополнительному увеличению выпуска товаров широкого потребления.

а) Характерный эпизод произошел в июне 1946 г., когда в МВД из правительства поступила записка. Она содержала список из 37 наименований изделий (от металлической посуды и обуви, до музыкальных инструментов и радиопродукторов), производство которых ГУЛАГ обязан был увеличить в 1946–1947 гг. [17, л. 26]. Содержание записки в МВД расценили как стремление правительства возложить дополнительные хозяйственные обязательства без необходимых материальных средств. В итоге ведомственные противоречия удалось урегулировать после того, как просьба МВД о выделении дополнительного сырья на производство гражданских товаров была одобрена [17, л. 27]. 24 августа 1946 г. Л.П. Берия направил для подготовки правительственного решения соответствующие материалы в Госплан [17, л. 28].

б) Схожая ситуация наблюдалась и в 1948 г., когда распределяли дополнительные задания между хозяйственными министерствами. МВД получило задание

срочно увеличить производственный план промышленной продукции в октябре-декабре 1948 г., причем документы из Совета Министров СССР поступили только 14 октября. Учитывая, что принципиальное решение «наверху» уже было принято, руководству МВД оставалась возможность «вести торг» за более благоприятные условия выполнения сверхпланового задания, чем оно не замедлило воспользоваться. Выполнение правительственного задания связали с условием предоставления Гулагу дополнительных материальных ресурсов [18, л. 90].

Четвертый тип разногласий – *«борьба за трудовые ресурсы»*. Специфика советской экономики в сталинскую эпоху характеризовалась масштабным использованием принудительного труда. В послевоенный период 1945–1953 гг. труд заключенные ГУЛАГа и военнопленных активно применялся в период восстановления хозяйства страны после войны. При этом ГУЛАГ, как и ранее, не только использовал подневольных работников на своих объектах (стройках, шахтах, рудниках и т.д.), но и передавал подневольных работников другим ведомствам, как того требовали правительственные указания. Позиция МВД как распорядителя рабочей силы вызывала конфликтные ситуации с другими министерствами, которые просили для своих предприятий больше заключенных и военнопленных. Кроме того, невыполнение каким либо структурным подразделением МВД своих обязательств вынуждало ведомства, претендующие на труд заключенных обращаться с протестами в правительство. Так, например, в октябре 1950 г. заместитель министра путей сообщения Мирошниченко обратился к главе МВД С.Н. Круглову с просьбой «принять решительные меры» и заставить одну из своих организаций – Куйбышевгидрострой выполнить свои обязательства и выделить 5000 заключенных на строительство дороги [19, л. 37, 38]. Ранее, в 1945 г. руководство НКВД выступило категорически против того, чтобы удовлетворять дополнительные заявки хозяйственных ведомств предоставление им военнопленных для работы [20, л. 131].

Вывод. Возникающие разногласия характеризуют внутреннее содержание самой мобилизационной системы. Круг возможностей тотально управлять и контролировать был ограничен в силу размеров советской экономики и бюрократических структур, сформированных за годы сталинской диктатуры. В силу этого, ведомственные конфликты и разногласия по поводу выполнения тех или иных директив вышестоящих органов власти являлся проявлением самонастройки советской командной системы. В этом смысле советская экономика не была плановой. Руководители разного уровня (от министерства до отдельного предприятия), направляя в центр свои обращения с теми или иными просьбами, служили каналом информации о проверке тех директив, которые сталинская высшая бюрократия передавала нижестоящим инстанциям. Разногласия и возникающие на их основе конфликты относительно хозяйственных обязательств, которые руководители наркоматов-министерств считали завышенными, выступали в качестве механизма постоянной корректировки уже принятых решений. Это позволяло сталинской системе реагировать и преодолевать постоянно возникающие пре-

пяты субъективного (личный фактор исполнителей) и объективного (экономический потенциал страны) свойства. Результат оплачивался материальными издержками и затянутыми бюрократическими процедурами по согласованию ведомственных интересов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Парамонов В.Н. Россия в 1941–1945 гг.: проблемы индустриального развития. Самара, 1999. С. 150–205.
2. Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1996.
3. Самуэльсон Л. Красный колосс. Становление военно-промышленного комплекса СССР. 1921–1941 / Пер. с англ. М., 2001. 296 с.
4. Быстрова И.В. Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980-е годы). М., 2006. 704 с.
5. Грегори П. Политическая экономия сталинизма / Пер. с англ. М., 2008. 400 с.
6. Маркевич А.М. Отраслевые наркоматы и главки в системе управления советской экономикой в 1930-е гг. // Экономическая история. Ежегодник. 2004. М., 2004. С. 118–139.

7. Маркевич А.М. Была ли советская экономика плановой? Планирование в наркоматах в 1930-е гг. // Экономическая история. Ежегодник. 2003. М., 2003. С. 21–43.

8. Хлевнюк О.В. Советская экономическая политика на рубеже 1940–1950-х гг. и «дело Госплана» // Отечественная история. 2001. № 3. С. 77–89.

9. Российский государственный архив экономики (РГАЭ) Ф. 4372. Оп. 98. Д. 314.

10. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.-Р 9401. Оп. 2. Д. 302.

11. ГАРФ. Ф.-Р 9401. Оп. 2. Д. 269.

12. ГАРФ. Ф.-Р 9401. Оп. 2. Оп. 4. Д. 975.

13. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 95. Д. 170.

14. Земсков В.Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социс. 1991. № 6. С. 10–27.

15. ГАРФ. Ф.Р.- 5446. Оп. 46. Д. 2011.

16. ГАРФ. Ф.Р.- 5446. Оп. 48. Д. 2041.

17. ГАРФ. Ф.Р.- 5446. Оп. 48. Д. 2043.

18. ГАРФ. Ф.Р.- 5446. Оп. 50. Д. 2675.

19. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 94. Д. 197.

20. ГАРФ. Ф.-Р. 8359. Оп. 1. Д. 2.

Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ, № 16-01-50017, основной конкурс).

«ANARCHY» PLANNING OR SELF-REGULATION OF THE SOVIET ECONOMY: MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS AND THE STATE PLANNING COMMISSION IN INTER-DEPARTMENTAL CONFLICTS (1940–1950)

© 2016

A.V. Zaharchenko, doctor of historical sciences, associate professor,
head of the Chair of History, International Law and Foreign of Regional Studies
Samara Branch of Moscow City Pedagogical University, Samara (Russia)

Abstract. The study of Ministry of Internal Affairs economic activities gives an opportunity to look at relationships with other departments and its role as an economy agent. The studying of departmental correspondence materials allows us to speak about the conflict of interests among The Ministry of Internal Affairs, The State Planning Committee and other commissariat-ministries. Contradictions were settled at the highest party and the state levels. All actors in the Soviet planned economy had their own interests and the most important was provision of resources for the government tasks and timely fulfilment of obligations by other economic organizations. During this process the departments involved tried to obtain more favorable conditions for themselves. Heads of different levels (from the ministries to separate agencies), who sent appeals and requests to the center, served as channels for information on the fulfillment of government directives. The conflicts helped to determine if a plan was impossible to fulfill and to correct figures and decisions. This allowed the Stalinist system to react and overcome contingent problems like a personal dispute with producers, and structural, such as economic capacity. The result was paid with material costs and overextended bureaucratic procedures for coordination of departmental interests.

Keywords: The Ministry of Internal Affairs; camp-industrial complex; inter-departmental conflict; the regional Party organs; distribution of resources; the mobilization system; economic obligations; directives; departmental egoism; State Planning Committee; the Ministry of Finance.

13.00.00 – ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 378

**РЕШЕНИЕ УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ
ПРИ ИЗУЧЕНИИ МАТЕМАТИКИ В ВУЗЕ**

© 2016

В.Н. Аниськин, кандидат педагогических наук, доцент, декан факультета математики, физики и информатики
*Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара (Россия)***Е.Н. Рябинова**, доктор педагогических наук,
профессор кафедры высшей математики и прикладной информатики
Самарский государственный технический университет, Самара (Россия)

Аннотация. Анализ Федеральных государственных образовательных стандартов всех ступеней существующей образовательной системы показывает, что актуальным становится реализация метапредметного подхода в учебно-воспитательном процессе, ориентация на ключевой стратегический приоритет непрерывного образования – воспитательную деятельность и формирование умения учиться. Рассмотрены основные виды универсальных учебных действий: личностные, предметные, метапредметные результаты; использование познавательно-деятельностной матрицы в процессе обучения студентов. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования устанавливает требования к личностным, метапредметным и предметным результатам освоения обучающимися основной образовательной программы основного общего образования. Следовательно, в соответствии с принципом преемственности при обучении необходимо развивать и формировать у студентов компетенции по указанным трём направлениям, трансформируя их в образовательное пространство вуза. В частности, метапредметные компетенции должны включать в себя способность оперировать межпредметными понятиями и универсальными учебными действиями, используя их в учебной, познавательной и социальной практике. Достижение метапредметных результатов связано с природой универсальных учебных действий. В основу природосообразного образования личности должны быть положены базисные ценности – это, прежде всего, нравственность, следующая из природы самого человека. Именно поэтому в стандартах второго поколения выделяют уже четыре блока универсальных учебных действий: личностных, регулятивных, общепознавательных и коммуникативных. В силу своей природы, являясь, по сути, функционально-ориентировочными действиями, метапредметные действия составляют психологическую основу и решающее условие успешности решения обучающимися предметных задач. Формирование у студентов метапредметных компетенций предполагает различные формы организации учебного процесса. Одной из организационных форм занятий является деловая игра, которая может использоваться как средство диагностики и прогнозирования поведения личности в различных ситуациях. Проектная технология ориентирована на развитие широкого спектра компетенций и творческих способностей, поэтому предполагает интеграцию исследовательских, поисковых, проблемных, сравнительных методов. Показано, что в настоящее время радикально увеличивается роль каждой дисциплины в развитии метапредметной компетентности личности.

Ключевые слова: метапредметный подход; универсальные учебные действия; метапредметные результаты; познавательная деятельность; регулятивная деятельность; коммуникативная деятельность; функционально-ориентировочные действия; познавательно-деятельностная матрица; речевая культура; мировоззренческие математические понятия.

Профессиональное воспитание студента как реальный процесс совершенствования человека в конкретной деятельности и конкретном социуме становится в настоящее время ведущим блоком образовательной деятельности вуза, базой формирования нового типа профессионала-специалиста и главным средством развития личности [1]. А общекультурное, личностное и познавательное развитие обучаемых – целью образования. Оно непосредственно связано с воспитательной деятельностью в целостной системе подготовки специалистов и определяет её приоритет.

К сожалению, появление в нашей стране различных моделей обучения привело к рассогласованию и ослаблению преемственности в образовательном процессе на различных ступенях образования, что отрицательно сказалось на учебно-воспитательной деятельности учебных заведений. В настоящее время

наблюдается недооценка важности формирования личностных качеств будущих специалистов, которые необходимы для освоения общепрофессиональных и метапредметных компетенций. Для преодоления этого противоречия необходимо обеспечить преемственность педагогической деятельности преподавателей вузов в выполнении требований и правил принципа единства обучения и воспитания, руководствуясь положением о том, что обучение всегда воспитывает, а воспитание – обучает [2].

Опираясь на принцип преемственности в образовании, можно заключить, что в процессе реализации Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования (ФГОС ВО) нового поколения актуальным становится рассмотрение компетентности с точки зрения метапредметного подхода, который в настоящее время рассматривается

как ядро российского образования, позволяющее сохранить и отстоять в обществе культуру мышления и формирования целостного, межпрофессионального мировоззрения; вобрать в себя лучшие дидактико-методические образцы развития предметной формы знания, но при этом открыть новые перспективы развития такой образовательной формы, как учебный предмет и учебное занятие. А.Г. Асмоловым, Г.В. Бурменским и И.А. Володарской выделены основные виды универсальных учебных действий (УУД): личностные (самоопределение, смыслообразование и действие нравственно-этического оценивания), регулятивные (целеобразование, планирование, контроль, коррекция, оценка, прогнозирование), познавательные (общеучебные, логические и знаково-символические) и коммуникативные [3]. Анализируя ФГОС, Б.А. Крузе [4] и Е.В. Еремеева [5] констатировали три уровня планируемых результатов образования:

– под *личностными результатами* понимается готовность и способность обучающихся к саморазвитию, сформированность мотивации к обучению, познанию, выбору индивидуальной образовательной траектории, ценностно-смысловые установки обучающихся, отражающие их личностные позиции, социальные компетенции, сформированность основ гражданской идентичности;

– под *предметными результатами* понимается освоенный обучающимися в ходе изучения учебного предмета опыт специфической для данной предметной области деятельности по получению нового знания, его преобразованию и применению, а также система основополагающих элементов научного знания, лежащая в основе современной научной картины мира;

– под *метапредметными результатами* понимаются освоенные обучающимися универсальные учебные действия (познавательные, регулятивные и коммуникативные), обеспечивающие овладение ключевыми компетенциями, составляющими основу умения учиться, и межпредметные понятия.

Достижение метапредметных результатов связано с природой универсальных учебных действий: личностных, регулятивных, общепознавательных и коммуникативных. В силу своей природы, являясь, по сути, функционально ориентировочными действиями, метапредметные действия составляют психологическую основу учебно-воспитательного процесса и главное условие успешности решения обучающимися предметных задач.

Универсальный характер учебных действий проявляется в том, что они носят надпредметный, метапредметный характер; обеспечивают целостность общекультурного, личностного, познавательного развития и саморазвития личности, Преемственность всех ступеней образовательного процесса [6–8] лежит в основе организации и регуляции любой деятельности индивидуума независимо от её специально предметного содержания. Н.В. Громыко отмечает [9; 10], что метапредметный подход в образовании разработан для решения проблемы разобщенности, оторванности друг от друга разных научных дисциплин и, как следствие, учебных предметов.

В связи с выше сказанным, согласно действующему приоритету профессионального воспитания и принципу преемственности в рабочие программы

различных дисциплин следует вводить вопросы, связанные с формированием коммуникативных компетентностей и личностных универсальных учебных действий. Рассмотрим, например, задание «Общее мнение» [3], которое в модернизированном виде можно выдавать первокурсникам в начале семестра с целью выработки правил поведения в вузе при общении с преподавателями и однокурсниками. Это задание носит творческий проектный характер. Студентам предлагается выделить и выработать 5–7 правил (справедливости, равноправия, вежливости, честности, взаимопомощи и т.д.), которые будут общими при общении с окружающими в вузе.

Обучаемым даётся время на формулирование, обдумывание, обсуждение и составление набора необходимых правил. С этой целью группа делится на подгруппы по 3–5 человек, и каждая подгруппа готовит текст, состоящий из причин, по которым следует выполнять то или иное правило. Затем представители от подгрупп объединяются и обсуждают общие правила для группы, которые оформляются в виде плаката, на котором расписываются все члены группы, чем подтверждают своё согласие следовать записанным правилам. Эта деловая игра может проводиться у первокурсников при изучении различных дисциплин. В итоге можно выработать общие правила поведения в группе. Возможно выполнение подобного задания через год-два-три, чтобы проследить динамику изменений в формулировании общих правил.

Не менее эффективными являются деловые игры, за основу в которых взяты задания «Эмпирические исследования», «Выстраивание поиска решения задач», «Дискуссия», «Кто прав?» «Совместное проектирование (конструирование, решение, формулирование теоремы и пр.) [3] и т.д. Все они направлены на формирование личностных качеств и умственных действий студентов, связанных с умением слушать и слышать собеседника, понимать возможность разных оснований для оценки одного и того же предмета, учитывать разные мнения и уметь обосновать собственное, развивать способности к анализу содержания моральных и нравственно-этических норм и необходимости их соблюдения, формировать ориентировки сознания через дискуссию и аргументацию.

Отметим, что подобные деловые игры не требуют больших временных затрат в аудитории, так как выполняются студентами самостоятельно во внеучебное время, а обсуждаются и оцениваются по определённым критериям с преподавателем(ями) той дисциплины(н), который(е) проявил(и) инициативу проведения данного задания. Причём выполнять такие деловые игры творческо-проектного характера могут в рамках практически любой дисциплины: для этого требуется желание преподавателя, способного организовать выполнение подобного задания в рамках изучения своего предмета.

Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования (ФГОС ООО), утверждённый приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 17 декабря 2010 г. № 1897, представляет собой совокупность требований, обязательных при реализации основной образовательной программы основного общего образования образовательными учреждениями,

имеющими государственную аккредитацию [11]. Стандарт устанавливает требования к личностным, метапредметным и предметным результатам освоения обучающимися основной образовательной программы основного общего образования.

В научных публикациях, посвященных метапредметному подходу в образовании, нет однозначного толкования понятия «метапредметные компетенции». А.В. Хуторской [12; 13] считает, что метапредметные компетенции обеспечивают реализацию основных универсальных учебных действий: регулятивных, коммуникативных, познавательных. Все ключевые компетенции определяют регулятивные учебные действия. Коммуникативные учебные действия служат установлению правильных взаимоотношений с обучающимися, обеспечивают эффективность педагогического общения. Познавательные – характеризуют освоение знаний и способов их применения в целях познания и лучшего понимания реалий окружающей действительности. Все они являются способами деятельности, которые осваиваются обучающимися на базе одного, нескольких или всех учебных предметов и которые могут быть применены как в рамках образовательного процесса, так и при решении проблем в реальных жизненных ситуациях.

Формирование метапредметных компетенций в процессе обучения студентов представляет собой сочетание различных технологий (личностно-деятельностных, проектных, проблемных, рефлексивных и т.д.), методов и форм обучения. Важно научить студентов правильно отражать и осмысливать внешнюю информацию, анализировать, алгоритмизировать и обобщать ее; получать новые знания, управлять собственным речемыслительным процессом; свободно владеть письменной и устной речью в различных жанрах научного и делового стиля; аргументировано излагать собственную точку зрения, вести полемики и дискуссии.

Для формирования метапредметных компетенций и оценивания уровня их сформированности у студентов можно применять познавательно-деятельностную матрицу [14; 15]. Матрица размера 4×4 состоит из познавательных уровней усвоения учебной информации Ψ_i , $i = \overline{1,4}$ и деятельностных – d_j , $j = \overline{1,4}$. Каждый элемент этой матрицы определяет универсальное учебное действие, соответствующее сочетанию пар Ψ_i , d_j : элемент – отражение на уровне узнавания; осмысление на уровне узнавания; – алгоритмирование на уровне узнавания; контролирование на уровне узнавания, отражение на уровне воспроизведения; – осмысление на уровне воспроизведения; – алгорит-

мирование на уровне воспроизведения; контролирование на уровне воспроизведения. Соответственно элементы Y_{13} , Y_{23} , Y_{33} и Y_{43} представляют собой отражение, осмысление, алгоритмирование и контролирование на уровне применения, а элементы Y_{14} , Y_{24} , Y_{34} и Y_{44} – отражение, осмысление, алгоритмирование и контролирование на уровне творчества.

Использование познавательно-деятельностной матрицы позволяет представить освоение обучающимися учебного материала как «движение» по элементам – матрицы размера 4×4 , составленной из перечисленных выше познавательных и деятельностных уровней. При этом каждый элемент матрицы, в результате выполненного определённого универсального учебного действия, будет соответствовать вполне определенному количеству усвоенного учебного материала, начиная с самого элементарного уровня (узнавание на уровне отражения) и заканчивая самым высоким уровнем – исследованием с контролем собственных действий.

Применение данной матрицы позволяет систематизировать учебный материал по сложности его освоения, формировать метапредметные компетенции студентов и проводить контроль познавательной деятельности на различных этапах образовательного процесса.

Рассмотрим пример [16] решения задачи профессионально-направленного содержания второго уровня сложности, структурируя её с помощью познавательно-деятельностной матрицы (таблица 1).

Задание. Предприятие выпускает 4 вида изделий с использованием 4-х видов сырья. Нормы расходов сырья даны как элементы матрицы А:

$$A = \begin{pmatrix} 2 & 3 & 4 & 1 \\ 1 & 2 & 5 & 6 \\ 5 & 2 & 5 & 1 \\ 4 & 3 & 2 & 2 \end{pmatrix}$$

В матрице А столбцы определяют виды сырья, а строки – виды изделий. Требуется найти общие затраты на сырьё и его перевозку для каждого вида продукции, если известны себестоимости каждого вида сырья и его доставки (соответственно 4, 5, 6, 7 и 2, 3, 1, 2 денежных ед.).

Составим матрицу себестоимостей сырья и его доставки (соответственно 1-я и 2-я строки):

$$C = \begin{pmatrix} 4 & 5 & 6 & 7 \\ 2 & 3 & 1 & 2 \end{pmatrix}$$

Таблица 1 – Поэтапное решение задачи

Учебные элементы	Последовательность действий
Y_{11} – отражение на уровне узнавания	Представляет собой понимание того, требуется найти общие затраты на сырьё для каждого вида продукции и его перевозку, для чего потребуется вычислить матрицу $P=AC^T$.
Y_{12} – отражение на уровне воспроизведения	Первоначально следует транспонировать матрицу – себестоимостей сырья C размера (2×4)
Y_{21} – осмысление на уровне узнавания	Транспонированная матрица – это матрица, у которой строки переходят в столбцы, а столбцы – в строки. Ее размер будет (4×2) .
Y_{22} – осмысление на уровне воспроизведения	Произведение матриц норм расходов сырья A размера (4×4) и C^T размера (4×2) возможно. В результате получим матрицу P размера (4×2) .

Y ₃₁ – алгоритмирование на уровне узнавания	$C^T = \begin{pmatrix} 4 & 2 \\ 5 & 3 \\ 6 & 1 \\ 7 & 2 \end{pmatrix}$
Y ₃₂ – алгоритмирование на уровне воспроизведения	$P = A * C^T = \begin{pmatrix} 2 & 3 & 4 & 1 \\ 1 & 2 & 5 & 6 \\ 5 & 2 & 5 & 1 \\ 4 & 3 & 2 & 2 \end{pmatrix} * \begin{pmatrix} 4 & 2 \\ 5 & 3 \\ 6 & 1 \\ 7 & 2 \end{pmatrix}$
Y ₄₁ – контролирование на уровне узнавания	Представляет собой запись: $P = \begin{pmatrix} 2*4+3*5+4*1+1*7 & 2*2+3*3+4*1+1*2 \\ 1*4+2*5+5*6+6*7 & 1*2+2*3+5*1+6*2 \\ 5*4+2*5+5*6+1*7 & 5*2+2*3+5*1+1*2 \\ 4*4+3*5+2*6+2*7 & 4*2+3*3+2*1+2*2 \end{pmatrix}$
Y ₄₂ – контролирование на уровне воспроизведения	Окончательный ответ: $P = \begin{pmatrix} 34 & 19 \\ 86 & 25 \\ 67 & 23 \\ 57 & 23 \end{pmatrix}$ Цифры первого столбца – общие затраты для каждого вида продукции; цифры второго столбца – затраты на перевозку каждого вида продукции.
<p>Ответ: общие затраты на сырье для каждого вида продукции составляют 34, 86, 67 и 57 ден. ед., общие затраты на перевозку каждого вида продукции составляют 19, 25, 23 и 23 ден. ед. Применим познавательную матрицу к оцениванию учебной деятельности студентов [17; 18].</p>	

Приведем пример задания в тестовой форме второго уровня сложности в виде таблицы (таблица 2).

Задание. Вычислить площадь треугольника, построенного на векторах

$$\vec{AB} = 2\vec{a} - 5\vec{b} \text{ и } \vec{AC} = 4\vec{a} + 3\vec{b}, \text{ если } |\vec{a}| = 4, |\vec{b}| = 2, (\vec{a} \wedge \vec{b}) = 60^\circ$$

Таблица 2 – Задание в тестовой форме II уровня сложности

Этапы решения		Варианты ответов
Y ₁₁	Условие задачи заключается в нахождении площади ...	1) параллелограмма, построенного на векторах $\vec{AB}$ и $\vec{AC}$; 2) квадрата, построенного на векторах $\vec{AB}$ и $\vec{AC}$; 3) треугольника, которая является половиной площади параллелограмма, построенного на векторах $\vec{AB}$ и $\vec{AC}$
Y ₁₂	Площадь параллелограмма находится по формуле...	1) $S = \left (2\vec{a} - 5\vec{b}) \cdot (4\vec{a} + 3\vec{b}) \right $; 2) $S = \left (2\vec{a} - 5\vec{b}) + (4\vec{a} + 3\vec{b}) \right $; 3) $S = \left (2\vec{a} - 5\vec{b}) \times (4\vec{a} + 3\vec{b}) \right $
Y ₂₁	Для нахождения векторного произведения выполним действия...	1) $(2\vec{a} - 5\vec{b}) \cdot (4\vec{a} + 3\vec{b})$; 2) $(2\vec{a} - 5\vec{b}) \times (4\vec{a} + 3\vec{b})$; 3) $(2\vec{a} - 5\vec{b}) + (4\vec{a} + 3\vec{b})$
Y ₂₂	Для вычисления векторного произведения воспользуемся свойствами...	1) $\vec{a} \times \vec{a} = \vec{a}^2, \vec{a} \times \vec{b} = -\vec{b} \times \vec{a}$; 2) $\vec{a} \times \vec{a} = 0, \vec{a} \times \vec{b} = -\vec{b} \times \vec{a}$; 3) $\vec{a} \times \vec{a} = \vec{a}^2, \vec{a} \times \vec{b} = \vec{b} \times \vec{a}$

У ₃₁	Результат векторного произведения...	1) $(2\vec{a} - 5\vec{b}) + (4\vec{a} + 3\vec{b}) = 6\vec{a} - 2\vec{b}$; 2) $(2\vec{a} - 5\vec{b}) \cdot (4\vec{a} + 3\vec{b}) = 8\vec{a}^2 - 14\vec{a} \cdot \vec{b} - 15\vec{b}^2$; 3) $(2\vec{a} - 5\vec{b}) \times (4\vec{a} + 3\vec{b}) = 6\vec{a} \times \vec{b} - 20\vec{b} \times \vec{a}$
У ₃₂	Площадь параллелограмма вычисляется...	1) $S = (2\vec{a} - 5\vec{b}) \cdot (4\vec{a} + 3\vec{b}) = 8 \cdot 4^2 - 14 \cdot 4 \cdot 2 \cos 60^\circ$; 2) $S = (2\vec{a} - 5\vec{b}) \times (4\vec{a} + 3\vec{b}) = 26\vec{a} \times \vec{b} = 26 \vec{a} \cdot \vec{b} \sin 60^\circ$; 3) $S = (2\vec{a} - 5\vec{b}) \times (4\vec{a} + 3\vec{b}) = 26\vec{a} \times \vec{b} = 26 \vec{a} \cdot \vec{b} \cos 60^\circ$
У ₄₁	Площадь параллелограмма равна...	1) $S = 26 \vec{a} \cdot \vec{b} \sin 60^\circ = 26 \cdot 4 \cdot 2 \cdot \frac{\sqrt{3}}{2} = 104\sqrt{3}$ кв.ед. 2) $S = 8 \cdot 4^2 - 14 \cdot 4 \cdot 2 \cos 60^\circ = 16 \cdot \frac{1}{2} = 8$ кв.ед. 3) $S = 26 \vec{a} \cdot \vec{b} \cos 60^\circ = 26 \cdot 4 \cdot 2 \cdot \frac{1}{2} = 104$ кв.ед.
У ₄₂	Окончательный ответ:	1) $S = 104$ кв.ед.; 2) $S = 8$ кв.ед.; 3) $S = 104\sqrt{3}$ кв.ед.

Задания в тестовой форме второго уровня сложности проверяют умения студента воспроизводить усвоенную информацию в различных сочетаниях и комбинациях, обнаруживая различные логические связи и аналоги на уровне воспроизведения.

Поэтапное выполнение тестовых заданий представляет собой взаимосвязанную последовательность учебных элементов, определяемую алгоритмом и логикой решения учебной задачи, что позволяет их использовать не только для качественной и количественной оценки учебных достижений студентов, но и реализовать их обучающий потенциал.

Метапредметную компетентность можно представить как интегративную дефиницию, основными компонентами которой являются ценностно-личностный, регулятивный, коммуникативный и познавательный. Из представленных компонентов можно выделить общий для всех ценностный, мировоззренческий компонент. К сожалению, реальность свидетельствует о том, что в настоящее время практически во всех сторонах социальной и культурной деятельности человека в его сознании прочно утвердилось представление об исключительности только своего социума и освобожденности его от подчинения метапредметным закономерностям, что объясняется недостаточной мировоззренческой подготовкой. Именно поэтому наполняемость этого понятия ценностно-личностной составляющей необходима.

Важно отметить, что сегодня радикально увеличивается роль каждой дисциплины в развитии метапредметной компетентности личности. В частности, усиливается значение геометрических компетентностей в формировании ценностно-смысловых, общекультурных, учебно-познавательных, информационных и других составляющих мировоззренческого компонента метапредметной компетентности [19; 20].

Приведем другие примеры возможностей математической науки [21]. Одним из первичных мировоззренческих неопределяемых математических понятий является понятие множества, описательное объяснение которого – совокупность, объединение объектов любой природы, называемых элементами множества (это могут быть числа, функции, явления природы, предметы, вещи и т.п.). Именно поэтому теория множеств имеет самое широкое приложение. Мировоззренческий компонент метапредметной компетентности можно интерпретировать как некоторое множество U , состоящее из бесконечного числа элементов, и, следовательно, являющееся бесконечным множеством. Множество M называется подмножеством множества U , если каждый элемент множества M принадлежит множеству U (рис. 1). Обозначают $M \subset U$ и говорят, что « M – подмножество U » или « M включается в U ». Множества, подмножества и отношения между ними принято иллюстрировать геометрически с помощью диаграмм (кругов) Эйлера-Венна. Точки внутри фигуры считаются элементами множества.

Составляющую мировоззренческой подготовки M , формируемую при изучении математики, закономерно считать подмножеством множества U . Подмножествами U можно считать и другие составляющие мировоззренческой подготовки. К ним можно отнести гуманитарную G , научную N , техническую T , прикладного характера P , бытовую B и другие составляющие. Эти подмножества могут объединяться и пересекаться причудливым образом, образуя новое интегрированное знание (рис. 2). Множество, относительно которого все множества, рассматриваемые в задаче, являются подмножествами, называется универсальным. В рассматриваемом случае универсальным является множество U , соответствующее ми-

ровосознательному компоненту метапредметной компетентности. Его принято обозначать буквами U или I и изображать в виде прямоугольника на диаграммах Эйлера-Венна.

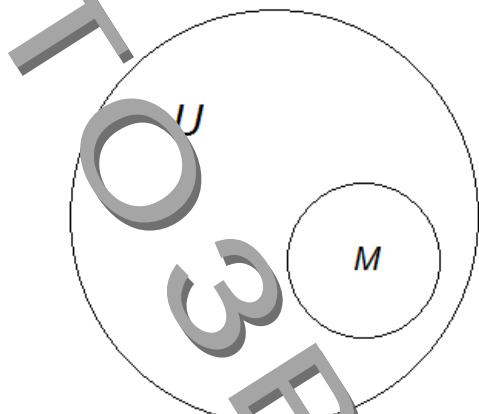

Рисунок 1 – Интерпретация математической составляющей M в общей мировоззренческой подготовке U

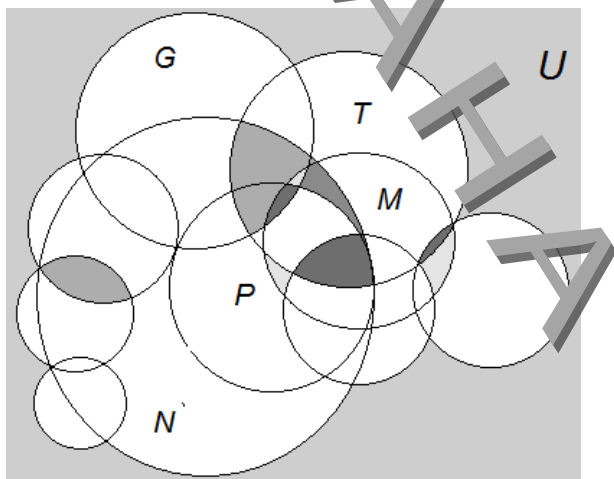

Рисунок 2 – Интерпретация взаимодействия различных составляющих в общей мировоззренческой подготовке U

Одной из важнейших задач метапредметной подготовки является формирование вербальных компетенций будущих инженеров, что приводит к необходимости разработки теории и методики системы развития речевой культуры студентов в процессе изучения блоков общеобразовательных и специальных дисциплин [22; 23]. Требуется проектирование и разработка новых технологий обучения, включающих в себя дополнительные формы и методы проведения лабораторных работ, деловых игр, семинаров, написания самостоятельных заданий в виде эссе, пояснительных записок и т.д.

Обобщая изложенное выше, полагаем, что введение в образовательную практику упражнений, разработанных на основе междисциплинарного подхода, позволит расширить кругозор личности студента, развить аналитические умения, способности обобщать и мыслить интегративно, что является основой для успешного формирования метапредметной компетентности. Для реализации метапредметного подхода в учебно-воспитательной деятельности вуза каждому педагогу следует проанализировать структуру и содержание преподаваемой дисциплины с це-

лью выявления её воспитательного потенциала и проектировать учебно-воспитательный процесс на основе связи программного материала с профессиональной деятельностью, соотнося комплекс методов, форм, приёмов и средств преподавания с целями воспитания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Современный воспитательный процесс в образовательной организации: в 2ч. / под ред. Л.В. Алиевой, И.В. Руденко. Ч. 1: Научный доклад. Тольятти: Кассандра, 2015. 74 с.
2. Кустов Ю.А., Гусев В.А. Управление качеством образования на основе принципа преемственности: учебное пособие. Тольятти: Изд-во Тольяттинского гос. ун-та, 2002. 203 с.
3. Формирование универсальных учебных действий в основной школе: от действия к мысли. Система заданий: пособие для учителя / под ред. А.Г. Асмолова. 2-е изд. М.: Просвещение, 2011. 159 с.
4. Крузе Б.А., Еремеева Е.В. Определение понятия метапредметных компетенций младшего школьника // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6.
5. Санникова А.И., Крузе Б.А. Подготовка полилингвальной и поликультурной личности учителя международного бакалавриата: мультимедийно опосредованный контекст // Педагогическое образование и наука. 2010. № 9. С. 75–78.
6. Тимошук Н.А. Формирование метапредметной компетентности у студентов технического университета // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия «Психолого-педагогические науки». 2015. № 3(27). С. 233–241.
7. Тимошук Н.А. Преемственность в реализации федеральных государственных образовательных стандартов // Материалы IV Всероссийской конференции III Международной заочной научно-практической конференции «Математическое образование: прошлое, настоящее и будущее», посвящённая 100-летию со дня рождения К.А. Малыгина. Самара: ПГСГА, Самара, 2015. С. 268–274.
8. Тимошук Н.А. Метапредметность в образовании XXI века // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Человеческий потенциал в 21 веке: образование и культура, патриотизм и традиции казачества, этические социум и инновационная экономика». Димитровград, 2016.
9. Громыко Н.В., Тимошук М.В. Метапредметный подход, как ядро российского образования // Установочный семинар для участников Всероссийского конкурса «Учитель года–2009». М., 2009. С. 5.
10. Громыко Н.В. Метапредметный подход в образовании при реализации новых образовательных стандартов [Электронный ресурс] // http://docme.ru/doc/38300/stat._ya-gromyko-n.v.-metaпредметnyj-podhod-v-obuchenii.
11. Закон 273-ФЗ «Об образовании в РФ», 2015. [Электронный ресурс] // <http://www.assessor.ru/zakon/273-fz-zakon-ob-obrazovanii-2013>.
12. Хуторской А.В. Метапредметное содержание и результаты образования: как реализовать федеральные государственные образовательные стандарты

(ФГОС) [Электронный ресурс] // <http://www.eidos.ru/journal/2012/0229-10>.

13. Хуторской А.В. Нынешние стандарты нужно менять, наполнять их метапредметным содержанием образования // Народное образование. 2013. № 4. С. 157–171.

14. Рябинова Е.Н. Формирование познавательной деятельности матрицы усвоения учебного материала в высшей профессиональной школе: монография. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2008. 245 с.

15. Рябинова Е.Н. Адаптивная система персонализированной профессиональной подготовки студентов технических вузов: монография. М: Машиностроение, 2009. 258 с.

16. Курушина С.Е., Кузнецов В.П., Рябинова Е.Н., Черницына Р.Н. Формирование самообразовательных компетентностей студентов при изучении матриц: учебно-методическое пособие, 2-е изд., испр. Самара, 2015. 160 с.

17. Рябинова Е.Н., Бесперстова Е.Н. Организация самообразовательной деятельности студентов технических университетов при изучении векторной алгебры: учебно-методическое пособие, 2-е изд., испр. Самара: «Издательство СамГУПС», 2015. 167 с.

18. Бесперстова Е.Н. Самоконтроль и самооценка как основа успешной самообразовательной деятельности студентов // Вектор науки ТГУ, 2014. № 4 (30) С. 243–248.

19. Рябинова Е.Н., Мазуренко Е.В. Преемственность в формировании геометрических компетенций при изучении математики в вузе // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. 2014. № 4(24). С. 171–178.

20. Рябинова Е.Н., Рудина Т.В. Формирование геометрических компетенций при решении задач по теме «Прямая и плоскость» // Сборник трудов III Международной научной конференции «Геометрия и геометрическое образование в современной средней и высшей школе». Тольятти: ТГУ, 2014. С. 289–293.

21. Рябинова Е.Н., Жукова Т.А., Мазуренко Е.В. Роль математики в формировании мультикультурной компетентности студентов высшей профессиональной школы // Сборник трудов VII Международной научной конференции «Математика. Образование. Культура». Тольятти: ТГУ, 2015. С. 50–52.

22. Рябинова Е.Н., Марченкова Л.А. К вопросу об актуальности формирования вербальных компетенций студентов технических вузов // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия «Психолого-педагогические науки». 2015. № 2(26). С. 163–170.

23. Рябинова Е.Н., Марченкова Л.А. Формирование вербальных компетенций в процессе профессиональной подготовки будущих инженеров // Вектор науки ТГУ. Серия: педагогика, психология. № 4(23). 2015. С. 158–163.

TRAINING AND EDUCATIONAL PROBLEMS SOLVING IN THE STUDY OF MATHEMATICS AT UNIVERSITY

© 2016

V.N. Aniskin, candidate of pedagogical sciences, associate professor,
dean of the Faculty of Mathematics, Physics, and Computer Science
Samara State University of Social Sciences and Education, Samara (Russia)

E.N. Ryabinova, doctor of pedagogical sciences,
professor of the Chair of Higher Mathematics and Applied Computer Science
Samara State Technical University, Samara (Russia)

Abstract. The analysis of federal state educational standards for all steps of existing educational system shows that meta-subject approach in learning and bringing up activity is becoming more urgent. Orientation to the key strategic priority of continuous education such as bringing up activity and forming the ability to study are also urgent. The main types of universal studying activities are analyzed: personal, subject, meta-subject results; usage of learning activity matrix during the process of study. Federal State Educational Standard of basic common education sets the demands to personal, meta-subject and subject results of learning after basic educational program of secondary education. So, according to the succession principle we should develop the competence of the students following these three directions transforming them into educational environment of the university. Thus, meta-subject competence should include ability to use intersubject definitions and universal learning activities performing them at learning, knowledge and social practice. The achievement of meta-subject results is connected with the nature of universal activity. The basis of nature-coordinated education should lie in basic values – and the most important is morality which is formed from the human nature. That is why the standards of the second generation formulate four blocks of universal learning activities: personal, regulative, common knowledge and communicative. According to their nature meta-subject activities are functional-oriented ones and they form the psychological basis and determining condition of subject task solution success. Meta-subject competence development supposes various forms of studying process organization. One of such organization forms can be the business game which can be used as the means of diagnosis and forecast of personal behavior in various situations. Project technology is also aimed to develop wide range of competence and creative abilities and that is why it suggests the integrity of research, searching, problem solving and comparison methods. It has been shown that nowadays the role of each course in meta-subject competence development has been growing rapidly.

Keywords: meta-subject approach; universal learning activity; meta-subject results; knowledge activity; regulative activity; communicative activity; functional-oriented actions; learning activity matrix; speech culture; world outlook mathematical definitions.

ТРУДНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ОРФОГРАФИЧЕСКИХ УМЕНИЙ И НАВЫКОВ У УЧАЩИХСЯ СРЕДНИХ КЛАССОВ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ

© 2016

Н.И. Буковцова, кандидат педагогических наук, доцент кафедры логопедии,
декан факультета психологии и специального образования
Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара (Россия)

Аннотация. В статье изложены теоретические подходы по проблеме усвоения орфографических правил учащимися общеобразовательной школы, даны определения основных понятий (терминов): орфография, навык, орфографический навык, орфографические действия, орфографическая задача, орфографическая зоркость, дисграфия, дизорфография. Описаны виды орфографических умений и навыков, которые формируются в школе: нахождение в слове орфограммы, написание слов с изучаемыми видами орфограмм, графическое выделение орфограммы, нахождение и исправление орфографических ошибок. Выделены условия и показатели успешного формирования у учащихся орфографического навыка: высокий научный уровень преподавания орфографии, связь между формированием орфографических навыков и развитием речи, знание учащимися орфографических правил, знание учащимися схемы применения правил, использование для отработки правил продуманной системы упражнений. Обозначены трудности применения этих правил на письме: трудности в усвоении орфографических правил, обусловленные многообразием правил орфографии, несформированностью мыслительных процессов, низким уровнем мотивации, неумением обрабатывать полученную информацию, и трудности в применении правил орфографии, связанные с постановкой орфографической задачи и ее решением. Описаны ошибки, связанные с неусвоением правил орфографии: ошибки в словах и их значимых частях, ошибки в слитном, раздельном и дефисном написании слов, ошибки в употреблении прописных и строчных букв, ошибки в переносе слов с одной строки на другую. Представлена дифференциальная диагностика специфических ошибок письма. Выделены виды дизорфографии, дана их характеристика. Изложены принципы русской орфографии, с нарушением которых связаны ошибки.

Ключевые слова: орфография; правила орфографии; учащиеся общеобразовательной школы; орфографические умения и навыки; орфографическая зоркость; принципы орфографии; орфографическая задача; нарушение письма; дизорфография; дисграфия; дифференциальная диагностика; специфические ошибки.

Орфография не только представляет собой один из важнейших разделов курса русского языка, но и изучается при освоении всех других разделов школьного курса: фонетики, графики, состава слова и словообразования, лексики, морфологии и синтаксиса. Важную роль среди лингвистических умений и навыков учащихся играют именно орфографические умения и навыки. По определению *С.Л. Рубинштейна*, *навыки* – это «автоматизированные компоненты деятельности, которые входят в ту или иную целенаправленную активность человека как средство достижения этой деятельности» [1, с. 29]. По мере выработки навыка лишние движения и операции отсеиваются, отдельные операции и движения сплетаются в одно действие, сознание переносится на результаты действия, операции (двигательные, интеллектуальные) начинают осуществляться быстрее, улучшается самоконтроль.

Особой разновидностью речевого навыка является орфографический – сложный навык, который создается в процессе длительных упражнений. *Орфографический навык* основывается на более простых навыках и умениях, таких как:

- навык письма;
- умение анализировать слово с фонетической стороны;
- умение устанавливать морфемный состав слова и выделять в слове написание, требующее проверки (орфограмму);
- умение подвести орфограмму под соответствующее ей правило.

В зависимости от характера орфограммы орфографические навыки делятся на две группы:

1) навыки, формируемые на фонетико-словообразовательной основе (правописание корней слов, приставок и суффиксов);

2) навыки, формируемые на морфолого-синтаксической основе (правописание окончаний).

«Формирование орфографических навыков – сложный речемыслительный процесс, в реализации которого большую роль играют мыслительные операции, как на невербальном, так и на вербальном уровне мыслительной деятельности» [2].

Виды орфографических умений и навыков, которые формируются в школе:

- нахождение в слове орфограмм;
- написание слов с изученными видами орфограмм, в том числе слов с непроверяемыми написаниями;
- графическое выделение орфограмм;
- нахождение и исправление орфографических ошибок.

Для формирования у учащихся орфографических навыков необходимы следующие условия:

- высокий научный уровень преподавания орфографии;
- связь между формированием орфографических навыков и развитием речи;
- знание учащимися орфографических правил;
- знание учащимися схемы применения правил (схемы орфографического разбора) и их умение производить орфографический разбор, способствующий применению правил;
- использование для отработки умения применять орфографическое правило продуманной системы упражнений. Упражнения и правильно понятая тре-

нировка – это повторное решение одной и той же задачи. В их процессе орфографическое действие совершенствуется и качественно видоизменяется.

Орфографическое действие – это деятельность пишущего, который намеренно обращается к правилу, так как осознает наличие в слове орфограммы. Подчеркнем, что это сознательное действие, а не навык.

П.С. Жедек выделяет в орфографическом действии две ступени: 1) постановку орфографической задачи (выделение орфограммы); 2) решение орфографической задачи (выбор письменного знака в соответствии с правилом) [3, с. 123–171].

М.Р. Львов называет шесть этапов решения орфографических задач: 1) увидеть орфограмму; 2) определить ее вид; 3) определить способ решения задачи (в зависимости от вида орфограммы); 4) составить алгоритмы решения орфографической задачи; 5) решить задачу, то есть выполнить последовательные действия по алгоритму; 6) написать орфограмму в соответствии с решенной задачей, осуществить самопроверку [4, с. 58].

Решение орфографических задач требует такого качества, как орфографическая зоркость. По определению *М.Р. Львова*, орфографическая зоркость – это способность, умение быстро обнаруживать в тексте, в словах и их сочетаниях орфограммы и определять их типы. Орфографическая зоркость предполагает умение обнаруживать ошибки, допущенные при записи [5, с. 42]. Другими словами, орфографическая зоркость – «это выработанная способность обнаруживать те места в словах, где письменный знак не определяется произношением» [6, с. 130]. Данное умение развивается постепенно, в процессе выполнения разнообразных упражнений, обеспечивающих зрительное, слуховое, артикуляционное, моторное восприятие и запоминание орфографического материала. Зоркость требует развитого внимания: школьник должен видеть все буквы в слове.

Лингвисты, психологи, методисты подчеркивают зависимость результатов обучения орфографии от степени развитости у учащихся способности обнаруживать в словах места, которые нужно писать по правилам [7]. Отсутствие орфографической зоркости или ее слабая развитость, вызванное этим неумение найти в слове орфограмму – одна из наиболее значимых причин орфографических ошибок, что и обуславливает важность этого направления при коррекции дизорфографии.

При формировании орфографической зоркости у учащихся вырабатывается умение применять правила отображения звучащей речи на письме: 1) правила графики, 2) правила орфографии. Нарушение правил первой группы ведет к графическим ошибкам, при которых чаще всего меняется звуковой облик слова. Несоблюдение второй группы правил ведет к нарушению орфографических норм письменной речи.

Показателями успешного формирования орфографического навыка являются:

- увеличивающаяся скорость выполнения обрабатываемых действий;
- повышение их качества, точности, согласованности;

– снижение физического и нервного напряжения при их выполнении.

Обучение орфографии – сложный процесс, требующий большого количества времени. Одни учащиеся легко усваивают правила орфографии и легко применяют их на практике (письме). Другие, несмотря на знание правил, допускают множество ошибок. *В настоящее время овладение орфографией, как и письменной речью в целом, является одной из проблем школьного обучения. Это приводит к школьной неуспеваемости, вызывает негативное отношение детей (и родителей) к школе.*

Проблему нарушений письменной речи изучали и изучают *А.Р. Лурия, А.Н. Корнев, Р.И. Лалаева, Р.Е. Левина, Г.Г. Мисаренко, Л.Г. Парамонова, И.В. Прищепова, И.Н. Садовникова* и др. [8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15].

К распространенным нарушениям письменной речи относятся *дисграфия* и *дизорфография*. *Дисграфия* – это частичное специфическое нарушение процесса письма [16, с. 461]. *Дизорфография* определяется как специфическое нарушение письма, проявляющееся в стойкой неспособности приобрести орфографические навыки, несмотря на знание соответствующих правил. У детей с данным нарушением знание правила не является достаточным основанием для орфографически правильного написания. При усвоении правил орфографии у них отмечается ряд трудностей:

1) *трудности в усвоении орфографических правил*, обусловленные:

- многообразием правил орфографии;
- несформированностью мыслительных процессов;
- низким уровнем мотивации к обучению;
- неумением обрабатывать полученную информацию;

2) *трудности в применении правил орфографии*, связанные:

- с постановкой орфографической задачи (выделением орфограммы);
- с ее решением (выбором графического знака в соответствии с правилом).

Дисграфия и *дизорфография* взаимосвязаны и имеют в своей основе единый механизм – недоразвитие ряда речевых и неречевых компонентов процесса письма. Причиной указанных нарушений может быть *несформированность таких неречевых психических функций*, как:

- операционные компоненты словесно-логического мышления (анализ, синтез, сравнение, отвлечение, абстрагирование, классификация, систематизация);
- речеслуховая память;
- неустойчивость внимания (недостаточность его концентрации);
- трудности переключения с одного вида деятельности на другой;
- трудности выработки алгоритма действий при применении орфографического правила.

В основе дисграфии и дизорфографии может лежать *недостаточный уровень развития речевых функций*:

- низкая познавательная активность к языковому оформлению речи,

- ограниченный объем и недостаточность актуализации словаря,
- неумение сравнивать звуковые единицы речи,
- неумение дифференцировать лексическое и грамматическое значение слов,
- несформированность морфологических обобщений,
- низкий уровень усвоения грамматических закономерностей;
- недостаточные навыки оперирования грамматическими категориями (такими как род, склонение, спряжение и др.);
- нарушение языкового анализа и синтеза (фонематического, слогового, уровня предложения);
- трудности при определении ударного слога и ударного гласного в слове.

У учащихся с дисграфией и дизорфографией отмечается большое количество стойких специфических ошибок при чтении и письме.

Представим симптоматику данных нарушений.

При *дисграфии* наблюдаются следующие группы ошибок:

- 1) искаженное написание букв;
- 2) замены букв: графически сходных (например, *л* – *м*); обозначающих фонетически сходные звуки (например, *д* – *т*);
- 3) искажения звукобуквенной структуры слова: перестановки, пропуски, добавления, персеверации, контаминации букв, слогов, например, *весна* – *весена (здесь и далее звездочкой отмечается ошибочное написание), *страна* – *стана, *клубок* – *кулбок;
- 4) искажения структуры предложения: раздельное написание слова, слитное написание слов, контаминация слов, например: *Из теплых стран летят грачи* – **Истеплых странлетя грачи*;
- 5) аграмматизмы на письме, например: *много карандашей* – *много карандашов, *нет ключей* – *нет ключов.

Симптоматика дизорфографии у школьников средних классов носит полиморфный характер. Ее типичные проявления таковы:

- нечеткое владение учебной терминологией и формулирование правил правописания;
- трудности усвоения и применения правил правописания (в особенности морфологического принципа).

При *дизорфографии* наблюдаются следующие типы ошибок:

- 1) ошибки в словах и их значимых частях (морфемах);
- 2) ошибки в слитном, раздельном и дефисном написании слов;
- 3) ошибки в употреблении прописных и строчных букв;
- 4) ошибки в переносе слов с одной строки на другую.

Дизорфография может проявляться как изолированно, так и в структуре сложного дефекта (ОНР, НОНР, в сочетании с дисграфией, дислексией).

Наибольшее количество ошибок учащиеся допускают в самостоятельных видах письма (изложениях, сочинениях, письменных рассказах по картинке). У

детей с таким речевым нарушением самопроверка не дает положительных результатов.

Дифференциация дисграфических и дизорфографических ошибок является сложным процессом. При ее осуществлении учитывается характер ошибок, допускаемых учащимися.

В основе современной *русской орфографии* лежат *три принципа – морфологический (фонематический), фонетический и традиционный*.

Морфологический принцип предписывает обозначать одинаковым способом позиционно чередующиеся фонемы; при этом сохраняется графическое единообразие морфемы. Это достигается тем, что на письме не отражаются позиционные чередования гласных и согласных фонем, то есть фонемы, находящиеся в слабых позициях, обозначаются теми же буквами, что и в сильных (*сказать – рассказ, сказка*).

Фонетический принцип имеет место тогда, когда на письме специально отражаются позиционные чередования фонем, то есть фонемы слабых позиций обозначаются буквами на основе прямого соответствия: фонема – адекватная ей буква. В русском письме на нем основаны единичные орфограммы: правописание приставок на *-з*; корней и приставок, начинающихся с [и] и находящихся после приставок, которые заканчиваются твердыми согласными (например, *подыграть, предыдущий*), и нек. др. От фонетических орфограмм следует отличать написания по произношению, где у пишущего нет выбора букв, так как все фонемы находятся в сильных позициях (*сон, трон, рука*).

При *традиционном принципе* орфографии фонемы, находящиеся в слабых позициях, обозначаются одной из ряда букв, фонологически возможных для обозначения данной фонемы (*собака, мираж*). Выбор букв при этом осуществляется не на основе проверки сильной позицией, а на основе этимологии и традиции.

Дисграфия чаще всего связывается с нарушениями фонетического принципа письма. Ученики с этим нарушением затрудняются в записи даже тех слов, где фонемы находятся в сильных позициях. Возникновение дисграфических ошибок связано с нечетким различением фонем, неумением осуществлять операции фонематического, слогового анализа и синтеза и анализа предложений на слова, несформированностью навыков словообразования и словоизменения.

При *дизорфографии* дети знают формулировки изученных орфографических правил, но затрудняются в применении их на практике. Ученики не могут обнаружить в тексте орфограммы, то есть те случаи, где возможны два или более разных написания, а также подобрать форму слова, которая явилась бы проверочной (если это предписано правилом). Дело в том, что морфологический принцип орфографии опирается не только на теоретические знания учащегося, но и на фонетические, морфологические, синтаксические обобщения, речевые умения в области фонетики, грамматики, словообразования, семантики [17, с. 50]. Написание слов на основе морфологического принципа предполагает сформированность синтаксических обобщений, умений устанавливать связи в словосочетаниях и предложениях. Трудности применения данного принципа связаны с бедностью словаря,

неумением отделить звуковую сторону слова от смысловой, проанализировать звуковой состав слова, выделить в слове морфемы [18, с. 24–30].

Наиболее типичные дисграфические и дизорфографические ошибки, связанные с орфографическими правилами, изучаемыми в 5–6 классах, представлены в таблицах 1 и 2.

Таким образом, проводя дифференциальную характеристику дисграфии и дизорфографии, можно предположить, что в обоих случаях основой трудностей является несформированность метаязыковых навыков. При этом неполноценность фонематического анализа приводит к дисграфии, а несформированность морфологического анализа – к дизорфографии [19].

Таблица 1 – Дисграфические ошибки

Ошибки	Примеры
1. Неправильное обозначение мягкости согласных с помощью гласных букв и – ы	<i>лиса</i> – * <i>лыса</i> , <i>киса</i> – * <i>кыса</i> , <i>миска</i> – * <i>мыска</i> , <i>налил</i> – * <i>налыл</i> , <i>копил</i> – * <i>копыл</i>
2. Неправильное обозначение мягкости согласных букв на письме с помощью буквы ь	<i>кость</i> – * <i>кост</i> , <i>мысль</i> – * <i>мысл</i> , <i>пень</i> – * <i>пен</i> , <i>звоздь</i> – * <i>звозд</i>
3. Замена и смешение парных звонких и глухих согласных (<i>б – п, в – ф, г – к, д – т, з – с, ж – ш</i>) в сильной позиции	<i>салют</i> – * <i>залют</i> , <i>тетерев</i> – * <i>дедереv</i> , <i>дом</i> – * <i>том</i> , <i>палка</i> – * <i>балка</i> , <i>кость</i> – * <i>гость</i> , <i>принесла</i> – * <i>бринесла</i> , <i>прилетела</i> – * <i>брилетела</i> , <i>испугались</i> – * <i>исбугались</i> , <i>пришла</i> – * <i>бришла</i>
4. Пропуски согласных букв	<i>багровый</i> – * <i>баровый</i> , <i>банка</i> – * <i>бака</i> , <i>ветряной</i> – * <i>веряной</i> , <i>возраст</i> – * <i>вораст</i> , <i>снег</i> – * <i>сег</i> , <i>спуск</i> – * <i>спук</i>
5. Вставки гласных между согласными	<i>вдруг</i> – * <i>видруг</i> , <i>езде</i> – * <i>везиде</i> , <i>взгорье</i> – * <i>визгорье</i> , <i>гранат</i> – * <i>гиранат</i> , <i>светофор</i> – * <i>сиветофор</i> , <i>сметана</i> – * <i>симетана</i>
6. Замены гласных букв, сходных оптически и кинетически (например, <i>о – а, и – ы</i>)	<i>встали</i> – * <i>встоли</i> , <i>стол</i> – * <i>стал</i> , <i>ослик</i> – * <i>аслик</i> , <i>молоко</i> – * <i>малако</i> , <i>писали</i> – * <i>пысали</i> , <i>сигнал</i> – * <i>сыгнал</i> , <i>пирог</i> – * <i>пырог</i>
7. Замены и смешения оптически сходных согласных букв: <i>б – д, п – т, у – и, ш – щ, л – м</i>	<i>будка</i> – * <i>дудка</i> , <i>поток</i> – * <i>топок</i> , <i>шапка</i> – * <i>щапка</i> , <i>лампа</i> – * <i>мампa</i>
8. Замена и смешение свистящих и шипящих <i>с – ш, з – ж, ч – щ, ц – с</i>	<i>сапог</i> – * <i>шапог</i> , <i>зуб</i> – * <i>жуб</i> , <i>чашка</i> – * <i>щашка</i> , <i>цапля</i> – * <i>сапля</i>
9. Замена и смешение гласных первого – второго ряда при обозначении мягкости согласных (<i>а – я, о – ё, у – ю, э – е, ы – и</i>), а также пары <i>ё – ю</i>	<i>гулять</i> – * <i>гулать</i> , <i>купить</i> – * <i>кюпить</i>
10. Слитное написание предлогов, союзов, двух и более слов в предложении	<i>из дома вышел</i> – * <i>издома вышел</i> , <i>в сад пришла весна</i> – * <i>всад прии лавесна</i>
11. Неправильное согласование	<i>солнечное утро</i> – * <i>солнечная утро</i> , <i>зимняя погода</i> – * <i>зимнее погода</i>

Таблица 2 – Дизорфографические ошибки

Орфографические правила	Дизорфографические ошибки
1. Правописание согласных в корне слова	<i>пирог</i> – * <i>пирок</i> , <i>варежка</i> – * <i>варешка</i> , <i>салазки</i> – * <i>саласки</i> , <i>жидкий</i> – * <i>житкий</i> , <i>ловкий</i> – * <i>лофкий</i> , <i>низкий</i> – * <i>ниский</i> , <i>редкий</i> – * <i>реткий</i> , <i>робкий</i> – * <i>ропкий</i> .
2. Правописание приставок на з- (с-): <i>без-, воз- (вз-), из-, низ-, раз-, чрез- (через-)</i>	<i>разбег</i> – * <i>расбег</i> , <i>разглядеть</i> – * <i>расглядеть</i> , <i>вздохнуть</i> – * <i>всдохнуть</i> , <i>безбрежный</i> – * <i>бесбрежный</i> , <i>изморозь</i> – * <i>исморось</i> , <i>восклицание</i> – * <i>возклицание</i> .
3. Правописание суффиксов существительных, обозначающих людей по роду их занятий или действий	<i>грузчик</i> – * <i>грусчик</i> , <i>каменищик</i> – * <i>каменчик</i> .
4. Правописание сочетаний <i>-чк-, -чн-, -щн-</i>	<i>сказочка</i> – * <i>сказочька</i> , <i>ночного</i> – * <i>ночьного</i> , <i>мощный</i> – * <i>моцьный</i> .
5. Употребление буквы ь после шипящих <i>ж, ч, ш, щ</i>	• в именах существительных женского рода; <i>речь</i> – * <i>реч</i> , <i>тишь</i> – * <i>тиш</i> , <i>рожь</i> – * <i>рожь</i> ; • в именах существительных мужского рода; <i>шалаш</i> – * <i>шалаш</i> , <i>товарищ</i> – * <i>товарищ</i> , <i>ключ</i> – * <i>ключ</i> , <i>врач</i> – * <i>врач</i> , <i>чертеж</i> – * <i>чертеж</i> , <i>мальш</i> – * <i>мальш</i> ;

• во 2 лице единственного числа глаголов настоящего и будущего времени.	<i>несешь – *несеиш», везешь – *везеиш, берешь – *береиш, водишь – *водиши, сделаешь – *сделаеиш, толкнешь – *толкнеиш.</i>
6. Правописание жи – ши, ча – ща, чу – щу.	<i>жизнь – *жызнь, широкий – *шырокий, щавель – *щавель, начальный – *начальный, стучать – *стучать, пицать – *пицять, чужой – *чюжой, чудеса – *чюдеса.</i>
7. Буквы и – ы после ц:	
• в окончаниях слов;	<i>борцы – *борци, улицы – *улицы;</i>
• в суффиксе -ын-;	<i>сестрицын – *сестрицин;</i>
• в корнях, в словах-исключениях цыган, цыц, на цыпочках, цыпленок.	<i>циркуль – *цыркуль, цыган – *циган, *на ципочках</i>
8. Правописание непроизносимых согласных	<i>окрестность – *окресность, чувства – *чувства, поздний – *позний, радостный – *радосный, словесный – *словестный</i>
9. Правописание двойных согласных:	
• в корнях;	<i>российский – *росийский;</i>
• на стыке приставки и корня;	<i>беспорный – *беспорный;</i>
• на стыке корня и суффикса.	<i>матросский – *матроский.</i>
10. Правописание безударных гласных в корне	<i>воды – *вада, трава – *трова</i>
11. Правописание приставок о-, до-, за-, на-, над-, об-, от-, по-, под-	<i>доскакал – *даскакал, отбежал – *одбежал</i>
12. Правописание о – а в приставках раз- (рас-), роз- (рос-)	<i>расписка – *рописка</i>
13. Буквы о – а в корнях -лаг- /-лож-	<i>положить – *полажить», слагаемое – *слогаемое</i>
14. Буквы о – а в корнях -раст- /-рос-	<i>растение – *ростение, росли – *расли</i>
15. Буквы о – а в корнях -кас- /-кос-	<i>касаться – *косаться, прикосновение – *прикасновение</i>
16. Буквы о – а в корнях зар- /-зор-	<i>заря – *зоря, зори – *зари</i>
17. Раздельное написание предлогов с другими словами	<i>на улице – *наулице, под окном – *подокном</i>
18. Буквы о – ё после шипящих	<i>жёлудь – *жолудь, шёпот – *шопот</i>

Таблица 3 – Принципы русской орфографии, с нарушением которых связаны ошибки, допускаемые при морфологической дизорфографии

Орфограмма	Принцип орфографии
1. Проверяемые безударные гласные в корне слова	Морфологический
2. Проверяемые парные согласные в слабой позиции	Морфологический
3. Разделительный Ъ	Морфологический
4. Различение приставок и предлогов	Морфологический
5. Непроизносимые согласные	Морфологический
6. Употребление Ъ на конце имен существительных после шипящих	Морфологический
7. Правописание приставок имен существительных и имен прилагательных	Морфологический
8. НЕ с глаголами	Морфологический
9. Правописание суффиксов	Морфологический
10. Буквы о и е после шипящих и ц в окончаниях имен существительных и прилагательных	Морфологический
11. Безударные гласные в окончаниях имен прилагательных	Морфологический
12. Безударные личные окончания глаголов настоящего и будущего времени	Морфологический
13. Ъ после шипящих в окончаниях глаголов 2 лица ед. числа	Морфологический
14. -ТСЯ и -ТЬСЯ в глаголах	Морфологический
15. Непроверяемые гласные в корне слова	Традиционный
16. Непроверяемые звонкие и глухие согласные в корне слова	Традиционный
17. Буквы и, у, а после шипящих (сочетания жи–ши, ча–ща, чу– щу)	Традиционный
18. Сочетания чк, чн, ниц	Традиционный
19. Написание слов с удвоенными согласными	Традиционный

Синтаксическая дизорфография сопровождается большим количеством ошибок в грамматическом анализе предложения (в выделении словосочетания из предложения, в нахождении грамматической основы предложения, в различении главных и второстепенных членов предложения, в разграничении

слов автора и прямой речи и др.) и, как следствие, пунктуационных ошибок (неправильная постановка тире между подлежащим и сказуемым, знаков препинания в предложениях с однородными членами, знаков препинания в предложениях с прямой речью и др.).

При *смешанной дизорфографии* наблюдается сочетание орфографических и пунктуационных ошибок.

Р.И. Лалаева и И.В. Прищепова различают *три вида дизорфографии* по степени ее выраженности:

– тяжелую (уровень выполнения заданий низкий и ниже среднего);

– среднюю (большинство заданий выполняется на среднем уровне);

– легкую (более половины упражнений выполняется на уровне выше среднего и лишь отдельные – на среднем и высоком уровне) [20, с. 2].

Таким образом, учащиеся с дизорфографией принадлежат к той категории, которые особенно нуждаются в коррекционно-педагогической помощи, без которой они не только испытывают затруднения в процессе обучения, но и зачастую оказываются в числе неуспевающих по всем предметам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: В 2-х т. Т. II. М.: Педагогика, 1989.

2. Прищепова И.В. К вопросу о дизорфографии у учеников младших классов общеобразовательной школы, имеющих нарушение письменной речи [Электронный ресурс] // Патология речи: история изучения, диагностика, преодоление. СПб., 1992. – http://pedlib.ru/Books/2/0004/2_0004-1.shtml.

3. Жедек П.С. Методика обучения орфографии // Теоретические основы обучения русскому языку в начальных классах / под ред. М.С. Соловейчик. М.: Просвещение, 1992. С. 123–171.

4. Львов М.Р. Правописание в начальных классах. М.: Просвещение, 1990.

5. Львов М.Р. Основы обучения правописанию в начальной школе. М.: Прометей, 1988.

6. Русский язык в начальных классах: теория и практика обучения. М.: Просвещение, 1993.

7. Радионова Н.В. Формирование навыков правописания орфограмм в начальных классах [Электронный ресурс] // Сборник докладов 14-го Всероссийского Интернет-педсовета. – <http://infourok.ru/formirovaniye-navikov-pravopisaniya-ortogramm-v-nachalni>.

8. Лурия А.Р. Психологическое содержание процесса письма // Хрестоматия по логопедии: В 2-х т. Т. II / под ред. Л.С. Волковой и В.И. Селиверстова. М.: ВЛАДОС, 1997. С. 326–333.

9. Корнев А.Н. Нарушения чтения и письма у детей. СПб.: ИД «МиМ», 1997.

10. Лалаева Р.И. Логопедическая работа в коррекционных классах. М.: Владос, 2001.

11. Левина Р.Е. О генезе нарушений письма у детей с общим недоразвитием речи // Логопедия сегодня. 2009. № 3(25). С. 5–9.

12. Мисаренко Г.Г. Технология проведения орфографического диктанта // Начальная школа. 2005. № 11. С. 29–33.

13. Парамонова Л.Г. Как подготовить дошкольника к овладению грамотным письмом. Профилактика дизорфографии. СПб.: Детство-Пресс, 2008.

14. Прищепова И.В. К вопросу о дизорфографии у учеников младших классов общеобразовательной школы, имеющих нарушения речи // Патология речи: история изучения, диагностика, преодоление. СПб.: Образование, 1992. С. 124–131.

15. Садовникова И.Н. Нарушения письменной речи и их преодоление у младших школьников. М.: ВЛАДОС, 1997.

16. Логопедия: учебник для студентов дефектологических факультетов педагогических вузов / под ред. Л.С. Волковой, С.Н. Шаховской. М.: ВЛАДОС, 1998.

17. Азова О.И. Дизорфография: монография. М.: ТЦ Сфера, 2015.

18. Буковцова Н.И., Хомутская Е.Ю. Дифференциация дисграфий и дизорфографий // Детская речь: норма и патология: Научные труды регионального научно-практического семинара. Самара, 2008. С. 24–30.

19. Добровская Е.Н. Проявление дизорфографии у учащихся общеобразовательной и специальной школ [Электронный ресурс] // http://pedsovet.org/components/com_mtree/attachment.php?link_id.

20. Лалаева Р.И., Прищепова И.В. Выявление дизорфографии у младших школьников. СПб.: СПбГУПМ, 1999.

DIFFICULTIES OF DEVELOPING SECONDARY SCHOOL STUDENTS' SPELLING SKILLS

© 2016

N.I. Bukovtsova, candidate of pedagogical sciences, associate professor
of the Chair of Speech and Language Therapy, dean of the Faculty of Psychology and Special Education
Samara State University of Social Sciences and Education, Samara (Russia)

Abstract. The paper presents theoretical approaches to secondary school students' spelling rule acquisition. It defines the main terms: spelling, skill, spelling skill, spelling activities, spelling task, spelling observation and control skill, dysgraphia, dysorthography. The author describes types of spelling skills developed at school: finding parts of words spelt according to the spelling rules, spelling words according to the rules, graphic marking of difficult spelling, finding and correcting spelling mistakes. The paper reveals conditions and criteria of successful school students' spelling skills development: high scientific level of teaching spelling, correlation of spelling skills and speech development, knowledge of spelling rules and the scheme of their application, a thoroughly developed system of exercises to practice the rules. The author focuses on difficulties of using these rules in writing: difficulties of spelling rules acquisition caused by spelling rules variety, poor formedness of cognition, low motivation level, inability to process information and difficulties in applying spelling rules related to spelling task setting and its solution.

The author describes mistakes caused by poor spelling rules acquisition such as mistakes in words and their significant parts, mistakes in cursive, separate and hyphenate word spelling, mistakes in capital and small letter usage, mistakes in word break. Differential diagnostics of specific spelling mistakes is presented. The types of dysorthography

and their characteristics are defined. The paper lists the principles of Russian spelling the breach of which results in mistakes.

Keywords: spelling; spelling rules; secondary school students; spelling skills; spelling observation and control skills; spelling principles; spelling task; dysorthography; dysgraphia; differential diagnostics; specific mistakes.

УДК 37.035.6

ПРОБЛЕМА ВОСПИТАНИЯ ПАТРИОТИЗМА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

© 2016

Н.И. Верещагина, учитель истории и обществознания

*Средняя общеобразовательная школа №2 с углубленным изучением отдельных предметов
п.г.т. Усть-Кинельский г.о. Кинель Самарской области, Кинель (Россия)*

Аннотация. В статье обосновывается актуальность проблемы патриотического воспитания учащихся и акцентируется необходимость формирования патриотической культуры школьников. Понятие «патриотизм» является базовым компонентом для формирования патриотической культуры школьников. Критическое осмысление научного знания о патриотизме, методов и приемов его воспитания приводит к пониманию того, что система деятельности в области патриотического воспитания требует изменения на основе воспитания духовных ценностей и разработки концепции формирования патриотической культуры школьников. Центральным элементом воспитания патриотизма, как основы патриотической культуры, является философская теория ценностей. В современных государственных программах и документах подчеркивается, что патриотизм является одной из непреходящих, неискоренимых ценностей. Воспитание нравственно-ориентированной личности, которой присущи патриотизм, ответственность и другие качества – одна из основных задач государственной политики в области образования на современном этапе развития общества. Современные школьники, будущие граждане России, должны быть готовы к противостоянию глобальным вызовам современной эпохи, должны стать высоконравственными, творческими, компетентными гражданами России, осознающими ответственность за настоящее и будущее своей страны. Анализ научно-педагогической литературы показывает, что научное сообщество обращается к проблеме воспитания патриотизма при решении исторически назревших задач развития общества, в периоды социальных кризисов. Ученые, общественные деятели разных эпох единодушны в том, что патриотизм, это, во-первых, любовь к Родине, во-вторых, деятельность, направленная на благо Отечества, на защиту его интересов, готовность к служению Отечеству.

Ключевые слова: патриотизм; патриотическая культура; патриотическое воспитание; ценность; Отечество; любовь к Родине; генезис развития представлений о патриотизме; патриот; школьник; воспитание; противоречия в воспитании патриотизма; отечественная педагогическая мысль.

Исследование проблемы воспитания патриотизма у подрастающего поколения имеет давнюю традицию в истории отечественной педагогической мысли. Накоплен теоретический и эмпирический материал, необходимый для уяснения сущности и содержания понятия «патриотизм», способах его воспитания у подрастающего поколения. Между тем, мы обращаемся к проблеме формирования патриотической культуры школьников среднего звена в общеобразовательном учреждении. Решению проблемы формирования патриотической культуры способствует изучение генезиса научных представлений о патриотизме в истории отечественной педагогической мысли.

Российские ученые и педагоги такие, как А.В. Азарова [1], А.И. Мурзин [2], И.Л. Нестерович [3], С.Н. Филипченко [4] и другие прослеживают генезис развития патриотизма как общественного явления, который берет начало «от любви и уважения к семье, к месту рождения и жительства, общине, соотечественникам и, продолжая развиваться, доходит до государственного патриотизма – любви к государству» [3, с. 65].

Ученые отмечают, что представления о патриотизме, складывающиеся в сознании людей, берут начало в устном народном творчестве, в былинах, преданиях Древней Руси. В былинах об Илье Муромце и других богатырях [5], в «Повести временных лет» [6,

с. 28–91], «Слове о полку Игореве» [7] и других памятниках древнерусской литературы воспевались чувства любви к Родине, ответственность народа за судьбу родной земли, борьба за ее свободу.

Среди древнерусских источников XI–XIV веков ученые выделяют такие, как: «Слово о Законе и Благодати» Илариона [8, с. 153–154], «Поучения Владимира Мономаха» [9, с. 164–168], «Задонщину» [10], «Сказание о Мамаевом побоище» [11], где содержатся идеи о необходимости защиты родной земли, воспиты патриотические чувства, отвага, храбрость народа.

В XVII–XVIII веках, в период оформления государственного аппарата, патриотизм, как общественное явление, «перетекает от понятия любви и уважения к семье, общине, племени в понятие любви к родине как государству, его защиты и сохранения предшествующих ценностей, в котором доминировала составляющая защиты от внешнего врага» [3, с. 66].

М.В. Ломоносов в «Кратком руководстве к красноречию» [12] сформулировал задачи воспитания сознательных людей, общественных деятелей, способных отстаивать интересы государства и, как утверждает Н.А. Абрамова, рассматривал природу человека иерархически, называя чувственную, эгоистическую – «нижней», а духовную, патриотическую – «высшей» [13, с. 17].

Вопросами воспитания патриотических и гражданских чувств занимались многие общественные деятели XVIII–XIX вв.: А.Н. Радищев, Н.М. Карамзин, В.Г. Белинский, Н.А. Добролюбов, Н.Г. Чернышевский, К.Д. Ушинский и другие.

А.Н. Радищев придавал большое значение в воспитании «истинного сына Отечества» процессу овладения знаниями, умственному развитию. Он считал, что у человека-патриота, должно быть, прежде всего, «почитание своей совести». Патриот «не страшится трудностей, преодолевает все препятствия, неустомимо бдит над сохранением честности, не страшится пожертвовать жизнью, если же она нужна для Отечества...» [14, с. 66].

Н.М. Карамзин писал о гуманистической сущности патриотизма. Личное счастье человека, по мнению мыслителя, соединено с его обязанностями, собственное благо взаимосвязано с благом Отечества: «...мы должны любить пользу Отечества, ибо с нею связана наша собственная, его просвещение окружает нас самих многими удовольствиями в жизни, что его тишина и добродетели служат щитом семейственных наслаждений, что слава его есть наша слава...» [15, с. 93]. Историк в статье «О любви к отечеству и народной гордости» выделил три вида любви к Отечеству: физическую, нравственную, политическую. Физическая любовь означает, по Н.М. Карамзину, привязанность человека к месту его рождения и жизни. Нравственная любовь основана на симпатии к окружающим людям и обществу. Политическая любовь человека основана на патриотическом чувстве, требует рассуждения и осознания [16, с. 280–282].

Анализ идей В.Г. Белинского показывает, что патриотизм – это, в первую очередь, активная, действенная любовь к своему Отечеству, проявляющаяся не в любовании Отечеством, а в его усовершенствовании, развитии. В письме к Н.В. Гоголю В.Г. Белинский писал, что для развития России нужно «пробуждение в народе чувства человеческого достоинства» [17, с. 213]. Чувства достоинства, стремление к активным действиям надо воспитывать, возбуждать. Согласно В.Г. Белинскому, воспитание – это «великое дело», благодаря которому решается участь человека, «молодые поколения суть гости настоящего времени и хозяева будущего, орудием и посредником воспитания должна быть любовь, а целью – человечность» [Цит. по: 18, с. 54].

Заслуживает внимания идея Н.А. Добролюбова о том, что становление чувства патриотизма у человека происходит постепенно, по мере его взросления и развития. Патриотизм в первом проявлении есть «пристрастие к родным полям, местам, где живет человек». Затем патриотизм включает исторические и гражданственные понятия: «Продолжая развиваться, человек различает хорошие и дурные стороны в предмете, в результате чего происходит отрешение от предрассудков местности и увлечение только тем, что составляет общие государственные и народные черты» [19, с. 384–385]. Взгляды идей Н.А. Добролюбова совпадают со взглядами Н.М. Карамзина. У Н.М. Карамзина пристрастие к месту рождения, «любовь ко благу и славе Отечества и желание способствовать им во всех отношениях» присутствуют у человека одновременно, а не являются этапами развития патрио-

тизма как у Н.А. Добролюбова. Мыслитель утверждал, что патриотизм в общем виде «есть одно из проявлений любви человека к человечеству» [19, с. 382], что сближает его мысли с идеями В.Г. Белинского о связи патриотизма с человечностью. И Н.А. Добролюбов, и В.Г. Белинский рассматривали патриотизм как деятельность, направленная на благо Отечества. Отметим, что Н.А. Добролюбов предостерегал от «псевдопатриотизма», который подразумевается как «человеконенавидение» и выражается «бестолковой воинственностью, желанием резать и бить неприятелей во славу Отечества, между тем, как воинственный мальчишка и не понимает еще, что такое Отечество и кто его неприятели» [19, с. 388].

Развивая идеи предшественников о воспитании патриотизма, Н.Г. Чернышевский обосновывал мысль о том, что деятельность на благо Отечества есть критерий социальной зрелости человека: «Историческое значение каждого русского великого человека измеряется его заслугами Родине, его человеческое достоинство силою его патриотизма» [20, с. 576]. Н.Г. Чернышевский придавал большое значение воспитанию чувства национальной гордости гражданина.

К.Д. Ушинский разработал идеи нравственного воспитания человека-патриота. Воспитывать молодое поколение в духе народности – это значит воспитывать у молодежи чувство любви к Родине, готовность отдать свои силы на служение всему народу. Интересной является мысль К.Д. Ушинского о том, что патриотизм проявляется не только в борьбе с врагами отчизны, но и в способности самостоятельно высказывать свое мнение. К.Д. Ушинский писал, что «выражением патриотизма являются и те проявления любви к Родине, которые выражаются не в одних битвах с внешними врагами: высказать смелое слово истины бывает иногда гораздо опаснее, чем подставить лоб под вражескую пулю» [21, с. 52]. Педагог подчеркивал, что «благороднейшие стремления человеческого сердца – подвиги великодушия, патриотизма, любви к человечеству не создаются сами по себе, а требуют воспитания...» [22, с. 217]. К.Н. Ушинский утверждал, что определяющим в воспитании патриотов является культура, быт, история, традиции, язык народа, т.е. «воспитание должно быть народным» [23]. В статье «О пользе педагогической литературы» автор указывал на пороки, негативные качества человека, то, что и в настоящее время наносит вред формированию высоконравственной личности: «Жажда денег, неверие в добро, отсутствие нравственных правил, презрение к мысли, равнодушие к общественному благу, снисходительность к нарушению законов чести – вот враги воспитания, с которыми оно призвано бороться» [Цит. по: 18, с. 17].

В.И. Вернадский обратил внимание на то, что для воспитания личности крайне важно использовать примеры и ситуации из реальной жизни, учить анализу, знакомить воспитанников с местным краеведческим материалом. Он писал в конце XIX века: «Мне кажется, должно быть аксиомой: воспитание человека может быть основано только на связи с изучением жизни, идей, истории человека» [24, с. 144].

Патриотизм как любовь к государству оставался «незыблемой, необсуждаемой и истинной основой до Гражданской войны 1918–1922 гг., когда патриотизм

стал четко делиться по классовому признаку» [3, с. 66]. С приходом к власти большевиков понятие «патриотизм» претерпело значительную трансформацию, трактовалось в духе марксистско-ленинской идеологии. Большевики называли патриотами тех, кто разделял классовые интересы и политические устремления пролетариата.

Н.К. Крупская ввела понятие «военное воспитание», доказывала, что патриотизм должен воспитываться «с молоком матери» и продолжаться всю жизнь [25]. Военно-патриотическое воспитание обуславливалось исторической необходимостью защиты первого в мире социалистического государства.

А.С. Макаренко отмечал, что патриотизм проявляется не только в героических поступках [26]. От настоящего патриота требуется не только «героическая вспышка», но и, как пишет Н.А. Абрамова, опираясь на мысль А.С. Макаренко, «длительная, мучительная, нажимная работа, часто даже очень тяжелая, неинтересная, грязная» [Цит. по: 13, с. 23]. Главным мерилом патриотических убеждений советский педагог считал личный и совместный труд, вклад каждого в общий труд. Советская школа должна воспитывать коллективистов, квалифицированных работников. Он отмечал, что патриотическое поведение – это не просто добросовестное выполнение обязанностей, а непоколебимое стремление человека к выполнению важного дела для Родины, сознательно борющегося за укрепление могущества Родины.

А.В. Луначарский говорил о воспитании коллективизма, подчинении личных интересов общественным. В работе «Воспитательные задачи советской школы» он отмечал: «Мы хотим воспитать человека, который был бы коллективистом нашего времени, который жил бы общественной жизнью гораздо больше, чем личными интересами» [Цит. по: 18, с. 13].

Осмысление идей советских педагогов эпохи социалистического строительства, индустриализации, коллективизации приводит к тому, что патриотизм, наряду с классовым (крестьянско-пролетарским) подходом, характеризовался системой патриотического воспитания юношества на основе идеологических ценностей марксизма-ленинизма: общие, коллективные интересы ставились выше личных, ценился труд во имя светлого будущего, строительства коммунизма. Над формированием патриотизма работала вся идеологическая машина государства. В условиях советской общественной системы, как подчеркивает С.Н. Филипченко, патриотизм выступал в качестве «важнейшей педагогической основы, главным направлением воспитания подрастающего поколения» [4, с. 130].

Патриотизм в советской педагогической науке понимался как чувство любви советского человека к социалистической Родине и Коммунистической партии, как преданность социализму и коммунизму, пролетарскому интернационализму. Проблема воспитания патриотизма подрастающего поколения в СССР была тесно связана с военно-патриотическим воспитанием, а также воспитанием чувства пролетарского интернационализма.

Во время Великой Отечественной войны советский народ проявил патриотизм в истинном смысле этого слова. Народ сплотила совместная борьба за

свободу, жизнь, защиту семьи и Родины от фашистских захватчиков. Патриотизм, мужество и героизм соотечественников стали источниками Великой Победы.

И.Л. Нестерович считает, что «кризис патриотизма, составной части мировоззрения и идеологии», наметился с шестидесятых годов XX века и главной причиной, по мнению автора, было то, что «из понятия патриотизма была выхолощена главная основа, стрежень патриотизма – духовность» [3, с. 67].

Следует отметить, что в теорию патриотического воспитания в советский период большой вклад внес В.А. Сухомлинский. В его произведениях «Сердце отдаю детям» [27], «Рождение гражданина» [28], «Мудрая власть коллектива» [29], рассмотрена система работы учителей по патриотическому воспитанию школьников, которая представляет значимость и сегодня. Определяя советский патриотизм как «благородную любовь советского народа к своему социалистическому отечеству» педагог подчеркивал, что одной из главных воспитательных задач школы является подготовка учащихся к простому, будничному, повседневному труду для общества, к патриотической деятельности, причем сама деятельность включает готовность защищать свою социалистическую Родину, трудовой энтузиазм, любовь к свободе, борьбу за мир» [30]. В статье «Родительская педагогика» автор рассуждал о том, что воспитание человека, «хорошего гражданина, труженика» требует «благородной, универсальной» работы, умственного труда, что «творение человека – это высшее напряжение всех духовных сил» [Цит. по: 18, с. 25].

Несмотря на то, что в советский период существовала система жесткой централизации, патриотическое воспитание входило в состав коммунистического, направленность которого ограничивалось рамками строгих указаний вышестоящего руководства, сковывало творческий подход, однако продолжалось научно-педагогическое осмысление боевого опыта, обобщение огромного объема фактологического материала военных лет. В шестидесятые-восьмидесятые годы XX века проходили исследования в теории и практике военно-патриотического воспитания, в подготовке учащихся общеобразовательных школ и ПТУ к службе в армии такими учеными, как А.Н. Выршиковым [31], Н.А. Белоусовым [32], В.Ф. Шатровым [33] и другими.

Многое в понимании патриотизма учеными советского периода заслуживает критики, например, классовый характер патриотизма, требование защищать интересы коммунистической партии наравне с интересами Родины. Однако, при всем этом, некоторые высказывания того периода, перекликающиеся с исконно русским традиционным пониманием патриотизма, весьма актуальны сегодня. И советские ученые понимали патриотизм как любовь к Родине, работа о развитии и процветании Отечества, дружба народов, укрепление мира. «Патриот – не тот, кто говорит красивые слова о любви к Родине, а тот, кто, видя трудности, нерешенные проблемы, не ноет, не паникует, не носится со своими эгоистическими претензиями, а, засучив рукава, преодолевает преграды» [34, с. 28].

Распад СССР привел не только к краху коммунистической идеологии, как утверждает И.Л. Нестеро-

вич, он «изменил содержание основополагающих принципов патриотизма». Размывание, девальвация духовных ценностей, замена чуждых россиянам западными установками, лозунгами привели к «имитации патриотизма в виде формальных ценностей и лозунгов» [3, с. 66].

В девяностые годы, в первом десятилетии XXI века, начался «процесс поисков истины», который подвел общество к пониманию, что к сегодняшнему дню не найдена идея – ценность, сплотившая общество, и «вокруг которой началось бы формирование соответствующей идеологии. В душах молодежи идеологическая пустота и метания... Юность мечется по стране в поисках духовной определенности, и каждый находит своего кумира» [3, с. 67].

Интерес для данного исследования представляет идея С.Н. Филипченко о необходимости «корреляции государственной идеи в контексте общечеловеческих и национальных ценностей, предполагающих создание такой системы образования, которая обращена в будущее» [4, с. 93].

В девяностые годы были осуществлены исследования А.Н. Вырщикова [31], В.И. Лутовинова [35] и других ученых, которые рассматривали патриотизм не только как конкретно-историческое, но и общественное явление.

Для нашего исследования важны и актуальны идеи В.А. Караковского, способствующие выходу из «идеологической пустоты и метаний», показывающие современному педагогическому сообществу конкретные пути и способы патриотического воспитания молодого поколения. На вопрос «что же делать?», автор приводит рассуждения, которые заслуживают нашего внимания: «Прежде всего, надо отказаться от прокурорского разбирательства прошлого. Историю судить нельзя, ее надо изучать, чтобы на опыте предков обрести мудрость и не повторять их грубых ошибок. Другого Отечества и другой истории у нас не будет... Надо хотя бы в школе прекратить нытье и истерию – это еще никому не помогало, а дешевый эффект обличителя уже перестает поражать воображение. Сегодня нужен спокойный, глубокий совместный поиск истины, который ведут вместе взрослые и дети...» [36, с. 6]. Учитывая положение В.А. Караковского о том, что общая культура – это база для развития культуры политической, считаем, что она является и основой для формирования патриотической культуры. Ученый придавал большое значение воспитанию культуры у школьников с помощью игровых технологий, т.к. воспитание игрой наиболее точно соответствует природе ребенка. «Только не надо играть в мафию, в рэкет и т.д., – предупреждает В.А. Караковский, – речь идет именно о народных играх... Богатейший воспитательный материал дает изучение сказок, легенд, песен детей разных народов, знакомство с детскими праздниками. Самый любимый из них, конечно, Рождество или Новый год. Пусть дети узнают, как его встречают в разных странах, и они окунутся в море добра и света, волшебной сказки и идеальных отношений. Лучшее воспитание – это воспитание добрыми отношениями» [36, с. 20].

Актуальным для нашего исследования является утверждение Б.Т. Лихачева, сказанное на рубеже XX–XXI веков о том, что «будущее России, ее положение

внутри страны и в мире» будет зависеть не от политиков, дипломатов, а от того, насколько успешно удастся разработать «шкалу воспитательных ценностей, программу воспитания и реализовать их в формировании личности российского ребенка, потенциального сознательного гражданина и созидателя новой России» [37, с. 77]. Ученый рассуждает о патриотизме как о творческом начале, которое может вдохновить всю жизнь человека: «Патриотизм – это тема, если так можно сказать, жизни человека, его творчества» [38, с. 205].

Однако, анализируя научные работы разных авторов, следует отметить о существовании противоречий в воспитании патриотизма школьников. Так, О.В. Лебедева говорит о противоречиях между государственным заказом и реальным положением личности, между инстинктивным и сознательным характером патриотизма (сущность инстинктивного характера патриотизма выражена в словах: «люблю я Родину – за что, не знаю сам»), между интимным характером патриотических чувств и императивными и назидательными средствами воспитания, между пассивным и активным характером патриотизма, о наличии поляриности эмоций (гуманное чувство любви к Родине и ненависть к ее недостаткам) [39]. Автор подчеркивает, что, если государство не является «заботливой матерью своих детей», не создает условия для их творческой самореализации, то «нерешенные проблемы (сокращение рабочих мест, низкий прожиточный минимум) порождают у подрастающего поколения разочарование и неуверенность в своем будущем, вынуждают искать нишу для самореализации в других странах» [39, с. 4].

Историко-педагогический анализ проблемы воспитания патриотизма как основы формирования патриотической культуры школьников показывает, что данное направление деятельности государства, общества, школьного образования своими корнями уходит в историю российского государства.

Значительный вклад в воспитании патриотизма у молодого поколения внесли русские ученые, общественные мыслители: Н.М. Карамзин, В.Г. Белинский, Н.А. Добролюбов, К.Д. Ушинский, Н.Г. Чернышевский и другие.

В советский период воспитание патриотизма подразумевалось как военно-патриотическая подготовка и определялось государственными задачами советского общества, патриотизм понимался как чувство любви советского человека к социалистической Родине и Коммунистической партии. И советские педагоги понимали патриотизм как любовь к Родине, работа о развитии и процветании Отечества, дружба народов.

Отечественные мыслители отмечают, что патриотические чувства народа особенно обостряются в период социально-экономических, политических изменений, в период угрозы, нависающей над Родиной.

Ученые, общественные деятели разных эпох, мудрость народа указывают на то, что патриотизм, это, во-первых, любовь к Родине, во-вторых, деятельность, направленная на благо Отечества, на защиту его интересов, готовность к служению Отечеству. Патриотизм – это одна из непреходящих, неискоренимых ценностей.

Проблема воспитания патриотизма, патриотической культуры у школьников особенно актуальна в настоящее время. Сегодняшние школьники, став взрослыми, должны быть готовы к выполнению обязательств, возлагаемых на них Отечеством. Результатом патриотического воспитания является сформированная патриотическая культура. Все вышесказанное позволяет утверждать, что только через патриотическое воспитание возможно сформировать патриотическую культуру школьников и убедительно доказывает необходимость разработки концепции формирования патриотической культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Азарова А.В. К вопросу об истории развития идеологии патриотизма в России [Электронный ресурс] // Вестник Военного университета. 2010. № 6(23). С. 21–25. – <http://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-istorii-razvitiya-ideologii-patriotizma-v-rossii#ixzz3NwFTelgH>.

2. Мурзин А.И. Концептуальные основы российского патриотизма: понятие и сущность [Электронный ресурс] // Аналитика культурологии. 2006. № 6. – <http://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnye-osnovy-rossijskogo-patriotizma-ponyatie-i-suschnost>.

3. Нестерович И.Л. О патриотическом воспитании юношества в современных условиях // Воспитание школьников. 2013. № 6. С. 65–69.

4. Филипченко С.Н. Формирование патриотической культуры курсантов в процессе обучения в военном вузе: дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.08. Саратов, 2006. 393 с.

5. Богатыри и витязи Русской земли: по былинам, сказаниям и песням / сост., предисл. Н.И. Надеждина. М.: Московский рабочий, 1990. 336 с.

6. Повесть временных лет / подгот. текста, пер. и примеч. Д.С. Лихачева // Изборник: сборник произведений литературы Древней Руси. Библиотека всемирной литературы. Сер. 1. Т. 15. М.: Художественная литература, 1969. 300 с.

7. Слово о полку Игореве / вст. ст. Д.С. Лихачева. М.: Художественная литература, 1976. 80 с.

8. Иларион. Слово о законе и благодати // Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV–XVII. М.: Педагогика, 1985. 367 с.

9. Поучение Владимира Мономаха // Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV–XVII. М.: Педагогика, 1985. С. 164–168.

10. Задонщина. Слово о Великом князе Дмитрие Ивановиче и брате его, князе Владимире Андреевиче, как победили супостата своего царя Мамаю [Электронный ресурс] / пер. Л.А. Дмитриева // Древнерусская литература. – http://www.drevne.ru/lib/zadon_s.htm.

11. Сказание о Мамаевом побоище. Источник: Поле Куликово. Сказание о битве на Дону / сост., подгот. текстов, послеслов. и примеч. Л.А. Дмитриева. М., 1980. С. 110–217.

12. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. В 10 т. Т. 7. Труды по филологии (1739–1758 гг.). М.-Л., Издательство Академии наук СССР, 1952. [Электронный ресурс] // http://az.lib.ru/l/lomonosow_m_w/text_1765_kratkoe_rukovodsvo_k_krasnoechiu.shtml.

13. Абрамова Н.А. Патриотическое воспитание младших школьников во внеурочной деятельности в

общеобразовательных учреждениях: дис. ... канд. пед. наук. М., 2009. 160 с.

14. Радищев А.Н. Избранное. Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство, 1982. 239 с.

15. Карамзин Н.М. Избранные статьи и письма. М.: Современник, 1982. 351 с.

16. Карамзин Н.М. Избранные сочинения. В 2 т. Т. 2. / сост., подгот. текста и примеч. Г. Макогоненко. М.-Л.: Художественная литература, 1964. 591 с.

17. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. В 13 т. Т. 4. М.: АН СССР, 1953–1959 (1954). 657 с.

18. Мудрость воспитания: книга для родителей / сост. Б.М. Бим-Бад, Э.Д. Днепров, Г.Б. Корнетов. М.: Педагогика, 1989. 304 с.

19. Добролюбов Н.А. Русская цивилизация, сочиненная г. Жеребцовым // Педагогическое наследие: Белинский В.Г., Герцен А.И., Чернышевский Н.Г., Добролюбов Н.А. / сост. А.Ф. Смирнов. М.: Педагогика, 1988. 496 с.

20. Чернышевский Н.Г. Избранные философские сочинения. В 2 т. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1950. 872 с.

21. Ушинский К.Д. О нравственном элементе в русском воспитании // Педагогические сочинения. В 6 т. Т. 2. М.: Педагогика, 1988. С. 27–57.

22. Очерки по истории педагогики: сборник статей / под ред. Н.А. Константинова. М.: АПН РСФСР, 1952. 754 с.

23. Ушинский К.Д. Избранные педагогические сочинения. В 2 т. Том 1. Теоретические проблемы педагогики. М.: Педагогика, 1974. 584 с.

24. Вернадский В.И. М.: Издательский Дом Шалвы Амонашвили, 2001. 224 с. (Антология гуманной педагогики).

25. Крупская Н.К. О воспитании в семье: избранные статьи и речи / сост. и предисл. Н.И. Стриевской. М.: АПН РСФСР, 1962. 208 с.

26. Макаренко А.С. Педагогические сочинения. В 8 т. / редкол. М.И. Кондаков (гл. ред.) [и др.]. М.: Педагогика, 1983–1986.

27. Сухомлинский В.А. Сердце отдаю детям. Киев: Радянська школа, 1973. 145 с. [Электронный ресурс] // <http://profi-rus.narod.ru/semya/sukhomlinskij-v-serdtsje-otdaju-detjam.doc>.

28. Сухомлинский В.А. Рождение гражданина. М.: Молодая гвардия, 1971. 336 с.

29. Сухомлинский В.А. Мудрая власть коллектива. М.: Молодая гвардия, 1975. 240 с.

30. Сухомлинский В.А. О воспитании / сост. и авт. вступит. очерков С. Соловейчик. М.: Политиздат, 1975. 272 с.

31. Выршиков А.Н. Формирование у учащихся общеобразовательных школы готовности к защите Родины: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 1991. 21 с.

32. Белоусов Н.А. Педагогические основы подготовки учителя средних учебных заведений к службе в Советской армии: дис. ... д-ра пед. наук. М., 1991. 485 с.

33. Шатров В.Ф. Патриотическое и интернациональное воспитание воинов. Содержания. Форма. История. М.: Воениздат, 1985. 63 с.

34. Документы и материалы XX съезда Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи. М.: Молодая гвардия, 1987. Т. 1. 382 с. Т. 2. 415 с.

35. Лутовинов В.И. Патриотизм и его формирование в обществе и Вооруженных Силах // Военная мысль. 2000. № 4. С. 38–42.

36. Караковский В.А. Стать человеком. Общечеловеческие ценности – основа целостного учебно-воспитательного процесса. М., 1993 [Электронный ресурс] // <http://trc-olhon.ucoz.ru/zamestitelu/karakovskiystatshelovekom.doc>.

37. Лихачев Б.Т. Введение в теорию и историю воспитательных ценностей (теоретико-исторический

анализ воспитательных ценностей в России в XIX и XX вв.). Самара: СИУ, 1997. 85 с.

38. Лихачев Д.С. Раздумья / сост. и общ. ред. Г.А. Дубровский. М.: Детская литература, 1991. 318 с.

39. Лебедева О.В. Условия разрешения противоречий в процессе патриотического воспитания школьников // Воспитание школьников. 2015. № 7. С. 3–11.

THE PROBLEM OF PATRIOTIC EDUCATION IN RUSSIAN PEDAGOGICAL THOUGHT

© 2016

N.I. Vereshchagina, teacher of history and social science

Secondary School №2 with Profound Studying of Separate Subjects of Ust-Kinelsky Urban-Type Settlement of Kinel Urban Okrug of Samara Region, Kinel, u.t.s. Ust-Kinelsky (Russia)

Abstract. The paper explains the importance of the problem of student patriotic education and emphasizes the need to create a culture of patriotic students. The concept of «patriotism» is a basic component in the formation of patriotic culture of students. Critical thinking scientific knowledge about patriotism, methods and techniques of education lead to an understanding that the system of activities in the field of patriotic education requires changes based on education of spiritual values and development of the concept of formation of student patriotic culture. A central element of patriotic education as the basis of patriotic culture is a philosophical theory of values. In modern state programs and documents it is indicated that patriotism is one of the enduring and ineradicable values. Education value and moral oriented personality, with a sense of patriotism, responsibility and other qualities is one of the main tasks of the state policy in the field of education at the present stage of society development. Students – future citizens must be prepared to confront the global challenges of the modern era, they should be highly moral, creative, competent citizens who are aware of the responsibility for the present and the future of their country. Analysis of scientific pedagogical literature leads to the conclusion that the scientific community addresses the problem of patriotism in the historically urgent tasks of development of society in periods of social crisis. Scientists and public figures from different eras are unanimous in saying that patriotism is firstly love for the country and secondly the activity aimed at the goodness of the motherland, to the defense of its interests, willingness to serve the motherland.

Keywords: patriotism; patriotic culture; patriotic education; value; motherland; love for the motherland; the genesis of the development of ideas about patriotism; patriot; student; education; the contradictions in the education of patriotism; the national pedagogical thought.

УДК 378:001.891

НАПРАВЛЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ И МОТИВЫ ВЫБОРА ПРОФЕССИИ: ТОЧКИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ

© 2016

Т.А. Горшкова, кандидат педагогических наук,

доцент кафедры методик математического и информационно-технологического образования

Е.М. Громова, кандидат педагогических наук,

доцент кафедры методик математического и информационно-технологического образования

Д.И. Беркутова, кандидат педагогических наук, доцент кафедры технологий профессионального обучения

Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова, Ульяновск (Россия)

Аннотация. В данной статье актуализирована проблема изучения особенностей планирования профессиональной карьеры провинциальной молодежью. Авторами проанализированы основные научные и методологические подходы в отношении задачи мирного сосуществования и взаимного обогащения различных культур, а также в аспекте построения карьеры молодежью. Рассмотрена теория мотивации Фредерика Герцберга. Согласно теории, Ф. Герцберг создал двухфакторную модель, где первая группа факторов (гигиенические) удерживает личность на работе, вторая группа (мотиваторы) – мотивирует к работе. Используя тест Ф. Герцберга, можно определить структуру мотивации и выделить превалирующие факторы удовлетворенности или неудовлетворенности трудом. Экспериментальная выборка респондентов составлялась из числа студентов 4 курса очного отделения факультета технологии и дизайна УлГПУ. Диагностирование респондентов проводилось по тесту Ф. Герцберга для отслеживания взаимосвязи направленности личности и мотивов выбора профессии. Для выявления направленности личности использовалась ориентационная анкета Б. Басса. Данная методика позволяет выявить степень выраженности трех основных ориентаций личности: направленность на себя, на взаимодействие с партнерами и на задачу. В статье приводятся результаты проведенных диагностик, доказывающих, что мотивы выбора профессии личностью и ее направленность имеют точки пересечения. Полученные материалы могут служить основой для дальнейших разработок теоретических и практических аспектов проблемы подготовки провинциальной молодежи к планированию профессиональной карьеры.

Ключевые слова: профессия; выбор профессии; профессиональная карьера; провинциальная молодежь; полиэтничность; полиэтничный регион; профессиональная идентификация; профессиональная идентичность; студент; направленность личности; теория мотивации Ф. Герцберга; гигиенические факторы; мотиваторы.

В настоящее время образовательная политика в России находится на пути активного поиска решения вопросов подготовки современной молодежи к построению профессиональной карьеры в многонациональном регионе. Полиэтничность является объективной составляющей многомерной структуры всего российского общества, в том числе и Поволжского региона. Симбирско-Ульяновский регион находится в самом центре России. Среднее Поволжье – это географическое и историческое пространство столкновений интересов великого множества народов, которые научились мирно сосуществовать на протяжении многих веков. В национальных культурах татар, чуваш, мордвы и русских, составляющих сегодня основные диаспоры Ульяновской области, представлены опыт и мудрость тюркской, финно-угорской и славянской и иных культур. Такое переплетение народов ставит перед региональным образовательным пространством сложные задачи формирования дружественных межнациональных отношений, развития этнической толерантности [1, с. 6].

В то же время современное общество характеризуется повышением уровня полиэтничности за счет роста притока трудовых мигрантов из стран бывшего СССР, что в сочетании с глубоким социально-экономическим кризисом, неустроенностью жизни большей части населения, безработицей и конкуренцией на рынке труда за вакантные рабочие места, усиливает нестабильность общества.

В данном контексте нельзя не учитывать и феномен «этнического ренессанса», который захватил сегодня большую часть мира, и в результате которого, сегодня наблюдается всплеск национализма и ксенофобии среди коренных жителей, что создает взрывоопасную обстановку и угрожает целостности страны.

При этом необходимо учитывать, что самая динамичная часть населения в силу ряда причин, таких как еще не полная сформированность ценностей и этнических установок, юношеский кризис идентичности, неустроенность в профессии – это молодежь [2].

Все выше сказанное, на наш взгляд, указывает на потенциальную нестабильность в молодежной среде Поволжья и определяет основную цель нашего психолого-педагогического исследования – изучение особенностей планирования профессиональной карьеры провинциальной молодежи.

В связи с этим перед современной педагогической наукой выдвигается целый комплекс новых теоретических и практических проблем, связанных с решением задачи мирного сосуществования и взаимного обогащения различных культур, его составляющих: под руководством Г.Д. Дмитриева создана теория многокультурного образования; складывается традиция поликультурного образования (О.В. Аракелян, В.А. Ершов, М.Н. Кузьмин, В.В. Макаев, З.А. Малькова, В.Б. Новичков, Л.Л. Супрунова [3] и др.); разрабатывается теория воспитания этики межнационального общения (В.Д. Ботнар, Ю.С. Горбачева, Э.К. Сулова и др.); ведутся исследования в области мультикультурного образования (А.Г. Абсаямова, Н.Б.

Крылова, Е.Ю. Литвиненко, А.В. Шафрикова и др.); воспитанию национального самосознания и межкультурной толерантности посвящены работы Г.Г. Абдулкаримова, В.Х. Абэляна, Р.Т. Гарданова, Д.В. Зиновьева, З.Ф. Мубиновой [4], В. Троицкого, Л.С. Ядрихинской; развивается этнопедагогика (Г.Н. Волков, И.И. Валеев, Е.И. Грекова, И.А. Дадов, В.С. Кукушин [5], Д.И. Латышева, З.Г. Нигматов, М.Г. Тайчинов, Ф.Ф. Харисов и др.).

В аспекте построения карьеры молодежью, основными теоретико-методологическими принципами нашего исследования являются следующие научные подходы: концепция становления личности как субъекта своей профессиональной деятельности (Е.М. Борисова, Е.А. Климов [6], А.К. Маркова, Н.С. Пряжников [7], И.В. Самоукина, А.Р. Фонарев, В.Д. Шадриков и др.); концепция профессионализма (А.К. Маркова); концепция профессионального становления в контексте развития карьеры (Д. Сьюпер [8]); теория профессионального развития (Е. Гинцберг, Ф. Парсонс, Д. Сьюпер); концепция и идеи личностно ориентированного образования (Н.А. Алексеев, Е.В. Бондаревская, И.А. Колесникова, К. Роджерс, Е.А. Савина, Ю.В. Сенько, В.В. Сериков, В.И. Слободчиков, А.П. Трплицына, Е.Н. Шиянов, И.С. Якиманская); теория изучения индивидуальной образовательной траектории (маршрута) (Т.М. Ковалева, Н.В. Рыбалкина, А.Б. Воронцов, С.В. Воробьева, Г.Н. Прокументова, А.В. Хуторской, А.Н. Тубельская, Е.А. Александрова, Н.Н. Суртаева) [1, с. 7–9].

Система образования как один из главных государственно-общественных институтов, ответственных за функционирование и развитие общества, обязана создать и реализовать условия, которые позволят современной провинциальной молодежи «найти свое место в мире», т.е. идентифицироваться в профессиональном и этнокультурном плане, для чего в первую очередь необходимо сформировать адекватные мотивы выбора профессии [9].

Итак, нас интересует, прежде всего, мотивационно-ценностная составляющая профессиональной идентификации [10]. Следовательно, для проведения результативной диагностики, необходимо вычленив те ведущие характеристики личности, которые и определяют ее мотивационно-ценностную ориентацию в профессии.

Проводя анализ современных исследований, мы выяснили, что основополагающей доминантой в профессиональной идентификации является *направленность личности*, поскольку под направленностью личности можно понимать мотивационно-потребностные установки личности, определяющиеся ярко выраженными векторными потребностями, которые соотносятся с целями и задачами, в конечном итоге направляя деятельность и поведение человека [11].

Кроме того, как отмечает Н.Ю. Спиридонова, направленность личности представляет собой свойство личности, задающее вектор ее ценностно-смысловых отношений «индивид-общество», которое формируется в процессе развития личности в системе общественных отношений [12].

Для диагностики направленности личности в настоящее время широко используется ориентационная анкета, впервые опубликованная американским психологом Б. Бассом в 1967 г. и модифицированная чешскими учеными В. Смекалом и М. Кучером [13].

Методика позволяет выявить степень выраженности трех основных ориентаций личности: направленность на себя, на взаимодействие с партнерами и на задачу. С помощью методики выявляются следующие направленности:

1. Направленность на себя (Я) – ориентация на прямое вознаграждение и удовлетворение безотносительно работы и сотрудников, агрессивность в достижении статуса, властность, склонность к соперничеству, раздражительность, тревожность, интровертированность.

2. Направленность на общение (О) – стремление при любых условиях поддерживать отношения с людьми, ориентация на совместную деятельность, но часто в ущерб выполнению конкретных заданий или оказанию искренней помощи людям, ориентация на социальное одобрение, зависимость от группы, потребность в привязанности и эмоциональных отношениях с людьми.

3. Направленность на дело (Д) – заинтересованность в решении деловых проблем, выполнение работы как можно лучше, ориентация на деловое сотрудничество, способность отстаивать в интересах дела собственное мнение, которое полезно для достижения общей цели.

Предложенные направленности не являются изолированными, а обычно сочетаются и у каждого человека имеют свою степень выраженности.

Известно, что направленность личности достаточно динамична, и взаимосвязана с взаимовлияющими мотивами [14]. Поэтому, в качестве еще одной методики мы применили тест Ф. Герцберга для отслеживания взаимосвязи направленности личности и мотивов выбора профессии.

Теория мотивации Фредерика Герцберга [15] появилась в связи с растущей необходимостью выяснить влияние материальных и нематериальных факторов на мотивацию человека. Фредерик Герцберг создал *двухфакторную модель*, которая показывает удовлетворенность работой:

– факторы, удерживающие на работе (*гигиенические факторы*) – нормальные условия труда, достаточная заработная плата, политика фирмы и администрации, межличностные отношения с начальниками, коллегами и подчиненными, степень непосредственного контроля за работой, статус;

– факторы, мотивирующие к работе (*мотиваторы*) – успех, продвижение по службе, признание и одобрение результатов работы, высокая степень ответственности за выполняемое дело, возможности творческого и делового роста.

Гигиенические факторы связаны со средой, в которой выполняется работа, с самовыражением личности, ее внутренними потребностями. Гигиенические факторы соответствуют физиологическим потребностям, потребности в безопасности и уверенности в будущем. По теории Герцберга, отсутствие или недостаток гигиенических факторов приводит к неудовлетворенности человека своей работой. Но, если они

представлены в достаточном объеме, сами по себе они удовлетворения не вызывают и не способны мотивировать человека к нужным действиям.

Вторая группа факторов мотивации связана с характером и сущностью самой работы.

Используя тест Ф. Герцберга можно определить структуру мотивации и выделить преобладающие факторы удовлетворенности или неудовлетворенности трудом. На каждый вопрос опрашиваемому предоставляется 5 баллов, которые нужно распределить между двумя вариантами ответа (5:0; 4:1; 3:2; 2:3; 1:4; 0:5). По окончании опроса нужно просуммировать баллы, набранные в ответах, обозначенных буквами.

Результаты теста нагляднее изображать в виде столбиковой диаграммы. Нужно распределить перечисленные мотивы по группам гигиенических (внешних) факторов и мотиваторов с обоснованием выбора. Нужно определить, факторы какой категории (удовлетворенность или неудовлетворенность трудом) являются для опрашиваемых более важными в трудовой деятельности. При выполнении on-line тестирования автоматически выстраивается мотивационный профиль сотрудника, на котором отражены степень значимости указанных факторов для человека. Считается, что мотивационные факторы, занявшие первое и второе место, определяют климат в коллективе.

Теория мотивации Герцберга имеет много общего с теорией Маслоу [16]. Гигиенические факторы соответствуют физиологическим потребностям и потребностям в безопасности и уверенности в будущем, описанным выше. Факторы мотивации Герцберга сравнимы с потребностями высших уровней Маслоу, то есть потребностями в признании и самовыражении. Однако между этими двумя теориями есть серьезное различие. Маслоу рассматривал факторы, соответствующие гигиеническим, как нечто, вызывающее ту или иную линию поведения. Например, если руководитель дает работнику возможность удовлетворить одну из таких потребностей, то работник в ответ на это станет лучше работать. Герцберг же, напротив, считает, что работник начинает обращать внимание на гигиенические факторы только тогда, когда сочтет их реализацию неадекватной или несправедливой. Для эффективного использования теории Герцберга необходимо составить перечень гигиенических факторов и факторов мотивации и предоставить возможность сотрудникам организации самим определить и указать то, что они предпочитают. Мотивацию по Герцбергу следует воспринимать как вероятностный процесс. То, что мотивирует данного человека в конкретной ситуации, может не оказать на него никакого воздействия в другое время или на другого человека в аналогичной ситуации. Поэтому теория Герцберга не учитывает многих переменных величин, определяющих ситуации, связанные с мотивацией трудовой деятельности. Для того чтобы объяснить механизм мотивации, необходимо рассматривать многочисленные аспекты поведения людей в процессе деятельности и параметры окружающей среды. Реализация этого подхода привела к созданию процессуальных теорий мотивации.

В ходе выполнения опытно-экспериментальной работы в рамках исследований, поддержанных гран-

тами РГНФ № 12-16-73004а(р) «Построение профессиональной карьеры российскими студентами: национальный и гендерный аспекты» и РГНФ № 13-36-01210а2 «Педагогическая поддержка построения профессиональной карьеры провинциальной молодежи» [1; 17; 18; 19; 20], наш авторский коллектив на протяжении 2012–2015 учебных годов изучал мотивы выбора профессии молодежью по методике Ф. Герцберга. Экспериментальная выборка респондентов составлялась из числа студентов 4 курса очного отделения факультета технологии и дизайна УлГПУ. Результаты диагностик убедительно показали, что значительную роль для респондентов играют мотивы карьерного роста, содержания профессиональной деятельности, финансовые мотивы, мотивы сотрудничества в коллективе (приведены ведущие мотивы в порядке уменьшения их значимости для респондентов).

Также мы акцентировали внимание на изучении направленности личности в экспериментальных группах для отслеживания взаимосвязи направленности личности и мотивов выбора профессии.

Приведем пример. Экспериментальная выборка составила 16 студентов (2014–2015 учебный год). Результаты проведенной диагностики таковы: направленность на себя (Я) – 25% опрошенных; направленность на общение (О) – 31,25% опрошенных; направленность на дело (Д) – 56,25% опрошенных. При этом было выявлено, что для некоторых опрошенных ведущими являются сразу два вида направленности. Далее вид направленности личности каждого студента из выборки был соотнесен с его ведущими мотивами выбора профессии. Персональный анализ показал, что, к примеру, студенты, для которых характерна направленность на общение, отмечают в качестве ведущего для себя мотива выбора профессии – мотивы сотрудничества в коллективе, а студенты с направленностью на дело (каких большинство в выборке!) – мотивы содержания профессиональной деятельности, что можно расценить как положительный факт.

Таким образом, выполненная опытно-экспериментальная работа подтверждает, что тема нашего исследования сохраняет необходимость дальнейшей разработки. Действительно, мотивы выбора профессии личностью (в нашем случае молодого человека) и ее направленность имеют точки пересечения.

Проблема подготовки современной молодежи к планированию профессиональной карьеры является особо актуальной для российского общества. Высокая степень неопределенности сегодняшней жизни, неясность перспектив социального развития общества, материальные трудности, особенно в небольших провинциальных городах, приводят к тому, многие молодые люди с тревогой смотрят в завтрашний день. Поэтому современное образование должно способствовать тому, чтобы, с одной стороны, человек осознал свои корни и тем самым мог определить место, которое он занимает в мире, а с другой – привить ему уважение к другим культурам и традициям. Дальнейшие изыскания целесообразно вести в отношении разработки теоретических и практических аспектов проблемы подготовки провинциальной молодежи к планированию профессиональной карьеры в полиэтничном Поволжском регионе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Беркутова Д.И., Громова Е.М. Планирование профессиональной карьеры в полиэтничном регионе. Научно-методическое пособие. Ульяновск: Издатель Качалин Александр Васильевич, 2013. 156 с.
2. Громова Е.М., Беркутова Д.И., Горшкова Т.А. Исследование отношения современных российских студентов к построению профессиональной карьеры [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 3. – <http://www.science-education.ru/103-6307>.
3. Супрунова Л.Л. Поликультурное образование. М.: Академия, 2013. 240 с.
4. Мубинова З.Ф. Этнонациональное воспитание в современном мире: теоретические и концептуальные подходы: монография. Уфа: Издательство БГПУ имени М. Акмуллы, 2007. 152 с.
5. Кукушин В.С. Этнопедагогика: учебное пособие. М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО МОДЭК, 2002. 304 с.
6. Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения: учебное пособие для вузов. Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. 302 с.
7. Пряжников Н.С. Профессиональное самоопределение. Теория и практика: учебное пособие. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 318 с.
8. Super D.E. The psychology of careers: introduction vocational development. N.Y., 1957. 362 p.
9. Громова Е.М., Беркутова Д.И., Горшкова Т.А. Современные образовательные технологии в подготовке молодежи к планированию карьеры // Теоретические и прикладные вопросы образования и науки: сборник научных трудов по мат-лам Междунар. науч.-практ. конф. 31 марта 2014 г.: в 13 ч. Ч. 6. Тамбов: ООО «Консалтинговая компания Юком», 2014. С. 28–29.
10. Громова Е.М., Беркутова Д.И., Горшкова Т.А. Ценности личности как основа жизненной и профессиональной стратегии // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 2. – <http://www.science-education.ru/108-9042>.
11. Калимуллина О.А. Контент-анализ категории «направленность личности» // Образование и саморазвитие. 2013. № 1. С. 171–177.
12. Спиридонова Н.Ю. Связь направленности личности с выбором профессии в юношеском возрасте: автореф. дис. ... канд. псих. наук. М., 2011. 23 с.
13. Верещагина Л.А. Определение направленности «на себя», «на дело», «на взаимодействие» // Практикум по психологии менеджмента и профессиональной деятельности: учеб. пособие / под ред. Г.С. Никифорова, М.А. Дмитриевой, В.М. Снеткова. СПб.: Речь, 2003. С. 45–47.
14. Шупейко И.Г., Борбот А.Ю., Доморацкая Е.М., Пархоменко Е.М. Основы психологии и педагогики: практикум для студентов всех специальностей и всех форм обучения. Минск: БГУИР, 2008. 91 с.
15. Мескон М., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента (Management). М.: Дело, 1997. 704 с.
16. Маслоу А.Г. Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999. 478 с.
17. Громова Е.М., Беркутова Д.И., Горшкова Т.А. Профессиональная карьера: путь к успеху. Научно-метод. пособие. Ульяновск: УлГПУ, 2012. 126 с.

18. Громова Е.М., Беркутова Д.И., Горшкова Т.А. Практикум к курсу «Профессиональная карьера: путь к успеху»: учебно-методическое пособие. Ульяновск: УлГПУ, 2013. 44 с.
19. Громова Е.М., Беркутова Д.И., Горшкова Т.А. Подготовка современной молодежи к планированию профессиональной карьеры: монография. Ульяновск: УлГПУ, 2013. 170 с.
20. Беркутова Д.И., Громова Е.М. Педагогическая поддержка молодежи в планировании карьеры. Научно-методическое пособие. Ульяновск: Издатель Квачалин Александр Васильевич, 2014. 96 с.

PERSONALITY ORIENTATION AND MOTIVES OF PROFESSION CHOICE: POINTS OF INTERSECTION

© 2016

T.A. Gorshkova, candidate of pedagogical sciences,
associate professor of the Chair of Mathematical Methods and Technological Education
E.M. Gromova, candidate of pedagogical sciences,
associate professor of the Chair of Mathematical Methods and Technological Education
D.I. Berkutova, candidate of pedagogical sciences,
associate professor of the Chair of Technologies of Vocational Education
Ulyanovsk State Pedagogical University, Ulyanovsk (Russia)

Abstract. The paper studies the problem of features of professional career planning by provincial youth. The authors have analyzed the main scientific and methodological approaches concerning a task of peaceful co-existence and mutual enrichment of various cultures as well as in aspect of career pursuing by youth. The Frederik Gertsberg's theory of motivation is considered. F. Gertsberg has created two-factor model where the first group of factors (hygienic) holds the personality at work, the second group (motivators) – motivates to work. Using F. Gertsberg's test it is possible to define the motivation structure and to allocate the prevailing factors of satisfaction or dissatisfaction with work. Experimental selection of respondents constituted from the rates of 4-year-full-time-students of Technology and Design Department of UISPU. The respondents' diagnosing was carried out according to the F. Gertsberg's test for tracking the interrelation of the personality orientation and motives of profession choice. B. Bass's orientation questionnaire was used for identification of personality orientation. This technique allows to reveal the degree of expressiveness of three main orientations of the personality: self orientation, partner interaction and task orientation. The results of the carried-out diagnostics prove that motives of profession choice and personality orientation have points of intersection. These materials can serve as a basis for further developments of theoretical and practical aspects of the problem of professional career planning by provincial youth.

Keywords: profession; profession choice; professional career; provincial youth; polyethnicity; polyethnic region; professional identification; professional identity; student; personality orientation; theory of motivation of F. Gertsberg; hygiene factors; motivators.

УДК 378.09

ПРОБЛЕМА ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ПОДГОТОВКИ ВЫПУСКНИКОВ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ ВУЗОВ

© 2016

О.Н. Ежова, кандидат психологических наук,
профессор кафедры управления и информационно-технического обеспечения деятельности УИС
Н.И. Улендева, кандидат педагогических наук,
доцент кафедры управления и информационно-технического обеспечения деятельности УИС
Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Самара (Россия)

Аннотация. В данной статье анализируется проблема оценки степени сформированности у выпускников специализированных вузов компетенций, определённых государственным стандартом высшего образования и ведомственным заказом. Рассматривается существующая практика и подходы к формированию фонда оценочных средств. В работе представлены требования к оценочным средствам для проверки сформированности компетенций: интегративность, проблемно-деятельностный характер заданий, ориентация на применение умений и знаний в нетиповых ситуациях, актуализация в заданиях содержания профессиональной деятельности, экспертиза в профессиональном сообществе, связь критериев с планируемыми результатами. Данные требования рассмотрены для инновационных форм контроля: уровневый тест (узнавание – подстановка – продуктивная деятельность – принятие решений в проблемных ситуациях); тест-действие (практическое испытание); ситуационный тест (анализ ситуации из будущей профессиональной деятельности). Отдельное внимание в работе отведено рассмотрению такой формы оценки профессиональных компетенций как межкафедральные учения, которые позволяют проверить сформированные специальные компетенции у курсантов, когда обучающие на практике демонстрируют свои знания, умения, навыки, а также личностные качества, позволяющие им осуществлять свою профессиональную деятельность. Разработанные формы оценки профессиональных компетенций курсантов и слушателей специализированных вузов могут служить основой для дальнейшего координирования процесса определения содержания образования, а также с большей степенью логичности и Самарский научный вестник. 2016. № 3 (16)

целесообразности способствуют разработке практико-ориентированного учебного плана и рабочих программ учебных курсов, предметов, дисциплин и практик.

Ключевые слова: компетенция; социальная компетенция; профессиональные компетенции; выпускник; государственный стандарт; высшее образование; фонд оценочных средств; инновационные формы контроля; межкафедральные учения; личностно ориентированное обучение; деятельностный подход; продукт деятельности.

Современный этап развития уголовно-исполнительной системы определяет новые требования к выпускникам высших учебных заведений ФСИН России. Сегодняшний выпускник вуза должен не только уметь на практике решать свои служебные задачи, но и успешно применять свои знания, умения, навыки в управленческой деятельности с учетом любых изменений в организации деятельности учреждений и органов ФСИН России, а также быть социально-компетентным работником: разрешать конфликты и уметь работать с людьми.

Изменение образовательной парадигмы (вместо традиционной стала личностно ориентированная) привело к тому, что основное внимание уделяется не столько передаче знаний, формированию умений и навыков, сколько созданию условий для овладения облучаемыми комплексом компетенций, необходимым им в будущей профессиональной деятельности. В своем исследовании Н.А. Банько пишет, что образование «перешло на Государственные стандарты, что требует от высшей школы совершенствования подготовки специалиста, становления его как профессионала, не только глубоко знающего свою профессию и легко ориентирующегося в новейших достижениях в области своей профессиональной деятельности, но и педагогически компетентного» [1, с. 3]. При этом мы разделяем точку зрения Э.Ф. Зеера, который под компетентностью понимает целостную и систематизированную совокупность обобщенных знаний [2]. Компетенция, по его мнению, является способностью человека на практике реализовывать свою компетентность и представляет собой обобщенный способ действий, обеспечивающих продуктивное выполнение профессиональной деятельности.

Компетентностный подход к определению целей обучения в вузе по своей сути является развитием деятельностного подхода. Принцип деятельности определяет специфические условия, вызывающие активность субъекта и через эту активность его развитие. Поэтому компетентностный подход можно рассматривать как способ обеспечения многоаспектной, высококачественной профессиональной подготовки [3, с. 27]. Профессиональные знания и навыки могут сформироваться только тогда, когда в познавательную активность вовлекается эмоционально-волевая сфера структуры личности, когда присутствует субъективная мотивация к восприятию знаний, когда получаемая информация имеет не только содержательный смысл, но и значимость.

При этом подразумевается, что результатом подготовки является системный комплекс сформированных у выпускника общих и профессиональных компетенций, определенных стандартом, а также заказом работодателя (ФСИН) на профессионально-специализированные компетенции (это та деятельность, которую выпускник должен будет выполнять на конкретном рабочем месте).

Внедрение новых федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования, основанных на компетентностном подходе, способствует реализации практико-ориентированной технологии обучения, которая формирует динамическую модель успешного специалиста.

Соотнося профессионализм с различными аспектами зрелости специалиста, А.К. Маркова выделяет четыре вида профессиональной компетентности [4]:

1) специальная (деятельностная) характеризует владение деятельностью на высоком профессиональном уровне и включает не только наличие специальных знаний, но и умение применить их на практике;

2) социальная характеризует владение способами совместной профессиональной деятельности и сотрудничества, принятыми в профессиональном сообществе приемами профессионального общения;

3) личностная характеризует владение способами самовыражения и саморазвития, средствами противостояния профессиональной деформации, а также способность планировать свою профессиональную деятельность, самостоятельно принимать решения, видеть проблему;

4) индивидуальная характеризует владение приемами саморегуляции, готовность к профессиональному росту, наличие устойчивой профессиональной мотивации.

Для возможности оценки уровня сформированности общих, профессиональных и профессионально-специальных компетенций будущего специалиста в обязательном порядке должны быть одновременно реализованы личностно-ориентированный и практико-ориентированный принципы. Оценочные средства должны являться инструментом доказательства сформированности компетенций. При этом можно выделить несколько видов доказательств:

– прямое доказательство – преподаватель (экзаменатор) может его услышать или увидеть: наблюдать деятельность; оценить качество продукта; получить ответ на вопросы;

– косвенное доказательство (а) свидетельское показание (непосредственное или документированное); б) смоделированная ситуация).

Измеримость компетенций как предмета контроля результатов обучения составляет на сегодняшний день наибольшую трудность, как в теоретическом, так и в практическом плане. Основная проблема – разработка критериев оценки (степени соответствия установленным требованиям), прозрачных и понятных как преподавателю, так и курсанту, позволяющих определить готовность обучающегося к выполнению определенного вида деятельности. Общеизвестные методы измерения компетенций в системе образования сегодня отсутствуют. Задачу оценивания компетенций в условиях реализации ФГОС необходимо решать, прежде всего, создавая фонды оценочных средств, ориентированные на проверку освоения

вида деятельности в целом; проверяющие освоение группы компетенций; проверяющие отдельные компетенции внутри профессионального модуля.

Под фондом оценочных средств понимается комплект методических и контрольных материалов, предназначенных для оценивания знаний, умений, навыков и компетенций на разных стадиях обучения студентов, а также для аттестационных испытаний выпускников на соответствие (или несоответствие) уровня их подготовки требованиям соответствующего ФГОС по завершению освоения основной профессиональной образовательной программы.

В соответствии с законом «Об образовании» каждый выпускник программ профессионального образования должен подтвердить свой образовательный уровень и/или квалификацию. Идея о разделении этих двух оценок (по формату, требованиям и процедурам) и привела к разделению фонда оценочных средств на: контрольно-измерительные (КИМ) контрольно (компетентностно)-оценочные (КОМ).

Контрольно (компетентностно)-оценочные материалы оценивают уровень квалификации, который определяется квалифицированными экспертами. В работе [5, с. 9] перечислены основные требования к оценочным средствам для проверки сформированности компетенций: 1) интегративность (междисциплинарный характер, связь теории и практики); 2) проблемно-деятельностный характер; 3) ориентация на применение умений и знаний в нетиповых ситуациях (неожиданность предлагаемых заданий стандартизированным учебным задачам); 4) актуализация в заданиях содержания профессиональной деятельности; 5) экспертиза в профессиональном сообществе; 6) связь критериев с планируемыми результатами.

Оценивать сформированность профессиональной компетенции можно двумя способами: как материальный или интеллектуальный продукт деятельности; как процесс деятельности (когда результат деятельности не оформлен как продукт или принципиально важен сам процесс).

Для оценки продукта деятельности можно использовать сравнение представленного продукта с эталоном. Для оценки процесса можно использовать сравнение с эталонной технологией на основе совокупности критериев.

На сегодняшний день основным инструментом оценки компетенции являются традиционные формы контроля: собеседование, тест, контрольная работа, реферат, отчет, зачет, экзамен, выпускная квалификационная работа [6; 7]. Однако эти формы не могут в полной мере выявить степень сформированности компетенции, поэтому используют и инновационные формы контроля: уровневый тест (узнавание – подстановка – продуктивная деятельность – принятие решений в проблемных ситуациях); тест-действие (практическое испытание); ситуационный тест (анализ ситуации из будущей профессиональной деятельности).

Тест-действие позволяет проверить сформированность умений и навыков выполнять работу по определенному алгоритму, который для сотрудников УИС четко регламентирован нормативно-правовыми актами.

Ситуационный тест требует не произвести реальное действие, а симитировать его. Простейшая форма – метод инцидента [8]. Испытуемым предлагается проблемная ситуация, связанная с их профессиональной деятельностью и предлагается принять быстрое решение. Время решения задачи резко ограничено. При оценке учитывается не только правильность ответа. Но и быстрота реакции. Которая имеет большое значение в реальной ситуации.

Более сложная форма – анализ конкретной ситуации. Испытуемым излагается проблемная ситуация – например, «младший инспектор отдела безопасности в камере ШИЗО обнаружил осужденного, повешенного на простыне, о чем доложил ДПНК». При этом курсант должен ответить на ряд вопросов, проявив при этом компетенции из различных областей знаний:

1. В каких случаях в данной ситуации будет присутствовать состав правонарушения? Назовите его вид.

2. Какие особенности поведения осужденного свидетельствуют о суицидальных намерениях? Перечислите действия сотрудников администрации ИУ по профилактике суицидов.

3. На учебно-рабочем месте «Камера ШИЗО-ПКТ» продемонстрируйте алгоритм действий в должности ДПНК и охарактеризуйте механизм принятия управленческого решения. Составьте необходимые документы.

Работа может производиться как в группе, так и индивидуально.

Сформированность необходимых компетенций у курсантов проверяется также во время проведения комплексных межфакультетских учений, где обучающиеся на практике демонстрируют свои знания, умения, навыки, а также личностные качества, позволяющие им осуществлять свою профессиональную деятельность. Учебная деловая игра, оставаясь педагогическим процессом, является воссозданием контекста будущего труда в его предметном и социальном аспектах. При этом реализуется целостная форма коллективной учебной деятельности. Курсанты приобретают социальную компетенцию: навыки социального взаимодействия и управления людьми, умение руководить и подчиняться, брать на себя ответственность. Следует отметить, что учения проводятся не только в учебных классах, но и на базе исправительных учреждений.

Способы оценки процесса: наблюдение за процессом выполнения деятельности в режиме реального времени; просмотр видеозаписи; формализованное наблюдение (структурированное наблюдение) – это специально организованное (целенаправленное и систематизированное) отслеживание деятельности обучающегося на рабочем месте (или его имитация) в реальном времени (или в видеозаписи).

Институтом совместно с профильными управлениями устанавливаются пороговые уровни сформированности компетенций, достижение которых является обязательным минимумом для всех выпускников данной основной образовательной программы. На каждую компетенцию готовится паспорт и программа

ее формирования. Одна и та же компетенция может формироваться при изучении нескольких дисциплин, поэтому разрабатывается компетентностно ориентированный учебный план.

Для оценки сформированности компетенций могут использоваться контрольные задания, а также описания форм и процедур, предназначенных для определения качества освоения обучающимися учебного материала, учебной дисциплины [9].

Практико-ориентированная модель предполагает комплексный межфакультетский характер обучения, который позволяет скоординировать процесс определения содержания образования, а также с большей степенью логичности и целесообразности разработать практико-ориентированный учебный план и согласовать рабочие программы учебных курсов, предметов, дисциплин и практик [10; 11; 12]. Таким образом, образовательный процесс носит непрерывный формирующий характер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Банько Н.А. Формирование профессионально-педагогической компетенции как компонента профессиональной подготовки менеджеров. Волгоград: РПК «Политехник», 2004. 49 с.
2. Зеер Э.Ф., Сыманюк Э. Компетентностный подход к модернизации профессионального образования // Высшее образование в России, 2005. № 4. С. 23–30.
3. Бундин М.В., Кирюшина Н.Ю. Формирование общекультурных компетенций у студентов вузов: учебное пособие. Н. Новгород: ННГУ, 2012. 67 с.
4. Маркова А.К. Психология профессионализма. М.: Международный гуманитарный фонд «Знание», 1996. 312 с.
5. Васильева Д.Н., Каткова М.В., Колесниченко Ю.Ю. Система оценки уровня сформированности компетенций и результатов обучения: методические рекомендации. Саратов: Изд-во СГУ, 2014. 33 с.

6. Иванова Л.А. Оценка уровня сформированности общих и профессиональных компетенций с помощью современных педагогических приемов // Социальная сеть работников образования. Электронный доступ: nsportal.ru. (Дата обращения 02.08.2016).

7. Улендеева Н.И. Использование технологии «перевернутое обучение» при организации самостоятельной работы // Электронное обучение в непрерывном образовании. 2016. № 1 (3). С. 928–933.

8. Талакин К.В., Ежова О.Н. Практико-ориентированная модель обучения как основа формирования у курсантов профессиональных компетенций, обеспечивающих эффективность их служебной деятельности // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2015. № 2. С. 21–24.

9. Попов И.В. Проектирование технологии обучения курсантов юридического вуза дисциплине «специальная техника»: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Самара, 2006. 20 с.

10. Ежова О.Н. Проблема оценки качества подготовки выпускников специализированных вузов // Уголовно-исполнительная система на современном этапе: взаимодействие науки и практики: материалы Международной научно-практической межведомственной конференции (16–17 июня 2016 г.) / под общ. ред. А.А. Вотинова. Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2016. С. 211–214.

11. Ежова О.Н., Иванова С.В. Формирование организаторских способностей сотрудников уголовно-исполнительной системы как условие эффективности их профессиональной деятельности // Евразийский юридический журнал. 2014. № 12. С. 202–207.

12. Хаснудинов Р.Р., Мишустин С.П. Юридическая клиника как элемент практико-ориентированной образовательной деятельности в вузах ФСИН России // Право и образование. 2016. № 2. С. 48–57.

THE PROBLEM OF ASSESSING THE QUALITY OF SPECIALIZED UNIVERSITY GRADUATE TRAINING

© 2016

O.N. Yezhova, candidate of psychological sciences,
professor of the Chair of Management and Information Technology Service of Penitentiary System

N.I. Ulendeeva, candidate of pedagogical sciences,
associate professor of the Chair of Management and Information Technology Service of Penitentiary System
Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Samara (Russia)

Abstract. The paper analyzes the problem of assessing the development degree of the specialized university graduate competencies that are found in state standards of higher education and the departmental order. We consider the existing practices and approaches to making a collection of evaluation tools. The paper presents the requirements for assessment tools to check the development of competencies: integrative, problem-activity tasks, focus on the application of skills and knowledge in the field of special situations in the actualization of the content of professional work tasks, expertise in the professional community, link criteria with planned results. These requirements are considered for innovative forms of control: level test (recognition – substitution – productive activity – decision-making in problem situations); test action (practical test); situational test (analysis of the situation of the future professional activity). Special attention is devoted to the consideration of this form of professional competence assessment as interdepartmental exercises that allow you to check special developed students' competences when students demonstrate their knowledge, skills and personal qualities and carry out their professional activities in practice. Developed professional competence assessment tools for specialized university cadets and students can serve as a basis for further coordination of the educational process.

Keywords: competence; social competence; professional competence; graduate; state standard; higher education; valuation fund; innovative forms of control; interdepartmental exercises; personally oriented training; activity approach; activity product.

РЕАЛИЗАЦИЯ СИНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПОДХОДА В ОБРАЗОВАНИИ НА ОСНОВЕ МЕТАПРОЕКТНОГО МЕТОДА

© 2016

С.А. Носков, преподаватель кафедры психологии и педагогики
Самарский государственный технический университет, Самара (Россия)

Аннотация. В статье проанализированы подходы к пониманию педагогической синергетики и сделан вывод, что принципиальным моментом в реализации синергетического подхода в образовании является интеграция различных знаний на основе междисциплинарных связей. Анализ учебных планов российских вузов по различным направлениям подготовки показал, что все они отличаются незначительным числом интегрированных курсов, в связи с чем сделан вывод о необходимости реализации в образовательном процессе альтернативных методов формирования междисциплинарных связей, учитывающих многоаспектности профессиональной и образовательной среды. Рассмотрена возможность реализации синергетического подхода на основе метода метапроектов. Дано определение учебного метапроекта как особой формы самостоятельной деятельности обучаемых, описаны специфика и особенности реализации метапроектов, этапы технологии метапознавательных проектов. Реализация метапроектов может включать в себя разнообразные формы и методы обучения из различных педагогических технологий, но обуславливает специфические задачи, стоящие перед преподавателем, представленные в содержании статьи. Результаты экспериментальной апробации подтвердили позитивное влияние применения метода метапроектов на формирование междисциплинарных связей и целостного видения будущей профессиональной деятельности студентов, а также на развития базовых способностей обучаемых: мышления, понимания, коммуникации, рефлексии, действия.

Ключевые слова: синергетический подход в образовании; педагогическая синергетика; проектная деятельность; педагогические технологии; метапроект; метапредметное обучение; технология метапознавательных проектов; профессиональные компетенции; метапредметные компетенции; междисциплинарность.

Современные условия профессиональной деятельности специалиста любого профиля отличаются значительной степенью неопределенности и изменчивости. Существенное значение в решении профессиональных задач играет умение самостоятельного принятия решений, владение способами поиска путей решения проблем. Невозможно спрогнозировать все проблемные ситуации, которые могут возникнуть перед молодым специалистом, а соответственно подготовка обучаемого должна ориентироваться не только на усвоение определенной суммы знаний, обеспечивающей выполнение задачи на основе типовых алгоритмов деятельности, но и на развитие профессиональной мобильности, умения адаптироваться, вести поисковую деятельность, повышать квалификацию, разрабатывать и предлагать инновационные решения. Все вышеперечисленные качества будущего выпускника будут основываться на его умение самостоятельно развиваться. В государственной программе Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 годы обозначено, что новое качество образования – это ориентация образования не только на усвоение обучающимися определённой суммы знаний, но и на развитие его личности, его познавательных и созидательных способностей. В этой связи акцент при изучении учебных дисциплин переносится на сам процесс познания, его организацию и управление. Актуализация роли механизмов самоорганизации студентов обуславливает значимость использования основных принципов синергетики как теории самоорганизации на всех уровнях образования [1].

А.А. Ворожбитова рассматривает педагогическую синергетику в качестве синтеза многофакторных взаимодействий во встречных процессах воспитания и самовоспитания, образования и самообразования, обучения и самообучения, материализующихся в личности обучающихся [2].

В.И. Андреев предлагает назвать педагогической синергетикой область педагогического знания, которая основывается на законах и закономерностях синергетики, то есть законах и закономерностях самоорганизации и саморазвития педагогических, то есть образовательно-воспитательных систем [3].

Известно, что педагогика – развивающаяся наука и совокупность разных ее отраслей представляет собой открытую систему. Исходя из вышесказанного, сущность синергетического подхода в педагогике может состоять в следующем: как управлять, не управляя, ненавязчиво направлять обучаемых на позитивный путь развития, как обеспечить их самовоспитание, самообразование, саморазвитие [4]. Синергетическое действие подразумевает подготовку будущего профессионала исходя из его сил и способностей, это означает невозможность авторитарного типа управления образовательным процессом. Основными задачами педагога при такой форме организации учебного процесса становятся постановка задач, контроль их исполнения и мониторинг качества формирования компетенций, деятельность по усвоению знаний, формированию умений и навыков становится прерогативой студента.

Синергетический подход к формированию образовательной среды предполагает:

1. Переход от традиционной формы управления процессом усвоения знаний и умений, основанной на жесткой регламентации действий обучаемого, к самоорганизации, повышению интерактивности информационного обмена между всеми субъектами образовательного процесса [5]. Это не только позволяет решить проблему информационного взаимодействия, увеличивая сумму знаний усваиваемых обучающимися, но и формирует умение осуществлять взаимодействия с целью совместного решения задач, поставленных преподавателем.

2. Создание образовательных технологий, органично сочетающих разнообразные педагогические подходы. Любая односторонность в применении мер педагогического воздействия окажет влияние на компетентность специалиста. Постоянно меняющиеся условия профессиональной деятельности постоянно ставят современного специалиста перед необходимостью гибкого поиска путей решения возникающих перед ним задач и, как бы не была эффективна та или иная педагогическая технология, именно вариативность методов обучения позволит обеспечить гибкость в процессе самообучения, а соответственно подготовит выпускника способного адаптироваться к изменяющимся условиям деятельности [6; 7; 8].

3. Адекватную самооценку студентами собственных действий. Понимание целей, задач, технологий и методов обучения является основой саморегуляции деятельности студента и залогом формирования навыков самообучения.

4. Информационное сопровождение образовательного процесса, обеспечивающего связь содержания учебной информации с актуальными потребностями общества и профессиональной среды будущего специалиста. Помимо этого насыщение программы обучения самостоятельной работой студентов с различными источниками данных улучшит навыки сбора и критической оценки информации, умения адаптировать и применять найденную информацию для решения прикладных задач.

Принципиальным моментом в реализации синергетического подхода в образовании является интеграция различных знаний на основе междисциплинарных связей, которая сформирует целостное видение любых профессиональных проблем, ситуации, явления во всей полноте их многогранности [9].

Процессы интеграции в зависимости от типов междисциплинарных связей и объема интегрируемого содержания могут реализовываться в разных по протяженности вариантах: интегрированная лекция, спецкурс, итоговый интегративный, завершающий определенный блок дисциплин. Характеристики чтения интегрированных курсов зависят от характера их содержания и дидактических целей. Взаимопроникновение, взаимодополнение и интеграция общеобразовательных и профессиональных дисциплин, а также многообразие форм организации образовательного процесса могут перевести подготовку будущих специалистов на качественно новый уровень [10; 11]. Проблема заключается в том, что учебные планы различных направлений подготовки содержат незначительное число интегрированных курсов, что оправданно с точки зрения многоаспектности профессиональной среды и необходимости формирования различных компетенций выпускника вуза. Одним из вариантов решения проблемы интеграции знаний различных дисциплин помимо спецкурсов может являться появившееся в последние годы в дидактике новое направление: метапроектное обучение, источниками которого могут являться: метод проектов, крупноблочная организация учебного процесса, проблемное обучение, исследовательское обучение, задачный (а не заданиевый) подход [12].

Метапредметный подход в образовании и соответственно метапредметные образовательные техноло-

гии были разработаны для того, чтобы решить проблему разобщенности, расколотости, оторванности друг от друга разных дисциплин. Они обеспечивают переход от существующей практики дробления знаний на предметы к целостному образному восприятию мира, к метадеятельности.

Механизмом развития метадеятельности может стать система инновационных творческих проектов. При их создании у студентов формируются универсальные знания, умения и навыки, общие для всех наук, развивается способы, действия, которые они приобретают в процессе обучения, появляется привычка мыслить и действовать в соответствии с принципами метапредметности, то есть происходит интеграция знаний. Метапроектный метод предполагает такую реорганизацию предметного образования, при которой получилось бы транслировать содержание одних учебных дисциплин не как сведения для запоминания, но как знания для осмысленного использования в проектах других дисциплин, что в свою очередь, сформирует готовность применения полученных знаний в прикладных профессиональных задачах.

Источником метапроектного обучения является традиционное проектное обучение, основу которого составляет организация межпредметных связей, реализуемых в процессе решения разноплановых задач одного учебного курса за счет знаний, полученных на других курсах. Особенно актуальным организация такого рода проектов видится в рамках дисциплин, которые не носят интегрирующий характер. Проектное обучение, как оно формируется в отечественном образовании с его предметной организацией учебной деятельности, не находит для себя благоприятных условий, поскольку по своей природе имеет дело с надпредметным содержанием и близким к нему межпредметным и внепредметным материалом. Метапроектное обучение с одной стороны, ограничивает традиционный предметоцентризм; с другой, – расширяет и углубляет его, делая учебный предмет полем межпредметных взаимодействий. Работа над метапроектом побуждает обучающихся к актуализации имеющихся и активному поиску недостающих знаний, использованию для этого самых различных видов деятельности и разнообразных источников информации.

Учебный метапроект – это самостоятельная, исследовательская, творческая, информационно-познавательная, практико-ориентированная деятельность обучаемых, реализуемая в соответствии с программой и этапами проектной деятельности, начиная с формулирования проблемы и заканчивая презентацией результатов проектирования. Целью метапроекта является приобретение умений по управлению знаниями в процессе решения междисциплинарной учебной задачи. Цель метапроекта разбивается на две подцели: предметную и личностную. Предметными целями реализации технологии является построение системы обобщенных знаний предметной области в процессе самостоятельной познавательной деятельности студентов, демонстрация разнообразия конкретных (фактологических, закономерностных, процессуальных, оценочных и др.) знаний предметной области. Личностными целями являются: развитие познавательной мотивации и активности студентов,

самостоятельности в познавательной деятельности, развитие умений, входящих в познавательную компетентность студентов [13]. Содержание каждого конкретного метапроекта формируется преподавателем конкретной учебной дисциплины с учетом содержания как предшествующих дисциплин, так и курсов читаемых параллельно. Также необходимо предусматривать индивидуальность выполнения метапроектов, поскольку как уже было сказано, в основе подготовки специалиста нового поколения лежат процессы самоорганизации и самообучения.

Метапроекты могут быть междисциплинарными, например, предусматривать возможность интеграции знаний, умений и навыков из комплекса дисциплин направленных на формирование одной компетенции, и дисциплинарными, если учебная дисциплина построена на объединении различных областей научно-го или профессионального знания.

Реализация метапроектов может включать в себя разнообразные формы и методы обучения из различных педагогических технологий: консультирование, методическая и психологическая поддержка, моделирование процессов и ситуаций, групповая дискуссия, решение конкретных ситуаций, рефлексивные методики, собственно проектирование.

Задачи преподавателя при реализации метода метапроектов:

- проектирование учебных задач, работающих как фильтр в процессе поиска, отбора, конструирования по вопросам содержания проекта, решение которых выводит студентов на обобщенные знания;
- управление многообразием информации из конкретных проектов с выводом на уровень обобщенного знания;
- вовлечение студентов в управление своей деятельностью и формированием содержания дисциплины;
- стимулирование студентов использовать различные умения работать с информацией;
- создание атмосферы творческого созидания и конструктивного анализа;
- использование рефлексивных процедур и вовлечение студентов в рефлексию своей деятельности.

Как видно из задач, стоящих перед преподавателем, существенная роль в содержательном наполнении проекта и поиску средств решения поставленной учебной задачи отводится самому студенту, что в полной мере соответствует принципам синергетического подхода в образовании. Управление учебной деятельностью студентов вуза в рамках синергетического подхода будет способствовать позитивным изменениям образовательного процесса и его субъектов, если используется потенциал технологии метапознавательного проектирования в условиях информационно-образовательной среды для достижения значимого результата образования – развитие познавательной компетентности студентов, отражающей их способность и готовность управлять процессом собственной профессиональной подготовки.

Технология метапознавательных проектов (метапроектов), как технология педагогического управления учебной деятельностью студентов в современном вузе, включает в себя этапы [14]:

- смыслообразующий этап: мотивация через рефлексию смысла решения учебной задачи и смысла изучения содержания всей дисциплины в целом;

- понятийно-проектировочный этап: определение в теме, проектирование модели планируемых действий по решению учебной задачи; сбор данных, включающий определение источников информации и способов ее обработки;

- операционально-деятельностный этап: осуществление реализации проекта; построение системы интерактивных коммуникаций внутри группы, между студентами и преподавателем;

- рефлексивно-смысловой: защита проекта, включающая последовательную демонстрацию собственных решений и экспертизу проектов других обучающихся, формирующая навыки как критического восприятия так рефлексии и саморефлексии;

- корректирующий этап: стимулирование совершенствования разработанного проекта с целью сформировать готовность к постоянным изменениям себя и своей деятельности.

Предлагаемая технология педагогического управления разработана для условий многообразия, когда процедура внешнего оценивания затруднена и потому часто лишена смысла в связи с трудностью подбора критериев, удовлетворяющих требованиям всего многообразия. Поэтому рефлексия, в ходе которой осознается проделанная деятельность, связана с формированием критериев для ее оценки. Значительно удобнее и правильнее рассматривать в качестве метапредметного результата в проектировании уровень развития базовых способностей индивидуума: мышления, понимания, коммуникации, рефлексии, действия [15].

Результаты экспериментальной апробации метапроектного обучения в реальной практике образовательного процесса подтверждает позитивное влияние применения метода метапроектных на формирование целостного видения будущей профессиональной деятельности, выражающееся в переосмыслении обучающимися личностных и профессиональных ценностных ориентаций, возрастание в их глазах ценности образования, осознание междисциплинарных взаимосвязей, повышение качества выполнения узконаправленных прикладных задач в рамках реализуемой дисциплины закрепление знаний, полученных в рамках других учебных дисциплин, и, как результат – развитие профессиональной компетентности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Плеханова Т.М. Синергетика метапредметных компетенций (на примере подготовки бакалавров по связям с общественностью) // Синергетика природных, технических и социально-экономических систем: XIII Междунар. науч. конф. Тольятти: Изд-во ПВГУС, 2015. С. 180–185.
2. Ворожбитова А.А. Синергетический аспект вузовского образования в свете лингвориторического подхода // Вестник высшей школы. 1999. № 2. С. 22–26.
3. Андреев В.И. Педагогика творческого саморазвития. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1996. 568 с.
4. Рябинова Е.Н. Разработка и реализация индивидуально-корректируемой технологии профессионального обучения: монография. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2008. 238 с.
5. Тимошук Н.А. К вопросу о формировании метапредметных компетенций у будущих бакалавров и

специалистов // Самарский научный вестник. 2016. № 2 (15). С. 189–194.

6. Носков С.А. Дидактические возможности визуализации образовательной информации // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. 2015. № 2 (26). С. 144–149.

7. Плеханова Т.М. Реальное практико-ориентированное учебное проектирование как фактор развития и формирования у студентов профессиональной компетентности // Вестник самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. 2015. № 2 (26). С. 138–145.

8. Аниськин В.Н., Богословский В.И., Жукова Т.А., Рябинова Е.Н. Перспективы развития системы мультикультурного образования // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия «Психолого-педагогические науки». 2015. № 1 (25). С. 9–17.

9. Тимошук Н.А. Метапредметность в образовании XXI века // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Человеческий потенциал в 21 веке: образование и культура, патриотизм и традиции казачества, здоровый социум и инновационная экономика». Димитровград, 2016.

10. Носков С.А. Имитационное моделирование содержания и форм профессиональной деятельности специалиста по связям с общественностью // Акту-

альные проблемы развития высшего и среднего образования на современном этапе: Всерос. науч.-практ. конф. Самара: Издательство Самарского научного центра РАН, 2012. С. 244–247.

11. Рябинова Е.Н., Марченкова Л.А. К вопросу об актуальности формирования вербальных компетенций студентов технических вузов // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия «Психолого-педагогические науки». 2015. № 2(26). С. 163–170.

12. Игнатъева Е.Ю. Метапроект как технология педагогического управления учебной деятельностью студентов в современном вузе // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2011. № 4–3. С. 41–45.

13. Кустов Ю.А. Формирование общепрофессиональных компетенций студентов в воспитательном процессе вуза (аксиологический подход): монография. Тольятти: Кассандра, 2015. 168 с.

14. Колесина К.Ю. Метапроектное обучение: теория и технологии реализации в учебном процессе. Ростов-на-Дону, 2009. 412 с.

15. Тимошук Н.А. Формирование метапредметной компетентности у студентов технического университета // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия «Психолого-педагогические науки». 2015. № 3 (27). С. 233–241.

IMPLEMENTATION OF SYNERGETIC APPROACH IN EDUCATION BASED ON THE META-PROJECT METHOD

© 2016

S.A. Noskov, lecturer of the Chair of Psychology and Pedagogics
Samara State Technical University, Samara (Russia)

Abstract. The paper analyzes the approaches to understanding the educational synergy and concludes that the key moment in the realization of the synergistic approach in education is the integration of a variety of knowledge-based interdisciplinary connections. Analysis of Russian universities training plans for different areas of training showed that they differ in a small number of integrated courses, and therefore concluded that it is necessary to implement alternative methods of interdisciplinary connections formation in the educational process, taking into account the multidimensional professional and educational environment. The author considers the possibility of implementing a synergetic approach to the meta-project-based method. The educational meta-project as a special form of independent activity of students is defined; specifics and peculiarities of meta-projects implementation and stages of cognitive meta-project technology are described. Meta-projects implementation may include a variety of forms and methods of training from different educational technologies, but cause the specific challenges facing the lecturer which are presented in the content of the paper. The results of experimental testing confirmed the positive impact of the meta-project method application on the formation of interdisciplinary relationships and integral vision of the future professional work of students, as well as on the development of learners' basic skills: thinking, understanding, communication, reflection and action.

Keywords: synergetic approach to education; educational synergy; project activities; educational technology; meta-project; meta-subject training; meta-cognitive project-based technology; professional competence; meta-subject competence; interdisciplinarity.

УДК 378

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ СВЯЗЕЙ В ПРОЦЕССЕ ПОДГОТОВКИ БАКАЛАВРОВ

© 2016

Т.М. Плеханова, старший преподаватель кафедры психологии и педагогики
Самарский государственный технический университет, Самара (Россия)

Аннотация. В данной статье рассматриваются теоретические аспекты и актуальность междисциплинарного подхода в педагогическом процессе. В качестве средства формирования междисциплинарных связей в процес-

се подготовки бакалавров, обучающихся по направлению 42.03.01 Реклама и связи с общественностью предлагается разработанное на базе кафедры психологии и педагогики СамГТУ междисциплинарное учебно-методическое пособие по связям с общественностью. Учебно-методическое пособие является частью учебно-методического комплекса по дисциплинам «Теория и практика связей с общественностью», «Теория и практика массовой информации», «Основы теории коммуникации» и предназначено для использования в рамках проведения практических занятий. Междисциплинарный потенциал учебно-методического пособия заключается в том, что содержание и дидактические единицы различных дисциплин дополняют друг друга, формируют единое целостное восприятие изучаемой темы; с точки зрения формируемых компетенций студенты приобретают широкий набор владений, умений и навыков, студенты более полно воспринимают преемственность и последовательность между планируемыми результатами освоения дисциплин. Внедрение пособия в процесс обучения бакалавров 3 курса, обучающихся по направлению «Реклама и связи с общественностью» позволит повысить уровень подготовки студентов за счет аккумуляции знаний, умений, владений из разных дисциплин для решения профессиональной задачи.

Ключевые слова: междисциплинарность; междисциплинарное обучение; учебно-методическое пособие; педагогический процесс; бакалавриат; студенты; дисциплины; компетенции; владения; умения; навыки; Самарский государственный технический университет; реклама; связи с общественностью; коммуникация.

Реализация программы подготовки бакалавров предполагает не только обновление учебных курсов, программ, рабочих и индивидуальных планов, учебно-методической литературы, программно-информационного обеспечения, но и создание абсолютно новых учебников и учебных пособий, отвечающих требованиям Федерального государственного образовательного стандарта. Образовательные инновации должны проявиться не только в компетентностном подходе, но и в расширении спектра педагогических технологий, в выборе адекватной стратегии обучения [1, с. 5; 2].

На современном этапе развития общества, в условиях усложнения производственных отношений, его технической и социальной инфраструктуры решающим оказывается изменение отношения образовательных структур к подготовке специалистов в любой области. Это существенным образом зависит от организации целостного педагогического процесса, который заключается в создании новых организационных приемов, объединении научных направлений, инновационной деятельности [3; 4].

В современных условиях динамично меняющейся профессиональной среды, характеризующейся высоким уровнем конкуренции, у студентов, как у будущих субъектов профессиональной деятельности, необходимо сформировать компетенции, способствующие своевременному реагированию не только на изменения среды, но и на изменения потребностей и интересов целевых групп общественности [5; 6; 7]. Формирование актуальных компетенций возможно в условиях междисциплинарного подхода [8; 9].

Изучением вопросов междисциплинарности в образовании занимаются многие исследователи [10]. Среди зарубежных авторов стоит отметить работы Т. Аусбегр, Дж. Томпсон, Дж. Ганна, изучающих исторические предпосылки междисциплинарности. Интересы Х. Якобса, Р. Эверетта, Н. Моти, Д. Дэвида и Дж. Джери сосредоточены в области педагогической междисциплинарности. Ряд ученых, среди которых Р. Кёниг, Г. Бергер, Р. Акоф, объектом изучения выбрали для себя междисциплинарные исследования [11]. Среди отечественных исследователей вопросов междисциплинарности в педагогическом процессе стоит отметить Г.Л. Тульчинского, Е.А. Бушковской, Е.И. Снопковой [12; 13].

Стоит, однако, отметить, что на сегодняшний день вопрос междисциплинарности в педагогике доста-

точно обширен, что обуславливает необходимость проведения дальнейших исследований.

Целью исследования явилось изучение особенностей формирования междисциплинарных связей в процессе подготовки бакалавров на примере разработанного на базе кафедры психологии и педагогики СамГТУ междисциплинарного учебно-методического пособия по связям с общественностью.

Междисциплинарность, по мнению Х. Якобса – это вид знания и подход к курсу обучения, которые сознательно включают методологию и язык более чем одной дисциплины для рассмотрения центральной темы, проблемы, события. В отличие от традиционного взгляда на сумму знаний отдельной дисциплины, междисциплинарность не делает акцент на ограничения знания, а сосредотачивается на связях и взаимоотношениях между разными дисциплинами, изучающими свой предмет [11].

Согласно Е.А. Бушковской, основой междисциплинарного обучения является тематическая междисциплинарная интеграция. Тематическая междисциплинарная интеграция – способ организации содержания обучения, в основе которого лежит интеграция объектов изучения, тем, проблем из разных областей знаний посредством их содержательного связывания с общими идеями междисциплинарного характера, которые раскрывают смысл глобальной темы [14].

Междисциплинарный подход в педагогике определяется Е.И. Снопковой как круг проблем, решаемых внутри педагогической науки с целью преодоления системы методологических ограничений, мешающих ее развитию в соответствии с динамикой науки в истории развития человеческого общества и культуры, изменчивостью норм, стратегий, критериев, программ исследовательской деятельности [15].

Э.М. Мирским выделено 3 вида проблем, решаемых в процессе междисциплинарного обучения:

- методологическая (формирование объекта изучения в разных предметных проекциях);
- организационная (создание сети коммуникаций представителей разных научных дисциплин);
- информационная (передача прикладных результатов обучения в практику принятия решений и их воплощения, передача научных результатов для экспертизы в системы дисциплинарного знания) [15].

Рассматриваемое в качестве средства формирования междисциплинарных связей междисциплинарное

учебно-методическое пособие является частью учебно-методического комплекса по дисциплинам «Теория и практика связей с общественностью», «Теория и практика массовой информации», «Основы теории коммуникации» и предназначено для использования в рамках проведения практических занятий для подготовки бакалавров по направлению 42.03.01 Реклама и связи с общественностью.

В соответствии с действующим ГОСТ 7.60-2003 «Издания. Основные виды. Термины и определения» учебно-методическое пособие – учебное издание, содержащее систематизированные материалы по методике самостоятельного изучения учебной дисциплины, тематику и методику различных практических форм закрепления знаний (контрольных, курсовых, дипломных работ), изложенных в форме, удобной для изучения и усвоения [16, с. 7].

Как и любой тип учебной литературы учебно-методическое пособие имеет свое четко определенное целевое назначение. Целевое назначение учебно-методического пособия отражает функцию, которую выполняет данный тип изданий. Так, основной функцией учебно-методического пособия является обеспечение самостоятельной работы студентов по овладению знаниями и их закреплению [17; 18].

Целью рассматриваемого междисциплинарного учебно-методического пособия по связям с общественностью является формирование у бакалавров общепрофессиональных и профессиональных компетенций, которые необходимы для реализации организационно-управленческой деятельности.

Задачи междисциплинарного учебно-методического пособия по связям с общественностью:

- формирование у бакалавров способности осуществлять под контролем профессиональные функции в области рекламы и связей с общественностью в различных структурах;
- формирование у бакалавров знаний и навыков работы в отделах рекламы/связей с общественностью;
- формирование у бакалавров умения планировать и готовить под контролем коммуникационные кампании и мероприятия;
- формирование у бакалавров способности принимать участие в управлении и организации работы рекламных служб и служб по связям с общественностью фирмы и организации, осуществлять оперативное планирование и оперативный контроль рекламной работы, деятельности по связям с общественностью, проводить мероприятия по повышению имиджа организации, продвижению товаров и услуг фирмы на рынок, оценивать эффективность рекламной деятельности и связей с общественностью.

Междисциплинарность данного учебно-методического пособия реализуется на двух уровнях:

1. Уровень дисциплин. Рассматриваемые дисциплины имеют различные объекты изучения и содержание. Однако в своей структуре все три дисциплины имеют общую тематику, позволяющую объединить их в рамках единого учебно-методического пособия – коммуникационный процесс.

2. Уровень компетенций. Каждая из рассматриваемых дисциплин призвана формировать различный набор компетенций. В процессе обучения с использованием предлагаемого учебно-методического пособия

в рамках каждой дисциплины студенты могут осваивать более широкий набор общепрофессиональных и профессиональных компетенций.

В связи с этим в процессе изучения отдельной дисциплины может быть достигнуто полное либо частичное формирование у студентов дополнительных компетенций, присущих сопутствующим дисциплинам.

Формирование общепрофессиональных и профессиональных компетенций у будущих выпускников обеспечивает их дальнейшее вхождение в профессиональную среду [19; 20].

Рассмотрим интерпретацию содержания учебно-методического пособия в рамках каждой из рассматриваемых дисциплин в соответствии с рабочими программами дисциплин на примере Темы 1 «Возникновение и развитие PR. Исторический аспект» пособия (табл. 1).

Таблица 1 – Интерпретация содержания учебно-методического пособия в рамках каждой из рассматриваемых дисциплин

Тема учебно-методического пособия	Содержание занятий по дисциплине «Теория и практика связей с общественностью»	Содержание занятий по дисциплине «Теория и практика массовой информации»	Содержание занятий по дисциплине «Основы теории коммуникации»
Тема 1. Возникновение и развитие PR. Исторический аспект	Предпосылки возникновения PR-деятельности, первые образцы. PR в Древней Греции и Древнем Риме. Этапы развития PR: «Эра манипулирования», «Эра информирования», «Эра убеждения», «Эра сотрудничества»	Дожурналистский опыт массовой коммуникации человечества. Социокультурные предпосылки возникновения журналистики как начальной формы PR-деятельности. Предшественники периодической печати. Состояние сферы СМИ в настоящее время	Основные этапы развития теории коммуникации. Место PR-коммуникации в развитии общей теории коммуникации. Виды коммуникаций, предшествующие PR-коммуникации и последующие

Как видно из таблицы 1, общую тему каждая дисциплина наполняет собственным содержанием, дидактические единицы дополняют друг друга, формируют единое целостное восприятие изучаемой темы.

Рассмотрим также междисциплинарность учебно-методического пособия с точки зрения формируемых компетенций.

Рассматриваемые дисциплины формируют общую компетенцию ОПК-4: Умение планировать и готовить под контролем коммуникационные кампании и мероприятия. Междисциплинарность в данном случае заключается в том, что общую компетенцию каждая дисциплина наполняет индивидуальными плани-

руемыми результатами обучения: владениями, знаниями и умениями, приобретаемыми студентами в процессе освоения дисциплины. В данном случае, осваивая одну компетенцию, студенты приобретают широкий набор владений, умений и навыков. Исключается дублирование планируемых результатов обучения, возникает взаимосвязь между читаемыми дисциплинами, студенты более полно воспринимают преемственность и последовательность владений, умений и знаний по рассматриваемым дисциплинам.

В итоге отметим, что в настоящий момент рассматриваемое учебно-методическое пособие по связям с общественностью:

– рассмотрено и одобрено на заседании кафедры психологии и педагогики СамГТУ;

– рассмотрено и одобрено на заседании методического совета факультета гуманитарного образования СамГТУ;

– рекомендовано к изданию.

В 2016/2017 учебном году запланировано внедрение учебно-методического пособия в процесс обучения бакалавров 3 курса, обучающихся по направлению 42.03.01 Реклама и связи с общественностью, профиль «Связи с общественностью».

Внедрение пособия в процесс обучения бакалавров 3 курса, обучающихся по направлению 42.03.01 Реклама и связи с общественностью позволит повысить уровень подготовки студентов за счет аккумуляции знаний, умений, владений из разных дисциплин для решения профессиональной задачи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Фролко М.С. Рекомендации преподавателям по созданию учебно-методических материалов. М.: ФГБОУ ВПО «РГУФКСМиТ», 2013. 35 с.

2. Тимощук Н.А. Преемственность в реализации федеральных государственных образовательных стандартов // Математическое образование: прошлое, настоящее и будущее: Мат-лы IV Всерос. III Междунар. заочной науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. К.А. Малыгина. Самара: ПГСГА, 2015. С. 268–274.

3. Плеханова Т.М. Синергетика метапредметных компетенций (на примере подготовки бакалавров по связям с общественностью) // Синергетика природных, технических и социально-экономических систем: XIII Междунар. науч. конф. Тольятти: Изд-во ПВГУС, 2015. С. 180–185.

4. Тимощук Н.А. Формирование метапредметной компетентности у студентов технического университета // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия «Психолого-педагогические науки». 2015. № 3(27). С. 233–241.

5. Плеханова Т.М., Мельник Н.М. Подготовка эффективного специалиста по социальной рекламе в условиях становления инновационного общества // Связи с общественностью в пространстве межкультурной коммуникации: императивы модернизации и управление изменениями: Междунар. науч.-практ. конф. Самара: СамГТУ, 2012. С. 133–137.

6. Плеханова Т.М. Реальное практико-ориентированное учебное проектирование как фактор развития и формирования у студентов профессиональной ком-

петентности // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. 2015. № 2 (26). С. 138–145.

7. Плеханова Т.М. Синергетика метапредметных компетенций (на примере подготовки бакалавров по связям с общественностью) // Синергетика природных, технических и социально-экономических систем. XIII Междунар. науч. конф. Тольятти: Изд-во ПВГУС, 2015. С. 180–185.

8. Насанова Б.Б. Междисциплинарные связи в системе СПО: компетентностный подход // Среднее профессиональное образование. 2013. № 12. С. 7–9.

9. Ульянова О.В. Междисциплинарность как основополагающий принцип формирования профессиональной компетентности студентов технических вузов // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2012. № 8. С. 65–68.

10. Лаптева М.П. Междисциплинарность как методологический феномен // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2011. № 1(15). С. 165–167.

11. Бушковская Е.А. Феномен междисциплинарности в зарубежных исследованиях // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 330. С. 152–155.

12. Соловьев А.А. Образование: междисциплинарность и разделенность // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2013. № 16(119). С. 27–30.

13. Платонова С.И. Междисциплинарность в современном социальном знании // Теория и практика общественного развития. 2012. № 12. С. 41–44.

14. Бушковская Е.А. Междисциплинарное обучение как способ формирования коммуникативной компетентности (на примере уроков английского языка) // Молодой учёный. 2014. № 5 (64). С. 492–495.

15. Снопкова Е.И. Актуальность междисциплинарного подхода в педагогических исследованиях: научное обоснование // Интеграция образования. 2015. Т. 19, № 1. С. 111–117.

16. Правила подготовки рукописи к изданию: метод. указания / сост. Е.С. Захарова. Самара: Самар. гос. техн. ун-т, 2009. 44 с.

17. Методические указания по разработке учебного пособия [Электронный ресурс] // Сайт Якутского колледжа технологии и дизайна. – <http://www.yctd.ru/?q=content/методические-указания-по-разработке-учебного-пособия>.

18. Михеева Е.Н., Перова Л.А. Разработка учебно-методического пособия как показатель компетентности педагога // Научные исследования в образовании. 2011. № 10. С. 67–70.

19. Рябинова Е.Н., Марченкова Л.А. К вопросу об актуальности формирования вербальных компетенций студентов технических вузов // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия «Психолого-педагогические науки». 2015. № 2(26). С. 163–170.

20. Рябинова Е.Н., Марченкова Л.А. Формирование вербальных компетенций в процессе профессиональной подготовки будущих инженеров // Вектор науки ТГУ. Серия: педагогика, психология. 2015. № 4(23). С. 158–163.

TRAINING HANDBOOK AS MEANS OF ORGANIZATION OF INTERDISCIPLINARY CONNECTIONS IN THE PROCESS OF BACHELORS TRAINING

© 2016

T.M. Plekhanova, senior lecturer of the Chair of Psychology and Pedagogics
Samara State Technical University, Samara (Russia)

Abstract. This paper discusses the theoretical aspects and relevance of the interdisciplinary approach in the pedagogical process. An interdisciplinary teaching aid for public relations, developed at Psychology and Pedagogy Department of SSTU, is considered to be a form of interdisciplinary connections formation in the process of bachelors training whose major is 42.03.01 «Advertising and public relations». This study guide is a part of the educational complex for the courses «Theory and Practice of Public Relations», «Theory and Practice of the media», «Fundamentals of communication theory» and is supposed to be used as part of their practical training. Interdisciplinary potential of this training manual is that the content and didactic units of different disciplines complement each other, forming a single integral perception of the subject. In terms of developing competencies students acquire a wide range of knowledge and skills as well as perceive a continuity and consistency between the results of the planned development of the disciplines. Implementation benefits Bachelors' 3rd year learning process and lets the students majoring in «Advertising and public relations» improve the level of training due to the accumulation of knowledge and skills from different disciplines to solve professional problems.

Keywords: interdisciplinarity; interdisciplinary studies; teaching aid; pedagogical process; bachelor; students; discipline; competence; ownership; skills; Samara State Technical University; advertising; public relations; communication.

УДК 37.015.3:177

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДУХОВНО-ПРАКТИЧЕСКОГО ОСВОЕНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В МОРАЛИ

© 2016

О.К. Позднякова, доктор педагогических наук, профессор,
член-корреспондент Российской академии образования, профессор кафедры педагогики и психологии
Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара (Россия)

Аннотация. В статье обосновывается необходимость осмысления морали, как способа духовно-практического освоения человеком действительности, в контексте педагогического знания. Аргументируется, что духовно-практическое освоения действительности осуществляется при участии морального сознания, в механизмах функционирования которого заложены способы ориентации человека в социальном мире, в мире ценностей. Выявляется взаимосвязь морали и нравственного сознания. Мораль проявляется в поведении и поступках, в деятельности и действиях, в отношениях человека. Нравственное сознание, состоящее из представлений, взглядов, оценок, позволяет совершать выбор поступков и действий, которые реализуются в поведении и в деятельности. Представлены основания различия морали и нравственности: мораль объемлет объективное, а нравственность есть субъективное. Обосновывается, что нравственное сознание учителя, участвующее в духовно-практическом освоении действительности в морали, есть такое идеальное, которое определенным образом организует и регулирует его действия по воспитанию и обучению детей. Установлено, что духовно-практическое освоение действительности в морали происходит на основе нравственного сознания, в котором деонтологическое и аксиологическое, оценочное и мотивационное находятся в единстве и взаимосвязи. Учитель, реализуя аксиологическое и деонтологическое через приобщение учащихся к ценностям, достигая цели образования, развивает двойную мотивацию учащихся, суть которой заключается в единстве деонтологического и аксиологического аспектов духовно-практического освоения действительности в морали.

Ключевые слова: учитель; ученик; мораль; духовно-практическое освоение действительности; моральное сознание; нравственное сознание; нравственность; ценность; педагогическая рефлексия; педагогическая деятельность; поступки; поведение; оценка; мотивация; отношения; выбор.

Содержание образования и его цели определяются как социальным, так и общекультурным контекстом жизни общества. Тот факт, что сегодня российское общество переориентируется на ценности, прежде всего нравственные, определяющие выбор человеком отдельных поступков и линии поведения в целом, показывает, что в образовании происходит переход от единообразия к многообразию. Многообразие, в отличие от единообразия, диктующего педагогу четкую последовательность этапов педагогической деятельности, и жестко задающего ее результаты, дает учителю возможность свободно, без внешней диктовки

выбирать формы и методы обучения и воспитания учащихся на всех ступенях образования. Переход к многообразию от единообразия позволяет осуществить замену ролевого способа педагогической деятельности культурным способом, который наиболее отвечает ее природе.

В тоже время образование, получив свободу выбора, зачастую направляет свои ресурсы не на формирование человека нравственного, а на формирование человека успешного, который в первую очередь ориентирован не на благо, а на пользу. В образовании, приобретающем черты сферы услуг, явно про-

слеживается отступление от личностно-ориентированной парадигмы в пользу технократической. Человек, являющийся продуктом такого образования, в своей направленности на личный успех, не задумывается о благе другого человека. Конечно же, речь не идет об абсолютно всех выпускниках образовательных учреждений. Речь идет об общей тенденции, которая сегодня прослеживается все более отчетливо. В современном мире присутствует довольно большое число образцов социализации. Это, с одной стороны, примеры бескорыстной помощи людям, развитие благотворительности, заботливого отношения к людям с особыми потребностями, с другой стороны, равнодушие к проблемам другого человека, приоритет собственных интересов в ущерб интересам других, стремление к материальному достатку любой ценой. Человек сам осуществляет выбор между жизнью нравственной и жизнью безнравственной. Можно ли помочь человеку сделать выбор в пользу нравственной жизни, жизни, достойной человека при наличии в социальной жизни разнообразных образцов социализации? Есть ли способ адаптации человека к сотканной из противоречий современной действительности, который бы (способ) предоставил бы возможность не только сохранить те нравственные ценности, что есть в обществе, но и созидать ценности, обогащать нравственные традиции?

Мы полагаем, что одним из таких способов адаптации человека к социальной реальности, к осуществлению им выбора в пользу блага, добра является духовно-практическое освоение действительности в морали. Когда мы говорим об адаптации человека к социальной реальности, то, прежде всего, подразумеваем ребенка, школьника. Формирования способности учащегося осуществлять духовно-практическое освоение действительности в морали во многом зависит и от учителя, приобщающего учащихся к ценностям, развивающего у них опыт нравственного поведения и отношений к миру, к людям и к себе. Тем самым обозначается необходимость осмысления морали в контексте педагогического знания.

Методологической основой исследования данной проблемы становится этика, которая выясняет, что представляет собой мораль.

В рамках этической науки большой вклад в исследовании проблемы морали внесли Р.Г. Апресян [1; 2; 3; 4], А.А. Гусейнов [5; 6; 7; 8; 9; 10], В.А. Блюмкин [11], В.А. Василенко [12], В. Вичев [13], О.Г. Дробницкий [14; 15], Т.С. Лапина [16], Н. Мизов [17], А.В. Разин [18; 19; 20; 21], Ю.А. Смоленцев [22], А.И. Титаренко [23], В.А. Титов [24] и другие ученые.

Мораль, являясь объектом исследования этической науки, изучается на гносеологическом, социологическом и этическом уровнях. На гносеологическом уровне мораль исследуется как форма общественного сознания, на социологическом уровне – как регулятор поведения, на этическом как особый способ духовно-практического освоения действительности.

Существует и несколько иной подход к выделению уровней исследования морали. Согласно данному подходу, мораль как форма общественного сознания рассматривается на философском уровне; мораль с точки зрения ее взаимосвязи с различными сторо-

нами и сферами материальной и духовной жизни изучается на социологическом уровне; с точки зрения внутренней специфической природы, мораль изучается на специальном частно-научном уровне – этическом уровне.

Для педагогики мораль, по утверждению Н.Д. Зотова, «выступает лишь как определенный компонент в пределах ее предметно-целевых интересов» [25, с. 49], но учет методологических и практически-консультативных возможностей этики по отношению к педагогике позволяет определить место педагогической деятельности в духовно-практическом освоении действительности.

Анализ научной литературы показывает, что ученые единодушны относительно того, что мораль является способом духовно-практического освоения действительности.

Однако есть такой аспект при выявлении сущности духовно-практического освоения действительности, на который необходимо обратить внимание. Мы имеем в виду разграничение учеными понятий «освоение» и «отражение», то есть выяснение того, какое из данных понятий шире, а какое уже по своему значению. Существует точка зрения, согласно которой второе понятие является более глубоким и богатым по своему содержанию, чем первое. «Когда мы говорим о "способе освоения мира", – пишет М.Г. Журавков, – нас интересует – как это происходит; когда же мы говорим об отражении, нас уже интересует и что отражается и как отражается. Понятие "отражение", таким образом, богаче и глубже, чем понятие "освоение"» [26, с. 46].

Мы полагаем, что, когда речь идет о морали как о способе духовно-практического освоения действительности, тогда следует говорить именно об освоении, а не об отражении. Отражение является одной из функций морали, а потому различие понятий «освоение» и «отражение», как это сделано М.Г. Журавковым, не совсем корректно, поскольку основания, по которым осуществляется категориальный анализ понятий, различны. К другим функциям морали относятся: познавательная, оценочная, императивная, мотивационная, ориентирующая (воспитательная) функции (А.И. Титаренко [23, с. 14]); отражательная, ценностно-ориентирующая, регулятивная функции, функция формирования социального субъекта (Т.С. Лапина [16, с. 53–65]); гуманизирующая, регулятивная, ценностно-ориентирующая, познавательная, воспитательная функции (И.Л. Зеленкова и Е.В. Беляева [27, с. 97–100]).

Мораль является одной из форм духовного отношения к миру, имеющей практическую ориентацию, и ее задача – включение человека в общение, в реальные нравственные отношения. Мораль характеризует человека с точки зрения его способности жить в человеческом общежитии. «Пространство морали – отношения между людьми» [10, с. 20], которые всегда конкретны, а потому строятся для определенных целей.

В рамках этического подхода к исследованию морали она предстает именно как особый способ духовно-практического освоения действительности. Такое определение морали, как подчеркивает А.И. Титаренко, ориентирует исследователя на изучение «особых способов и особого характера освоения челове-

ком действительности, которые и определяют ее своеобразие» [23, с. 11]. Это общее исходное определение морали указывает лишь общее направление для исследования способа освоения человеком действительности как в рамках объекта этики, так и в рамках объекта педагогики.

Обратимся к научной литературе, в которой раскрывается, каким образом происходит такое освоение действительности, каков результат, то есть что является итогом духовно-практического освоения человеком действительности, и определим место педагогической деятельности в формировании способности учащихся к духовно-практическому освоению действительности.

А.И. Титаренко при обосновании морали как способа духовно-практического освоения действительности исходит из того, что познавательные моменты подчинены регулятивной, или точнее, оценочно-императивной функции, а собственно моральные предписания не могут подменить научное знание. В таких предписаниях, которые есть только «симптом» изменений, происходящих в общественной жизни, зафиксирован особый прием ориентации человека в мире. Знание в морали закодировано в императивах требуемого поведения, оно существует в преобразованном, зашифрованном виде – через особый способ оценки и повеления [23, с. 13].

Осмысление взглядов А.И. Титаренко относительно духовно-практического способа освоения человеком действительности показывает, что такое освоение осуществляется при непосредственном участии морального сознания, в механизмах функционирования которого заложены разнообразные способы ориентации человека в социальном мире в целом и в мире ценностей в частности. Данные способы ориентации нельзя заменить научными рекомендациями. В ситуации морального выбора, когда человек определяет свои предпочтения между альтернативами, опора на них может и не дать нужного эффекта. Выбор поступков или ценностей всегда затрагивает интересы другого человека, не учитывать которые нельзя, и предусмотреть все только с помощью научных рекомендаций невозможно. Знание о морали, о ценностях и т.д. необходимо для осуществления выбора, ибо с помощью знания, в том числе и морального знания, человек осуществляет выбор и оценивает его результаты. С этих позиций становится ясным положение А.И. Титаренко о том, что познавательный момент в морали подчинен оценочно-нормативной ее функции, что в моральном требовании имеет место различие между научно-познавательным и ценностным отношениями [23, с. 15] человека к миру, к людям.

Мораль является особым способом ориентации человека в действительности. Мораль «проникает» в нравственное сознание человека, которое уже содержит в себе этические, моральные знания, на базе которых у человека формируются представления, взгляды, идеи. Моральные представления, взгляды, идеи человека состоят из элементов знаний, которые необходимы для оценки действий и поступков, взглядов и идеалов. Содержание оценки у различных людей различно. Человек оценивает избирательно, поскольку предметом его оценки, осуществляемой на основе того знания, которое содержится в его созна-

нии, является то, что имеет для него значение. Однако в ситуации морального выбора он может оценивать и то, что, возможно, в данный момент его жизнедеятельности не имеет для него значения. Такое оценивание побуждает сознание человека к поиску ценностей, которые, находясь в объективной ценностной системе, станут основанием и критерием для оценивания. Как подчеркивает А.И. Титаренко: «Для морального сознания характерны напряженный поиск ценностно-нормативного смысла поступков и отношений людей, резкое усиление этого смысла и на этом основании – оценка социальных взаимосвязей в обществе» [23, с. 16].

Осмысление идеи А.И. Титаренко о том, что моральное сознание осуществляет поиск ценностно-нормативных смыслов, дает нам основание утверждать, во-первых, что в моральном сознании начинают «сопрягаться» аксиологическое и деонтологическое. Во-вторых, оценка выполняет функцию ориентации человека в мире ценностей и норм, которые он выбирает избирательно. Мораль избирательна, как избирательны наши отношения к миру, к людям, к их действиям и поступкам. Моральное сознание человека может и не обращать внимания на то, что для человека не представляет значения. В-третьих, избирательный выбор нужных человеку ориентиров возможен при условии сочетания оценки и адекватных ей критериев, в качестве которых выступают ценности и нормы. «Сочетание нормативности, императивности, оценочности, мотивационности, – пишут Л.М. Архангельский и Т. Джафарли, – особенность только морального сознания» [28, с. 154]. Такое сочетание нормативности, императивности, оценочности, мотивационности означает, что моральное сознание оперирует не просто знаниями, не просто категориями морали, но целостными «смысловыми образованиями», которые задают эскиз будущего.

Эскиз будущего, равно как и категории, которыми оперирует моральное сознание, могут, с одной стороны, выражать нормативные требования. С другой стороны, выступать в качестве ориентиров, перспектив личностного развития. Мораль, проникая в сознание человека, как пишет А.А. Гусейнов, «существует не как состояние, а как вектор сознательной жизни. Она обретает реальность как долженствование. Долженствование нельзя противопоставлять бытию... Долженствование и есть специфический способ существования морали... Мораль потому и существует в форме долженствования, что ни в какой другой форме не может обрести реальность – цель, на которую нацелена мораль» [10, с. 30].

Долженствование является одной из характеристик морали как особого способа духовно-практического освоения действительности. Нормативность присуща и нравственному сознанию человека. Означает ли это, что мораль сводится к нравственному сознанию. Нет, не означает. Однако нравственное сознание играет заметную, существенную роль в духовно-практическом освоении действительности. Чем более развито нравственное сознание, тем богаче сфера долженствования, оценочности, мотивационности, императивности. Развитость нравственного сознания человека во многом зависит от морали, суще-

ствующей в обществе. Более того, мораль включена в систему социальных отношений, она фиксирует такие отношения, а нравственное сознание отдельного человека не в состоянии отразить всю систему социальных отношений, равно как и всю систему императивов, долженствований. Нравственное сознание избирательно относится к императивам, к ценностям, находящимся в объективной ценностной системе общества, к долженствованиям. Мораль, как и нравственное сознание, естественно, охватывает и сферу должного, и сферу сущего, но содержание такого «охвата» данных сфер различно. Мораль проявляется, реализуется в поведении и поступках, в деятельности и действиях, в отношениях человека. Нравственное сознание, состоящее из представлений, взглядов, оценок и т.д., «участвует» в выборе поступков и действий, которые реализуются в поведении и в деятельности. Нравственное сознание «участвует» в выборе ценностей, а природа морали ценностная. Нравственное сознание «видит», «обращает внимание» на ценности, что, однако, не означает, что данные ценности будут «схвачены» им. Необходимо создавать условия для перехода ценностей из объективной ценностной системы в субъективную ценностную систему человека. Это, на наш взгляд, является одним из оснований различия морали и нравственности. Мораль объемлет объективное, а нравственность есть субъективное. Другим основанием для различия морали и нравственности может быть рефлексия. Нравственность – это есть рефлексия человека на себя. Про мораль мы так сказать не можем.

А.А. Гусейнов обосновывает непосредственную задачу морали, состоящую в организации реального общения между людьми. Мораль как форма духовного отношения к миру, как отмечает ученый, всегда практически ориентирована [10, с. 21]. Мораль как способ практической ориентации поведения, согласно А.А. Гусейнову, представляя собой определенное ценностное отношение к миру, является выражением активности человеческого сознания. При этом нравственные взгляды и представления даны в единстве с практическими отношениями, а основным средством освоения действительности является нравственное требование [10, с. 24].

Особый интерес, с точки зрения рассмотрения морали как предмета педагогической рефлексии, представляют положения А.А. Гусейнова о том, что нравственное сознание, участвующее в духовно-практическом освоении действительности, является особым случаем целеполагающей деятельности [10, с. 24]. С данной позиции нравственное сознание учителя есть такое идеальное, которое определенным образом организует и регулирует его действия по воспитанию и обучению детей. «Выходя» при этом за пределы внешней заданности, нравственное сознание учителя «перемещается» в реальный мир общения, что является условием разрешения противоречий целеполагания. Выходя за пределы своей субъективности, учитель в своем сознании самореализуется, а областью его оценок и самооценок становится долженствование, но не требование.

Дальнейшее развитие научных представлений о морали как способе духовно-практического освоения

действительности мы находим у Ю.М. Смоленцева, который, опираясь на положения А.И. Титаренко о морали и нравственном сознании, подчеркивает важность исследования морали в контексте единства должного и сущего применительно к современной действительности. На пути реализации возможностей, заключенных в этическом подходе к изучению морали, как подчеркивает Ю.М. Смоленцев, возникает ряд теоретико-методологических проблем. Такими проблемами являются, во-первых, проблема ценностного содержания морали, которую с позиции должного и сущего в полной мере решить не представляется возможным. Во-вторых, проблемы, связанные с изучением механизмов поведения человека, которые также только с позиции должного и сущего решить нельзя. Новое, что вносит Ю.А. Смоленцев в понимание морали как особого способа духовно-практического освоения действительности, заключается, во-первых, в выделении ценностных аспектов морали; во-вторых, в обосновании того, что деятельность человека, в которой проявляется должное и сущее в их единстве, включает в себя не только поступки, но и «реальные образования морального сознания – оценки, нормы, идеалы, чувства, установки» [22, с. 18–19].

Вопросы, связанные с раскрытием сущности духовно-практического освоения действительности и его соотношением с моральным сознанием человека, нашли свое обоснование в работах А.В. Разина, который подчеркивает, что духовно-практическое освоение действительности всегда осуществляется на основе сознания, позволяющего, во-первых, расширить возможности предвосхищения состояний действительности, ее опережающего отражения. Во-вторых, дающего возможность конструировать действительность, которая создается за счет активности сознания [21, с. 378].

Не анализируя в полном объеме идеи А.В. Разина о специфике духовно-практического освоения действительности [21, с. 380–396], остановимся на таких положениях ученого, которые вписываются в объект педагогической науки.

Первое, что следует учитывать при выявлении места педагогической деятельности в духовно-практическом освоении действительности, состоит в том, что мораль выражает важнейшую сторону создаваемой реальности, так как в ней в результате коллективной работы общественного сознания вырабатываются такие понятия, которые позволяют людям сплотиться, обрести общий смысл бытия. Второе – сложности мотивации, которые объясняются тем, что человек отражает лишь ограниченный круг социальных отношений, о чем речь шла выше. Третье – сознание не только отражает реальность, но и конструирует ее. Происходящее посредством морального сознания приспособление человека к существующей реальности сопровождается возникновением новых отношений, утверждением новых, практически целесообразных способов жизни. В этом, по мнению А.В. Разина, и заключается суть процесса духовно-практического освоения действительности: «Важнейшим итогом духовно-практического освоения действительности является утверждение в общественной жизни определенных социальных норм» [18, с. 108].

Осмысление представленных выше положений А.В. Разина о сущности духовно-практического освоения человеком действительности, осуществляемого на основе сознания, показывает, что главной функцией в этом процессе является регулятивная функция морали, которую, однако, не следует абсолютизировать. Отметим, что А.В. Разин, раскрывая сущность духовно-практического освоения действительности, ведет речь об общественном сознании, а не о нравственном сознании человека. Это, с нашей точки зрения, и приводит к тому, что вне поля зрения ученого при раскрытии сущности духовно-практического освоения действительности остаются ценностные аспекты морали. А.В. Разин обращается к проблеме ценностей только тогда, когда раскрывает соотношение между нормой и ценностью, обосновывает нормативную и ценностную стороны в общественном требовании, выявляет содержание ценностного отношения человека к миру, к людям и к себе.

Осмысление идей ученых относительно сущности духовно-практического освоения человеком действительности позволяет нам выделить такие стороны данного способа освоения действительности, которые представляют интерес для педагогической науки, что и послужит отправным моментом для определения места педагогической деятельности в контексте морали как особого способа духовно-практического освоения действительности.

В результате анализа научной литературы, посвященной проблеме духовно-практического освоения действительности, мы пришли к выводу, что такое освоение происходит на основе нравственного сознания, в котором деонтологическое и аксиологическое, оценочное и мотивационное находятся в единстве и взаимосвязи. Педагогическая деятельность, центрированная на ученика, упорядочивает ценностную субъективную систему ученика, нормализует его взаимодействие с миром и с людьми. Реализация учителем аксиологического и деонтологического, осуществляемая через приобщение учащихся к ценностям, через организацию ценностно-ориентационной деятельности, в процессе которой данные ценности осваиваются и становятся основанием моральных норм, включает в себе возможность при достижении цели образования развивать двойную мотивацию учащихся. Суть такой мотивации заключается в единстве деонтологического и аксиологического аспектов духовно-практического освоения действительности в морали.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Апресян Р.Г. Восхождение к морали. М.: Прогресс, 1991. 297 с.
2. Апресян Р.Г. Идея морали и базовые нормативно-этические программы. М.: ИФРАН, 1995. 348 с.
3. Апресян Р.Г. Прикладная этика и общая теория морали // Ведомости прикладной этики. 2012. № 40. С. 84–95.
4. Арсеньев А.С. Философские основания понимания личности. М.: Академия, 2001. 592 с.
5. Гусейнов А.А. Идея абсолютного в морали. М.: РАГС, 2004. 29 с.
6. Гусейнов А.А. Как возможна абсолютная мораль? // Ведомости прикладной этики. 2012. № 40. С. 96–115.
7. Гусейнов А.А. Кто может быть экспертом в вопросах морали? // Ведомости прикладной этики. 2012. № 41. С. 122–134.
8. Гусейнов А.А. Мораль как прорыв к бытию // Философские науки. 2014. № 4. С. 7–10.
9. Гусейнов А.А. Сослагательное наклонение морали // Вопросы философии. 2001. № 5. С. 3–32.
10. Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика. М.: Гардарики, 1998. 472 с.
11. Блюмкин В.А. Мир моральных ценностей. М.: Знание, 1981. 64 с.
12. Василенко В.А. Мораль и общественная практика. М.: МГУ, 1983. 176 с.
13. Вичев В. Мораль и социальная психика. М.: Прогресс, 1978. 360 с.
14. Дробницкий О.Г. К вопросу о специфике морали // Предмет и система этики. М.: Институт философии АН СССР; София: Институт философии БАН, 1973. С. 179–207.
15. Дробницкий О.Г. Понятие морали. М.: Наука, 1974. 388 с.
16. Лапина Т.С. Социальные функции морали // Мораль и этическая теория. М.: Наука, 1974. С. 50–105.
17. Мизов Н. О системе научного познания морали // Предмет и система этики. М.: Институт философии АН СССР; София: Институт философии БАН, 1973. С. 132–151.
18. Разин А.В. Духовно-практическое освоение действительности в морали и праве // Lex Russica. 2015. № 4. С. 104–112.
19. Разин А.В. О возможности научного обоснования морали // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 2001. № 1. С. 48–61.
20. Разин А.В. Онтологические основы морали в сознании современного общества // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 2004. № 4. С. 58–79.
21. Разин А.В. Этика. М.: Академический проект, 2003. 624 с.
22. Смоленцев Ю.А. Мораль и нравы: диалектика взаимодействия. М.: МГУ, 1989. 200 с.
23. Титаренко А.И. Специфика и структура морали // Мораль и этическая теория. М.: Наука, 1974. С. 7–49.
24. Титов В.А. Мораль познающая. М.: Знание, 1988. 64 с.
25. Зотов Н.Д. Личность как субъект нравственной активности: природа и становление. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1984. 248 с.
26. Журавков М.Г. О необходимости подразделения этики на общую философскую теорию и частные дисциплины // Предмет и система этики. М.: Институт философии АН СССР; София: Институт философии БАН, 1973. С. 37–68.
27. Зеленкова И.Л., Беляева Е.В. Этика: учебное пособие и практикум. Минск: ТетраСистемс, 1997. 368 с.
28. Архангельский Л.М., Джафарли Т. Этические категории // Предмет и система этики. М.: Институт философии АН СССР; София: Институт философии БАН, 1973. С. 152–178.

**PEDAGOGICAL ASPECTS
OF SPIRITUAL AND PRACTICAL ASSIMILATION OF REALITY TO MORALITY**

© 2016

O.K. Pozdnyakova, doctor of pedagogical sciences, professor,
corresponding member of Russian Academy of Education, professor of the Pedagogy and Psychology Department
Samara State University of Social Sciences and Education, Samara (Russia)

Abstract. The paper considers the necessity of thinking about morality as a means of spiritual and practical development of human reality in the context of pedagogical knowledge. It is argued that the spiritual and practical assimilation of reality is carried out with the participation of the moral consciousness and the methods of social orientation in the human world, the world of values are in its functioning mechanisms. The author reveals the relationship of morality and moral consciousness. Morality can be found in behavior and actions, in activities and actions, in human relationships. The moral consciousness, consisting of ideas, opinions, estimates, allows you to make the choice of actions and activities that are implemented in behavior and activities. The author differentiates morality and ethics: morality is objective and ethics are subjective. It is proved that the moral consciousness of the teachers involved in the spiritual and practical assimilation of reality to morality is an ideal that in a certain way organizes and regulates his or her actions on education and training of children. It has been established that the spiritual and the practical reality in the development of morality takes place on the basis of moral consciousness in which deontological and axiological, evaluative and motivational are in unity and relationships. The teacher realizing axiological and deontological through familiarizing students to the values, achieving the purpose of education, develops the double motivation of students, the essence of which lies in the unity of the deontological and axiological aspects of the spiritual and practical assimilation of reality to morality.

Keywords: teacher; student; moral; spiritual and practical mastery of reality; moral consciousness; moral consciousness; morality; value; pedagogical reflection; educational activities; actions; behavior; evaluation; motivation; attitudes; choices.

УДК 378.14

**МОДЕЛЬ СИСТЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ У СТУДЕНТОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ**

© 2016

Д.В. Попов, старший преподаватель кафедры общей физики и физики нефтегазового производства
Самарский государственный технический университет, Самара (Россия)

Аннотация. В статье представлены результаты исследования по разработке и реализации педагогической системы формирования у студентов технического университета профессиональных экспериментально-исследовательских компетенций в процессе перманентного выполнения ими комплекса лабораторных работ. Проблема и ее решение рассматриваются на примере подготовки специалистов по специальности «Физические процессы в нефтегазовом производстве». Показана роль и место лабораторного исследовательского эксперимента в компетентностной парадигме профессиональной подготовки специалистов по физическим процессам нефтегазового производства.

Дана авторская трактовка понятия «профессиональная экспериментально-исследовательская компетенция», определены ее функциональные и содержательные компоненты.

В статье представлена теоретическая модель педагогической системы формирования у студентов профессиональных экспериментально-исследовательских компетенций в процессе выполнения лабораторных исследовательских экспериментов, которая является алгоритмом и системным навигатором для разработчиков и пользователей аналогичных систем.

Разработаны дескрипторы функциональных и содержательных компонентов (когнитивного, операционального, деятельностного), которые используются в качестве критериев оценки уровней сформированности у студентов профессиональной экспериментально-исследовательской компетенции.

Рассматривается содержание и структура информационно-дидактической базы формирования профессиональной экспериментально-исследовательской компетенции, доминирующее место в которой занимает комплекс лабораторных работ по физике и физическим процессам нефтегазового производства.

Приведены результаты проведенного констатирующего и формирующего экспериментов по выявлению исходного и итогового уравнений сформированности у студентов экспериментальной и контрольной групп, свидетельствующие о целесообразности и высокой эффективности использования инновационной компетентностно-модульной технологии проведения лабораторных экспериментально-исследовательских работ.

Ключевые слова: профессиональная экспериментально-исследовательская компетенция; нефтегазовое производство; система формирования профессиональной компетенции; компетентностно-модульная технология; информационно-дидактическая база; лабораторно-экспериментальная работа; критерий уровня сформированности.

Лидирующее положение нашей страны на мировом рынке нефтегазовой продукции, все возрастающие требования к её качеству актуализировали проблему подготовки специалистов нового профиля – горных инженеров по физическим процессам нефтегазового производства.

Весьма существенно, что Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования подготовки специалистов по специальности 13.12.01 Физические процессы горного или нефтегазового дела определил в качестве результата освоения студентами основной образовательной программы – сформированные у них совокупности общекультурных и профессиональных компетенций. В совокупности представленных в этом стандарте компетенций содержится профессиональная компетенция под номером ПК-23, которую можно правомерно назвать профессиональной экспериментально-исследовательской компетенцией.

Эта компетенция дословно трактуется, как его готовность выполнять экспериментальные исследования в натуральных и лабораторных условиях с использованием современных методов и средств измерения, как его готовность обрабатывать и интерпретировать полученные в эксперименте результаты, составлять и защищать отчеты [2; 3].

Это лаконично сформулированная дефиниция ПЭИК в самом общем виде отражает готовность выпускника вуза выполнять экспериментальные исследования в лабораторных и натуральных условиях, но не в полной мере учитывает структуру и содержание многокомпонентного процесса выполнения лабораторной экспериментально-исследовательской работы, что является барьером в проектировании инновационной технологии проведения лабораторной работы и разработке средств контроля и оценки уровней сформированности ПЭИК. В связи с этим стандартизированная формулировка дефиниции была расширена, дополнена, уточнена и обоснована [4; 5]. При этом в авторской трактовке под термином «профессиональная экспериментально-исследовательская компетенция» понимается интегративная многокомпонентная субстанция, адекватно отражающая его готовность на основе приобретенных знаний, умений, навыков и

личностных профессионально-значимых качеств планировать и подготавливать лабораторный либо натуральный эксперимент, корректно и адекватно цели и задачам эксперимента выполнять комплекс мыследеятельностных, психомоторных и тактильных операций и процедур, выполнять статистическую обработку и оценку полученных данных, эффективно и аргументированно проводить их презентацию/защиту [6; 7].

С целью эффективного развития и системного формирования у студентов профессиональной экспериментально-исследовательской компетенции в процессе выполнения ими учебных лабораторных работ была разработана на качественном уровне теоретическая модель системы формирования ПЭИК (рис. 1). Из рисунка видно, что в структуре системы содержится одиннадцать взаимосвязанных звеньев. Звено целеполагания (1) отражает целевое предназначение педагогической системы: формирование у студентов ПЭИК в процессе выполнения ими учебных экспериментально-лабораторных работ. Звено 2 модели системы, раскрывает содержание и компонентный состав ПЭИК.

Любая компетенция, в том числе и ПЭИК, имеет сложную внутреннюю интегративную структуру с большим числом компонентов разной природы. Для решения рассматриваемой проблемы необходимо и достаточно учитывать лишь содержательные и функциональные компоненты ПЭИК. Содержательные компоненты (когнитивный, операциональный и деятельностный) позволяют опосредованно контролировать, измерять и оценивать уровни сформированности ПЭИК. Функциональные компоненты отражают этапы и виды экспериментально-исследовательской деятельности студентов в процессе выполнения лабораторных работ. Здесь также три взаимосвязанных и преемственно реализуемых компонента: ККП – планирование и подготовка физического лабораторного эксперимента; ККВ – собственно процесс выполнения экспериментально-исследовательской лабораторной работы; ККОО – статистическая обработка экспериментальных данных и презентация результатов эксперимента [8].

Матрица дескрипторов содержательных и функциональных компонентов ПЭИК представлена в табл. 1.

Таблица 1 – Дескрипторы функциональных и содержательных компонентов ПЭИК

Функциональные компоненты ПЭИК	Содержательные компоненты ПЭИК		
	Когнитивный	Операциональный	Деятельностный
ККП – планирование и подготовка лабораторного эксперимента	Знание теоретических основ планирования эксперимента, знание инструментальных средств контроля и измерения	Умение составлять планы проведения физического эксперимента, выбора инструментальных средств	Владение техникой расчета многофакторных физических экспериментов. Оценка готовности инструментальных средств
ККВ – процесс выполнения экспериментально-исследовательской работы	Знание психомоторных операций проведения эксперимента, процедур наблюдения и регистрации состояния и параметров процесса, правил обеспечения безопасности эксперимента	Умение выполнять психомоторные операции, процедуры наблюдения и регистрации состояния и параметров процесса, обеспечивающие безопасность проведения эксперимента	Владение психомоторными процедурами, техникой наблюдения и регистрации состояния и параметров физического процесса, техникой обеспечения безопасности проведения эксперимента
ККОО – статистическая обработка экспериментальных данных и презентация результатов эксперимента	Знание методов статистической обработки экспериментальных данных. Знания способов и приемов эффективного отображения и презентации результатов эксперимента	Умение выбора метода обработки экспериментальных данных, использования знаково-смысловой наглядности представленных результатов	Владение математическими методами обработки экспериментальных данных, анализа, оценки и презентации результатов эксперимента

Требования к уровням сформированности ПЭИК отражены в звене 3 модели системы. Предусмотрено три уровня сформированности: пороговый (базовый), повышенный (углубленный), высокий [9; 10].

Информативно-дидактическая база формирования ПЭИК включает в себя: содержание физических учебных дисциплин, содержание лабораторных работ, содержание учебной и производственной практик.

На основании этого был разработан учебно-методический комплекс по выполнению лабораторных работ студентами I–V курсов специальности «Физические процессы нефтегазового производства» [11; 12].

Компетентностно-модульная технология формирования ПЭИК (звено 5 модели системы) представлена в виде трех технологических модулей: модуль МП-подготовка и планирование лабораторного эксперимента; модуль МВ – выполнение операций и процедур, обеспечивающих получение необходимой и достаточной информации о состоянии и параметрах исследуемого объекта [15; 16]; модуль МОО – статистической обработки экспериментальных данных и презентации результатов эксперимента.

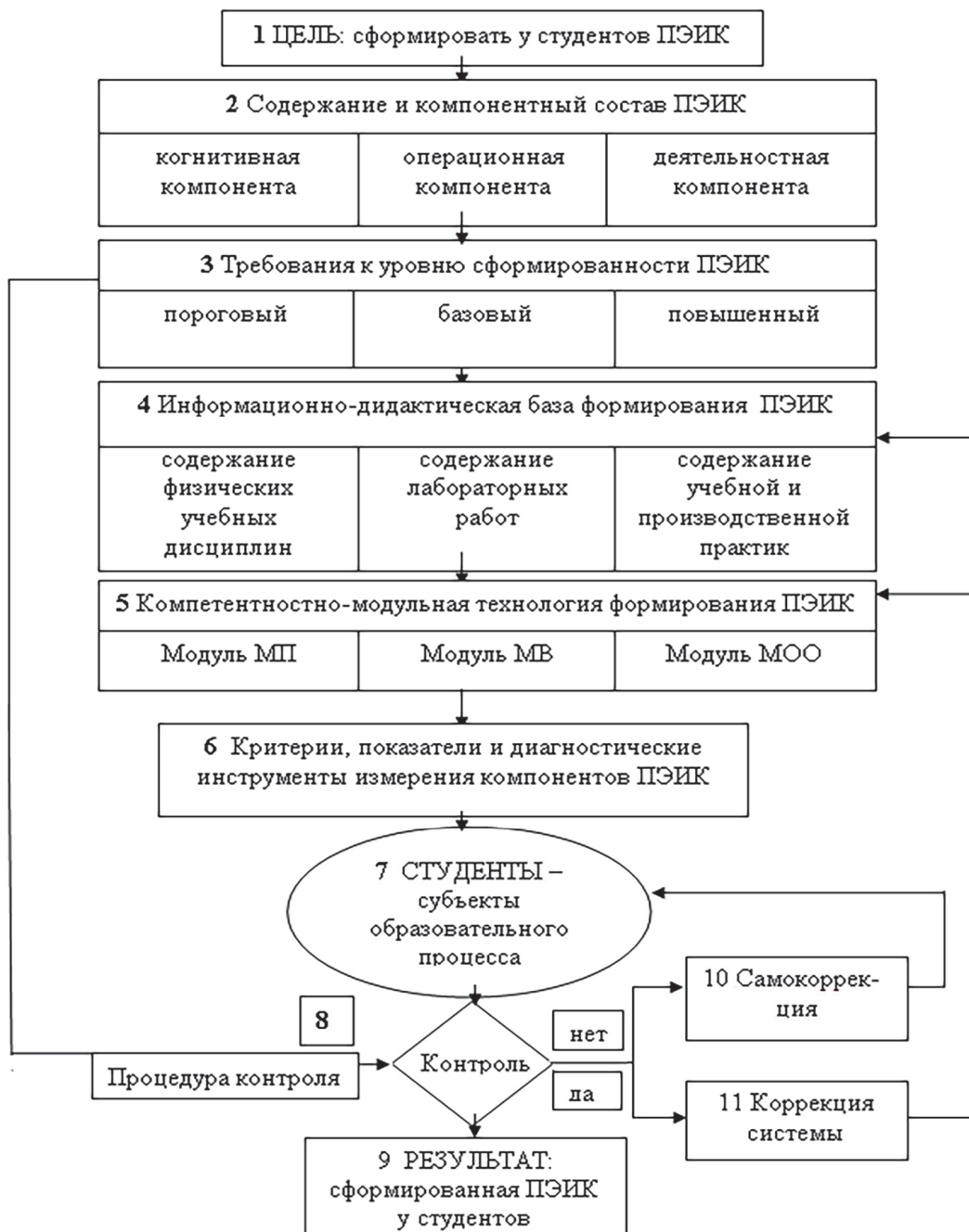

Рисунок 1 – Теоретическая модель системы формирования ПЭИК у студентов в процессе выполнения экспериментально-исследовательских лабораторных работ

Критериально-диагностическое звено 6 содержит критерии, показатели и средства контроля и оценки уровней сформированности компонентов ПЭИК [17; 18].

Звено 8 – процедура контроля, звено 9 – результат функционирования системы, звенья 10 и 11 – само-

коррекция учебной деятельности студента и коррекции системы, соответственно.

Проведенные констатирующий и формирующий эксперименты по выявлению исходного и итогового уровней сформированности ПЭИК у студентов экспериментальной и контрольной групп позволили

установить, что за счет перманентного выполнения студентами экспериментальной группы комплекса лабораторных работ по компетентностно-модульной технологии численность студентов со сформированной ПЭИК на высоком уровне возросла за период времени эксперимента (2012–2015 гг.) с 11% до 48%, т.е. в 4,4 раза, а на повышенном уровне с 14% до 37%, т.е. в 2,6 раза [19; 20].

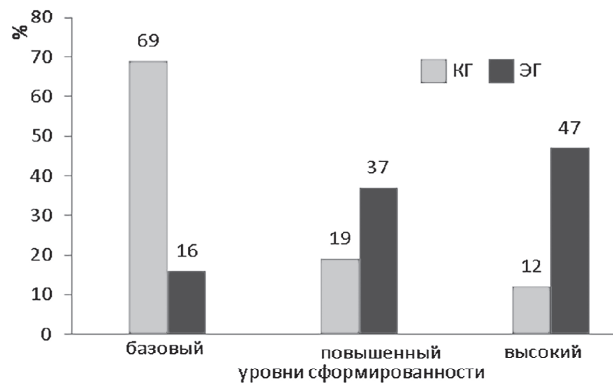

Рисунок 2 – Сравнительные диаграммы уровней сформированности компонентов ПЭИК у студентов контрольной и экспериментальной групп

Примерно такие же соотношения роста численности студентов экспериментальной группы (перманентно выполнявших лабораторные работы по инновационной компетентностно-модульной технологии) относительно численности студентов контрольной группы (выполнявших лабораторные работы по традиционной технологии) были получены на итоговом срезе формирующего эксперимента (рис. 2). Из приведенной на этом рисунке диаграммы следует, что на высоком уровне сформированности ПЭИК численность возросла в 4,0 раза, на повышенном – в 1,9 раза. Таким образом, многолетняя апробация и проведенный лонгитюдный педагогический эксперимент свидетельствующий о целесообразности и высокой эффективности использования компетентностно-модульной технологии выполнения лабораторных экспериментально-исследовательских работ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Летичевкая Н.Н., Егорова Е.В. Развитие профессионального образования в условиях взаимодействия вузов и предприятий нефтегазовой отрасли // Тезисы научно-практической конференции с международным участием. Самара: СГТУ, 2016. С. 19–20.
2. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки (специальности) 13.12.01 – физические процессы горного и нефтегазового производства (квалификация «специалист»). М.: Минобрнауки РФ, 2010. 52 с. (№ 2050 от 24.12.2010).
3. Профессиональные стандарты в области информационных технологий. М.: Изд-во АПКИТ, 2008. 616 с.
4. Михелькевич В.Н., Попов Д.В., Валуженич М.К. Развитие универсальных и профессиональных компетенций у студентов в процессе проведения лабораторного физического эксперимента // Материалы Международной научно-практической конференции «Интеллектуальное развитие в процессе обучения физике». Самара: Изд-во ПГСГА, 2010. С. 133–142.

5. Михелькевич В.Н., Попов Д.В. Инновационный подход к проведению учебных лабораторных экспериментов по физике нефтегазовых производств // Технические университеты: интеграция с европейскими и мировыми системами образования: Материалы V-й международной конференции. Т. 1. Ижевск: Изд-во ИГТУ, 2012. С. 434–440.

6. Попов Д.В. Компетентностный подход к проведению лабораторных работ по физике в техническом вузе // Высокие интеллектуальные технологии и инновации в науке и образовании: Материалы XVII Международной конференции. СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2010. С. 205–206.

7. Попов Д.В., Михелькевич В.Н. Формирование профессиональных экспериментально-исследовательских компетенций специалистов по физическим процессам нефтегазового производства // Материалы 3-й Всероссийской научно-методической конференции «Инновационные технологии профессионального образования». Т. 2. Грозный: ГГНТУ им. академика М.Д. Миллионщикова, 2012. С. 283–290.

8. Попов Д.В. Роль и место лабораторного эксперимента в компетентностной парадигме профессиональной подготовки специалистов нефтегазового производства // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия «Педагогические науки». 2015. № 3 (27).

9. Новиков А.М. Методология образования. М.: ЭгВес. 2010. 320 с.

10. Морозов А.В., Чернилевский Д.В. Креативная педагогика и психология. М.: Академический проект, 2004. 560 с.

11. Штеренберг А.М., Попов Д.В. Методика обоснования тематики лабораторных работ по базовому курсу «Физика» для студентов специальности «Физические процессы нефтегазового производства» // Современные технологии подготовки кадров и повышения квалификации специалистов нефтегазового производства: Тезисы Международной научно-практической конференции. Самара: Изд-во СамГТУ, 2014. С. 77–78.

12. Михелькевич В.Н., Попов Д.В. Метод обоснования тематики лабораторных работ по физическим процессам нефтегазового производства // Традиции и инновации в строительстве: Материалы 70-й Всероссийской научно-практической конференции. Самара: Изд-во СГАСУ, 2013. С. 440–441.

13. Попов Д.В. Система развития у студентов-будущих специалистов по физическим процессам нефтегазового производства профессиональных компетенций в процессе выполнения лабораторно-экспериментальных работ // Научный журнал «Вестник Самарского государственного технического университета. Серия «Психолого-педагогические науки». 2014. № 2 (22). С. 158–171.

14. Михелькевич В.Н., Попов Д.В., Антонов Г.М. Деятельностный подход к формированию у курсантов личностных профессионально-значимых компетенций // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Правовое и духовно-нравственное воспитание российского офицерства». Самара: СЮИ ФСИН, 2015. С. 160–171.

15. Михелькевич В.Н., Овчинникова Л.П. Учебный модуль-конструкт самоуправляемой дидактической системы формирования предметных компетенций // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия Психолого-педагогические науки. 2011. № 1 (15). С. 83–88.

16. Капица П.Л. Эксперимент, теория, практика. М.: Изд-во «Наука», 1977. 351 с.

17. Кравцов П.Г., Михелькевич В.Н. Метод и средства измерения уровней сформированности функционально-профессиональных компетенций у выпускников технических вузов // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия

«Психолого-педагогические науки». 2010. № 6 (14). С. 125–130.

18. Коверьялг А.А. Методы исследования в профессиональной педагогике. Вильнюс: Изд-во Валгус, 1980. 334 с.

19. Гуменникова Ю.В., Рябинова Е.Н., Черницына Р.Н. Статистическая обработка результатов тестирования студентов // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия «Психолого-педагогические науки». 2015. № 3(27). С. 78–87.

20. Новиков Д.А. Статистические методы в педагогических исследованиях. М.: МЗ-Пресс, 2004. 67 с.

SYSTEM FORMATION MODEL OF STUDENTS' EXPERIMENTAL AND RESEARCH COMPETENCE

© 2016

D.V. Popov, senior lecturer of the Chair of General Physics and Physics of Oil and Gas Production
Samara State Technical University, Samara (Russia)

Abstract. The article presents the research results of the formation model of students' professional experimental and research competences during performance of laboratory and experimental works. It explains the problem and solution of professional training of specialists in physical processes of oil and gas industry. It shows the meaning of laboratory and experimental works in competence paradigm of specialists in physical processes of oil and gas industry.

Here author represents such concept as «professional experimental and research competence» and defines its functionality and content components.

It points out the formation model of students' professional experimental and research competences during performance of laboratory and experimental works which is an algorithm and system navigator for developers and users of similar systems.

The author notes descriptors of functionality and content components which use such as criterion of the formation level of students' professional experimental and research competence.

The article points out the structure and content of the information and didactic basis based on the laboratory works complex in physical processes of oil and gas industry.

The article represents the results of ascertaining and forming experiment. It determines the initial and final equation of formation in experimental and control groups. It shows the feasibility and effectiveness of using high innovative competence modular technology of laboratory and experimental works.

Keywords: professional experimental and research competence; laboratory and physical experiment; oil and gas industry; system formation of professional competence; competence modular technology; information and didactic basis; laboratory and experimental work; criterion of the formation level.

УДК 378

ФОРМИРОВАНИЕ НОРМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ БУДУЩИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ НА ЗАНЯТИИ-ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ИССЛЕДОВАНИИ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

© 2016

А.Н. Рыблова, доктор педагогических наук, профессор,
профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации
Российский новый университет, Москва (Россия)

Аннотация. В статье поставлена актуальная проблема повышения качества практической подготовки кадров международного уровня, для решения которой автор предлагает формировать нормы профессионального поведения на занятии-профисследовании в системе высшего образования. На основе теоретико-методологического анализа работ отечественных и зарубежных ученых автор статьи предлагает модернизировать технологию организационного процесса исходя из запросов работодателей и индивидуальных потребностей обучающихся. При этом основным видом деятельности обучающихся на занятии-исследовании должна стать самостоятельная познавательная деятельность, ориентированная на их будущую профессию, для реализации которой в статье предлагается подробное описание различных видов групповой деятельности обучающихся, направленных на переработку иноязычной профессионально значимой информации в профессионально заданных ситуациях под руководством преподавателя. Опираясь на многолетний опыт педагогической деятельности в вузе, автор подтверждает, что такой вид занятия содействует приобретению обучающимися опыта профессиональной деятельности, формированию организационных и производственных навыков, обеспечива-

ет их личностный рост, что, в конечном счете, способствует интенсивной и качественной практической подготовке переводчиков в системе высшего образования.

Ключевые слова: нормы профессионального поведения; будущие переводчики; занятие-профисследование; система высшего образования; практическая подготовка кадров; профессионалы международного уровня; самостоятельная познавательная деятельность; ориентация на будущую профессию; модернизация технологии организационного процесса; групповые виды деятельности; иноязычная профессионально значимая информация; профессионально заданные ситуации; под руководством преподавателя; приобретение опыта; запросы работодателей; индивидуальные потребности обучающихся; формирование организационных и производственных навыков; обеспечение личностного роста.

В современных социально-экономических условиях в России необходима подготовка профессионалов международного уровня, свободно владеющими 1–2 иностранными языками и способными самостоятельно без посторонней помощи осуществлять межкультурную профессиональную коммуникацию. Такие профессионалы должны владеть научными, технологическими, менеджериальными знаниями и умениями, профессиональными навыками, позволяющими самостоятельно и быстро адаптироваться в непрерывно меняющейся информационной и технологической среде [1]. При этом важно, чтобы еще в вузе осуществлялась подготовка студентов к самостоятельному пополнению знаний и приобретению умений и навыков по избранной специальности, самоуправлению своим поведением. Для этого требуется пересмотр концептуальных основ организации и руководства самостоятельной познавательной деятельностью (СПД) студентов вуза в плане ее ориентации на их будущую профессию [2; 3; 4; 5; 6]. От жесткого, авторитарного управления, когда студент выступает «объектом» обучающих воздействий, происходит переход к системе организации поддержки и стимулирования познавательной самостоятельности субъекта образовательного процесса, созданию условий для реализации его профессиональных потребностей. Это предполагает повышение уровня личностной активности студентов вуза и преподавателей, превращает обучение в процесс межличностного взаимодействия и общения [7; 8]. Он организуется для достижения объединяющей их цели – формирования норм профессионального поведения у студентов вуза, обеспечивающих переход обучения в самообучение, управления – в самоуправление [9].

Инновационный подход к решению исследуемой проблемы обусловлен социальными запросами нашего времени, когда нынешний и будущий россиянин должен иметь высокий уровень общеобразовательной подготовки и обладать способностью и профессиональными навыками принимать самостоятельные решения [10]. Для его реализации в высшей школе осуществляется переход на уровневую систему подготовки кадров, осваиваются новые образовательные стандарты. Но этого недостаточно. Необходима модернизация технологии организационного процесса в вузе, его методов, форм и средств [11; 12; 13]. Это вызвано тем, что парадигма деятельности нашей высшей школы долгое время была сориентирована на подготовку специалистов, обладающих большим объемом фундаментальных знаний, но не умеющих их адекватно интерпретировать и, как следствие этого, медленно адаптирующихся к быстро меняющимся условиям в сфере их профессиональной деятельности [1]. Они нередко оказываются беспомощными там,

где требуются самостоятельность и компетентность в принятии решений, умение организовать свою работу и деятельность других в обстановке большой неопределенности и повышенного риска. Между тем, современный этап развития нашей страны требует специалистов с широким гуманитарным мышлением, способных строить профессиональную деятельность по законам постиндустриального развития, учитывающих органическую связь между экономической продуктивностью и творчеством, с одной стороны, и стремлением человека к личной самореализации – с другой [7; 8; 14].

Общеизвестно, что современная система лингвистической подготовки специалистов разных профилей не всегда обеспечивает формирование умений и навыков иноязычной профессиональной коммуникации. В связи с этим существует насущная потребность в компетентных переводчиках, способных выступать посредниками в межкультурной профессиональной общении. Однако по сравнению с теоретической подготовкой, существует проблема совершенствования практической профессиональной подготовки переводчиков.

Для решения проблемы интенсивного и качественного формирования норм профессионального поведения будущих специалистов в современной образовательной организации высшего образования необходимо, на наш взгляд, модернизировать технологию организации самостоятельной познавательной деятельности обучающихся в аудиторное время под руководством преподавателя [13; 15]. Теоретико-методологический анализ различных подходов к проблеме организации и руководства самостоятельной познавательной деятельностью студентов, а также современные социально-экономические условия и тенденции развития высшего лингвистического образования диктуют насущную необходимость ее ориентации на будущую профессию выпускника. Он показал что, преподаватели должны четко представлять себе роль, место и возможные сферы применения знаний той или иной дисциплины в жизни и профессиональной деятельности будущего выпускника и формировать во время аудиторных занятий нормы поведения, которые будут востребованы в его профессиональной деятельности, создадут ему перспективы для продвижений и успеха [1; 2; 3; 4; 5].

Нормы профессионального поведения мы определяем как эталон профессиональной деятельности, представляющий собой *совокупность профессиональных действий* (выполняемых специалистом в соответствии с критериями, определяемыми определенной профессией) и *этических правил профессиональной коммуникации* для интенсивного и качественного достижения профессионально значимых целей. Для

овладения нормами профессионального поведения в образовательной организации высшего образования необходима, прежде всего, целенаправленная интенсивная (6–8 часов в неделю) организация аудиторных практических занятий, проводимых в профессионально заданных ситуациях и моделирующих реальные условия будущей профессии студентов. Мы называем такие практические «занятия-профисследования» [4; 5; 6]. Они специально организуются преподавателем и обеспечивают обучающимся условия для активной групповой и индивидуальной переработки иноязычной профессионально значимой информации, апробации и тренировки их профессиональных действий, освоения правил этических профессиональных внутригрупповых и межгрупповых взаимодействий.

Основная часть занятия-профисследования – это активная групповая и индивидуальная самостоятельная познавательная и исследовательская деятельность с различными видами источников иноязычной профессионально значимой информации в профессионально заданных ситуациях для достижения профессионально значимых целей под общим руководством преподавателя. Она предусматривает анализ информации, изученной на лекции и семинаре, и синтез новой информации, самостоятельно составленной в виде сообщения, доклада, презентации и т.п. и представленной для группового обсуждения, контроля и оценки ее качества [4; 5; 15].

Занятие-профисследование на младших (1,2) курсах профессиональной подготовки переводчиков в вузе целесообразно проводить в группах по 5–7 человек, используя индивидуальные и групповые формы деятельности. При работе такими группами продолжительность занятия и право выбора иноязычной профессионально значимой информации остается за обучающимися в зависимости от профессионально заданных целей, создается свободная неформальная атмосфера, налаживается их взаимодействие, благодаря применению различных методов и средств организации самостоятельной познавательной деятельности. Группы создаются в соответствии с различными критериями: по длительности работы – кратковременные (не более 15 минут) группы и долговременные (30–60 минут) группы; по функциям – «проблемные группы», «групповая терапия», «жужжащие» группы, «мозговой штурм», «аквариум» [16; 17].

Проведение занятия-профисследования в форме «проблемных групп» позволяет обучающимся самостоятельно ставить и разрешить профессионально значимые проблемы, полностью раскрепоститься и высказать свои точки зрения, отличные друг от друга. Большое значение при этом имеет уровень языковой подготовки будущих переводчиков, их индивидуальные и личностные качества, заинтересованность в создании условий для свободного общения в рамках группового взаимодействия. Смысл заключается в том, чтобы обучающиеся привыкли работать в команде, распределять обязанности, поддерживать друг друга так, как это происходит в реальной профессиональной среде. Таких малых групп (подгрупп) может быть 2–3 в рамках одной большой группы. В зависимости от уровня языковой подготовки в каждой проблемной подгруппе предлагается для обсуждения и разрешения одна и та же проблема, но в разных ас-

пектах: в теоретическом, экспериментальном, прикладном и др. или разные проблемы.

Организация «групповой терапии» на занятии-профисследовании реализуется за счет имитации профессиональной проблемной ситуации, предлагаемой преподавателем или самими обучающимися. Например, для будущего переводчика это могут быть ситуации выбора тех или иных стратегий перевода (последовательного, синхронного, двустороннего и др.) и тактики профессиональных контактов с автором иноязычного текста, слушателем или читателем. Для разрешения подобных профессионально заданных ситуаций распределяются профессиональные роли и воспроизводятся реальные профессиональные действия и условия их реализации с последующим подробным анализом предложенных вариантов. При этом акцент делается на соблюдении обучающимися норм профессионального поведения: объеме, скорости, качестве иноязычной речевой деятельности, этике межличностного общения и взаимодействия, индивидуально-психологических особенностях переводчика, авторов иноязычных текстов, аудитории слушателей или читателей и т.п., развитии профессионально значимых качеств личности. Нужно отметить, что «групповая терапия» предполагает ведущую роль преподавателя, поэтому ее рекомендуется использовать на *репродуктивно-поисковом уровне* самостоятельной познавательной деятельности, ориентированной на будущую профессию обучающихся [2; 3; 4; 5].

Занятие-профисследование в форме «жужжащих» групп, состоящих из 3–5 человек, предусматривают распределение учебной группы студентов на несколько (2–3) подгрупп. Каждая из групп получает одни и те же или разные профессиональные задания/задачи и условия/обстоятельства для их выполнения, вызывающие затруднения в реальной профессиональной деятельности переводчика. Для их решения предоставляется время, по истечении которого каждая группа докладывает о результатах профисследования в форме сообщения, группового интервью, презентации/демонстрации возможных вариантов профессионального поведения. Работа «жужжащих» групп завершается в процессе совместного обсуждения полученных результатов. Группы прекращают свою работу, если совместно найдено оптимальное решение. В процессе самостоятельной познавательной деятельности в таких группах, как правило, выявляются интеллектуальные и организационные лидеры. Кроме того, каждый обучающийся осознает, какова его роль в профессиональной команде (лидер, подчиненный), и для какого вида профессиональной деятельности (письменный, устный, синхронный перевод) он пригоден больше всего.

Проведение занятия-профисследования в форме «мозгового штурма», предназначено, прежде всего, для выдвижения за короткий промежуток времени большого количества гипотез решения заданной профессионально важной проблемы. «Мозговой штурм» проводится при участии всей учебной группы, перед которой ставится единая профессионально значимая задача предположить, к примеру, возможные варианты ситуаций и обстоятельств реализации профессиональных действий переводчика в условиях большой

неопределенности и риска. При этом следует особо подчеркнуть, что познавательная задача должна быть относительно несложной, чтобы обучающиеся смогли выдвинуть не только много гипотез, но и вариантов их решения, провести анализ и оценку качества каждого из них. В противном случае этот вид групповой самостоятельной познавательной деятельности не приведет к получению запланированных преподавателем результатов и достижению профессионально заданных целей. Чем больше гипотез и путей их решения предложит будущий переводчик в образовательном процессе в вузе, тем более интенсивно и качественно он сможет реализовать приобретенные профессиональные знания и умения в реальной профессиональной деятельности. Проведение занятия-профисследования в форме «мозгового штурма» активизирует мыслительную активность обучающихся, заставляет их задуматься о том, что в зависимости от разных жизненных обстоятельств и профессиональных условий существуют разные подходы к осуществлению профессиональных действий. Однако этическая сторона переводческой деятельности должна остаться неизменной. Можно рекомендовать «мозговой штурм» для проведения занятия-профисследования на *поисково-исследовательском уровне* самостоятельной познавательной деятельности, ориентированной на будущую профессию обучающихся [2; 3; 4; 5].

Занятие-профисследование в форме «аквариума» предполагает разделение группы на подгруппы (А, В, С) по 3–5 студентов. Участники рассаживаются таким образом, что образуют три круга один в другом: группа А образует первый (внутренний), группа В – средний, группа С – внешний круг. Члены группы А (мыслители) получают задание – решить профессионально значимую проблему в определенной профессионально заданной ситуации для достижения реальных профессиональных целей, обучающиеся начинают обсуждение и поиск ее решения. Члены группы В (оппоненты) наблюдают за процессом обсуждения и принятием решений в группе В, делают соответствующие записи, сравнивают предложенный вариант со своим, хотя это не их прямая задача. Члены группы С (контролеры) фиксируют процесс и результаты деятельности групп А и В.

После 15–20-минутной групповой работы преподаватель предоставляет время для межгруппового обсуждения. В это время члены группы С вместе с преподавателем анализируют действия первых двух групп. Они определяют лидера группы А, отмечают степень слаженности совместной работы группы, оценивают качество групповой самостоятельной познавательной деятельности и полученных результатов. Затем преподаватель при участии студентов подводит итоги. Результаты аудиторной групповой работы обучающиеся оформляют в письменной форме во время внеаудиторной профессионально ориентированной самостоятельной познавательной деятельности и предъявляют их преподавателю для контроля и оценки. На следующем занятии по той же или уже другой теме обучающиеся меняются местами: группа А становится группой С, В – группой А, С – группой В. Рассматривается проблема таким же образом, как и в первом случае. Наконец, на третьем занятии проводится последняя перемена мест: группа А становится группой В; группа В – группой С; группа С – группой А.

Итоговое занятие-профисследование посвящается анализу проделанной работы, когда все участники, побывав в каждой из групп, могут обобщить работу совместно с преподавателем или без его прямого участия. Форма групповой деятельности «аквариум» на занятии-профисследовании подчеркивает, таким образом, важность «прозрачности» профессиональной деятельности переводчика, открытой для наблюдения, критики и контроля. Кроме того, она готовит будущего переводчика к выполнению разных профессиональных функций, начиная с исполнительских действий и завершая менеджерскими обязанностями по контролю и оценке. Таким образом, описанные выше формы групповой деятельности студентов младших курсов на занятии-профисследовании можно также рекомендовать для *поисково-исследовательского уровня* самостоятельной познавательной деятельности, ориентированной на будущую профессию обучающихся [2; 3; 4; 5].

Занятие-профисследование на *старших (3–5) курсах* профессиональной подготовки переводчиков в вузе рекомендуем проводить в группах, включающих 10–15 обучающихся. При этом можно выделить такие формы, как «круглый стол», коллоквиум, симпозиум/форум [16; 17; 18].

Проведение занятия-профисследования в форме «круглого стола» предусматривает *полилог* – обсуждение всей группой студентов профессионально значимых прикладных проблем, например, проектирование стратегии и тактики того или иного вида перевода; подбор оптимальных языковых средств (грамматических структур, стилистических приемов и т.п.) с целью достижения адекватности перевода; специфика перевода текстов с разным по профилю содержанием (напр. художественный, экономический, политический, военный и др.); возможности и условия взаимодействия субъекта и объекта переводческой деятельности в разных профессиональных ситуациях; критерии оценки качества перевода и профессиональной деятельности переводчика и т.п. Для эффективной организации такой формы групповой деятельности необходима большая предварительная подготовка самих обучающихся в плане содержания, алгоритма проведения, распределения обязанностей и т.п.

«Круглый стол» функционирует под общим руководством 1–2 преподавателей, которые наблюдают, но не вмешиваются в процесс аудиторной групповой и индивидуальной самостоятельной познавательной деятельности обучающихся, ориентированной на их будущую профессию. Мы видим цель такой в том, чтобы выявить и развить у обучающихся способность свободно и неординарно мыслить, грамотно высказывать и аргументировать свои взгляды, презентовать и корректно отстаивать собственную точку зрения, не испытывая при этом психологического дискомфорта и т.п. Кроме того, такая форма групповой деятельности предоставляет возможность будущим переводчикам научиться самоорганизовывать, саморегулировать и самоконтролировать профессионально заданную деятельность.

Коллоквиум имеет много общего с «круглым столом». Разница в том, что в рамках коллоквиума в большей мере осуществляется *диалог* двух лиц: студента и преподавателя, двух преподавателей, студен-

та и группы и т.п. При этом другие члены группы наблюдают за диалогами, делают соответствующие записи и затем задают вопросы, на основе ответов на которые осуществляют взаимоконтроль и взаимооценку уровня усвоения сокурсниками иноязычной профессионально значимой информации, освоения норм профессионального поведения как результат самостоятельной познавательной деятельности, ориентированной на будущую профессию в аудиторное время.

Осуществление занятия-профисследования в форме *симпозиума* или *форума*, предполагает прослушивание или обсуждение иноязычной профессионально значимой информации, представленной 1–3 обучающимися в виде доклада/сообщения. Выступления студентов имитируют реальные выступления специалистов на научных и методических конференциях, симпозиумах и форумах и сопровождаются постановкой вопросов по темам выступления, которые постепенно переходят в групповое обсуждение важных профессиональных проблем студентами при участии 3–5 преподавателей.

«Симпозиум/форум» на занятии-профисследовании можно проводить в форме деловой игры, в рамках которой будущие переводчики смогут выполнить свои непосредственные профессиональные функции по устному двустороннему переводу докладов участников международного симпозиума/форума, включающего представителей разных стран, и продемонстрировать уровень овладения нормами профессионального поведения. В рамках занятий-профисследований в форме «симпозиума/форума» возможно также представление и обсуждение квалификационных работ студентов-выпускников для апробации их материалов и корректировки (при необходимости) основных положений и выводов проведенных профессионально значимых научных исследований. Таким образом, описанные выше формы групповой деятельности старших курсов (3–5) курсов на занятии-профисследовании рекомендуем использовать для реализации на *исследовательско-проектировочном уровне* самостоятельной познавательной деятельности, ориентированной на будущую профессию обучающихся [2; 3; 4; 5].

На основе нашего многолетнего (более 30 лет) опыта работы в вузе можем отметить, что успешность профессиональной деятельности переводчиков на занятии-профисследовании напрямую зависит от профессионализма преподавателя, от его умения творчески организовывать и руководить самостоятельной познавательной деятельностью обучающихся, ориентировать ее на их будущую профессию, варьировать различные методы, организационные формы и средства обучения, стимулируя, таким образом, само/взаимообучение, само/взаимоконтроль и само/взаимооценку субъектов образовательного процесса.

Немаловажное значение при проведении занятия-профисследования имеет актуальность и аутентичность содержания (иноязычной профессионально значимой информации). Для повышения качества практической подготовки будущих переводчиков на занятии-профисследовании преподаватели должны выявить запросы работодателей и индивидуальные потребности обучающихся о потенциальном будущем

месте их профессиональной деятельности и разрабатывать рабочие программы, разные по содержанию и объему [1], и касающиеся различных профилей будущей профессиональной деятельности переводчиков. Это могут быть, например, программы обучения для работы в гостиничном и туристическом бизнесе, внешнеторговых компаниях, банках, в правоохранительных органах, на таможне и т.п. Кроме того, с учетом специфики профессиональной коммуникации будущих переводчиков необходимо научить алгоритму сопровождения международных встреч и дискуссий, осуществлению переговоров по телефону, описанию услуг той или иной компании и ее продукции, ведению иноязычной деловой переписки, оформлению документации, внешнеторговых контрактов и т.п. [13; 15].

Так как будущая профессиональная деятельность переводчиков будет связана с чтением и переводом большого количества документации, на занятии-профисследовании уделяют много времени развитию навыков письма. Письменные работы чаще всего представляют собой изложения и сочинения-эссе, в которых обучающиеся должны изложить свои соображения на ту или иную тему, обосновать собственное мнение или логично изложить известные им факты, события, сделать выводы и т.п. Образовательный процесс, построенный таким образом, способствует будущим достижениям субъектов образования в профессиональной деятельности, так как современная профессиональная деятельность в большой степени связана с письменными иноязычными коммуникациями (электронная почта, смс-сообщения и др.).

Занятие-профисследование может быть направлено также на личностный рост будущего переводчика. Для этого преподаватели разрабатывают программы манипуляций и переговорных технологий, способов выработки уверенности, управления временем и людьми, искусства публичных выступлений и межкультурного общения. Субъектов образовательного процесса учат выступать перед аудиторией, осуществлять презентацию материалов и иллюстрировать выступление примерами. Однако показать знание материала, пересказав его без ошибки, – это еще не все. Обучающиеся должны продемонстрировать логически безупречную, убедительную речь, непременно содержащую собственную точку зрения. Кроме того, они должны произнести ее по всем правилам ораторского искусства: «с выражением», с риторическими фигурами, с подобающими жестами [18]. Если же выступающий студент не сможет убедить аудиторию в своей правоте, ему придется отвечать на многочисленные вопросы и принимать возражения. Поэтому обучающимся предлагают для образца прослушивать аудиоматериалы в исполнении носителей языка и показывают видеоматериалы успешно работающих специалистов-переводчиков. Задачи ставятся разные: успевать все делать вовремя, добиваться «своего» в споре с оппонентом и т.п.

Занятие-профисследование может быть направлено на формирование организационных и производственных навыков будущих переводчиков. Обучающиеся учат проводить планерки, подбирать персонал, управлять своей деятельностью и деятельностью групп профессионалов и т.п. Это своего рода тренинги, на которых многократно тренируются профессио-

нальные действия будущих специалистов в реальных профессиональных ситуациях [9]. Для достижения эффективности подобных тренингов преподавателю нужно изучить индивидуальные профессиональные потребности обучающихся, их ожидания и проблемы, и образовательный процесс строится с их учетом. При этом темп и стиль работы, последовательность и сложность заданий ориентируются на возрастные, гендерные и национальные особенности группы обучающихся, их уровень ЗУНов, индивидуально-психологические особенности и ценностные ориентации. На занятиях-профисследованиях, проводимых в форме тренингов, ряд преподавателей предпочитает использовать «case-study» (разбор конкретных ситуаций). В методической литературе [16; 18] известны несколько типов «кейсов»:

– «структурированный кейс», содержащий минимум иноязычной профессионально значимой информации, для реализации которого применяют определенную модель, обеспечивающую принятие оптимального решения; его разбор можно рекомендовать 1–2 студентам;

– «маленькие наброски», включающие 1–10 страниц иноязычной профессионально значимой информации и 1–2 страницы терминов, способствующих интенсификации в усвоении ключевых понятий и переработки содержания; разбор такого кейса можно рекомендовать группе обучающихся в количестве 3–5 человек;

– «большие неструктурированные кейсы» объемом до 30–50 страниц иноязычной профессионально значимой информации, сложной по грамматической структуре и лексическому составу; разбор такого кейса можно рекомендовать группе обучающихся в количестве 15–25 человек;

Проведение занятия-профисследования в форме «case-study» вызывают у обучающихся много споров и сомнений, поэтому к образовательному процессу привлекают специалистов, имеющих опыт успешной переводческой деятельности с тем, чтобы они поделились удачными примерами. Это помогает обучающимся сразу после окончания образовательной организации настроиться на профессиональный лад и быстро «войти в профессию». В отличие от других организационных форм, такие занятия-профисследования проводятся в группах от 20 до 30 студентов с участием двух и более лекторов, так как это обеспечивает приобретение более разнообразного профессионального опыта.

Таким образом, самостоятельная познавательная деятельность обучающихся, ориентированная на их будущую профессию и организуемая на занятии-профисследовании в аудиторное время под руководством преподавателя, способствует интенсивной и качественной практической подготовке переводчиков разных профилей, разбирающихся во многих ключевых проблемах современной межкультурной профессиональной коммуникации и успешно реализующих свои потребности во всех отраслях производства, бизнеса, политики, науки и культуры, как в России, так и за рубежом. Как показывает наш многолетний опыт теоретико-экспериментальной и практической педагогической деятельности, проведение занятий-профисследований создает наилучшие условия для

интенсивного и качественного формирования норм профессионального поведения будущих переводчиков в системе высшего образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Рыблова А.Н. Разноуровневое управление профессиональной подготовкой и переподготовкой кадров в системе военного образования. М.: ВАГШ, 2015. 160 с.
2. Рыблова А.Н. Профессионально ориентированная самостоятельная познавательная деятельность: методологический анализ, разноуровневое управление. Саратов: Изд. центр СГСЭУ, 2010. 112 с.
3. Рыблова А.Н. Система управления профессионально ориентированной самостоятельной познавательной деятельностью студентов. Саратов: Изд. центр СГСЭУ, 2002. 200 с.
4. Рыблова А.Н. Управление самостоятельной познавательной деятельностью обучающихся в вузе. Саратов: Изд-во Саратов. гос. техн. ун-та, 1999. 144 с.
5. Рыблова А.Н. Самостоятельность студентов в профессионально ориентированном обучении иностранным языкам. Саратов: Изд. центр СГСЭУ, 2003. 72 с.
6. Рыблова А.Н. Система профессионально ориентированной самостоятельной познавательной деятельности // Совет ректоров. Специализированное профессиональное издание для вузов. М., 2010. № 3. С. 42–50. № 4. С. 41–42.
7. Globalization: a new paradigm for higher education // Higher education in Europe. 2001. Vol. XXV. № 1.
8. Memorandum on higher education in the European community. Brusel, 1991.
9. Рыблова А.Н. Управление образовательными системами. Саратов: Изд. центр СГСЭУ, 2009. 168 с.
10. Лобанов В.С., Иванников А.Д., Богатырь Б.Н. Концепция информатизации высшего образования в России // Высшее образование в России. 1994. № 1. С. 30.
11. Рыблова А.Н. Технология управления образовательным процессом в системе непрерывного образования. Саратов: изд-во «Саратовский источник», 2009. 96 с.
12. Рыблова А.Н. Технология управления образовательным процессом студентов в университете. Саратов: Изд. центр СГСЭУ, 2006. 96 с.
13. Рыблова А.Н. Технологически организованная профессионально ориентированная самостоятельная познавательная деятельность студентов // Педагогическое образование и наука. 2014. № 4. С. 26–28.
14. Вуз и рынок: Конверсия, наука, образование. Кн. 3, 4 // Комитет по высшей школе. М., 1993.
15. Рыблова А.Н. Интенсивный цикл организационных форм обучения иностранным языкам в системе высшего образования // Цивилизация знаний: российские реалии. М.: РосНОУ, 2016.
16. Вербицкий А.А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход. М., 1991. 207 с.
17. Колесникова И.Л. и др. Англо-русский терминологический справочник по методике преподавания иностранных языков. СПб.: Изд-во «Русско-Балтийский информационный центр "БЛИЦ"», «Cambridge University Press», 2001. 224 с.
18. Диплом Гексагона // Образование за рубежом. Приложение «Европа». 2002. С. 120–123.

**FORMATION OF NORMS FOR THE FUTURE TRANSLATORS PROFESSIONAL
BEHAVIOR AT THE PROFESSIONAL RESEARCH LESSON
IN THE HIGHER EDUCATION SYSTEM**

© 2016

A.N. Ryblova, doctor of pedagogical sciences, professor,
professor of Linguistics and Intercultural Communication Department
Russian New University, Moscow (Russia)

Abstract. The article touches upon an urgent problem to improve the quality of the personnel practical training, for which the author offers solutions to shape norms for future translators professional behavior at the professional research lesson in the higher education system. On the basis of theoretical and methodological analysis of the works of domestic and foreign scientists the author considers it necessary to modernize the technology of organizational process on the basis of needs of employers and individual needs of students. At the same time the main activity of students at the professional research lesson should be autonomous cognitive activity focused on their future profession, the realization of which the article offers a detailed description of different types of students' group activities aimed at processing foreign language professionally significant information in professionally given situations under the supervision of a teacher at the professional research lesson. The author, based on many years of experience teaching activities in the university confirms that this type of lesson promotes the acquisition by students of professional experience, the formation of organizational and production skills and provides personal development training, which ultimately contributes to the intensive and high-quality practical training of translators in the system of higher education.

Keywords: norms of professional behavior; future translators; professional research lesson; higher education system; practical training; professionals of international level; autonomous cognitive activity; focus on the future profession; technology modernization of organizational process; types of group activity; foreign language professionally significant information; professionally given situations; under the teacher supervision; experience acquisition; needs of employers; individual needs of students; formation of organizational and production skills.

УДК 37.015.3:17.023.6

**МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ
КАК ПРЕДМЕТ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ**

© 2016

А.И. Салов, кандидат педагогических наук, доцент, ректор
Академия социального управления, Москва (Россия)

Аннотация. В статье обосновывается, что морально-этические принципы ориентируют учителя на совместный с учащимися поиск смысла жизни, который проясняет им отношения с миром, жизненный мир педагога и учащихся, существует в их сознании в виде образа мира и регулирует их совместную деятельность в соответствии с логикой жизненной необходимости – Мир на Земле. Объясняется, что подлинная мораль считает человека и его жизнь высшими моральными ценностями, в которых формулируются морально-этические принципы, предписывающие выработку стратегии нравственной жизни; обосновывается, что от правильного понимания ценностей зависит нравственность человека, его поступки, взгляды, оценки, цели и мотивы деятельности и взаимодействия с миром и с людьми; делаются пояснения относительно категорий «добродетель», «благо», в терминах которых формулируются морально-этические принципы; приводятся значения категорий «добродетель» и «благо»; объясняется, почему добродетели научить нельзя, что добродетели не являются врожденным, а потому они воспитываются; показывается, что моральное, этическое знание необходимо человеку для того, чтобы стать добродетельным; указывается на важность различения жизни как таковой и жизни хорошей; обосновывается, что морально-этические принципы задают учителю исходную аксиому (во имя чего?) – во имя достижения цели – Мир на Земле, стратегию движения по избранному пути (каков путь?) – созидание добра для себя и для учащихся.

Ключевые слова: учитель; ученик; морально-этический принцип; добродетель; благо; идеал; ценность; добро; значение; мораль; нравственность; педагогическая рефлексия; поступок; взгляд; оценка; логика жизни; аксиома; стратегия; движение; осознание; нравственная жизнь.

Морально-этические принципы ориентируют учителя на совместный с учащимися поиск смысла жизни, который проясняет им отношения с миром, жизненный мир педагога и учащихся; существует в их сознании в виде образа мира, в форме смысловых структур; обеспечивает регуляцию их совместной деятельности в соответствии с логикой жизненной необходимости – Мир на Земле. Таким смыслом жизни и для учителя, и для учащихся, и для всех людей

доброй воли в современной социально-нравственной ситуации являются добро и добродетель.

Морально-этические принципы, в терминологии Ю.А. Шрейдера, принципы этики являются «универсальными характеристиками ситуации морального выбора» [1, с. 26] и формулируются «в понятиях морального блага (как блага абсолютного) и моральной ценности» [1, с. 254].

«У морали, – пишет Г.К. Гумницкий, – нет полного согласия с жизнью, и это доказывается тем, что жизнь имеет своей целью полноту развития, совершенствование и счастье, а мораль непосредственной целью имеет добродетель, добро» [Цит. по: 2, с. 38]. Подлинная мораль считает человека и его жизнь, человечество высшими моральными ценностями, в которых формулируются морально-этические принципы, предписывающие выработку стратегии нравственной жизни. Высшими моральными ценностями являются и нравственные феномены добра, добродетели, чести, достоинства и др., обозначаемые определенными категориями, от правильного понимания которых, как подчеркивает Т.В. Мишаткина, «во многом зависит наша нравственность, наши поступки, взгляды, оценки» [3, с. 137].

Мы не осуществляем науковедческий анализ категорий «добродетель» и «добро», поскольку это является приоритетом этической науки. Однако полагаем необходимым заметить, что, если принять за аксиому, что истоки этики берут свое начало в Древней Греции, то категория «добродетель» является отправной для многих этических воззрений философов этой эпохи. В этой связи становится понятным, почему Г.К. Гумницкий указывает, что целью морали является добродетель и добро, а не добро и добродетель. Хотя, как мы полагаем, если сказать, что целью морали является добро и добродетель, то мы не погрешим истиной. Это объясняется тем, что творение, созидание добра причиняет становление добродетелей как нравственных качеств. Без добра нет и не может быть добродетели, которая есть «фундаментальное моральное понятие характеризующее готовность и способность личности сознательно и твердо следовать добру» [4, с. 116].

При этом если категория «добро» от эпохи к эпохе имеет тенденцию наполняться новым содержанием и в принципе обладает общим смыслом для различных этических систем, то категория «добродетель» имеет несколько значений. Сказав, что добро в принципе обладает общим смыслом для различных этических систем, заметим, что, во-первых, добро в истории этической науки трактовалось как «удовольствие (гедонизм), польза (утилитаризм), счастье (эвдемонизм) и т.д., иными словами, как то, что соответствует непосредственным (житейским) потребностям, интересам и ожиданиям человека как индивида и члена общества» [5, с. 113]; во-вторых, добро как высшая ценность обладает моральным, нормативно-ценностным содержанием, которое, естественно, в зависимости от социальных или иных изменений в ту или иную эпоху, менялось; в-третьих, добро выступает в качестве идеала нравственного поступка, деяния, совершенства человека. Все перечисленное выше не есть значения добра, а является различными его трактовками. Так, любая категория, в том числе и категория «добро», обладает значением ценности, идеала, словом, положительным смыслом, который и является общим для всех трактовок добра. То, что добро обладает значением ценности, идеала, не означает, что добро употребляется в различном значении.

Обладать значением и употребляться в различном значении не одно и то же. Употребление одного и того же понятия в различном значении означает, что оно имеет различные смыслы. В педагогике, например, категории «воспитание», «образование» и другие

категории употребляются в различном значении. Более того, различные педагогические теории и концепции, в центре внимания которых находится общая для них проблема образования, воспитания, обучения, по-разному выстраивают свой понятийный аппарат. Так, например, в концепциях содержания образования, разрабатываемых И.Я. Лернером, М.Н. Скаткиным, В.В. Краевским и В.С. Ледневым во второй половине XX века, содержание образования конструируется на различных теоретико-методологических основаниях, на которых и выстраивается их понятийный аппарат. В концепции И.Я. Лернера, М.Н. Скаткина, В.В. Краевского в основу конструирования содержания образования положена идея о культуре как социальном опыте, выделение элементов которого становится основой для выделения структурных элементов содержания образования [6, с. 38; 7, с. 10], а само содержание образования строится на основе культурологического подхода. В основу концепции содержания образования В.С. Леднева положена идея о структуре личности и об инвариантных сторонах деятельности, о базисных компонентах личности и соответствующих им видам деятельности [8, с. 25–40, с. 73–80].

Категория «добродетель», как показывает анализ научной литературы, имеет ряд значений, а значит и смыслов. Так, Аристотель употреблял термин «добродетель» для обозначения качества [9, с. 63], а нравственная добродетель, согласно философу, – «это способность поступать наилучшим образом» [9, с. 82]. Категория «добродетель» употребляется и в других значениях. Парацельс, например, «употреблял понятие "добродетель" как синоним индивидуальных характеристик вещи, а именно ее особенности. Камень или цветок обладают каждый своей добродетелью, своей комбинацией присущих им качеств. Аналогичным образом и добродетель человека – это определенное множество качеств, характеризующих человека как вид, добродетель же каждого отдельного человека – это его уникальная индивидуальность» [Цит. по: 10, с. 28].

Э. Фромм, выявляя различия между авторитарной и гуманистической этикой, приходит к заключению, что в авторитарной этике понятие «добродетель» «означает самоотречение и послушание, подавление индивидуальности, а не ее полную реализацию» [10, с. 28]. Содержательный критерий гуманистической этики, как подчеркивает Э. Фромм, основан на принципе, что «"добро" есть то, что является благом для человека, а "зло" – то, что вредит ему. Единственный критерий этической ценности – это благополучие, благоденствие человека» [10, с. 28].

Понятие «добродетель» в значении качества употребляет и А. Макинтайр: «Добродетель есть приобретенное человеческое качество» [11, с. 260].

Еще в одном значении понятие «добродетель» употребляет В.С. Соловьев: «Добродетельный человек есть человек, каким он должен быть. Другими словами, добродетель есть нормальное или должное отношение человека ко всему (ибо нельзя мыслить качеств и свойств безотносительных)» [12, с. 125]. Такое понимание В.С. Соловьевым добродетели означает, что в добродетели заключено фиксируемое ею содержание нравственного качества, понимание человеком мира и своего места в мире, своей позиции по отношению к миру и к людям. В деятельности, во взаимодействии с миром и с людьми проявляется

добродетель или нравственное качество, в котором выражается и соответствующее ее содержанию отношение к миру и к людям.

Понимание В.С. Соловьевым добродетели как отношения ко всему, в том числе и к нравственным или безнравственным поступкам, к беззаконию, к двойным стандартам и т.д., дает нам основание утверждать, что добродетель есть ценность. Как ценность, она имеет значение для всех или большинства стремящихся к миру и к согласию людей и связывает человека с другими людьми. Данное утверждение основывается на том, что ценность, согласно М.С. Кагану, «предстает именно как отношение <...> поскольку она связывает объект не с другим объектом, а с субъектом, то есть носителем социальных и культурных качеств, которые и определяют сверхиндивидуальное содержание его духовной деятельности; деятельность человека и является реальным отношением» [13, с. 67]. В отношениях, образующих содержание деятельности учителя, как развиваются, так и проявляются добродетели или нравственные качества. Известно, что любая категория, в том числе и категория «добродетель», фиксирует отношение, а не свойства и качества, которые проявляются в отношениях. Категория «добродетель» фиксирует должное отношение, то есть такое, которое ждет своего осуществления.

Представление о содержании конкретных добродетелей как нравственных качеств человека также меняется от эпохи к эпохе.

В рамках античного морального канона, как подчеркивает А.А. Гусейнов, добродетель сопрягалась с мудростью и мудрецами, и для того чтобы быть добродетельным, надо знать, какие указания разума являются правильными [14, с. 325].

Так, тезис Сократа о том, что «добродетель есть знание» базируется на сопряжении разума и добродетели. Этот тезис, как подчеркивает А.А. Гусейнов, определяет нравственность как пространство ответственного поведения индивида, и если человек совершает зло и ясно понимает это, то он знает, чем зло отличается от добра [14, с. 325]. Добродетель у Сократа есть форма познания, назначением которой является совершенствование разума и души.

В учении Сократа о добродетели для педагогической науки значение представляют следующие идеи философа. Во-первых, это идея о том, что добродетели научить нельзя. В диалоге «О добродетели», Сократ в разговоре с другом о Перикле и о воспитании им своих сыновей Парала и Ксантиппа, заявляет, что «если бы добродетель была изучима и он (Перикл. – А.С.) мог бы их сделать доблестными, гораздо раньше обучил бы их своей добродетели, чем музыке и состязаниям. Но оказалось, что добродетели, по-видимому, нельзя научить» [15, с. 356]. Добродетели воспитываются, они не являются врожденным. «Ни одна из нравственных добродетелей, – пишет Аристотель, – не врожденна нам по природе, ибо все природное не может приучаться к чему бы то ни было» [9, с. 76]. Аналогичную точку зрения мы находим у Д. Локка, приведшего доказательство тому, что врожденных нравственных принципов нет, ибо они нуждаются в доказательстве [16, с. 114–134].

Если научить добродетели нельзя, то это не означает, что учителю, учащемуся не нужны знания о них как о нравственных качествах. Естественно, наличие знаний у учащихся не означает, что они всегда и вез-

де совершают нравственные поступки. Власть разума не безгранична. Во власть разума верил Сократ. Он «пытался подчинить все, относящееся к человеческой жизни и ее ценностям, власти разума. И поскольку, для Сократа сама природа человека – это его душа, т.е. разум, а добродетели суть то, что совершенствует природу человека, то очевидно, что добродетели становятся формой познания» [17, с. 67].

Вместе с тем знания, как известно, обосновывают моральный выбор ценностей и поступков, имеют немаловажное значение в детерминации поведения, знания «составляют материала для выработки <...> уже сугубо личностных элементов» [18, с. 119].

Нельзя не привести в этой связи мысли Аристотеля и Гегеля об образовании. «На вопрос, какая разница между человеком образованным и необразованным, он (Аристотель. – А.С.) ответил: "Как между живыми мертвым"» [Цит. по: 19, с. 193]. Гегель пишет: «Чем образованнее человек, тем меньше выступает в его поведении нечто только ему свойственное и именно поэтому случайное» [20, с. 74]. Мы видим, что Гегель связывает образование с поведением человека, причем таким, в котором случайное уменьшается по мере обогащения сознания знанием в процессе воспитания как преобразования души. С момента поступления в школу «начинается жизнь согласно общему порядку, по одному, для всех одинаковому правилу; здесь дух должен быть приведен к отказу от своих причуд, к знанию и хотению общего, к усвоению существующего всеобщего образования. Только это преобразование души и называется воспитанием» [20, с. 74].

Подтверждение тому, что знания необходимы человеку для того, чтобы стать добродетельным, нравственным, мы находим у А. Макинтайра, который полагает, что воспитание добродетелей или нравственных качеств сопряжено с поиском ответа на вопрос: «Можно ли рационально обосновать восприятие каждой человеческой жизни в виде некоторого единства, которое позволило бы каждой человеческой жизни обладать собственным благом? <...> Такое восприятие пролило бы новый свет на функцию добродетелей: они позволят индивиду предпочесть одно единство жизни другому» [11, с. 275].

Людей при достижении различных целей, в том числе и целей устранения угроз человечеству, человеку, объединяют добродетели как нравственные качества. В таком объединении людьми движут справедливость и милосердие, долг и ответственность и т.д., являющиеся не только категориями этики и понятиями морали, ценностями, но и нравственными качествами или добродетелями. Человек воспринимает другого человека с позиции проявляемых им в отношении к нему в поступках и действиях нравственных качеств, которые становятся объединяющей их силой.

Для педагогической науки в учении Сократа о добродетели значение представляет его идея о жизни хорошей. В диалоге «Критон» Сократ говорит: «Надобно дорожить не тем, что мы живем, а тем, что хорошо живем» [21, с. 79].

Разграничение между жизнью как таковой и жизнью хорошей, как подчеркивает А.А. Гусейнов, является исходной основой морального мировоззрения Сократа, и все усилия Сократа были посвящены поиску ответа на вопрос, какие убеждения являются

наилучшими, какая жизнь – самой достойной. Развивая идеи Сократа о жизни хорошей или достойной жизни, А.А. Гусейнов подчеркивает, что «совершенный, добродетельный человек достоинство жизни ставит выше самой жизни» [22, с. 99]. Из этого следует, что самой достойной жизнью или жизнью хорошей является жизнь, в основании которой находится человеческое достоинство, жизнь, признающая достоинство другого.

Мы не можем со всей очевидностью утверждать, что идея Сократа о жизни как таковой и о жизни хорошей стала основой для Э. Фромма, разрабатывающего положения гуманистической этики, одним из ведущих среди которых является положение о тяге человека к жизни. «Человек не может не хотеть жить, независимо от того, что он думает по этому вопросу. Выбор между жизнью и смертью скорее кажущийся, чем реальный; реальный же выбор – это выбор между хорошей и плохой жизнью» [10, с. 32].

Мы написали, что «не можем со всей очевидностью утверждать», потому, что Э. Фромм не ссылается на Сократа и его мысли о жизни как таковой и жизни хорошей.

Морально-этическими принципами, в силу высокой степени их обобщенности, возможно руководствоваться везде и всегда. Они «передают культурные значения в самой абстрактной форме, указывая на сущность деятельности и задавая ее фундаментальные, ее последние основания» [23, с. 216], порождают «способность личности пользоваться своей свободой, то есть осознавать свою ответственность за другого, за его жизнь, его бытие» [23, с. 222].

Выше было отмечено, что принципы этики (мы будем говорить: «морально-этические принципы») формулируются «в понятиях морального блага (как блага абсолютного) и моральной ценности» [1, с. 26].

Понимание того, что морально-этические принципы формулируются в понятиях морального блага и моральной ценности влечет за собой необходимость раскрытия категорий «благо» и «ценность». Речь не идет о полноценном науковедческом анализе данных категорий, который осуществляется этической наукой.

Аристотель в своем учении о благе пишет, что «если у того, что мы делаем, существует некая цель, желанная нам сама по себе, причем остальные цели желанны ради нее и не все цели мы избираем ради иной цели <...> то ясно, что цель эта есть собственно благо, т.е. наивысшее благо» [9, с. 54–55]. Согласно Аристотелю, благо является не просто целью, но желанная цель, то есть такая цель, которую человек стремится достичь, а самая совершенная цель и есть искомое благо. Р.Г. Апресян уточняет: «То, что ценно для человека как такового вообще и отвечает его назначению, Аристотель назвал высшим благом» [24, с. 230]. То, что ценно для человека, есть ценность. Это означает, что категория «благо» употребляется в значении ценности как нечто значимого для него. В самом широком смысле, пишет Р.Г. Апресян, «ценностями называются обобщенные, устойчивые представления о чем-то предпочтительном, как о благе, т.е. о том, что отвечает каким-то потребностям, интересам, намерениям, целям, планам человека (или группы людей, общества)» [24, с. 228].

Точку зрения близкую точке зрения Р.Г. Апресяна о том, что благо есть ценность, мы находим у Н. Гартмана: «Всякая действующая мораль говорит о

благе как о чем-то известном. Фактически под благом она всегда подразумевает лишь некую определенную ценность, частную ценность, которую она считает единственной и высшей» [25, с. 369].

Итак, одним из значений блага является ценность. Следовательно, выбор учителем блага для себя и для учащихся, для взаимодействующих с ним людей, есть выбор нравственной ценности, иными словами, добра. В.С. Соловьев, рассуждая о единстве нравственных основ, поставил вопрос о соотношении добра и блага. Суть такого соотношения заключается в том, что понятия «добро» и «благо» взаимосвязаны, между ними нет никакого противоречия, что благо есть другая сторона добра: «Нравственная ценность добро по самому существу своему есть способ действительного достижения блага <...> т.е. такового, которое может дать человеку устойчивое и окончательное удовлетворение. Благо (и блаженство) в этом смысле есть только другая сторона добра, или другая точка зрения на него, – между этими двумя понятиями такая же внутренняя связь и такая же невозможность противоречия, как между причиной и следствием, целью и средством и т.п.» [12, с. 166].

Другим значением блага, как показывает анализ научной литературы, является идеал: «В современной аксиологии и этике высшее благо называют идеалом» [24, с. 230].

При этом категория «идеал» употребляется учеными в значении ценности. Согласно Е.Л. Дубко и В.А. Титову, «идеал представляет собой обобщенное представление о максимально возможном уровне распространения и реализации моральных ценностей» [26, с. 8]. Ставя вопрос о происхождении идеалов, М.С. Каган отмечает, что «стоит нам увидеть в них модели "потребного будущего", и станет ясным, что идеал конкретно, в представлении, воплощает то, что обладает для субъекта ценностью» [13, с. 186].

Мы не приводим имеющиеся в науке определения вышеперечисленных категорий. Наша задача состоит не в перечислении определений категорий «блага», «добродетель», «идеал», «ценность», не в выявлении общего и различного во взглядах ученых относительно понимания ими содержания данных категорий, а в выявлении значений данных категорий. Это, во-первых. Во-вторых, мы привлекаем данные категории для того, чтобы стало понятным, почему морально-этические принципы будут формулироваться в понятии моральной ценности, значением которой, как было установлено выше, обладают благо, добро, добродетель, идеал.

Заметим, что различные определения категории «идеал» приведены в работах Л.В. Вершининой [27, с. 43–45], Ю.В. Лопуховой [28, с. 94–98] и других тематически близких к нашей работе педагогических исследованиях. При этом ученые приводят определения идеала при решении других, чем мы, задач. Так, Л.В. Вершинина осмысливает содержание данной категории в целях выявления структуры ценностного сознания учителя, Ю.В. Лопухова – в целях выявления признаков, которым отвечает толерантность как моральный идеал, являющийся определяющим для оценки глобализирующегося общества.

Различные определения категории «ценность» приведены в работах А.В. Бездухова [29, с. 99–101],

Ю.В. Лопуховой [28, с. 72–73] и других ученых. А.В. Бездухов, например, обращается к проблеме ценностей с целью раскрытия сущности ценностного подхода к формированию гуманистической направленности будущего учителя, Ю.В. Лопухова – с целью выявления признаков, которым отвечает толерантность как ценность.

Морально-этические принципы задают учителю исходную аксиому (во имя чего?) – во имя достижения цели – Мир на Земле, стратегию движения по избранному пути (каков путь?) – созидание добра для себя и для учащихся, которые, став взрослыми, консолидируются вокруг ценностей и идеалов в целях решения глобальных проблем современности, предотвращения угроз национальной безопасности государства, общества и личности в лице терроризма, влекущего за собой человеческие жертвы, разрушающего личность человека, культурное наследие, порождающего ненависть и недоверие к этносам, социальным группам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Шрейдер Ю.А. Этика. М.: Текст, 1998. 271 с.
2. Кобляков В.П. Этическое сознание. Л.: ЛГУ, 1979. 222 с.
3. Мишаткина Т.В. Высшие моральные ценности и стратегия «правильной жизни» // Этика: учебное пособие / под ред. Т.В. Мишаткиной, Я.С. Яскевич. Минск: Новое знание, 2002. С. 129–264.
4. Гусейнов А.А. Добродетель // Этика: энциклопедический словарь / под ред. Р.Г. Апресяна, А.А. Гусейнова. М.: Гардарики, 2001. С. 116–118.
5. Апресян Р.Г. Добро // Этика: энциклопедический словарь / под ред. Р.Г. Апресяна, А.А. Гусейнова. М.: Гардарики, 2001. С. 113–115.
6. Лернер И.Я. Дидактические основы методов обучения. М.: Педагогика, 1981. 186 с.
7. Краевский В.В. Чему учить? // Вопросы образования. 2004. № 3. С. 5–23.
8. Леднев В.С. Содержание общего среднего образования: проблемы структуры. М.: Педагогика, 1980. 264 с.
9. Аристотель. Сочинения. В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. 830 с.
10. Фромм Э. Психоанализ и этика. М.: Республика, 1993. 416 с.
11. Макинтайр А. После добродетели: исследование теории морали. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000. 384 с.
12. Соловьев В.С. Оправдание добра: нравственная философия. М.: Республика, 1996. 479 с.
13. Каган М.С. Философская теория ценности. СПб.: Петрополис, 1997. 205 с.
14. История этических учений / под ред. А.А. Гусейнова. М.: Гардарики, 2003. 911 с.
15. Платон. О добродетели (Сократ и его друг) // Платон. Диалоги. М.: Мысль, 1986. С. 353–358.
16. Локк Д. Опыт о человеческом разумении // Сочинения. В 3 т. Т. 1. М.: Мысль, 1985. 621 с.
17. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Т. I. Античность. СПб.: Петрополис, 1994. 336 с.
18. Лапина Т.С. Проблема индивидуальной нравственности // Мораль и этическая теория. М.: Наука, 1974. С. 106–143.
19. Лаэртский Д. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1986. 571 с.
20. Гегель Г. Энциклопедия философских наук. В 4 т. Т. 3. Философия духа. М.: Мысль, 1977. 471 с.
21. Платон. Критон // Золотые законы и нравственные правила Платона / авт.-сост. С.Ю. Нечаев. М.: Астрель, 2012. 160 с.
22. Гусейнов А.А. Античная этика. М.: Гардарики, 2003. 270 с.
23. Конев В.А. Социальная философия. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2006. 287 с.
24. Апресян Р.Г. Общие моральные понятия // Гусейнов Р.Г., Апресян А.А. Этика. М.: Гардарики, 1998. С. 225–308.
25. Гартман Н. Этика. СПб.: Владимир Даль, 2002. 707 с.
26. Дубко Е.Л., Титов В.А. Идеал, счастье, справедливость. М.: МГУ, 1989. 191 с.
27. Вершинина Л.В. Теоретические основы формирования ценностного сознания будущего учителя. М.: МПСИ, 2009. 258 с.
28. Лопухова Ю.В. Теоретические основы воспитания толерантности студентов вуза. М.: Московский психолого-социальный университет, 2012. 197 с.
29. Бездухов А.В. Педагогические условия формирования гуманистической направленности студента будущего учителя: дис. ... канд. пед. наук. Самара, 2000. 218 с.

MORAL AND ETHICAL PRINCIPLES AS AN OBJECT OF PEDAGOGICAL REFLECTION

© 2016

A.I. Salov, candidate of pedagogical sciences, associate professor, rector
Academy of Public Administration, Moscow (Russia)

Abstract. The paper grounds that moral and ethical principles guide the teacher to seek the meaning of life together with the students which explains to them the relations with the world, provides insight into the teacher's and students' world, exists in their mind as a world image and regulates their mutual activity in accordance with the logics of life necessity, i.e. Peace on the Earth. The author explains that the true morality considers a person and his/her life the most important moral values, which formulate moral and ethical principles, prescribing development of moral life strategy. The paper proves that person's morality, his/her doings, outlook, evaluation, goals and motifs of activity and relations with people and the world depend on correct understanding of values. The author explains the categories «virtue», «good», in terms of which moral and ethical principles are formulated. The paper gives the meaning of the categories «virtue» and «good» and explains why one cannot teach virtue, that virtues are not inherent that is why they are nurtured. The author shows moral and ethical knowledge is necessary for a person to become virtuous and points out the importance of differentiation between life as it is and good life. The paper grounds that moral and ethical prin-

principles provide a teacher with an initial axiom (what for?) – for achieving the goal – Peace on the Earth, the strategy of moving along the way chosen (what way?) – making good for him/herself and for the students.

Keywords: teacher; student; moral and ethical principle; virtue; good; ideal; value; goodness; meaning; morality; ethics; pedagogical reflection; action; opinion; evaluation; the logic of life; axiom; strategy; movement; awareness; moral life.

УДК 378:37.036.5

РАЗВИТИЕ ТВОРЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ СТУДЕНТОВ ВУЗА КАК ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

© 2016

Е.Р. Стаценко, кандидат педагогических наук, доцент, декан факультета искусств и сервиса
Мурманский арктический государственный университет, Мурманск (Россия)

Аннотация. В статье проблема развития творческой активности студентов обосновывается как актуальная социально-педагогическая проблема. Аргументируется роль понятий «творчество» и «активность» как понятий, несущих равную смысловую нагрузку в понятии «творческая активность». Творчество рассматривается как продуктивная форма активности и самостоятельности человека, делается акцент на взаимосвязи творчества и новизны. Обосновывается, что деятельность человека и его активность предполагают друг друга, что активность человека, как проявление его жизненных сил, является как предпосылкой, так и результатом его развития. Утверждается, что на репродуктивно-подражательном уровне активности человек накапливает опыт деятельности, обращаясь к опыту другого человека; на поисково-исполнительском – принимает задачу и самостоятельно ищет пути ее выполнения; на творческом – сам ставит задачу и избирает новые, нешаблонные, оригинальные пути ее решения. Обосновывается, что творческая активность студента вуза представляет собой качество деятельности личности, проявляемое в отношении студента к содержанию и процессу деятельности, в его стремлении к успешному овладению знаниями и способами деятельности, в мобилизации нравственно-волевых усилий на достижение цели деятельности. Приводятся характеристики творческой активности студента вуза. Рассматриваются формы, методы и средства развития творческой активности студентов. Доказывается эффективность использования проектной студии как формы развития творческой активности студентов вуза. Приводятся примеры работы проектной студии на факультете искусств и сервиса. Обозначаются принципы развития творческой активности студентов, реализуемые в работе проектной студии.

Ключевые слова: студент; вуз; творчество; активность; творческая активность; развитие; уровни активности личности; форма; метод; средство; проектная студия; принципы развития творческой активности; принцип целеполагания; принцип доступности; принцип индивидуализации.

Среди реалий современного российского общества важное место занимают инновационные процессы во всех его сферах. Осуществление таких процессов требует не только специальной профессиональной подготовки человека к деятельности в той или иной области науки, техники, производства, но и формирования личности, готовой как эффективно осваивать, так и продуцировать новое знание, осуществлять творческий подход к своей жизни и деятельности. Тем самым сегодня особое значение приобретает проблема воспитания творческой личности, развития творческой активности человека, что предполагает вхождение человека в мир творчества, формирование у него способности к преобразованию действительности, к творческому поиску чего-то нового, не бывшего ранее.

Проблема формирования творческой активности – это далеко не новая научная проблема. Данное понятие уже приобрело статус междисциплинарной категории и разрабатывается как психологами, так и педагогами. Д.Б. Богоявленская [1], А.В. Брушлинский [2], Л.С. Выготский [3], Ю.Н. Кулюткин и Г.С. Сухобская [4], А.Н. Лук [5], А.М. Матюшкин [6], Я.А. Пономарев [7], С.Л. Рубинштейн [8], М.Г. Якобсон [9]; В.И. Андреев [10], И.П. Волков [11], В.И. Загвязинский [12], Г.И. Щукина [13] и другие известные ученые в разной мере уделяли внимание проблеме творчества в целом и творческой активности личности в

частности. Обращение к научной периодике последних лет показывает, что данная проблема остается в центре внимания современных исследователей. Заметим, что при изучении творческой активности мы сконцентрировали внимание на творческой активности студентов вузов. Данной проблеме посвящены статьи С.М. Варнавских [14], Н.К. Джамризе [15], Л.В. Ивановой [16], О.Л. Раковской [17], В.П. Строкова [18], Н.В. Тальтевской [19], Б.К. Укуевой [20], Н.В. Филисюк [21], И.В. Фуфаева [22] и др.

Смысловую нагрузку в понятии «творческая активность» в равной мере несут и понятие «творчество» и понятие «активность».

Обращение к научной литературе показывает, что творчество представляет собой продуктивную форму активности и самостоятельности человека. Результатом творчества «являются научные открытия, изобретения, создание новых музыкальных, художественных произведений, решение новых задач в труде врача, учителя, художника, инженера и т.д.» [23, с. 421].

Культура, наука, искусство, человеческая цивилизация в целом – все создано творчеством. Повседневный труд также предполагает творчество. Именно в творческом подходе к труду естественно, полноценно выражаются человеческие возможности.

В классическом понимании учеными творчества делается акцент на взаимосвязи творчества и новизны – творчество предполагает создание нового. Так, по

утверждению С.Л. Рубинштейна, творчество есть «деятельность, создающая нечто новое, оригинальное, что потом входит в историю развития не только самого творца, но и науки, искусства и т.д.» [8, с. 67].

Активность личности предполагает «инициативное воздействие на окружающую среду, на других людей и на себя» [23, с. 16]. *Активность человека*, как проявление его жизненных сил, является как предпосылкой, так и результатом его развития. Деятельность, которую осуществляет человек, априори активизирует его физические и духовные силы. Иными словами, деятельность и активность предполагают друг друга. Активность человека выражается через трудовую, интеллектуальную, социальную и другие виды деятельности.

Особый интерес в контексте проблемы творческой активности личности представляют уровни активности, выделенные Г.И. Щукиной. Это *репродуктивно-подражательная активность, поисково-исполнительская активность, творческая активность* [13].

Данные уровни активности выделяются ученым применительно к школьникам, но мы полагаем, что такие уровни могут быть отнесены и к студентам вуза.

На *репродуктивно-подражательном уровне активности человек накапливает опыт* деятельности, обращаясь к опыту другого человека; на *поисково-исполнительском* – принимает задачу и самостоятельно ищет пути ее выполнения; на *творческом* – человек сам ставит задачу и избирает новые, нестандартные, оригинальные пути ее решения.

По утверждению В.И. Андреева, творческая активность в широком смысле слова – «это присущий личности способ организации жизни, регуляции и саморегуляции на основе интеграции потребностей, способностей, отношений личности к жизни, с одной стороны, и требований к личности общества и обстоятельств, – с другой» [10, с. 113].

Н.В. Тельтевская понимает творческую активность как «состояние личности, которое характеризуется стремлением к получению новых знаний и способов деятельности, интеллектуальному напряжению и проявлению волевых усилий в процессе этой деятельности» [19, с. 302].

Важным в решении проблемы развития творческой активности студентов вуза является понимание того факта, что творчеству нельзя научить. Подлинное творчество не может быть представлено в виде образцов продуктов деятельности, оно несет в себе новизну и дает свободу для самовыражения личности. Говоря словами Я.А. Пономарева, творчество «заключается не в той деятельности, каждое звено которой полностью регламентировано заранее данными правилами, а в той, предварительная регламентация которой содержит в себе известную степень неопределенности, в деятельности приносящей новую информацию, предполагающей самоорганизацию» [7, с. 10].

В.П. Строков, раскрывая сущность творческой активности с позиции процессуально-деятельностного подхода в обучении, акцентирует внимание на положении о том, что творчески изменяя окружающий мир, студент внутренне меняется, меняются его сознание, мышление, потребности, мотивы. «В данном смысле творческая активность, – пишет В.П. Стро-

ков, – выступает как свойство личности, в котором проявляется индивидуальность студента и которое всегда связано со склонностями, интересами и непременно определяется потребностями обучаемого в том или ином виде деятельности [18, с. 69].

Переход студента на уровень творческой активности – показатель его личностного развития, становления его как субъекта, способного продуцировать новое как в условиях повседневной жизни, так и в условиях будущей профессиональной деятельности.

Творческой активности студента присущ индивидуальный характер. Творческая активность не сводится нами к напряжению интеллектуальных и физических сил студента, мы понимаем ее как качество деятельности личности, проявляемое в отношении студента к содержанию и процессу деятельности, в его стремлении к успешному овладению знаниями и способами деятельности, в мобилизации нравственно-волевых усилий на достижение цели деятельности.

Стремление глубоко проникать в сущность явлений и их взаимосвязей, находя новые способы такого проникновения; применять имеющиеся знания в новой ситуации, то есть переносить знания и способы деятельности в условия, которые до сих пор студенту не были известны; искать и находить новые знания – все это характеристики творческой активности студента вуза.

В качестве значимого фактора развития творческой активности студентов в процессе обучения в вузе ученые рассматривают оптимальный выбор форм, методов и средств, благодаря которым, как утверждает Н.В. Тельтевская, учебная деятельность «приобретает творческий характер, в ходе которой студент не только усваивает знания и способы их получения, но и сам создает новые знания и приобретает новый опыт, что является личностно значимым и действенным источником развития творческих способностей» [19, с. 304]. В качестве средств развития творческой активности студентов автор предлагает использовать различные виды творческих работ (информационно-реферативные, проблемные, натуралистические, исследовательские), а также социально-психологические тренинги и ролевые игры с предварительной психологической диагностикой обучающихся и последующей рефлексией.

И.В. Фуфаев полагает, что эффективными средствами развития творческой активности студентов являются средства ТРИЗ-педагогике. Это, прежде всего, «генетический анализ, алгоритм решения проблемных ситуаций (АРПС), комплекс методов развития воображения» [22, с. 213].

О.Л. Раковская в качестве эффективной формы развития творческой активности студентов рассматривает учебный проект. По утверждению автора, подлинный учебный проект «начинается с организации педагогом ситуации, в которой у студента появляется вопрос, который возникает в сознании студента и, несмотря на все его усилия, не оставляет его в покое и заставляет самоопределяться в проблемном поле его возможного решения» [17, с. 310]. Ученый предлагает систематизировать этапы проектной деятельности, учитывая тот факт, что творческая активность по своей сути не может быть заключена ни в какие структурные рамки. В данном аспекте необхо-

димо учитывать особенности организации работы студентов в логике учебного проекта, способствующие формированию интеллекта и развитию творческой активности. Принципами создания и развития образовательной творческой среды в процессе работы над учебным проектом, по утверждению О.Л. Раковской являются принципы научности, деятельности, проблемности, интеграции знаний, конструктивного и совместного взаимодействия преподавателя и студентов, единства учебной и научно-исследовательской работы [17, с. 310–311].

Покажем на конкретном примере, каким образом возможно развитие творческой активности студентов в вузе. Речь пойдет о студентах факультета искусств и сервиса.

Анализ научной литературы показывает, что проблеме формирования творческой активности студентов дизайнеров исследователями уделяется достаточно много внимания. Так, например, С.С. Горбачева и Н.Г. Чупис ведут речь о формировании творческой активности студентов-дизайнеров в процессе самостоятельной подготовки [24]; Н.А. Саблина рассматривает особенности организации учебно-познавательной среды, способствующей развитию художественно-творческой активности студентов-дизайнеров [25]. Данной проблеме посвящены и работы И.С. Искра [26], Ж.О. Небесаевой [27], Н.С. Стерховой и Н.В. Чигиревой [28], С.В. Фроловой [29] и др.

Мы в качестве формы развития творческой активности студентов предлагаем проектную студию, как инновационную форму организации обучения в вузе, имеющую большой потенциал с точки зрения подготовки нового поколения творческих, компетентных, конкурентоспособных специалистов. Являясь проектно-организационной формой деятельности, проектная студия представляет собой интегрированный компонент учебного процесса, когда обучение осуществляется через целесообразную деятельность студента на основе его личной заинтересованности в конкретном знании.

Развитие творческой активности студентов в рамках проектной студии способствует формированию у них устойчивого интереса к творчеству, пониманию структуры и содержания творческого процесса, повышению уровня инновационной активности и самостоятельности. Студенты, являясь участниками творческого процесса, становятся полноправными субъектами творческой деятельности, способными создавать новое, творить. Происходит становление студента как свободной творческой личности.

Отметим, что проектная студия не тождественна проектному обучению. Основным отличием является то, что запрос на проект в рамках проектной студии должен быть заказом внешней стороны, а заказчики реально вовлекаются в учебный процесс.

Проектную студию как форму развития творческой активности студентов характеризуют следующие положения:

1. Направленность на реальный результат, отвечающий требованиям классических проектов: общая идея, уникальность, работа в творческой группе, целеустремленность, длительность не менее одного семестра.

2. Интегральный междисциплинарный характер, позволяющий использовать знания, полученные в

рамках различных дисциплин, для решения конкретных, не оторванных от жизни проблем.

3. Предоставление студенту свободы выбора в конструировании собственных знаний с последующим использованием их творческого потенциала. Формат проектной студии обеспечивает относительно автономный характер работы студентов в рамках выполнения проектов, что предоставляет возможности для инициативы и самостоятельности участников.

4. Командная работа студентов на протяжении всего курса. В процессе работы в течение семестра осуществляется сопровождение деятельности проектных групп, их консультирование и вовлечение во взаимодействие с практиками. Дополнительной мотивацией в работе является использование принципа соревнования, где важны критерии оценивания работ проектных команд и отдельных участников курса. Защита проекта происходит публично в виде командной презентации. В зависимости от содержания и сложности проектов оцениваться могут различные аспекты, обуславливающие конечный результат. Общая интегральная оценка дополняется конкретными комментариями по каждому из проектов со стороны экспертов, оценивающих их во время защиты. Такой способ обратной связи позволяет сравнивать не только достижения команд, но учитывать рекомендации для улучшения конечного продукта.

Работа проектной студии предполагает:

1. Тренинги по управлению проектами, направленные на развитие навыков по планированию проектов, распределение ролей, организацию внутренней и внешней коммуникации, помощь в написании бизнес-планов, корректировку концепции, цели и задач проекта.

2. Тематические семинары и мини-презентации с приглашением внешних участников и экспертов.

3. Кейс-задания, основанные на анализе успешного опыта проектных групп предыдущих студий, с помощью которого студенты могут ознакомиться с ожидаемым конечным результатом, оценить предполагаемые объемы и этапы предстоящих работ по проекту, оценить факторы успеха и потенциальные сложности в работе.

4. Самостоятельная работа студентов, состоящая в изучении методических, научных и информационных материалов, связанных с тематикой проекта, и в подготовке и оформлении отчетов и презентаций результатов проекта.

5. Защита результатов перед группой экспертов.

В качестве примеров работы проектной студии на факультете искусств и сервиса МАГУ назовем дизайн-проект «Инсталляция в городской среде с применением пластических форм», заказчиком которого является Министерство социально-экономического развития Мурманской области; дизайн-проект многофункционального комплекса вдоль трассы Мурманск – Рованими «Дорога к Санта-Клаусу», заказчиком является международный проект «Kolarctic»; создание малого инновационного предприятия по изготовлению свадебных украшений «Букет желаний», заказчик – международный проект «Kolarctic».

В работе проектной студии реализуются такие, предлагаемые В.П. Строковым принципы развития творческой активности студентов, как принцип целе-

полагания, заключающийся в конкретизации целей каждого задания и создании ситуаций интереса в деятельности; принцип доступности, выражающийся в составлении и применении заданий, требующих от студентов практической деятельности различного характера (от репродуктивного до творческого); принцип индивидуализации, предполагающий применение различных форм организации работы над заданием и выражающийся в коллективной, групповой и индивидуальной деятельности [18, с. 70]. Реализация принципа целеполагания, например, предполагает конкретизацию целей каждого этапа выполнения проекта и создание ситуаций интереса в деятельности направленной на реальный результат.

Проектная студия как форма развития творческой активности студентов становится важным элементом обеспечения качества взаимодействия вуза и бизнеса в ходе реализации значимых проектов.

В заключении скажем, что развитие творческой активности студента вуза позволяет готовить специалиста, у которого присутствует устойчивый интерес к творчеству как продуцированию нового, который понимает структуру творческого процесса и умеет творчески использовать усвоенные знания в самых разнообразных ситуациях. Это специалист нового типа, способный жить и творить в постоянно меняющихся условиях современного мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Богоявленская Д.Б. Психология творческих способностей: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2002. 320 с.
2. Брушлинский А.В. Субъект: мышление, учение, воображение. М.; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. 392 с.
3. Выготский Л.С. Воображение и творчество в детском возрасте. Психологический очерк: книга для учителя. М., 1991. 93 с.
4. Кулюткин Ю.Н., Сухобская Г.С. Развитие творческого мышления школьников. Л.: Знание, 1978. 167 с.
5. Лук А.Н. Психология творчества. М.: Наука, 1978. 127 с.
6. Матюшкин А.М. Развитие творческой активности школьников. М.: Педагогика, 1991. 153 с.
7. Пономарев Я.А. Психология творчества и педагогики. М.: Педагогика, 1976. 280 с.
8. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2000. 712 с.
9. Якобсон М.Г. Психология художественного творчества. М.: Знание, 1971. 43 с.
10. Андреев В.И. Педагогика творческого саморазвития. Инновационный курс. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 1998. 318 с.
11. Волков И.П. Учим творчеству: педагогический практикум. М.: Педагогика, 1987. 426 с.
12. Загвязинский В.И. Педагогическое творчество учителя. М.: Педагогика, 1987. 160 с.
13. Щукина Г.И. Проблема познавательного интереса в педагогике. М.: Педагогика, 1971. 351 с.
14. Варнава С.М. Формирование творческой активности студентов в процесс вузовского образования // Педагогика и современность. 2013. № 4. С. 121–125. Самарский научный вестник. 2016. № 3 (16)
15. Джамирзе Н.К. Творческая активность как условие саморазвития студентов в образовательном пространстве вуза // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2011. № 4. С. 85–87.
16. Иванова Л.В. Развитие творческой активности как предпосылка успешной социализации студентов // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2013. № 12–2. С. 68–74.
17. Раковская О.Л. Педагогические условия развития творческой активности студентов в рамках учебного процесса // Вестник Владимирского государственного университета им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Педагогические и психологические науки. 2011. № 30. С. 308–313.
18. Строков В.П. Дидактические основы развития творческой личности студента // Педагогическое образование и наука. 2010. № 11. С. 67–70.
19. Тельтевская Н.В. Психолого-педагогические факторы развития творческой активности студентов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. Т. 2. № 3. С. 301–306.
20. Укуева Б.К. Формирование творческой активности студентов в процессе обучения в вузе // Педагогический опыт: теория, методика, практика. 2016. № 3(8). С. 132–135.
21. Филисюк Н.В. К вопросу о повышении творческой активности студентов в процессе обучения // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2013. № 8–3. С. 131–132.
22. Фуфаев И.В. Развитие творческой активности студентов средствами ТРИЗ-педагогики // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2010. № 6. С. 208–215.
23. Дьяченко М.И., Кандыбович Л.А. Психологический словарь-справочник. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2001. 576 с.
24. Горбачева С.С., Чупис Н.Г. К вопросу о формировании творческой активности студентов-дизайнеров в процессе самостоятельной подготовки // Обучение и воспитание: методика и практика. 2015. № 23. С. 12–18.
25. Саблина Н.А. Особенности организации учебно-познавательной среды, способствующей развитию художественно-творческой активности студентов-дизайнеров // Высшее образование сегодня. 2013. № 3. С. 64–66.
26. Искра И.С. Развитие художественно-творческой активности студентов-дизайнеров как инновационная психолого-педагогическая проблема // Инновации и инвестиции. 2014. № 2. С. 19–21.
27. Небесаева Ж.О. Развитие творческой активности студентов в процессе обучения декоративно-прикладному искусству // Вестник гуманитарного научного образования. 2013. № 2(28). С. 14–17.
28. Стерхова Н.С., Чигирева Н.В. Особенности развития творческой активности у студентов дизайнеров // Вестник Шадринского государственного педагогического института. 2010. № 1(6). С. 132–136.
29. Фролова С.В. Развитие творческой активности студентов дизайнеров // Альманах современной науки и образования. 2008. № 10–2. С. 185–186.

UNIVERSITY STUDENTS' CREATIVE ACTIVITY DEVELOPMENT AS A PEDAGOGICAL PROBLEM

© 2016

E.R. Statsenko, candidate of pedagogical sciences, associate professor, dean of the Faculty of Arts and Service
Murmansk Arctic State University, Murmansk (Russia)

Abstract. The author of the paper considers the problem of university students' creative activity development as an urgent social and pedagogical problem. Much attention is paid to the role of the concepts «creation» and «activity» that has equal meanings for the concept «creative activity». Creativity is regarded as a form of productive activity and autonomy of a person; creativity and innovation relationship is focused on. It is proved that human activity as a vitality sign is a prerequisite and the result of human development. It is alleged that a person gains experience activities on reproductive and imitative activity level referring to the experience of another person; takes tasks and seeks ways of performing on search and performing activity level; sets tasks and chooses new, unconventional, original ways of performing on creative activity level. The author proves that university students' creative activity is the quality of an individual's activity. The paper also contains characteristics of university student's creative activity, forms, methods and means of university students' creative activity development and some examples of the design studio work at Arts and Service Department. The efficiency of the design studio is proved and the principles of university students' creative activity development, realized in the design studio, are noted.

Keywords: student; university; creation; activity; creative activity; development of the individual levels of activity; form; method; means; design studio; the principles of creative activity development; the principle of goal-setting; the availability principle; the principle of individuation.

УДК 37.014.3

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ РИСКОВ И ШАНСОВ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ШКОЛЫ: СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

© 2016

Т.А. Султанова, кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей и профессиональной педагогики
Оренбургский государственный университет, Оренбург (Россия)

Аннотация. Актуальность проблемы инновационной образовательной деятельности школы обусловлена ситуацией конкурентной борьбы на рынке образовательных услуг. Источником конкурентных преимуществ современной школы становятся содержательные, технологические и методические образовательные инновации. Инновация – это всегда риск, поскольку лишь относительно небольшая часть из них реализуется в действительности и приводит к позитивным результатам. Целью данной статьи является уточнение содержательных и методических аспектов прогнозирования шансов и рисков как неотъемлемой части инновационного развития школы. Основу авторской позиции составляет вероятностный характер развития школы, проявляющийся в неопределенности и непредсказуемости последствий введения инноваций в образовательный процесс. К основным факторам неопределенности отнесены субъекты инновационной активности, сама инновационная деятельность и окружающая среда. В качестве форм актуализации будущих состояний развития школы представлены шансы и риски. Обозначен их субъективно-объективный характер. Описана иерархия прогнозируемых шансов и рисков, включающая оперативный, тактический и стратегический уровни. В качестве механизма снижения неопределенности и непредсказуемости инновационного развития школы представлено прогнозирование шансов и рисков исследуемого процесса. Обозначены методические аспекты прогнозирования шансов и рисков. Рассмотрен пример применения методики в рамках разработки образовательных мер по предупреждению аддиктивного поведения школьников.

Ключевые слова: инновации; инновационное развитие школы; вероятностный характер; шансы; риски; неопределенность будущего; факторы неопределенного будущего; состояния неопределенности; образовательный прогноз; прогнозирование; альтернативные решения; методика прогнозирования шансов и рисков.

Современная социокультурная ситуация в России определяет инновационные тенденции изменения различных сфер человеческой деятельности, к числу которых следует отнести и образовательную. Одной из причин, обуславливающих необходимость инновационной образовательной деятельности, является ситуация конкурентной борьбы на рынке образовательных услуг [1; 2]. При этом источником конкурентных преимуществ современной школы становятся содержательные, технологические и методические образовательные инновации, внедрение которых способно обеспечить радикальное обновление и расширение спектра оказываемых образовательных услуг.

В современной теории и практике образования инновации имеют устойчивую окраску позитивности и успешности [3, с. 131]. Вместе с тем, активное развитие и введение инноваций в образовательный процесс школы не всегда обеспечивает его высокую результативность и качественные изменения. По мнению К.М. Ушакова лишь относительно небольшая часть из них действительно реализуется и приводит к позитивным результатам. Инновация – это всегда риск, она может и чаще всего кончается неудачей, последствия которой более или менее фатальны. В этой связи считаем, что особую актуальность приобретает проблема выработки прогнозов инновацион-

ного развития школы на обозримую и более отдаленную перспективу, способных в значительной мере повысить качество принимаемых решений в условиях неопределенности.

К настоящему времени в педагогической науке сформировался концептуальный и эмпирический инструментарий разработки образовательных прогнозов, доступный для практического использования [4]. С научно-теоретических позиций прогноз определяется как «научно обоснованное суждение о возможных состояниях объекта в будущем, альтернативных путях и сроках их осуществления» [5, с. 36]. Традиционная типология включает следующие виды прогнозов в образовании [6, с. 21.]: поисковый, нормативный, целевой, программный и плановый.

Прогноз как форма конкретизации будущего представляет собой сложный конструкт, создаваемый на основе мысленного исследования перспектив развития объекта или явления образовательной действительности [7]. По мнению В.Э. Шляпентох, вероятностный характер результатов прогнозирования при любом его варианте обусловлен тем, что объектом прогнозирования являются процессы, не подвластные полному регулированию и управлению [8, с. 371]. Среди факторов, обуславливающих вероятностный характер образовательного прогнозирования, особое значение имеют следующие. Во-первых, следствием нелинейности и многофакторности образовательных систем является невозможность создания унифицированной модели будущего состояния объекта педагогической действительности. Во-вторых, образовательные процессы ориентированы на транзитивный, постоянно меняющийся, находящийся в непрерывном развитии объект, что значительно усложняет процесс разработки прогноза. В-третьих, в результате трансформации общества меняются представления людей о сущности воспитания и образования, что негативно влияет на точность и полноту образовательного прогноза.

Обращаясь к проблеме прогнозирования инновационного развития школы, следует заметить, что субъект образовательного процесса не наделен априорным знанием относительно всех последствий и результатов, которые могут произойти в будущем. Данное утверждение справедливо как по отношению к тем последствиям, которые произойдут в результате целенаправленной деятельности субъекта, так и к тем, которые ожидают субъекта, если он будет бездействовать. К факторам, обуславливающим неопределенность и непредсказуемость результата деятельности человека, относятся такие «сущности как субъект активности, объект активности и окружающая среда вместе с ее составляющими, включая и их взаимодействия между собой» [9, с. 21]. Неопределенность и непредсказуемость последствий носит принципиальный характер и в целом не зависит от того насколько отдалено во времени данное будущее. Данное утверждение справедливо и для образовательной сферы.

В образовательном пространстве школы следствием неопределенности и непредсказуемости обозначенных выше «сущностей» являются трудности, возникающие в процессе прогнозирования всех результатов и последствий принятых субъектами инновационных решений. Это связано с тем, что невозможно

достаточно достоверно предсказать какое именно последствие актуализируется в реальности, равно как и временной момент его наступления.

Будущее развитие образовательной системы или объекта характеризуется поливариантностью возможных состояний, каждое из которых может реализоваться. При этом потенциал прогнозирования раскрывается в том, что субъекты образовательного процесса имеют возможность выстраивать разнообразных предположения относительно тех или иных будущих результатов, которые могут произойти вследствие его собственных действий и решений, а также активности со стороны других лиц. Таким образом, прогнозирование расширяет границы выбора оптимальной траектории развития школы, приводит к осмыслению возможных инновационных преобразований и придает данному процессу некоторую технологическую определенность.

В качестве условий преодоления неопределенности результата инновационного развития и наступления желаемых и запланированных состояний необходимо выделить: совершение деятельности со стороны субъекта; реализацию пошагового и адаптивного управления данной деятельностью, постоянно приспособляющегося к необратимо изменяющейся реальности [9, с. 24]. Таким образом, выполнение данных условий со стороны субъекта инновационного развития позволит ему оказывать опосредованное или непосредственное влияние на будущие последствия и результаты.

По мнению ряда ученых [9; 10; 11; 12; 13] в качестве форм актуализации будущих состояний развиваемой системы выступают шансы или риски. На сложности и неоднозначности данных категорий, включающих в себя противоположные созидательно – разрушительные начала, акцентировано внимание в ряде педагогических исследований. Так в работе И.А. Колесниковой конкретизированы шансы и риски для участников процесса обучения в рамках реализации открытого образования в глобальном мире [14]. По мнению М.А. Беляевой риск следует позиционировать как категорию амбивалентную, одновременно сочетающую в себе и опасности, и новые возможности [15]. Изучение и принятие управленческих решений в зоне риска связывается автором с процессами оптимизации риска, предполагающими сдерживание отрицательных и стимуляцию ожидаемых положительных последствий. В исследовании В.А. Останина [16] категории риск и шанс также представлены в контексте управленческой деятельности как две диалектические противоположности. Таким образом, в современных педагогических исследованиях категории «риск» и «шанс» представлены в их взаимосвязи и взаимозависимости.

Соглашаясь с позицией А.Г. Мадеры, под шансами (рисками) будем понимать «возможную актуализацию в будущем неопределенных и непредсказуемых результатов и последствий активности, осуществляемой как в форме деятельности, так и в форме пассивной активности, носящих благоприятный (неблагоприятный) характер для конкретного субъекта активности или других субъектов, не принимающих непосредственного участия в ней, но испытывающих на себе воздействие ее результатов и послед-

ствий» [9, с. 38]. Уточним, что содержательное наполнение шансов и рисков определяется личностным отношением конкретных субъектов к происходящим изменениям. Специфичность рисков и шансов проявляется в их морально-нравственной, материальной, физической, психической и т.д. выраженности и направленности. Таким образом, риски, как и шансы, носят субъективно-объективный характер.

Субъективность данных категорий обусловлена тем, что вероятность наступления шансов и рисков во многом определяется конкретным субъектом активности. Субъект активности, являясь носителем индивидуально-личностного ресурса (способности, психотип, опыт, состояние здоровья и т.д.) определяет появление собственного, присущего только ему, индивидуального спектра возможных субъективных рисков и шансов. Другой субъект – другие риски и шансы. Объективность рисков и шансов определяется их независимостью от сознания субъектов, находящихся в плоскости влияния на данный процесс. Таким образом, вероятность наступления определенного результата нововведений определяется как конкретным видом активности, так и личностью того субъекта, который данную активность реализует.

Мы разделяем научную позицию Н.Н. Сабининой [17], согласно которой в условиях инновационной деятельности педагогических работников системное представление рисков интегрирует следующие их виды: физический, личностный (рассогласование, изменение статуса, временная потеря компетенции), технологический, экономический, методологический, риск сопротивления. Автор дает им следующую характеристику.

Физические риски в первую очередь связаны с интенсификацией профессионально-педагогической деятельности, загруженностью и перенапряжением педагога. Личностные риски могут быть описаны в трех ракурсах: риск рассогласования, отражающий несоответствие требований, предъявляемых со стороны системы образования и личностных интересов, потребностей, возможностей педагогов, уровня их готовности к инновационной деятельности; риск изменения статуса, связанный с перераспределением функциональных обязанностей, полномочий, статуса отдельных работников; риск временной потери компетенции, проявляющийся в том, что стабильно работающий педагог сталкивается с проблемой потери успешных результатов, поскольку новые результаты временно не столь высокие. Технологические риски обусловлены отсутствием опыта инновационной деятельности, недостаточным уровнем технологической готовности к ней и т.д. Экономические риски определяются отсутствием дополнительной оплаты, низким уровнем материально-технического обеспечения инновационного процесса. Методологические риски обусловлены соответственно методологической и профессиональной неготовностью педагога к реализации инноваций, недостаточным уровнем сформированности его инновационной культуры. Риск сопротивления связан с низким уровнем мотивации к реализации нововведений, нежеланием перемен и т.д.

Таким образом, обозначенное многообразие рисков, их разнохарактерность и разнонаправленность в значительной мере определяет неопределенность инновационной образовательной деятельности школы.

Сопоставление процессов инновационной деятельности школы с уровнями управленческих решений позволяет представить иерархию прогнозируемых шансов и рисков, включающую стратегический, тактический и оперативный аспект. Каждому уровню соответствует определенный период актуализации и степень неопределенности шансов и рисков. Оперативные шансы и риски связаны с решением повседневных задач, период их актуализации составляет от одного до нескольких дней. Тактические имеют период актуализации от нескольких дней до года. Соответственно стратегические могут быть актуализированы в период более года.

Подобные темпоральные расхождения позволяют уточнить факторы и пространство актуализации шансов и рисков инновационного развития школы. В контексте оперативных и тактических шансов и рисков достаточно определенными являются субъект активности и окружающая среда. В стратегическом плане определенность отсутствует. В условиях развития школы инвариантом реальной образовательной системы выступает образовательная ситуация как «система внешних и внутренних условий, задающая пространственно-временные границы реализации активности субъекта инновационной образовательной деятельности» [18]. Поскольку педагогическая ситуация всегда существует в рамках педагогического процесса, а через него – и в образовательной системе, то именно их (ситуацию, процесс, систему) следует понимать как пространство актуализации оперативных, тактических и стратегических шансов и рисков.

Уточним основные теоретические положения, составляющие основу прогнозирования шансов и рисков развития школы. Во-первых, шансы и риски являются будущими состояниями развития школы, имеющими соответственно позитивную и негативную окраску. При этом следует учитывать возможность их одновременной актуализации. Во-вторых, субъект инновационной деятельности оказывает значительное влияние на актуализацию шансов и рисков, поскольку именно он конкретизирует их множество согласно решаемой инновационной задаче, определяет факторы неопределенности будущих состояний. В-третьих, выделенное субъектом множество шансов и рисков в решении конкретной инновационной задачи остается неизменным при различных сочетаниях «альтернатива (решение) – состояние неопределенности». Однако выбор определенной альтернативы способствует перераспределению количественных мер шансов и рисков, а также вероятности их актуализации.

Представим методику прогнозирования шансов и рисков активности субъектов [9, с. 248] модифицированную с учетом социально и психолого-педагогической обусловленности инновационной образовательной деятельности. Логика прогнозирования шансов и рисков раскрывается через: анализ неопределенностей и особенностей окружающей среды; выработку возможных решений проблемы; конкретизацию спектра возможных рисков и шансов; определение их иерархического уровня; отбор критериев для оценки шансов и рисков; выявление приоритетных критериев для конкретной инновационной задачи; определение интенсивности шансов и рисков по каждому критерию; уточнение возможных состояний неопределенного будущего.

Рассмотрим пример применения общей методики прогнозирования шансов и рисков в рамках разработки и реализации инновационных образовательных мер по предупреждению аддиктивного поведения школьников [19; 20].

Условия. В школе N обозначилась проблема аддиктивного (зависимого) поведения подростков, которая носит сложный кумулятивный характер и ставит под угрозу физическое, психическое и моральное здоровье учащихся. Администрация школы видит необходимость проведения профилактической работы в данном направлении и рассматривает два варианта решений:

А – создание в школе инновационного структурного подразделения «Совет профилактики», в функционал которого будет включена реализация мер по предупреждению и преодолению аддиктивного поведения подростков;

Б – усиление существующего воспитательного ресурса школы по работе с учащимися, склонными к аддиктивному поведению; разработка и реализация инновационной профилактической программы по предупреждению аддиктивного поведения школьников.

По мнению сторонников решения А создание инновационного структурного подразделения «Совет профилактики» будет способствовать снижению количества учащихся, склонных к данному виду негативной активности (событие 1), поскольку позволит систематизировать и вывести на качественно новый уровень деятельность школы по предупреждению аддиктивного поведения школьников.

Противники решения А обращают внимание на то, что создание инновационного структурного подразделения «Совет профилактики» требует координации усилий специалистов различных областей знания (медицинской, психологической, социологической, юридической и т.д.). Реализация данного требования предполагает привлечение значительных по объему ресурсов (кадровых, экономических, территориальных, интеллектуальных и т.д.). Нехватка таких ресурсов (событие 2) может привести к снижению эффективности и результативности деятельности данного структурного подразделения. Таким образом, создание инновационного структурного подразделения «Совет профилактики» может и не привести к снижению количества учащихся, поведение которых является аддиктивным (событие 3).

По мнению сторонников решения Б отказ от создания инновационного структурного подразделения «Совет профилактики» и актуализация существующего воспитательного ресурса школы путем разработки и реализации инновационной профилактической программы по предупреждению аддиктивного поведения школьников позволит достичь желаемых результатов. Это произойдет с меньшими интеллектуальными, временными и материальными затратами.

Вместе с тем все участники дискуссии констатировали ряд событий, которые могут возникнуть как при решении А, так и при решении Б (события 4, 5, 6, 7, 8). В случае неудачного исхода реализации профилактической программы (решение Б), деятельность школы фактически не изменится. В то время как неудачный исход дела при условии принятия решения А приведет к более фатальным последствиям (струк-

турные изменения, кадровые перестановки, перераспределение функциональных обязанностей и т.д.).

Таким образом, анализ возможных последствий решений А и Б позволяет определить следующий спектр шансов и рисков, которые могут актуализироваться в будущем:

- шанс 1: снижение количества учащихся, склонных к аддиктивному поведению;
- риск 1: нехватка ресурсов, обеспечивающих профилактическую работу по преодолению аддиктивного поведения личности подростков;
- риск 2: интенсификация деятельности, загруженность и перенапряжение педагогов;
- риск 3: рассогласование требований профилактической деятельности и уровня готовности учителей к данному виду деятельности;
- риск 4: перераспределение функциональных обязанностей и полномочий, обуславливающий изменения статуса педагогических работников;
- риск 5: отсутствие опыта работы с подростками, проявляющими аддиктивную активность;
- риск 6: низкий уровень мотивации реализации деятельности по профилактике аддиктивного поведения школьников;
- риск 7: неизменная или растущая численность учащихся, склонных к аддиктивному поведению.

Каждое из представленных шансовых или рискованных событий может быть оценено посредством множества критериев: временной горизонт, значимость для личности, социальная значимость, вероятность актуализации рисков и шансов. Данная система критериев позволяет определить доминантный фактор неопределенного состояния будущего для каждого из заявленных шансов и рисков. Соответственно открываются перспективы организации превентивных мер по актуализации шансов и преодолению рисков.

Прогнозируемые результаты активности субъектов согласно предлагаемым решениям А и Б будут получены через 1–2 года. В этой связи шансы и риски реализации инновационных решений, связанных с профилактикой аддиктивного поведения школьников следует отнести к стратегическому уровню. В течение такого достаточно продолжительного периода факторы неопределенности состояния будущего (субъект и объект активности, окружающая среда и ее компоненты) могут претерпеть самые разнообразные изменения. Так, например, может поменяться управленческая система, а, следовательно, и приоритеты развития школы, смена контингента учащихся и кадрового состава может привести как к усилению, так и к ослаблению интеллектуальных и функциональных ресурсов школы и т.д.

В качестве наиболее значимых сущностей неопределенности для рассматриваемого примера мы принимаем личностную и социальную составляющую образовательной среды, которые могут способствовать как благоприятному, так и неблагоприятному исходу деятельности для всех субъектов образовательного процесса. По аналогии с результатами исследования А.Г. Мадеры [9] на рисунке 1 представим структурную схему шансов и рисков при принятии решений в контексте прогнозирования деятельности школы по профилактике аддиктивного поведения учащихся.

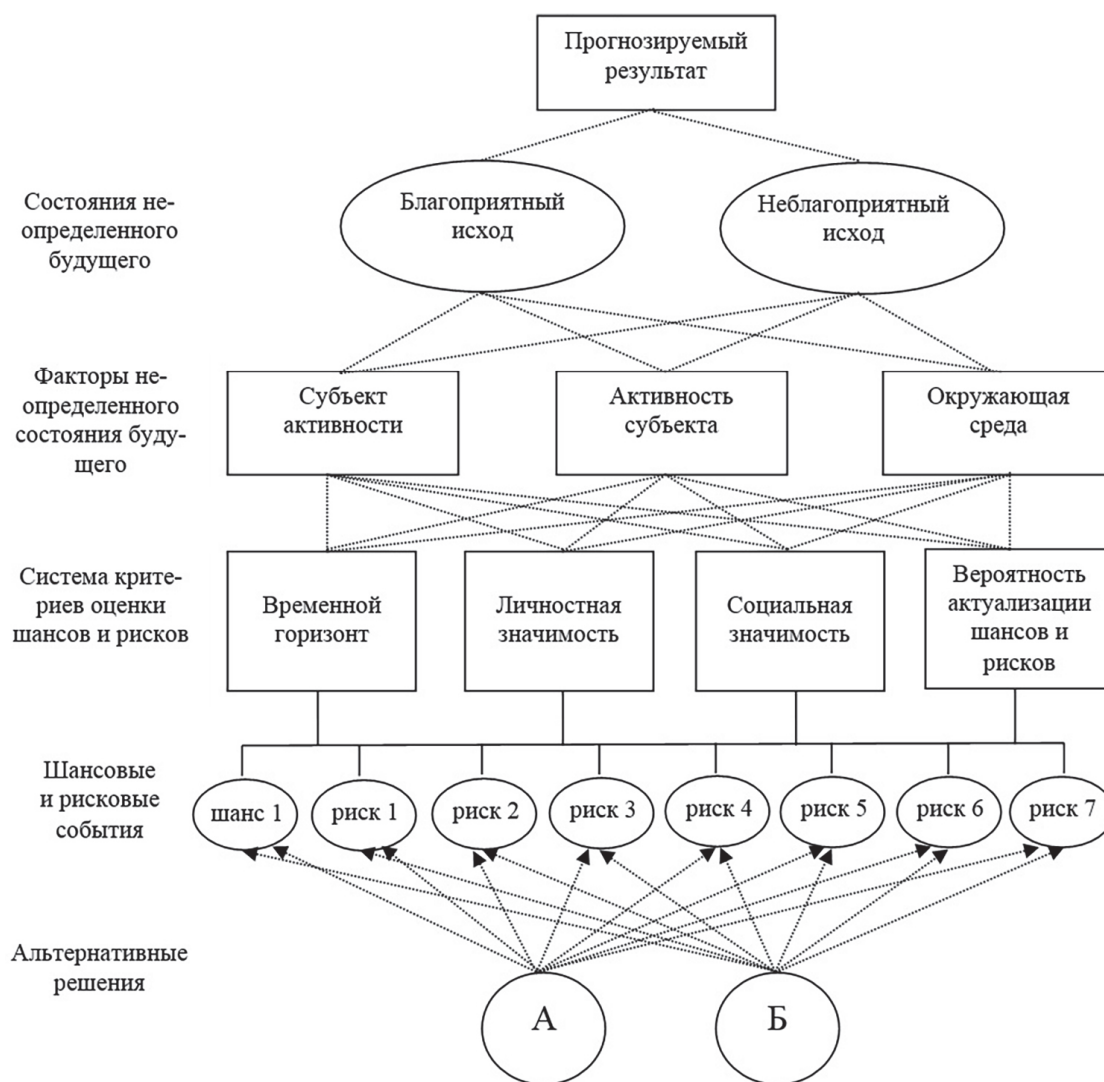

Рисунок 1 – Структурная схема шансов и рисков принятия решений в контексте прогнозирования деятельности школы по профилактике аддиктивного поведения учащихся

Таким образом, одним из эффективных механизмов снижения неопределенности и непредсказуемости инновационного развития школы является прогнозирование шансов и рисков данного процесса. Использование представленной методики позволит субъектам инновационной образовательной деятельности определить и осознать возможные шансовые и рискованные состояния развиваемой системы, а также обнаружить пути адаптации школы к изменениям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Цыбина О.Ю. К вопросу о формировании маркетинга образовательных услуг в России // Самарский научный вестник. 2013. № 3. С. 77–78.
2. Фишман Л.И. Специфика образовательных услуг в аспекте управления повышением их качества // Самарский научный вестник. 2013. № 2. С. 61–65.
3. Ушаков К.М. Кризис в период реформ. М.: Сентябрь, 2011. 176 с.
4. Рабочая книга по прогнозированию / отв. ред. И.В. Бестужев-Лада. М.: Мысль, 1982. 430 с.
5. Владимирова Л.П. Прогнозирование и планирование в условиях рынка. М.: Дашков и К, 2005. 339 с.
6. Педагогическое прогнозирование / под общ. ред. Л.Е. Никитиной. М.: НОУ ВПО Московский психолого-социальный институт, 2009. 288 с.

7. Корнилова К.В. Прогнозирование в структуре профессиональной деятельности руководителя и педагога дошкольного образовательного учреждения // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2009. № 3. 2009. С. 357–361.

8. Шляпентох В.Э. Проблемы качества социологической информации: достоверность, репрезентативность, прогностический потенциал. М.: ЦСП, 2006. 664 с.

9. Мадера А.Г. Риски и шансы: неопределенность, прогнозирование и оценка. М.: Красанд, 2014. 448 с.

10. Антонова Л.Н. Педагогическая рискология: теория и история // Проблемы современного образования. 2010. № 4. С. 24–30.

11. Лактионова Е.Б. Основные подходы к проблеме рисков в образовательной среде // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 52. С. 41–53.

12. Абрамова И.Г. Теория педагогического риска: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 1996. 40 с.

13. Хабибуллин Э.Р. Готовность к риску как фактор эффективной педагогической деятельности в ситуациях неопределенности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2008. 22 с.

14. Колесникова И.А. Открытое образование: перспективы, вызовы, риски // Высшее образование в России. 2009. № 7. С. 12–23.

15. Беляева М.А. Риск как предмет научного анализа в педагогике и образовании // Педагогическое образование в России. 2014. № 11. С. 16–23.

16. Останин В.А., Рожков Ю.В. «Шанс-менеджмент» и «риск-менеджмент» как диалектические противоположности теории управления // Вестник ХГАЭП. 2014. № 6. С. 4–7.

17. Сабинаина Н.Н. Риски в инновационной деятельности педагога и их профилактика // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 6. С. 85–89.

18. Султанова Т.А. Образовательная ситуация как объект прогнозирования развития школы // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. № 1. С. 66–70.

19. Султанова Т.А. Прогностические аспекты деятельности школы по профилактике аддиктивного поведения учащихся // Молодой ученый. 2014. № 4. С. 1111–1114.

20. Султанова Т.А. Прогнозирование деятельности образовательного учреждения по профилактике аддиктивного поведения школьников // Образование и общество. 2014. № 3. С. 65–68.

RISKS AND CHANCES PREDICTION OF SCHOOL INNOVATIVE DEVELOPMENT: SUBSTANTIVE AND METHODOLOGICAL ASPECTS

© 2016

T.A. Sultanova, candidate of pedagogical sciences,
associate professor of the Chair of General and Professional Pedagogy
Orenburg State University, Orenburg (Russia)

Abstract. The problem of school innovative educational activities is considered to be urgent due to the competition on the market of educational services. Content, technology and teaching educational innovations become the source of competitive advantages of the modern school. Innovation is always a risk, because only a few of them are implemented in reality and lead to positive results. The purpose of this paper is to clarify the content and methodological aspects of opportunities and risks prediction as an integral part of school innovative development. The basis of the author's position is the probabilistic nature of school, which is manifested in the uncertainty and unpredictability of the effects of innovations introduction in the educational process. Subjects of innovative activity, innovative activity itself and the environment are thought to be the main factors of uncertainty. Chances and risks are considered to be the forms of actualization of school future development. Chances and risks are objective and subjective. The author describes a hierarchy of predictable chances and risks, including operational, tactical and strategic levels. Chances and risks prediction is considered to be a mechanism for reducing the uncertainty and unpredictability of school innovative development. The author represents methodological aspects of opportunities and risks prediction. The paper contains an example of real educational practice.

Keywords: innovation; innovative development of the school; probabilistic nature; chances; risks; uncertainty about the future; factors of uncertain future; state of uncertainty; educational prediction; alternative solutions; method of chances and risks prediction.

УДК 372.881.111.1

МЕТОД КВЕСТ КАК ИННОВАЦИОННАЯ ФОРМА ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

© 2016

И.В. Ткач, магистрант кафедры теории и практики иностранных языков и лингводидактики
О.А. Минеева, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иноязычной профессиональной коммуникации
Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, Нижний Новгород (Россия)

Аннотация. В статье рассматривается метод квест как инновационный метод обучения английскому языку детей дошкольного возраста. Описываются задачи и принципы раннего обучения, психологические особенности готовности детей к изучению иностранного языка и вклад занятий по изучению иностранного языка в общее развитие ребенка. В работе рассмотрены игровые методы обучения, а также факторы, определяющие успех использования игр на занятиях для детей дошкольного возраста. Дано определение понятию «квест», определена возможность использования этого метода в качестве одного из игровых методов в обучении английскому языку. В технологию использования квеста включены современные аудио-визуальные материалы, задания на аудирование, говорение, чтение, узнавание изученного лексического материала. Помимо заданий, направленных непосредственно на изучение иностранного языка, в квесте содержатся задания на развитие логического мышления, внимательности, развитие моторики при создании аппликации. Рассмотрен практический опыт применения данного метода при изучении темы «Еда» в группе дошкольников: описаны общая концепция квеста, задания, необходимый реквизит. Описанный метод обучения иностранному языку может быть адаптирован как любому возрасту учащихся, так и к любому учебному предмету.

Ключевые слова: раннее обучение английскому языку; игровые методы в обучении; инновационный метод обучения; квест; метод квест; дошкольное обучение; занятия с дошкольниками; обучение английскому языку; обучение дошкольников английскому языку; обучение через игру; общее развитие дошкольников.

Раннее обучение и развитие детей – актуальная тенденция в воспитании: с самого раннего возраста дети занимаются в спортивных секциях, музыкальных школах, центрах творчества. Изучение иностранных языков отличается особенно высоким спросом на рынке образовательных услуг, в частности, – изучение английского языка. В педагогике накоплен значительный опыт в обучении дошкольников иностранному языку [1–4]. Вопросами раннего обучения занимались ученые А.А. Леонтьев, Е.Ю. Протасова, Н.М. Родина и другие, но данный вопрос не теряет своей актуальности, поскольку различные методики обучения оставляют пространство для научных исследований [5–8].

Раннее обучение иностранным языкам ставит своей главной целью формирование у учеников коммуникативной компетенции [9, с. 114]. Раннее обучение во многом схоже с развивающим обучением и основывается на принципах развития: культуросообразности – процесс усвоения нравственных норм и общекультурных ценностей, необходимых для взаимодействия с представителями других стран; принцип общения, которое рассматривается как средство усвоения ценностей; природосообразности – учет когнитивных и психофизиологических особенностей при обучении; и самостоятельности – способности получать знания в процессе учебной и творческой деятельности [10, с. 8–14].

Раннее обучение иностранным языкам призвано помочь общему развитию ребенка, основываясь на психологических и физиологических особенностях дошкольников [11–13]. В литературе выделяются особенности, присущие младшим школьникам и детям дошкольного возраста. К ним относятся преобладание наглядно-образного мышления, произвольные процессы в восприятии и запоминании информации. Детям данного возраста присуще буквальное запоминание, зависящее от образности, яркости и личной вовлеченности ребенка в процесс познания. По словам М.И. Еникеева существуют несколько факторов произвольного запоминания информации – сильные и значимые физические раздражители, смена действия, раздражители, значимые для личности, раздражители, имеющие эмоциональную окраску, деятельность, которая непосредственно связана с потребностями индивида. Все эти факторы необходимо использовать на занятиях с дошкольниками для достижения наилучших результатов [14].

К началу изучения иностранного языка ребенок должен быть достаточно развит, этот период определяется не возрастом дошкольника, а его психологическими и физиологическими особенностями. Наиболее благоприятным периодом для начала изучения языка считается период 6–7 лет, но некоторые малыши более младшего возраста также готовы начать изучение языков. Этот возраст считается наиболее сенситивным, когда дети наиболее чувствительны к языковым явлениям, и могут неосознанно осваивать большие объемы информации.

Но что может мотивировать ребенка 5–7 лет к изучению иностранного языка? Ответ на этот вопрос учеными уже найден – это игра. Игровые методы широко используются в обучении дошкольников, и позволяют реализовать все принципы раннего обучения,

а также учесть психологические особенности дошкольников [15–18]. Процесс обучения через игры – это обучение без сознательной затраты сил и времени, это обучение с удовольствием, которое задействует эмоции, развивает воображение и мышление. Использование иностранного языка в играх позволяет перейти на новый для дошкольника язык, оправдывая это «правилами» игры.

А.П. Василевич, говорит о том, что недостатки первого года обучения, могут быть скорректированы позднее, а отсутствие мотивации и упорное нежелание изучать язык преодолеть достаточно сложно [19, с. 75]. Игра отвечает всем требованиям раннего обучения, позволяет учитывать в процессе обучения психологические и физические особенности детей, мотивировать детей на изучение языка.

В современном образовании существует множество игровых методов, позволяющих сделать процесс изучения английского языка увлекательным и интересным для дошкольников. В арсенале педагогических средств различные игровые учебно-методические пособия, интерактивная поддержка в виде аудиовизуальных средств, карточек с картинками, а также компьютерных игр, способствующих обучению детей английскому языку, а также развитию – логического мышления, самостоятельности, скорости реакции. Но в наш чрезмерно компьютерный век, нам необходимо вернуться к тому, чему не может обучить ни один компьютер – живому общению, формированию коммуникативной компетенции и готовности к построению коммуникации с представителями других языков и культур.

Одним из инновационных форм обучения дошкольников является квест. Термин «квест» становится известным с 70-х годов прошлого века, когда он заимствуется разработчиками компьютерных игр из литературы в жанре фэнтези. Квест – «quest» с английского языка переводится как «поиск, предмет поиска, поиск приключений». Изначально под квестом понималось приключение с множеством испытаний и трудностей, которые необходимо преодолеть для достижения цели, одним из ярких примеров является миф о 12 подвигах Геракла. Таким образом, в квесте должны присутствовать главные герои, цель поиска или приключения, дополнительные персонажи, помогающие или мешающие героям, задания, в которых нужно проявить не только физическую силу, но и логическое мышление [20, с. 14].

Квест позволяет наполнить игру множеством интересных и познавательных заданий, позволяющих участникам игры не только выполнять задания, но и укрепить командный дух в детском коллективе, создать ситуацию успеха, и сгладить соревновательные моменты между детьми [21–22].

В рамках нашего исследования метод квест как метод обучения английскому языку использовался в группе дошкольников 6–7 лет. В данном возрасте одна из наиболее интересных тем – это пиратские приключения с поиском сокровищ.

Завязка:

Детям рассказывается легенда, в которой существуют 2 пирата – хороший и плохой. По легенде один из пиратов спрятал сокровища от ребят и зашифровал карту, и только те, кто сможет разгадать

все загадки пирата, вернет сокровища. Образ второго, злого пирата является абстрактным, лично дети с ним не встречаются.

Реквизит игры: карта сокровищ с зашифрованными подсказками.

Команда движется в соответствии с заданиями в записках, в которых зашифровано то место, в котором их ждут задания. Команду сопровождает пират, принимающий на себя обязанности консультанта-игротехника, готового дать подсказку или повести ситуацию в игре в нужном направлении. Квест объединен единой темой, в рамках которой изучаются лексические единицы.

Рассмотрим пример использования метода квест с целью изучения лексических единиц по теме «Еда».

Первый этап: В помещении обязательно должен быть телевизор, проектор или другой экран для демонстрации видео. На видном месте находится пульт. На первом этапе детям выдаются картинки с различными предметами еды (такой, какую обычно любят дети, например, пицца, курица, картофель фри, молочный коктейль, сок, мороженое и пульт).

Пират спрашивает детей, что это и выясняет, в наборе есть лишняя карточка – карточка с пультом, наводит детей на мысль о пульте. Дети используют пульт и запускают видео с песней/ видео словарем по теме еда. Смотрят два раза, после чего Пират-игротехник проводит игру на распознавание и повторение слов.

Второй этап: Дети движутся соответственно по карте к следующему этапу. На данном этапе предлагается собрать пазл из трех частей, содержащих в себе картинку и слово. В комнате расположены «плакаты» со словами с одной пропущенной буквой и недостающей картинкой, задачей команды является добавить букву (буквы прилагаются) и добавить (приклеить) картинку к слову. Дети читают слова, при необходимости прибегая к помощи инструктора Пирата.

Третий этап: Ребята смотрят видео, в котором Пират, спрятавший клад, рассказывает о своей любимой еде и предлагает детям приготовить для него что-нибудь. В реквизите имеются заготовки из цветной бумаги, из которых можно составить (склеить, собрать) элементы еды, изученные на занятии, и сделать аппликацию на заготовке тарелки, имеющейся у каждого ребенка. В конце рассказать об этом свои товарищам по команде и Пирату, если ребята справились с заданием (а они должны справиться при помощи хорошего Пирата). Включается видео со вторым «злым» пират, который хвалит детские «блюда» и дает последнее задание – расставить карточки с картинками и словами в алфавитном порядке и назвать их. Когда задание выполнено, дети получают подсказку, где можно найти ключ от сундука, внутри которого находятся дипломы, сладкие подарки и словарь с картинками с изученными словами.

Кроме того, метод квест использовался при изучении следующих тем: «Дом», «Животные», «Семья», «Игрушки».

Применение данного метода в процессе обучения английскому языку детей дошкольного возраста позволяет нам сделать вывод о том, что квест является инновационным приемом среди игровых методов

обучения, который еще не получил широкого развития в дошкольных образовательных программах, несмотря на факторы, определяющие данный метод, как успешный в раннем обучении: сюжетная игра с определенной целью, для достижения которой необходимо принять правила игры, и выстраивать иноязычную коммуникацию. Выполнение заданий способствуют развитию навыков аудирования и чтения на иностранном языке, поиск решений проблемных ситуаций активизирует логическое и творческое мышления дошкольника, способствуя его всестороннему развитию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Спиридонова А.В. Обучение детей раннего возраста иностранному языку в процессе дополнительного образования: дис. ... канд. пед. наук. Челябинск, 2010. 201 с.
2. Протасова Е.Ю., Родина Н.М. Методика обучения дошкольников иностранному языку: учеб. пос. для студентов вузов, обучающихся по специальности «Иностранный язык». М.: ВЛАДОС, 2010. 210 с.
3. Щукин А.Н. Обучение иностранным языкам: Теория и практика: учебное пособие для преподавателей и студентов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Филоматис, 2006. 480 с.
4. Шишкова И.А., Вербовская М.Е. Английский для малышей. Книга для родителей и преподавателей / под ред. Н.А. Бонк. М.: Росмэн, 2006. 157 с.
5. Сальникова Е.С. Обучение дошкольников английскому языку // Science Time. 2015. № 6 (18). С. 446–451.
6. Задорожная Ю.И. Основные теоретические положения реализации духовно-нравственного воспитания дошкольников на занятиях по иностранному языку // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2015. № 1 (33). С. 205–210.
7. Дворягина Л.А. Развитие детской лингвистической одаренности в дошкольном возрасте // Образование личности. 2014. № 3. С. 100–103.
8. Нечаев Н.Н., Коряковцева О.В. Обучение иностранному языку детей дошкольного возраста // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. № 15 (648). С. 23–35.
9. Васильева С.С., Ларионова Л.С., Веденькина М.В. Развитие коммуникативной компетентности у детей дошкольного возраста в процессе обучения английскому языку // Гуманитарные исследования. 2015. № 3 (55). С. 113–119.
10. Никитенко З.Н. Начинаем изучать английский язык: кн. для учителя к учеб. пособию. 2-е изд. М.: Просвещение, 2013. 353 с.
11. Галанов А.С. Психическое и физическое развитие ребёнка от 3 до 5 лет: Пособие для работников дошкольных образовательных учреждений и родителей. 3-е изд., испр. и доп. М.: АРКТИ, 2006. 96 с.
12. Березина О.В. Особенности обучения иностранному языку детей старшего дошкольного возраста (психолого-педагогический аспект) // Современные тенденции в обучении иностранным языкам и межкультурной коммуникации: Материалы Международной заочной научно-практической конференции. Электросталь: Новый гуманитарный институт, 2011. С. 125–129.

13. Садырбаева Ж.Ж. Психологические особенности обучения английскому языку как иностранному детей дошкольного возраста // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. 2014. № 27. С. 58–60.

14. Еникеев М.И. Общая и социальная психология: учебник для вузов. М.: Издательская группа НОРМА–ИНФРА–М, 1999. 624 с.

15. Коньшева А.В. Современные методы обучения английскому языку. Изд. 2-е, стереотип. Мн.: ТетраСистемс, 2004. 176 с.

16. Землянская А.А., Яковлева Л.А. Ролевая игра как источник мотивации дошкольников при обучении английскому языку // Международный студенческий научный вестник. 2016. № 5–2. С. 203–204.

17. Евдокимова М.Н., Фоминых М.В. Игра как ведущий метод обучения дошкольников английскому языку // Молодой ученый. 2014. № 5–2 (64). С. 11.

18. Маслиева Е.С. Специфика организации контроля младших школьников по иностранному языку в

игровой форме // Проблемы современного педагогического образования. 2015. № 47–1. С. 159–164.

19. Василевич А.П. Учим детей английскому языку // Иностранные языки в школе. 2009. № 4. С. 75–80.

20. Алексеева Н.Д. Квест-экскурсия как инновационная форма экскурсионной деятельности // Вектор науки ТГУ. Серия: педагогика, психология. 2015. № 1. С. 14–17.

21. Рублёва Е.В. Новые образовательные тренды в обучении языкам // Вестник Центра международного образования Московского государственного университета. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2014. № 1. С. 124–130.

22. Размыслова Л.И. Квест-ориентирование как эффективная форма воспитания при обучении английскому языку // Психология и педагогика XXI века: теория, практика и перспективы материалы III Международной научно-практической конференции. 2015. С. 132–139.

QUEST AS AN INNOVATIVE METHOD OF TEACHING ENGLISH TO PRESCHOOLERS

© 2016

I.V. Tkach, master student of the Chair of Theory and Practice of Foreign Languages and Lingvodidactics

O.A. Mineeva, candidate of pedagogical sciences,

associate professor of the Chair of Foreign Language Professional Communication

Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Nizhny Novgorod (Russia)

Abstract. The paper deals with the method «quest» as an innovative method of teaching English to preschoolers. The authors describe objectives and principles of early learning, psychological characteristics of children's readiness to learn a foreign language and the contribution of learning a foreign language in the overall development of a child. The article discusses methods of game techniques, as well as the factors that determine the success of using games in the classroom for children of preschool age. The definition of «quest» is given in the paper, the possibility to use this method as one of gaming techniques in teaching English is described. The content of the quest includes modern audiovisual materials, tasks for listening, speaking, reading, recognition of the vocabulary. In addition to assignments aimed at learning a foreign language, the quest contains tasks for development of logical thinking, attention, motor development when creating an application. Practical application of this method for the study of the topic «Food» in the group of preschool students is considered: the overall concept of the quest, tasks, necessary props are described. The described method of learning a foreign language can be adapted to any age students and for any school subject.

Keywords: early English language learning; games learning methods; innovative teaching method; the quest; quest method; preschools; classes for preschool children; English language training; teaching English to preschoolers; learning through playing; the overall development of preschoolers.

НАШИ АВТОРЫ

Авдеев Юрий Михайлович, кандидат сельскохозяйственных наук, доцент кафедры геоэкологии и инженерной геологии
 Адрес: Вологодский государственный университет, 160000, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15
 E-mail: avdeevyur@yandex.ru

Анискин Владимир Николаевич, кандидат педагогических наук, доцент,
 декан факультета математики, физики и информатики
 Адрес: Самарский государственный социально-педагогический университет,
 443090, Российская Федерация, г. Самара, ул. Антонова-Овсеенко, д. 26
 E-mail: vnaniskin@gmail.com

Барацков Алексей Валерьевич, лаборант научно-исследовательской части
 Адрес: Самарский государственный социально-педагогический университет,
 443099, Российская Федерация, г. Самара, ул. Максима Горького, д. 65/67
 E-mail: bav88@list.ru

Батуева Надежда Сергеевна, магистрант кафедры древней и средневековой истории России
 Адрес: Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
 614990, Российская Федерация, г. Пермь, ул. Сибирская, д. 24
 E-mail: nadiabat@yandex.ru

Бейсенов Арман Зияденович, кандидат исторических наук, заведующий отделом первобытной археологии
 Адрес: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 050010, Казахстан, г. Алматы, пр. Достык, д. 44
 E-mail: azbeisenov@mail.ru

Беленов Николай Валерьевич, кандидат педагогических наук,
 доцент кафедры информационно-коммуникационных технологий в образовании
 Адрес: Самарский государственный социально-педагогический университет,
 443090, Российская Федерация, г. Самара, ул. Антонова-Овсеенко, д. 26
 E-mail: belen1982@rambler.ru

Беркутова Диана Искандеровна, кандидат педагогических наук,
 доцент кафедры технологий профессионального обучения
 Адрес: Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова,
 432001, Российская Федерация, г. Ульяновск, пл. 100-летия со дня рождения В.И. Ленина, д. 4
 E-mail: diana820329@mail.ru

Богданова Яна Андреевна, аспирант кафедры экологии, ботаники и охраны природы
 Адрес: Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва,
 443011, Россия, г. Самара, ул. Академика Павлова, д. 1
 E-mail: bogdanova.ya@yandex.ru

Брюхова Наталья Геннадьевна, научный сотрудник отдела истории, археологии и этнографии
 Адрес: Пермский научный центр УрО РАН, 614015, Российская Федерация, г. Пермь, ул. Ленина, д. 13а
 E-mail: nat-bryukhova@yandex.ru

Буковцова Нина Ивановна, кандидат педагогических наук,
 доцент кафедры логопедии, декан факультета психологии и специального образования
 Адрес: Самарский государственный социально-педагогический университет,
 443001, Российская Федерация, г. Самара, ул. Пушкина, д. 248
 E-mail: bukovtsova@pgsga.ru

Васильева Ирина Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник археологической лаборатории
 Адрес: Самарский государственный социально-педагогический университет,
 443099, Российская Федерация, г. Самара, ул. Максима Горького, д. 65/67
 E-mail: in.vasil@mail.ru

Васюков Владимир Михайлович, кандидат биологических наук,
 научный сотрудник лаборатории проблем фиторазнообразия
 Адрес: Институт экологии Волжского бассейна РАН,
 445003, Российская Федерация, Самарская обл., г. Тольятти, ул. Комзина, д. 10
 E-mail: vvasjukov@yandex.ru

Верещагина Нина Ивановна, учитель истории и обществознания
 Адрес: средняя общеобразовательная школа №2
 с углубленным изучением отдельных предметов п.г.т. Усть-Кинельский г.о. Кинель Самарской области,
 446442, Российская Федерация, Самарская область, г. Кинель, п.г.т. Усть-Кинельский, ул. Спортивная, д. 9
 E-mail: ninel-vvv@yandex.ru

Вилкова Евгения Александровна, кандидат биологических наук, доцент кафедры географии и экологии
 Адрес: Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова,
 432001, Российская Федерация, г. Ульяновск, пл. 100-летия со дня рождения В.И. Ленина, д. 4
 E-mail: karpreeva30@mail.ru

Виноградова Елена Николаевна, кандидат биологических наук, научный сотрудник лаборатории дендрологии
Адрес: Донецкий ботанический сад, 83059, Донецкая Народная Республика, г. Донецк, пр. Ильича, д. 110
E-mail: elena_vinogradova@meta.ua

Выборнов Александр Алексеевич, доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой отечественной истории и археологии
Адрес: Самарский государственный социально-педагогический университет,
443099, Российская Федерация, г. Самара, ул. Максима Горького, д. 65/67
E-mail: vibornov_kin@mail.ru

Годовова Елена Викторовна, кандидат исторических наук,
доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин
Адрес: Оренбургский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, 460000, Российская Федерация, г. Оренбург, ул. Курача, д. 26
E-mail: godovova@mail.ru

Горлов Сергей Евгеньевич, аспирант лаборатории проблем фиторазнообразия
Адрес: Институт экологии Волжского бассейна РАН, 445003,
Российская Федерация, Самарская обл., г. Тольятти, ул. Комзина, д. 10
E-mail: gorlov87@yandex.ru

Горшкова Татьяна Анатольевна, кандидат педагогических наук,
доцент кафедры методик математического и информационно-технологического образования
Адрес: Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова,
432001, Российская Федерация, г. Ульяновск, пл. 100-летия со дня рождения В.И. Ленина, д. 4
E-mail: uln75@mail.ru

Гослар Томаш, доктор наук, профессор, заведующий радиоуглеродной лабораторией
Адрес: Университет имени Адама Мицкевича в Познани, 61–712, Республика Польша, г. Познань
E-mail: goslar@radiocarbon.pl

Громова Екатерина Михайловна, кандидат педагогических наук,
доцент кафедры методик математического и информационно-технологического образования
Адрес: Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова,
432001, Российская Федерация, г. Ульяновск, пл. 100-летия со дня рождения В.И. Ленина, д. 4
E-mail: gromova_ek@mail.ru

Дуйсенгали Мейрам Нурланулы, аспирант кафедры истории России
Адрес: Оренбургский государственный педагогический университет,
460014, Российская Федерация, г. Оренбург, ул. Советская, д. 19
E-mail: duisengalimeiram@mail.ru

Ежова Олеся Николаевна, кандидат психологических наук,
профессор кафедры управления и информационно-технического обеспечения деятельности УИС
Адрес: Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний,
443022, Российская Федерация, г. Самара, ул. Рыльская, д. 24в
E-mail: e-olesja2008@mail.ru

Захарченко Алексей Владимирович, доктор исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой истории, международного права и зарубежного регионоведения
Адрес: Самарский филиал Московского городского педагогического университета,
443081, Российская Федерация, г. Самара, ул. Стара-Загора, д. 76
E-mail: zaharchenkoav@gmail.com

Звягин Григорий Александрович, докторант кафедры почвоведения и агрохимии,
Адрес: Казахский агротехнический университет имени С. Сейфуллина,
010000, Республика Казахстан, г. Астана, пр. Победы, д. 62
E-mail: regor1984111@rambler.ru

Ильина Наталья Анатольевна, доктор биологических наук, профессор кафедры географии и экологии
Адрес: Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова,
432001, Российская Федерация, г. Ульяновск, пл. 100-летия со дня рождения В.И. Ленина, д. 4
E-mail: n-ilina@mail.ru

Казакова Наталья Анатольевна, кандидат биологических наук, старший преподаватель кафедры географии и экологии
Адрес: Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова,
432001, Российская Федерация, г. Ульяновск, пл. 100-летия со дня рождения В.И. Ленина, д. 4
E-mail: nakaz17@mail.ru

Камалова Екатерина Сагитовна, аспирант кафедры экологии, ботаники и охраны природы
Адрес: Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва,
443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Академика Павлова, д. 1
E-mail: ekakam@yandex.ru

Касаткина Наталия Михайловна, кандидат биологических наук, доцент кафедры географии и экологии
 Адрес: Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова,
 432001, Российская Федерация, г. Ульяновск, пл. 100-летия со дня рождения В.И. Ленина, д. 4
 E-mail: kasatnm@mail.ru

Когут Борис Маратович, доктор сельскохозяйственных наук, заведующий отделом биологии и биохимии почв
 Адрес: Почвенный институт им. В.В. Докучаева, 119017, Российская Федерация, Москва, Пыжевский пер., 7, стр. 2
 E-mail: kogutb@mail.ru

Корнеева Юлия Васильевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры туризма и гостиничного дела
 Адрес: Поволжский государственный университет сервиса,
 445017, Российская Федерация, Самарская обл., г. Тольятти, ул. Гагарина, д. 4
 E-mail: jullka55@yandex.ru

Косинцев Павел Андреевич, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник лаборатории палеоэкологии
 Адрес: Институт экологии растений и животных УрО РАН, 620144, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 202
 E-mail: kra@ipae.uran.ru

Котельникова Мария Геннадьевна, аспирант кафедры экологии, ботаники и охраны природы
 Адрес: Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва,
 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Академика Павлова, д. 1
 E-mail: rizik230991@yandex.ru

Кулькова Марианна Алексеевна, кандидат геолого-минералогических наук, доцент кафедры геологии и геоэкологии
 Адрес: Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена,
 191186, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Набережная реки Мойки, д. 48
 E-mail: kulkova@mail.ru

Куришбаев Ахылбек Кажигулович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, председатель правления
 Адрес: Казахский агротехнический университет имени С. Сейфуллина,
 010000, Республика Казахстан, г. Астана, пр. Победы, д. 62
 E-mail: agun.rektor@gmail.com

Ломан Валерий Григорьевич, кандидат исторических наук, директор Сарыаркинского археологического института
 Адрес: Карагандинский государственный университет им. академика Е.А. Букетова,
 100028, Республика Казахстан, г. Караганда, ул. Университетская, д. 28
 E-mail: lvg7@yandex.ru

Лычагина Евгения Леонидовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры древней и средневековой истории России
 Адрес: Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
 614990, Российская Федерация, г. Пермь, ул. Сибирская, д. 24
 E-mail: lychaginae@mail.ru

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России
 Адрес: Оренбургский государственный педагогический университет,
 460014, Российская Федерация, г. Оренбург, ул. Советская, д. 19
 E-mail: svlubich@yandex.ru

Мартынова Виктория Владимировна, аспирант кафедры экологии, ботаники и охраны природы
 Адрес: Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва,
 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Академика Павлова, д. 1
 E-mail: tori741@mail.ru

Мещеряков Александр Валерьевич, педагог дополнительного образования
 Адрес: Центр детского творчества Промышленного района г. Оренбурга,
 460004, Российская Федерация, г. Оренбург, ул. Магнитогорская, д. 81
 E-mail: mescher90@mail.ru

Минеева Ольга Александровна, кандидат педагогических наук,
 доцент кафедры иноязычной профессиональной коммуникации
 Адрес: Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина,
 603600, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 1
 E-mail: mineevaolga@gmail.com

Мифтеева Диана Маратовна, аспирант кафедры истории России
 Адрес: Оренбургский государственный педагогический университет,
 460014, Российская Федерация, г. Оренбург, ул. Советская, д. 19
 E-mail: mifteeva1992@mail.ru

Мокина Наталья Николаевна, старший инспектор по кадрам отдела по работе с сотрудниками и студентами
 Адрес: Московский педагогический государственный университет,
 119991, Российская Федерация, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1
 E-mail: mokinann@mail.ru

Наши авторы

Никитин Николай Александрович, аспирант кафедры биологии, экологии и методики обучения

Адрес: Самарский государственный социально-педагогический университет,
443090, Российская Федерация, г. Самара, ул. Антонова-Овсеенко, д. 26
E-mail: nikitin@pgsga.ru

Носков Сергей Александрович, преподаватель кафедры психологии и педагогики

Адрес: Самарский государственный технический университет,
443100, Российская Федерация, г. Самара, ул. Молодогвардейская, д. 244
E-mail: noskovsergey26@gmail.com

Оспанова Алма Асылхановна, аспирант кафедры истории России

Адрес: Оренбургский государственный педагогический университет,
460014, Российская Федерация, г. Оренбург, ул. Советская, д. 19
E-mail: alma.ospanova2013@yandex.ru

Останко Владимир Михайлович, доктор биологических наук, профессор,

заведующий отделом природной флоры и заповедного дела, заместитель директора по научной работе
Адрес: Донецкий ботанический сад, 83059, Донецкая Народная Республика, г. Донецк, проспект Ильича, д. 110
E-mail: ostarpo@mail.ru

Плеханова Татьяна Михайловна, старший преподаватель кафедры психологии и педагогики

Адрес: Самарский государственный технический университет,
443100, Российская Федерация, г. Самара, ул. Молодогвардейская, д. 244
E-mail: politeh@li.ru

Позднякова Оксана Константиновна, доктор педагогических наук, профессор,

член-корреспондент Российской академии образования, профессор кафедры педагогики и психологии
Адрес: Самарский государственный социально-педагогический университет,
443099, Российская Федерация, г. Самара, ул. Максима Горького, д. 65/67
E-mail: oksana.pozdnyakova@pgsga.ru

Попов Дмитрий Владиславович, старший преподаватель кафедры общей физики и физики нефтегазового производства

Адрес: Самарский государственный технический университет,
443100, Российская Федерация, г. Самара, ул. Молодогвардейская, д. 244
E-mail: popovgoldmer@mail.ru

Приходько Светлана Анатольевна, кандидат биологических наук,

старший научный сотрудник отдела природной флоры и заповедного дела, директор
Адрес: Донецкий ботанический сад, 83059, Донецкая Народная Республика, г. Донецк, проспект Ильича, д. 110
E-mail: zura_nsh@mail.ru

Рыблова Алла Николаевна, доктор педагогических наук, профессор,

профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации
Адрес: Российский новый университет, 105005, Российская Федерация, г. Москва, ул. Радио, д. 22
E-mail: alla.r61@mail.ru

Рябинова Елена Николаевна, доктор педагогических наук,

профессор кафедры высшей математики и прикладной информатики
Адрес: Самарский государственный технический университет,
443100, Российская Федерация, г. Самара, ул. Молодогвардейская, д. 244
E-mail: eryabinova@mail.ru

Саксонов Сергей Владимирович, доктор биологических наук, профессор,

заместитель директора по научной работе, заведующий лабораторией проблем фиторазнообразия
Адрес: Институт экологии Волжского бассейна РАН,
445003, Российская Федерация, Самарская обл., г. Тольятти, ул. Комзина, д. 10
E-mail: sv saxonoff@yandex.ru

Салов Александр Игоревич, кандидат педагогических наук, доцент, ректор

Адрес: Академия социального управления, 129344, Российская Федерация, г. Москва, ул. Енисейская, д. 3, корп. 3
E-mail: salovalex69@mail.ru

Сидякина Лариса Валерьевна, аспирант лаборатории проблем фиторазнообразия

Адрес: Институт экологии Волжского бассейна РАН,
445003, Российская Федерация, Самарская обл., г. Тольятти, ул. Комзина, д. 10
E-mail: larasidyakina@mail.ru

Снетилова Валерия Сергеевна, магистрант кафедры геоэкологии и инженерной геологии

Адрес: Вологодский государственный университет, 160000, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15
E-mail: snetilovalera@yandex.ru

Стаценко Елена Рудольфовна, кандидат педагогических наук, доцент, декан факультета искусств и сервиса

Адрес: Мурманский арктический государственный университет,
183038, Российская Федерация, г. Мурманск, ул. Капитана Егорова, д. 15
E-mail: lenok255577@mail.ru

Султанова Татьяна Анатольевна, кандидат педагогических наук,
доцент кафедры общей и профессиональной педагогики
Адрес: Оренбургский государственный университет, 460018, Российская Федерация, г. Оренбург, пр. Победы, д. 13
E-mail: sultatayana@yandex.ru

Ткач Ирина Владимировна, магистрант кафедры теории и практики иностранных языков и лингводидактики
Адрес: Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина,
603600, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 1
E-mail: irancity@yandex.ru

Трояновский Константин Вадимович, аспирант департамента истории
Адрес: Санкт-Петербургская школа социальных и гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», 198099, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Промышленная, д. 17
E-mail: troianowski@rambler.ru

Улендеева Наталия Ивановна, кандидат педагогических наук,
доцент кафедры управления и информационно-технического обеспечения деятельности УИС
Адрес: Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний,
443022, Российская Федерация, г. Самара, ул. Рыльская, д. 24в
E-mail: nulendeeva@mail.ru

Филиппсен Бенге, научный сотрудник центра радиоуглеродного датирования
Адрес: Орхусский университет, 8000, Королевство Дания, г. Орхус
E-mail: bphilipp@phys.au.dk

Фокина Мария Евгеньевна, кандидат биологических наук, доцент кафедры зоологии, генетики и общей экологии
Адрес: Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва,
443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Академика Павлова, д. 1
E-mail: mariyafok@mail.ru

Фуфаева Татьяна Валентиновна, аспирант кафедры географии и экологии
Адрес: Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова,
432001, Российская Федерация, г. Ульяновск, пл. 100-летия со дня рождения В.И. Ленина, д. 4
E-mail: tanya-fufaeva@yandex.ru

Хамитова Светлана Михайловна, кандидат сельскохозяйственных наук,
доцент кафедры геоэкологии и инженерной геологии
Адрес: Вологодский государственный университет, 160000, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15
E-mail: xamitowa.sveta@yandex.ru

Храмкова Елена Ленаровна, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и археологии
Адрес: Самарский государственный социально-педагогический университет,
443099, Российская Федерация, г. Самара, ул. Максима Горького, д. 65/67
E-mail: hramkova@rambler.ru

Шакуров Алмаз Ильгизярович, аспирант кафедры биологии, экологии и методики обучения
Адрес: Самарский государственный социально-педагогический университет,
443090, Российская Федерация, г. Самара, ул. Антонова-Овсеенко, д. 26
E-mail: almaz.shakurov.91@mail.ru

Шевчук Оксана Михайловна, доктор биологических наук,
заведующий лабораторией ароматических и лекарственных растений
Адрес: Никитский ботанический сад – Национальный научный центр РАН,
298648, Российская Федерация, Республика Крым, г. Ялта, п.г.т. Никита, Ботанический спуск, д. 52
E-mail: oksana_shevchuk1970@mail.ru

Юдин Александр Иванович, доктор исторических наук, заместитель директора по научной работе
Адрес: Научно-исследовательский центр по сохранению культурного наследия,
410003, Российская Федерация, г. Саратов, ул. Глебучев Овраг, д. 492
E-mail: aleyudin@yandex.ru

Ярославцева Надежда Васильевна, кандидат сельскохозяйственных наук,
научный сотрудник отдела биологии и биохимии почв
Адрес: Почвенный институт им. В.В. Докучаева,
119017, Российская Федерация, г. Москва, Пыжевский пер., д. 7, стр. 2
E-mail: yaroslavtseva_nv@esoil.ru

OUR AUTHORS

Aniskin Vladimir Nicolaevich, candidate of pedagogical sciences, associate professor, dean of the Faculty of Mathematics, Physics, and Computer Science
Address: Samara State University of Social Sciences and Education, 443090, Russian Federation, Samara, Antonov-Ovseenko street, 26
E-mail: vnaniskin@gmail.com

Avdeyev Yury Mikhailovich, candidate of agricultural sciences, associate professor of the Chair of Geocology and Engineering Geology
Address: Vologda State University, 160000, Russian Federation, Vologda, Lenin street, 15
E-mail: avdeevyur@yandex.ru

Baratskov Alexey Valerievich, laboratory assistant of Research Department
Address: Samara State University of Social Sciences and Education, 443099, Russian Federation, Samara, Maxim Gorky street, 65/67
E-mail: bav88@list.ru

Batueva Nadezhda Sergeevna, master student of the Chair of Ancient and Middle History of Russia
Address: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 614990, Russian Federation, Perm, Sibirskaya street, 24
E-mail: nadiabat@yandex.ru

Beisenov Arman Ziyadenovich, candidate of historical sciences, head of the Prehistoric Department
Address: A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, 050010, Republic of Kazakhstan, Alma-Ata, Dostyk street, 44
E-mail: azbeisenov@mail.ru

Belenov Nikolay Valeryevich, candidate of pedagogical sciences, associate professor of the Chair of Information and Communication Technologies in Education
Address: Samara State University of Social Sciences and Education, 443090, Russian Federation, Samara, Antonov-Ovseenko street, 26
E-mail: belen1982@rambler.ru

Berkutova Diana Iskanderovna, candidate of pedagogical sciences, associate professor of the Chair of Technologies of Vocational Education
Address: Ulyanovsk State Pedagogical University, 432001, Russian Federation, Ulyanovsk, 100th anniversary of the birth of V.I. Lenin square, 4
E-mail: diana820329@mail.ru

Bogdanova Yana Andreevna, postgraduate student of the Chair of Ecology, Botany and Nature Protection
Address: Samara National Research University, 443011, Russian Federation, Samara, Academic Pavlov street, 1
E-mail: bogdanova.ya@yandex.ru

Bryukhova Natalya Gennadyevna, researcher of the Department of History, Archaeology and Ethnography
Address: Perm Scientific Center of Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 614015, Russian Federation, Perm, Lenina street, 13a
E-mail: nat-bryukhova@yandex.ru

Bukovtsova Nina Ivanovna, candidate of pedagogical sciences, associate professor of the Chair of Speech and Language Therapy, dean of the Faculty of Psychology and Special Education
Address: Samara State University of Social Sciences and Education, 443001, Russian Federation, Samara, Pushkin street, 26
E-mail: bukovtsova@pgsga.ru

Duisengali Meyram Nurlanuly, postgraduate student of the Chair of history of Russia
Address: Orenburg State Pedagogical University, 460014, Russian Federation, Orenburg, Sovetskaya street, 19
E-mail: duisengalimeiram@mail.ru

Fokina Mariya Evgenyevna, candidate of biological sciences, associate professor of the Chair of Zoology, Genetics and Common Ecology
Address: Samara National Research University, 443011, Russian Federation, Samara, Academic Pavlov street, 1
E-mail: mariyafok@mail.ru

Fufaeva Tatyana Valentinovna, postgraduate student of the Chair of Geography and Ecology
Address: Ulyanovsk State Pedagogical University, 432001, Russian Federation, Ulyanovsk, 100th anniversary of the birth of V.I. Lenin square, 4
E-mail: tanya-fufaeva@yandex.ru

Godovova Elena Victorovna, candidate of historical sciences, associate professor of the Chair of Humanities and Socio-Economic Disciplines
Address: Orenburg Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 460000, Russian Federation, Orenburg, Kurach street, 26
E-mail: godovova@mail.ru

Gorlov Sergey Evgenievich, postgraduate student of the Laboratory of Problems of Phytodiversity
Address: Institute of Ecology of the Volga River Basin of Russian Academy of Sciences,
445003, Russian Federation, Samara Region, Togliatti, Komzin street, 10
E-mail: gorlov87@yandex.ru

Gorshkova Tatyana Anatolyevna, candidate of pedagogical sciences,
associate professor of the Chair of Mathematical Methods and Technological Education
Address: Ulyanovsk State Pedagogical University,
432001, Russian Federation, Ulyanovsk, 100th anniversary of the birth of V.I. Lenin square, 4
E-mail: uln75@mail.ru

Goslar Tomasz, PhD., professor, head of the Radiocarbon Laboratory
Address: Adam Mickiewicz University in Poznan, 61-712, Republic of Poland, Poznan, H. Wieniawskiego street, 1
E-mail: goslar@radiocarbon.pl

Gromova Ecatherine Mihajlovna, candidate of pedagogical sciences,
associate professor of the Chair of Mathematical Methods and Technological Education
Address: Ulyanovsk State Pedagogical University,
432001, Russian Federation, Ulyanovsk, 100th anniversary of the birth of V.I. Lenin square, 4
E-mail: gromova_ek@mail.ru

Ilyina Natalya Anatolyevna, doctor of biological sciences, professor of the Chair of Geography and Ecology
Address: Ulyanovsk State Pedagogical University,
432001, Russian Federation, Ulyanovsk, 100th anniversary of the birth of V.I. Lenin square, 4
E-mail: n-ilina@mail.ru

Kamalova Ekaterina Sagitovna, postgraduate student of the Chair of Ecology, Botany and Nature Protection
Address: Samara National Research University, 443011, Russian Federation, Samara, Academic Pavlov street, 1
E-mail: ekakam@yandex.ru

Kasatkina Nataliya Mikhailovna, candidate of biological sciences, associate professor of the Chair of Geography and Ecology
Address: Ulyanovsk State Pedagogical University,
432001, Russian Federation, Ulyanovsk, 100th anniversary of the birth of V.I. Lenin square, 4
E-mail: kasatnm@mail.ru

Kzakova Natalya Anatolyevna, candidate of biological sciences, senior lecturer of the Chair of Geography and Ecology
Address: Ulyanovsk State Pedagogical University,
432001, Russian Federation, Ulyanovsk, 100th anniversary of the birth of V.I. Lenin square, 4
E-mail: nakaz17@mail.ru

Khamitova Svetlana Mikhailovna, candidate of agricultural sciences,
associate professor of the Chair of Geocology and Engineering Geology
Address: Vologda State University, 160000, Russian Federation, Vologda, Lenin street, 15
E-mail: xamitova.sveta@yandex.ru

Khramkova Elena Lenarovna, doctor of historical sciences, professor of the Chair of Domestic History and Archeology
Address: Samara State University of Social Sciences and Education,
443099, Russian Federation, Samara, Maxim Gorky street, 65/67
E-mail: hramkova@rambler.ru

Kogut Boris Maratovich, doctor of agricultural sciences, head of the Department of Soil Biology and Biochemistry
Address: V.V. Dokuchaev Soil Science Institute, 119017, Russian Federation, Moscow, Pyzhyovsky lane, 7/2
E-mail: kogutb@mail.ru

Korneeva Julia Vasilievna, candidate of historical sciences, associate professor of the Chair of Tourism and Hotel Business
Address: Volga Region State University of Service, 445017, Russian Federation, Samara Region, Togliatti, Gagarin street, 4
E-mail: jullka55@yandex.ru

Kosintsev Pavel Andreevich, candidate of biological sciences, senior researcher of the Laboratory of Paleoecology
Address: Institute of Plant and Animal Ecology of Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
620144, Russian Federation, Ekaterinburg, 8 Marta street, 202
E-mail: kpa@ipae.uran.ru

Kotelnikova Mariya Gennadevna, postgraduate student of the Chair of Ecology, Botany and Nature Protection
Address: Samara National Research University, 443011, Russian Federation, Samara, Academic Pavlov street, 1
E-mail: rizik230991@yandex.ru

Kulkova Marianna Alexeevna, candidate of geological and mineralogical sciences,
associate professor of the Chair of Geology and Geocology
Address: Herzen State Pedagogical University of Russia, 191186, Russian Federation, Saint Petersburg, Moika embankment, 48
E-mail: kulkova@mail.ru

Kurishbayev Akhylbek Kazhigulovich, doctor of agricultural sciences, professor, chairman of the board
Address: S. Seifullin Kazakh Agro-Technical University, 010000, Republic of Kazakhstan, Astana, Prospect Pobedy, 62
E-mail: agun.rektor@gmail.com

Our authors

Loman Valeriy Grigoryevich, candidate of historical sciences, director of the Saryarka Archaeological Institute
Address: Buketov Karaganda State University, 100028, Republic of Kazakhstan, Karaganda, Universitetskaya street, 28
E-mail: lvg7@yandex.ru

Lychagina Evgenia Leonidovna, candidate of historical sciences,
associate professor of the Chair of Ancient and Middle History of Russia
Address: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 614990, Russian Federation, Perm, Sibirskaya street, 24
E-mail: lychagina@mail.ru

Lyubichankovskiy Sergey Valentinovich, doctor of historical sciences, professor, head of the Chair of History of Russia
Address: Orenburg State Pedagogical University, 460014, Russian Federation, Orenburg, Sovetskaya street, 19
E-mail: svlubich@yandex.ru

Martynova Victoria Vladimirovna, postgraduate student of the Chair of Ecology, Botany and Nature Protection
Address: Samara National Research University, 443011, Russian Federation, Samara, Academic Pavlov street, 1
E-mail: tori741@mail.ru

Meshcheryakov Alexander Valerievich, pedagogue of additional education
Address: Children's Art Centre of Industrial District of Orenburg, 460004, Russian Federation, Orenburg, Magnitogorskaya street, 81
E-mail: mescher90@mail.ru

Mifteeva Diana Maratovna, postgraduate student of the Chair of history of Russia
Address: Orenburg State Pedagogical University, 460014, Russian Federation, Orenburg, Sovetskaya street, 19
E-mail: mifteeva1992@mail.ru

Mineeva Olga Alexandrovna, candidate of pedagogical sciences,
associate professor of the Chair of Foreign Language Professional Communication
Address: Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, 603600, Russian Federation, Nizhny Novgorod, Ulyanov street, 1
E-mail: mineevaolga@gmail.com

Mokina Natalia Nikolaevna, senior inspector for personnel of the Department on Work with Staff and Students
Address: Moscow Pedagogical State University, 119991, Russian Federation, Moscow, Malaya Pirogovskaya street, 1/1
E-mail: mokinann@mail.ru

Nikitin Nikolay Alexandrovich, postgraduate student of the Chair of Biology, Ecology and Methods of Teaching
Address: Samara State University of Social Sciences and Education,
443090, Russian Federation, Samara, Antonov-Ovseenko street, 26
E-mail: nikitin@pogsga.ru

Noskov Sergey Aleksandrovich, lecturer of the Chair of Psychology and Pedagogics
Address: Samara State Technical University, 443100, Russian Federation, Samara, Molodogvardeyskaya street, 244
E-mail: noskovsergey26@gmail.com

Ospanova Alma Asylhanovna, postgraduate student of the Chair of history of Russia
Address: Orenburg State Pedagogical University, 460014, Russian Federation, Orenburg, Sovetskaya street, 19
E-mail: alma.ospanova2013@yandex.ru

Ostapko Vladimir Mikhailovich, doctor of biological sciences, professor,
head of the Department of Natural Flora and Nature Conservation, deputy director for scientific work
Address: Donetsk Botanical Garden, 83059, Donetsk People's Republic, Donetsk, Prospect Illicha, 110
E-mail: ostapko@mail.ru

Philippsen Bente, researcher of Radiocarbon Dating Center
Address: Aarhus University, 8000, Kingdom of Denmark, Aarhus, Nordre Ringgade, 1
E-mail: bphilipp@phys.au.dk

Plekhanova Tatiana Mikhailovna, senior lecturer of the Chair of Psychology and Pedagogics
Address: Samara State Technical University, 443100, Russian Federation, Samara, Molodogvardeyskaya street, 244
E-mail: politeh@li.ru

Popov Dmitry Vladislavovich, senior lecturer of the Chair of General Physics and Physics of Oil and Gas Production
Address: Samara State Technical University, 443100, Russian Federation, Samara, Molodogvardeyskaya street, 244
E-mail: popovgoldmer@mail.ru

Pozdnyakova Oksana Konstantinovna, doctor of pedagogical sciences, professor,
corresponding member of Russian Academy of Education, professor of the Pedagogy and Psychology Department
Address: Samara State University of Social Sciences and Education,
443099, Russian Federation, Samara, Maxim Gorky street, 65/67
E-mail: oksana.pozdnyakova@pogsga.ru

Prikhodko Svetlana Anatolievna, candidate of biological sciences,
senior researcher of the Department of Natural Flora and Nature Conservation, director
Address: Donetsk Botanical Garden, 83059, Donetsk People's Republic, Donetsk, Prospect Illicha, 110
E-mail: zura_nsh@mail.ru

Ryabinova Elena Nicolaevna, doctor of pedagogical sciences,
professor of the Chair of Higher Mathematics and Applied Computer Science
Address: Samara State Technical University, 443100, Russian Federation, Samara, Molodogvardeyskaya street, 244
E-mail: eryabinova@mail.ru

Ryblova Alla Nicolaevna, doctor of pedagogical sciences, professor,
professor of Linguistics and Intercultural Communication Department
Address: Russian New University, 105005, Russian Federation, Moscow, Radio street, 22
E-mail: alla.r61@mail.ru

Saksonov Sergey Vladimirovich, doctor of biological sciences, professor,
deputy director for scientific work, head of the Laboratory of Problems of Phytodiversity
Address: Institute of Ecology of the Volga River Basin of Russian Academy of Sciences,
445003, Russian Federation, Samara Region, Togliatti, Komzin street, 10
E-mail: svksaxonoff@yandex.ru

Salov Alexander Igorevich, candidate of pedagogical sciences, associate professor, rector
Address: Academy of Public Administration, 129344, Russian Federation, Moscow, Eniseyskaya street, 3/3
E-mail: salovalex69@mail.ru

Shakurov Almaz Ilgizyarovich, postgraduate student of the Chair of Biology, Ecology and Methods of Teaching
Address: Samara State University of Social Sciences and Education,
443090, Russian Federation, Samara, Antonov-Ovseenko street, 26
E-mail: almaz.shakurov.91@mail.ru

Shevchuk Oksana Mikhailovna, doctor of biological sciences, head of the Laboratory of Aromatic and Medicinal Plants
Address: Nikita Botanical Garden – National Research Center of Russian Academy of Sciences,
298648, Russian Federation, Yalta, u.t.s. Nikita, Botanicheskiy spusk, 52
E-mail: oksana_shevchuk1970@mail.ru

Sidyakina Larisa Valerievna, postgraduate student of the Laboratory of Problems of Phytodiversity
Address: Institute of Ecology of the Volga River Basin of Russian Academy of Sciences,
445003, Russian Federation, Samara Region, Togliatti, Komzin street, 10
E-mail: larasidyakina@mail.ru

Snetilova Valeria Sergeevna, master student of the Chair of Geoecology and Engineering Geology
Address: Vologda State University, 160000, Russian Federation, Vologda, Lenin street, 15
E-mail: snetilovalera@yandex.ru

Statsenko Elena Rudolfovna, candidate of pedagogical sciences, associate professor, dean of the Faculty of Arts and Service
Address: Murmansk Arctic State University, 183038, Russian Federation, Murmansk, Capitan Egorov street, 15
E-mail: lenok255577@mail.ru

Sultanova Tatyana Anatolievna, candidate of pedagogical sciences,
associate professor of the Chair of General and Professional Pedagogy
Address: Orenburg State University, 460018, Russian Federation, Orenburg, Prospect Pobedy, 13
E-mail: sulttatyana@yandex.ru

Tkach Irina Vladimirovna, master student of the Chair of Theory and Practice of Foreign Languages and Lingvodidactics
Address: Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, 603600, Russian Federation, Nizhny Novgorod, Ulyanov street, 1
E-mail: irancity@yandex.ru

Troianowski Constantin Vadimovich, postgraduate student of the Department of History
Address: Saint Petersburg School of Social Sciences and Humanities of National Research University
«Higher School of Economics», 198099, Russian Federation, Saint Petersburg, Promyshlennaya street, 17
E-mail: troianowski@rambler.ru

Ulendeeva Natalia Ivanovna, candidate of pedagogical sciences,
associate professor of the Chair of Management and Information Technology Service of Penitentiary System
Address: Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
443022, Russian Federation, Samara, Rylskaya street, 24v
E-mail: nulendeeva@mail.ru

Vasilieva Irina Nicolaevna, candidate of historical sciences, senior researcher of Laboratory of Archaeology
Address: Samara State University of Social Sciences and Education,
443099, Russian Federation, Samara, Maxim Gorky street, 65/67
E-mail: in.vasil@mail.ru

Vasjukov Vladimir Mikhailovich, candidate of biological sciences, researcher of the Laboratory of Problems of Phytodiversity
Address: Institute of Ecology of the Volga River Basin of Russian Academy of Sciences,
445003, Russian Federation, Samara Region, Togliatti, Komzin street, 10
E-mail: vvasjukov@yandex.ru

Our authors

Vereshchagina Nina Ivanovna, teacher of history and social science

Address: Secondary School №2 with Profound Studying of Separate Subjects of Ust-Kinelsky Urban-Type Settlement of Kinel Urban Okrug of Samara Region, 446442, Russian Federation, Samara Region, Kinel, u.t.s. Ust-Kinelsky, Sportivnaya street, 9
E-mail: ninel-vvv@yandex.ru

Vilkova Evgeniya Alexandrovna, candidate of biological sciences, associate professor of the Chair of Geography and Ecology

Address: Ulyanovsk State Pedagogical University,
432001, Russian Federation, Ulyanovsk, 100th anniversary of the birth of V.I. Lenin square, 4
E-mail: karpeeva30@mail.ru

Vinogradova Elena Nikolaevna, candidate of biological sciences, researcher of the Laboratory of Dendrology

Address: Donetsk Botanical Garden, 83059, Donetsk People's Republic, Donetsk, Prospect Illicha, 110
E-mail: elena_vinogradova@meta.ua

Vybornov Alexander Alexeevich, doctor of historical sciences, professor, head of the Chair of Domestic History and Archeology

Address: Samara State University of Social Sciences and Education,
443099, Russian Federation, Samara, Maxim Gorky street, 65/67
E-mail: vibornov_kin@mail.ru

Yaroslavtseva Nadezhda Vasilevna, candidate of agricultural sciences,

researcher of the Department of Soil Biology and Biochemistry

Address: V.V. Dokuchaev Soil Science Institute, 119017, Russian Federation, Moscow, Pyzhyovsky lane, 7/2
E-mail: yaroslavtseva_nv@esoil.ru

Yezhova Olesya Nikolaevna, candidate of psychological sciences,

professor of the Chair of Management and Information Technology Service of Penitentiary System

Address: Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
443022, Russian Federation, Samara, Rylskaya street, 24v
E-mail: e-olesja2008@mail.ru

Yudin Alexander Ivanovich, doctor of historical sciences, deputy director for scientific work

Address: Research Center for the Preservation of Cultural Heritage,
410003, Russian Federation, Saratov, Glebuhev Ovrage street, 492
E-mail: aleyudin@yandex.ru

Zaharchenko Alexey Vladimirovich, doctor of historical sciences, associate professor,

head of the Chair of History, International Law and Foreign of Regional Studies

Address: Samara Branch of Moscow City Pedagogical University, 443081, Russian Federation, Samara, Stara-Zagora street, 76
E-mail: zaharchenkoav@gmail.com

Zvyagin Grigoriy Aleksandrovich, doctoral candidate of the Chair of Soil Science and Agricultural Chemistry

Address: S. Seifullin Kazakh Agro-Technical University, 010000, Republic of Kazakhstan, Astana, Prospect Pobedy, 62
E-mail: regor1984111@rambler.ru